

КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Литературный ежегодник

Орган творческого объединения писателей Коломны

ИЗДАЁТСЯ КОМИТЕТОМ ПО КУЛЬТУРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА КОЛОМНА

ВЫХОДИТ
С 1997 ГОДА

2012

ВЫПУСК
ШЕСТНАДЦАТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

**ПЕРВАЯ
КОЛОНКА**

ПРОЗА

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ГЕНЕРАЛАМ

ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА.....5

РОМАН СЛАВАЦКИЙ

КНИГА ГОРОДА.....7

ВАЛЕРИЙ КОРОЛЁВ

ДВА РАССКАЗА 15

НИНА МАКСИМОВА

ДОЧКИ-МАТЕРИ. Рассказ.....33

АЛЕКСЕЙ КУРГАНОВ

МУСУЛЬМАНКА. Рассказ.....45

ЛАРИСА МОРОЗОВА

ВИД НА КРЫЛЬЯ В ЗЕЛЁНОЙ

КОМНАТЕ. Рассказ.....53

КОНСТАНТИН КОСТЕНКО

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ.....63

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ

ФЕДИНА ЖИЗНЬ . Рассказы71

ПОЭЗИЯ

ГРИГОРИЙ ВИХРОВ

ВСЯ ЖИЗНЬ —
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....81

ОЛЕГ КОЧЕТКОВ

ПРОСТОР ОТЕЧЕСТВА.....97

АНАТОЛИЙ ПРЕЛОВСКИЙ

ПРОДЛИТСЯ ЖИЗНЬ 103

ТАТЬЯНА БАШКИРОВА

ЭТИ РУССКИЕ ДАЛИ..... 111

ЕЛЕНА КУЗИНА

ИЗ ЦИКЛА «ТАНДЕМЫ»..... 119

МИХАИЛ БОЛДЫРЕВ

ЛЮБИ ДАЛЁКУЮ ЗВЕЗДУ..... 123

НАТАЛЬЯ КРАСЮКОВА

ПЕРЕВОЖУ ТЕБЯ ПО СЛОГАМ 129

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ

ПИТЕРСКАЯ КОЛОМНА 137

СЕРГЕЙ КАЛАБУХИН

БИТВА ЗА ПРИБАЛТИКУ 161

ЗАРЕВО НАД МОСКВОЙ

АЛЕКСАНДР НИКАНДРОВ

СМУТА В РУССКОМ
ГОСУДАРСТВЕ..... 177

НИСОН ВАТНИК, ВАДИМ КИРИЧЕНКО, НИКОЛАЙ ШЕПЕЛЁВ

КОЛОМНА. 1812 ГОД..... 191

АЛЕКСАНДР САХАРОВ

«НЕДАРОМ ПОМНИТ
ВСЯ РОССИЯ...»215

В ЗЕРКАЛЕ СТОЛЕТИЙ

АРХИДИАКОН ПАВЕЛ АЛЕППСКИЙ	
ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИОХИЙСКОГО ПАТРИАРХА МАКАРИЯ В РОССИЮ	237
Послесловие Романа Славацкого	244

МИХАИЛ МАКСИМОВИЧ	
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ	247
Послесловие Нисона Ватника	251

ИВАН СЛОНОВ	
В КОЛОМНЕ	253
Послесловие Анатолия Кузовкина	264

ПЕРВАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ	
ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ РУССКОГО ОФИЦЕРА	267
Послесловие Владимира Викторовича	291

ПОРТРЕТЫ

ВЕРОНИКА УШАКОВА	
ОДАРЁННОСТЬ МНОГОЛИКОСТЬЮ.....	295

ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ	
ДОЛГИЙ СВЕТ	307

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

ТАТЬЯНА КОНДРАТОВА	
«ЕЩЁ МЕНЯ ЛЮБИТЕ ЗА ТО, ЧТО Я УМРУ»	323

МУЗЫКА

ГАЛИНА КУЗНЕЦОВА	
АЛЯБЬЕВСКАЯ ШКОЛА	339

ГАЛИНА ГОРЧАКОВА	
НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ ИЗ ЖИЗНИ КОМПОЗИТОРА.....	351

НЕМЕЦКОЕ ЛЕТО

И.В. ГЁТЕ

ПЕТЬ, ЧТОБ ЗВЁЗДАМ
ЗАЖИГАТЬСЯ 363

ВАЛЬДЕМАР ВАНКЕ

Я УЕХАЛ ДАЛЕКО-ДАЛЕКО 369

РОДИМАЯ СТОРОНА

РОМАН СЛАВАЦКИЙ

ПЯТНИЦКИЕ ВОРОТА 381

ВАЛЕРИЙ ЯРХО

ОТ РАЗБОЙНОГО ПРИКАЗА —
К ПОЛИЦИИ 401

АЛЕКСЕЙ ВУЛЬФОВ

ГДЕ РОДИНА МОЯ ЕЩЁ ЖИВА... 427

МИХАИЛ АМОСОВ

ЗАГАДКА КОЛОМЕНСКОГО
НАДЧЕКАНА..... 443

ДРАГОЦЕННОЕ ИМЯ

Титульный лист «Коломенского альманаха» украсился ещё одной наградой. 17 ноября 2011 года на литературном вечере в Культурном центре «Дом Озерова» нашей редколлегии была вручена медаль Лажечникова. Для коломенцев это поистине священное имя.

В нём воплощаются все лучшие черты русского писателя: совестливость, благородство, серьёзное и честное отношение к своему труду, доброта и сердечная любовь к Родине.

И мы горды тем, что город оценил наш труд, присвоив ежегоднику почётную литературную награду. Это не только признание заслуг сегодняшних прозаиков и поэтов. Это ещё и дань благодарности учёным и писателям уже ушедшим, тем, кто своим трудом приумножал духовное богатство Коломны.

Теперь увековеченный в металле образ великого земляка И.И. Лажечникова будет вдохновлять нас. И мы не уроним ни чести его, ни славы.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

(1892–1941)

ГЕНЕРАЛАМ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери, — вчера —
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицерá!

Вам все вершины были малы
И мягок — самый чёрствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустёртой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвёртый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало — трое!
Лишь мёртвый не вставал
с земли!
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!

Что так же трогательно-юно,
Ка́ ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие —
И весело переходили
В небытие.

26 декабря 1913 года

Первая колонка

КНИГА ГОРОДА

Перевернута вот уже 835-я страница летописи Коломны... Словно огромный древний фолиант, лежит она в потаённой библиотеке, облачённая в тяжёлый дощатый переплёт, обтянутая потемневшей кожей веков. А на поверхности, словно массивные чеканные бронзовые накладки и запоры, бугрятся кремлёвские башни и стены, позолотой и самоцветными камнями просверкивают силуэты церквей...

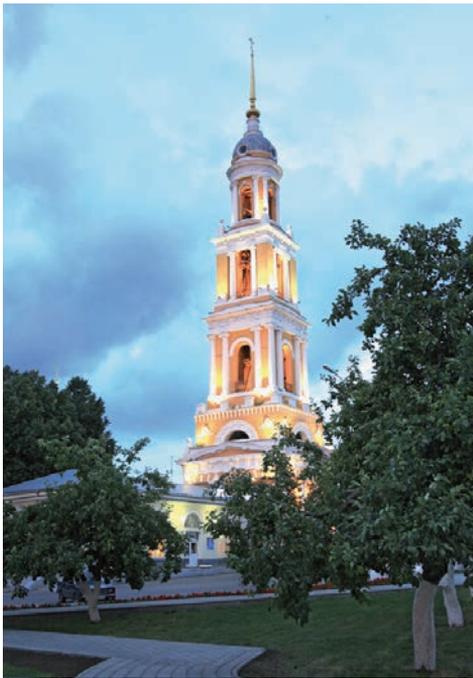
Что скрывается за этим покровом? Страницы лет — подземные пласты культурного слоя. И каждая такая страница отзывается громом военных сборов, дымом осад и пожарищ...

И, мысленно перебирая эти памятные закладки, мы возвращаемся в прошлое. И картины сражений и народных празднеств оживают перед нами, точно старинные миниатюры.

Четыреста лет прошло с тех пор, как пролетели над нашим кремлём грозы Смутного времени. Отряды авантюристов и самозванцев, коломенские дворяне и стрельцы, надменная царица Марина и отважный коломенский владыка Иосиф, восставший против иноземных захватчиков, славный воевода князь Пожарский... Их тени до сих пор беспокоят нас: то отзвуками вражды, то картинами подвигов.

Перевернём ещё несколько страниц — и перед нами откроются события 200-летней давности.

Отечественная война 1812 года... До сих пор мы поражаемся тому невероятному мужеству и нечеловеческому терпению, которые явили наши предки и благодаря которым Великая армия была практически полностью истреблена на просторах России. Ни полководческий гений Наполеона, ни исполинские размеры его войска не

выстояли против русской веры и русского упрства.

Но можем ли мы в полной мере представить себе величие народного подвига? Ведь эта история не исчерпывается блеском мундиров, громом пушек и пороховыми облаками, рейдами партизан и даже великим Московским пожаром.

Главной приметой времени стало одновременное движение огромных масс людей. В централизованном порядке проводилась лишь эвакуация государственных ценностей. Так, сокровища Оружейной палаты были упакованы в специальные ящики и уложены на полтораста возах. Вечером 22 августа этот секретный обоз двинулся из Москвы от Коломенской заставы в сторону Коломны.

Не без трудностей добрались до города и здесь узнали, что наша армия после сражения отступила от Бородина. Тогда бесценную поклажу спешно перегрузили на две подготовленные заранее барки. Хранители отправились в рязанскую сторону, к Нижнему Новгороду, сопровождаемые зловещим московским заревом и скорбным зрелищем столпотворения беженцев на переправах.

Пленённые рассказами о знаменитых битвах, мы зачастую все события той войны и сводим только к сражениям. Но при этом забывается масштаб народного бедствия. Сотни тысяч людей покинули обжитые места и двинулись в глубь страны, оставляя врагу испепелённую землю. И это была не плановая «эвакуация», а стихийное движение, которое уже в силу своей грандиозности неизбежно оборачивалось для множества людей ужасными лишениями и личной трагедией.

Коломна не была занята неприятелем, это так. Но она явилась ареной народных страданий. Все, кто мог, устремились в рязанские пределы, а город наполнился бегущими москвичами. Измученные тяготами пути, страхом перед разбойниками и мародёрами, толпы шли по улицам, скапливались у переправ. Слышался плач потерявшихся детей, вопли взрослых, которые искали своих родных...

И всё это разворачивалось на фоне жуткого зарева, которое каждый вечер охватывало полнеба. Там, за сто вёрст к западу, горела Москва...

Коломенские дома были обращены в госпитали, но присматривать за ранеными было некому, ибо здесь остались только больные и немощные.

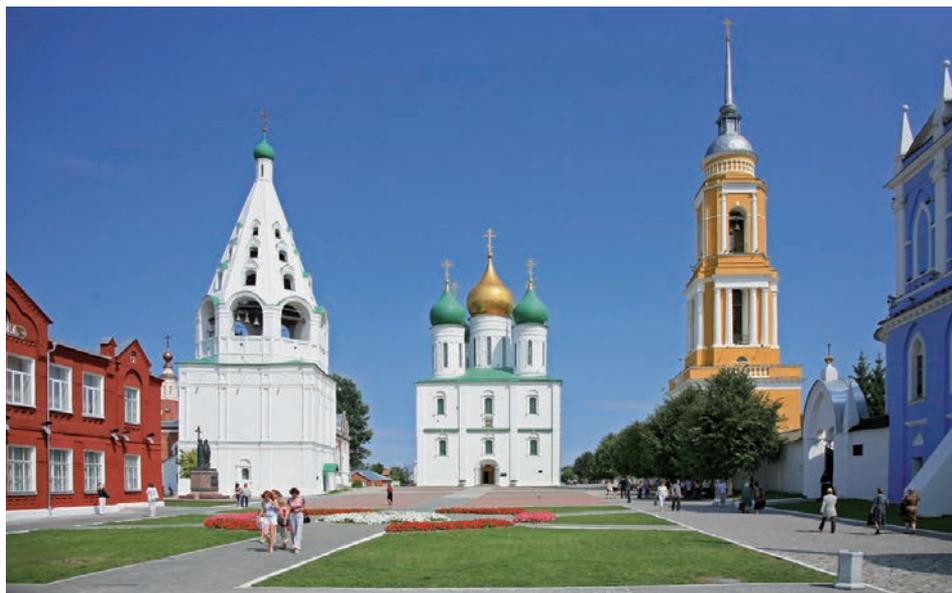
Лишь несколько человек не поддались панике и продолжали исполнять свой долг. Среди них был и ключарь Успенского собора, священник Иоанн Твердовский. Он один из всего коломенского священства

продолжал служить, совершал требы, следил за сохранностью церковного имущества. Каждое утро поднимался он на Соборную колокольню и звонил к службе. И этот бронзовый голос далеко разносился по всей округе, неся спасительную весть: Коломна жива, город не захвачен врагом!

Те времена оставили след в наших литературных анналах, но самое замечательное описание тех дней — в очерке И.И. Лажечникова «Записки новобранца 1812 года». Там ярко передано и смятение народа, и бегство, и отблески Московского пожара, и праведная жажда мести, снедающая молодое сердце. И усадьба Лажечниковых, которая сегодня возрождается на наших глазах, стала материальной иллюстрацией к лажечниковскому тексту.

Остались и другие реальные свидетельства героической эпохи. Это Петропавловское кладбище, на котором похоронены русские воины, умершие в наших госпиталях, и коломенцы, которые принимали участие в Отечественной войне. Ныне здесь Мемориальный парк, и следы тех могил давно стёрты. Но память о них сохраняется в стенах церкви Петра и Павла, что доныне осеняет священную землю коломенского некрополя.

Сохранилась и Покровская церковь на Посаде — официальный памятник великой войны. Весь облик её исполнен воинской красоты. И неспроста этот блестящий образец ампира появился в Покровской слободе. Коломенские купцы Кисловы начали его строительство в 1813 году в благодарность за избавление родного города от угрозы захвата и разорения. Знать, велика была сила молитвы! Так, должно быть, молились тысячу лет назад в царственном Константинополе, когда его в такие же осенние дни осаждали наши предки-славяне. Но Богородица отвратила угрозу, простёрла свой покров над городом. И вот в 1812-м эти события повторились, но уже на Русской земле.

Казалось, ничто уже не остановит губителя. Но промыслом Божиим, даровавшим прозорливость и мудрость нашему седовласому полководцу, враг был остановлен. Святыни, родные дома и жизни людей были спасены. Потому на месте маленького Покровского храма и решено было возвести новый, просторный и светлый, как знамение священного покровы, спасшего град.

И вознеслась над строгим четвериком высокая ротонда, а над просторной трапезной — трёхъярусная звонница, украшенная белоснежными колоннами.

С тех пор каждый год на праздник Покрова совершался общегородской крестный ход. Сотни коломенцев шли от городского собора по Успенской улице к Пятницким воротам, а из них — на Посад. Впереди двигалось священство в сиянии лазурных риз, шитых золотом и серебром, свет играл в окладах икон и хоругвях. Слово строка старинной летописи, праздничная толпа прошивала улицы. И вместе с движением этой нити, с пением хора и струями ладана оживали отзвуки столетий, словно перенося молящихся в дни Отечественной войны.

Были и другие свидетельства эпохи. В Успенском соборе водрузили серебряное паникадило с монограммой Александра I.

А Житная площадь украсилась великолепной колокольной. Старый храм Иоанна Богослова окружили суровой аркадой торговых рядов, среди которых особенно выделялась роскошью исполинская звонница высотой в 65 метров. И золочёный шпиль её казался вознесённым под облака победоносным штыком.

А за рекою Москвой, в Богородице-Рождественском Бобрёвеве монастыре уездный казначей Пётр Алисов устроил в трапезной собора придел в честь Феодоровской иконы Божией Матери.

Прежде, до войны, эта чтимая святыня располагалась в часовне при Московской заставе. Но, очевидно, во время испытаний и бед произошли некие чудесные события, которые заставили благотворителя просить архиерейского благословения и перенести образ в монастырь. Это было

глубоко символичное действие. Ведь Феодоровская икона не только помогала при исцелении ран, это ещё была и покровительница рода Романовых.

И позднее, уже в 1860-е годы, у Святых ворот Бобренева монастыря была выстроена особая церковь во имя Феодоровского образа.

Десятилетия безбожных гонений пронесли над нашей землёй не легче вражьего нашествия. Много было утрачено. Разорены храмы, у Покровской церкви разрушена прекрасная колокольня. Исчезла бобрневская икона, уничтожено соборное паникадило. Был запрещён и покровский крестный ход.

На пергаментях Коломны был смыт старинный текст, и вместо него новые варвары написали свои бессмысленные лозунги. Но прошло время, чуждые надписи выцвели, и вместо них на священных страницах стали проявляться прежние строки.

Порушенные храмы восстают краше прежнего. Вместо утраченной Феодоровской иконы в Бобренева воздвиглась новая, от которой сегодня происходят чудесные явления.

И, подобно каменной летописи, ожила и коломенская литература. И не просто ожила, а предстала во всём своём блеске. Пожалуй, за всё время бытования коломенского текста не создавалось таких благоприятных условий для его развития. И страницы «Коломенского альманаха» — верное тому доказательство.

Звонят серебряными созвучьями стихи наших поэтов. Дышит вешним теплом пласт коломенской прозы. И как всегда интересны разыскания историков.

Времена Смуты, 1812 год, загадки Коломенского кремля, забытые детали коломенской жизни — всё это воскресает в очерках исследователей. Вновь обретают голос давно ушедшие повествователи. Архидиакон Павел Алеппский в середине XVII столетия создал изумительное по своей яркости описание средневековой Коломны. И сегодня, в год 835-летия города, мы вновь публикуем этот материал, давно уже ставший редкостью. Его не встретишь даже в городских библиотеках, а ведь это настоящее сокровище!

Ещё одну дату отмечаем мы в этом году: 120-летие со дня рождения великого переводчика С.В. Шервинского и одновременно — основание культурного оазиса в Черкизове, ибо именно в 1892 году Шервинскими была приобретена дача в Старках-Черкизове. Множество замечательных поэтов перебивало здесь, на благословенном «коломенском Парнасе». И среди них, словно драгоценный изумруд, сияет имя Марины Цветаевой, которой в этом году тоже 120 лет и которую нынче мы вспоминаем с особым трепетом...

2012 год провозглашён в России годом Германии. Для Коломны это особенно важное и символически значимое событие. Ведь заслуги немцев в истории не только нашего Отечества, но и в коломенской летописи — огромны. Удивительный это народ — русские немцы! Жители Немецкой слободы, потом — ливонские немцы, а со времён Екатерины II — переселенцы из Германии на Волгу... Все они оставили в России свой незабываемый след.

Это зримо проявилось и в нашем городе. Как не упомянуть Коломзавод, основанный братьями Струве в 1863 году! А цементный завод Липгарда в Щурове? И это ведь не просто промышленные предприятия. Вместе с ними в нашу жизнь вошли европейские новшества. Немецкий обиход, немецкий порядок, первый театр, первые спортивные общества, первый потребительский кооператив — всё это связано с деятельностью русских немцев.

А Борис Пильняк, чей отец, Андрей Иванович Вогау, — поволжский немец?

Есть в Коломне два уголка, несущие на себе приметы немецкой культуры. Это комплекс в Голутвине — уникальное сочетание жилых, административных, культурных сооружений деревянного модерна. А после Великой Отечественной войны немцами был выстроен обширный жилой комплекс. На юго-востоке Коломны вырос настоящий уголок Европы. Наша Германия...

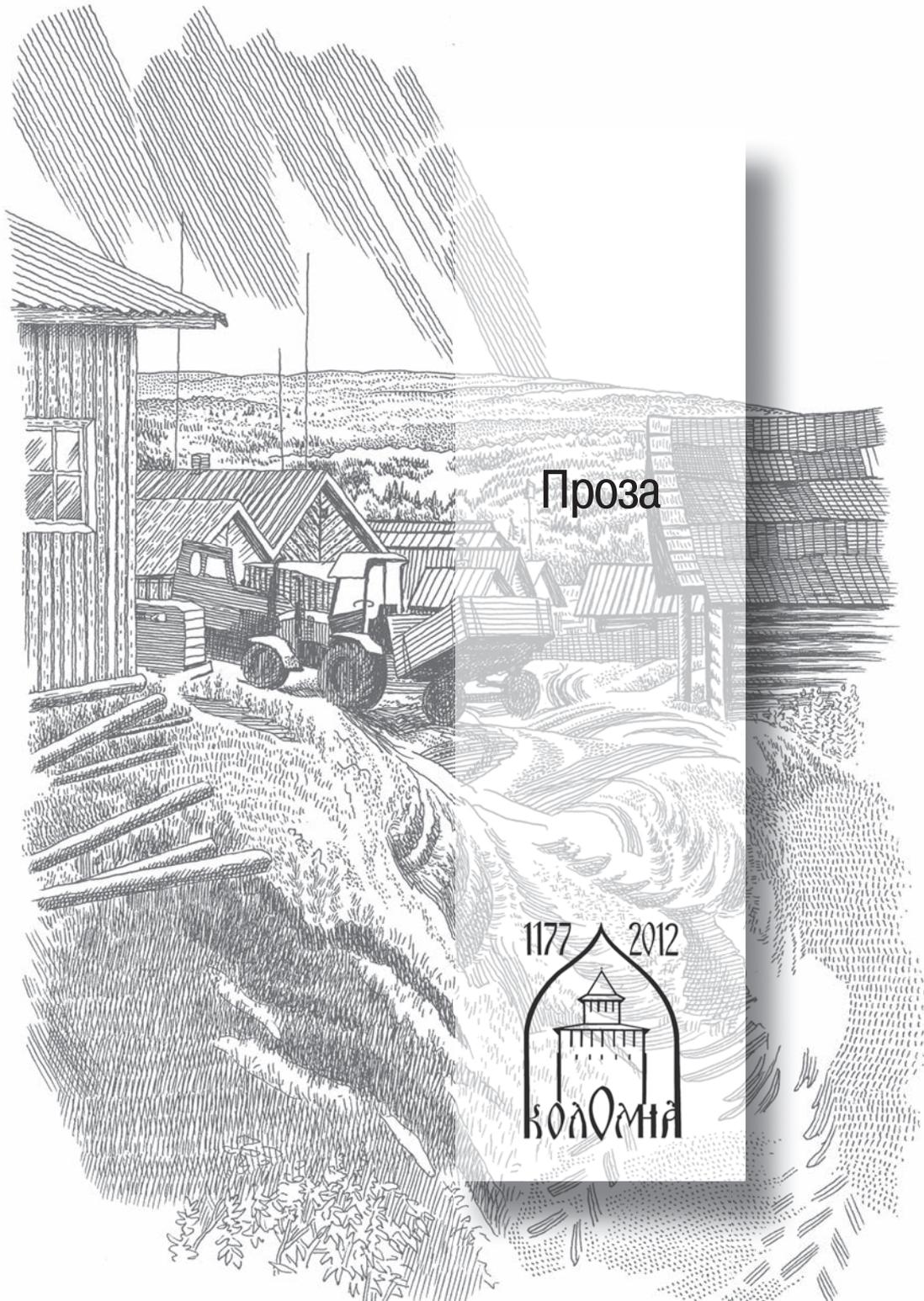
Так в коломенской летописи появилось «Немецкое лето».

Прекрасна и дивно изукрашена древняя книга Коломны. Глубины и мудрости исполнены её страницы. Может, оттого так успешен труд современных литераторов, что они пристально вглядываются в работы предшественников? Славой певцов своих гордится Коломна! И славой этой озаряется наш путь. А первый среди коломенцев, конечно же, Иван Иванович Лажечников.

Вы уже увидели, читатель, что на титульном листе альманаха рядом с медалью Ивана Ильина находится медаль Ивана Лажечникова. А это означает, что город по-особому относится к своим писателям, раз отметил такой наградой коллектив альманаха. И такая оценка дорогого стоит. Значит, не зря мы трудимся, значит, наш ежегодник представляет как минимум не меньшую ценность, чем наши традиционные производственные отрасли. И понимание важности духовного дела современниками удваивает наши силы.

На древнюю и дивно украшенную книгу похожа Коломна. Так давайте вместе вчитаемся в таинственный коломенский текст!

Роман СЛАВАЦКИЙ

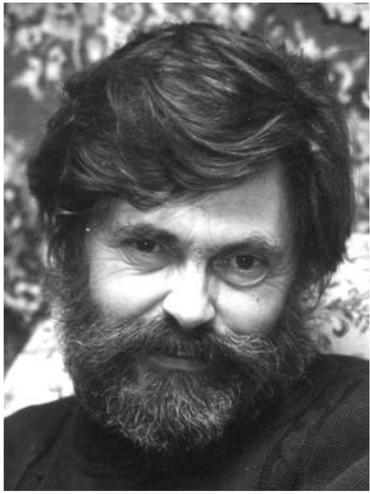

Проза

Графика Василины Королёвой

Валерий Васильевич Королёв (1945–1995) родился в Москве. Окончил музыкальное училище. В 1979 году переехал в Коломну.

Первый рассказ был опубликован в 1981 году. Рассказы печатались в журналах. При жизни вышли в свет две книги прозы: «Жизнь как жизнь» (1984) и «На трёх буграх» (1990). В 2000 году вышла в свет третья книга прозы «Древлянская революция».

Именем Валерия Васильевича Королёва названа Центральная городская библиотека Коломны.

В «Коломенском альманахе» были опубликованы рассказы и повести: «Древлянская революция», «Родимая сторона», «Похождения сына боярского Еропкина...».

Рассказы

ДВА РАССКАЗА

История болезни

Доктор Кудинов мерил бывшему учителю истории Травушкину давление.

— Чудненько! Замечательно! — ликовал он.

Травушкин слушал, как шипит в резиновой груше воздух, смотрел на ползущую по трубе ртуть и мало-помалу успокаивался. И действительно, внешний вид Кудинова, его восторженное бормотанье могли привнести покой: веснушки на лице доктора проступили ярче, и совсем ещё не старый Кудинов совершенно помолодел. Он крутил на макушке ярко-рыжий хохолок волос, пристально вперял блестящие глаза в Травушкина, словно искал, искал, сто лет искал его — и нашёл, нашёл и при виде находки ещё не совсем верит в своё счастье.

— Голуба моя, — полушептал Кудинов, — как же ты до такого докатился? Это же исключительный случай! Ты даже не понимаешь, как мне повезло. Тридцать лет, на вид здоровяк, а будто пуля на излёте. Но ты не отчаивайся, мы ещё поживём, ты, мой золотой, надейся...

Кудинов, проработав на селе десять лет, совершенно преобразился, стал твёрд и прямолинеен. От бывшего интеллигентного мальчика-врача не осталось и помина. Он приходит на ферму, хватает доярку за борт халата, припирает к стенду показателей надоя и изрекает:

— Не будешь ходить на процедуры — пальцы отрежут! Чем, ногами станешь доить? — и, повернувшись

по-солдатски кругом, отправляется в мехмастерскую. Там таким же манером он какого-нибудь слесаря прижимает к верстаку.

— Будешь пьянствовать — глаза лопнут, — обещает. — Не понимаешь, дурак, что после глазной операции с водкой шутки плохи? Вытекут глаза.

И люди ему верят.

Несколько лет назад Кудинов и внешне и внутренне был хиляком. Народ ходил к доктору, чтобы только выклянчить бюллетень и под сенью листка о нетрудоспособности отдохнуть денёк-другой. Лечились же люди кто как мог. О врачах рассуждали так: «Ихняя такая должность. Им только в руки попади!»

Его жизнь тянулась ни шатко, ни валко до тех пор, пока однажды в сердцах он, по его собственному выражению, «не раскрепостился». Тогда Кудинов впервые в своей практике схватил человека за грудки и, срываясь с юношеского баска на юношеский альт, крикнул:

— Отдай ключи, гад, ведь она умрёт, понимаешь, умрёт! Поворачивайся живее!

Пьяный человек раскачивался вперёд-назад, хлопая себя по карманам. По избе метались его сёстры. Ключи от машины наконец нашли, больную старуху Зыкову положили в кузов, и Кудинов сам уселся за руль. Он управлял машиной второй раз в жизни.

Кудинов старуху Зыкову до райцентра не довёз. Она померла при въезде в город, возле воздвигнутой в честь 900-летия бетонной стелы. Эта смерть неожиданно принесла Кудинову повсеместное сочувствие и почёт и вместе с тем так же неожиданно подпортила его характер...

— Как же всё-таки ты дошёл до жизни такой? — ещё раз спросил Травушкина Кудинов. — Ты, брат, не стесняйся, расскажи. Мне, брат, яснее будет, что делать.

Травушкин, подкупленный вниманием Кудинова, принялся вспоминать, но, сколько ни вспоминал, не мог вспомнить что-либо из ряда вон выходящее. Жизнь была как жизнь. Он не воевал, не служил в армии, не покорял ни тундру, ни горы, ни тайгу. В жизни этой не было ни напряжения, ни преодоления. Честно говоря, Травушкину было стыдно даже вспоминать. Но Кудинов не отставал.

— Не темни! Рассказывай всё как есть! — велел он сердито. — Мне важно знать первопричины болезни. Главное при лечении — эти первопричины исключить.

Кудинов уважал профилактику. А что Травушкину темнить? Какие там первопричины? Если жизнь разложить по полочкам, одно можно сказать: жена. Но где идеальные жёны? К тому же у всех жён своя логика есть: они хотят жить лучше. А жить лучше... Всем жёнам хочется лучше жить, и все мужья обречены о том постоянно помнить.

Место своей работы Травушкин выбрал сам. К концу учебного года он был женат на местной учительнице, и вскоре в молодой семье стали рождаться дети. Сначала девочка. Потом ещё две. Жена, оставив работу, сделалась домохозяйкой. Травушкин сеял доброе и разумное, нянчил детей, радовался, что родились они не в затхлости и тесноте, что растут на приволье.

Но школу вдруг закрыли. Не складывался контингент. Село оказалось «неперспективным». Травушкин ездил к начальству. В отношении рабо-

ты в другом месте начальство «навстречу шло», но квартиры не предлагало. Не было в перспективе и места для жены. Перед Травушкиным встал вопрос: как дальше жить — и он стал над этим вопросом думать. Он думал долго.

Настало утро, когда в семье Травушкиных осталась последняя десятка. Жена порылась в сумочке, вытряхнула мелочь на стол, пересчитала.

— Всё, — вздохнула. — Ровно десять, — и первый раз за совместную с Травушкиным жизнь хлопнула по столу. — Ну что сидишь?! Ты же муж! Делай же что-нибудь, делай, делай!..

Травушкин молча напялил шляпу, натянул куртку и вышел на крыльцо. Идти можно было в одну сторону. Позади деревни — лес, справа — лес и слева — лес. Только впереди, за магазином, между ёлок просвечивалась дорога. По ней Травушкин и пошёл, медленно пошёл, лишь бы идти, без определённой цели. Дорога вела в большое село Кострово, и было до того села семь километров. Травушкин прошёл три и у края поля присел на почти новую автопокрышку.

Было пасмурно и безветренно. В небе бугрились сизо-синие облака. Зрелая пшеница стояла неподвижной, будто стальной стеной, и Травушкин чувствовал, как от этой стены к его коленям ползёт холод. Посреди поля темнела корявая сосна. На её макушке лежало огромное облако. Травушкин видел, как сосне тяжело, как обвисли её сучья. Ему казалось, что сосна гнётся, что ещё чуть-чуть, и она не выдержит тяжести — рухнет в холодное пшеничное озеро.

Травушкину стало жалко сосну, потом себя, а потом и всё на свете. Он жалел ветер, который не дул, а бессильно стлался по краю поля, жалел облако, которое безнадежно лежало на сосне, вместо того чтобы гордо плыть за горизонт, жалел пшеничное поле, созревшее, но не сумевшее стать золотым, как у Шишкина (хотя у Шишкина, кажется, была рожь), жалел автопокрышку, такую большую, твёрдую и ненужную никому, которая ещё долго-долго, очень долго будет лежать здесь и, если когда-нибудь истлеет, то только от тоски — явления природы почти не влияют на неё, она специально сделана с огромным запасом прочности.

После размышлений об автопокрышке Травушкин опять круто взялся за себя, но уже взглянул на свою проблему как историк, с позиции вечности. В историческом аспекте его случай выглядел просто «тьфу» и не угрожал ни состоянию исторической мысли, ни цивилизации. Сидит он на покрышке, а за полем, за лесом жизнь идёт; исчезнет он — жизнь не остановится. Никому и в голову не придёт: куда это делся бывший учитель? Только дочери будут ждать его. Старшая будет ждать молча, а младшие потихоньку начнут волноваться.

— Папа пидёт? Папа пидёт? — спрашивать начнут.

Сначала будут спрашивать друг друга, потом мать, потом всех встречающих. Мысль о дочерях отрезвила. Он нашёл в себе силы встать и закурить. Ещё хватило сил на остальные четыре километра, пройти из края в край Кострово, взобраться по крутым ступенькам колхозной конторы.

— Ну что ж, — ответил на просьбу Травушкина председатель колхоза, — на работу возьму. Художником-оформителем. Будешь числиться по подсобному цеху.

Он говорил Травушкину «ты», хлопал по плечу и чуть насмешливо улыбался, как истинный благодетель.

К вечеру Травушкин приплёлся домой, лёг спать — и не уснул. Впервые в жизни его навестила бессонница.

За художественное оформление Травушкин взялся с душой.

— На будущий год, — объяснил председатель, — колхозу пятьдесят лет. Нужна комната славы. Мне тебя не учить. Прикидывай, маракуй. Весь второй этаж клуба — твой. Но это в перспективе. Срочное же вот что: на конторе, на фермах надо лозунги обновить.

Травушкин отправился к секретарю сельсовета, переписал всех колхозных ветеранов, потом выпросил у соседа велосипед и две недели разъезжал по деревням: собирал старые фотографии, почётные грамоты, похвальные листы, записывал воспоминания. Кое у кого из деревенских сохранились ветхие письма — с фронта, от погибших в войну. К концу месяца Травушкин многое сделал и решил, что можно исподволь готовить эскизы. Он опять пошёл к председателю, напомнил про краски, материал и опять услышал, что нужно зайти на следующей неделе.

В день зарплаты в кассе ему выдали пятьдесят рублей. Он отправился к начальнику подсобного цеха и неожиданно для самого себя крикливо стал объяснять, что у него на шее трое детей и жена, а ему заплатили «мышкины слёзы».

— Совесть у вас есть? — допытывался Травушкин.

— У меня-то есть, а у тебя — не знаю, — ответил начальник. Я твоей работы не вижу. Где она? Портфель с бумажками меня не касается. Скажи спасибо, что полсотни-то заплатил. Хапуга ты! А ещё с высшим образованием.

Начальник цеха повернулся и ушёл. А Травушкин вдруг опомнился. Ему стало так стыдно, что ноги перестали его держать, и он сел на стул.

— Не дрейфь, учитель, — сказал кто-то. Его хлопнули по плечу. Ещё кто-то хохотнул:

— Тут тебе не пацанам мозги полоскать. Тут голая практика.

И ещё он услышал:

— Ишь ты, гусь!

Сказали не про него, но его сердце сжалось, под горлом затвердел ком, он сглатывал его, но ком становился всё твёрже и больше...

Ночью Травушкин не спал во второй раз. Сначала он думал, что спать мешает жена, которая вздрагивала и пыталась сбросить одеяло, потом решил, что виноваты дочки. Они сопели и похрапывали на разные голоса, и уснуть в такой разнобоице вздохов и всхрапов действительно было трудно. Но скоро Травушкин понял: жена и дети ни при чём. В бессоннице были виноваты его мысли. Вернее, мысль, одна, главная, которая безостановочно прокручивалась в мозгу всё в новых и новых вариантах. Травушкин попытался её унять, и она вроде бы затихла, прилегла, но только он собрался заснуть, как поганая мысль снова принялась изводить его...

Мягко говоря, космическая была мысль. Когда Травушкин увёртывался от неё и ясно слышал, как о наличник трётся липа, сердце его сжималось, скатывалось куда-то под кровать, и он принуждён был

опять, будто алкоголик к вину, тянуться к этой чарующе сумасшедшей мысли.

Фантазия его была неисчерпаема. То он представлял, что в костровской школе ушёл на пенсию учитель и в его, Травушкина, руках сосредоточилось народное образование на территории всего сельсовета. То вдруг грезилось, как однажды утром под окном зафырчит газик, из газика вылезает завроно и скороговоркой протараторит:

— Ты уж, Травушкин, меня прости, изыскивал условия для тебя лучше, завучем пойдёшь, трёхкомнатная квартира, понимаешь, то да сё, детский сад, поедем смотреть, понимаешь...

Травушкин залезал в газик. Шофёр заводил мотор, но тут опять слышался скрип липы...

Утром у них с женой случился первый скандал. Жена орала. Травушкин оправдывался. Младшие дочери надули щёчки и таращили глаза. Старшая, встречаая между реплик, допытывалась:

— Ты, мама, ругаешься? Папа — хулиган? Он не хочет нас обеспечить? А что такое «обеспечивать»? Мама, мама, я хочу молока!

— Не проси у меня! — орала жена. — Ты проси у этого добытчика хренова!

К обеду она сломила-таки мужа. Травушкин натянул куртку, напялил шляпёнку и побрёл в Кострово.

— Ладно, — снисходительно сказал председатель колхоза, — велю выписывать ежемесячно сто двадцать. Доволен?

Травушкин плёлся обратно и всё думал: доволен ли он? Получалось — то доволен, то недоволен...

Жизнь пошла своим чередом, и если бы хватало на неё ста двадцати рублей, то можно было бы сказать: жизнь у Травушкина замечательная.

Травушкин не спеша обновлял лозунги, делал эскизы, клянчил краски и красный материал, получал свои сто двадцать и не приставал к начальнику подсобного цеха. В колхозе постепенно к нему привыкли. Он тоже привык к своему новому положению и не обижался, когда его хлопали по плечу. По крайней мере, обиды заметно не было. Когда ему кричали: «Эй, Петька, помоги!» — он бросал своё дело и шёл на помощь. В какие-то полгода Травушкин, по местным понятиям, стал человек как человек. В случае экстренном мог даже выматериться.

— Смотрите-ка, — восхищались деревенские, — а учитель-то хороший: свой мужик...

Никто не знал, что стоило Травушкину стать своим. Это никого и не интересовало. Главное было знать, что свой. Люди узнали и успокоились.

На седьмой месяц оформительской деятельности Травушкин впервые получил левый заказ. Люди говорили: приезжал, мол, из города какой-то хмырь, торговал заказ, да не сторговался. Договор подписали с Травушкиным. К своим и отношение своё. Время настало — жить бы Травушкину и радоваться.

Травушкин радовался. Он побывал в доме для престарелых, осмотрел место, где намечалось развернуть наглядную борьбу за атеизм, прикинул так и сяк. Материалов хватало, но для их оживления нужен был какой-то особенный штрих. Надо было смягчить чем-то обычную пропагандистскую сухость, как-то её освежить.

Травушкин любовался лысиной Дарвина и рассуждал, что штрих, задуманный им, должен быть как вот эта лысина: броским внешне, а внутренне решающим. Ведь сразу видно, если даже о Дарвине и не знать, что лысину натёр себе человек не от безделья. «Посмотришь на лысину, — рассуждал Травушкин, — ближе подойдёшь, а там уж заодно и текстик, так сказать, аннотацию замыслов и свершений человеческих прочитаешь. С Дарвиным-то ясно, но как бы мне найти что-нибудь вроде лысины? Чтобы блестело, но не отпугивало старичков? Чтобы их манило?»

Из дома престарелых Травушкин ушёл смущённый, но надеялся за день-два что-то придумать.

Следующей ночью Травушкин опять не спал и ворочался на постели. Жена проснулась раз, два, на третий выразила Травушкину своё неудовольствие, и он перебрался на диван в смежную комнату. Мысли в голове у Травушкина клубились разные, но так как он считал, что главное для него выполнение заказа, то и думал, что не спит именно из-за него. Если он выполнит заказ в срок, то появятся лишние деньги, а это хоть на время облегчит жизнь, а точнее, отношения с женой, которые стали, печатно выражаясь, натянутыми. Травушкин не спал до четырёх утра. В шесть проснулся. Тихо, чтобы не разбудить семью, оделся, выпил чашку чая. Выйдя на крыльцо, вспомнил, что не умылся, но не стал возвращаться. Нужно было спешить: на прошлой неделе председатель колхоза обещал выдать три литра белой краски.

Было ясно и тепло. На прошлой неделе стояли холода. В их безветренной звонкости расцвела в свой срок черёмуха, а сегодня черёмуховый цвет, разогретый тёплым ветром, заполнил своим запахом всю деревню. Черёмуховый запах оставил Травушкина лишь тогда, когда он вошёл в еловый лес: в лесу пахло хвоей. Смена запахов была столь резка, что даже голова у Травушкина разболелась. Травушкин сбавил шаг, потёр затылок, еле-еле доплёлся до автопокрышки, сел, сдавил ладонями виски и так сидел, пока ему не показалось, что боль отпустила.

С осени места эти мало изменились. Всё так же хмуро стоял на краю поля сизый еловый лес, всё так же змеилась истерзанная тракторными гусеницами дорога, всё на том же месте у дороги лежала автопокрышка, порывшаяся от солнца, морозов и дождей. Изменилось поле. Майское небо над ним вздыбилось, в небе купалось молодое солнце, разбрызгивало по полю небесную лазурь, и она, смешиваясь с зелёным цветом окрепшей озими, делала поле таким просторным, что думалось: это поле и есть вся земля. Сосна посреди поля казалась высокой, молодой, и её развесистая вершинка, напоминающая женскую голову, наклонилась над полем, словно озимое поле было кровь от крови, плоть от плоти её.

«Богородица!» — ахнул Травушкин, глядя на сосну.

Травушкин даже привстал, движением прокомментировал свои мысли: сложил руки, будто держал дочь, и голову нагнул, нагнул так, как делал сотни раз, когда дочерей укачивал. Постоял несколько мгновений и уже спокойно решил, что нашёл наконец нужный штрих для антирелигиозного стенда. Верно говорится, клин клином надо вышибать. Народная мудрость, она, оказывается, универсальна...

Возвращаясь домой, Травушкин вспомнил Татьяну Разову. Она слыла в округе человеком необыкновенным, потому что и действительно была единственной в своём роде.

Два года назад Татьяна написала акварель и по чьему-то совету послала в областной Дом народного творчества. Из Дома творчества ей пришло письмо с приглашением на семинар. А ещё через две недели её вызвал к себе заведующий районным отделом культуры.

— Живопись дело сложное, — сказал он. — Певцов, танцоров у нас пруд пруди, а художников нет. Это непорядок. Мы остановились на вашей кандидатуре. Так что приступайте... А условия для творческого роста мы вам создадим.

На следующее утро заведомо издал приказ: зачислить Татьяну Разову художественным руководителем корнеевского Дома культуры. Официальное вступление на творческую стезю преобразило Татьяну. Она пополнела, округлилась, выбросила из головы все мысли, присущие молодым, незамужним женщинам, и с достоинством говорила, поглаживая спокойно, по-хозяйски, будто корову, мольберт:

— Теперь в этом моя жизнь. Я знаю, зачем существую.

«К ней сходить надо, — подумал о Татьяне Травушкин. — Взять что-нибудь, сфотографировать, увеличить и поместить в середину стенда. Что-нибудь этакое. Чтобы был изображён вполне земной человек в момент наивысшего выражения женского естества...»

Татьяна Разова встретила Травушкина приветливо.

— Приятно, — сказала, — что вспомнили про меня. Я подыщу что-нибудь обязательно, — и тут же повела Травушкина вдоль стены. — Это мои, так сказать, этюды: «Песочинский старый карьер», «Растут озимые», «Ремезовское озеро в ветреный день», «Закат над Ольховкой». Но это всё подготовительный материал. Главное — в той комнате. Хотите посмотреть? Вчера закончила. Кажется, мне это удалось...

Она распахнула дверь, и Травушкин переступил порог. Моментально у него вспотела шея. Татьяна что-то говорила, но он её не слышал.

— Да-а... вы тут непохожи, — только и смог Травушкин пошевелить одеревеневшими губами. — Просто... знаете... космический стиль...

Он смутно помнил, как вышел из Дома культуры.

Ночью Травушкин опять не спал. Ему мерещилась картина Татьяны Разовой: поле пшеницы, похожей на кукурузу. Колосья, ровные будто солдаты, однообразные и одноцветные, шеренга за шеренгой шагали за горизонт. Над ними вопило мутно-синее небо, а у горизонта торчало что-то чёрное и несоразмерное: то ли кипарис, то ли сосна, то ли просто распорка между небом и землёй. Выхвати её из картины — и верхний цвет перемешается с нижним, превратится в сплошную грязь.

Травушкина так и тянуло этот столб выхватить. Он вздрагивал, резко поворачивался к стене, но в его воображении опять рисовалось зловещее поле, отделённое от неба чёрным столбом.

Травушкин до утра думал о проблемах воспитания молодёжи. Получалось, что молодёжи не хватает доброты и надо бы срочно доброту насаждать. Нельзя откладывать. Иначе появится оголтелое поколение, может быть, и талантливое, но дикое, и тогда — всё. Оно нарожает себе подобных — и попробуй-ка их исправь. Тогда завертится дело, как в цепной

реакции, тогда эту реакцию не остановить. Ещё Травушкин думал, что он, Травушкин, это понимает, но вместо насаждения доброты занимается чёрт знает чем, занимается из-за денег, чтобы прокормить семью, хотя именно ему-то и карты в руки, ведь он дипломированный специалист, он педагог...

Утром Травушкин поднялся со своего диванчика опять с головной болью. Принялся бриться. Взглянул на своё отражение в зеркале и увидел, что вроде бы постарел.

Что нужно, он нашёл в бывшей школе. Нашёл нечаянно. Пошёл к школе, зачем-то оторвал фанеру от разбитого окна и перелез через подоконник. Долго бродил по классам, рисовал чёртиков на досках, сидел за парты и в нескончаемой тишине покинутого здания о чём-то думал. Потом пошёл в учительскую, посидел за единственным письменным столом, вспомнил, что в директорском кабинете стоял книжный шкафчик. Подумал: «Может быть, в шкафчике что-нибудь есть?» В директорском кабинете шкафа не оказалось, и Травушкин отправился назад, к разбитому окну. В закутке под лестницей стоял шкаф технички. Травушкин машинально открыл дверцу. На обратной стороне дверцы прикреплена была репродукция: на фоне романских окон молодая женщина кормила грудью ребёнка. Травушкин зажёл спичку. «Леонардо да Винчи, — значилось в правом нижнем углу. — Мадонна Лита. Около 1490 г.» Травушкин осторожно отковырнул кнопки, свернул репродукцию в трубочку и пошёл домой.

Дома он стал придумывать текст для Мадонны. Чтобы было ясно: Мадонна не зря попала на антирелигиозный стенд и всей сущностью своей выступает против оков религии. Великие художники, мол, формально писали иконы, но в них отражали земную жизнь. Смотрите, мол, сколько в Мадонне света и человеческого совершенства. Она, мол, не закрепощает зрителя, а наоборот, призывает любить, но не мать Божью, а вполне человеческую мать, женщину. Это победа жизни над культом!

Вот такой примерно должен был быть текст.

Травушкин трудился. Возле стола столбиками стояли младшие дочери, тарасили глазки на Мадонну, тыкали в неё пальчиками.

— Это сё, это сё? — спрашивали наперебой.

— Это Мадонна, — пояснил Травушкин, — красивая итальянская тётя, а этот мальчик — её сын.

Подошла жена.

— Это мальчик? — спросила тоже.

— Мальчик, — ответил Травушкин.

— Надо же, — удивилась жена. — А я сижу и думаю: почему это женщин с мальчиками рисовали? Рисовали бы с девочками. Я и в Эрмитаже была. И там смотрела. И там с мальчиками... Странно... — и вздохнула.

У Травушкина из рук выпал карандаш. Сначала он вроде бы растерялся, но, осознав полностью сказанное женой, съёжился, сделался маленьким и несчастным. Он сидел на стуле, гладил прижавшихся к коленям дочерей, смотрел на них и словно бы не видел. Веки его припухли, глаза утратили блеск. Время от времени он вздыхал и шмыгал носом.

«Мне нужно больше бывать дома, а то какими они вырастут...» — думал Травушкин про дочерей. Какими, он уточнять не стал. Но перед ним возникло видение: посреди деревенской улицы стоят двое мужчин.

— А те вон кто такие? — спрашивает один мужчина.

— Да дочки Травушкина, дубины стоеросовые, — небрежно отвечает другой.

И Травушкин стал спать через ночь. Бессонница сделалась устойчивой, давила своей системой. Одну ночь Травушкин спал и весь следующий день был работоспособен. Следующую же ночь не смыкал глаз и с утра маялся головной болью. Одышки ещё не было, но при быстрой ходьбе на лбу выступал пот и под горлом болталось сердце. Весь такой день Травушкин трудился спустя рукава, был вял, мечтал только о том, как бы поскорее добраться до постели. Вечером засыпал мертвецким сном, а с утра с ужасом ждал предстоящей бессонной ночи. Он стал неразговорчив, угрюм, временами в его характере появлялась неприсущая ему вспыльчивость. Дочери первые почувствовали перемену в отце и с детской прямолинейностью стали его сторониться. Травушкин видел это и страдал. Бессонница усилилась. Он стал не спать по две ночи. Нервы будто взбесились. Лишь только Травушкин ложился на диван, как мысли наваливались на него, и он, безвольный и расслабленный, им подчинялся.

В ночной тишине под окном звенел цепью пёс Полкан. По лунным лучам, размноженным тюлевой занавеской, стлался дым. За стенкой вздыхала во сне жена.

— Как бы я жил, как бы я жил! — стонал Травушкин, переворачиваясь на спину и начинал откровенно мечтать: «Эх, если бы не она... Я уж и забыл, как выглядят интеллигентные женщины... Бросил бы всё, шапку в охапку — и дай бог ноги, живите тут без меня... Мало ли в стране мест, где можно прекрасно жить?! Поищачил в деревне, хватит! Выбрал бы приличный городок. Интересная работа, интересные люди, приличные разговоры. Ах, Песталоцци? Ах, методика начального обучения? Ах, Монтескье? Ну, его географический принцип в корне ошибочен! Наполеон? Думаю, здесь достаточно сослаться на Тарле, старик во французских делах был дока... Вот это разговоры, вот это общество! Блеск! А тут: почему не рисуют девочек? Где были мои глаза? Мещанка! Только рожать мастерица!»

При мысли о дочерях Травушкин сникал. Становилось стыдно. Потом нападала апатия, и до утра он просто не спал, не думая ни о чём и не сожалея...

Всё получилось так, как он и предполагал: цитаты великих атеистов, их портреты и изобличительные фотомонтажи концентрировались вокруг Мадонны Литы, как бы связываясь между собой этим ярким, большим цветовым пятном, и это цветовое пятно останавливало: хотелось подойти поближе, посмотреть, что это там изображено, а заодно выяснить, какое отношение имеет к этому яркому всё прочее.

Травушкин решил, что он достиг того, чего хотел, и отправился узнать, когда можно получить деньги по договору.

— Пятница сегодня, — ответили ему. — Приходи в понедельник после обеда, всё получишь.

Домой Травушкин явился довольный. Съел с аппетитом щи, первый раз за много времени поцеловал жену, нагрел воды, вымыл дочек. Ночью спал спокойно. Субботу и воскресенье полностью посвятил дочерям. Водил их по окрестностям, рассказывал про деревья и цветы, читал наизусть «Муху Цокотуху» и «Мойдодыра». В понедельник проснулся рано, колот дрова, ходил в тепличное хозяйство подновлять доску показателей, а в два пополудни отправился рассчитывать за стенд.

В доме для престарелых его встретили неприветливо.

— Зайди попозже, — сказали. — Комиссия у нас.

— А ну-ка, ну-ка, — обрадовался Травушкину один из членов комиссии, — подойди поближе! — И, обращаясь к местным товарищам, спросил: — Вот этот и есть, так сказать, художник-оформитель?

— Этот, — нахмурился председатель сельсовета.

— Рад познакомиться, — ехидно пропел член комиссии и объяснил, что атеистический шедевр Травушкина не шедевр, а троянский конь, а попросту говоря, форменное безобразие. За такие шедевры не деньги платить, а высечь впору. Таких людей, как Травушкин, к идеологии и близко подпускать нельзя.

— Вы бывший учитель? Вот и прекрасно! Не нужно, значит, будет ставить в роно вопрос. А с должности художника мы вас снимем. Я постараюсь. Мы боремся, боремся, а он нате вам, икону врезал, да в каком месте!

— Это, собственно, не икона, — попытался оправдаться ошарашенный Травушкин.

— Вы что, глупый или прикидываетесь? Вы действительно ничего не осознаёте?

— А вы? — взвился Травушкин.

— Что?! — взревел член комиссии, но Травушкин уже хлопнул дверью, выбежал во двор и зашагал домой. «Да провалитесь вы, — шипел в сердцах, — со своими деньгами!»

Он заснул под утро, и ему снился сон: сидят они с академиком Тарле на автопокрышке.

— Евгений Викторович, — канючит Травушкин, — ну скажи, ну скажи...

— Не знаю, — отмахивается академик. — Я во французских делах дока, а тут — дело сугубое. Ты лучше у Петра Алексеевича спроси.

По тропке между лесом и пшеничным полем движется Пётр Великий.

— Мин херц! — бросается к нему Травушкин. — Может, ты скажешь?

Пётр останавливается, морщит лоб, щиплет кошачий ус.

— Сказать нехитро, да поглядеть надо, — отвечает.

— Так поехали, поехали, — торопится Травушкин, — поглядим.

Из пшеничного поля выползает автобус «Икарус». Травушкин подбегает к автобусу, распахивает дверь, глядь, а Пётр-то уже в автобусе.

— Садись, тёзка, комментируй увиденное, — басит.

Травушкин садится в откидное кресло. Автобус трогается.

— Итак, мин херц, — тараторит Травушкин, — мы едем по средней полосе России. Направо — берёзовый лес, налево — свекловичное поле. Оно спускается к реке. Река эта в твои времена, мин херц, имела стратегическое значение. Впереди — водонапорная башня. А это мост.

Допустимая нагрузка на мост — восемь тонн, но возят по двадцать — и ничего, обходится...

— Через километр конец асфальту, — предупредил шофёр.

— Ну что ж, — обрадовался Травушкин, — чудненько проехались. Поворачивай назад. Какое впечатление, мин херц?

— Какое, какое, — басит Пётр, — а никакого! Скорость уж больно невероятная. За такой ездой разве что разглядишь? Ты бы лучше лошадок спроворил. Да колокольчик валдайский. Да этот чёрт, — ткнул в спину шофёра, — чтобы пел. На лошадях-то, пока протрясёшься от версты до версты, чего только не углядишь, чего не передумаешь.

— Ишь ты, — хихикнул шофёр. — Колокольчик ему да чтоб я пел. Теперь двадцатый век, теперь не то время! Теперь нажал кнопку — и кранты!

Шофёр щёлкнул тумблером. Из динамика в салон ворвался бодрый голос:

Не надо печалиться —
Вся жизнь впереди,
Вся жизнь впереди,
Надейся и жди.

Травушкин проснулся. За стенкой, на кухне, орал транзистор. В открытую дверь видно было: жена стирает бельё. Рыжеватая прядь выбилась из-под косынки, в такт песне и движениям рук колыхалась над корытом грудь...

Из художников-оформителей Травушкина не уволили. Председатель колхоза был упрям и высказался по этому случаю определённо:

— Пока я председатель, всё будет так, как есть.

Спорить с ним не стали. Двадцать лет работал председателем. Пятнадцать колхоз считался передовым. С таким человеком как поспоришь...

Но с тех пор Травушкин затосковал. Брился через день. Сделался нелюдимым. Всё больше один да один. Подойдёт к нему кто что-нибудь спросить — Травушкин и головы не поднимет. Мажет себе по фанере кистью и молчит. Через минуту буркнет в ответ — спросивший и не рад, что побеспокоил. Бессонница у Травушкина укоренилась. Он сжился с ней, привык, внешне стал степенным, малоподвижным: при резких движениях сердце уходило под левую лопатку, начинало давить виски. С женой общался так: здрасте — до свидания. Всё остальное время молчком. Дочери теперь больше тянулись к матери.

— Тебя, буку, и дочери-то не любят, — говорила жена.

Травушкин не отвечал, ещё больше отгораживался от людей. Ему всё было безразлично. Он даже перестал искать причины своей бессонницы. Да и давно уже не было никаких причин. Не спал, и всё тут. Лежал на диване без всяких мыслей, курил и слушал, как за стеной звенит цепью пёс Полкан. Вздремнёт пару часов, проснётся — утро. Попьёт чайку и отправится плакаты рисовать.

Прослышав о его неприятностях, однажды к нему заявила Татьяна Разова, сказала:

— Хочу с вами откровенно поговорить, — и, притопнув импортным сапогом на высоком каблуке, решительно сбросила с плеч павлово-посадский набивной платок.

Травушкин мазал жёлтой краской по грунтованной фанере, раскрашивал пшеничный сноп, лежащий на руках у колхозницы, скопированной на фанеру через эпидиаскоп. Работа была срочная, да и, честно сказать, ни с кем и ни о чём Травушкину разговаривать не хотелось.

— Мы с вами люди искусства, — с ходу взяла Татьяна быка за рога.

Травушкин не возражал. К тому времени он вообще разучился возражать.

— Вы меня взволновали в тот раз, — продолжала Разова. — Я видела, как вас потрясло моё полотно, и я подумала: надо вам что-то объяснить. Вот вы взяли в руки кисть. А зачем, вы задумывались? Милый вы мой, настоящее искусство создаётся для будущего! Пускай через сто, через двести лет, но люди должны пойти за нами, за нашим искусством. Давайте созидать вместе, я — для вас, вы — для меня, а вместе — для будущих поколений. У нас в Доме культуры освободилось место завхоза — переходите, и мы будем с вами творить благое, рассчитанное на века...

Ночью, по обыкновению, Травушкин не спал и думал о себе: в своём ли он уме, как живёт, чем занимается? Ведь он педагог, дипломированный специалист. Даже больше: в педагогический институт поступил по собственному желанию, по влечению, которое побороть не мог. Как же так получилось, что вот теперь лежит он здесь на диване и страдает?

«Ну нет, — думал Травушкин, — дальше так нельзя. Так, чего доброго, и вправду свихнёшься. Фу, дура! — подумал о Разовой. — Нет, немедленно надо что-то предпринять».

Но ничего конкретного Травушкин предпринять не успел. С сердечным приступом он попал к доктору Кудинову.

— Ну а сам-то ты, сам-то ты что? — допытывался доктор Кудинов у Травушкина.

— А что сам? Сам-то я куда ни писал. Ответ один: принять рады, но без семьи, условия для семейной жизни не гарантируем.

Всё было действительно так. Писать, жаловаться на свою судьбу Травушкину было уже некуда. Когда только закрыли школу, помнится, Травушкин даже не расстроился.

— Так и надо, — говорил. — Государственная политика. Естественное дело. Не содержать же в школе штат, если некого учить. Мест много. И жена будет работать.

Он очень верил, что такие места есть, и поехав в высокое учреждение.

— Как же, — сказали ему там, — мест хоть отбавляй! — И раскрыли перед ним пухлую папку. — Заявки, — объяснили. — Только неизвестно, имеются ли там условия для вашей семьи. Придётся вам с ними списываться.

Травушкин накопил почтовых конвертов и принялся писать.

Через две недели стали приходить ответы. Травушкину были рады везде, но в необходимых жилищных условиях отказывали. Во всех письмах звучал один припев: вот если бы вы были неженаты.

Сначала Травушкин расстроился. Потом собрался с духом. Положил все ответы в один большой пакет и отправился в высокое учреждение. К ответам приложил собственное письмо, в конце которого написал: «Что мне делать?!»

Письмо Травушкина переслали в облоно.

— Экий ты! — пожурили там Травушкина. — И что ты носишься со своей персоной? Тебе что, негде жить? Есть? Ну вот и живи! И где-нибудь работай. У нас, знаешь ли, безработицы нет. А там поживём — увидим. Случится что подходящее, ей-богу, тебе отдадим. Мы что, по-твоему, ничего не понимаем?

И ещё предупредили:

— Ты знаешь, больше жалоб не пиши. Вникни: тебе с нами, может быть, работать...

— Вот так-то, — сказал Травушкин доктору.

— Ну что ж, — ответил доктор, — придётся тебя положить.

Сказал и положил Травушкина к себе в больницу. Сам же решил действовать.

На следующее утро доктор тщательно выбрился, надел лучший, для официальных визитов, костюм и превратился из провинциального льва во вполне столичного ягуара. Затем позвонил в колхозный гараж и потребовал выделить поношенную председательскую «Волгу».

— А наш-то как же? — спросили из гаража.

— А ваш, — сказал Кудинов, — поедит на «козлике». А у меня дело срочное. Нужно человека спасти. Понятно?

Из гаража ответили:

— Понятно.

Сев в «Волгу», Кудинов приказал:

— В исполком.

Он их вздрючит там на правах врача. Сидят, понимаешь, а тут человек гибнет, знающий, квалифицированный работник. Государство тратило средства, готовило его к педагогическому труду, а они, чинуши, пальцем шевельнуть ленятся. Им, видишь ли, суетиться не хочется. Не ходит человек, не просит — ну и наплевать, не с кого и спрашивать? Нет, дорогуши мои, с вас спрос! Почему вы так относитесь к кадрам, почему не блюдёте государственный интерес, почему зря штаны протираете? Циркулярчики строчите? Во исполнение того-то быть посему? В комиссиях заседаете? А как же живое дело? Вот же: есть человек, погибающий от безысходности! Срочно придумайте что-нибудь, чтобы он не зря жил, чтобы был полезен обществу. Или сейчас же принимайте решение, или...

«Да, так и скажу, — ёрзал на сиденье Кудинов. — И пусть попробуют пикнуть. По сути, это убийство при помощи равнодушия. Вот как это квалифицируется».

Мчалась по шоссе «Волга». В «Волге» сидел уважаемый доктор Кудинов. Помыслы его были благородны. Он открыл, что забота о благе отдельного человека — это забота о социальном здоровье всего народа. Он был приятно удивлён неожиданным своему открытию и на радостях, не прибегая к спичкам, прикурил новую сигарету от «бычка»...

В исполкоме Кудинов вёл себя точно так, как показывают в кино: почти бегом взбежал по лестнице на второй этаж, промчался мимо растерявшейся молоденькой секретарши в кабинет. Но на этом аналогия с кинофильмом кончилась. Седой, импозантный человек, выслушав его, развёл руками:

— А что я могу? Вы сами-то понимаете, о чём говорите? Работу для мужа, работу для жены, квартиру, детский сад для детей — как вы себе это представляете? Вы в своей жизни видели такое, чтобы вот так, запросто, молодому, по сути, специалисту — и всё сразу? Не видели? И я не видел. Ни в городе, ни в районе, мягко говоря, меня не поймут. Да и кто такой этот ваш Травушкин? Передовик труда, полярник, космонавт? Вот видите, простой учитель, к тому же бывший...

И Кудинов вдруг понял, что проигрывает своё дело. На всё сказанное седым импозантным человеком невозможно было что-нибудь возразить: всё обстояло именно так, как было сказано, и теперь остаётся только уйти ни с чем. Он, уважаемый всеми доктор Кудинов, уйдёт, и ему будет гадко, гадко, как тогда, после смерти старухи Зыковой. Тогда он стоял возле стены, плакал и от бессилья бодал холодный, покрытый ночной росой бетон: понимал, что, поведи он себя в отношении кое-кого потвёрже, смертельного исхода не было бы. Сейчас создалась похожая ситуация — так рассудил доктор Кудинов. И он, вздохнув, достал из портфеля чистый бланк и, не глядя на продолжающего говорить седого человека, принялся что-то писать.

Хозяин кабинета осёкся и тихо спросил:

— Что это?

— Свидетельство о смерти, — деловито объяснил доктор Кудинов. — Один экземпляр прокурору области, копия... Как ваше имя-отчество? — вежливо обратился он к седому импозантному человеку.

— Да вы что, с ума сошли?! — вскочил тот из-за письменного стола.

— Нет, к великому сожалению, — хриплым полусшёпотом сказал Кудинов. — Я при окончании института дал клятву Гиппократата и никогда, ни при каких обстоятельствах не кину больного на произвол судьбы. Но тут я, видимо, бессилён: не болезнь причина смерти, а преднамеренное убийство. И моя обязанность — констатировать факт...

История умалчивает подробности дальнейшего разговора.

Но совершенно точно известно: Кудинов дал своему собеседнику сроку три дня.

С тех пор прошло три года.

Травушкин работает в Кострово в детском саду. За три года он продвинулся по служебной лестнице: начал с младшего воспитателя, а теперь методист. Злые языки поговаривают, что он дожидается ухода на пенсию завсадом. А дети Травушкина любят, и работа у него идёт. И никто не удивляется, услышав в старшей группе такой разговор.

— Взял меч Александр Невский — и на них, — убеждает лобастый мальчик.

— Не Невский, а Македонский, — возражает девочка с вишнёвыми глазами. — Я слышала, как Пётр Васильевич говорил.

— Да ничего ты не слышала, ты в это время булку с сыром ела, а сыр упал — ты за сыром под стол лазила...

Доктор Кудинов иногда навещает Травушкина.

— Ну, как сердечко? — спрашивает доктор.

— Нормально, — отвечает Травушкин.

В ответ доктор чуть скептически усмехается и даёт совет:

— Лекарство для тебя, Петя, не главное. Главное — состояние. Аутотренинг, слышал? Вот пока и займись. Систематически, знаешь ли, поработай над собой. Нет, нет, расслабься и повторяй: я счастлив, я счастлив.

— А я действительно счастлив, — отвечает Травушкин. — Понимаешь, дети меня вроде любят. А что ещё надо? Дети любят — и работа идёт...

И он по-своему прав: действительно, что ещё надо?

Куст малины

Зинка Чаплыгина оборвала куст малины у Маньки Бабановой. Манька обнаружила отраву вечером и всю ночь не спала, ворочалась, смаковала проклятья бесстыжей соседке, оттачивала выражения, в которых она завтра смешает с землёй чаплыгинский род.

Ещё куры не слетели с насестей, а уж Манька, невымытая, нечёсаная, влезла на прошлогоднюю навозную кучу, стала глядеть через забор, ждать пробуждения соседки. Нечего терпеть до вечера. Пусть с утра все узнают, какие такие Чаплыгины, что за змеища живёт на деревне.

А Зинка заспалась. Битый час торчала над забором Манька, покуда дождалась выхода соседки. За это время накопело у неё на сердце, и она перемахнула через забор на чаплыгинский двор, заблажила на весь конец, призывая в свидетели честных людей, святых угодников, депутатку Фроську.

— Шалава! Подлое отродье! — орала Манька на ошалевшую Зинку. — Распротакина ты дочь, растудыкина ты внучка! Ты что же это, сучка, тля безмозглая, делаешь? Ты зачем, чапельник тебе туды в энто, по чужим задам шастаешь, чужую малину обираешь? А? Лахудра! Халда! Лярва! Стерва!

— А ты видала, ты видала?! — взвизгнула Зинка, разобравшись, что к чему. — Аль со свечкой стояла?! Сама ты лярва, и сёстры твои — лярвы, и мать твоя, покойница, — царство ей небесное, — курва порядочная была. Все вы одним миром мазаны: чуть что, не разобравшись, народ хаять.

— Ах, ты так?! Люди добрые! — заверещала Манька, обратясь к улице. — Сама — ворюга из ворюг, весь род от веку чужим наживается, так она ещё маманю-покойницу приплела. А это что?!

Манька рванулась к крыльцу, подхватила резиновые сапоги, стоявшие на ступеньках, затрясла ими над головой:

— Люди добрые! Смотрите, люди добрые! Фроська, смотри! Сапоги-то — сорок третий номер. А у кого ещё из баб такие копыта? Нетути! Зинкины это сапоги. И на задах такие же следы. А на подошвах, глянь-кось, земля-то нашенская, чёрная, от пруда.

Люди добрые подходили, смотрели. Подошёл дед Молчун, вынул из Фроськиных рук сапог, поковырял кривым пальцем прилипшую под каблуком землю.

— Точно, — просипел, — чёрная, с бабановского огорода.

— Ага, — взревела Манька, наступая на Зинку. — Что, спряталась? Думала, и не дознаются люди добрые? У, проклятая, у, арестантская харя!

Тут Зинка заскочила в сенцы, выхватила из угла обливное ведро.

— На! — сыпанула малину по ступенькам. — Нужна она мне, как телеге кардан. Набрала-то — литру, а крику. Подавись ты ей, жадюга несчастная!

— Литру? — не поверила ушам Манька. — Да там, на кусту-то, ведро было. Корней Михалыч, люди добрые, утаила она, утаила!

Учитель Корней Михайлович только бровями пошевелил и пошёл к школе.

— Утаила, — передразнила Маньку Зинка. — Было бы с чего. У такой хозяйки, как ты, не то что малина расти — куры скоро нестись перестанут.

— Это я плохая хозяйка? — заерепенилась Манька.

— Ты, — подтвердила Зинка.

— Это я-то?

— Ты-то.

— Я?

— Ты, ты, — не унималась Зинка.

Несколько долгих секунд не могла Манька сообразить, что ответить. Потом догадалась, закрыла рот, помолчала, улыбнулась и выпалила:

— Ну и пусть. А у тебя мужик — пьяница.

— Только-то, — пропела Зинка. — Эка невидаль. Зато со мной спит. А твой с тобой — от разу до разу, по престольным праздникам. То-то ты чужим мужикам проходу не даёшь. Уродина плоскозадая. Ни кожи ни рожи — одни рожи, а всё как путная — туда же!

Ахнула Манька, кинулась к Зинке, сволокнула её с крыльца. Зинка вцепилась Маньке в волосы, и пошла кутерьма. Фроська рвёт к себе Зинку, дед Молчун бросил костыль, тянет Маньку. А с другой стороны улицы кричат:

— Эй, мужики! Бабы дерутся — вали глядеть!

Выскочил из дома Зинкин муж Родька, бросился разнимать. Разозлилась Зинка, что не дают потрепать Маньку, подняла дедов костыль, хрястнула между глаз мужа. Побежал Родька к колодцу кровь замывать.

Этим бы делу и кончиться. Да не тут-то было. На следующий день вернулся из райцентра Манькин муж Колька. Встретила Манька его чинчином, покормила, а потом давай ныть:

— Ездишь, валандаешься где ни попадя, кобель нечёсаный. Я уж для тебя и нехороша стала? Кого себе на стороне завёл? Кто она? Отвечай сей час, морда неумытая.

— Что ты, Маня, что ты, — опешил Колька. — Аль белены наелась? С чего ревновать-то вздумала?

— С чего, с чего... А с того, — заплакала Манька. — Что я — скотина бесчувственная? Ничего не понимаю? Ты почему это, дьявол гладкий, от

законной жены нос воротить? Ты почему к ней не ластишься? Почему в месяц по разу со мной спишь?

И пошла Манька и поехала.

— Да уймись ты, — отбрыкивался Колька. — Работа у меня какая — сама знаешь, сутками за баранкой. Устаю я, или не понимаешь.

— Я понимаю, я всё понимаю, — стояла на своём Манька. — Бабу ты завёл на стороне — вот что. Вся деревня говорит. Людям в глаза глядеть совестно.

— Да кто говорит? Что ты выдумываешь?

— Все говорят, — отвечала Манька. — Зинка Чаплыгина на всё село развонила, — призналась она и завyla в голос: — Коленька! Милый! Не кидай меня, родненький. Ну чем я хуже другой-то?.. Хочешь, мотоцикл «Урал» тебе купим?!

Покатилась Колькина жизнь — хоть лезь в петлю. Он только через порог, а в доме вой, слёзы. Ночью тоже нет покоя. Стонет по ночам супруга, не спит, зажигает свет, ищет на теле у сонного мужа синяки. Месяц терпел Колька — не вытерпел.

После очередного скандала, в сердцах, взобрался он на навозную кучу, перепрыгнул через забор. Смотрит, под амбарушкой сидит Родька, что-то по-слесарному тюкает. Кинулся к нему Колька, схватил за грудки.

— Ты свою крысу, Зинаиду свою, — сказал, — приструнь. А не приструнишь — смотри. Так отвалтужу — ни фаса, ни профиля не будет.

— Трёхнулся что ли, Николай, — удивился сосед. — Ты это к чему? Что моя Зинка тебе сделала?

— А то и сделала, что невесть чего по деревне несёт. Бабу мою в соломенные вдовы записала, меня бабником объявила.

Родька в тот раз был под хмельком, заупрямился:

— Это дело ваше, — сказал, — семейное. А бабу мою не тронь. У неё глаз — алмаз: зазя ничего не скажет. Управляйтесь сами.

Обиделся Колька на Родьку, занесло его.

— Сволочь ты, Родион, сволочь, — жарко прошептал сквозь зубы. — Точно говорят: яблоко от яблони... Все вы, Чаплыгины, — сволочи, недобитки. Пожалел тогда мой батяня твоего папаню, недокулачил, а зря...

Родька в тот раз был выпивши. Схватил он вилы от стены, стеганул Кольку в пах.

Колька выжил. Родьку судили, дали сколько положено. Бедный Колька, бедный Родька, бедные Манька и Зинка. Бедные мы, бедные.

ВОИН РУССКОГО СЛОВА

Леонид Иванович Бородин родился в Иркутске в семье сельских учителей 14 апреля 1938 года. Прозаик, поэт, публицист. С 1992 года работал главным редактором православно-патриотического журнала «Москва». Именно при нём это издание обрело свой завершённый облик журнала русской культуры. Основные его сочинения: «Правила игры» (1973), «Третья правда» (1981), «Расставание» (1987), «Женщина и море» (1988), «Божеполье» (1993), «Царица Смуты» (1996). Умер писатель 25 ноября 2011 года в больнице от обширного инфаркта.

Были на Руси деревянные кремни. Вкопанные в плотный земляной вал, высились сплошные срубы бревенчатых стен, сурово громоздились проездные ворота с коваными створами, а над входом взирал из глубокого киота озарённый лампадою образ Христа. Там, внутри, шла своя жизнь, строились дома и храмы, трудились мастеровые.

Вот такую мощную цитадель двадцать лет возводил Леонид Бородин, собирая писательскую рать не только из москвичей, но со всей России. Наш «Коломенский альманах» оказался под крылом «Москвы» по приглашению Леонида Ивановича. Он приехал в «Дом Озерова» на презентацию первого номера. Наверное, Леонид Иванович сразу понял, что наш хороший «товар» оказался в плохой «упаковке», и сказал нам: «Слушайте, что вы прозябаете в этом издательстве? Идите к нам, в “Москву”». Вот так, мудро и просто, решилась судьба альманаха. Уже пятнадцать лет мы связаны с «Москвой» не только в издательском, но и в творческом плане. Журнал «Москва» для нас не только ориентир — он яркий маяк, к которому держит путь наш альманах.

Леонид Иванович Бородин, глубоко православный человек, отстаивал свою веру, пройдя через советские тюрьмы и лагеря. Но гонения не сломили ни душу его, ни талант. Возглавив «Москву», он придал журналу особую духовность; это проявлялось и в направленности всех публикаций, и в разделе «Домашняя церковь»...

Бородин был настоящим воином русского слова, он создал цитадель, которая стоит на страже нашей литературы.

...В сиротливом ноябре 2011-го весь день над Коломной шёл дождь. Это природа оплакивала одного из лучших сынов России. Город помнит Леонида Бородина.

Вечная память рабу Божию Леониду!

Помолимся о нём.

Нина Максимова

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Нина Владимировна Максимова (в девичестве Войнова) — наша землячка. Она родилась и довольно долго жила в Коломне. Переехала в столицу после окончания факультета иностранных языков Коломенского педагогического института. По сей день проживает в Москве.

Нина Владимировна — человек творческий. Второе высшее образование получает во ВГИКе, на заочном отделении сценарно-киноведческого факультета (мастерская А.Я. Инина). Из-под её руки вышло несколько рассказов. Она увлекается фотографией, любит путешествовать и кататься на горных лыжах. Ей очень близко творчество Камы Гинкаса, Марка Захарова, Кирилла и Киры Муратовых.

Рассказ

Вечером двадцать второго марта 2003 года у себя дома Ниночка смотрела заключительную серию «Последнего героя», полулёжа на диване, так как вытянуться горизонтально она не могла. В связи с беременностью что-то там перепуталось внутри, и её постоянно мучила изжога, особенно в состоянии лёжа, как будто бы Ниночкин живот представлял собой колбу с длинным узким горлышком, выходящим прямо в гортань. В колбе плескалось так много кислоты, что при наклоне этого сосуда она проливалась в горлышко. Если быстро спохватиться и вернуть колбу в вертикальное положение, то огненная жидкость не успевает пролиться окончательно и волной откатывается обратно к шарообразному дну. Поэтому вот уже два месяца как Ниночка не могла спать горизонтально. Это было, пожалуй, единственным неудобством, вызванным беременностью, но оно порядком ей надоело. Бывалые подружки говорили, что после родов изжога должна была исчезнуть, и Ниночка ждала главного события своей жизни не только с опаской и трепетом, но и с надеждой на избавление от мучений. Роды должны были вот-вот прийти, но всё почему-то не приходило. Это стало вторым неудобством, постепенно перерастающим в настоящую проблему: по всем подсчётам родить Ниночка должна была ещё две недели назад. Тогда, ровно в день предполагаемых родов, Алёша, Ниночкин муж, отвёз её в роддом, находящийся на территории больницы, где сам он служил хирургом-травматологом, мотивируя свой поступок тем, что ждать

всё равно осталось недолго, а московские пробки в любое время дня и ночи не сулили ничего хорошего.

Ниночка всё представляла себе совсем не так. Она вообще не была готова к переживанию беременности. Ей было стыдно сознаться в этом перед другими людьми, но к своим тридцати годам она понятия не имела, что беременность может быть как недоношенной, так и «перехоженной». В голове прочно засела традиционная картинка из фильмов, когда героиня внезапно хватается за пузо и начинает стонать и кричать в каком-нибудь супермаркете в самый разгар совершения покупок. Ниночка всегда считала, что с ней всё произойдет точно так же. Но шли дни, а схватки всё не приходили и не приходили. О больнице Ниночка вспоминала с содроганием, так как её свободолюбивая натура никак не могла привыкнуть к отсутствию свежего воздуха (на улице ещё лежал снег, и гулять никому не разрешали), ранним вставаниям для сдачи анализов и вообще больничным порядкам. Выдержав лишь три дня такой пытки, не обращая внимания на уговоры мужа, нарыдавшись вдоволь, она под расписку убежала из больницы, чтобы в спокойствии дождаться схваток дома. Ниночка предпочла покинуть больницу через чёрный ход, так как вид довольных мамаш, гордо передающих спелёнутые кульки молодым отцам, действовал на неё угнетающе. Она со своим так и не разродившимся пузом казалась самой себе просто ущербной по сравнению с удачно разрешившимися от бремени сверстницами. Дом встретил Ниночку не очень приветливо: как-то диковато было вновь увидеть новенькую детскую кроватку, аккуратные стопочки вещичек для новорождённых и не иметь в наличии того, для кого всё это, собственно говоря, было приготовлено. Дальше открывались новые неприятности: каждый день приходилось отбиваться от беспокойных знакомых и родственников, которые своими телефонными звонками с вопросом «Ну как?» потихоньку расшатывали и без того уже раненую Ниночкину нервную систему. Ожидание превращалось в сумасшествие: ей начинало казаться, что эта беременность либо вообще никогда не кончится, либо будет длиться года три, как у слонов. Единственным человеком, кто мог успокоить разыгравшееся Ниночкино воображение, была её мама, Вера Степановна. По несколько раз на дню мать и дочь, как две подружки, висели на телефоне, обсуждая грядущее событие. Часто видеться воочию они не могли, так как Вера Степановна жила в древнем городе Коломне, в ста километрах от Москвы, на полпути в Рязань, а Ниночка опасалась далеко уезжать из столицы, так как близость Галенькиного появления на свет была уже слишком очевидной.

Откуда ей было знать, что любые роды всё равно приходят неожиданно, сколько бы их ни ждали и как бы тщательно ни прислушивались к происходящему внутри живота.

В тот день, двадцать второго марта, внутри живота всё происходило как обычно: Галька начинала весело дрыгать ножками именно в тот момент, когда мама, успокаиваясь, переставала двигаться и искать удобные позы для возлежания.

Все люди по-разному подходят к выбору имени для своего ребёнка: кто-то ищет нестандартное, необычно звучащее, кто-то называет в честь бабушек, дедушек, певцов, киноактёров и даже революционеров, кто-то желает, чтобы начальная буква имени совпадала у всех членов семьи,

кто-то не спешит искать имя вовсе, считая, что после рождения всё равно в запасе будет несколько месяцев, чтобы определиться окончательно. Рассказывали, что бывает и так, что подбирают родители имя малышу до его рождения, например, Вася, а когда видят впервые его личико, то сразу понимают, что никакой он не Вася, а Петя.

Ниночка и Алексей звали своё чадо Галиной вот уже пять месяцев, с тех самых пор, когда чудо-УЗИ показало, что у них будет девочка. Имя выбирали, следуя бабушкиной традиции, по святцам. Искали среди имён святых, дни которых празднуются в конце марта. Нине очень понравилось имя Глафира, Глаша. Но Алёшка, с детства не выговаривающий очень большое количество звуков, сказал, что ему тоже нравится, но устроит ли её, если из его уст оно будет звучать как «Гваша». Пришлось искать другой вариант. Двадцать третьего марта в святцах значился как Галин день. В переводе с греческого это имя обозначает «тишина». Будущие родители этому несказанно обрадовались, посчитав, что ребёночек родится спокойным и уравновесит Ниночкин холерический темперамент и чрезвычайно громкий голос.

Последние дни, отбиваясь от телефонных звонков, Ниночка шутила, что Галина не хочет родиться, не дождавшись именин. Неизвестно, верила ли в это она сама и думала ли, как станет отшучиваться, если роды не наступят и двадцать третьего марта, но сегодня, двадцать второго марта, она совсем ни о чём не волновалась, так как научилась жить одним днём и наслаждаться, по совету глянцевого журнала о беременности, последними спокойными семейными деньками вдвоём с мужем пока без присутствия третьего.

Телевизионная интрига в «Последнем герое» уже начала подходить к развязке, как вдруг Ниночка почувствовала какой-то дискомфорт в животе, как будто бы накануне она съела что-то не совсем свежее. В первый момент она никак не связала эти ощущения с родами, так как уж больно гастрономический характер они носили. Телевизор отвлек Ниночку от внутреннего самосозерцания ещё минут на сорок, но по прошествии оных ей вдруг стало понятно, что это ТО САМОЕ. Лёшка был рядом и уже начал нервничать, удивляясь тому, что Ниночка не торопится собираться в роддом, а преспокойненько досматривает «Последнего героя». Ниночку же, в свою очередь, удивлял тот факт, что схватки (а это были именно они, потому что повторялись с легко отслеживаемой периодичностью) были абсолютно безболезненными и совсем не напоминали боли первых дней женского цикла, то есть не были похожи на то, о чём рассказывала ей мать.

* * *

Утро двадцать пятого января 1973 года.

Верочка всю ночь спала крепким, ровным сном, потому что накануне вечером она спокойно, ни о чём не переживая, легла спать, ведь роды ожидалась лишь через пару недель. Под утро она проснулась, почувствовав тяжесть в животе, как перед началом женского цикла.

Верочка открыла глаза: четверть восьмого, значит, муж Володя уже ушёл на работу, и в доме осталась только её мама. Поначалу Верочка решила ничего не говорить Марии Семёновне, так как хорошо знала её

крутой нрав. Надо было встать и идти сдавать экзамен по ненавистному сопромату: сессия была как раз в самом разгаре. Верочка, сделав усилие, заставила себя подняться с постели.

«Совершенно точно, что что-то не то», — подумала она.

Завтрак не принёс ни удовольствия, ни облегчения.

— Что-то я себя как-то неважно чувствую, — осторожно начала Верочка.

— Ну что ты там опять себе напридумывала? — прозвучал материнский ответ. — Когда настоящие схватки, о них так спокойно не сообщают, да и по сроку рано тебе ещё. Просто ты ищешь отговорки, чтобы не идти в институт. А ну-ка, быстренько собирайся и иди сдавай свой сопромат!

Ничего не поделаешь, пришлось подчиниться, благо что alma mater находилась в двух шагах от дома.

Верочка кое-как доплелась до нужной аудитории. Экзамен был в разгаре.

Она попросила, чтобы её пропустили без очереди. Профессор Завадский подошёл к делу со всей ответственностью и начал пытаться Верочку по вопросам билета со всем пристрастием, на которое был способен. Верочке больше всего на свете хотелось встать и уйти, чтобы снова оказаться дома, в своей постели. Она никак не связывала своё недомогание с наступающими родами, потому что явных схваток не было. Профессор почувствовал полное Верочкино безразличие к его предмету:

— Вы знаете, Вера, мне не хотелось бы портить ваш диплом единственной тройкой, поэтому я предлагаю вам ещё раз хорошенько почитать материал и прийти ещё раз через неделю.

— Помилуйте, Давид Иосифович, мне же рожать через две недели! Да и тройкой вы меня никак не обидите!

— Вот видите, Вера, у вас ещё есть время, я же приглашаю вас только через неделю. Идите, голубушка, идите и докажите, что вы достойны другой оценки.

Меньше всего на свете Верочке хотелось в тот момент кому-то что-то доказывать, но Завадский был неумолим.

Вернувшись домой, она попыталась было прилечь, но боль усиливалась. К обеду Вера поняла, что тяжесть в низу живота уже далеко не однородна, а разлепилась на слабые схватки. Она сообщила об этом Марии Семёновне.

— Подожди, я должна узнать, «наша» ли смена сегодня дежурит в роддоме, — парировала мать.

Тогда было принято все дела обустроить по благу.

— А что, если не «наша»? — с отчаянием в голосе спросила Верочка.

— Значит, потерпишь до следующего дня, — последовал категоричный ответ. — Первые роды обычно долгие: четырнадцать–восемнадцать часов.

От такого заявления Верочку охватило отчаяние: терпеть боль становилось всё труднее и труднее. Она искала положение поудобнее и вскоре поняла, что единственное, что приносит ей облегчение, — это ходьба и частое, поверхностное дыхание. Верочка носилась по комнате, потирая рукой спину, и вместо того, чтобы попросить мать собирать вещи для роддома, думала только о том когда же вернётся с работы Володя.

А тем временем Мария Семёновна названивала в роддом:

— Алло, здравствуйте, скажите, пожалуйста, а Ольга Яковлевна сегодня дежурит? Нет? А Сергей Афанасьевич? Тоже нет? Какой кошмар! А когда они будут? Послезавтра? Вера, что же делать?! Ты можешь ещё потерпеть? У тебя действительно схватки? Ты знаешь, что схватки могут быть ложными? Будем терпеть до последнего, в роддом поедем, только если тебе станет совсем неважно!

У Веры не было сил спорить. Изредка она пробовала прилечь, чтобы поспать и отдохнуть, но как только она пыталась это сделать, боль усиливалась, и Верочка снова принималась мелкими шажками мерить комнату, делая короткие и частые выдохи. Вечером, около семи, пришёл наконец Володя, увидел жену, мысленно махнул рукой на тещины причуды и, не теряя времени даром на комментарии к происходящему, стал быстро собирать сумку, лишь изредка, на глубоком выдохе обращаясь к Марии Семёновне за советом, что туда ещё положить.

Весь день было ясно, солнечно и морозно, а к вечеру, когда стемнело, стала подниматься метель. Верочка с ужасом представляла себе путь до больницы, но до этого надо было ещё исхитриться влезть в сапоги и ондатровую шубу, улучая короткие передышки между схватками, которые повторялись уже через каждые три-четыре минуты.

В их маленьком городке никто не пользовался ни официальным такси, ни частниками; неизвестно, была ли такая услуга в то время. Своей машины Верочкина семья не имела, да и до больницы было не так далеко: если пешком, то минут пятнадцать напрямки через парк, если на трамвае, то чуть дольше, потому что надо было проехать ровно половину круга до противоположного конца города, но зато не своими ногами.

Верочкин дом находился между двумя трамвайными остановками: до одной, той, что слева, было совсем рукой подать, до другой — идти метров пятьсот-шестьсот. Когда все трое наконец вышли из дому с целью доставить Верочку в роддом и сделали первые шаги к ближайшей трамвайной остановке, из подворотни выскочила чёрная кошка и перебежала дорогу.

У Верочки перехватило дыхание, но не из-за боязни чёрных кошек, а из-за того, что Мария Семёновна не только любила устраивать все дела по благу, но и была жутко суеверной, что по всем православным канонам шло вразрез с религией, но совершенно не смущало саму Марию Семёновну.

— Всем стоять! — скомандовала она. — Разворот на сто восемьдесят градусов!

— Но мама, я же не дойду! — взмолилась Вера.

— Ты что, хочешь, чтобы всё неизвестно чем закончилось? Ты не желаешь добра собственному ребёнку? О себе не думаешь, так хоть о нём подумай!

Володя не стал спорить с тещей, так как понимал, что это бесполезно и только отнимет драгоценное время, которого у них и так почти не было.

Все трое двинулись в противоположном направлении, стараясь не оценивать на глаз расстояние до остановки. Верочкины охи и ахи заглушала метель, которая теперь была им в лицо.

— Да здесь идти недалеко, — подбадривала мама дочку. — Ну давай, бери меня под руку, вот так, вот так, ты всё можешь, ай, как хорошо мы идём.

Всё на свете когда-нибудь кончается, кончился и этот невыносимо трудный путь, и по счастливому совпадению трамвай подошёл почти сразу же.

* * *

— **Нин**, давай потихоньку собираться и выходить.

— Погоди, Лёш, а вдруг это ложные схватки? Представляешь, какой будет позор, если я во второй раз заявлюсь в вашу больницу, а роды не наступят? Мало того, что о тебе подумают... Меня там оставят, и уж на этот раз мне точно светит искусственная стимуляция. А я не хочу, сам же учил, что все должно быть естественно и натурально.

— Да разве у тебя не схватки? Тебе что, не больно?

— Представляешь... Не больно! Ну совсем не как в кино и не так, как мне об этом рассказывали!

— И всё-таки я думаю, надо потихоньку выдвигаться.

— Ладно, только дай я с мамой ещё разок проконсультируюсь.

Ниночка набрала номер на мобильном. Взволнованный голос Веры Степановны вопрошал, что случилось. И вдруг на Ниночку «напал хохотун». То ли это был смех от счастья, что такое важное и ожидаемое событие должно было вот-вот произойти, то ли это было что-то нервное.

— Я просто не знаю, а вдруг это не то, и я просто съела что-нибудь?

— У тебя что, живот болит? — вопрошала мама.

— Да, болит, мам, болит, ты расскажи лучше ещё раз, как он болеть должен?

— Да как-как? Как перед месячными, только во много раз сильнее. А у тебя как?

Ниночку продолжал душить хохот:

— Ой, мам, помнишь, до того как побывать в Париже, сколько я об этом мечтала, сколько представляла себе этот город: весь в огнях, фейерверках, яркий, праздничный, радостный, как в рекламе! «Увидеть Париж и умереть!» И что? Когда я наконец очутилась там, он показался мне серым, грустным, безликим!

— Нина, ты рожает! Какой Париж?! Ты совсем с ума сошла!

— Мам, просто эти роды, как Париж, оказались совсем не тем, что я так долго силилась себе представить и чего так боялась!

* * *

Когда за Верой, её мужем и матерью закрылись трамвайные двери и метель перестала заглушать её крики, стало ясно, что ей совсем невмоготу.

Володя оглядел салон, понял, что пассажиров совсем немного, и постучался в водительскую кабину.

— Слышь, командир, у меня жена рождает, боюсь, не успеем. Давай без остановок, а?

Водитель, которого, как потом оказалось, тоже звали Володей, не стал задавать лишних вопросов, а взяв микрофон, извинился перед пассажирами и объявил, что по техническим причинам едет до горбольницы без остановок и что те, кому маршрут не подходит, могут сойти прямо сейчас.

В тот вечер редкие прохожие на остановках, пряча лица от метели в поднятые воротники, могли видеть странный трамвай, который появлялся из темноты светящейся точкой, стремительно приближался, постепенно вырастая в обычный, освещённый изнутри вагон, но вместо того чтобы тормозить, грохотал, предупреждающе звенел что есть мочи, проносился мимо на совершенно нетрамвайной скорости и снова превращался в светящуюся точку.

А в это время внутри вагона происходило следующее: Мария Семёновна, разворачивая перед искажённым от боли Верочкиным лицом скомканный листочек, просила, умоляла её непрерывно повторять 90-й псалом.

— Читай, Вера, читай, ты же знаешь его наизусть, мы же учили его с тобой!

После того как Вере помогли сойти на нужной остановке, инстинкт подсказал ей, что времени больше нет и надо бежать.

Через много-много лет, когда, смеясь, она будет об этом рассказывать гостям на дне рождения взрослой уже дочери, она так и не сможет понять, как Бог дал ей сил бежать через больничный парк к родильному корпусу с такой скоростью, что ни муж, ни мама не могли её догнать.

Вера влетела в приёмный покой первой, и её тут же скрутила схватка. Невозмутимые во все времена сотрудники роддома переждали момент, когда женщина сможет разогнуться и ответить на их традиционные вопросы, чтобы заполнить анкетные данные в карте.

— Ваше имя?

— Дата рождения?

— Номер паспорта?

— Прописка?

Вера отвечала в промежутках между схватками, но они были такими короткими, что почти после каждого вопроса она хваталась одной рукой за живот, а другой за спину, сгибалась пополам, а из её груди непроизвольно вылетали громкие гортанные звуки.

Потом у Верочки забрали одежду, выдали казённую застиранную ночнушку, халат с запахом и повели наверх, в родильное отделение. Роддом казался тихим и пустым: никаких криков рожаящих матерей или младенцев, тёмные палаты, освещён только коридор. Впрочем, Вере было не до этого.

Ей казалось, что она бежит из последних сил, хотя на самом деле она почти ползла, опираясь одной рукой о коридорную стену.

Наконец её привели в какую-то палату, но явно не в родильную, так как там не было ни специального кресла, ни стола.

— Я больше не могу, позовите врача! — взмолилась она.

— Тихонько, тихонько, милая, приляг, отдохни, — сказала пожилая нянечка. — Сейчас все, кто надо, придут. Это вам всем так кажется, что уже всё, а до утра небось промучиться придётся.

Скоро пришла врач, бросив на Верочку беглый взгляд, строго сказала: «Не тужьтесь!» — и принялась мыть руки в раковине в углу палаты, стоя к Вере спиной.

Верочка попробовала возразить, что она не может не тужиться, как вдруг коридор огласил звонкий здоровый младенческий крик её только что родившейся дочери...

* * *

Лёшка старался спокойно вести машину по достаточно свободным в столь поздний час улицам Москвы, но, как это ни парадоксально, мешала ему в этом сама Ниночка, так как на протяжении всего пути она продолжала безудержно хохотать.

Она продолжала улыбаться, еле сдерживая смех, и в приёмном покое.

Молоденькая медсестра, оформлявшая карточку, посмотрела на неё из-под очков и подозрительно спросила:

— А вы уверены, что это роды, может быть, это ложные схватки?

— Уверена, — со счастливой улыбкой оглядываясь на мужа, ответила Ниночка.

— Просто, если я сейчас всё оформлю, вас отсюда больше не отпустят, сделают стимуляцию, — предупредила медсестра, — у вас уже очень большой срок. Вы засекали время между схватками?

— Да, три-четыре минуты.

— Девушка, это очень мало, при таком раскладе вы должны родить очень скоро, но, если бы это было правдой, вам было бы сейчас не до смеха.

Ниночка, продолжая улыбаться, не стала возражать медсестре, а обернулась к Лёшке, чмокнула его в щёку и сказала:

— Ну, езжай домой, ложись спать, утро вечера мудренее, а я, если что, тебе позвоню.

— Позвони. Особенно если понадобится обезболивающее; передашь трубку медперсоналу, я попрошу: мне как сотруднику больницы не откажут.

— Хорошо, хорошо! Не волнуйся.

Они привычным жестом одновременно перекрестили друг друга. Это было благословение: на Лёшкин спокойный сон и Ниночкины удачные роды. Несмотря на моду, когда муж присутствует при родах жены, Лёшка сразу категорично отнёс эту идею, аргументировав это тем, что, будучи медиком, не сможет сдержать волнения и станет отпихивать врачей, крича, что они всё не то и не так делают. Ни один врач не потерпит такого буйного папашу.

У Ниночки забрали все её вещи, разрешив оставить только мобильный телефон, взамен выдали застиранную ночнушку и байковый халат с запахом.

Её отвели в предродовую палату, вскоре пришёл молодой доктор, поставил на живот какие-то датчики.

— Всё в порядке, но родите вы не скоро. Надо подождать до утра, так что постарайтесь заснуть, — сказал врач и вышел из палаты.

Ниночка перевернулась на правый бок и стала смотреть в окно. Шёл уже первый час ночи, на улице было тихо, горели фонари, качались тени по-мартовски голых ещё ветвей деревьев, и лишь изредка слышались голоса случайных прохожих. Смех отпустил Ниночку, ей по-прежнему

совсем не было больно, но она не могла и не собиралась подавлять охватившее её возбуждение в ожидании самого главного события в её жизни. Это было похоже на предновогодние ощущения, как в детстве, когда всё уже готово к встрече праздника, накрыт стол, торжественно расставлены хрустальные фужеры, но оставшиеся до прихода гостей несколько часов тянутся бесконечно долго, родители заставляют заснуть, а ты не можешь, потому что боишься проспать всё самое главное, и почему-то тебе хочется запечатлеть, запомнить каждую минуту этой чудесной ночи.

Она смотрела в окно и думала о том, о чём, наверное, иногда думают все беременные: каждый день, каждую минуту на этой планете появляется новый человек. Сколько людей ходит по земле! И ведь их всех кто-то родил! Вот слышен поющий голос пьянчужки за окном — и ведь его тоже кто-то родил! И медсестру в приёмном тоже! И этого врача, который только что был здесь! Она попыталась представить себе суммарную схватку всех рожающих на земле женщин одновременно...

Надо сказать, Ниночка не посещала никаких курсов по подготовке к родам. Одна из её подруг, прошедшая такие курсы за немалую плату, как-то сказала, что правильно дышать во время родов всё равно никто научить не может и что дыхание ей придётся подбирать самой, пытаясь приладиться к боли. Ниночка совет хорошо запомнила и вообще давно решила ко всему подходить интуитивно.

Но самое смешное в этой истории было то, что лёгкие схватки, проходящие каждые три минуты, совсем не были болезненными, и ни о каком дыхании Ниночка даже не думала.

Тут она вспомнила ещё один интересный факт: согласно поверью, если перед родами примириться со всеми и у всех попросить прощения, то по милости Божьей боль может сократиться или исчезнуть совсем. На Прощёное воскресенье Ниночка попросила прощения у всех, кроме свекрови, с которой у неё были натянутые отношения, — гордыня помешала.

Поскольку роды задержались на целых две недели, за это время свекровь сама приехала в гости на один день, и Ниночка не стала противиться обстоятельствам и попросила-таки у неё прощения за всё.

Она читала где-то, что ребёнок сам выбирает день, когда ему родиться, что это он и только он запускает тайный механизм выделения гормона окситоцина, от которого, в свою очередь, зависит весь процесс родов.

Сейчас, одна в пустой палате, лёжа лицом к окну, она удивлялась превратностям судьбы и тому, как не родившаяся ещё дочь уже руководит своей и её жизнью: отложила день рождения в аккурат до своих собственных именин, дав матери ещё один шанс примириться со свекровью.

«Так вот почему я не чувствую боли! — думала Ниночка. — Спасибо, Галенька, спасибо, умный мой ребёнок!»

Но боль всё-таки пришла: схватки резко усилились часам к трём утра. Всю ночь к Ниночке никто не заходил, и она сама стала экспериментировать с обезболивающими приёмами: пыталась ходить, даже вставать на четвереньки, дышать поверхностно и часто-часто, поворачиваться с боку на бок — ничто не спасало. Если умозрительно представить себе схватку, то она была далеко не однородной и развивалась спиралеобразно: начиналась она с очень сильного витка боли, казалось, что хуже уже быть не может, но, пережив несколько таких схваток,

Ниночка уже заранее знала, что с каждым витком боль будет только набирать обороты, пока не дойдет до какого-то предела, который уже почти не в состоянии вытерпеть человек. Между схватками она пыталась отдыхать, но вскоре поняла, что в этих промежутках она с ужасом ждёт начала новой схватки.

Конечно, она молилась. Но из-за схваток она даже не могла произнести «Отче наш» целиком, вместо этого она могла твердить только Иисусову молитву.

«Схватка — это не от слова “хватать”, и это не про мышцы, которые как будто хватают тебя изнутри, это от “схватки, борьбы с самим собой”», — подумала Ниночка.

Ей показалось странным, что ни один из советов бывалых подруг по обезболиванию ей не подходил: очень скоро ей стало ясно, что терпеть боль она могла только лёжа на кровати, да и то в одном-единственном положении. В самые трудные моменты она вытягивалась и упиралась пальцами ног в прохладный металл спинки кровати, и это единственное, что приносило ей хоть какое-то облегчение.

К шести часам утра боль стала просто невыносимой. Ниночка вытащила из-под подушки мобильный телефон. Она сжимала его в руках, смотрела на горящий дисплей и еле сдерживала себя, чтобы не набрать Алёшу и не обрушиться на него с претензиями, что он спит себе спокойно в то время, как она...

После шести её стали навещать врачи, но все говорили, что рожать ей ещё рано, что надо подождать ещё чуть-чуть. Сколько будет длиться это «чуть-чуть», никто сказать не мог. В палате над дверью висели круглые чёрно-белые часы. Нина смотрела на них, на почти не двигающиеся стрелки, и ей казалось, что время застыло, что оно вязнет или специально отказывается идти с обычной скоростью. Ниночка уже просто не знала, куда деваться от боли, как вдруг она поняла, что последняя схватка была слабее предыдущей, а это означало, что схватки начинали переходить в потуги. Надо сказать, что всё это время она обходилась без криков: просто не было в этом потребности. Потуги же принесли с собой звериное желание кряхтеть или кричать, но природная деликатность мешала Ниночке отдаться этому процессу целиком.

Вот тут-то и пригодились поверхностные выдохи, которым действительно нельзя заранее обучить.

В конце концов за ней пришли и переселили её в индивидуальную родовую палату с прозрачными перегородками слева и справа, сквозь которые Ниночка смогла увидеть пять разных вариантов родов: всё происходило как в немом кино — без звука, так как перегородки были звуконепроницаемы. Главный вывод, который она сделала из увиденного: акушерка приглашает на кресло тогда, когда дело осталось за малым: каких-то пять минут, и тебе показывают твоего малыша!

Уже несколько раз заходила акушерка, уже сидел за небольшим столиком в палате новый врач из утренней смены и записывал что-то в карту, не глядя на Нину, уже ей было сделано замечание, что «если она хочет ещё продлить себе “удовольствие” на несколько часов, то она, конечно, может продолжать заниматься поверхностным дыханием, но оно только задерживает процесс», но никто так и не пригласил её

проследовать на вожделенное кресло и никто не говорил киношное: «Тужься!»

Наконец акушерка стала, как казалось Нине, с некоторой заторможенностью движений расстилать на кресле зелёные одноразовые салфетки. Она всё делала так медленно, что хотелось крикнуть ей об этом.

Первый раз, как оказалось, Ниночка тужилась очень слабо, процентов на тридцать от необходимой силы. Во второй раз она собрала весь остаток сил и попробовала ещё раз. Акушерка её похвалила, а Ниночка выпалила лишь:

— Господи, как же это больно!

Но, несмотря на боль, Ниночка легко и очень быстро, со следующей потуги, родила девочку. Когда врачи взяли в руки её ребёнка, они тут же спросили: «Уж не Галя ли это?»

Ниночка была просто потрясена, утвердительно закивала головой и спросила:

— А откуда вы знаете?

На что был получен ответ, мол, такая работа, уже всех святых назусть выучили. Часы пробили 11.45 утра.

* * *

Вера услышала несколько голосов за окном, зовущих её.

Она встала с кровати, подошла к окну и увидела под ним девчонок из своей институтской группы, а среди них, о Боже, самого Завадского!

Пожилой профессор стоял с виноватым бледным лицом, в руках у него был букет красных гвоздик, а девчонки радостно прыгали вокруг него и махали Верочкиной зачёткой: там, как нетрудно было догадаться, красовалась пятёрка по сопромату. Как потом узнала Вера, подруги в красках расписали бедному профессору, как он, негодяй, довёл девушку до преждевременных родов.

* * *

Ниночку оставили одну блаженно отдыхать на каталке прямо в родовой со льдом на пузе. Рядом на пеленальном столике надрывалась, разинув огромный галчачий ротик, «уже одетая» Галина-«тишина». Ниночка набрала номер Веры Степановны. После серии гудков из телефонного аппарата на неё вдруг хлынул переливчатый колокольный звон и радостные рыдания матери. А в трубке Веры Степановны, вышедшей из храма на соборную площадь сразу после воскресной литургии, раздавался неистовый Галенькин плач. Для двух матерей оба звука — колокольный звон и голос новорождённого ребёнка — слились воедино. В этом не было ничего удивительного, ведь происхождение и того и другого не имело почти никакого отношения к грешной земле: оно было Божественным!

БРУСЕНСКИЙ ЮБИЛЕЙ

2012 год стал особенным для Успенского Брусенского монастыря. Древнейший в Коломенском кремле, сегодня он встречает своё 460-летие. Веками оставалась обитель вторым духовным центром крепости после кафедрального Успенского собора. И неспроста монастырь основали в 1552 г. (после победоносного взятия Казани) также в честь праздника Успения Богородицы. Богоматерь была покровительницей русского воинства, и шатровая Успенская церковь стала храмом-памятником, воздвигнутым Иоанном Грозным в честь воинов, павших в Казанском походе.

Главная здешняя святыня — Казанская икона Божией Матери. По преданию, она появилась в монастыре вскоре после обретения в 1579 г. в Казани чудотворного образа. Но сугубое почитание коломенского списка начинается в середине XVII в., после преодоления Смуты, во время которой Казанская икона стала символом национально-освободительного движения русского народа. Во время Смуты мужской Брусенский монастырь был разорён, но к середине столетия он возрождается уже как девичий. Его возрождение и особенное почитание Казанской святыни стало своеобразным памятником преодоления Смуты, 300-летие которого мы отмечаем в этом году.

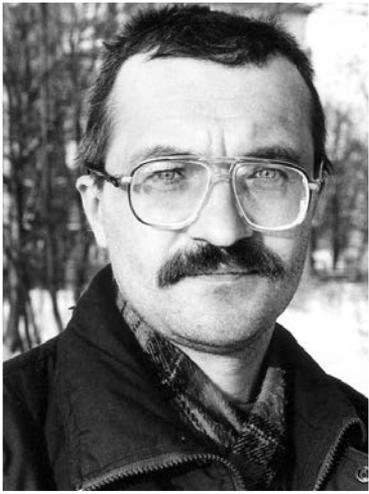
В конце XIX в. чтимый коломенский список был похищен святотатцами. Но в 2003 г. в одном из питерских архивов обнаружили точную копию с этой святыни, написанную на листе картона масляными красками. С неё сделали точный повтор; так чудесным образом икона вернулась в обитель.

Семь брусенских монахинь прославлены как новомученицы. Из Успенского монастыря происходит и святитель Григорий Шлиссельбургский (Лебедев). Сын здешнего священника, воспитанный брусенскими монахинями, он прославился как великий проповедник и 75 лет назад принял мученическую кончину.

Монастырь восстановлен в 1997 г., и с этого времени идёт постепенное возрождение молитвенной жизни и духовных памятников. Идёт служба в древней Успенской церкви, в прежнем великолепии восстановлен внешний вид Крестовоздвиженского собора, успешно реставрируется дивная «русско-готическая» ограда. Божией милостью алое чудо Брусенского возвращается к нам!

Алексей Курганов

МУСУЛЬМАНКА

Алексей Николаевич Курганов родился в 1958 году в Коломне. Окончил медицинский институт. Работал врачом, журналистом в газетах «Ять», «Региональные вести», в региональной газете «Грань» (город Раменское).

Публиковался в журналах «Воин России», «Молодая гвардия», «День и ночь». Герои рассказов и повестей А.Курганова — обычные, рядовые люди, наши современники, живущие в такое нелёгкое время, изображены правдиво, без прикрас. Автор искренне их жалеет, сочувствует им.

Дипломант международных творческих конкурсов — «Вечная память» (2010) и литературного — «Купель» (Карелия, 2010).

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

Рассказ

После десятилетнего отсутствия в отчий, коломенский дом вернулась Зинка. Именно что вернулась, а не приехала погостить. Сказала, что на-совсем. А вот почему — объяснять не стала, а домашние и не настаивали. Зачем? Понятно, что-то нехорошее случилось у неё там, на Кавказе. От хорошего не бегут. Может, опять война начинается? Так она вроде бы и не прекращалась, малость поутихла только. А может, ещё чего... Ладно! Вернулась так вернулась. Всё-таки родной дом-то, не чужой. Здесь всегда примут.

Она, Зинка-то, чего на Кавказ уехала? Она тогда, десять лет назад, замуж вышла. То ли за лезгина, то ли за осетина, то ли за кабардинца или чечена... В общем, за джигита. В общежитии познакомились, в Москве. Зинка там, в столице, на медсестру училась, а этот самый Мансурчик работал на какой-то стройке. Хотя какой из него, прохиндея, строитель... Насчёт того, что будущий зять — прохиндей, Иван Петрович, Зинкин папаша, сразу определил. У него глаз на таких шустрил на-мётанный. Зря, что ли, по молодости загорал на солнечной Кольме. Короче, будущий родственник Зинкиным родителям, а равно братьям Кольке и Вовке не очень понравился. А Светочка, младшенькая, даже пугалась его маслянистого взгляда и острых, как шило, усов.

Колька с Вовкой поначалу разрешения у отца спросили, чтобы, значит, женишка на вшивость проверить. Ладно, согласился Иван Петрович, но морду желательно не портить. Может, и в самом деле придётся породниться... Только не вышло ничего с проверкой.

Жених оказался парнем не промах: быстренько догадался, зачем братья его на прогулку в лес приглашают. Когда дошли до опушки, и кулаки у Кольки с Вовкой докрасна раскалились, тот смазал внимательным взглядом, криво усмехнулся и ножик показал. Хороший ножик, длинный и, судя по хищно блеснувшему жалю, острый. Таким очень удобно поросят резать. После чего снова усмехнулся и своё убойное оружие куда-то — то ли в штаны, то ли в пиджак — моментально спрятал.

Нет, братья, в общем, не особо и испугались. Просто какую-то скукоту в грудях молодецких почувствовали. Очень уж на них большое впечатление произвёл даже не сам ножик, а то, как молниеносно он в мансурчиковых руках оказался и так же молниеносно исчез. Сразу видно — настоящий джигит, опыт имеется! Они хоть и малость туповатые, Колька с Вовкой, но сообразили: дела хреновые. В общем, хорошим парнем оказался Мансурчик. Свой по натуре. Такой и нужен их старшей сестрёнке — дуре-перестарке Зинке.

Кстати, это затянувшееся девичество было едва ли не главной причиной, что семья Зинкиному выбору особенно-то и не противилась. Да, некрасивой Зиночка уродилась, чего скрывать! Откровенно серенькой и тихоней. Просто монашка какая-то, а не достойная представительница их уркаганской семьи. А что, собственно, Зиночка? Ну тихая, ну не Софи Лорен... Зато с нужной профессией медицинской сестры, а вот теперь ещё и замуж собралась. Всё по уму. Да и то, что в кавказские горы собралась уезжать, — тоже правильно. Испокон веков на Святой Руси жена к мужу в дом уходила, а не наоборот. Значит, так тому и быть. Так и договорились. Так и сделали.

И вот вернулась. Да не одна: с дочками, Гуленькой и Томочкой. Вообще Зинка там, на Кавказе, четверых родила. Ещё были мальчики — Джангур и Мусик, Муса. Иван Петрович малость понедовольничал, что хотя бы одного могли уж русским Ванькой назвать, его уважить. Но знающие люди объяснили: в тамошних краях мальчиков принято называть, как мужчины пожелают, в первую очередь глава рода. Гуленька же с Томочкой внешне были под стать матери: такие же пышечки с невыразительно-блёклыми личиками, такие же светловолосые, такие же тихие. Лишний раз рта не раскроют, на улицу редко показываются, всё больше по дому ходят, молчат и застенчиво так улыбаются. Совсем русские дети совсем не русских гор.

Несмотря на то что ничего особенного вроде бы не произошло (ну вернулась дочь к родителям, ну и что?), для их тихой улицы, сонной, умеренно пьющей по будням и досыта по праздникам, жадной посплетничать, это возвращение стало событием. Во-первых, из-за самого факта возвращения. До неё сюда, на улицу, ещё никто не возвращался, потому что никуда и не уезжал. Вторая причина, по которой соседи пришли во взволнованное движение, касалась Зинкиных детишек. Вопросов здесь было, как в Государственной думе, — невпроворот. Почему привезла только девочек? Мальчики остались добровольно или родня не пустила? Почему девочки на улицу редко выходят? Стесняются, что ли?

Было также интересно, как ей, Зинке, жилось все эти долгие годы? Нет, понятно, что не в меду купалась, раз смылась всё-таки. И наконец, правда ли, что мужикам-мусульманам всем подряд делают обрезание, в результате чего они становятся в постели такими шустрыми, что прямо караул. И правда ли, что они перед половым контактом обязательно молятся, в отличие от наших дураков, которые кидаются на нежный женский организм без всякой предварительной молитвы?

В свою очередь, Зинка, хотя и видно было, что не особенно-то и расположена откровенничать, вежливо здоровалась, интересовалась соседскими проблемами, но насчёт себя отвечала нехотя, в долгие разговоры не вступала: «да», «нет», «спасибо», «всё нормально». Что, понятно, разжигало к ней ещё больший интерес. Вроде бы вот она, с виду простая и знакомая, и говорит-отвечает спокойно и по-русски, а то, что не молотит языком, как помелом, так это, может, оттого, что отвыкла. Может, там, в ихнем ауле, бабам положено сопеть себе в тряпочку и репродуктор свой включать только в крайних случаях. Так что её экзотическое немногословие было народу понятно. И в то же время — нет. Как это так? Ну ладно, — там, среди диких абреков, может, лучше и скрытничать. Там сама жизнь к тому заставляет, а то мякнешь чего не то — враз уши отрежут. Но сейчас-то ты, Зина, дома! Чего сейчас-то таиться?

К такому Зинкиному поведению разные члены семьи относились по-разному.

— Не трожьте её! — сказал, как отрезал, Иван Петрович, муж, отец и глава дома. — Никто не неволил замуж выходить. А не послушалась добрых советов, выскочила, — значит, всё, ша — теперь тащи и не скули!

— Был ты чурбан бесчувственный, таким и остался! — тут же в ответ набрасывалась на него супружница, Людмила Макаровна. — «Не трожьте»!.. Да кто её трогает-то? А всё одно — нехорошо как-то получается, не по-людски. Живём прям как чужие! — И лезла в карман за сморкательным платком. — Нет чтобы поговорить с матерью, поплакать, посоветаться, душу облегчить... Я же вижу, что тяжесть какая-то у неё на душе! Что, не права? Ведь это же умом можно тронуться — так в себе замыкаться! А девочки? Тоже все в мать! Лишний раз глаза не поднимут, слова не скажут! Прямо как старушки! Нет, ну что ж это делается? Лучше бы на самом деле в девках засыхала или на стороне кого завела: всё было бы понятнее!

— Всё сказала? — вежливо поинтересовался Иван Петрович.

— Всё!

— Дура!

— Не дурей тебя! Ша как врежу поварёшкой!

— А я согласен с предыдущим оратором, — вступил в дипломатическую дискуссию Колька. — Одобряю! Мои аплодисменты!

— Чего это ты одобряешь? — подозрительно прищурилась его молодая жена Маруся. Они поженились вот уже два года назад и с тех пор никак не расстанутся, несмотря на периодически возникающие желания с обеих сторон.

— А насчёт лишнего слова, — пояснил Колька, — насчёт этого у них, у мусульман, строго. Чуть разболтался — сразу язык на стол!

— Ох, ох, ох! — И Маруся вызывающе упёрла свои мощные руки в свои столь же нехилые бока. — И откуда вы, Николай Иванович, знаете?

— А по телевизору показывали! Так что если бы ты, Манюня, не за меня, а за джигита какого замуж вышла, то твой, который без костей, был бы уже давно отчекрыжен! По самое по не балуйся!

— Дурак!

— Эх, нету в тебе, Манюня, никакой женской душевности, а одно только насмешничанье. Это плохо, Манюня! Горные мужики на тебя очень бы даже обиделись!

— А мне на них чхать! У меня свой козёл есть!.. Вот ты после работы пришёл, поел и завалился на диван футбол свой поганый смотреть. Джигиты небось футбол целыми днями не смотрят! У них небось по дому дел невпроворот!

— Правильно! Нормальный мужчина должен не под забором валяться, а на диване. А насчёт футбола — это надо у Зинки спросить. Зинк, твой мужик футбол смотрит?

— Смотрит, — тихо сказала Зина, застенчиво улыбнулась и пошла во двор. Иван Петрович проводил её долгим внимательным взглядом.

— Нет, сглазили девку! — сплюнул он. — Прямо не наша стала, не русская!.. А внучки где?

— В огороде. Картошку полют.

— А кроме них полоть некому? — взъерился Иван. — Они чего у нас тут, каторжные? То полоть, то поливать, то окучивать!.. А вы и рады на них всю работу спихнуть! Нет, я вам устрою праздник труда!..

— Их, между прочим, никто и не заставляет! — не осталась в долгу Маруся. — Они сами! По собственному желанию! Может, у них там, в горах, так и положено!

«**В** горно-лесистой местности... в пяти километрах от населённого пункта Ачхой-Мартан... частями спецназа и эмвэдэ блокирована группа бандитов... ожесточённая перестрелка... погибли три бандита, один из которых — глава местного подполья Али Бараев... ранены трое милиционеров... преследование остальных продолжается... — монотонно, как о чём-то давно наскучившем, бубнила телевизионная дикторша. — Вчера Государственная дума приняла решение о...».

— Когда ж эти чёрные успокоятся? — вздохнула Людмила Макаровна и, искоса взглянув на дочь, замерла: Зина, как загипнотизированная, невидяще смотрела на экран.

— Ты чего, доча? — встревожилась мать.

— Дядя Али... только что показали... — выдохнула Зина. — Он ведь Мансуру вместо отца...

— Это который бородатый, в папахе? А я и не узнал... Да, дела! — только и смог сказать Иван Петрович. — Он же сюда, на свадьбу, приехал! Помню, весёлый такой, всё песни пел!.. Бандит, значит?

— У него федералы отца убили и мать с дочерью. Дочь у них красивая была и умная. Хотела в институт поступать, в педагогический, чтобы учительницей... А их зачистили... С вертолёта, ракетой... Вот дядя Али и стал русским мстить.

— Хм, — неприятно поморщился Иван Петрович. — Вот и домстился. Плетью обуха не перешибёшь!

— Зато поступил, как мужчина, — тихо, но твёрдо ответила Зина.

— Вот и славненько! Вот и договорились! — играя каменеющими скулами, согласился Иван Петрович, разворачиваясь к дочери. — «Стал русским мстить». Ты, прежде чем говорить, репой-то своей хоть немножко думай! «Русским»!.. А ты кто, не русская? Им, значит, сочувствуешь, а нашим?.. Это чего же получается, а? Растили русскую девку, растили, — а она, оказывается, не наша?! Мусульманка! Аллах акбар!.. Спасибочки!..

— А я так думаю, что мужика этого можно понять, — задумчиво пробормотал Вовка. — Вот, например, если бы вас здесь какой-нибудь... замочил, то я тоже за автомат бы взялся. Святое дело — отомстить.

— Вы эти свои разговоры себе в задницу засуньте, — строго приказал Иван Петрович. — И чтоб нигде больше не трепаться! А то менты или прокурорские долго разбираться не будут. Враз зацокают. Понюхаете тогда, чем параша пахнет!

— Зин, а твой-то... где? — вдруг подала голос Светка. — Может, тоже — аллах акбар?

Зина неуверенно пожала плечами.

— Мансур — он мирный: точно дома, где ж ему быть?

— И-е-е-ех... — только и сказал Иван Петрович.

— Нет, вот теперь ты мне, Степаныч, объясни: что это за народ такой — эти чёрные? — сказал Иван Петрович, отставляя на тумбочку кружку с пивом.

Была суббота, банный день, святое дело.

— Это ты про Зинкиного, что ли? — догадался Степаныч. — Он что — из Дагестана?

— Нет, — Петрович щёлкнул пальцами, вспоминая название, услышанное вчера по телевизору. — Мартан, во!

— Ачхой-Мартан? — уточнил Степаныч. — Это Чечня. Предгорья.

Степаныч был буровым мастером, вот и попал однажды в командировку в Чечню. И недели не проработал — боевики подорвали буровую. Что такое пожар на буровой — это кто своими глазами не видел, никогда себе не представит. Это страсть Господня, когда горит всё, что может гореть и гореть не может. Вот Степаныч как раз и попал в эту самую преисподнюю. Потом полгода — в ожоговом центре, откуда вышел неузнаваемым: голая, без единого волоска черепушка, ни ресниц, ни бровей, уши скукоженные, загнутые в трубочки, размазанный по щекам нос и вся физиономия сплошь в багровых рубцах. Иван Петрович уважал Степаныча безмерно, как человека бывалого, на самом деле прошедшего через огонь и прочие трубы. Потому и спросил:

— Бывал в Мартане-то?

— Не. Мы — севернее. С мужиками оттуда работал.

— И как мужики? Злые?

— Народ как народ. Ни плохой, ни хороший. Как везде.

— Козлов, надеюсь, всё-таки больше?

— Больше, меньше... Кто их считал-то? У нас в России тоже хватает...

Тут, главное, самому человеком оставаться. Чтобы, значит, не собачиться, а мирно жить...

— Насчёт того, чтобы мирно жить, — это ты, Степаныч, попал прямо в точку. Но они же сами себя режут! Кровная месть! Суд этот... как его...

— Шариатский, — подсказал Степаныч.

— Во-во! У них же никаких законов нет! В смысле — цивилизованных!

— Ладно, — задумчиво сказал Степаныч. — Расскажу я тебе историю, которая с одним моим тамошним знакомым случилась. Да-да, с чеченцем, не русским. У него двоюродный брат был, инвалид. После первой войны купил машину и стал таксовать. И исчез. Через два месяца его нашли убитым, около трассы. Машина пропала. Как положено, подняли на ноги весь род. Сначала подумали на армейцев, но вдруг через знакомых узнали, что машина в Ингушетии. Приехали к этому ингушу, говорят: это наша машина, её владельца убили. Говори, у кого ты её купил, иначе будем считать, что убийца — ты. Тот понял, что дело хреново: не скажешь — поставят на ножи. Выдал «продавцов». Родственники убитого посылают в их семьи гонцов, говорят: выдайте их нам! Те попросили время, чтобы самим всё расследовать. Родственники дали на всё про всё две недели. Те расследовали — да, всё правда: убили, машину угнали. Надо просить прощения, а случай-то безнадежный: мало того, что убили человека, — убили немощного инвалида, а это там, в Чечне, считается самым паскудным делом. Там у убитого осталась жена, дети малолетние, да и когда убили, то бросили, как падаль. И плюс ко всему убили не из-за мести, а из-за наживы, а это уже совсем другой расклад. В общем, такие дела там не прощают. Ну а с самими злодеями вопрос, можно сказать, решённый: им всё равно кирдык. Но у них тоже семьи, тоже дети... Что делать? Короче, родственники посылают ответных гонцов. Чтобы простили хотя бы семью. У них там — это первая, как бы сказать, ступень: договориться, чтобы никто из родственников убийц не пострадал.

Согласились. Договорились о встрече с родственниками убийц. Те в назначенное время приезжают, убийц несут на носилках, завёрнутых в саван, как уже покойников. Там так принято. Он, убийца, не имеет права ни стричься, ни бриться, ни вообще никак показывать, что живой. Вынесли их из машины, стоят на улице, а несколько человек, самых уважаемых, — это обычно старики и мулла — идут во двор убитого. Пришли и говорят: мы не можем просить вас о снисхождении, им нет оправдания. Можете их убить, ваше право, мы их вам отдаём. Но только один вопрос: кому от этого будет польза? Убитого всё равно не вернёшь, а их семьи тоже осиротеют. В общем, вам решать. Как скажете — так и будет.

Этот уважаемый человек их выслушал, ушёл в комнату, чтобы подумать. Потом вернулся и говорит: мы не хотим крови и поэтому прощаем ваших сыновей. Но с одним условием: чтобы они покались и стали людьми. Мы будем постоянно за ними следить, и если они посчитают нашу уступку за слабость, мы их уьём и объявим вашему роду кровную месть.

Был в этом, конечно, определённый риск. В самой семье убитого нашлись недовольные. Потому что, если родственники убийц простили, то им могут сказать, что они — тряпки, слабаки, а это для чеченов — страшный позор. Но делать нечего, судья так решил, и его решение — закон. Пошли в мечеть, объявили о решении прилюдно, для всех жителей и своего села, а значит, и соседских, и всех других. Вот такая история.

— Да-а-а, Степаныч, сильный ты аргумент привёл, — протянул Иван Петрович. — Это всё политики виноваты. Это они, козлы, воду замутили. А нам отдувайся.

Уехала Зинка так же неожиданно, как и приехала. И что обидно: всё уже потихоньку налаживаться началось. И визу сделали (хоть пока и гостевую, но уже нашли того, кого смазать надо, чтобы на «постоянку»). И насчёт работы договорились: пока патронажной медсестрой в поликлинике, с понедельника уже надо было выходить. Опять же, Гуленьку в школу, в первый класс, записали и купили всё, кроме спортивной формы. Светка сказала — купит самый настоящий «адидас». А Томочка пусть дома сидит, с бабкой Людмилой Макаровой: ей, бабке, на пенсии делать нечего, вот пусть и возится... Так что довольны были все, и все смеялись-радовались, и планы строили, — и на тебе, всё в одночасье накрылось медным тазом: в субботу вечером пришёл какой-то чёрный тип (Иван Петрович видел его, кажется, несколько раз на рынке). Переговорил с Зинкой на своём тарабарском языке, конверт ей какой-то сунул и на прощанье ещё чего-то гаркнул по-ихнему, по-разбойничьи. Зинка после его ухода лицом изменилась, губу закусил, глаза прикрыла, даже выдохнула как-то странно, вроде застонала. А уж потом сказала встревожившимся родителям:

— Уезжаем мы. И всё. И ничего не спрашивайте... Очень прошу.

Мать ахнула, креститься начала.

— Куда ещё? — сдвинул брови Иван Петрович. — А ты меня спросила, пушу я тебя или нет?

— Надо, — услышал в ответ. — Мансур зовёт.

— Что значит «зовёт»? — начал звереть Иван Петрович. — Ты что, собака, что ли? Захотел — позвал, захотел — иди отсюда?... Да и девки только-только освоились. Нет, я и говорить с тобой не собираюсь. Не пушу — и все дела! А этот, с рынка, если ещё раз придёт, — я его встречу... Ох, встречу!.. Он, какие слова русские знает, — и те позабудет!

— Раненый он... — сказала тихо Зинка.

— А будет убитый! — пообещал Петрович.

— Мансур раненый...

— Я тебе уже сказал! И девок не дам! А сама, если ты дура последняя, можешь валить! Скатертью дорога!..

Иван Петрович сел за стол, бестолково провёл по нему рукой. Как-то сразу стало не о чем говорить. Зинка молча поднялась со стула, молча пошла в комнату.

— Куда? — рывкнул Иван Петрович, но уже потише, поспокойнее.

— Собираться... — услышал в ответ. — Сейчас Шамиль приедет...

— Басав? — нашёл в себе силы пошутить он.

— Евлоевы они...

— А девчонок-то зачем берёшь? — спросил Иван Петрович тоскливо. — Гуленьке в школу надо, да и Томуське здесь спокойнее. Они ведь привыкли уже... Не бери!

— Мансур сказал: взять...

— Мансур сказал, Мансур приказал!.. — теперь уже разъярилась доселе только вздыхавшая горестно Людмила Макаровна. — Отец правильно сказал: ты у него — как собака дрессированная! Поимела бы хоть гордость-то!

— Я же сказала: раненый он...

— Ну и что теперь? Лечить его некому? Да, может, и врёт этот чёрный? Хитростью хочет выманить! У них это запросто!

— Про такое не врут, — качнула головой Зинка. — Соврал — смерть. Мужчины говорят: закон гор.

— А бабы, значит, права голоса не име... А-а-а! — и Иван Петрович отчаянно так рукой махнул. Дескать, поступай как знаешь. Только и бросил напоследок:

— Когда вернёшься?

Зинка подняла на него глаза. Всё понятно. Можно было и не спрашивать.

— Вот деньги, — сказала и конверт протянула. — Надо будет — тратьте.

— Забери, — отвёл её руку Иван Петрович. — Свои есть. Слава Богу, работаем — не христарадничаем... Ты пиши, что ли... — глухо сказал он и вдруг неумело обнял, прижал к груди, словно спрятать хотел, а вот никак не прячется, хоть наизнанку вывернись, хоть тресни, — никак...

Зинка, опустив голову, молча уткнулась в него носом, не глядя положила конверт на стол... Потом отстранилась и пошла собираться.

Следом за ней, как собачонки, побрели притихшие девочки...

Прошёл год, два. От дочери не было никаких вестей: на письма не отвечала, на звонки по мобильнику — тоже. Иван Петрович свирепствовал, орал на всех подряд, даже участкового обматерил и выгнал, за что полдня попарился в отделении... И снова жизнь постепенно выровнялась, устаканилась. Правильно говорят: время — лечит, тем более появилась новая забота: Маруся наконец-то понесла и родила парнишечку, которого назвали Митяем, в честь прадеда. И по телевизору Иван Петрович, как всегда, смотрел всё подряд, и только когда показывали про Чечню, телевизор или переключал на другую программу, или выключал вообще...

Детство Ларисы Александровны Морозовой прошло в Коломне. Окончила Первое Московское областное музыкальное училище. В 1978 году окончила Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных по специальности «музыковедение».

Впервые её стихотворение появилось в газете «Коломенская правда», когда автору было 13 лет.

Пишет песни. Печаталась в журнале «Студенческий меридиан». В 2001 году вышел поэтический сборник «Клавиши», в 2008 году — «Ветер времени».

Живёт в Москве.

Рассказ

Лариса Морозова

ВИД НА КРЫЛЬЯ В ЗЕЛЁНОЙ КОМНАТЕ

*Посвящаю Б.Р., без которого
этого рассказа не было бы.*

На соседней даче умер художник. Утром молочница долго шепталась у калитки с бабушкой, обе крестились и оглядывались на старый дом, окружённый берёзами.

Саша стояла в кустах с котлетой для лохматого барбоса Мишки. Ей надо было незаметно перебежать дорожку, и Мишка, чуя её, уже беспокойно гремел цепью у своей будки, но молочница всё не уходила, и поневоле Саша подслушивала.

— Намедни я его встретила в деревне, поздоровалась, а он вроде не узнал. А у себя всегда такой обходительный, только не улыбнётся никогда, — говорила молочница. — Ох, как подумаю, что он лежал там с открытыми глазами, — дочка-то уже холодного застала...

Саша попятилась, кусты затрещали.

— Тебе чего тут?.. — сердито оглянулась бабушка. — Ступай, ступай отсюда!

Саша шмыгнула к собачьей будке. Она посидела с Мишкой рядом, обняв его пыльный мохнатый загривок. Хотелось не помнить подслушанный разговор.

У Саши были свои отношения с художником. В первый раз она встретила его в лесу и сильно испугалась — он шёл прямо на неё, опираясь на толстенную суковатую палку, с седой всклокоченной бородой, глядя как-то

странно на Сашу и в то же время будто сквозь неё. Она быстро оглянулась и, никого не увидев, присела прямо у тропинки со всем своим добром, надеясь, что старик пройдёт мимо и не заметит.

Но он заметил — скорее не её, а это быстрое движение, и остановился. Внимательные, но какие-то очень невесёлые глаза оказались у него. Несколько секунд он смотрел на корзинку, где на травяной подстилке лежала маленькая кукла и четыре маслёнка, потом на саму Сашу в розовом платье с хвостатыми горошинами. Она не успела как следует испугаться, поэтому в смотрящих снизу на старика глазах было больше любопытства, чем робости. Он постоял, взгляд его сделался точнее, а потом словно отпустил Сашу. Он потрепал её по плечу и пошёл дальше, оставив лёгкий скипидарный запах.

Даже поздороваться Саша не успела.

С тех пор, встречаясь с художником, она делала губами движение, словно здороваясь, но вслух сказать ничего не решалась. И старик ничего не говорил ей, но по глазам его было видно, что он Сашу узнал. Расходились молча, как заговорщики, и Саша числила художника в своих знакомцах.

* * *

Большие дома прячутся в глубине лесных участков, а на усыпанную хвоей дорогу выходят только заборы.

На этой дороге после завтрака понемногу собирается народ с велосипедами.

Рыжая Катя приходит с Щугром — хвост кренделем лежит на спине, на морде с красноватыми глазами весёлая улыбка. Щугор настоящий северный пёс и вожак по призванию — всю ватагу ребят и собак он считает своими подопечными. Борзая Лёлька подчиняется охотно: она нежная и послушная. Саше кажется, что Лёлька вырезана из большого куска картона — такая плоская, если смотреть в профиль.

Её хозяйева — двоюродные братья Лёша и Серёжа, внуки знаменитого художника-анималиста. Серёжа на целую голову выше, но главный у них Лёша, авторитетный крепыш. Он знает решительно всё обо всём, а в настольный теннис обыграть его не может никто — даже взрослые.

Двойняшки Женя и Валерка совершенно не похожи друг на друга. Женя смуглая, тонколицая, а у Валеры вздёрнутый нос. Своего велосипеда у Жени нет — она обычно сидит позади Валерки, зажмурившись и поджимая длинные ноги. Коленки у неё исхлестаны ветками и побиты — как, впрочем, и у Саши.

Её подруга Таня — точь-в-точь кудрявый корнет Азаров из «Гусарской баллады», — является, ведя «в поводу» взрослый мужской велосипед. На него она садится, только когда все едут на речку, — это далеко, и тут уже, стоя боком на педалях и просовывая ногу под раму, она оказывается позади всех.

Собаки бегут сзади, и бдительный Щугор подгоняет Таню, чтобы не отбилась от стаи. Когда барбоса Мишку отпускают с Сашей, он на бегу громко лает, чего его родовитые приятели не допускают. Мишка же, освобождённый от сиденья у будки, бывает так счастлив, что ему нет дела до хороших манер.

Ватага перемещается с волейбольной площадки на пустующей даче на опушку, где все долго валяются под соснами. Разговоры тут неторопливые и очень интересные. Танина мама — театральная художница, и, между прочим, Саша узнаёт, что рисуют в театре не только декорации, но и костюмы и даже грим. И что художник — самое главное лицо в театре. С ней соглашаются: все члены компании, кроме Саши, учатся в художественной школе, у всех родители или дедушки и бабушки — художники. Некоторые такие знаменитые, что их картины выставлены в Третьяковке и Русском музее. Но больше говорят о том, что происходит в школе и дома, и Саша удивляется: и у них, оказывается, тоже уроки, домашние задания и экзамены, как и у неё.

Когда разбегаются по домам обедать, настает время чтения. Право читать за столом Саша отвоевала себе давно, и с этим мирятся все домашние. Она приспособилась читать даже за пианино, когда выученные наизусть этюды и пьесы позволяют ставить на пюпитр вместо нот книжку. Если мамы нет дома, Саша всю пользуется этим, стуча по клавишам, «как отставной козы барабанщик», по выражению старшей сестры Наташи. Но сейчас лето, а пианино осталось в городе. Как же повезло, что она не учится на художника!

После обеда Саша отправляется в угол сада, где между двумя соснами привязан гамак. Она устраивается на лиловом стёганом одеяле, открывает Льва Кассиля и забывает обо всём на свете.

Эта повесть о юном художнике Коле Дмитриеве зимой была ею не дочитана. Как только в книге кто-то умирает, Саша немедленно закрывает её и больше не возвращается, как бы ни стыдили её мама и сестра. Но вот этим летом сложилось так, что все друзья — художники, и не знать ничего об их жизни стыдно. И Саша заново читает, сживаясь с героем, глотает слёзы и всё-таки перешагивает через момент его гибели. Счастье жизни, оказывается, так непрочное, и умереть могут не только совсем старые, но и её ровесники...

Раскинув руки, Саша легонько отталкивается ногой от земли, раскачивая гамак всё сильнее и сильнее, глядя на мелькающие ветки и белые облака над ними. Не может быть, чтобы когда-нибудь кончился этот лес, птицы, которых слышишь с рассвета до заката, эти облака на синем-пресинем небе.

— Ни-ког-да, ни-ког-да, — приговаривает она, раскачиваясь, пока не приходит спокойная уверенность, что ничего плохого не может случиться.

Саша любит этот угол дачи. Густые заросли орешника и стоящие вокруг высоченные сосны образуют словно комнату с зелёными стенами. Здесь, в пещерке под корнями, у Саши живёт маленький плюшевый медведь, в игрушечном кресле сидит кукла, за кустарником в маленьком пруду полно ярких головастиков. Некоторые из них, выловленные сачком, уже рассажены в банки и ждут часа, когда превратятся в настоящих лягушек. Старшая сестра брезгливо относится к Сашину хозяйству и редко заглядывает сюда.

Из этого уединённого угла видна лишь верхушка соседского дома, похожего на огромный бревенчатый скворечник. Остроконечный верх застеклён с торцов, но никто никогда не выглядывал из этих окон, и Саша чувствует себя здесь настоящей отшельницей. Только по субботам, когда

из Москвы приезжает хозяйский сын Борис, она не торопится в свою зелёную комнату.

Борис выводит из сарайчика большой велосипед и присоединяется к ребячьей команде. Тогда все просто сходят с ума от веселья. На речке Серёжа с Борисом заходят подалее в воду и подкидывают всех по очереди вверх. Летящий счастливец кувыркается в воздухе, прежде чем с воплем шлёпнуться в воду.

Потом Борис срезает камышинку и, нырнув, надолго исчезает из виду. Пока все ищут его, он выскакивает из-под берега совсем с другой стороны, а потом учит всех сидеть под водой и дышать через трубочку. Больше всего это нравится Саше, поскольку плавает она кое-как, а тут этого никто не замечает.

Собаки висят на Борисе, пока он не забросит каждой палку подалее в воду. И к обеду все являются такими голодными, что даже Сашу не приходится упрашивать съесть котлету.

Пока она сидит, обхватив колени, и смотрит, как Борис таскает для матери воду из колодца, без устали опуская журавль с привязанным ведром в его гулкие бетонные недра. И как он ухитряется не упустить ведро? Саша с сестрой уже столько раз упустили...

Как только работа окончена, все отправляются на волейбольную площадку. Саша вприпрыжку поспекает за длинноногим Борисом, вышагивающим впереди с сестрой.

— Мечников давно доказал, что наступает момент, когда человек болезненно расстаётся с жизнью, — говорит он, — природа сама предусмотрела такой механизм. Ты обязательно почитай, я тебе привезу в субботу книгу...

— Я почитаю, конечно, но только непонятно, почему же тогда никто не доживает до такого момента, — усмехается Наташа.

Тема Сашу не занимает, и она убегает вперёд.

На площадке уже собралось много народу. Здесь и Таня, и Катюша, и мальчишки, которые прыгают у сетки. На длинных скамейках сидит молодёжь, приехавшая из города на выходные. Первые несколько игр Борис играет с ребятами, и, конечно, побеждает та команда, на стороне которой он играет.

— Так нечестно, — горячится Лёша, — вы все там длинные! Ничего удивительного, каждый над сеткой до пояса выпрыгнет! Ты к нам иди, тогда посмотрим!..

И Борис переходит на другую сторону. Попозже кто-то приносит ракетки для бадминтона, разбиваются в очередь, чтобы играть «на вылет». На скамейках смеются девушки, с террасы кричат, что самовар уже остыл...

День кажется бесконечным. У Саши с Женей запланировано ещё одно дело: Женя обещала показать свои работы. Они бегут через дорогу, на заросший густым осинником участок Жениного деда. Здесь прохладно и темновато, а дом причудлив и огромен. Его верхняя часть вся состоит из ломаных углов, мансард с разнообразными окнами. Есть даже овальное, увитое диким виноградом.

— Разувайся, — деловито командует Женя, сбрасывая сандалии на ступеньках, — а то начнём топтать, дед услышит...

— Ну и что? — удивляется Саша.

— Что-что — засадит сейчас за мольберт, а я ещё гулять хочу, — говорит Женя и тащит Сашу за собой. Широкие доски вощёного пола блестят и приятно, как шёлковые, касаются ступней. По пути Саша успевает заметить, что в комнатах развешано много картин. Вот красивая молодая женщина у зеркала, лукаво глядящая через плечо. Она очень похожа на Женю, только нос у неё чуть вздёрнут.

— Кто это? — останавливается Саша.

— Тётя моя, она тоже художница. Тут много её картин, дед их любит. А вот его пейзажи, и это тоже, а вот это опять её...

Перед Сашей симпатичные малыши, завтракающие за круглым столом. Солнце лежит на скатерти, на стеклянной сахарнице, отражается в крутых боках самовара. Рядом тонкий пейзаж в сиреневых тонах, чей-то портрет, а вот Женина мама сидит, положив руку на спинку дивана...

— Давай шустрее, — торопит Женя, — налюбуйешься потом, у нас день рождения скоро.

Они поднимаются в большую комнату, где на подрамниках множество холстов, а закатное солнце широко льётся в окна. В углу небольшая тренога, с приколотого листа на Сашу смотрит лицо Валеры, нарисованное карандашом. Даже ничего не смысла в технике рисования, она понимает, что это очень хороший рисунок. Загадка: как при помощи мелких и широких штрихов, нежных теней и уверенных линий, очерчивающих лицо, можно добиться такого сходства? Умеющей рисовать только глазастых красавиц и домики Саше это кажется чудом. Лицо словно выступает из листа бумаги, в углах глаз дрожит знакомая насмешливая улыбка, облупленный нос блестит, светлые волосы торчат ёжиком.

— Папе не нравится, — вздыхает Женя, — переделать велел.

— Да ты что?! — изумляется Саша. — Вот это — переделывать?

— И это, и этюд вон валяется — всё снова, — решительно заключает Женя. — Пошли на площадку. Пока старшие чай пьют, ещё поиграем.

Дотемна народ толпится у площадки, кто-то приносит гитару, легонько перебирает струны.

Вечер бродит по лесным дорожкам,
Ты ведь тоже любишь вечера, —

тихонько напевают девушки, и к ним присоединяется Борис. Даже Саша подмурлыкивает, хотя не знает слов. Такую песню можно выучить с одного раза. Кажется — выучишь и уже ни за что не забудешь.

Как хорошо, что долго длится этот день...

В воскресенье Борис произвёл осмотр Сашиного хозяйства. У головастиков отрасли ноги, хотя хвосты ещё не отвалились. Всех было приказано выпустить в пруд, и Саша неохотно подчинилась.

— А как я наблюдать буду, когда хвосты отпадут? В кастрюле сразу видно, и хвост отдельно тоже потом не увидишь, — разочарованно бурчала она, таская посуды на берег.

— Давай-давай, всех на волю, — посмеивалась Наташа. — Представляешь, Боря, она им всем имена дала и мухами какими-то кормила. Наверное, и соревнование устроила — кто скорее хвост отбросит!

— Что кормила — это хорошо, — примиряющее говорит Борис, — но теперь этого мало будет. Ты посмотри, как они быстро растут, тебе их просто не прокормить. Передохнут, и реветь будешь...

Этого довода Саше достаточно, и она осторожно выпускает подопечных в воду у бережка.

Сморщив нос, Наташа уходит, и Борис вслед за ней. Сегодня они отправляются с большой компанией на другой конец посёлка к кому-то на день рождения.

Лёша и Серёжа вместе с родителями ушли по грибы, Женя и Валерка работают в мастерской, Таню мама увезла в город. Оставшись одна, Саша снова утыкается в книгу.

Дни идут не спеша, принося новые впечатления. В середине недели из хозяйского улья улетел рой, и по чистой случайности Саша обнаружила его, зайдя к Серёже за ракеткой. Рой тёмным мешком свисал с ветки яблони, вокруг угрожающе жужжали отдельно летающие пчёлы, и было ясно, что ветка вот-вот не выдержит, а рой снимется и улетит неизвестно куда. Саша опрометью бросилась к себе на дачу.

— Дядя Гоша! Рой улетел, рой! У Гореловых в саду, на ветке висит! — кричала она, врываясь в маленькие прохладные комнаты на хозяйской половине.

Илья Сергеевич поспешно побросал в мешок дымарь, рукавицы и шляпы с полями, с которых свисала густая кисея. Зачерпнул из печки угольков в маленький чугунок и подал мешок Саше.

— Веник возьми, — крикнул он, и Саша догнала его с веником уже у калитки.

Операция по снятию роя была произведена молниеносно. Лёша и Серёжа принесли ведро с водой, поставили табурет под яблоню и отбежали подальше. С террасы испуганно выглядывала их бабушка Анна Фёдоровна, до смерти боявшаяся пчёл. Саша и Игорь Сергеевич нарядились в шляпы, защищающие лицо и шею, и, стоя на табурете, Игорь Сергеевич пыхнул из дымаря на грозно жужжащий рой раз, другой, третий. Гудение усилилось. Тогда Игорь Сергеевич принялся макать веник в ведро и кропить пчёл.

— А это зачем? — опасливо спросил Серёжа.

— Чтобы крылья намокли, — шёпотом пояснила Саша, не поворачивая голову и держа наготове мешок, — тогда не улетят.

Отяжелевший рой почти сваливался с тонкой ветви, терять время было нельзя. Игорь Сергеевич подставил снизу мешок и решительным движением смахнул жужжащую кучу в него, быстро зажав горловину.

— Всё, Анна Фёдоровна, выходите! — крикнул он.

— А эти как же? — глядя на оставших от остальных пчёл, летающих вокруг мешка, спросила бабушка.

— Куда они денутся, раз матка здесь — сами домой прилетят, — успокоил Игорь Сергеевич, и вся процессия двинулась вслед за ним.

На пасеке хозяин снял крышку с заранее подготовленного пустого улья, где уже стояли новенькие рамочки с восковыми сотами, и развязал

мешок. Лёша и Серёжа отступили в сторону, вытягивая шеи; Саша из-за кисеи смотрела во все глаза, надеясь увидеть матку. Она уже один раз видела, как молодую матку отсаживали в крошечную проволочную клеточку, — в тот раз Игорь Сергеевич не упустил момент, когда новый рой был готов к вылету. Он успел отсадить матку, а вслед за ней и часть пчёл вместе с рамочками, в отдельный улей. Матка была похожа на огромную пчелу и показалась Саше страшноватой.

Пчёл быстро высыпали из рамки и закрыли крышку улья.

— Всё, ребята, — весело сказал Игорь Сергеевич, вытряхивая мешок, — в конце лета всех прошу мёд есть и чай пить, все заслужили. Пойдёшь ко мне в помощники? — кивнул он довольной Саше.

— Ага. Только я ещё не скоро, — озабоченно сказала Саша, и ребята засмеялись.

По утрам у Саши ещё одно важное дело — сбежать навестить птенцов. Она обнаружила гнездо ещё в начале месяца, когда полезла за белой фиалкой в крапиву у ручья. Сначала это были крупные серые яички в пятнышках, а потом вылупились три птенца. Клювы занимали большую часть их голых крошечных тел и были всё время распахнуты вверх, как раскрытые кошельки. Саша знала, что трогать ничего нельзя, и сразу отступила подальше, расправляя за собой смятые лопухи и крапиву. «Вот глупые птицы, — думала она, — на земле любая кошка доберётся, а земляника пойдёт — наступит кто-нибудь...»

Дома она нашла картинку с похожими яичками в гнезде, а через день дождалась и хозяев — крупных сине-чёрных птиц. Дрозд сновал туда-сюда, а самка, которую Саша не видела, очевидно, сидела в гнезде. В следующие дни Саша старательно оборвала цветочки с окружающих это место островков земляники.

— Не зацветут — не будет ягод, не будет ягод — никто не придёт, никто не придёт — на гнездо не наступит, — приговаривала она, ползая в траве. Крапива кусалась, но ничего было не поделать. Дрозды озабоченно кричали над ней, принимая её, очевидно, за подкрадывающегося страшного зверя.

— Да ухожу я, ухожу, — бормотала девочка, старательно расправляя заросли крапивы — главную защиту дроздов.

И с этого дня уже каждое утро забегала проверить, всё ли в порядке. Птенцы росли, было бы интересно посмотреть, как они будут вылетать из гнезда. И однажды Саша, решив, что уже вот-вот это должно произойти, пришла сюда с книжкой. «Буду сидеть, пока не привыкнут, — вдруг повезёт?»

Она читала и час, и два, и три... Птицы осмелели, деловито сновали вокруг гнезда, птенцы вопили не переставая — и больше ничего не происходило. Саша проголодалась, глядя на непрекращающееся пиршество птенцов, и начала подумывать о том, что неплохо бы выпить сейчас молока да заесть чёрным хлебом...

В это время сзади донеслось покашливание и что-то зашуршало. Саша подскочила и обнаружила, что она не одна. Художник с соседней дачи деловито складывал этюдник и маленький стульчик, одёргивал просторную рубаху, подпоясанную ремешком. Он подхватил

с земли свою суковатую палку и повернулся к Саше. И опять она не сумела поздороваться, молча приблизившись и глядя в его улыбающиеся глаза.

— Ну, птаха, признавайся, — кого ты здесь караулишь? — спросил он хрипловатым голосом, и Саша снова уловила запах красок и табака.

— Дроздов, — стеснённо ответила Саша, испытывая сильное желание убежать и не зная, как вести себя с таким серьёзным и старым человеком.

— Ну-ну, — поворачиваясь к ней спиной, молвил старик, — а тебя-то саму, матушка, дома уж обыскались, наверное? Пошли-ка, пошли, будет на земле сидеть. Я и то проголодался, пока работал тут...

И Саша послушно пошла по тропинке вслед за ним.

— На-ка вот, — повернулся к ней художник и протянул небольшое яблочко, белый налив, а другим аппетитно захрумкал сам.

Так они и дошли до дач, разойдясь в разные стороны у границы участков...

* * *

После обеда к соседскому забору задом подали грузовик. Из кузова выскочили рабочие и, откинув борт, начали выгружать что-то большое. Наташа неслышно подошла сзади и строго сказала:

— Саша, бабушка тебя зовёт, марш на кухню!

Бабушка мигом нашла для Саши массу неотложных дел. Она понуро почистила картошку, сбегала с ведром к компостной куче, собрала со всех кроватей постельное бельё. Выглянув в окно, бабушка усадила Сашу возле себя и велела почитать газету, потому что не может найти очки.

Саша добросовестно читала, чувствуя, что происходит что-то плохое, но никто не хочет говорить об этом.

После ужина бесцельно посидела на скамейке у теннисного стола, где сегодня целый день было тихо впервые за эти недели.

В сумерках она не выдержала и решила навестить Таню, которая жила ближе всех: на углу, где сходились заборы четырёх участков, надо было отодвинуть доску и, пробежав по диагонали через дачу художника, нырнуть в дырку забора на Танином участке. Идти в обход было далеко, и Саша решила, что сейчас никто её не заметит.

Но когда она оказалась за своим забором, с террасы дома, который казался безлюдным, её окликнул незнакомый голос. Саша осторожно подошла.

В качалке, кутаясь в пуховый платок, сидела молодая светловолосая женщина. Даже в сумерках было видно, какие у неё светлые глаза. «Как у Сольвейг», — почему-то подумала Саша. Ей очень нравились и музыка из «Пер Гюнта», и сама история. И вообще все красивые женщины, которых в жизни видела Саша, были светловолосыми.

— Как тебя зовут? — спросила Сольвейг и, когда Саша ответила, встала с кресла. — А меня Нина. Пойдём со мной...

Они вошли в дом и поднялись по лестнице в огромную комнату под крышей. Нина зажгла свет, и Саша поняла, что это та самая комната, застеклённая с торцов, окно которой она видела от своей дачи. Наверное, это была мастерская, и днём здесь было очень светло.

Прислонённые к стенам, стояли большие и маленькие холсты, и было видно, что это очень хорошие картины. На некоторых были изображены места, которые Саша не могла узнать: усыпанная хвоей дорога, еловый лес, что за железной дорогой, цветущее поле у реки, берёзы у этого самого дома... и тот пригорок у ручья, на котором они ещё недавно встретились, а потом ели яблоки... У Саши защипало в носу.

— Подойди сюда, — тихо сказала Нина, загороженная большим холстом, стоящим на подрамнике.

Саша обошла его и увидела картину. Откуда-то сверху, как с дерева или с облака, видна была часть зелёной поляны, две сосны с привязанным гамаком. В нём, раскинув руки, свесив ноги в сандалиях, сидела девочка с косами, с каким-то отсутствующим и счастливым выражением лица. Саша стремительно, словно поглощая увиденное, рассматривала битые коленки, лиловое одеяло в солнечных бликах, книжку, лежащую вверх обложкой, розовое платье в крупных хвостатых горошинах... Именно это платье, сшитое мамой ещё в прошлом году, и было на ней сейчас, и по нему Саша себя узнала — вернее, не узнала, а поняла, что художник писал её.

Нина сказала, что отец очень давно, много лет, не писал ничего, кроме пейзажей. Почему именно, запомнить Саша не смогла.

В голове кружились мысли о том, что таинственным образом связаны смерть — и картины, на которые много лет будут смотреть разные люди, имя художника, которого Саша недавно узнала, — и эти чудесные лесные поляны, которым он подарил долгую жизнь.

Нина проводила её вниз и, прощаясь, почему-то поцеловала в щёку.

Как во сне, Саша добрела до Таниной дачи и там уже разревелась, уткнувшись лицом в фартук её матери.

Она ничего не сказала — ни там, ни у себя дома, понимая, что не имеет права нарушить тот молчаливый уговор с художником, который они заключили с самого первого дня.

И это чудо, которое он подарил ей, уходя, не требовало объяснений.

ПАМЯТИ ЕЛЕНА НОВИКОВОЙ

Сердце бьётся больно и нескладно,
Тенью скрыты книги, стеллажи...
Оборвалась нитка Ариадны,
Оборвалась жизнь.
В Лабиринте — греческой царевны
Не найдёшь таинственных примет.
Спросишь тень: «Елена Алексеевна?»,
Да ответа нет.
Только небо звёздным каталогом
Развернулось гулко и полого.
И не встретишь из-под милой чёлки
Доброго приветов светлых глаз.
В Лабиринте — лёд, морозный, колкий...
Огонёк погас.

Роман Славацкий

Как же тяжело терять дорогого человека!.. Елена Алексеевна была не просто членом редколлегии альманаха. Хотя и эта часть её жизни очень дорога для нас. Наша Ариадна — она могла, как по волшебству, отыскать любую цитату, найти важный краеведческий материал. Составила путеводитель по «Коломенскому альманаху» — подробнейший библиографический справочник, — сделав сложную работу, с которой никто не мог справиться кроме неё. Устраивала творческие встречи с нашими авторами и незабываемые выставки в стенах своей библиотеки.

Но не это самое важное. Главное — она обладала даром любить: свою семью, коллег, друзей, всех людей, которые встречались ей на жизненном пути. И люди это чувствовали, тянулись к ней, как к тёплому, согревающему сердце огню.

Она была неординарным человеком — ярким, талантливым и в то же время — земным, открытым, щедро раздающим богатства своей души. С её уходом в городе стало меньше тепла, и эту потерю ничем не восполнить...

Прощай, Елена!
Вечный тебе покой!

Коллектив редакции

Константин Станиславович Костенко родился 23 января 1966 года в городе Артём Приморского края. Учился в Хабаровском институте культуры, но не окончил его. Сейчас учится заочно во ВГИКе на сценарно-киноведческом факультете (мастерская проф. А.Инина). До этого работал барменом, грузчиком, журналистом, редактором и автором радиопередач.

Константин Костенко — автор более тридцати пьес. Публиковался в журналах «Урал», «Современная драматургия», «Станиславский», «Вавилонская библиотека», «Новый мир». Дипломант международных конкурсов драматургии «Евразия», «Действующие лица», «Новый стиль». Многие его произведения переведены на иностранные языки. Премьеры спектаклей по его пьесам прошли в театрах в Комсомольске-на-Амуре, Екатеринбурге, а также в Польше, Болгарии, Сербии, Литве.

Константин Костенко живёт в Коломне с 2008 года.

Драматургия

Константин Костенко

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

Бессонница

Полная темнота. Слышно тиканье часов. Затем мучительный стон, возня. Включается ночник. На кровати сидит мужчина в трусах, с взлохмаченной головой. На тумбочке часы, на них — час ночи. Видно, что это гостиничный номер. Мужчина, не выключая ночника, перекладывает подушку на другой край кровати, с мучительным стоном ложится, накрывается одеялом с головой. Стрелка на часах отсчитывает секунды.

Часы начинают идти в ускоренном темпе: минутная и часовая стрелки движутся, показывая, как прошёл один час, затем ещё один... Мужчина в кровати вертится: он то снова перекладывает подушку на другой край, то пробует улечься поперёк, то переходит с подушкой и одеялом на пол... Лёжа читает. Затем играет с самим собой в блокноте в крестики-нолики... Наконец он достаёт из тумбочки пузырёк с таблетками, берёт одну, запивает её водой из графина. Ложится и засыпает с открытым ртом.

Утро. Мужчина на кровати продолжает спать.

Осторожный стук в дверь. Мужчина спит, не реагирует. Стук в дверь повторяется, чуть громче, настойчивее. Дверь открывается. Заглядывает женская голова в белом крахмальном чепце. Это горничная. Она оглядывает комнату, оценивает ситуацию, приставляет палец к губам, говорит сама себе: «Т-с-с-с-с!» — и на цыпочках входит.

Стараясь действовать бесшумно, горничная выключает ночник и начинает вытирать пыль. Она берёт со стула мужской пиджак, аккуратно вешает его на плечики. На лацкане пиджака — значок ворошиловского стрелка.

По комнате летает муха. Муха отчётливо жужжит. Горничная, глядя на неё, приставляет палец к губам, говорит: «Т-с-с-с!» Муха садится на стену, замолкает. Но тут же отрывается от стены, снова летает по комнате и жужжит.

Горничная с ненавистью наблюдает за мухой. Она подходит к окошку, открывает форточку, пытается выгнать её на улицу. Муха игнорирует горничную. Она пытается сбить муху в воздухе тряпкой. Безрезультатно. Горничная ходит по комнате, размахивая тряпкой. При этом она сбивает тряпкой ночник, часы, вазу с цветами и т.д. Муха летает, жужжит.

Мужчина в кровати спит, посапывая.

Горничная ставит опрокинутые вещи на место.

Стук в дверь. Входит седоватый, в годах официант, толкая перед собой передвижной столик с завтраком. Он видит горничную, улыбается, открывает рот, собирается что-то произнести, но та, приставив палец к губам, показывает на спящего мужчину. Официант понимающе кивает. Толкая перед собой столик, он на цыпочках идёт по комнате.

Горничная продолжает уборку. Официант с многозначительной улыбкой за ней наблюдает. Он подходит к горничной сзади, обнимает её. Женщина, приставив палец к губам, говорит: «Т-с-с-с!», но ласкам официанта не сопротивляется.

Неожиданно дверь открывается. На пороге — дородная пожилая дама с седеющими усиками. Увидев пожилую женщину, официант моментально оставляет горничную. Вошедшая грозно смотрит на официанта. Официант, глядя на неё с мольбой, приставив палец к губам, показывает на спящего мужчину. Пожилая женщина подходит к официанту и отвечает ему несколько пощёчин. Лицо официанта делается багровым, он с ненавистью смотрит на женщину, поднимает в воздух сжатые кулаки, собирается что-то сказать, но тут подскакивает горничная и, приставив палец к губам, говорит: «Т-с-с-с-с!» Официант выходит из комнаты.

Дородная дама вплотную приближается к горничной, замахивается, чтобы отвесить оплеуху, открывает рот, собираясь что-то сказать. Горничная, приставив палец к губам, хочет сказать: «Т-с-с-с!», но закатывает глаза и падает в обморок.

Дверь номера открывается, входит разъярённый официант. Раздувая ноздри, он смотрит на усатую женщину, на горничную, которая лежит без чувств на полу. Он достаёт из-под жилетки пистолет, целится в усатую. Глядя с мольбой на официанта, она приставляет палец к губам и шипит: «Т-щ-щ-щ-щ!» Официант спохватывается, достаёт из кармана глушитель, привинчивает его к стволу и начинает стрелять. Пули летят, застревая в стенах, в спинке кровати, на которой спит мужчина, разбивают ночник. Дородная женщина делает по комнате короткие перебежки, пригибается, а затем, невредимая, выбегает из комнаты.

Официант склоняется над горничной, похлопывает её по щекам. Та не реагирует. Официант снимает с телефона трубку и, на ходу набирая «03», выходит за дверь.

Вскрикнув что-то невнятное, мужчина в кровати дёргается и открывает глаза. Некоторое время он смотрит в потолок. Затем его глаза слипаются, он начинает посапывать, засыпает.

В комнату вбегает официант. На его лице паника. Он закрывает дверь, затем двигает холодильник, подпирает им дверь. Подбегает к окну, задергивает шторы. Отогнув край шторы, осторожно выглядывает в окно.

В дверь стучат. Слышатся чьи-то невнятные голоса. Официант подбегает к двери, прижимается к ней ухом. Ищет взглядом, куда бы положить пистолет. Подходит к передвижному столику с завтраком, кладёт пистолет в чистую тарелку, накрывает салфеткой. Затем подбегает к двери, отодвигает холодильник, открывает дверь. Входят врач и два санитары со сложенными носилками. Врач открывает рот, собирается что-то спросить, но официант, приставив палец к губам, показывает на спящего мужчину и бесчувственную горничную. Врач щупает у неё пульс, делает знак санитарам. Те укладывают горничную на носилки. Врач смачивает ватку нашатырём, подносит к лицу бесчувственной. Женщина открывает глаза, собирается что-то спросить, но врач, приставив палец к губам, строго говорит: «Т-с-с-с!» Делает знак санитарам. Те несут горничную из комнаты. Врач уходит следом.

Официант закрывает дверь, подпирает её холодильником. Отодвигает край шторы, смотрит в окно. За окном — сигнал сирены. Официант, продолжая смотреть в окно, шарит по карманам, находит пачку сигарет, зажигалку, вставляет в рот сигарету, подносит к ней зажигалку. При этом сосредоточенно наблюдает за тем, что делается за окном. От зажигалки загорается штора. Официант продолжает смотреть в окно. Огонь ползёт по шторе вверх, штора пылает. Наконец мужчина замечает это. Он бежит по комнате, его взгляд лихорадочно мечется из угла в угол. Берёт графин, наполняет стакан водой, плескает на штору. Штора продолжает гореть. Официант срывает штору с окна, бросает её на пол, начинает топтать. От шторы загорается ковёр, огонь перебегает на край одеяла, которое свесилось с кровати, бежит по одеялу. Официант стягивает одеяло со спящего мужчины, бросает на пол, начинает топтать. Мужчина во сне беспокорно ворочается. Официант снимает с себя пиджак, заботливо накрывает им мужчину. Мужчина кутается в пиджак, продолжает спать.

Комната наполняется дымом. В дверь стучат. Официант продолжает топтать одеяло и штору.

В дверь немилосердно колотят. Холодильник отъезжает в сторону, дверь распахивается. На пороге — бригада пожарных. Один из пожарных входит в комнату, собирается что-то сказать, но официант прижимает палец к губам и показывает на спящего. Пожарный берёт у своего коллеги баллон, приводит его в действие и густой струёй пены поливает всё, что есть в комнате, кроме спящего мужчины.

В этот момент окно разбивается, в комнату врываются омовцы. Они собираются что-то спросить, но пожарный, показывая на спящего, говорит: «Т-с-с-с!»

В этот момент в комнату влетает усатая женщина, тычет указательным пальцем в официанта, собирается что-то выкрикнуть, но кто-то из омовцев говорит ей: «Т-с-с-с!» Женщина подходит к официанту,

БЫВШИЙ ДРУГ

1

Такси едет по улицам Москвы.

Внутри машины помимо водителя сидят двое мужчин лет тридцати — Миша и Володя.

Миша — на заднем сиденье. Рядом с ним — две громоздкие сумки. Володя сидит впереди. Развернувшись, он с усмешкой, задорно поглядывает на Мишу.

Володя. Миш, ты, как старая бабка: в Москву все свои узлы при-тащил! Ну как был провинциалом, так и остался!

Миша. Так тут же самое необходимое!

Володя. Что там у тебя необходимое? Можешь перечислить?

Миша. Ну как... Бельё...

Володя. Так.

Миша. Бритва, полотенце...

Володя. Ну, ты колхоз!.. Полотенце-то зачем?

Миша. Ну, как же... Вытираться. Ноги там помыть, лицо...

Володя. Тебе же в гостинице всё выдадут! *(Постукивает костяшками пальцев Мишу по голове.)* Вот полудурок!

Миша. Подожди, позвонить нужно...

Миша достает мобильный телефон, набирает номер.

отвешивает ему несколько пощёчин. Омоновец надевает на официанта наручники. Усатая, прижавшись к официанту, целует его взасос. Тот пытается сопротивляться, но его крепко держат. Наконец усатая дама отрывается от губ официанта, тяжело переводит дух, разглаживает пальцами усы. Официант собирается что-то выкрикнуть, но тут один из омоновцев бьёт его дубинкой по затылку. Официант повисает на руках стражей порядка. Его волокут из комнаты. Дама спешит следом.

Пожарные, затушив огонь, уходят, закрывают за собой дверь.

Появляется несколько горничных и рабочих. Приставляя пальцы к губам и говоря друг другу «Т-с-с-с!», они проветривают комнату, вставляют новое стекло, замазывают дыры от пуль, меняют шторы, одеяло на кровати и т.д., затем уходят.

Через некоторое время спящий открывает глаза. Он сбрасывает с себя одеяло, садится на кровати, замечает столик с завтраком и придвигает его к себе. Снимает с тарелки салфетку, видит пистолет. Берёт его и недоумённо разглядывает.

По комнате летает муха и назойливо жужжит. Мужчина долго смотрит на муху, недовольно морщится. Муха садится на стену, потирает лапки. Мужчина целится в муху, стреляет.

На месте мухи — ровная дыра.

Миша (*в трубку*). Алло. Это Голубев Михаил. Я двадцать минут назад вам звонил. Вы сказали: должен человек подойти, который командировочных оформляет. Он появился или как? ... И что? ... А мне что теперь? До двенадцати часов с багажом по улице ходить? ... Интересный у вас расклад!.. (*Володе.*) Отключилась.

Володя (*с виноватым видом*). Миш, извини. Я у Светки спрашивал, она говорит, что только позавчера комнату покрасила. Полы ещё не высохли. Так что извини.

Миша. Да ладно! У меня вон командировочный. (*Достаёт из кармана бумагу, показывает.*) Место забронировано.

Володя. Нет, ты только ничего не подумай!..

Миша. Да ладно, брось! Что я, не понимаю?

Володя. А так бы забурились ко мне, переночевали... Ну ничего! Я тебе сейчас столицу буду показывать! Буду твоим чичероне. Бесплатным.

Миша. Как скажешь. Мне всё равно до двенадцати делать не фига.

Володя (*с задумчивым видом*). Так. Куда бы тебя сводить?

Миша. Да всё равно. Лишь бы время угрохать.

Володя. В Мавзолей не пойдём. Это уже дурной тон... Ты в Третьяковке был когда-нибудь?

Миша. Когда?! Я в Москве всего второй раз!

Володя. А-а! Ну да! Я забыл!.. (*Смотрит на Мишу, смеётся.*) Слушай, ну и вид у тебя!.. Дятел конкретный! Неужели я тоже когда-то таким был?!

Миша (*осматривает свою одежду*). Чё? Нормальный вид... Всё чистое, глаженое.

Водитель. Так вас к Третьяковской подвезти или куда?

Володя (*водителю*). Да, давай. Покажу бывшему другу город.

Миша. Почему бывшему-то?

Володя. Миш, да ладно тебе!.. Просто с языка сорвалось. Брось ты эти провинциальные привычки — обиды, подозрения всякие!.. Шире надо мыслить. Освободи сознание!

Володя закуривает сигарету, откидывается на спинку сиденья.

Такси едет по улицам.

2

В зале музея. Миша и Володя стоят перед картиной «Иоанн Грозный и сын его Иван». Миша держит на плече дорожную сумку.

Володя (*кивая на картину*). Вот, смотри, наслаждайся.

Миша. Чем наслаждаться-то?

Володя. Искусством, конечно! Тупица! Видишь, как реалистично изображено?

Миша. Ну да, в принципе...

Володя. Смотри, у Ивана рожа какая. Сразу понятно, что сына замочил.

Миша. А кто его просил мочить?

Володя. Так тут — судьба, злой рок. Посохом по башке дал, и всё: недолго мучился, бедняга.

Миша. Так в том-то и дело, что он его нарочно — посохом...

Володя. Как это нарочно?! Он по пьяни!

Миша. Ага, так я ему и поверил!.. Подумай, как можно без всякой задней мысли кончиком палки прямо в висок попасть?

Володя. Ой, да очень просто! Говорю тебе, это была обычная бытовуха! Тот ему — слово, этот два... Сам знаешь, как бывает.

Миша. Просто он за свою шкуру трясся! Думал, что бояре сына поддержат, а его свергнули! Вот и дал ему по виску.

Володя. Да?! А что же у него морда такая?! Сам же видишь: у человека трагедия! А ты говоришь... (*Постукивает костяшками пальцем Мишу по голове.*) Ну, ты, блин, тупо-о-ой!

Миша (*бьёт Володю по руке*). Прекрати меня по башке стучать!

Володя. Миш, ты чего?!..

Миша. Столичный житель, блин! Куда бы деться!

Володя. Миха, слушай, я тебя не понимаю!..

Миша. И акать ещё нарочно стал! Типа москвич! А сам, блин, из грязи в князи!..

Володя. Я акаю не нарочно! Это, между прочим, непроизвольно! Поживи тут с моё, потом узнаешь!..

Миша. Всего-то пять лет назад от нас уехал, а строишь из себя не знаю кого!..

Володя. Миха, да ты что?! Очнись! Никого я из себя не строю!.. Говорю тебе: бросай свои провинциальные привычки! Ты же просто смешон! Неужели не видишь?!

Миша. Да пошёл ты!..

Миша, не оглядываясь, идёт к выходу.

Володя (*вслед Мише*). Куда ты?! Стой!.. Без меня же дорогу не найдешь, баран!.. Ну и хрен с тобой! На обиженных воду возят!

Володя оглядывается, видит подошедшего зрителя (благообразная старушка).

Володя. Скажите, у вас тут исторический консультант есть?

Зритель. Я думаю, нет. Вы что-то хотели выяснить?

Володя. Да я вот... Насчёт Ивана Грозного. Вы не в курсе: он сына случайно грохнул или с умышленным намерением?

Зритель. Вы знаете... Затрудняюсь ответить. Но я лично всегда думала, что это была чистая случайность.

Володя. Так вот и я говорю. Иначе с чего бы у него такая рожа была? Такую же мимику нарочно не сделаешь, правильно?

Зритель. Я думаю, да.

Володя. До свидания. Извините за беспокойство. (*Идёт к выходу.*)

На улице.

Володя издали замечает Мишу, который, повернувшись к нему спиной, сидит на скамейке рядом с дорожными сумками. Миша курит, наблюдая за голубями, которые прохаживаются возле его ног. Володя подходит к газетному киоску, осматривает витрину. Замечает игрушки. Подходит к окошечку.

Володя (*протягивая деньги*). Дайте, пожалуйста, пистолет... Вон тот, за пятьдесят пять рублей... Спасибо.

Берёт игрушечный пистолет, идёт в сторону скамейки, на которой сидит Миша. Подойдя к Мише со спины, Володя приставляет пистолет к его затылку.

Володя. А ну ложись на землю, грязный ублюдок! А то шас разбро-саю твои мозги от Калифорнии до Вашингтона!

Миша (*поворачивается*). Ты что, дурак?

Володя садится рядом с Мишей.

Миша. А если бы я тебе руку в локте сломал? Я же всё-таки в армии спецподготовку проходил. Это тебе не хрен какой-нибудь!

Володя. Миш, давай прекратим обиды, а? Что мы с тобой, маленькие?

Миша. А кто обижался-то? Никто не обижался.

Володя. Я сейчас там, в музее, с историком пообщался.

Миша. И что?

Володя. Знаешь, ты оказался прав.

Миша. В смысле?

Володя. Он действительно тщательно готовился к убийству сына. А потом запустили чёрный пиар, туда-сюда... Типа всё произошло непроизвольно...

Миша. Ну, так я же тебе говорю!..

Володя. Ты это... извини. Я был не прав.

Миша. Да ладно, чего там!.. Слушай, а чё это ты меня «грязным ублюдком» назвал?

Володя. Да просто хотел, как в американских боевиках... Там у них все друг друга грязными ублюдками называют.

Миша. А-а. Понятно.

Володя закуривает. Пауза.

Володя. Миха, всё! Я решил!.. Сейчас встаём и едем ко мне.

Миша. Но как же?.. А полы?

Володя. Да пошли они, эти полы!.. Если надо, ещё раз покрашу!

Миша. Вован, я бы с удовольствием... Только Светка твоя... Что она скажет?

Володя. А что она скажет?.. Если будет против, я посуду бить начну. Она меня знает.

Миша. Не! Посуду не надо. А то скажет, я тебя подговорил.

Володя встаёт, суёт пистолет за пояс брюк.

Володя. В общем, вставай. Едем, оформим тебя в гостиницу, а потом сразу ко мне. Пошли, такси поймаем.

Володя берёт Мишины сумки, идёт вперёд. Миша идёт за ним.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ВАЛЕНТИНУ РАСПУТИНУ — 75!

Дорогой Валентин Григорьевич!

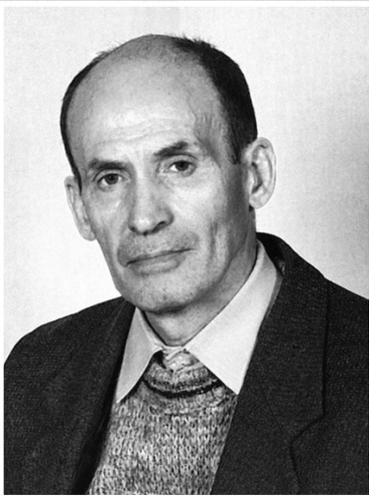
Несколько лет назад, в непростой для нас ситуации, Вы нашли весомые слова, чтобы поддержать «Коломенский альманах». Теперь и мы можем к Вам обратиться с добрым словом.

Так уж повелось на Руси, что писатель у нас — не профессия, а харизма, особый дар Бога, духовная, а иногда и пророческая миссия. Не всякому человеку доводится вступить в схватку с бездушной бюрократической машиной и одержать над ней моральную победу.

Валентин Григорьевич! Вы сумели отстоять честь русского народа в советские времена, в период господства бездушной атеистической идеологии. И сегодня, когда торжествует псевдокультура, когда духовность пытаются подчинить наживе, значение писателя как духовного лидера нации становится особенно важным.

«Коломенский альманах» желает Вам здоровья духовного и телесного, бодрости и творческой мощи — на многая и благая лета, на благо страны, которую Вы так любите и которая знает и любит Вас!

Коллектив редакции

Владимир Фёдорович Соловьёв (1940–2012) родился в городе Егорьевске. Окончил станко-строительный техникум, затем МВТУ им. Баумана. В 1968 году переехал в Коломну. Здесь начал заниматься литературным творчеством.

Учился на заочном отделении Литературного института им. Горького. Им написаны романы, повести, пьесы и более тридцати рассказов.

В 2003 году в Москве вышла его единственная книга прозы. В ней он описал жизнь простого русского человека в период реформ «перестройки» — это смех сквозь слёзы. Автор определил жанр этого сборника как «приключенческая трагикомедия».

Несколько рассказов из сборника В.Соловьёва представлены сегодня на наших страницах.

Рассказы

ФЕДИНА ЖИЗНЬ

КОМАНДИРОВКА В МАГАЗИН

То ли от рыночных реформ, то ли от низкого качества продукта первой необходимости при высокой его цене у Феде стали барахлить нервишки. Прежде он не замечал посторонних звуков, а тут вдруг стали раздражать воробы — зачем они беспрерывно целый день чирикают? А в родной квартире он вдруг обнаружил целую выставку шумов. Ревели за окном автомашины. Визжали, грохотали, лязгали трамваи. Гудели трубы отопления. Рычала, точно зверь, одна из стен — это у соседей по-русски, во весь напор лилась вода из крана. Бубнили включённые по-русски магнитофоны и телевизоры. Ото всех стен и потолка смеялись, плакали и матерились одновременно. Федя пытался отгадать, какой звук — по радио, какой — по телевизору, какой — на самом деле. Отгадывать стук молотков по стенам было неинтересно. Интересно вот собаку было отгадать. Она без утомления лаяла где-то рядом, но, сколько ни лазил Федя под кровать и в гардероб, обнаружить её нигде не удавалось. Ночью под гудение отопительной системы кто-то пилил пол ножовкой. От уханий молота, работавшего на соседствующем заводе, Федю высоко подбрасывало на кровати. Под утро однообразное подбрасывание начинало усыплять, но тут за окном взвизгивал и грохотал первый утренний трамвай.

Раз жена сказала Феде: «Чем звуки изучать, сходил бы лучше в магазин».

Она написала длинный список продуктов далеко не первой необходимости и вручила ему две огромные сумки. Перед их бетонным домом была бетонная ограда, за которой строился другой бетонный дом. В город было только два выхода: слева — по досочке через вырытый строителями ров, справа — через проложенную над землёй трубу теплотрассы. Со второй попытки Федя вскарабкался на бетонную опору теплотрассы, залез на трубу, вцепился носком ботинка в другой конец опоры и благополучно сполз по другую сторону трубы на землю. Но тут дорогу ему перешёл чёрный кот. Федя без раздумий полез через трубу обратно. В запасе был ещё путь через ров. Досочка через него была сантиметров десять шириной, далеко внизу под ней темнела глинистая жижа. Говорили, что в этой жиже бесследно исчезают трубы. Опустят строители трубу, а пока за следующей сходят, первой уже нету. Федя, однако, благополучно миновал этот филиал Бермудского треугольника. Нагрузив в магазине покупками обе сумки, он двинулся домой. Ноги на осклизшей перед рвом глине разъезжались, и разумнее было бы прорваться к дому через теплотрассу, но тогда пришлось бы огибать целый квартал, а Федя был русским человеком. Разведя руки с сумками в разные стороны, как противовесы, он ступил на доску. Он не понял, как всё произошло. Он только ощутил вдруг себя сидящим верхом на доске, с военной выправкой, — застарелый радикулит счёл момент наилучшим, чтобы намертво заклинить спину. Нельзя было не только шевельнуться, но и бросить сумки, потому что в одной из них осталось пятьдесят рублей, а в другой была бутылка водки, приобретённая сверх списка. Федя сидел верхом на доске смиренно, хотя его ужасно раздражало мяуканье кошки, улётшейся под дождём у самого перехода через ров.

Когда его сняли наконец с доски, руку у него, в которой была сумка с бутылкой водки, не удалось разжать даже шофёрской монтировкой, — пришлось вызывать «скорую».

ПУТЕШЕСТВИЕ НА РАБОТУ

— Есть для тебя интересная работа, — сказал Вася Феде.

— А для тебя она почему неинтересная? — поинтересовался Федя.

— Начальник там потому что дуб, — ответил Вася. — Велит приходить не позже восьми ноль-ноль и абсолютно трезвым. Это не для меня. Может, ты попробуешь?

— Попробую, — сказал Федя. — А то жена каждую минуту долбит: кто хочет, мол, тот работает. Попробуй про природные наклонности ей объясни!

Заключил Федя договор с начальником-дубом и начал готовиться психологически к первому выходу на работу. В том, что ему удастся выйти трезвым, у него сомнений не было — денег всё равно в долг негде взять. Сложнее было не опоздать к восьми ноль-ноль. У Феди была одна странность: как бы рано ни поднялся он утром на какое-нибудь мероприятие, всё равно выходил из дома с опозданием. Поэтому он велел

жене вытолкать его утром с запасом на полчаса. Жена поняла буквально и вытолкала утром его за дверь в полвосьмого в одних трусах, а штаны, рубашку и диетическое Федино питание — ломоть хлеба с луковкой — следом выкинула.

Федя оделся на лестничной площадке и пошёл к автобусу. С первого взгляда было видно, что стоявшая на посадку очередь не войдёт и в три автобуса, а вдобавок автобусная дверь раскрылась лишь наполовину — вторую половину заклинило, и в узеньком проёме застряла стокилограммовая женщина. Какой-то любознательный мужчина допытывался у неё: «Куда прёшь, корова?» Неведомая сила крутанула и вдавила Федю в дверной проём. Сумка с диетическим завтраком застряла где-то сзади. Он тянул её к себе, пока не оторвались лямки, тогда он успокоился. Ноги не доставали ступнями до пола, зато голова стабильно упиралась в чью-то попу. Одним, не закрытым этой попой глазом он увидел, что рассчитанная на три автобуса очередь вошла в один — не сумели втиснуться два человека только. «Проходите в середину, — кричал в динамике водитель. — Пока дверь не закроется, автобус не пойдёт».

Автобус и правда не шёл. Какие-то там непонятливые не могли сообразить, что надо проходить в середину. А какая-то женщина в двери кричала истерично: «Миша, что же ты не подашь даме руку?!» К Феде между тем приближалась женщина-кондуктор. Она профессионально, как нож сквозь масло, проходила сквозь толпу в то время, как сам он убежать от неё не мог, — толпа его зацементировала. «У вас что за проезд?» — спросила кондукторша. Он ответил, что за проезд у него в кармане, но он не знает, где у него рука.

Автобус вдруг резво дёрнулся и поехал. Зацементировавшая Федю масса от толчка сделала непредсказуемое движение, и Федя, падая, вцепился рукой во что-то мягкое — это была грудь соседки. Попытка отвести зацементированную руку от молодой груди приводила лишь к ласкательным движениям. Соседка интимно шепнула: «Вам не стыдно?» Федя изо всех сил дёрнулся и оказался нос к носу с излучавшим самогонный дух мужчиной. Тот спросил: «Чем вот Рождество от Пасхи отличается, скажи. Нет, ты скажи, чего рыло-то воротишь. Брезговаешь, гнида трезвая?..»

Вдруг раздался истошный вопль: «Шеф, останови, тут бомба под сиденьем тикает». Не успел Федя и глазом мигнуть, как зацементировавшая его масса выдрала дверь и выбросила его на жёсткий, давно не отремонтированный асфальт. Он процарапал этот асфальт всем фасадом своего лица, хотя был абсолютно трезвый. Когда куча тел над ним сосалась, он увидел рядом женщину — она тоже стояла на четвереньках и истерично повторяла: «Миша, что же ты не подашь даме руку?» Федя поправил на ней задрвшуюся до пупка юбку и спросил: «Не скажете, который час?» — «Девятый», — ответила она обиженно. Федя поднялся на задние лапы, отряхнул передние и пошёл в свою бетонную девятиэтажную пещеру.

ВАСЯ-БОМЖ

В самом начале рыночных реформ незастрахованный дом, в котором Вася проживал, разведясь с первой женой, по неизвестной причине вдруг сгорел. Из огня Васю вытащила верная овчарка Джуди. Он пошёл с ней босиком и без штанов в гостиницу. Там сказали, что без документов не поселят. Он попросил одолжить штанишки — ответили: «Бог подаст». Поскольку Катя, всегда дававшая ночлег, была в отъезде, он пошёл с просьбой о ночлеге к Феде. Федина жена сказала, что жильё в аренду не сдаёт. В вытрезвителе за койко-место запросили сто рублей наличными или документы. У Васи стало складываться впечатление, что человеку без наличных и без документов в цивилизованном мире, вступившем в рыночные отношения, негде переночевать.

Он пошёл в местный Белый дом. Сидевшая там рыночная номенклатура удивилась: «Мы-то здесь при чём?» Вася намекнул, что рассчитывает на благотворительную акцию. Ему ответили: «Акции — в банке. Хочешь есть — умеи вертеться».

Вертеться Вася не умел. Воровать — и то не научился к рынку. В службе занятости населения в ответ на его просьбу о благотворительной акции потребовали трудовую книжку, которая у него сгорела. Он отправился в отдел по социальной защищённости. Здесь в его положение вошли и пообещали месяцев через десять, когда в бюджет, может быть, поступят деньги, выдать пять рублей, чтобы обеспечить ему на пути в рынок равные стартовые условия с другими россиянами, но потребовали справку из милиции, что он не занимается разжиганием межнациональной розни. В милиции спросили адрес. Вася сообщил, что погорел. «Бомж, значит, — обрадовался следователь. — Видите ли, мы теперь бомжами не занимаемся, потому что “бомж” тоже звучит гордо». — «А кто мне справку тогда выдаст?» — «Видите ли, справки мы выдаём только гражданам, а вы не проживаете ни на одной из территорий суверенных республик, поэтому вы не гражданин».

В знак протеста Вася объявил перед Белым домом голодовку. «Требую к себе человеческого измерения», — написал он на фанерке. Верная овчарка Джуди села рядом. Вышедшая из булочной старушка половинку бублика подарила ей. Вася думал, Джуди оставит ему втихаря четвертинку, но она слотнула разом всё. Мимо как раз проходил член общества любителей животных. На следующий день в газете был указан номер счёта в банке, на который следует направлять взносы в фонд помощи собаке, находящейся на иждивении у бомжа. Счёт у Джуди в банке стал стремительно расти. Коммерческое «Буратино», делая себе рекламу, внесло полмиллиона. Коммерческий «Золотой ключик» переплюнул, выложив миллион. У Васи стало складываться впечатление, что человеческое измерение ему теперь не нужно. Как единственному правоспособному родственнику известной в городе собаки ему любезно предоставили кредит под её миллионный счёт. Половину он потратил на изготовление трудовых книжек, паспортов, свидетельств о рождении. Он разослал их на хранение в банки разных суверенных государств. «Бережёного Бог бережёт, — сказал он репортёру. — А то вдруг пожар!»

РАЗ В КОМАНДИРОВКЕ ВЕЧЕРОМ

Федя и Вася сидели в командировке. Скучно было сидеть, потому что командировочные кончились. Собралась раз вечером у Феде в гостиничном номере бригада. Сидят, молчат, потому что «на сухую» говорить неинтересно. Вася посреди всеобщего молчания сказал:

— Приеду домой, у тётки огород полоть буду. А самогонка у неё слабей, чем пиво. Даст пару рюмок, час поработаешь — и опять трезвый. После работы ещё пару рюмок даст. Наутро руки только от лопаты болят, а голова не болит. Неинтересно.

На это Васино сообщение никто из компании не нашёл, что сказать. Потом слово взял слесарь Хлюпин.

— Ещё вот интересно, сексуальный вопрос, — произнёс он в глубокой меланхолии. — Раньше и в помине такого вопроса не было, а теперь все об «этом»...

— А у меня жена про секс и не вспоминает, — вклинился в разговор обычно молчаливый токарь Коркин. — Теперь, говорит, надо экономить на всём и на сексе тоже. Как будто я и сам экономить не умею. Только от экономии устаёшь. Возьмёшь из экономии пива вместо ста пятидесяти водки и от душевной борьбы так устанешь, прямо сил нет.

Через полчаса выступил Федя:

— А мне один художник говорил: самые лучшие краски, какие он видел, бывают, когда выпьешь.

Тут нашло вдохновение и на Васю.

— Федь, а ведь мы с тобою, если чего захотим, то выпьем обязательно, — сказал он. — Давайте скинемся, ребята, и снарядим гонца в аптеку, раз на магазин денег нет. В аптеке теперь лекарств всяких на спирту навалом.

Скинулись. Один заказал себе заманиховую настойку на спирту, другой — облепиховую, третий — пустырниковую... Тут в комнату вошёл начальник экспедиции. Узнав суть дела, заказал себе бутылочку «Мартини». Кинули жребий, кому идти. Выпало Феде. Взял он список заказанных напитков и пошёл в аптеку. Кассирша в аптечной кассе была очень симпатичная. Федя поднёс к глазам список и смиренно произнёс:

— Мне двадцать пузырьков заманиховой.

— И всё? — удивилась кассирша.

— Нет, ещё двадцать облепиховой. Потом ещё двадцать пустырниковой. И пятнадцать боярышниковой. И бутылочку «Мартини».

Кассирша лениво подняла глаза от аппарата и лениво крикнула:

— Марин, у нас «Мартини» есть?

— Нету, — так же лениво отозвались из рецептурного отдела. — Есть портвейн «Три семёрки». «Мартини» спрашивают в первый раз. Надо партию завезти на всякий случай.

Такое обходительное обслуживание Федю тронуло. «Из всех рыночных реформ вот эту только парламенту надо ратифицировать», — подумал он с чувством законной гордости за Россию.

НА ДРУГОЙ ПЛАНЕТЕ

Вася в день своего пятидесятилетия бросил пить.

— Ты это на один день только, в честь юбилея? — спросил Федя.

— Насовсем, — ответил Вася.

— Как это? А опохмеляться после юбилея, что ль, не будешь?

— Не буду.

— Вася, но ведь это невозможно?

— Потому и бросаю, что невозможно. Мне один знакомый бизнесмен сказал: главное назначение человека — совершить невозможное. Он купил у «Росавиакосмоса» космический корабль и хочет совершить на нём невозможное. Хочешь к нам в компанию?

— В космос я бы полетел, — сказал Федя. — Может, там планета есть, где вино по рупь семнадцать, как у нас в России было.

Через неделю Федя, Вася и бизнесмен стартовали в космос и через триста тысяч земных лет приземлились на планету, с виду похожую на Землю. Бизнесмену планета понравилась.

— Почём эта ваша планетёнка? — спросил он у аборигенов.

— У нас всё бесплатно, — отвечали те.

— Как это бесплатно? А курс доллара у вас какой?

— Долларов у нас нету.

— А как же вы вкладываете инвестиции в экономику?

— Экономики у нас тоже нету.

— Банки-то у вас хоть есть?! — возмутился бизнесмен. — Куда я денежки-то свои вложу?

— Вложите детям — в фантики пусть играют.

— Держите карман шире! — опять возмутился бизнесмен. — Я вас научу денежки ценить! Я вам покажу, почём стоит «ноу хау»!

— «Ноу хау» нам не нужно.

— Почему? — изумился бизнесмен.

— У нас и так всё есть, без «ноу хау».

— Для чего тогда я прилетел? Я должен сделать невозможное, понятно?

— Невозможного у нас нету. Достаточно только пожелать, чего хотите, — всё исполнится.

И инопланетяне показали, как по одному только желанию из земли вырастают в готовом виде дома, одежда, женщины, жёны, тёщи, любовницы, шикарные машины, еда всех видов — от осетровой икры и балыков до сверхвообразимого. Бизнесмену при виде такого издевательства над властью денег стало плохо. Он вызвал по мобильному телефону «скорую». На все вопросы врача он твердил, что должен совершить невозможное. Его отправили в психушку.

Федя тут кивнул на осетрину и поинтересовался:

— А чего вы перед такой закуской выпиваете?

— Мы обычно после, — ответили инопланетяне и показали на молочные реки в шоколадных берегах.

— Мне бы чего попроще, по рупь семнадцать, — заметил Федя.

И тут же перед ним потекла река из натурального вина, а берега — из сыра. Федя разделся, нырнул в реку и не выныривал до тех пор, пока река, к изумлению инопланетян, не обмелела.

— Соскучился, — смущённо пояснил Федя, выползая на сырнйй бе-
рег на четвереньках.

Вася укоризненно сказал:

— Федя, ты неправ. На Земле тебя бы уволили по 33-й статье за такое состояние.

Федя с трудом сфокусировал на нём плавающий с шестью степенями свободы взгляд и невнятно произнёс:

— Я з-з-знаю.

Вася при виде такого скотства почувствовал себя святым великомучеником. Как всякий святой, он стал агитировать инопланетян совершить по его примеру невозможное. Но те ответили, что употребляют вино не для скотства, а для профилактики против глистов и чтобы «крыша не поехала». Васе стало скучно. Он поставил терем в русском стиле на шоколадном берегу и стал брезгливо пить молоко и закусывать шоколадом. Закусывает, а сам глядит, обливаясь горячими слезами, как Федя купается в натуральном молодом вине. Глядел-глядел и вдруг почувствовал, что делается каким-то полудурком. Пошёл он тогда на сырнйй берег, искупался в вине и прежним Васей стал.

Скоро, однако, друзья заметили, что, когда вино под боком, — неинтересно. Захотелось домой, в Россию, — там даже ненатуральное вино милей. Выпили они на двоих три реки. Вася дополз до кресла первого пилота, Федя забрался на четвереньках в кресло штурмана. Включили движок и через нуль-пространство вышли в пятое, потом — в шестое измерение. Там Высший Разум за совершение невозможного простил им все грехи и вернул на Землю точно в тот же день и час, в какой они её покинули.

77

ЭКЗАМЕНЫ

Феде приснился страшный сон. Будто сдаёт он экзамен своей школьной учительнице истории и ответа ни на один вопрос не знает. И это при том, что совесть у него как будто прежняя, то есть какая была в дорыночную эпоху. И так ему было совестно с той прежней совестью перед учительницей, что чуть не помер во сне от стыда. А на следующую ночь опять тот же экзамен снится. Проснулся он и в страхе принялся за изучение исторических наук. Через месяц усердных занятий блестяще сдал во сне экзамен по истории. И тут же начал сниться экзамен по математике. Федя взялся за изучение математики. Когда он сдал во сне экзамен по математике, начала сниться география.

Через год беспрерывных сновидений про экзамены Федя изучил всю школьную программу. В заключительном сновидении он получил на выпускных экзаменах медаль с отличием и по пробуждении задумался о поступлении в университет. Когда он сообщил о своём намерении жене, та послала его в больницу на обследование. В больнице сказали, что за обследование теперь надо платить деньги. Но деньги и энциклопедическое образование были явлениями взаимоисключающими — Федя в этом убедился, когда попробовал устроиться на работу, где платили за правду, а не символически. Его спросили:

— Что умеешь делать?
— Могу экзамены сдать в университет, — ответил он.
— Ну и сдавай, дебил, раз работать не умеешь, — посоветовали ему.
— И сдам, хари толстомордые, — возмутился Федя и тайком от жены поехал поступать в университет. Первым был экзамен по математике. На все вопросы в билете Федя отвечал блистательно. Толстомордый экзаменатор кисло глянул на него через очки и задал дополнительный вопрос: «Сколько?» Федя в ужасе подумал: «Срезали!» — на такой подковыристый вопрос ответа он не знал.
— Нельзя ли наводящий какой вопросик? — попросил он робко. — А то неясно, чего «сколько».
— Ну... сколько баллов вы хотите за свой ответ.
— Сколько поставите, — смутился Федя.
— Ты дебил или больной? — вспыхнул экзаменатор. — Я спрашиваю: сколько сам ты хочешь?
Федя, набравшись храбрости, сказал:
— По-моему, я заслуживаю пять баллов.
— А я за твои пять баллов заслуживаю пять баксов, понял?
— А баксы — это чего? — спросил, совсем смутившись, Федя.
— Поди с глаз долой, тупица! — закричал экзаменатор. — И он ещё в университет хочет поступить!
«Это мне опять, наверно, снится, — решил Федя. — К следующему сну надо будет про баксы в энциклопедии прочесть».

НАШИ УТРАТЫ

ПАМЯТИ ДРУГА

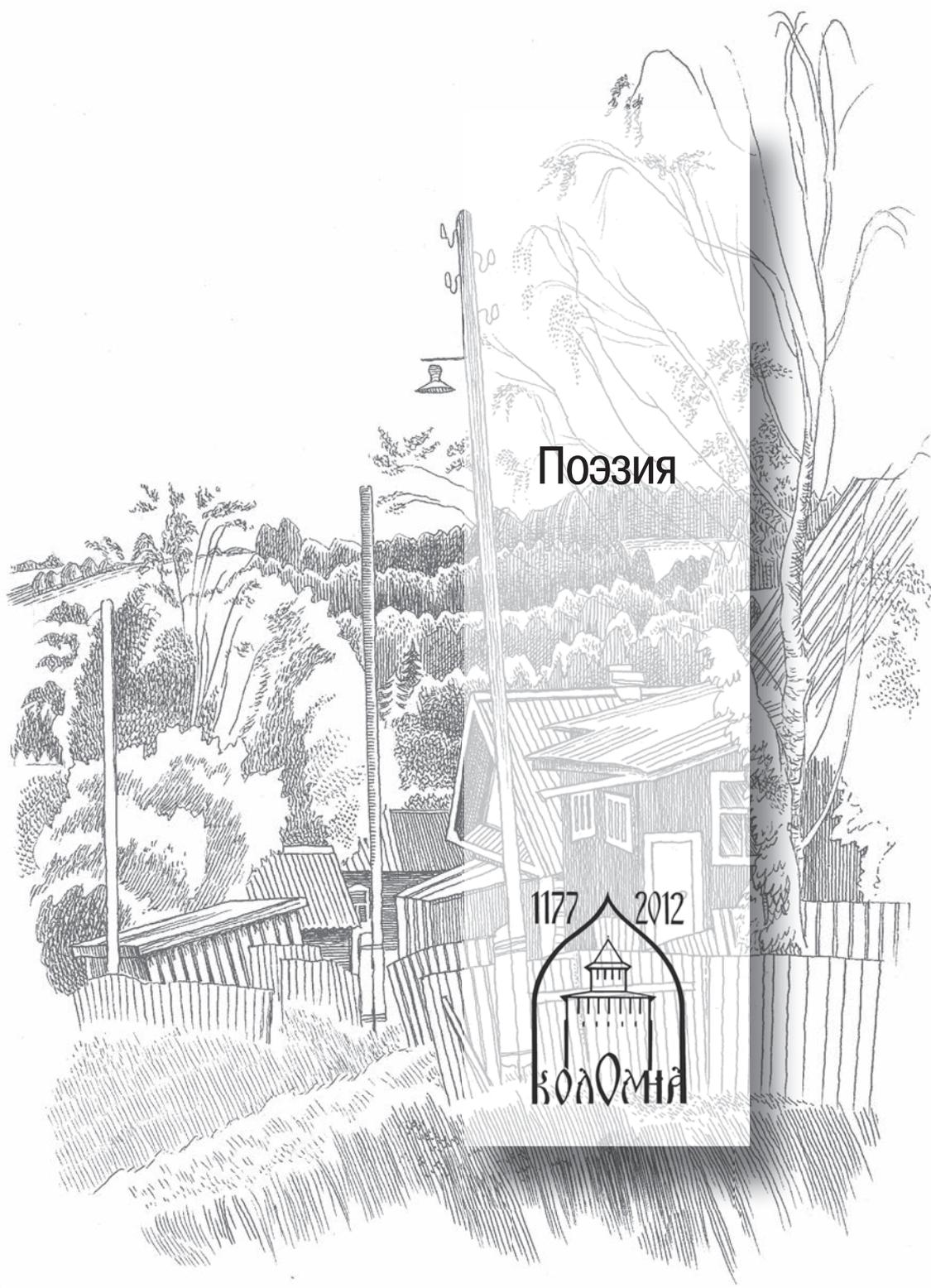
5 сентября 2011 года тяжёлая утрата постигла всех, кто близко связан с нашим альманахом. Преждевременно скончался прекрасный прозаик Владимир Соловьёв — не утративший до конца своих дней романтической устремлённости к гармонии.

Соловьёв писал много и в самом широком жанровом диапазоне — от юморесок и рассказов для детей до романа. Чётко прослеживалась направленность его творчества — это конфликт рыночных отношений с непреходящими, вечными ценностями, такими как духовность, бескорыстие, совесть, честь, любовь, устремлённость к светлomu. Можно спорить о правомерности прилепившегося к Владимиру литературного прозвища «Коломенский Мопассан», но нельзя не подивиться тонкости чувств, проникновенному психологизму, которым пронизано его самое лучшее произведение — роман «Дорога».

И вот его не стало. Горько сознавать, что мы потеряли ещё одного друга, прекрасного русского человека, надёжного товарища.

Похоронен Владимир Фёдорович Соловьёв на Озёрском кладбище.
Вечная память тебе, дорогой Владимир, да будет земля тебе пухом!

Коллектив редакции

Поэзия

1177 2012

Кольмня

Графика Василины Королёвой

Григорий Вихров

Григорий Иванович Вихров родился в 1961 году в Коломне. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета. Жизнь его связана не только с Коломной, но и с Сибирью, с Тулой и с Ясной Поляной, где создано большинство стихотворений последних лет, и, конечно, с Москвой, где он теперь живёт.

Григорий Вихров — член Союза писателей СССР с 1989 года. Окончил Высшие литературные курсы. Автор девяти поэтических сборников. Его стихи переведены на французский, немецкий, болгарский, испанский, монгольский и другие языки.

ВСЯ ЖИЗНЬ — НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ...

* * *

От больной бирюзы,
От болящей России
След горячей слезы
Ищут в поле борзые.

Режут лезвия морд
Вражьих ржавые травы.
Ухажористый чёрт
Ищет варезку павы.

Ты зачем и о чём
Затужила, девица?
На весну обречён —
Колокольчик дымится.

От собачьей слюны
Наст растаял до срока.
Нынче праздник жены
Охраняет сорока.

Лишь бы ворон молчал
И не выдохлись кони.
След слезы отвечал
Жажде верной погони.

Не дарил бирюзы.
Не ославил России.
След лучистой слезы
Ищут в поле борзые.

* * *

Слепая русская беда —
Телега трёхколёсная.
А ночь, а ночь, как никогда,
Бесслёзная, белёная.
Да напрямиком, да в тишине
По пустырю, по площади
Беда заехала ко мне:
Три колеса, три лошади.
И повезла березняком
До времени, до лучшего.
Беде нельзя порожняком,
Без ямщика поющего.
Коням бедовым — без кнута
Ремённого, свистящего.
А трём дорогам — без креста
И месяца светящего.

У трёх дорог — три ворона,
Холодные глаза.
Раскатятся в три стороны
Три верных колеса.
А конь тяжёлый в яблоках —
За первым колесом.
А конь каурый — за вторым —
В метели невесом...
А белый конь — исхлёстанный,
Нет преданней коня —
По снежной взрытой простыни
Назад везёт меня.

Свет, свет... светел ты, мой край.
Да свет не ближний.

ПЕСНЯ ОДИНОКОГО ОФИЦЕРА

Утихнет ветер северный,
Погаснет снежный свет.
Очнусь в чудесной Сербии
С немногим в двадцать лет.

Патрончики потрачены,
Обуглены ремни.
И все долги уплачены.
Попробуй упрекни.

Покошенные красные.
Заваленные рвы.
Как мы хотели к праздникам
Добиться до Москвы.

Приснился мною сгубленный
Кричащий паренёк —
Крестьянский лоб насупленный,
Играющий клинок.

Рукою обречённою
И манит, и зовёт.
С моею наречённою
В обнимочку плывёт.

Покошенные белые.
Заваленные рвы.
А мы хотели, бедные,
Добиться до Москвы.

Не обнимаю суженой
В небесной резеде.
Я — офицер заслуженный —
Умру незнамо где.

Под шестьдесят, под семьдесят,
Без деток, без жены.
Спасибо тебе, Сербия,
За будущие сны.

* * *

Под насыпью, во рву некошеном...

А.Блок

Увидел ночи предстоящие —
И сны терзают небывалые:
Восторги жгучие, таящие
И слёзы скорбные, немалые.

Резвятся русские испаночки.
Духами дразнят, душат потом.
Автомобили, дровни, саночки
Теряются за поворотом.

На перекрёстке дней торжественных
Пою, один из неприкаянных,
Слежу толпой мальчишек женственных,
Ревущих глоткой войн окраинных.

Стальное кружево... Нет — крошево!
Судьба моя образовалась.
— Где ж Родина? — спрошу прохожего. —
Куда исчезла, подевалась?

Земляк, в костюмчике поношенном,
Твердит, на чудо уповая:
— Под насыпью, во рву некошеном,
Лежит и смотрит, как живая.

* * *

Пахнет воском у церквушки.
Брызжет вербою весна.
Воскресенье. У старушки
До полудня жизнь ясна.

Марширует век военный.
Взгляд свинцов. Язык остёр.
Сын мой, ангел убиенный,
Крылья скорбно распростёр.

На стене, в одеждах белых,
Ночью блазился во сне
Младший, павший смертью смелых,
Смертью русских на войне.

Воскресенье. Над Россией
Облакам холодным плыть.
Тяжело старушке сирой
Крестную щепоть сложить,

Троеперстье вдовьей доли...
Обжигают всё сильнее
Сердце три щепотки соли —
Муж и двое сыновей.

* * *

Пока в пробитом котелке не порыжел кулеш
И о тебе, как о телке, не думает Господь,
Пиши красивое письмо, глазами солнце ешь:
Вся жизнь — на русском языке!
Не жалуйтесь, «вашбродь»!

На наше небо звёзд набег,
И воздух вздорожал.
Я песню деда повторял
На разные лады:
Как «злой чечен ползёт на брег
И точит свой кинжал»,
А гурии его зовут в небесные сады.

Сходились раз — сойдёмся два.
Булат сожжёт булат.
И я заплачу на заре о мирном марш-броске.
И снова прадед мне кричит:
— Не покоряйся, брат!
Вся жизнь — на русском языке!
Шелковым волоске!

* * *

Достойный лёд мелованной бумаги
Принадлежит пророческой отваге.
Конец столетья. Смута на Руси.
Хоть вены вскрой, хоть локти прокуси.
Народ раздет. И банею кровавой
Напуганный, безмолвствует оравой.
Мятежные языческие боги
Забиты в коммунальные чертоги,
Шагают от стены и до стены.
И с купидонов спущены штаны
(На них тряпички сроду не бывало —
Амурчики не носят что попало).
Раздеты все: путана в соболях,

Политикан — во фраке от Диора,
Когда-то вездесущая Контора,
Дуб вековой, мерцающий в полях...
О Господи! Какой телеэкран
Вместит соитий грозные сюжеты!
Рекламный мусор выметут Поэты,
Прославленные дворники всех стран!

Покровы сняты! Суть обнажена!
И Родина свечою зажжена!

ВРЕМЯ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Ворота закрыты.
Хозяева спят, не проснутся.
Кровати под ними
Холопскими спинами гнутся.

Так пьяные дрыхнут.
Так мёртвые спят без боязни.
Купец — после выгодной сделки.
Палач — после казни.

Прощайте, перины!
На брошенном снеге согрелся.
Хозяйской малины
Вприглядку, до рвоты наелся.

Скрестись ли, дубасить?
Несладко придётся воротам,
И кол головою украсить
На радость воронам,
Ворчащим собакам,
Смышлёным смеющимся детям...

Ну что? Успокоился, милый?
Ответишь? Ответим
За подлый обшак,
Осквернения — умысел главный,
За весь натошак
Засыпающий мир православный.

За тропы комет,
Предвещающих бедствия,
Бездны.
За то, что мы здесь не должны,
Не нужны, неуместны.

За то, что близки лепотицы,
И лани, и крали.
За то, что бездарные воры
Ворота украли.
За то, что воротит с души
От скупого ответа.

За то, что просил подаянья
У белого света.

Могу потесниться.
Резвиться.
Шумите покруче.
Глухие ворота закрыты.
И средневековые дремуче.

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ШАМПАНСКОМ

Храню, храню воспоминанье детское.
Шепчу девчонке славной, непростой:
— А всё-таки шампанское — «Советское»,
И виноград на чёрном — золотой.
Как все, не все мы ананасы лопали
И у кисельной маялись реки.
И всё-таки бутылки чаще хлопали,
И пробками сшибало потолки.
Не плачь, не плачь: теперь пора жиганская.
В чужих краях и на чужих складах —
Искристое шампанское, «Цимлянское»,
Весёлый «Брют», любимый в городах.
Шипят снега, сияют знаменитые
Под звёздами и фарами авто.
Целуемся, друг другом не забытые,
Целуемся, целуемся... не то.
Уйдёт со страстью воспитанье светское.
Бокал пустей, когда карман пустой.
А всё-таки шампанское — «Советское»,
И виноград на чёрном — золотой.

* * *

Я буду скакать по холмам
задремавшей Отчизны...
Н.Рубцов

Пойду собирать,
на закорки приладив беремья
Недужных вестей,
зашивая суму на ходу.
Сквозь тварное наше,
утробное, пошлое время
Мольбы и проклятья
сбирать безуспешно пойду.
Гордись, россиянин!
В тебя мудрено не влюбиться!
Прикажут — и горы,
и шею мальчишке свернёшь!
Ты волен сердито и дешёво
кровью упиться
До визга, до нюней...
Да в красном углу блеванёшь!

Гордись, россиянин,
нечаянным ростом былинным.
Ужо тебе, братец!
Пугая столичный аул,
Полкан толстомясый
рубает проверенным дрынном,
И падают старцы,
и жёнки зовут караул.
И раной сквозит
предсказание песни протяжной,
И стены крошатся
дыханием завтрашних дней.
На дохлой гитарке
бренчит человек продажный:
Куда ему лиру поднять
и восплакать на ней!

Пойду собирать, поползу,
или жемчуг небесный
На площади редок,
на улицах гневных смешон?
И Лиру обнимет,
отнимет Поэт неизвестный
У мрачного праха,
у чёрного хора времён.

* * *

Так по неприбранным квартирам,
На кухнях тающих подруг,
Мы собирались править миром,
Устав от ненависти вьюг,
Устав от лозунгов недужных
И угрожающих примет,
Присобирая пепел дружных
Охаянных, последних лет.
Скажу на дымном бивуаке
Ровесникам, спешащим в ночь:
— Не торопитесь в подлой драке
Друг друга честно истолочь.
Давно на улицах не видел,
Во сне не вижу милых лиц.
Золотогубый, тучный идол
Повелевает падать ниц.
Приказывает враль бесполой
Служить чуме и грабежу.

И Я — доверчивый и голый —
Сквозь оборотней прохожу.

* * *

Мама! Ты только не смей
Зря горевать над годами.
Стаи твоих голубей
В долгое небо взлетали.

Плавню кружили они.
Ты узнавала с волнением:
Ясные разные дни —
Радужное оперенье.

Мама! Ты только не смей,
Шаль закусив ненароком,
Пересчитать голубей,
Не прилетевших до срока.

Пусть навсегда, до зари,
Встречу с разлукой мешая,
Кружат твои почтари —
Белая стая большая.

ПЕСНЯ О ДЁГТЕ

На заре звенит комарик.
Сиротинушкой поёт.
Фёдор дёготь курит, варит...
Под завязочку забот.

Чтоб колёса не скрипели,
Не будили земляков,
Чтобы девки поскромнели,
Не дурили женихов.

В лихолетье гонят дёготь,
Дёготь едкий и густой.
Чёрный, точно чёртов ноготь,
Растолчённый с берестой.

С чужаком голубка пляшет,
Клятвы в камешки дробит,
Дармовым платочком машет,
Перстеньком глаза слепит.

— Не кручинься, сокол! Сварим
Дёготь, прежнего темней.
— А не жалко мазать, парень,
Двери юности своей?

Ишь, подружки взяли моду:
Часом ссора, бабий грай.
Ложка дёгтя — в кадку мёду!
Знай, товарка, не моргай.

Мужики не привереды.
Завладеет бес ребром...
Помни, славен дёготь дедов
Всё не злобою — добром.

Чтоб колёса пели складно
На дорогах там и сям,
Чтоб ворота пели славу
Приезжающим гостям.

Пыль взметнётся в стане вражьем —
Дёготь дедовский храним.
Да своих ворот не мажем
И соседских не черним.

* * *

У Певца не бывает врагов.
Он товарищ ушедших богов.
Он приятель грядущих светил.
Он себя в белый свет превратил.
И в сырую промозглую тьму
Обнажается: жарко ему.
На коленях — закат и восход —
Укачает рачитель свобод.
На восходе — цветок снеговой.
На закате — он рдяный, живой.

У Певца не бывает врагов
Среди птиц, среди слёз — облаков.

* * *

NN

Весёлые травы и ветер степной...
И сон опустился на грудь.
Ты шепчешь ревниво: «Останься со мной.
И ночь, и зорьку побудь».

Костёр принимает обличье коня.
Скакун обернётся судьбой.
Признайся огню, что не любишь меня —
И просишь остаться с тобой.

Безумное время по жилам течёт
И души сжигает дотла.
Не чёрт я, не ангел. И ангел! И чёрт!
Ты счастье лихое нашла.

Умчится огонь, похищая коня,
Вольготно искать водопой.
Признайся луне, как не любишь меня —
И просишь остаться с тобой.

Забудь мои губы и речи забудь.
За радость усталую, за...
Тобой повторяю: «Поближе побудь,
Пока не открылись глаза».

* * *

Первый снег утешающее ярок,
Утешительно радостно нем.
Я старик для него, перестарок,
Ветер вещей из русских поэм.

Бестревожные ветви качаю.
Голубей огнеоких кормлю.
Никого на пути не встречаю.
Не твержу рокового «люблю».

Первый снег на высоком пороге,
На ладонях и в райском саду.
По заснеженной, чистой дороге
Не по праву, быть может, иду.

* * *

Почему на площадках весёлых,
От тревожащих сил вдалеке,
Не люблю я девиц полуголых,
Видя девочку в белом платке.

То ли смерть забрела ненароком?
То ли жаждет девчонка сказать
В ожерелье — жемчужины окон
Белым светом, платочком связать.

Тихой прядью, бессонною нитью,
Не страшась и волшебных очей,
Ни мечте, ни любви, ни соитью,
Ни иным продолженьем речей.

Пусть попляшут. И я, озираясь,
Возгорюсь на последнем цветке.
Позабить, позабить не стараясь
Ужас девушки в белом платке.

Я и так ей не нравился раньше,
На телегах веков грохоча.
Почему ж на Маринкиной башне
В ночь ухода сияет свеча?

ДОНСКИЕ СТИХИ

Жене

Не заламывай рук на пороге!
Не стыдись, при родне обними.
Уступая военной дороге,
Белый хлеб пред конём разломи.
Не смогла удержать каравая —
Покатился в горячую пыль.
Говоришь, голова горевая,
Разведёт серебристый ковыль.
Разведи костерок за спиною,
Задержи бесприютное зло.
Не печалуйся передо мною:
Наше солнце лучи развело
От туретчины полуродимой,
До китайской Великой стены,
От России пшеничной, единой —
Соловьи соловецкой волны.
Обретения нету жесточе.
Птахи лёгкие к сердцу летят.
Я гляжу в твои карие очи,
Так в глаза увлекаемой ночи
И победы, и смерти глядят.

* * *

Карине Чугреевой

Из ночных оснеженных ветвей,
Заклиная мать или сестру,
Запоёт последний соловей:
— Если ты заплачешь, я умру!
Ласки утешающий огонь
Дымом застелился поутру,
И записка — звездочкой в ладонь:
— Если ты заплачешь, я умру.
Небо — или просьбы — широки.
Ветер оживает на юру.
Уходя, горюют старики:
— Если ты заплачешь, я умру.
Улыбаюсь и не пощажу,
Слёзы безнадежные утру.
Там, откуда нынче я гляжу:
— Если ты заплачешь, я умру.
И любви, и тайне исчезать.
Вольно цвести весеннему костру.
И опять я вынужден сказать:
— Если ты заплачешь, я умру.

* * *

Жене

Горят леса — и плачет Подмосковье.
Кричит лешак — хранитель родников.
До речки не дойти и в сто веков,
И в сто веков
В глазах русалок тлеет слово вдове.
Ты назначала встречу — я приду.
Ока мелет. Я приду скорее.
Представь, я в прошлом дёргался на рее,
Мне в тон хрипел разбойный какаду.
Пришёл. И руки в руки отдала.
Вода — по пояс. Мы дойдём до берега,
Где бродит эхо, оживает нега...
Хвала жару медвежьего угла!
На синем небе вольно облакам.
На дне песчаном я нашёл подкову.
— На счастье, — говоришь. Я верю слову.
Горят леса... И слёзы — по щекам.

* * *

Отбелили скатерти льняные
Мягкие могучие снега.
Отбелили скатерти земные.
Отбелили скатерти иные...
Чистота сегодня дорога.
Ласковыми крыльями объяли
Сдвинутые древние столы.
Внуки просветлённые стояли.
Выходили пращурсы из мглы.
Хлебом незабвенного покоя
Ты гостей не потчевал давно.
Власть дымится бедное жаркое,
И яснее мутное вино.
Примирились лютые соседи.
Повинюсь за жизнь и жизнь свою.
Я, на праздник не принёсший снеди,
Песню позабытую спою.

Подари болящим исцеленье.
Ниспошли на падших благодать.
Не заставь убогие селенья
На холмах младенческих рыдать.
Зримее у милого порога
Тихий свет небесного следа.
Хоть и далеко ушли от Бога —
Далеко до Страшного Суда.

* * *

Не брезгуй рябиной:
остатние ягоды рви.
Озябшей любимой
последнею гроздью живи.
Рябиной пожертвуй,
в нависшее небо спеша.
Позёмкою шаткой
блукает чужая душа.
Над скудною горстью
скажу беспощадно: «Прости!»
Продрогшую гостью
и ночью сумею спасти.
Ругают невежу:
в углах — ни светца, ни кола.
Мужаюсь и грежу,
гармошку сжигаю дотла.
К утру ли поближе
дорожку светлей размету.
Рябину увижу, увижу
рябину в цвету.

* * *

В родной стороне, на пороге родном,
Накроют дерюгой, укроют рядном.
На зависть покинутым хатам
Обнимут отеческим матом.

Прохожему жутко. Поэту мертво —
Угнали коней, погасили метро.
Не слышится из мирозданья
Ни «здравствуйте», ни «до свиданья».

Иду и гадаю: какого рожна
Уходит эпоха, уходит жена.
И всё же — эпоха дороже.
С женой беспокойнее всё же.

Небесные тропы, земные мосты
Ведут в коммунальные клетки.
Ах, трепетным утром рыдают цветы,
Растут и рыдают в кювете.

Не плачьте. И сам я заплакать готов
У ваших порогов, у ваших цветов.

НОВАЯ КНИГА ПОЭТА

Григорий ВИХРОВ. **Цыганские ворота**: Стихотворения. Избранное. — М., 2011. — 574 с.: — 1500 экз.

В столице вышла девятая книга поэта Григория Ивановича Вихрова — «Цыганские ворота». Это объёмная, красиво изданная книга, и, хотя автор представляет своё издание как «Избранное» — это не подведение итогов его творчества: поэт Григорий Вихров полон сил, энергии, новых интересных задумок.

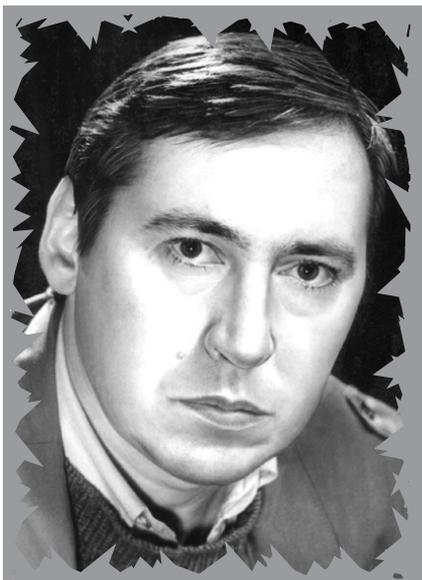
Стихи Вихрова — о многом. Это искренние, прочувствованные строки о недавней афганской войне («Небесные призывники», «Казнённые») и стихи, полные глубокой боли за Россию («Слепая русская беда», «Откровение ушедшей России», «Увидел ночи предстоящие...»). А в его таком, казалось бы, простом стихотворении «Пахнет воском у церквушки...» образ стоящей перед иконой матери — это образ самой России, в воскресный вешний день молящейся за погибших во всех минувших войнах. С большой любовью и теплотой пишет поэт и о своей матери («Мама! Ты только не смей...», «Я из молитвы матери иду»).

Поэзия Вихрова очень музыкальна. Слова ложатся свободно, естественно, будто сама Природа шепчет их автору во время его прогулок, во время его мечтаний... И всё сделано крепко, по-русски, по-своему, по-вихровски — нет ничего подражательного, никаких перепевов и повторений. Поистине большой Поэт!

Не менее интересны и переводы большого мастера Слова. Автор перелагает на русский язык произведения классиков и малоизвестных поэтов. Привлекают читателя вольные переводы из японской поэзии.

В разделе «Посвящения» предстают перед нами любимые поэты и писатели Григория Вихрова: Александр Блок, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Василий Шукшин, Виктор Астафьев, Владимир Высоцкий... Предстают такими, какими их видит поэт — наш современник: Николай Рубцов с его «одиноким судьбой», Владимир Высоцкий — «задорно» глядящий на всё, что происходит на земле, «сквозь небесную брешь»...

Григорий Вихров в своих стихах идёт *не от русской классики*, как сейчас стараются идти многие: он идёт *к русской классике*, ощущая себя продолжателем славных традиций великой нашей литературы.

Олег Кочетков

Олег Владимирович Кочетков родился в Коломне в 1947 году. Поэт, член Союза писателей СССР. Долгое время работал в аппарате Московской организации Союза писателей России, ведя работу с молодыми поэтами. Создал в Коломне творческое объединение «Зелёные цветы», названное так в честь его любимого поэта — Николая Рубцова. На протяжении многих лет руководил им. Автор десяти поэтических книг, публикации его стихов в периодике не поддаются подсчёту.

Лауреат Всероссийской литературной премии, Союза писателей России «Традиция», Есенинской — Московской городской организации СП России. Награждён литературной медалью им. И.И. Лажечникова.

ПРОСТОР ОТЕЧЕСТВА

* * *

Теченье свежих облаков
Над головой моею бренной.
А под ногами — пыль веков,
В непревращённости нетленной!
И радость ржи, и окоём,
В лазурном мареве дрожащий,
И в горле сладковатый ком...
О, воздух родины пьянящий!
Простор Отечества, над ним
Поветрий столько прокатилось,
С перемещением крутым,
Что, кажется, вся твердь сместилась!
А он в раздумии своём
По-прежнему щемяще-горек.
Хоть целый смысл проявлен в нём —
Всех гласностей и перестроек!

* * *

Пыль Отечества ноздри щекочет,
Позабытым настоем пьяня.
И покрикивает яркий кочет
На прохожего — на меня.

Что мне здесь? Если прах запустенья
Отрешённо повсюду сквозит.
Бузина да крапива — все звенья,
От которых бессмертьем разит!

Да саманный кирпич, разогретый
Долгим солнцем, удобно присесть.
Помолчать, закурить сигарету,
То лишь выдав, что я — ещё есть!

Что мне здесь? Почему незабвенным
Грустно веет от этой травы?
Низко кланяюсь призрачным стенам,
И уже не поднять головы...

ЗАВИСТЬ

А листва на наречье своём
Говорит на ветру, говорит..
Незнаком ты с её языком,
Только чувствуешь, как он горчит.

Не дано тебе смысл разгадать
Этой речи стихийной, сквозной.
Её музыкой можно разъять —
Только ею. Лишь ею одной!

Композиторы — Божий народ!
Вот какой-то, подслушав, один,
Так на нотах её развернёт,
Что пронижет до самых глубин
Твоё бедное естество!
И прикроешь ресницу сыру..
— Боже мой, это было листвою
Всего-навсего на ветру!

ВЕЧЕР У ОЗЕРА

Зыбь на тусклой, зыбкой глади,
Первобытный дух костра.
Ускользящих понятий
Смысла — редкая пора!

Над дымком струятся тени,
Уплывая в сумрак, ввысь.
Мир души и мир растений
В необъятное слились!

У плеча вспорхнула птица,
И истаял мягкий шум...
Может, то душа стремится
Выйти из неволи дум?

И сластит опустошённость
Где-то далеко внутри...
Столь ранимая подробность
Угасающей зари.

ПЫЛЬ ОТЕЧЕСТВА

Ступни босые греет нежно,
Их овевая сном столетий.
Парит, колышется неспешно
И зыблется в небесном свете.

Твой след раним, наивно-вятен
Своею хрупкостью беспечной.
Лазурный воздух необъятен,
Как этот полдень бесконечный!

Стезя твоя всё дальше длится.
Ступается — щекотней пуха!
Мгновенье это — да святится
В пространстве трепетного духа!

Влекомый помыслом незримым,
В пути травинки не обидишь.
Коль побредёшь по ней, родимой, —
То, может быть, к себе и выйдешь!

* * *

Однажды выдохнув: «Россия!»,
Преклонишь голову навек,
И думы тянутся босые
К уразуменью — человек!

И вековечною заботой
Пронзит натруженный висок,
И трепетной тоской залётной...
А день бескраен и высок!

Над бесконечною дорогой
Взметнётся, растворится вздох.
И тенью отчего порога
Подёрнутся раздумья ног.

И всё отчётливей тревога
Сквозит в следах твоих, в пыли,
И к небу тянется дорога,
И с ним сливается вдали.

НОЧНОЕ ПОЛЕ

Размыкается глубина,
Что висит надо мной с колыбели.
Где звезда там моя — не видна?
Уж не та ль, что дрожит еле-еле?

В зыбком мареве поле плывёт,
Лунный свет его мягко колеблет.
Васильково-ромашковый плот
Сносит вдаль, и мучительный трепет
Осеяет моё естество,
Возвышая меня, приближая
К затаённым мирам и всего
Меня связей привычных лишая.

И уже не понять, ощутить:
Кто я, что? Только звёзд копошеньё.
И бессильно так хочется жить,
И просить у кого-то прощенья!

ЗАБРОШЕННАЯ ЧАСОВНЯ

Заросли травяные тропинки,
Человечьих следов не найти.
Запустенье... лицом паутины
Разрываю, чтоб к ней подойти.

Обомшелые, дряхлые доски,
Истлевающий, струганый скат.
Ниша в сгустках желтеющих воска,
А из тьмы — Божьей Матери взгляд,
Излучающий кротость, смиренность...

— Как иконка-то эта жива?
Из беспмятного поколенья
Я пришёл. Мои — немые слова!

Что осталось? Стыдливо согнуться,
И вздохнуть, и уйти навсегда!
Мне, конечно, сюда не вернуться.
А как надо б вернуться сюда!

ЗВЁЗДНОЕ НЕБО

Для чего-то же он — беспредельный?
А не просто лишь — сам по себе...
Со своею юдолью скудельной
Весь в его я — дремучей волшбе!

Растворяется в космосе жутком
Для чего, и куда, и зачем?
И ни сердцем постичь, ни рассудком.
Звёздный ливень загадочно нем...
Что ж под ним я — с душой раскрытой
Всё стою, ощущая челом
Холод нашей туманной орбиты,
Дольний мир, где мгновенье — живём?

И куда эти звёзды так мчатся,
Что наш мир в этих вечных мирах,
Что роятся вокруг и роятся...
Миновала пора обольщаться —
Он, конечно, не в наших руках...
А на сердце и радость, и страх...

О СВЕТЕ И ТЬМЕ

А душа — категория света,
Хоть и тьма в ней заключена!
Как блуждающая комета —
Пропадёт, то — возникнет она,
По своей недоступной орбите
Днём и ночью движенье верша,
Норовя в эпицентр всех событий,
Даже если и против душа!
Даже если одним только светом
Всё объято, и свет — впереди! —
Ты не верь этим светлым приметам,
В самый раз она явится — жди!
И не чтоб омрачить очевидность
Тобой выбранных светлых дорог,
А чтоб, чуя его беззащитность,
Ты б его — ещё больше берёг!

БЕЗДЕЙСТВИЕ

Не шелохнётся лист. Ни звука.
Весь воздух словно застеклён.
И, как сироп, густая скука
Течёт в тебя, беря в полон.

И ни забота, ни тревога
Не беспокоят. Тишь да гладь!
Себя не вспомнить, и ни Бога,
Ко лбу щепоти не поднять!

Тягучею, дремотной массой
Ты обволокан, спеленат.
Пред ликом Родины прекрасной
Своим бездействием распят!

Восторжествуй, Отец Небесный,
Дай над собой возобладать!
Швырни меня в любые бездны!
А нет — нам вместе пропадать!

ТАЙНА ТВОРЧЕСТВА

Свищет ветер — и листья лепечут,
Утихает — и листья тихи.
Всё так просто. Иль чёт, или нечет,
Остальное — удел чепухи!

Сложность только в одном: подключиться
Всем началом — к стихии живой!
Не пред тайной её преклониться,
А пред собственной бедной главой!

И тогда вечно будет всё новым.
И не важно, как вышло судьбой:
Или сам ты владеешь — словом,
Или слово — владеет тобой!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ПЕСНЬ О РУСИ

Есть что-то неизъяснимо таинственное, сердечное, щемящее в русской песне... И есть люди, вся жизнь которых походит на такую песню, в чьей судьбе находится место и раздольному веселью и неизбывной нашей печали.

Среди таких людей — **Олег Кочетков**, чьё 65-летие мы встречаем в этом году. Его поэтическая работа составила целую эпоху в жизни Коломны. А замечательная плеяда учеников идёт той есенинско-рубцовской стезёй, которую продолжает Кочетков и верность которой он сохраняет назло всяким модам и «современным веяниям».

Олег Владимирович! Несмотря ни на какие испытания, живёт в душе твоей песнь о Руси и созревает в тайниках сердца «златое слово». И мы знаем — ты ещё скажешь его!

Коллектив редакции

Анатолий Преловский

Творчество Анатолия Васильевича Преловского (1934–2008) известно многим ценителям русского поэтического слова и одновременно почти неизвестно широкой читательской публике. Его жизнь и творчество не просто связаны с Сибирью, они рождены и напитаны ею в самом прямом смысле.

С 70-х годов Анатолий Преловский часто бывал в Коломне, где вместе с женой Викторией Григорьевной гостил в Щурове и Колычёве у друзей — Майи и Эдуарда Мицкевич. В московской квартире Преловских бывали коломенские поэты Владимир Дагуров и Олег Кочетков.

ПРОДЛИТСЯ ЖИЗНЬ

БЫЛОЕ

Вновь былое голову туманит:
Глухомань в свои владенья манит.
Волчьи будни. Праздники медвежьи.
Мохом зарастающий валежник.
Флаги паутины над тропюю.
Черепу косуль у водопою.
И заря, безбрежная, как море.
И над всем — недвижимое, немое,
Вечное спокойствие лесное...

Это память, это возрастное.
Хочется опять вернуться в детство,
Взять с собою шомполку (наследство
Сумрачного деда-зверобоя)
И уйти, как в первый раз, в тайгу.
Ухожу. Подолгу в ней бываю.
Сплю в снегу и зверя добываю,
А вернуться в детство не могу.

ЛУЧ ОСЕННИЙ

Были руки. Были губы.
Дверь была не заперта.
Эта ночь под волчьей шкурой
породнила намертво.

Ни работой, ни ненастьем,
ни закрытой дверью
не спастись теперь от власти
твоего доверия.

Шкура над чужим топчаном
прелью пахла, листьями.
Я пришёл к тебе случайным,
а ушёл единственным.

Что-то в мире изменилось
к новому да к лучшему.
Солнце к нам с тобой склонилось —
выдало по лучику.

Луч осенний. Пахнет прелью.
Солнечная прелость.
Руки маленькие грею,
ими же и греюсь.

В изголовье ль свет поставить,
день мешая с ночью?
Проклинать мне или славить
шкуру эту волчью?

Эти двери и ненастье,
дом чужой, уснувший...
Эх, короткий проблеск счастья,
жизнь перевернувший.

ВЫСОТА

В дорогу выйти легче,
чем собраться.
Уже ботинки
лёгкость обрели,
а всё ещё не можешь
оторваться
от стопудовой
матери-земли.

Чем круче путь,
тем ноша тяжелее,
вершины ж всё не видно —
далека!
Но я иду,
я силы не жалею,
плечами раздвигаю
облака.

И вечное
земное притяженье,
что связывало
крылышки мечте,
вдруг догоняет —
головокруженьем
на взятой высоте.

МЕДВЕЖЬЯ ШКУРА

Сколько стоит медвежья шкура?

День дороги без дымокура
по чаще, в комарне, без карт.
Случай.
Пуля.
Винтовка.
Фарт.
Страх — когда он встал на дыбки.
Мягкость пальца. Твёрдость руки.
Выстрел!
Радость — лёг наповал,
ужас — мёртвый навстречу встал.
Жизнь пережить — передёрнуть затвор
и десять новых — добить в упор.
И ждать, не веря ни в тишь, ни в кровь:
встанет, и всё повторится вновь —
десять жизней и десять смертей...
Плюс — за выделку семь рублей.

НОЧЬ

Ночь приходит в чёрной рубахе,
преображает в зверей кусты
и приводит забытые страхи —
страхи внезапного и темноты.

Сколько веков во мне они зрели?
Видно, проснуться им вышла пора,
чтобы я кожей услышал зверя,
как ухом — прицельный звон комара.

Ночью во мне оживают предки,
у древних страхов глаза велики —
и я различаю на ближней ветке
люминисцентные рысьи зрачки.

И первым движеньем, таким же древним,
я бросаюсь ближе к огню
и, повернувшись к чёрным деревьям,
как палицу, в руку беру головню.

И только тогда вспоминаю смутно,
что пуля в стволе точна и остра...
А надо мной пролетают спутники,
как вольные искорки от костра.

ДЕРЕВО

Моя работа тихая, как рост
живого дерева в невырубленной чаще,
что каждой веточкой, зелёной и дрожащей,
пытается достать до звёзд.

Достать. Соединить. Объединить
родную почву с необжитым небом.
В призванье этом, дерзком и нелепом,
кто может дерево винить?

И вот тянусь, тянусь. Перебрёдаю реки.
Осиливаю молнию и гром.
Я делом занят. Что мне дровосеки
с их вездесущим топором!

ЗВУК

С. Дрофенко

Был ли звук?.. Но отзвук дальний
всё стоит, звенит в ушах.
Декабриста ли кандалный,
подневольный шаг?

Или, стозвонная, упала
и ещё дрожит сосна?
Иль пчела сломала жало
и вот так слышна?

Иль натруженною медью
старой боевой трубы
в памяти гудят столетья,
как в полях — столбы?

Иль такой уж нынче воздух —
то ли влажен, то ли сух,
что не звук,
а только отзвук
ловит бедный слух?

ВОЗРАСТ

Что-то сделалось в судьбе,
стронулось — и вниз!
Месяцем по городьбе
возраст мой повис.

Зверь выходит из кустов —
не могу убить.
Ни худых, ни добрых слов
не могу забыть.

Не усталость, не тоска
и не жажда жить.
Или не к чему пока
руки приложить?

И сияет надо мной,
по ветвям скользя,
белый-белый свет ночной,
а читать нельзя.

НА СЛОМЕ ОСЕНИ

В такие дни — хотя и вдоволь солнца,
Земля тепла, а полдень тих и мглист —
В предчувствии зимы уже трясётся
Берёзовый, ещё не жёлтый лист.

Вставляется в окно вторая рама.
Вот-вот закончат птицы перелёт.
И лесоруб, из дома выйдя рано,
Плотнее телогрейку запахнёт.

И там, где в ельник вписанные чётко
Ещё едва желтеют тополя,
В такие дни ясней слышна чечётка
Не видного за чащей топора.

Никто не тронет — ни мороз, ни случай —
Уложенные в землю семена.
В такие дни и думается лучше,
И жизнь вперёд на много лет видна.

ТРАССА

Голос птицы непуганой
да над лесом заря.
Кончик ветки обугленной,
а под нею зола.

След тяжёлого трактора,
рядом банка пустая,
неввысокая травка
в колее вырастает.

Пятна ржавчины жёлтые
даже камень прожгли.
Пни. Опоры тяжёлые.
Люди прошли.

ГРАД

А.Вампилову

Летний град на белых лапах
бродит средь кустов,
ходит с севера на запад,
с юга на восток.

А с горы, как от погони,
скачет кабарга,
мчится в леденистом звоне
пенная река.

Прилетевшие без цели
из небесной мглы,
семь планет в ладонь мне сели,
как земля, круглы.

Что за сила их, ледовых,
к жизни извлекла?
Им невесело в ладонях:
гибнут. От тепла.

Призрак тающей Вселенной
я несу в руке,
сам затерян в белопенной
ледяной реке.

Солнце тучи рвёт лучами,
как бессильный бог,
я гляжу: семью ручьями
Млечный Путь потёк.

Холод льдинок невесомых
помня на руке,
я иду в кустах зелёных
по былой реке.

Стержень сам себе и запад,
устье и исток,
стылый ветер, мокрый запад,
утренний восток.

Утверждённый в тьме и свете,
в ливнях и в пыли,
вечный, как снежинки эти,
на руке земли.

БАЛЛАДА О ЗАЩИТНИКЕ

Когда его убили в первый раз,
он Родину от оккупантов спас.

Когда потом своими был забит,
восстал-таки из-под колымских плит.

Так всякий раз, лишь отзвучит расстрел,
он оживал — для новых добрых дел.

Но как был клеветою сшиблен с ног,
то встал, а спину разогнуть не смог.

Когда ж о нём и память извели —
он умер сам, не вышел из земли.

Остался там, хоть звали на парад,
не отзывался и на звон наград.

ПРОДЛИТСЯ ЖИЗНЬ

Продлится жизнь — и я продлюсь,
как недописанная строчка,
и смыслом, явленным неточно,
с подтекстом вечности сольюсь.

Но страждущая оболочка,
утратив страсть мою и грусть,
пожалуй, будет беспорочна:
я никогда не повторюсь!

И потому, пока живой,
спешу продлить земное счастье:
неметь и заикаться в страсти,
стремясь восторг от жизни свой
хоть в слове воплотить, хоть в звуке
до всем назначенной разлуки.

Татьяна Башкирова

Татьяна Фёдоровна Башкирова родилась в Коломне. Поэт, член Союза писателей России. Автор книги стихов «По обе стороны времён» и многочисленных публикаций в «толстых» литературно-художественных изданиях России. Её стихи предельно искренни. С неподдельным страданием и болью передают они настроения сегодняшнего дня, откликаясь на все наши невзгоды и беды.

Татьяна Башкирова — заведомо поэзии «Коломенского альманаха». Все тексты, публикуемые в альманахе, проходят через её руки: набираются, сверяются, корректируются. Её труд — это настоящий жертвенный подвиг. Награждена литературной медалью им. И.И. Лажечникова.

ЭТИ РУССКИЕ ДАЛИ...

* * *

Шли дожди — проливные, цветные,
Пела роща на все голоса:
Там носились пичуги шальные,
Тут бельчонок в гнезде родился.

А под куст небольшой загляни-ка —
Алой бусинкой радуя глаз,
Притаилась в росе земляника,
Сладким соком в тиши налилась.

Кольхалось травы многоцветье.
Здесь дышалось вольней и свежей.
А по осени школьники-дети
Возле тропок видали ежей.

Это было... И в памяти — свято...
А сейчас — ничего уже нет.
Это было всё — в веке двадцатом,
Где же роща? — Да съел короед!

Налетело суровое время,
Побледнел небосвод голубой.
Тянут чёрные руки деревья
К небу, к Господу с горькой мольбой.

Солнце утром ощерится яро,
 Ни дождинки... За сорок — жара...
 И — пожары, пожары, пожары,
 Серый дым над Окою с утра.

Так сжигало нас прошлое лето,
 Ни детей, стариков не щадя:
 Задыхался асфальт перегретый,
 Месяцами — ни капли дождя.

Так же дымная осень растает.
 Век двадцатый — зови не зови...
 Пожелтевшим листом облетает
 Праздник Веры, Надежды, Любви...

* * *

Почему так горчат
 Эти русские дали,
 Лебедой да сурепкой
 Глядятся поля?
 Стаи горестных птиц
 Над селом отрыдали,
 И как в злую годину,
 Вдоеет земля?

Покушается зверь —
 Волки шустры и бойки! —
 На последнюю живность,
 И воет в тоске.
 Вырос в поле коттедж
 В суете перестройки —
 Неуместен, нелеп,
 Словно дом на песке.

Здесь нерусская речь —
 Всё узбеки, таджики, —
 Здесь нерусский обычай
 Отныне живёт.
 Где же русский народ?
 Где же русские лики? —
 Вон погост за селом,
 Он растёт и растёт.

Горько мечется сердце,
 Сжимаясь от боли.
 Мы ведь помним Россию,
 А кто ж виноват?
 Ярой птицей летит
 Над заброшенным полем
 Обжигающий душу
 Кровавый закат.

ПЕРЕСЕЛЕНКА

Затихает торговля на рынке,
 На прилавках от фруктов пестро.
 Черноглазая, в алой косынке,
 Держит девушка тряпку, ведро.

По-восточному ярко одета,
 Речь с акцентом, и кожа смугла.
 В изнуряюще-жаркое лето,
 Словно птаха, она весела.

Здесь торгует она, убирает,
Стал привычным ей города гул.
Но лишь только глаза закрывает —
Видит милый кишлак иль аул.

Сердце бьётся в тоске и тревоге —
Жаль, она не умеет летать...
Вот и сакля. На низком пороге
Дочку ждёт постаревшая мать.

Робкой стайкой, немного в сторонке,
Все в лохмотьях, как в горьких репьях, —
Вдоль забора — братишки, сестрёнки, —
Стиб кормилец в нездешних краях.

Он пошёл за работой, зарплатой,
Да укрыла российская мгла...
Разве старшая дочь виновата,
Что судьба и её увела?

ВETERAN

За два дня он надел ордена
До далёкой и памятной даты.
Тех поруганных лет письма
До сих пор в его памяти святы.
И встают, как сияли когда-то:
Новостройки, вожди, целина...
Что же, всё это — пылью покрыть,
Объявить порождением застоя?
Разве снилось ребятам такое,
Тем, кому не пришлось дожить...
И увидеть Россию во мгле
Вседозволенности и безверья,
И на Запад раскрытые двери
С небреженьем к родимой земле...

И стоит он, и не понимает,
А над ним — горевая звезда,
И куда-то Россия шагает...
Ветер бешено рвёт провода.

СОВРЕМЕННОЦА

В трамвае её укачало.
За стёклами — дождик и мгла,
И женщина робко вошла
В ворота большого вокзала.

А мысли дрожали и плыли
Безрадостным сном наяву:
С завода её сократили,
Куда же податься? — в Москву!

Подружек советы, укоры
Безмолвно она приняла.
«Куда ты? На пенсию скоро!» —
Да пенсия будет мала.

«А муж? Ну покамест не спился,
Ведь он не без ног и без рук...» —
Однако, как цех развалился,
С бутылкой сдружился супруг.

Страдает... В глазах — безнадёга,
Тревожные ночи — без сна.
Каким был рабочим Серёга! —
И горько вздохнула она.

И дочери нету дороги,
С двумя малышами — беда.
Глупышка! Пошла в педагоги,
Да разве кто думал тогда,

Что будет такую Россия...
Вдали потерялся вокзал,
Летели столбы верстовые.
За что нас Господь наказал?

* * *

Где, Россия, твой путь, —
Где Пожарский и Минин?
Злые ветры секут
Твоё доброе имя.

Не твоя, не тверда
Под тобою дорога:
Вот откуда — беда
У родного порога.

И народ не у дел:
Где же доблесть и слава? —
И царит беспредел.
Раскололась держава.

Напиталось жнивье
Русской болью и кровью,
И загран-воронье
У тебя в изголовье.

* * *

Говоришь: у тебя не сложилось —
Много прожито, сделано — чуть.
Только это — не Божия ль милость —
У родимых святынь отдохнуть!

Оглашая приокские дали
У Голутвина-монастыря,
Все твои поезда — убежали,
Лишь закатная светит заря.

Ты поёшь, словно малая птица:
Неприметен, неярок твой стих.
А друзья и подруги — в столице...
Что ты, глупая, знаешь про них?

* * *

В этом мире не было тепла:
Тень болот да сумрак чернотала.
Я тропую незаметной шла
И других дорожек не искала.

В этом мире не было огня,
И за тучи пряталось светило.
Но была надежда у меня,
Искоркой в душе моей светила.

Выткалась до ниточки судьба,
Гаснет день, печально догорая.
В этом мире не было тебя,
А уж скоро тьма падёт сырая...

* * *

Под перестук колёс вагонных
Струится тихий говорок.
Мельканье далей заоконных
Да мельтешенье книжных строк
Не привлекает эту пару:
Они — глаза в глаза — вдвоём.
Кто он? — как будто и не старьей,
А для неё — вся радость — в нём!
Она тиха, как будто снова
Не шестьдесят — семнадцать ей:
Им недосказанное слово
Перевела в душе своей,
И расцвела такой улыбкой,
Которой в мире краше нет,

А к ним в окно крадётся зыбкий
Осенний сумрачный рассвет...
Ах, чтобы листья не летели
Под ноги осени сырой,
И чтоб не близились метели,
Весна! Весна! Им дверь открой!
Пусть зацветёт сирень повсюду,
И чтобы соловей не стих!
Яви, Природа, это чудо
Для тех двоих, для них двоих!..

ВЕШНЯЯ СКАЗКА

Холодные сумерки — резче,
Злей ветра протяжного вой.
Подснежника хрупкие плечи —
В студёной воде снеговой.

В сугробах плутает дорога,
В полях — непролазная грязь.
А в небе — звезда светлоока
Над грешной землёй поднялась.

Она меж подружек несмело
Свою проносила красу.
Но как она вдруг разглядела
Продрогший подснежник в лесу?

Рванулась всем телом мгновенно,
Шагнула в кромешную тьму.
Презрев все законы Вселенной,
Спустилась на землю, к нему..

ЛЕДОХОД

Ледоход... Словно добрые вести,
Льдинки стаяй теснятся, плывут.
Молчаливо взирают созвездья
На обычный земной уют.

Там весна заплутала в апреле —
Где её затерялись следы?
Поднимаются к ночи метели,
От снежинок дороги седы.

Старый лес в непроглядном тумане,
Как зимою глубокой, молчит.
Только верит он: солнышко глянет
И рассыплет цветочки-лучи.

Заиграет ручей, заискрится,
Небо глянет вовсю голубым.
Засмеётся беспечная птица
Над последним сугробом рябым.

Разнесётся весёлая песня,
Будто выпорхнув издалека.
Ледоход... Словно добрые вести,
Над землёю плывут облака.

* * *

Памяти Елены Новиковой

Елена, где ты, Елена? —
Молчит небесная высь.
В какой далёкой Вселенной
Витаешь ты? Отзовись.

Застыла земля немая,
От снега вокруг — бело.
А ты уходила — в мае,
Черёмухою мело...

Земля тебя принимала
Весенней нежной травой.
Как все мы делаем мало
За миг быстротечный свой!

Тот миг — единый, желанный, —
Зовётся коротко: жизнь.
Елена! В дали туманной
Где светишь ты? Отзовись!

* * *

Волне бегущей — простор и воля.
Давно опавшая спит листва.
Над порыжелым забытым полем
Ноябрь слагает свои слова.

Он — всё о небе, о нём, высоком,
И птицы — древние письмена.
Моргает лужа холодным оком
Под ветром северным дотемна.

Деревьев чёрных грустны объятья.
Печально мокнет безмолвный лес.
Вдруг светлой Божией благодатью
На нас спускается снег с небес.

И сразу сердцу как будто легче.
Свежее воздух. Спокойней сны.
Снег всё закроет и всех излечит,
И будем здоровы и прощены.

* * *

Улеглась за плечами дорога.
Средь бесчисленных дней череды
Мне осталась отрада — немного
Побродить возле тихой воды.

Одуванчик сорву по привычке,
Как девчонка средь вешнего дня.
Над Окою кричат электрички,
Но в столицу зовут — не меня.

Словно птиц улетающих звуки,
Их гудки... И в душе моей — грусть:
Не тяните, мосты, свои руки, —
Я с Коломною здесь остаюсь.

Елена Евгеньевна Кузина родилась в Свердловске. Большую часть жизни прожила в Москве. Окончила Московский геологоразведочный институт им. С.Орджоникидзе.

В Коломне живёт с 1993 года и считает её своей второй малой родиной. Стихи публиковались в коломенских периодических изданиях, где она работала в качестве штатного и внештатного корреспондента, в том числе в издании КЦ «Лига» «Арт-информ». Окончательно посвятила себя журналистике с 1999 года. С 2004 года начала сотрудничество в журнале «Культура и время» в качестве журналиста. Сегодня Елена — главный редактор этого издания.

ИЗ ЦИКЛА «ТАНДЕМЫ»

ПТИЦА-АНГЕЛ

I

Гуляет ветер в перьях Птицы,
А там, внизу, — провала темень,
Там дно ущелья, где струится
Река с простым названьем Время.

Всё меньше просьб. Крупней желанья.
Те, без которых смысла нет
Парить под сенью мирозданья
Среди созвездий и планет.

Но среди них одно, особо
Звезде летящей вручено,
И в нём — единственное слово,
Но, коль не сбудется оно,

Тогда настанет миг проститься,
Чуть задержавшись в вышине,
И распластаться рыжей птицей
На самом дне.
На самом дне.

II

Любовью той, что ни о чём не просит,
Печалью той, что истинно светла,
Полупрозрачные — сквозь них сияет просинь —
Теперь мои исполнены крыла.

Я нынче Ангел в сонме белых мантий,
Всевышний наш призвал меня к трудам,
И ты — земной души моей константа —
Небесной волей мне в хранение дан.

Не надо больше в странствиях бесплодных
Скитаться, рыжей птицею крича:
Ведь я могу — спокойно и свободно —
Плыть за тобою справа у плеча.

ПИТЕР

Город — в самый раз для одиночества,
этим он и близок и знаком.
Взять бы сны, в которых всё, как хочется,
смять бы их в прозрачный лёгкий ком,

пропитать ненужною отравой
нежности, завязшей в подреберье,
и закинуть — чайкам на расправу —
с этого на тот гранитный берег...

* * *

Падал прошлогодний снег...

Из неба кто-то сыпал перья...
Иль так прощался Старый год?
Целенаправлен и размерен
Был их торжественный полёт.

Белело всё: дома, деревья,
И кот, сидящий на окне,
И по колено вязло время
В повальной этой белизне.

Снег плыл, стущёвывая грани,
Цвета и звуки приглушив,
Как белый бинт по долгой ране
Чуть подживающей души.

* * *

Дорогой мой!
Всё логично.
Это дело небольшое —
поступать, как все мужчины,
с завоёванной душою

женской.
Мол, чуток поплачет,
мол, пожалится подушке.
Всё, слегка переиначив,
изольёт — с чайком — подружке...

...Я останусь — королевой
В зимней белизне покоев,
лоб — в короне изумрудной,
с негибаемой спиною.

Тут ты сам с собой слукавил —
навык у тебя немалый.
Нет.
Не ты меня — оставил.
Я — от дома отказала.

* * *

Убегать от счастья? — Ну уж нет!
Кто сказал, что счастье — в тихих буднях
воцарённый золотистый свет,
а не жар пустынного полудня?

Но оно порой — тот самый крест:
в руку лёг — и бросить не к лицу нам,
или личный путь на Эверест,
что другим покажется безумьем!

.....

...А душа поплачет — да споёт,
с нежностью сквозь слёзы улыбаясь.
Луковое счастье ты моё,

ни на что тебя не променяю...

* * *

Не торопите время, господа!
В нём каждый миг подсчитан и оплачен,
Оно течёт неслышно, как вода,
И только с виду кажется стоячим.

Нам очень важно, оглядев года,
Простить самим и попросить прощенья.
Не торопите время, господа!
Поспешность обернётся упущеньем...

* * *

В первый раз не тяготит зима,
Не печалит розовость мороза,
Не тяжка предутренняя тьма.
Колкий ветер выдувает слёзы,

Будто замороженным песком,
По лицу швыряет крошкой снежной,
Но внутри — щекотный тёплый ком,
Тот, что люди называют — *нежность*.

И, спиной к позёмке с ветром встав,
Думаю: «Как мало в нашей власти...
Вот что получилось из забав
с сердцем
и его святым Пространством».

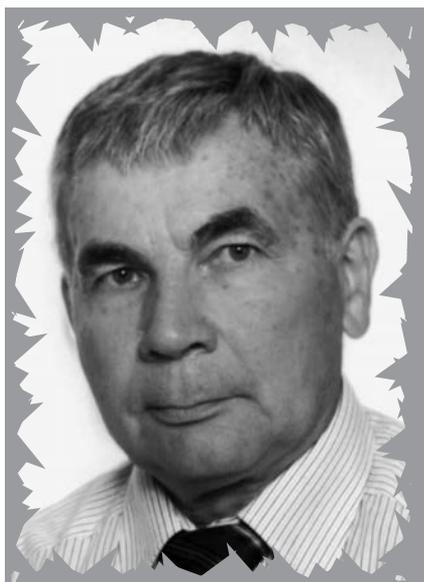
* * *

Я слишком близко подошла
К той неразборчивой границе,
Где людям не важны тела,
И уж совсем не важны — лица.

Из грешных нас, кто не устал
Жить с сердцем, латами прикрытым,
Оно колотится в металл,
И потому опять разбито.

Перешагнуть черту — сил нет,
Но всё не так печально, ибо
Ты можешь улыбнуться мне.
Что ж, и на том Судьбе — спасибо...

Михаил Болдырев

Михаил Михайлович Болдырев родился в 1950 году в посёлке Погиби Сахалинской области. Окончил Сахалинское мореходное училище. С 1971 года, после окончания училища, работал на судах рыболовного и торгового флота, а также на иностранных судах. С 2009 года живёт в Коломне, работает на проекте строительства Щуровского цементного завода.

Стихи пишет давно. Основное направление в творчестве — лирика. Михаилу Болдыреву удаётся передать в своих строках искреннее, светлое чувство любования родной природой, ощущения единокровной связи с ней.

В Коломне издан сборник его стихотворений «В сплетении времён и расстояний».

ЛЮБИ ДАЛЁКУЮ ЗВЕЗДУ

ЗВЕЗДОПАД

Ночь безлунна. В небо взгляд —
обещали звездопад.
Упадут на землю ночью —
в море тёмное и в рощу
Чьи-то тайные желанья,
колдовство и предсказанья
Из высот необозримых,
из времён безумно длинных.
Всхлипнет слепо небосвод,
астроном с ума сойдёт.
Затоскует капитан,
потеряв Альдебаран...
Ночь безлунна. В небо взгляд —
звёзды всё ещё горят.
Только странно — поутру
тополь вздрогнул на ветру.
Я в листве его заметил —
серебрился звёздный пепел.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Поменялось в нашей жизни много,
Больше сгнуло, и мало что сбылось.
Видимо, за пазухой у Бога
Для России места не нашлось.
Видимо, пятнает кровь рассветы,
Под которыми нам жить ещё и жить,
И года, стрелявшие в поэтов,
Нам до Судных Дней не отмолить.
Только знай, Серёжа: под Рязанью
Так же песни звонки и лихи,
И с грустинкой осени над нами
Пропоёт душа твои стихи.

* * *

Гулко в поле, неуютно.
Луноликая тоска
От реки бредёт попутно
До ближайшего леска.

Ну а там, за поворотом,
Тёплый дом в снегах укрыт.
Жёлтым глазом ждёт кого-то
Или что-то сторожит.

Гавкнул пёс из тёмной будки,
На пороге скрипнул снег,
И глаза, как незабудки, —
Синим пламенем в окне.

Полумрак. Хрустит дровами
Печка — блики на полу.
Чай с малиной и блинами
Ждут тебя давно к столу.

Стужа мёртвая по полю,
Звёздной дробью — небо — влёт...
В тёплом доме с тихой болью —
Всё отгадет и пройдёт.

ДЕВИЧЬЕ ПОЛЕ

За Окой в ночи зарница пляшет,
Чуть дрожит у берега бурьян.
Завтра утром девицу повяжет
Степняка надменного аркан.
Завтра крикнет вслед тоскливо птица,
В плаче горьком колыхнётся дол,
Утро поцелует скорбью лица,
Вцепятся репейники в подол.
И — прощай, сторонка с речкой синей,
Тёмная у озера изба.
Для тебя — и юной, и красивой, —
Стала чёрной мачехой судьба.
В голубых глазах — прохлада неба,
В русых косах — полдня житный жар.
Уведут тебя в степную небыль —
На потеху, как забавный дар.
Но недолог век в чужбине стылой:
Скроют след твой снег да ковыли.
Над сиротской — без креста — могилой
Осенью проплачут журавли.
За Окой в ночи зарница пляшет,
Поле Девичье таится в тишине.
В роще за рекою птица плачет
О пропавших в гиблой стороне.

* * *

Трепетна невыразимо
Вечера тонкая прядь.
В тень уплывает мимо
Речки сонная гладь.
Птицы вечерней песня,
Робкой звезды перелив.
Чуткое сердце, излейся
Нотой в заката мотив.
Кроется в дрёмных просторах
Дням приходящим весть.
В тёмных небесных покровах —
Месяца светлая песнь.
Взять бы в котомку жизни
В тихой радости даль.
Пусть на дорогу брызнет
Августа светлый янтарь.

* * *

Вошла — с весёлыми глазами
В январский день проталинкой тепла,
И расцвели аллеи голосами,
И даль им отвечала и цвела.
Цвела янтарным солнечным разливом
Над белым сном крещенской тишины,
И прозвенел над воспарившим миром
Бубенчик радостной весны.
Вошла — с весёлыми глазами,
Колдунья радостных начал.
Прохожие тебя не замечали,
Но я тебя, извечная, узнал.

ДОРОГИ ПУЛЬС

Дороги пульс в вагонном перестуке,
Качает ночь далёкие огни.
Перроны с запахом разлуки
Кому-то нынче суждены.
Кого-то нынче даль обнимет слепо,
К груди прижавшись встречным холодком,
И тень знакомая вдруг сторбится нелепо
Над тощим старым рюкзаком.
Что гонит вдаль — нужда, грехи, мечтанья?..
О, сколько судеб сгнуло в краях,
Где превращались страстные желанья
В песок, хрустящий на зубах.
И я из тех, кто болен этой мукой —
Извечным зовом дальних берегов,
И потому вагонным перестуком
Мне поезд дальний будоражит кровь.
И потому я вижу лёгкий парус
В плывущих надо мною облаках.
Перекрещусь и на заре покаюсь
В неискуплённых странствием грехах.

* * *

Солнце к земному клонится,
Небес провесенина зыбь:
В сердце светлая звонница
Бьёт в голубую глыбь.
Снова в закаты закатана
Светлых рассветов грусть,
Снова маю просватана
Вечная девушка — Русь.

МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

Тихо. Вечер. Кот у печки
Дремлет, сыто щуря глаз.
Отражает пламя свечи
Медным брюхом старый таз.
Мама в ситцевой сорочке
Шлёт поклон на образа.
Просит Бога о сыночке,
Глядя в строгие глаза.
Обо мне, о непутёвом,
Прост молитв её напев.
Просит Бога сердцем, словом
Отвратить от сына гнев.
Отвратить печаль и хвори
Да послать мне благодать,
Чтоб вернулся в дом я вскоре...
Что ещё попросит мать?
Время, время!.. Нет уж мамы,
Да и дома тоже нет.
Но сквозь дрёмные туманы
Вдруг блеснёт заветный свет —
На уставшую дорогу
Льётся лунный блавест...
Мамин шёпот: «Слава Богу,
Жив... Храни тебя мой крест...»

* * *

Мечтай! И в холоде вселенной
Люби далёкую звезду
Любовью страстной и мгновенной
В коротком жизненном бреду.
Мечтай! Лети к вершинам гордым,
Где солнцем вылизана твердь,
Где предназначено свободным
И жить, и петь, и умереть.
Пьяней от снежного восторга
В чертогах звонких января,
И утро нежной недотрогой
Обнимет радостно тебя.
Мечтай, люби, — никто не в силах
Отнять, украсть счастливый миг,
Пока кипит в упругих жилах
Небес алеющих родник.

* * *

Мне бы сани, тройку, поле,
Снег в лицо, мороз взахлёб!
И тебя — пускай на горе,
Но — душе отдай полёт!
Крикнет вслед в испуге птица:
За оврагом волчья тень.
Мне бы до смерти влюбиться
В глаз насмешливых сирень.
Ты смеёшься, как над пьяным, —
Эта сказка — не про нас!..
В запорошенных бурьянах
Смотрит в небо волчий глаз.

ИЗ ПОЧТЫ

Главному редактору
литературно-художественного издания
«Коломенский альманах»
Мельникову В.С.

Здравствуйте, уважаемый Виктор Семёнович!

Прочитала практически все материалы в «Коломенском альманахе» — впечатление отраднейшее! Высокий литературный уровень, мудрая патриотическая направленность.

На мой читательский взгляд, конечно же, субъективный, больше всего радуют: подборка «Стихи, пришедшие с войны», «Достоевский. Годы ученичества», «Служение Отчизне» — к 300-летию со дня рождения Ломоносова. В остальном, повторю, очень и очень достойные публикации! Очень интересна также «Колонка редактора», и, конечно же, во всём сказывается высокая ответственность редакторского отбора и всей политики альманаха.

Татьяна Денисова,
член Международного фонда
А.С. Пушкина.
Поэт, переводчик, публицист.
12.03.2012 г. Брюссель

Наталья Красюкова

Наталья Николаевна Красюкова родилась в городе Коломне. Окончила филологический факультет Коломенского государственного педагогического института. Стихи Натальи Красюковой лиричны, музыкальны, наполнены искренним чувством. Молодой поэт свежим, своеобразным голосом говорит читателю о своих открытиях, сомнениях, переживаниях.

Наталья — дипломант Международного фестиваля им. М.Ю. Лермонтова «Осень в Тамани» (2010), лауреат Всероссийского фестиваля авторской песни, прозы малых форм «Господин ветер» (2010) и др.

Публиковалась в журналах «Москва», «Студенческий меридиан», «Коломенский альманах».

ПЕРЕВОЖУ ТЕБЯ ПО СЛОГАМ

* * *

Заглядывая в свет от своего окна,
Пытаюсь угадать размеренность дыхания.
В безлюдных снах ты оставлял мне знак,
И это сокращало расстояние.

От выеденного желтка луны
До истерически визжащего будильника
Случайно были объединены
В родившуюся после ночи лирику.

Займствуя тебя у долгих снов,
Я завершаю ритуал обмена
Последним из заученных стихов,
Где нет ни королевы, ни Шопена,

И где сонаты не играет паж,
Запутавшийся в нотах от волнения.
Пусть этот сон (он будет только наш)
Начнётся с января на воскресенье.

* * *

Коснись меня, как в детстве, — снегопадом,
Перестилая под ногами твердь.
Как мягко было в детстве падать
И как легко — лететь,

В нескошенном бурьяне заблудиться,
Шарфом цепляя высохший репей...
И, вспоминая снег Аустерлица,
К стеклу снежинки прикреплять на клей.

Как много было ветра и мороза,
Пропахшего сосновою смолой!
И я искала в пустоте межзвёздной
То, что нашла потом — с тобой.

* * *

Я впустила тебя в раскрытые окна,
Как выпускает ветра бесконечная осень,
Поднимает осколки из бездны волна
И взахлёб за собою куда-то уносит...

Я впустила тебя в беспробудные сны,
Как выпускают грачи между перьев ночную
Тень от вогнанной в небо краюхи луны
И взлетают, когда колыбель их качну я.

Я впустила тебя, как выпускают на борт
Капитана давно затонувшего судна
У немислимых, невычислимых широт,
До которых доплыть и во сне даже трудно.

Я впустила тебя. И когда ты вошёл,
Распахнув, словно плащ, это небо из стали,
Далеко-далеко на пастуший рожок
Облака собирались и в прятки играли.

* * *

Ночь, заблудившаяся в соснах,
Была свежа и коротка.
Мне всё казалось несерьёзным,
За исключением пустяка.

И я смеялась неприлично,
Как будто бы в последний раз.
Как жаль, что не осталось спичек,
И ты качнулся и погас.

* * *

Разгляди во мне казачку,
Поцелуй меня в уста.
В нашей близости незрячей
Проступает нагота.

И, вминая в землю травы,
Оступись у ног моих,
Дай ладоням вскучерявить
Чёрных кудрей перелив.

Расплети тугие косы,
Разметай их по плечам.
Месяц взгляд стыдливый бросит,
Перегнувшись пополам.

В звонкий щебет соловьиный
Ночь вплетает вдохи трав.
Но казак проходит мимо,
Ничего не разгадав.

* * *

Нам улыбнулась зима,
И мы родились во время друг друга,
Не раньше, не позже, а точно в назначенный срок.
Ты говорить научился, конечно, у вьюги.
Я научилась молчанью у снежных дорог.

Северный ветер звенел голубым колокольцем,
Солнце качая от края до края небес.
А знаешь, твой свитер всё так же и греет, и колетса,
Шерстью касаясь: «Не бойся, я рядом, я здесь».

* * *

Оснеживая улицы и крыши,
Подсмотренные в предрассветном сне,
Бесследно опускался ниже
И не касался воздуха уже.

И на ладони в линиях судьбинных
Остановился, прерывая связь.
И было горько, словно от полыни,
Когда ты таял, надо мной смеясь.

* * *

А помнишь, как мы ели подсолнухи,
раскрываясь от жёлтого света?
Как складывали корабрики
из розовых смятых железнодорожных билетов?
Как держали друг друга за руки
и на руки садились стрекозы?
Ты читал наизусть Гумилёва
и что-то из прозы...
Я сидела в панамке
и любила тебя всеми своими веснушками...
Неужели теперь это всё больше не нужно?..

* * *

Вечер упал холодным обмороком,
Мухой застрял меж оконных рам...
Жадно, как волк, тяжело, словно волоком,
Перевожу тебя по слогам.

Соединяя слова и даты
Звеньями ржавой железной цепи,
Я провожаю тебя, как солдата,
Чтобы не сметь потом найти.

* * *

Пропади в этих сумерках без вести и навсегда,
Как дожди, растворясь в законной кофейной гуще,
Пусть останется мне от тебя только эта вода,
Так будет лучше.

Пусть останется мне старый зонт раскрывать по утрам
И выглядывать изредка — скоро ли кончится дождь.
Не пиши мне разводами в лужах немых телеграмм,
Не тревожь.

Как всегда, подойдёт с опозданием девятый трамвай
И, скрипя по несмазаным рельсам, покатится вниз.
Я прощаюсь с тобой и прошу: «Уезжай, уезжай...»
А лучше... проснись.

* * *

Возведённое в степень
И забытое, рано ли, поздно ли,
Это всё повторится
 иль вспомнится, может быть.
Табакom и дорогой
 пропахшие ваши ладони,
Этот август, обветренный
 и неухоженный...

Все различия, в сущности,
 так незначительны,
Просто числа другие,
 другие обои в комнате,
На разных страницах закладки
 у книг недочитанных,
Разные столбики ртути
 на разных термометрах...

В этой изменчивой жизни
 лишь две постоянные —
Те, что друг с другом рядом
 сквозь все расстояния,
Вроде бы не сумасшедшие,
 даже не пьяные,
Разве что августом полные
 и сиянные...

Всё повторяется
 тысячи раз по-новому.
Я между строк растворяюсь,
 как в ваших объятьях.
Пахнет на улице после дождя
 сосновую
Хвоей и лепестками
 цветов полевых от платья.

* * *

Там, где дорога наши смешала следы,
Выросли чертополох и цикорий...
Мы — как круги расходящейся мутной воды,
Нервно впадающей в очередное море...

Там, где на камне осталось наше тепло,
Теперь — только лиственный плащ осеннего ветра...
Да вечерами приходит неведомый бог
И на зиму вяжет себе разноцветные гетры.

ПУТЬ ДЛИНОЮ В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Пятнадцать лет — это серьёзнейший марш-бросок. И он по плечу только мужественным и талантливым людям. В юбилей принято хвалить с такими «прибавочками», знаете, как хлеб во время войны выдавали, сейчас хвалят с «прибавочками» всех, кого не лень. Коломенская газета «Вопрос-ответ» — в нашем обществе очень серьёзное явление. Во всех областях: и как друг, и как учитель, и как защитник. Вообще, это издание и по содержанию и по названию напоминает всероссийскую газету «Аргументы и факты». Та же яркость, та же лаконичность. Журналисты успевают отслеживать все главные и не главные события нашего города.

Особенно интересна газета своей краеведческой тематикой. И не по юбилейным датам публикуются исторические очерки и исследования, а из номера в номер. И не старые, переписанные из других источников, а новые открытия, как например, статья Михаила Амосова «Коломенский надчекан».

Много редакция пишет о своих земляках, волею судьбы проживающих сейчас в других городах. Это очень кропотливый поиск! Если собрать все эти материалы, должна получиться очень умная и увлекательная книга! Газета отслеживает и судьбы тех интересных людей, которые недавно стали гражданами нашего города.

Нам, литераторам, особенно симпатична газета своими постоянными публикациями стихотворных и прозаических текстов. Вот уже третий год издание ведёт литературную рубрику «Визитка “Коломенского альманаха”», где читатели знакомятся с произведениями авторов будущего номера нашего ежегодника. Мы сердечно благодарны всей редакции, что она не оставляет своим вниманием коломенскую литературу.

Пятнадцать лет — это, конечно, праздник. Но газета ещё в большом долгу перед коломенской журналистикой — главные статьи и очерки ещё не написаны, но каждый год прибавляет жизненного и творческого опыта, мудрости, понимания жизни. От страниц этой газеты исходит свет добра, любви, человечности «поверх барьеров» неприглядной действительности, в которой нам всем довелось жить и которая представляется всё-таки уж не совсем безнадёжной.

Желаем всем работникам редакции духовных и физических сил в мужественном служении нашей вечной Коломне!

Коллектив редакции

Исторические
чтения

1177 2012

Графика Василины Королёвой

Игорь Александрович Мельников родился 26 октября 1956 года в Саратовской области. Писать стал сравнительно недавно: стихи — с 2002 года, прозу — с 2005 года. Написаны два романа, три повести, не считая рассказов и стихов. Перевёл роман Артура Мэйчина «Великий бог Пан». Но главным своим делом Мельников считает постижение истории человечества, рассматривая её как некий акт творения Бога и историю России как неотъемлемую часть Божьего промысла. Свою работу он назвал «Структурированная история».

Живёт в Санкт-Петербурге.

Эссе

ПИТЕРСКАЯ КОЛОМНА

***В** историко-литературной мифологии Коломна — «гуляй-город». Так ушла она под Москву от разорения Батыем и дала название селу Коломенскому в веке XIII, а в XX веке Борис Пильняк «питерскую Коломну» объяснил читателю коломенскими мастеровыми, мобилизованными на строительство Санкт-Петербурха — стало быть, такая вот земляческая слобода. Механизм возникновения подобных названий в истории закономерно связывается с присутствием выходцев из определённых мест. В средние века в Москве появилась Голутвинская слобода — по названию подворья коломенского Голутвина монастыря. Но найти тому документальные доказательства за давностью лет невозможно: всё это «сказки» — версии, как мы говорим сегодня, но не лишённые серьёзного смысла, намёка и урока.*

Охота к перемене мест здесь не признак неприкаянности, наоборот, всякий раз коломенцы, удаляясь от родного города, несут с собой созидание: Коломенское — вотчина великих князей, а затем государев двор, северо-западная Коломна — часть новой европейской столицы. В первый раз догадка о связи подмосковной Коломны с «питерской Коломной» прозвучала в 1834 году в газете «Северная пчела». Название «Коломна», писала она, принесено мастеровыми из села Коломенского, переселёнными в Петербург в 30-х годах XVIII века. Мифологический маршрут усложняется, но сути предания не меняет.

Характерно, что во всех случаях снимает коломенцев с места не добрая воля. Но, переходя на новые места, обустрои-

вая их и находя на них свой вечный покой, коломенцы приносили с собой частичку малой родины. И если при всей сказочности эта догадка верна хоть малой толикой, то можно сказать: добрый тот народ, руки которого по себе память добрую оставляют...

Мистика и одиночество

Само название «Коломна», надо полагать, произошло от финно-угорского слова «kolm», обозначающего могилу, кладбище. Но, скорее всего, подразумевающее просто гиблое место, поскольку, находясь в одной из самых низменных частей города, Коломна постоянно подвергалась наибольшему затоплению даже при незначительных наводнениях. Кроме того, центральную её часть занимало болото, прозванное впоследствии Козьим, которое, должно быть, поглотило в своей трясине не одного неосторожного путника.

Питерскую Коломну составляют шесть островов, расположившихся между реками Мойкой и Фонтанкой к западу от Крюкова канала: Коломенский, Покровский, Галерный, Матисов, Ново-Адмиралтейский и единственный в городе рукотворный остров Новая Голландия.

Коломна всегда диктовала своим обитателям строго определённый образ жизни, подобный монашескому келейному уединению для поста и молитвы, практически искореняя самым радикальным образом любые мирские вольности и пристрастия к праздной жизни.

138

ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ

Коломна так понравилась Петру I, что он пожелал построить на её земле дворец. В 1717 году на окраине Коломны, между Невой и Мойкой, для нужд судостроителей прорыли два канала: Крюков и Адмиралтейский. Так в дельте Невы образовался единственный рукотворный остров.

На этом острове Пётр и возвёл дворец, который стали называть Голландским домиком, а сам остров — Новой Голландией. Вокруг дворца посадили плодовые деревья, посередине острова выкопали небольшой пруд.

Пётр любил отдыхать в Голландском домике. Пребывая во власти духа Коломны, становясь её частью, он предавался мечтам, строил планы обустройства города и России. Коломна вообще располагает ко всякого рода мечтаниям и философским размышлениям. Но, что любопытно, ни один из планов, пришедших в голову Петру на Коломенской земле, так и не осуществился. Да и сам Голландский домик очень скоро канул в Лету, и все про него забыли.

Что касается Новой Голландии, то и она была забыта почти на двести лет, если не считать того, что на острове возвели склады морского флота для длительной консервации имущества.

Гений зодчества

Значительные перемены во времена царствования здесь произвела Елизавета, дочь Петрова. Жизнь в Коломне забила ключом, если можно так сказать, поскольку на этой окраине столицы после всех строжайших

запретов Анны Иоанновны как грибы после дождя повырастали злчные места, в основном питейные заведения да публичные дома. И люд там селился жутко охочий до подобного незатейливого досуга. Это был всякого рода сброд, который отправился в столицу за лёгким заработком и столкнулся на месте с трудностями строящейся столицы. К ним можно прибавить и матросов Адмиралтейства, также не чуравшихся подобных удовольствий. Люди повыше рангом в Коломну не заглядывали, если не считать отдельных любителей «клубнички».

Наводнение 1777 года вместе с жалкими лачугами и их обитателями смыло с Коломенской земли даже воспоминание о царивших в ней бесчинствах.

После наводнения по указу Екатерины II Коломну застраивали исключительно каменными строениями, в которых стали селиться люди хоть и небогатые, но имевшие представление о чести и достоинстве.

Одним из них был Карл Иванович Росси (1775–1849) — русский архитектор итальянского происхождения, автор многих зданий и архитектурных ансамблей в Петербурге и окрестностях.

В 1795 году Росси поступил на службу в Адмиралтейскую коллегию архитектуры чертёжником. Возможно, это и определило место его проживания, поскольку служащие Адмиралтейства селились в Коломне чаще всего из соображений экономии и близости к месту службы.

Непосредственно для Коломны Карл Иванович, возможно, ничего и не сделал, так как главной сферой его деятельности стало создание городских архитектурных ансамблей. Но имя своё с островной армადой связал. Во многом благодаря Росси Петербург обрёл новое лицо, превратившись в центр гигантской империи, город с мировым именем.

Выдающееся архитектурное и градостроительное мастерство зодчего воплощено в ансамблях Михайловского дворца с прилегающими к нему садом (1819–1825), а также Дворцовой площадью с грандиозным дугообразным зданием Главного штаба и Триумфальной аркой (1819–1829), Сенатской площадью со зданиями Сената и Синода (1829–1833), Александринской площадью со зданиями Александринского театра (1827–1832), нового корпуса Императорской публичной библиотеки и двух однородных протяжённых корпусах Театральной улицы (ныне улица зодчего Росси).

Войдя в конфликт с окружением Николая I, Росси в 1832 году ушёл в отставку, уволившись «от всех занятий по строениям». Одной из последних построек Росси стала колокольня Юрьева монастыря близ Великого Новгорода.

*Александринский театр
в Санкт-Петербурге.
Архитектор К.И. Росси*

* * *

В отличие от Карла Ивановича Росси не менее великий русский архитектор Константин Андреевич Тон родился и вырос в Коломне. Правда, в силу своей занятости, как и Росси, непосредственно Коломне не смог уделить должного внимания. Тем не менее она сама оставила в нём свой след, сказавшийся в судьбах храмов, возведённых по его проектам.

Одним из них была церковь Святой Екатерины, построенная рядом с Коломной, за Калининским мостом.

Храм построили на месте старого деревянного, воздвигнутого ещё Петром I в 1707 году по случаю его первой победы над шведами 6 мая 1703 года, неподалёку от деревни Кальюля (или, на русский лад, — Калининской деревни — отсюда и название моста из Екатеринингофа в Коломну). По преданию, именно в Екатерининской церкви Пётр I тайно обвенчался с Екатериной Алексеевной.

Деревянная церковь Святой Екатерины, как и многие ей подобные, просуществовала недолго. Её разобрали в 1721 году в связи с устройством одноимённой церкви в здании казённой мануфактуры. В 1781 году здание мануфактуры по повелению Екатерины II было обращено в Калининскую больницу, и через три года поблизости возвели новый деревянный храм.

В 1826 году в ответ на многочисленные просьбы екатерингофских прихожан Николай I объявил конкурс на лучший проект церкви в Екатеринингофе.

Большой каменный храм в память о Петре I построили в 1831–1837 годах. Он стал первой культовой постройкой архитектора К.А. Тона, победившего в многоступенчатом конкурсе двух авторитетных архитекторов-академиков. Это один из первых примеров «русско-византийского стиля». Проект архитектора Тона император Николай I признал образцовым для церковного зодчества. Средства для постройки церкви собрали прихожане.

В 1829 году здание церкви, хранившее на протяжении почти столетия бесценные сокровища петровского и елизаветинского времён, безжалостно взорвали. В его развалинах, которые не разбирали несколько лет, находили чудом сохранившиеся иконы. Таким образом, святыни оказались во владении частных лиц. Позже на месте храма было выстроено здание кинотеатра «Москва».

25 декабря 1812 года, когда последние наполеоновские солдаты покинули пределы России, император Александр I подписал высочайший Манифест о построении в Москве, лежавшей в то время в руинах, храма Христа Спасителя в благодарность Богу за спасение России от наполеоновского нашествия.

В 1814 году провели международный открытый конкурс с участием таких уважаемых архитекторов, как Воронихин, Кваренги, Стасов и др. Однако победил, к удивлению многих, 28-летний Карл Магнус Витберг, художник (даже не архитектор), масон и притом лютеранин. Во имя утверждения проекта Витберг крестился в православие.

Разместить сооружение было решено на Воробьёвых горах. Средства на строительство имелись огромные: 16 миллионов рублей из казны и немалые народные пожертвования.

Вначале стройка шла энергично (в ней участвовали 20 тысяч подмосковных крепостных), но вскоре темпы резко снизились. За первые семь лет не удалось завершить даже нулевой цикл. Деньги уходили неизвестно куда (позднее комиссия насчитала растрат без малого на миллион рублей).

По восшествии на престол Николая I в 1825 году строительство пришлось остановить, по официальной версии, в связи с недостаточной надёжностью почвы. Витберга и руководителей строительства обвинили в растратах и отдали под суд. Процесс длился восемь лет. В 1835 году «за злоупотребление доверием императора и за ущербы, нанесённые казне», подсудимых оштрафовали на миллион рублей. Витберга сослали в Вятку.

Новый конкурс проводить не стали. В 1831 году Николай I самолично определил архитектором Константина Тона, «русско-византийский» стиль которого был близок вкусам нового императора.

Поэтому случилось так, что Константин Андреевич занимался одновременно и проектом храма Христа Спасителя в Москве, и проектом храма Святой Екатерины в Санкт-Петербурге, а кроме того, и проектом церкви Новоявленного Чудотворца Митрофана в Воронеже (1832).

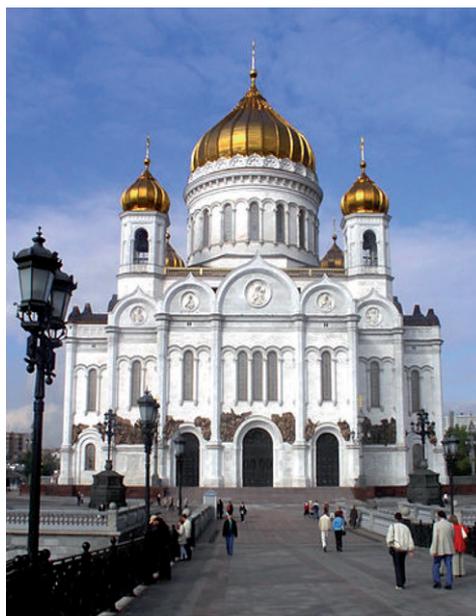
Ни храм Христа Спасителя в первоначальном своём виде, ни церковь Новоявленного Чудотворца Митрофана в Воронеже, как и церковь Святой Екатерины, не сохранились до наших дней, так как были варварски уничтожены.

Таким образом, дух Коломны, не терпящий лукавого лицемерия и стремящийся при первом же удобном случае обратить всё в прах, передался в первую очередь культовым сооружениям. Обращает на себя внимание то, что храмы исчезли с лица земли, подобно былинному Китежграду, когда враг подступил к святыням наиболее близко. Когда люди, поддавшись дьявольскому искусу, отринули Бога, обрекая себя на мучительные страдания.

А вот здание Московского вокзала в Санкт-Петербурге, как и здание Ленинградского вокзала в Москве, спроектированные Константином Андреевичем, стоят до сих пор.

Последние годы деятельности Тона, назначенного в 1854 году ректором академии после смерти А.И. Мельникова, были не менее плодотворны. Константин Андреевич разработал проекты установки статуи Георгия Победоносца в зале имени этого святого в Большом Кремлёвском дворце, нескольких церквей в казённых

*Восстановленный
храм Христа Спасителя в Москве*

горных заводах Сибири и иконостасов, в том числе главного иконостаса для храма Спасителя, и, наконец, конструкцию металлического шпиля соборной колокольни Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Последний проект привёл в исполнение инженер Д.И. Журавский.

Поэзия тишины

К типичным жителям Коломны можно отнести родителей Александра Сергеевича Пушкина — Сергея Львовича и Надежду Осиповну, поселившихся в Коломне в 5-м квартале 4-й Адмиралтейской части в 1814 году за неимением достаточных средств, чтобы снять квартиру в центре Петербурга. В коломенском домике первые три года петербургской жизни после окончания лицея прожил и сам поэт.

Именно эти три года наложили неизгладимый отпечаток на всё творчество Александра Сергеевича. Почти всех его героев сопровождает мистический дух Коломны, приводя их в конце всех злоключений если не на кладбище, то обязательно к уединённому образу жизни в глубоких размышлениях. А нередко его герои просто лишались рассудка, как, скажем, Германн в «Пиковой даме» или Евгений в «Медном всаднике».

Причём бедного Евгения, в отличие от Германна, Пушкин поселяет в Коломне:

142

ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ

Наш герой

Живёт в Коломне; где-то служит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почюющей родне,
Ни о забытой старине.

Итак, домой пришел, Евгений
Стряхнул шинель, разделся, лёг.
Но долго он заснуть не мог
В волненье разных размышлений.
О чём же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом

*Дом, в котором жил
А.С. Пушкин,
ныне мини-гостиница
«Домик в Коломне»*

Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы Бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливыцы,
Ума недалёного, ленивыцы,
Которым жизнь куда легка!

Где живёт Германн, доподлинно неизвестно: Пушкин обходит эту деталь полным молчанием. Но, судя по тому, что игрок понёс суровое наказание за свои корыстные желания, надо полагать, тоже проживал в Коломне, всегда влиявшей на чистоту мыслей своих обитателей.

В поэме «Домик в Коломне», не жалея красок, Пушкин описал кое-кого из её жителей конца XVIII — начала XIX века:

...Жила-была вдова,
Тому лет восемь, бедная старушка,
С одной дочерью. У Покрова¹
Стояла их смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу как теперь
Светёлку, три окна, крыльцо и дверь...

Бывало, мать давным-давно храпела,
А дочка — на луну ещё смотрела

И слушала мяуканье котов
По чердакам, свиданий знак нескромный,
Да стражи дальний крик, да бой часов —
И только. Ночь над мирною Коломной
Тиха отменно. Редко из домов
Мелькнут две тени...

Скромная и неприметная жизнь в лачужке старушки с дочерью, тихо мечтающих каждая о своём, типична для Коломны любого времени.

Но эти лачужки в Коломне простояли недолго: должно быть, наводнение 1824 года смыло последние из них. После чего островок начал заимствовать архитектуру центра. Вот как описывает Пушкин Коломну уже 1830 года:

Дни три тому назад ходил я вместе
С одним знакомым перед вечерком.
Лачужки этой нет уж там. На месте
Её построен трёхэтажный дом.

Трёх-, от силы четырёхэтажные строения, возведённые в XIX веке, и по сей день составляют основу архитектурного ансамбля Коломны.

¹ Здесь имеется в виду Покровская церковь.

«Домик в Коломне», пожалуй, единственное произведение Пушкина, где поэт даёт точное описание тогдашнего глухого предместья Петербурга. Образы жителей, их размеренный неторопливый мещанский быт нарисованы с необыкновенной верностью, наблюдательностью и поэтичностью.

Подобный уклад жизни Коломны, её тишина

и покой, царившие там веками, сохранились до сегодняшнего дня.

В своей сказке «Руслан и Людмила» Пушкин описывает Финна — отшельника, живущего в уединении, личность более чем загадочную и странную, годную лишь для сказок. Всю свою жизнь этот Финн пребывал под впечатлением колдовских чар волшебницы Наины, судя по всему, тоже финского происхождения, которая убила в нём все человеческие страсти.

Вот такими аскетами, избегающими земных радостей, постигшими и хранящими некую извечную истину, видимо, предстали Пушкину финны Коломны. Саму же Коломну, которая мудрость одиночества поставила выше суетных земных радостей, со всеми имеющимися у неё неземными силами, стремящуюся привести людей исключительно к образу жизни созерцателя-философа, поэт, похоже, представил в образе Наины.

Всё это говорит о том, что юный гений не мог не ощутить на себе неповторимый мистический дух Коломны. Или даже можно сказать, что Коломна оказала на него влияние, заронив зерно понимания непорочности и чистоты. Как бы там ни было, но их связь друг с другом впоследствии так или иначе обязательно будет проявляться и в склонности поэта к уединённым философским размышлениям, и в его творчестве.

* * *

Несколько месяцев в 1824 году в Коломне провёл Александр Сергеевич Грибоедов, но по его малочисленным произведениям трудно судить, смогло ли передаться ему ни с чем не сравнимое настроение пригорода. Хотя наверняка смогло, поскольку Коломна никого не оставляет равнодушным, тем более столь тонко чувствующего человека, каким был Грибоедов.

В том же году, с августа по ноябрь, в доходном доме Погодина на Торговой улице жил и другой русский поэт — декабрист Александр Иванович Одоевский. Его литературные взгляды во многом совпадали с позицией А.С. Грибоедова, В.Ф. Одоевского, А.А. Бестужева-Марлинского, К.Ф. Рылеева, противостоящих сентиментально-меланхолическим тенденциям в литературе.

Но, видимо, этих нескольких месяцев в Коломне было достаточно для того, чтобы стихи А.И. Одоевского, написанные до декабрьского восстания, полностью исчезли.

Не смогла не повлиять Коломна на певца печали и любви Михаила Юрьевича Лермонтова, эпизодически приезжающего в пригород, если учесть тот факт, что в периоды проживания на той же Торговой улице он почти ничего не писал, ещё больше погружаясь в себя.

Вот одно из немногих стихотворений, созданных Лермонтовым в Коломне:

Великий муж! Здесь нет преграды,
Достойной доблести твоей!
Её на небе сыщут взгляды
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твоё названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну!»

Хоть и не в самой Коломне, но весьма близко от неё с августа 1831-го по май 1832 года жил Николай Гоголь.

Николай Васильевич, пожалуй, единственный из русских писателей, кто описал пригород столь подробно и во всех деталях в своей мистической повести «Портрет» в 1833–1834 годах:

«Тут всё непохоже на другие части Петербурга; тут не столица и не провинция; кажется, слышишь, перейдя в коломенские улицы, как оставляют тебя всякие молодые желанья и порывы. Сюда не заходит будущее, здесь всё тишина и отставка, всё, что осело от столичного движенья. Сюда переезжают на житьё отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имеющие знакомство с сенатом и потому осудившие себя здесь почти на всю жизнь...»

...весь тот разряд людей, который можно назвать одним словом: пепельный, — людей, которые с своим платьем, лицом, волосами, глазами имеют какую-то мутную, пепельную наружность, как день, когда нет на небе ни бури, ни солнца, а бывает просто ни сё ни то: сеется туман и отнимает всякую резкость у предметов.

...Эти люди вовсе бесстрастны: идут, ни на что не обращая глаз, молчат, ни о чём не думая».

И что самое удивительное — именно с такой Коломной можно встретиться и сегодня, будто время над нею и в самом деле не властно, будто со времён Гоголя не прошло и двухсот лет. Стоит перейти через один из

девяти небольших мостиков, как действительно начинаешь чувствовать, что тебя оставляют всякие молодые желанья и необузданные страсти, порывы и необдуманые стремления. Вообще всякие мысли исчезают в голове, и ты проваливаешься в вечность, имя которой Коломна.

Музыка вечности

Коломна не обошла стороной и сочинителей музыки. Одним из них был Михаил Иванович Глинка.

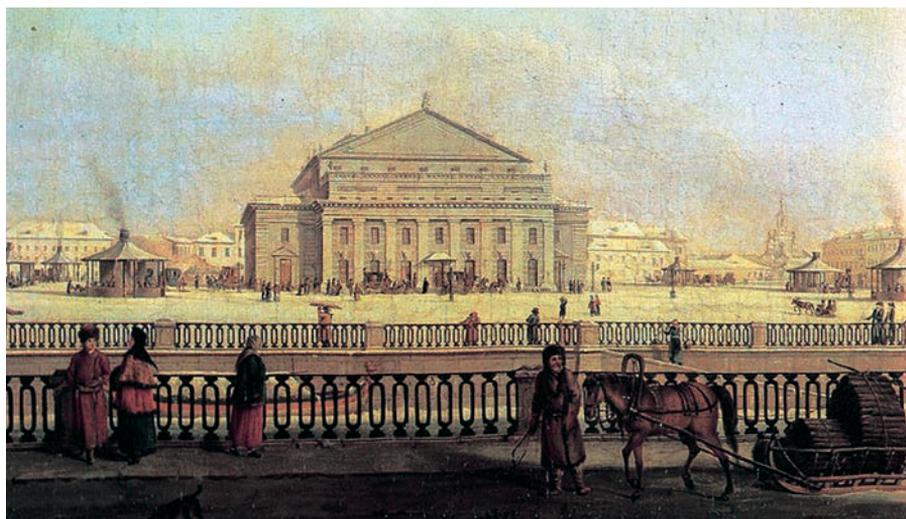
В 1817 году родители привезли его из родового имения отца в Смоленской губернии в Санкт-Петербург и поместили в Благородный пансион при Главном педагогическом институте в Екатерингофе, что по соседству с Коломной. Гувернёром Михаила стал друг Пушкина молодой В.К. Кюхельбекер, который и сам недавно окончил Царскосельский лицей. В пансионе Глинка познакомился и с самим Пушкиным, который приходил туда к своему младшему брату Льву, однокласснику Михаила. Их встречи возобновились летом 1828 года и продолжались вплоть до кончины поэта.

Окончив пансион в 1822 году, Михаил Иванович усиленно занимался музыкой, участвовал в домашних музицированиях в дворянских салонах, попробовал сам писать музыку. В 1823 году круг его знакомств значительно расширился. Он познакомился с Василием Жуковским, Александром Грибоедовым, Адамом Мицкевичем, Антоном Дельвигом, Владимиром Одоевским, ставшим впоследствии его другом.

В 1824 году, получив место помощника секретаря Главного управления путей сообщения, Глинка поселился в Коломне. Он прожил там всего один год, но уже в 1836 году на сцене Петербургского Большого театра с успехом прошла премьера его первой оперы «Жизнь за царя».

146

ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ

Большой (Каменный) театр в Санкт-Петербурге в 1790 г.
Фрагмент картины И.Г. Майра.

* * *

Сыграла свою роль Коломна и в жизни одного из величайших композиторов в истории музыки, автора более 80 сочинений, в том числе десяти опер и трёх балетов. Его концерты и другие произведения для фортепиано, семь симфоний (шесть пронумерованных и симфония «Манфред»), четыре сюиты, программная симфоническая музыка, балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик» представляют чрезвычайно ценный вклад в мировую музыкальную культуру. Речь идёт, разумеется, о Петре Ильиче Чайковском.

В Санкт-Петербург Чайковский переехал в 1850 году в возрасте десяти лет для учёбы в Императорском училище правоведения. Попутно он начал серьёзно заниматься музыкой, которую в училище преподавали факультативно. В тот период Чайковский был известен как неплохой пианист и хорошо импровизировал. Однако окружение сомневалось, что он станет выдающимся музыкантом. Рудольф Кюндингер, у которого занимался Чайковский, не видел в своём ученике особого таланта.

Окончив училище в 1859 году, Чайковский получил чин титулярного советника и начал работать в Министерстве юстиции. В свободное от службы время посещал оперный театр, где на него произвели сильное впечатление постановки опер Моцарта и Глинки.

В 1861 году Пётр Ильич поступил в Музыкальные классы Русского музыкального общества (РМО) при Большом театре. А так как от Коломны было недалеко до места занятий и жить там оказалось не так на-

147

ПИТЕРСКАЯ КОЛОМНА

Вид Большого (Каменного) театра после перестройки по проекту Тома де Томона. С гравюры неизвестного художника 1810 г.

В 1862 году Музыкальные классы преобразовались в Петербургскую консерваторию. Таким образом, Чайковский стал одним из её первых студентов по классу композиции. Его учителями в консерватории были Николай Иванович Заремба (теория музыки) и Антон Григорьевич Рубинштейн (оркестровка). По настоянию последнего Пётр бросил службу и целиком отдался музыке. В 1865 году, окончив консерваторию с серебряной медалью, он по приглашению Рубинштейна уехал в Москву, где получил место профессора классов свободного сочинения, гармонии, теории и инструментовки в только что основанной консерватории.

В конце 60-х годов он сблизился с музыкантами «Могучей кучки», но всё-таки предпочёл отношения с ними дальше дружеских рукопожатий не развивать.

1870-е годы в творчестве Чайковского — период исканий: его привлекали историческое прошлое России, русский народный быт, тема человеческой судьбы. В это время из-под его пера выходят такие сочинения, как оперы «Опричник» и «Кузнец Вакула», музыка к драме Островского «Снегурочка», балет «Лебединое озеро», Вторая и Третья симфонии, фантазия «Франческа да Римини», Первый фортепианный концерт, Вариации на тему рококо для виолончели с оркестром, три струнных квартета.

В 1876 году он снова поселился в Коломне, где и написал балет «Лебединое озеро». Премьера балета с успехом прошла в 1877 году в Большом театре.

В июле 1877 года Чайковский импульсивно женился на бывшей консерваторской студентке Антонине Милюковой, которая была моложе его на восемь лет. Но брак вскоре распался. В силу различных обстоятельств супруги так и не смогли развестись, но жили раздельно.

В середине 1880-х годов Чайковский вернулся к активной музыкально-общественной деятельности. В 1885 году его избрали директором Московского отделения РМО. Музыка Чайковского получила известность в России и за границей.

* * *

Модеста Петровича Мусоргского родители привезли в Санкт-Петербург из небольшого имения в Псковской губернии, но его знакомство с Коломной произошло не сразу. Сначала он жил на Ново-Измайловском проспекте, где постигал азы музыкальной науки у выдающихся педагогов того времени. Но, несмотря на выдающиеся результаты, следуя семейной традиции, в 1852 году Модест начинает военную карьеру и поступает в петербургскую Школу гвардейских подпрапорщиков, которую оканчивает в 1856 году.

В том году Мусоргский познакомился с А.П. Бородиным, который стал его близким другом. Одновременно произошло его знакомство с А.С. Даргомыжским, а через него (в 1857 году) с М.А. Балакиревым и Ц.А. Кюи, затем с братьями В.В. и Д.В. Стасовыми. Для Мусоргского, как, впрочем, и для всех членов будущей «Могучей кучки», Балакирев стал учителем и другом. Часто два музыканта играли в четыре руки симфонии Бетховена, произведения Глинки, Шуберта, Шумана. Балакирев помогал Мусоргскому в изучении композиции, объясняя ему

*Портрет М.П. Мусоргского,
написанный И.Е. Репиным
незадолго до смерти композитора*

музыкальные формы и приёмы оркестровки.

В июне 1858 года, прослужив в армии лишь два года, Мусоргский вышел в отставку и стал активным участником творческой группы передовых композиторов, известной в истории под названием «Могучая кучка». Это позволило полностью посвятить себя творчеству, но лишило средств к существованию. Вот тогда-то нужда и заставила его поселиться в Коломне, впрочем, в этом можно усмотреть и промысел Божий.

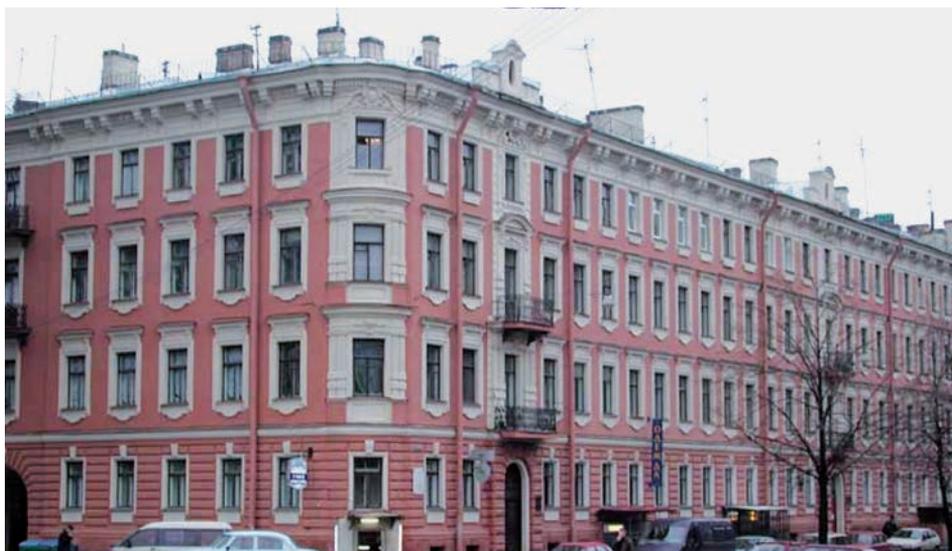
Настоящую известность М.П. Мусоргскому принесла опера «Борис Годунов». Модест Петрович начал работу над музыкально-исторической драмой по одноимённой трагедии А.С. Пушкина в 1868 году. Годы, когда появился замысел «Бориса Годунова» и когда создавалась эта опера, — основополагающие для русской культуры. В это время творили Достоевский и Толстой, художники-передвижники в своём реалистическом искусстве утверждали приоритет содержания над формой, Верещагин создавал правдивые картины, великий портретист Репин обращался также к пейзажной и исторической живописи.

Ещё в 1872 году, когда не была полностью завершена работа над «Борисом Годуновым», М.П. Мусоргский задумал новую оперу — «Хованщина». Одновременно с «Хованщиной», в середине 1876 года, Мусоргский начинает писать лирико-комическую оперу по повести Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка».

«Сорочинская ярмарка» так и не была написана до конца. Уже после смерти Мусоргского её восстанавливали по его черновикам А.К. Лядов, Ц.А. Кюи, В.Г. Каратыгин и другие.

Дом на Офицерской

Весьма любопытный дом стоит на окраине Коломны. В этом доме на улице Декабристов (бывшей Офицерской) в разное время жили Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900) — русский философ, богослов, поэт, публицист, литературный критик, почётный академик Императорской академии наук по разряду изящной словесности; Иннокентий Фёдорович Анненский (1855–1909) — русский поэт, переводчик; а также поэт Александр Блок (1880–1921).

Дом на улице Декабристов (бывшая Офицерская), 57, в котором проживали в разное время В.С. Соловьёв, И.Ф. Анненский и А.Блок

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрёшь — начнёшь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

В таких красках безысходности опишет Александр Блок питерскую Коломну — загадочное место в дельте Невы, куда он переселился в дом 57 по Офицерской в 1912 году и прожил последние девять лет своей жизни.

Там же в январе 1918 года он напишет поэму «Двенадцать», в которой попытается соединить несоединимое, за что и поплатится потерей вдохновения. После «Двенадцати» до самой своей кончины он стихов уже больше не писал. И дело тут не в нём, а скорее в самой Коломне, которая не терпит никакого рационального новаторства, убивающего истинное вдохновение, и уж тем более святотатства.

* * *

Владимир Сергеевич Соловьёв стоял у истоков русского «духовного возрождения» начала XX века. Он оказал влияние на религиозную философию Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Н. и Е.Н. Трубецких, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, а также на творчество поэтов-символистов — А.Белого, А.Блока и других.

В 1877 году, покинув Москву, Владимир Сергеевич переехал жить в Санкт-Петербург, где стал членом Учёного комитета при Министерстве народного просвещения и одновременно преподавал в университете.

В начале 80-х годов он целиком отдался написанию произведений чисто богословского характера. Даже задумал трёхтомный труд в защиту католицизма, но по разным причинам цензурного и технического характера вместо этих запланированных трёх томов в 1886 году вышла работа «История и будущность теократии», а в 1889 году, уже на французском языке, в Париже, — «Россия и Вселенская Церковь». В последние годы своей жизни, и особенно с 1895 года, Соловьёв снова возвращался к светской философии.

* * *

Судьба поэта Иннокентия Фёдоровича Анненского в своём роде уникальна. Его отец был начальником отделения Главного управления Западной Сибири. Когда Иннокентию было около пяти лет, отец получил место чиновника по особым поручениям в Министерстве внутренних дел, и семья из Сибири переехала в Петербург.

По окончании в 1879 году историко-филологического факультета Петербургского университета Иннокентий Фёдорович служил преподавателем древних языков и русской словесности. Был директором коллегии Галагана в Киеве, затем гимназий в Санкт-Петербурге и Царском Селе. В Царскосельской Мариинской гимназии его учениками были Николай Гумилёв и Анна Ахматова, на становление которых как поэтов Анненский оказал огромное влияние.

«Когда мне показали корректуру “Кипарисового ларца” Иннокентия Анненского, я была поражена и читала её, забыв всё на свете», — вспоминала потом Анна Ахматова.

Вообще литературное влияние Анненского на возникшие вслед за символизмом течения русской поэзии (акмеизм, футуризм) очень велико. Стихотворение Анненского «Колокольчики» по праву может быть названо первым по времени написания русским футуристическим стихотворением. Влияние Анненского сильно сказывалось на Пастернаке, его школе и многих других.

Стихи Иннокентий начал писать с детства, но смог издать первый (и единственный при жизни) поэтический сборник только в 1904 году, когда ему было уже сорок девять лет.

Какой тяжёлый, тёмный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажёт
Два жёлтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал сверчок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звеня, но, ластясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?..»
И скрипка отвечала *да*,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок всё понял, он затих,
А в скрипке эхо всё держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На чёрном бархате постели.

Формами стиха Анненский наиболее близок молодому Брюсову периода «русских символистов». Его стиль ярко импрессионистичен, отличаясь зачастую изысканностью, стоящей на грани вычурности, пышной риторике *décadence*'а.

152

Модернизм как мостик из прошлого в будущее

Какое-то время в Коломне, в доме на Фонтанке, 149, жил Николай Алексеевич Клюев (1884–1937) — русский поэт, большой друг Сергея Есенина, представитель так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии XX века.

Впервые стихи Клюева появились в печати в 1904 году. На рубеже 1900-х и 1910-х годов Клюев выступает в литературе, причём не продолжает стандартную для «поэтов из народа» традицию описательной минорности в духе И.З. Сурикова, а смело использует приёмы символизма, насыщает стихи религиозной образностью и диалектной лексикой. Первый сборник — «Сосен перезвон» — вышел в 1911 году. Творчество Клюева было с большим интересом воспринято русскими модернистами, о нём как о «провозвестнике народной культуры» высказывались Александр Блок, Валерий Брюсов и Николай Гумилёв.

Александр Блок неоднократно упоминал Клюева в своих стихах, записных книжках и письмах и воспринимал его как символ загадочной народной веры. Стихи Клюева рубежа 1910-х и 1920-х годов отражают «мужицкое» и «религиозное» приятие революционных событий. Он посылал свои стихи Ленину, хотя раньше вместе с Есениным выступал перед императрицей.

После нескольких лет голодных странствий, примерно в 1922 году, Клюев снова появился в Петрограде и Москве. Его новые книги были

подвергнуты резкой критике и изъяты из обращения. С 1923 года Клюев жил в Ленинграде, в начале тридцатых годов переехал в Москву. Катастрофическое положение, в том числе и материальное, не улучшилось после выхода в свет его сборника стихов о Ленине (1924).

Вскоре Николай Клюев, как и многие новокрестьянские поэты, дистанцировался от советской действительности, разрушавшей традиционный крестьянский мир. В свою очередь, советская критика громила его как «идеолога кулачества». После «самоубийства» Есенина он написал «Плач о Есенине» (1926), который был вскоре изъят. В 1928 году вышел последний сборник «Изба и поле».

2 февраля 1934 года Клюев был арестован по обвинению в «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений» (ст. 58 10 УК РСФСР) и 5 марта после суда Особого совещания выслан в Нарымский край, в Колпашево. Осенью того же года по ходатайству артистки Н.А. Обуховой, С.А. Клычкова и, возможно, Горького переведён в Томск.

5 июня 1937 года он был снова арестован и в конце октября расстрелян на Каштачной горе.

Приют великих живописцев

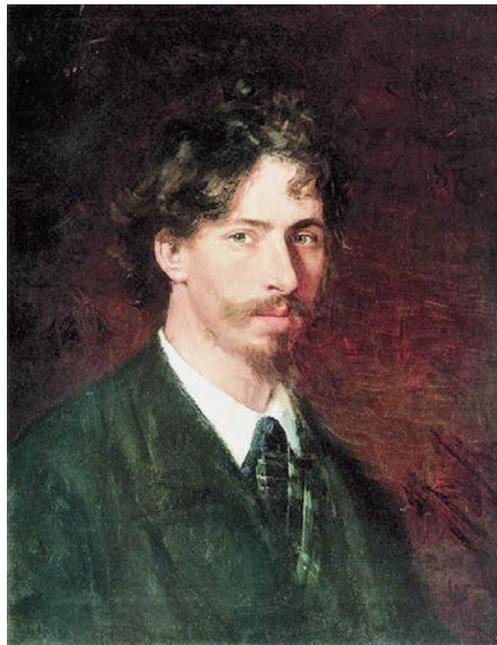
Долгое время в Коломне жил Илья Ефимович Репин (1844–1930) — русский художник, мастер портретов, исторических и бытовых сцен.

Илья Репин родился 24 июля (5 августа) 1844 года в семье военного поселенца Ефима Васильевича Репина в городе Чугуеве Харьковской губернии. Грамоте и арифметике его научили пономарь и дьячок.

С тринадцати лет Илья занимался живописью в Чугуеве у Н.Бунакова.

В 1863 году поступил в Академию художеств в Петербурге. В Рисовальной школе на Бирже Репин познакомился с И.Н. Крамским, который стал его наставником. Обучался также у Р.К. Жуковского. За успехи в 1869 году был награждён Малой золотой медалью за картину «Иов и его друзья».

Во второй половине XIX века практически вся творческая русская интеллигенция так или иначе занималась поисками Бога, и непосредственно в 70-е годы была предпринята попытка отыскать Его в народе, через душу народа. Так, революционеры шли в народ, композиторы

И.Е. Репин. Автопортрет. 1878 г.

И.Е. Репин. Бурлаки на Волге. 1873 г.

писали оперы на народные темы, художники выезжали писать этюды на пленэр.

Сия чаша не минула и Илью Репина. Из путешествия по Волге в 1870 году он привёз ряд этюдов и эскизов; некоторые из них стали основой для картины «Бурлаки на Волге», написанной для великого князя Владимира Александровича в 1873 году.

154

С 1873 года Репин в качестве пенсионера Академии путешествует за границу, где корифеи старинной живописи производят на него отрицательное впечатление. В Париже он пишет «Парижское кафе» и сказочного «Садко».

Возвращается в Россию летом 1876 года. Осенью того же года приезжает в родной Чугуев, а через год перебирается оттуда в Москву.

В сентябре 1882 года Репин вернулся в Петербург. Семья его к тому времени разрослась. Уезжал он из северной столицы с женой и семимесячной дочкой, а возвратился отцом четверых детей, из которых младшей, Тане, шёл второй год. Репин заранее, ещё в апреле, снял квартиру в Коломне, в доме № 26 по Екатерингофскому проспекту (ныне площадь Репина, 3).

Вернувшись, Илья Ефимович стал деятельным членом Товарищества передвижных художественных выставок, к которому примкнул в 1874 году, став одним из вождей реалистической школы живописи. На выставках товарищества появляются его картины: «Правительница Софья Алексеевна в монастыре» (1879), «Крестный ход в Курской губернии» (1883), «Не ждали» (1884), «Иоанн Грозный и его сын Иван» (1885).

В 1901 году художник получает правительственный заказ к столетнему юбилею Государственного Совета. Грандиозное многофигурное полотно (35 кв. м) «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года» (1901–1903, ГРМ), в исполнении которого принимали участие Б.М. Кустодиев и И.С. Куликов, создавалось на протяжении двух лет. На парадном портрете изображено более восьмидесяти человек — сановников Государственного Совета во главе с царём и членами царствующего дома. К картине Репин написал пятьдесят этюдов-портретов и эскизов.

* * *

В 1908–1909 годах на Екатерингофском проспекте проживал Микалоюс Константинас Чюрлёнис (1875–1911) — литовский художник и композитор, родоначальник профессиональной литовской музыки, далеко раздвинувший своим творчеством границы национальной и мировой культуры.

Атмосфера Коломны, в которой он поселяется, вскоре сказывается на его настроении, соединяясь с неопределённостью перспектив, а также с тем, что Чюрлёнис сталкивается с непониманием своих намерений. Он испытывает глубокое разочарование от ежедневных встреч с единомышленниками, которые, не желая потерять контакт с массами, пытаются создать национальную культуру на базе фольклора или же понятной всем живописи, воспроизводящей знакомые пейзажи. Подняться на более высокий культурный уровень они не стремятся, да и просто не в состоянии.

Помимо этого он испытывает нужду. Не хватает денег на краски, и он временами даже вынужден собирать на полу их крошки.

В 1909 году Чюрлёнис с воодушевлением берётся за свою наиболее масштабную работу — занавес для общества «Рута» размером 4×6 м. Он собственноручно грунтует холст и расписывает его со стремянки. Но его труд оказывается непонятым, что стало серьёзным ударом по психике автора.

К весне 1910 года состояние его здоровья ухудшилось, он был помещён в Пустельниковскую нервную больницу под Варшавой.

Затем наступил светлый период, и в марте 1911 года он посылает родителям открытку, где сообщает о своём намерении провести лето с ними в Друскининкае.

Но 10 апреля он умирает от неожиданной простуды.

Чюрлёнис похоронен на кладбище Росса (Расу) в Вильнюсе.

М.К. Чюрлёнис. Покой

*Б.М. Кустодиев. Автопортрет.
1912 г.*

* * *

Довелось впитать в себя дух Коломны и русскому художнику Борису Михайловичу Кустодиеву (1878–1927).

Борис Михайлович Кустодиев родом из семьи преподавателя гимназии. Начал учиться живописи в Астрахани у П.А. Власова в 1893–1896 годах.

В 1896 году поступил в Петербургскую академию художеств и поселился в Коломне на Мясной улице.

Обучался сначала в мастерской В.Е. Савинского, со второго

курса — у И.Е. Репина. Принимал участие в работе над картиной Репина «Заседание Государственного Совета» (1901–1903 годы, Русский музей, Санкт-Петербург).

156

ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ

Великие танцовщики и танцовщицы Коломны

По соседству с Коломной располагается Мариинский театр (при советской власти называвшийся Ленинградским государственным академическим театром оперы и балета имени С.М. Кирова). Поэтому неудивительно, что имена великих танцовщиков и танцовщиц, составивших славу русского балета, так или иначе связаны с Коломной.

Некоторое время там проживала известная русская балерина Тамара Платоновна Карсавина (1885–1978), солировавшая в Мариинском театре.

Карсавина входила также в состав Русского балета Дягилева и часто танцевала в паре с Вацлавом Нижинским. Умерла в Лондоне в возрасте 93 лет.

*Тамара Карсавина
в балете «Шахерезада»*

Афиша, выполненная Львом Бакстом, с изображением Вацлава Нижинского в балете «Послеполуденный отдых фавна» (1912)

* * *

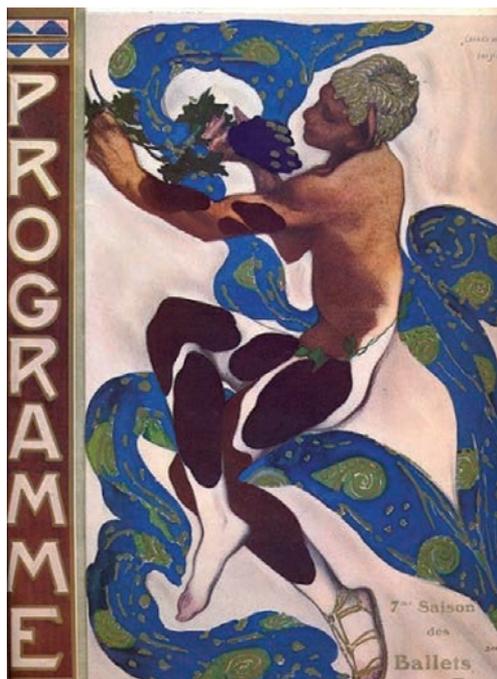
В Коломне жил и сам Вацлав Фомич Нижинский (1889–1950) — российский танцовщик и хореограф польского происхождения, родившийся на Украине, один из ведущих участников Русского балета Дягилева.

Почти сразу по окончании училища С.П. Дягилев пригласил Нижинского для участия в балетном сезоне 1909 года, где танцовщик снискал огромный успех.

Поощряемый Дягилевым, Нижинский попробовал свои силы как хореограф и втайне от Фокина репетировал свой первый балет — «Послеполуденный отдых фавна» на музыку К.Дебюсси (1912 год). Он построил свою хореографию на профильных позах, заимствованных из древнегреческой вазописи. Как и Дягилев, Нижинский был увлечён ритмопластикой и эуритмикой Далькроза, в эстетике которой он поставил в 1913 году свой следующий и наиболее значительный балет «Весна священная». «Весна священная», написанная Стравинским в атональной системе и хореографически построенная на сложных комбинациях ритмов, стала одним из первых экспрессионистских балетов. Он был не сразу принят, его премьера закончилась скандалом, как и премьера «Послеполуденного отдыха фавна», шокировавшего публику финальной эротической сценой.

Война 1914 года и последовавшие за ней Февральская революция и Октябрьский переворот вынудили артиста остаться за границей.

Роковую роль в его судьбе сыграло увлечение толстовством, популярным в эмигрантских кругах русской художественной интеллигенции. Члены труппы Дягилева толстовцы Немчинова, Костровский и Зверев внушали Нижинскому греховность актёрской профессии, чем усугубили его болезнь. В 1917 году Нижинский окончательно покинул сцену и вместе с семьёй обосновался в Швейцарии. Здесь ему стало легче, он размышлял о новой системе записи танца, мечтал о собственной школе, в 1918 году написал книгу «Дневник Нижинского» (издана в Париже в 1953 году). Однако вскоре был помещён в клинику для душевнобольных, где и провёл остаток жизни. Он умер 11 апреля 1950 года в Лондоне.

* * *

Четырнадцать лет, с 1892 по 1906 год, в Коломне на Английском проспекте прожила выдающаяся русская балерина Матильда Феликсовна Кшесинская (1872–1971). Она танцевала в Мариинском театре с 1890 (года окончания училища) по 1917 год.

Творчество Кшесинской началось в балетах М.И. Петипа. Она танцевала партии: феи Драже («Щелкунчик»), Пахиты, Млады, Одетты-Одиллии («Лебединое озеро»), Никии («Баядерка») и другие. Мягкую пластику русской школы Кшесинская решила дополнить виртуозностью итальянского балета, для чего, уже будучи артисткой, брала уроки у Энрико Чеккетти.

Умерла Матильда Феликсовна 6 декабря 1971 года в Париже, в 99-летнем возрасте.

* * *

Там же, на Английском проспекте, в соседнем доме жила и одна из величайших балерин XX века Анна Павловна Павлова (1881–1931).

После окончания Вагановского училища Анна Павлова в 1899 году была принята в труппу Мариинского театра, где танцевала партии в классических балетах «Щелкунчик», «Конёк-Горбунок», «Раймонда», «Баядерка», «Жизель». В 1906 году стала ведущей танцовщицей труппы.

Большое влияние на её исполнительскую манеру оказала совместная работа с балетмейстерами А.Горским и, особенно, М.Фокиным. Анна Павлова исполняла главные роли в балетах М.Фокина «Шопениана», «Павильон Армиды», «Египетские ночи» и других.

В 1907 году на благотворительном вечере в Мариинском театре Анна Павлова впервые исполнила поставленную для неё М.Фокиным хореографическую миниатюру «Лебедь» (позже «Умиравший лебедь»),

ставшую впоследствии одним из символов русского балета XX века. В 1909 году участвовала в «Русских сезонах» Сергея Дягилева в Париже, положивших начало её мировой известности. Афиша работы В.Серова с силуэтом А.Павловой навсегда стала эмблемой «Русских сезонов».

В 1910 году Павлова перешла на так называемое положение «гастролёрши», создала собственную труппу. Вместе с этой труппой гастролировала во многих странах мира. Специально для труппы А.Павловой М.Фокин поставил несколько

Анна Павлова исполняет хореографическую миниатюру «Умиравший лебедь»

балетов, среди них «Семь дочерей горного короля». Имя Павловой ещё при жизни балерины стало легендарным.

Последнее выступление балерины в Мариинском театре состоялось в 1913 году, а в России — в 1914 году, после чего она обосновалась в Англии и в Россию больше не возвращалась.

* * *

Неподалёку от Анны Павловой в доме на том же Английском проспекте жила Галина Сергеевна Уланова (1909–1998) — выдающаяся русская балерина, одна из величайших за всю историю балета.

Пик карьеры и мировой славы Улановой пришёлся на 1940–1950-е годы. Она — народная артистка СССР (1951), дважды Герой Социалистического Труда (1974; 1980), лауреат четырёх Сталинских (1941; 1946; 1947; 1950) и одной Ленинской (1957) премий.

Уланова была ученицей Агриппины Вагановой. В 1928–1944 годах она выступала в Мариинском (Кировском) театре в Ленинграде, с 1944 по 1960 год — в Большом театре в Москве. Знамениты её роли в «Жизели» Адана, «Золушке» и «Ромео и Джульетте» Прокофьева, «Красном маке» Р.Глиэра.

Единственной балерине, ей при жизни были установлены памятники в Санкт-Петербурге (1984, скульптор Михаил Аникушин) и Стокгольме (1984, скульптор Елена Янсон-Манизер). В Голландии был выведен сорт тюльпанов «Уланова».

P.S.

В наши дни Коломна всё так же погружена в свою философскую созерцательность потустороннего присутствия, чистоту и непорочность духа смерти, лишённого лукавства и не терпящего суеты мира сего. И сегодня днём на улицах Коломны можно увидеть, если повезёт, редкого прохожего, да и тот будет восприниматься вами скорее как исключение, нежели как правило. Проплывёт бесшумной тенью мимо и скроется непонятно как, то ли в ближайшем подъезде, то ли за поворотом дома, то ли просто растворится в воздухе, не оставив в вашей памяти абсолютно ничего о себе, ни малейшего воспоминания, будто и не было его вовсе. И всё это будет происходить в гробовой тишине, лишь изредка нарушаемой лязганьем трамвая на повороте.

В.Н. Колбасов. Двор в Коломне

В скором будущем центр духовной жизни России начнёт перемещаться из церквей мирских в монастыри, и люди в поисках места для уединённой молитвы обязательно обратят внимание на Коломну, давно ждущую своих иноков. Думается, что уже со второй половины этого столетия Коломна начнёт превращаться в некое подобие Афона, место, Богом хранимое и уготованное Им для особого служения. И тогда само название Коломны приобретёт ещё один смысл, а именно: умирание для мирской жизни во спасение души.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

КОЛОМЕНСКОМУ КРАЕВЕДЧЕСКОМУ — 80 ЛЕТ!

Коломенскому краеведческому музею — 80 лет. Уже его собственная биография — сама по себе целая история, полная загадок и тайн. Музей начинался с Маринкиной башни, овеянной легендами и сказаниями. А затем экспозицию перевели в церковь Михаила Архангела — шедевр коломенского ампира. Десятилетиями под этими святыми сводами собирали, хранили, изучали предметы, таящие в себе память прошлого.

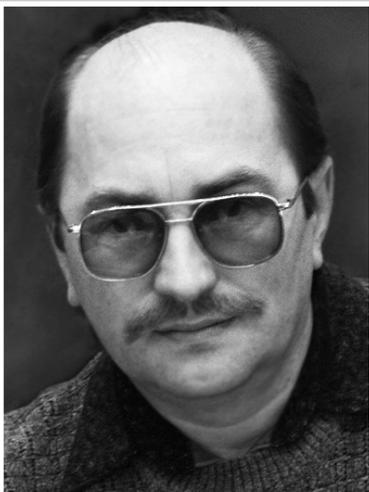
Со временем появлялись филиалы. 35 лет назад основан Музей Боевой славы, а недавно открыл свои двери Дом Лажечникова. Сегодня музей не узнать! Из непригодного церковного здания его перевели в роскошно отреставрированную кремлёвскую усадьбу. Музей Боевой славы покинул храм Петра и Павла и перешёл в специально построенное помещение, которое стало настоящим украшением города. Открылась выставка в Доме Лажечникова. А к 80-летию музея в усадьбе Колчинских, где раньше проходили только сменные экспозиции, были открыты залы постоянного показа. Город вновь обрёл свою зримую историю!

Это невозможно было бы без помощи городской администрации. Но особое слово благодарности нужно сказать в адрес музейщиков. То, что

они сделали, в кратчайшие сроки сформировав экспозиции в совершенно новых помещениях, — это настоящий научный и человеческий подвиг. Поздравляем всех работников музея с этим триумфом! Пусть добрый гений Коломны никогда не оставляет вас на пути поисков и чудесных открытий!

Коллектив редакции

Сергей Владимирович Калабухин — коломенец. Родился в 1958 году. С детских лет увлекался техникой. Окончил факультет АСУ МИСИ. Работал на Коломзаводе наладчиком сложных станков, инженером-электроником, инженером-конструктором. Да и сегодня не расстался с родным предприятием: руководит одной из фирм при Коломзаводе.

«Техническое начало» его личности удивительным образом сочетается с творческим. Уже в десятилетнем возрасте Сергей начал сочинять фантастические рассказы. В его теперешнем писательском багаже, наряду с фантастикой, и реалистические рассказы и литературно-исторические эссе.

В 2008 году опубликовал книгу «Лабиринт чувств», а в 2011-м — сборник эссе «Спорные мысли». Печатался в местной и российской периодике, в журнале «Молодая гвардия» и, разумеется — в «Коломенском альманахе», где он стал членом редколлегии.

Эссе

Сергей Калабухин

БИТВА ЗА ПРИБАЛТИКУ

Материал, предлагаемый читателю, не является исследованием историка или литературоведа, это скорее отзыв на прочитанное произведение, отзыв заинтересованного читателя, который, обращаясь к классике, пытается найти в ней ответы на злободневные вопросы современности. Страницы романа нашего земляка Ивана Ивановича Лажечникова заставили автора задуматься о политической, национальной ситуации в России на протяжении нескольких столетий. Быть может, кто-то из читателей не согласится с авторской точкой зрения. Что ж, дискуссионная трибуна «Коломенского альманаха» открыта для всех.

От редакции

В романе «Последний Новик» Лажечников описывает времена более чем столетней (для него и тогдашнего читателя) давности. Он ненавязчиво разъясняет читателю подоплёку исторических событий в авторских отступлениях и ремарках, органично вплетённых в повествование. Роман исторический в полном смысле этого слова. Сам Иван Лажечников пишет:

«Началу работы над романом предшествовала полоса исторических изучений... Чего не перечитал я для своего "Новика". Могу прибавить, я был столько счастлив, что мне попадались под руку весьма редкие источники. Самую местность, нравы и обычаи страны списывал я во время моего двухмесячного путешествия, которое сделал, проехав

И.И. Лажечников. Портрет работы А.В. Тыранова. 1837 г.

Лифляндию вдоль и поперёк, большую часть по просёлочным дорогам».

Эта насыщенность «Последнего Новика» историческим материалом и авторские ремарки, возможно, были вполне достаточны для современников Лажечникова. Но мне их не хватило. Уж больно поверхностно преподавали нам в советской школе описываемые в романе времена и события. Да и в нынешней вряд ли дело преподавания русской истории обстоит

лучше. Я читал «Последнего Новика» и не находил ответов на возникающие вопросы.

Во-первых, действие романа происходит 300 лет назад в Ливонии, Ингерманландии и Финляндии, то есть на территориях нынешних Латвии, Эстонии и Карелии. А где же в романе латыши, эстонцы, финны? Одни немцы и шведы! И эта ситуация, судя по ремаркам автора романа, сохраняется и через 130 лет после описываемых в «Последнем Новике» событий!

Во-вторых, почему русский царь Пётр Первый считает Ингерманландию своей вотчиной? Как само собой разумеющееся, в одной из авторских ремарок Лажечников пишет: «В Лифляндии места имеют иногда по три и четыре названия: немецкое, латышское, чухонское и русское». Как такое получилось?

И мне пришлось погрузиться в исторические источники.

Европейские страны, а вернее, их короли и императоры, постоянно воевали друг с другом. Войны длились годами, десятилетиями, была даже Столетняя война! Но все распри немедленно откладывались, стоило лишь России сделать малейший шаг в сторону Европы. Вчерашние враги тут же объединялись и общими усилиями старались «загнать русского медведя в его берлогу». Европа не желала, да и сейчас не желает признавать «северных варваров» равноправными членами «западной цивилизации».

Русь росла, мужала и всё активнее заявляла о себе. А это значит, что уменьшалось влияние Папы Римского и формально подвластных ему европейских монархов на сопредельные Руси территории и населяющие их народы. В первую очередь это касается Украины и Прибалтики. Московская Русь усиливалась, а крестоносцы слабели и теряли «Святую землю».

Папа Римский решил одним ударом убить нескольких зайцев: он организовал крестовый поход не в Палестину, а в Прибалтику, тогдашнюю

Ливонию, населённую племенами латышей и эстонцев. Официальной целью крестоносцев было объявлено обращение ливонских язычников в католическую веру. Разумеется, это был лишь предлог для удаления из Европы большой массы вооружённых людей, захвата новых территорий и усиления религиозного натиска на православную Русь.

Для реализации поставленных задач был создан рыцарский Ливонский орден, костяк которого составляли германцы. Рыцари с воодушевлением кинулись огнём и мечом крестить несчастных латышей и эстонцев. Захватив Ливонию, орден на этом не остановился, а двинулся на Русь. Ведь именно православная Русь была главной целью Папы Римского, он хотел уничтожить наследие Византии и обратить русских в католическую веру.

Всем нам известно имя князя Александра Невского, разбившего войска Ливонского ордена на Чудском озере во время Ледового побоища. А ведь был момент, когда новгородцы всерьёз решали, не принять ли им власть князя-католика! К счастью, орден был остановлен, хоть и сумел занять некоторые русские земли. Князь Александр до конца своих дней яростно и смело воевал с Ливонским орденом, но в то же время подавил несколько русских восстаний против монголов. Почему такая двойственность в поведении? Да потому, что война с орденом была войной не только за землю, но и за веру, за сохранение православия! Монголы были веротерпимы, они лишь брали дань, не претендуя на духовные ценности и местную власть покорённых ими народов.

Другое дело — католический орден! Русские наглядно видели, ка-
кая судьба постигла эстонцев и латышей. Фактически Ливония так и не стала полноценным государством. Это была территория, полностью подвластная католическому военному рыцарскому ордену, который построил здесь около пятидесяти замков. Местному населению изначально было определено место бессловесного и бесправного рабочего скота. Так что «ливонцами» в Европе всегда называли лишь правящую верхушку, говорившую и писавшую на немецком языке.

Во времена правления царя Ивана Грозного значительно окрепшая и заметно расширившая свои границы Русь наконец накопила достаточно сил, чтобы бросить вызов Ливонскому ордену. За несколько лет тяжелейшей войны Русь фактически полностью разгромила орден, большая часть Ливонии была захвачена русскими войсками, которым оказывало всяческую помощь местное население — латыши, эстонцы, русские. И тогда Европа впервые открыто объединилась против Руси. Вчерашние враги — Польша, Литва, Дания, Саксония и Швеция объединили свои усилия. Не для того, чтобы спасти Ливонский орден, а для того, чтобы отбросить Русь от Балтики и торговых европейских путей! Им это удалось, тем более что Русь к тому времени была ослаблена не только войнами, но и внутренними раздорами, сопровождавшимися прямым предательством национальных интересов представителями высших кругов русской знати. Одна только измена главы русских войск в Ливонии князя Андрея Курбского чего стоила! Не говоря уж о тяжелейшем экономическом положении Русского государства. Люди нищали и покидали города. Коломна опустела на 91,5 процента, Можайск — на 89, Муром — на 84. В Пскове из 700 дворов осталось тридцать, под городом

*Портрет Петра I.
Поль Деларош. 1838 г.*

были брошены мыльные варницы и трепальни.

Русские войска были вынуждены оставить Ливонию, которую тут же поделили между собой победители: Польша, Литва, Дания и Швеция.

Позднее ослабление Речи Посполитой, России и война в Германии привели в середине XVII века к возникновению в Европе нового сильного шведского государства, захватившего почти все земли вокруг Балтийского моря, которое даже стали называть Шведским озером.

В романе Ивана Лажечникова «Последний Новик» мы видим Ливонию под властью Швеции. От могучего когда-то Ливонского ордена остались только рыцарские замки и властная элита. Положение же латышей и эстонцев значительно ухудшилось. К обычным податям добавились тяготы содержания шведских гарнизонов и налоги на войны, которые практически непрерывно вёл шведский король. В романе описаны события, связанные со второй попыткой России присоединить к себе Ливонию. И эта попытка сделана, разумеется, следующим после Ивана Грозного реформатором Руси — Петром Первым. Иван Грозный был первым русским царём, Пётр Первый стал первым русским императором.

Со времён своего государственного становления Швеция зарилась на прибалтийские земли и северо-запад Руси. Уже с середины XII века шведы пытаются оторвать от Руси Финляндию. Ещё до знаменитого Ледового побоища новгородскому князю Александру пришлось сразиться со вторгнувшимися на нашу землю шведскими захватчиками. Это произошло в 1240 году в устье Невы. За победу в этом сражении князь Александр и получил почётное имя — Невский. И только в XIV веке шведы добились своего. В 1323 году в Орехове между Швецией и Русью был заключён мир, по основному условию которого Финляндия признавалась составной частью Шведского королевства.

В романе Лажечникова Швеция показана в зените своей славы. Она — сильнейшее государство Европы, обладающее талантливым полководцем в лице своего короля Карла XII и непобедимой пока никем армией.

Царь Пётр прекрасно понимает, что Россию ждёт неизбежная война с могущественным соседом. Он старается как можно быстрее побороть внутреннюю оппозицию и инертность, лихорадочно строит армию и флот, приглашает в Россию иностранных специалистов — на страницах романа «Последний Новик» это ливонец Иоган Рейнгольд Паткуль,

венецианец полковник Лима, француз полковник Дюмон, полковники фон Верден и фон Шведен.

Более того, Пётр делает, на первый взгляд, самоубийственный шаг: он сам нападает на шведов! Уже с детско-юношеских игр с «потешными войсками» Пётр прекрасно понимал, что армию надо обучать в боях с сильным противником. Слабый противник ничему научить не может, он только расслабляет своего победителя, внушает тому ложную уверенность в себе.

В 1700 году русские войска осадили Нарву. Ими командовал французский герцог де Сент Круа. Нарву защищал немногочисленный гарнизон. Осада затянулась, и к Нарве успел подойти Карл XII, у которого было всего 8 тысяч человек и 37 орудий. У русских было 42 тысячи человек и 145 орудий. Армия Петра сумела отразить только первую атаку шведов, а затем побежала. Шведам достались вся русская артиллерия и обоз. Потери русской армии составили 6 тысяч убитыми и ранеными. Шведы потеряли 2 тысячи.

Лажечников пишет в своём романе о нарвской катастрофе:

«Здесь-то преобразователю России определено было получить от царственного учителя своего жестокий урок и здесь же показать, с каким успехом он им воспользовался.

— Я знаю, — говорил он после нарвской потери, — что шведы будут бить нас ещё раз несколько, но теперь мы ученики их, придёт время, что мы их побеждать будем».

Царь Пётр не стал предаваться унынию. По его приказу развернулось лихорадочное строительство новых заводов. В 1701–1704 годах на Урале четыре крупнейших металлургических завода начали выпуск железа, чугуна, ядер и пушек. В районе Белозёрских и Олонецких рудных месторождений было построено пять металлургических и оружейных заводов. Одновременно строились мануфактуры, которые обеспечили армию обмундированием и снаряжением, кожевенный и портупейный заводы и т.д. По приказу царя Петра из церковных и монастырских колоколов было отлито 270 орудий. Пётр в кратчайшие сроки формирует новую армию, вооружает её, одевает, реформирует и обучает.

Почему после Нарвы Карл XII не пошёл на Россию? Потому что он был молод и мечтал о славе. Швеция уже отторгла у России те прибалтийские земли, на которые зарилась ещё в XII веке. Лёгкий разгром огромной, но плохо обученной русской армии мало что мог добавить к славе Карла. Захват России распылит бы шведскую армию на гарнизоны в российских городах, и на этом военные походы Карла могли закончиться! А шведский король рвался именно к европейской славе непобедимого полководца. Он мечтал диктовать свою волю европейским монархам, а не русским варварам.

Разгромив армию Петра, Карл XII посчитал, что надолго вывел Россию из игры, что тылы у него в полной безопасности, и всеми силами ринулся в Европу. Он даже оголил в военном плане Ливонию и Финляндию, оставив в них только небольшие гарнизоны. И это при том, что ливонцы были явно недовольны своим шведским повелителем, по

Карл XII. Дэвид Клокер. 1697 г.

сути, ограбившим и унижившим их. Ещё предыдущему шведскому королю, Карлу XI, нужны были немалые средства для ведения войн. Вот он и отнял у ливонцев их исконные владения — земли и рабов. В романе мы читаем, что ливонские «отчины, без всякого уважения давности и законности, были отрезаны и отписаны на короля. Из шести с лишком тысяч гаков, бывших во владении частных лиц, с лишком пять тысяч были взяты в казну, тысяча с небольшим оставлены владельцам и при церквах».

Теперь эстонцы и латыши работали на короля, выручка от продажи всего, что они производили, шла в королевскую казну.

Большинство ливонцев в одночасье лишилось и своих рабов, и доходов. Ливонские мужчины были призваны в шведскую армию и гибли в походах уже нового шведского короля, Карла XII, который в полной мере осуществлял свою мечту: громил армии европейских монархов, свергал и сажал на трон королей. Надежды ливонцев на то, что Карл XII отменит решение своего отца и вернёт им их владения и привилегии, не оправдались.

Лучшего момента для захвата Ливонии Петру ждать было нечего.

И вот начинаются «тренировки» русских войск на оставленных в Ливонии и Финляндии шведских гарнизонах. Военные тактика и стратегия царя Петра показаны в романе на примере действий графа Шереметева. Поначалу это мелкие стычки со шведскими отрядами, в которых русские солдаты и офицеры постепенно набираются военного опыта и преодолевают страх перед непобедимым противником. Лажечников пишет:

«Схватками с малочисленными отрядами неприятеля знакомил он понемногу русского солдата с его силами, с потехою военных удач и воспитывал дух его к будущим победам. Уже зародыши русского флота брали смелость выходить из заливов Чудского озера.

...Под мызою Рапин волонтёр Михайла Борисович Шереметев разбил четвёртого сентября 1701 года передовой отряд шведов. Потом сам фельдмаршал — в ответ на упрёк своего государя: “Полно отговариваться, пора дела делать!” — отпраздновал первый день 1702 года первую знаменитую победой при Эррастрфере, заставившей Петра I сказать: “Благодарение богу! мы уже до того дошли, что шведов побеждать можем”».

Портрет Екатерины I.
Ж.-М. Натье. 1717 г.

Автор не скрывает, что русские поначалу одолевали шведов численностью, а не умением. Но вот Полтава уже была вполне заслуженной победой русской армии в битве почти равных противников. Погнавшись за европейской славой, Карл XII недооценил Россию, оставив её напоследок, а главное, он недооценил царя Петра — и в результате потерял всё! К тому же Карл отвлёк на себя, измотал и обескровил в боях те традиционно антирусские силы, что веками не пускали Россию на европейский театр действий.

Россия получила наконец Ливонию, вернула потерянные ранее земли в Прибалтике и Финляндию. На этот раз Европа не смогла ничего сделать военным путём, ибо у России появились армия и флот, способные разбить сильнейшую военную европейскую державу. Пётр Первый прорубил в «железном занавесе» окно в Европу, которое в дальнейшем только расширялось, а во времена Екатерины Великой уже *«ни одна пушка не смела выстрелить в Европе без разрешения России»*. И даже Пруссия, это тевтонское гнездо немецкого военного рыцарства, сама попросится в состав России и будет принята!

Вернёмся к роману Ивана Лажечникова «Последний Новик». Одной из основных линий романа является описание ливонского периода жизни Катерины Рабе (Кете), будущей любимой жены российского императора Петра Первого — императрицы Екатерины Первой. Разумеется, образ Екатерины у Лажечникова романтизирован и идеализирован. И читатель не сразу догадывается, о ком автор ведёт речь: мне, например, не посчастливилось столкнуться с описанием детства и девичества Екатерины Первой в исторических романах других авторов.

Читая книгу, я не переставал удивляться: почему нет местного коренного населения в лице эстонцев и латышей? Они присутствуют где-то «за кадром» в качестве работников на полях и прислуги в замках. Тут уж ничего не поделаешь: Лажечников был сыном своего времени. В крепостнической России рабы были наравне с рабочим скотом. Но мы должны понимать, что шпионажем в пользу русских занимались не только Последний Новик и подкупленные ливонцы, но и латыши с эстонцами, которых просто не считали за людей. В реальной жизни, скорее всего, именно латыши с эстонцами снабжали русских оперативными сведениями о передвижениях шведских войск и гарнизонов, а также продовольствием, указывали дороги и тайные тропы в лесах и боло-

Граф Борис Петрович Шереметев. Генерал-фельдмаршал, тайный советник и орденов Св. Апостола Андрея, Мальтийского, Польского белого и Прусского чёрного орлов кавалер. Гравюра К.Анисимова по рисунку И.Аргунова. XVIII в.

тах. Они мечтали, что в составе России их жизнь станет легче. О создании собственных национальных государств, тем более независимых, ни латыши, ни эстонцы в то время даже задумываться не могли. Речь могла идти только об облегчении рабского ярма. К сожалению, даже эти скромные надежды и мечты не оправдались, и в этом корень наших нынешних бед в отношениях России и прибалтийских государств.

В романе Лажечникова есть жуткие страницы о зверствах, чинимых русскими войсками в Ливонии. Автор откровенно пишет о применяемой русскими азиатской тактике «выжженной земли»:

«Новый, красноватый свет разлился по земле, и кругом небосклона встали огненные столбы: это были зарева пожаров. Из тишины ночи поднялись вопли жителей, ограбленных, лишённых крова и тысячами забираемых в плен. Таков был ещё способ русских воевать, или, лучше сказать, такова была политика их, делавшая из завоёванного края степь, чтобы лишить в нём неприятеля средств содержать себя, — жестокая политика, извиняемая только временем!»

Даже Паткуль, сам убеждавший царя Петра побыстрее начать войну за присоединение к России Ливонии, не выдерживает зрелища военных зверств и покидает армию Шереметева. Он с негодованием говорит:

«Холодная математическая политика Шереметева делает из моего отечества степь, чтобы шведам негде было в нём содержать войско и снова дать сражение, как будто полководец русский не надеется более на силы русского воинства — воинства, которого дух растёт с каждой новой битвой. Я не мог смотреть на это обдуманное, цифирное потворство грабежу и зажигательству. ...я видел пожар моего родного края — и не видал ничего более!»

У Шереметева — своя правда. Никто пока не побеждал шведов. Разгром под Нарвой ещё саднил незаживающей раной. Карл мог в любой момент вернуться в Ливонию со всей своей армией, и что тогда? Результат нетрудно предсказать. Поэтому Шереметев делает всё, чтобы армия Карла не нашла никакой опоры и поддержки в Ливонии. Ни одна армия не может воевать без снабжения продовольствием и снаряжением. И Шереметев пишет царю Петру:

*Иоганн Рейнгольд фон Паткуль.
Автор неизвестен. 1700-е гг.*

«Посылал я во все стороны полонить и жечь. Не осталось целого ничего: всё разорено и пожжено; и взяли твои, государевы, ратные люди в полон мужеска и женска пола и робят несколько тысяч, также и работных лошадей и скота с двадцать тысяч или больше, кроме того, что ели и пили всеми полками, а чего не могли поднять, покололи и порубили...»

Шведы, захватив Ливонию, установили там свои порядки и законы. В государстве они должны быть едиными. Ливонцы, несмотря на сильнейшее недовольство ущемлением своих исконных прав и привилегий, установленных ещё во времена ордена, всё же остаются верными шведскому королю. Всё это изображено на страницах романа Лажечникова. Взять хотя бы судьбы братьев Густава и Адольфа фон Траутфеттер. Один из них погибает в битве под Полтавой, помогая спасению шведского короля Карла XII, другой, попав раненым в русский плен, только после фактической смены власти в Ливонии присягает на верность новому правителю — российскому императору Петру Первому. И честно служит России, закончив жизнь русским генералом!

Итак, Пётр Первый присоединил к Российской империи Ливонию и Финляндию. Но он сделал это не так, как пытался сделать Иван Грозный. Царь Иван снимал с эстонцев и латышей ненавистное им рабское иго ливонских немцев. Те либо гибли в боях, либо бежали. Поэтому коренное население Ливонии воспринимало русских как освободителей. И, помня это, латыши с эстонцами помогали армии Петра, надеясь, что он изгонит ливонцев с их земли, как это делал некогда Иван Грозный.

Но Пётр поступил по-своему. Он вернул присягнувшим ему на верность ливонцам и финляндским шведам все их владения и власть! Всё осталось по-прежнему: немцы и шведы правили, а финны, латыши и эстонцы рабски трудились на них. Почему Пётр так поступил? Неужели, «прорубив окно в Европу», он сам не очень-то верил, что оно не захлопнется в скором времени, как это случилось при царе Иване Грозном?

Россия получила наконец выход к Балтийскому морю, несколько прекрасных городов-портов, Ригу и Таллин. Но Пётр зачем-то начинает строить на болотах Санкт-Петербург! Тратит на это огромные силы и средства! Тысячи российских мужиков сгнули на этой стройке, в том числе и новые подданные Петра — латыши и эстонцы. Вот что пишет из Ливонии Шереметев царю:

«Указал ты, государь, купя, прислать чухны и латышей, а твоим государевым счастьем и некупленных пришлю. Можно бы и не одну тысячу послать, только трудно было везти, и тому рад, что ратные люди взяли их по себе».

Почему император Пётр Первый ограничился лишь формальным присоединением к России Ливонии и Финляндии, предоставив им довольно широкие автономии? Да потому, что ему позарез нужны были европейски грамотные и обученные кадры! Своих-то пока не было. Прибалтийские немцы и финляндские шведы в полной мере соответствовали нужным требованиям. Но как заставить их служить России, а тем более приобрести их верность? Ту самую верность, с каковой они совсем недавно так доблестно сражались за шведского короля?

Пример Иогана Рейнгольда Паткуля наглядно показал Петру, что лучшие и талантливые из ливонцев готовы на всё ради сохранения их привилегий и владений. Да, Пётр Первый сознательно пошёл на беспрецедентный шаг, оставив в присоединённых с таким трудом к России Ливонии и Финляндии их прежние порядки и администрацию. Он даже не стал русифицировать необходимые ему прибалтийские города-порты, а построил в устье Невы свой город — Санкт-Петербург. «Окно в Европу» было «прорублено», и закрыть его в дальнейшем уже никому не удалось. А «прибалтийские немцы» с тех пор верой и правдой служили Российской империи до последнего дня её существования. Давайте вспомним несколько имён: Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен — знаменитый российский мореплаватель, первооткрыватель Антарктиды; Иван Фёдорович Крузенштерн — начальник первой российской кругосветной экспедиции, один из основоположников отечественной океанологии; барон Фердинанд (Фёдор) Петрович Врангель — российский мореплаватель и полярный исследователь, адмирал; Михаил Богданович Барклай де Толли — российский полководец, генерал-фельдмаршал, герой Отечественной войны 1812 года, полный кавалер ордена Святого Георгия.

Достаточно? Эту «цепочку» имён знаменитых российских немцев из бывшей Ливонии можно тянуть вплоть до наших дней и закончить её Патриархом Всея Руси Алексием II.

А теперь попробуйте вспомнить кого-нибудь из знаменитых латышей, эстонцев, карелов или финнов, прославившихся до краха Российской империи в 1917 году!

Так что решение Петра, поддержанное всеми последующими российскими императорами, себя оправдало. А судьба и положение латышей, эстонцев, финнов и всех прочих «инородцев» императоров ни тогда, ни позднее не волновала.

Латыши, эстонцы и финны прямо из родоплеменного язычества шагнули в христианское рабство. И прожили в этом рабстве до начала XX века, когда большевистская революция неожиданно принесла им свободу. Они мечтали о ней веками, но вот, получив её столь неожиданно и незаслуженно, то есть без борьбы, они растерялись, так же как впадали в растерянность многие крестьяне после отмены крепостного права. Они не знали, как жить дальше. Кроме того, молодые прибалтийские государства не понимали, что мало просто получить свободу, её ещё нужно суметь удержать, а маленькому государству это не под силу.

Маленькое государство может существовать только под защитой большого. Эту истину пришлось в полной мере испытать на собственной шкуре и Финляндии, и Латвии, и Эстонии.

У Финляндии выбор был невелик: мощной России больше не существовало, назад в Швецию, тоже не очень-то могучую к тому времени, вливаться не хотелось. И финляндские олигархи пригласили на трон немецкого принца Фридриха Карла Гессенского! Германия на тот момент была сильнейшим государством Европы и практически в одиночку вела войну со странами Антанты и Советской Россией. Но принц не успел даже добраться до предложенного трона, так как в Германии тоже грянула революция, и кайзер отрёкся от престола. И тогда бразды правления Финляндией были вручены бывшему российскому генералу, участнику русско-японской войны, шведу по национальности, Карлу Маннергейму. Финляндия вновь попала под влияние Швеции.

Латвия и Эстония тоже были вынуждены склонить головы перед волей сильнейших европейских держав — Англии, Франции, а позднее — нацистской Германии. Бывшим ливонцам не дали вырваться за рамки, изначально определённые им Папой Римским и антирусскими силами Европы. И после неожиданного обретения «независимости» «ливонцам» не замедлили напомнить об их обязанностях перед Европой.

Вот почему новообразованные Финляндия, Латвия и Эстония почти сразу же вновь стали плацдармом всех враждебных России сил, хотя, по логике, должны были бы целовать большевикам ноги за то, что те дали им свободу. А куда было деваться бедным и слабым прибалтам? Шла Первая мировая война, передел мира, и непокорные воле победителей страны могли в любой момент исчезнуть с карты мира.

Западные страны, особенно Швеция, усиленно строили в Финляндии на границе с Россией защитные сооружения, так называемую «линию Маннергейма». Организовывали и вооружали финскую армию, практически все офицеры которой были шведами. Вся документация велась на шведском языке. На территории Финляндии было построено столько аэродромов, что они могли принять самолётов в десять раз больше, чем имелось в стране. Государственным и литературным языком был объявлен шведский. Финнам оставлен был только фольклор. Вот такая свобода и независимость!

А в «тюрьме народов» — Российской империи — у Финляндии была широкая автономия. Многие революционеры, в том числе и Владимир Ленин, чувствовали себя в Финляндии, как за границей, спокойно в ней «работали» и не боялись русских жандармов. В Финляндии работал сейм, принявший в 1905 году самую передовую на тот момент в Европе конституцию! По ней, женщины имели равные права с мужчинами, чего не было тогда ни в одной стране мира! И вот из такой «тюрьмы» Финляндия «вырвалась на свободу». Чего ей не хватало?

Официально нейтральную Финляндию явно готовили в качестве плацдарма для нападения на Россию. И как всегда, мнение самих финнов, так же как и мнение латышей с эстонцами, никого на Западе не интересовало. По-прежнему Европа старалась изолировать Россию, окружив её демонстративно враждебными буферными государствами, на территориях которых готовились плацдармы для будущих вторжений.

Как только СССР стал на ноги, Сталин тут же принялся за разрешение возникшей на западной границе Советского Союза прибалтийской проблемы. Он всё прекрасно понимал и поначалу неоднократно (!) пытался решить всё мирным путём. Сталин начал переговоры с Финляндией, попросив отодвинуть границу от Ленинграда, предлагая взамен почти вдвое большие территории в другом месте. Сам маршал Маннергейм, которого трудно заподозрить в симпатиях к большевикам, был за то, чтобы принять советские условия. Но Европа, предвкушая скорый разгром и раздел СССР руками гитлеровской Германии, разумеется, заставила Финляндию отвергнуть предложения Сталина. Так СССР пришлось начать не нужную ни русским, ни финнам войну, в результате которой Финляндия потеряла даже больше, чем у неё просила Россия. Граница была отодвинута от Ленинграда, что впоследствии позволило городу пережить блокаду. Заметьте, Сталин только отодвинул границу, хотя мог бы захватить всю Финляндию!

Наученный финским опытом, Сталин не стал обращаться к правительствам Эстонии, Латвии и Литвы. Он продолжил решение прибалтийского вопроса не с марионетками, а с кукловодом. В конце 30-х годов XX века за ниточки дёргал Гитлер. Есть документы, подтверждающие это. Прибалтика должна была стать плацдармом германского наступления на СССР. Прибалтийские немцы, «ливонцы», были только счастливы попасть под крыло могучего фатерлянда и избавиться от унижительного диктата Англии и Франции.

Сталин обо всём этом прекрасно знал. Поэтому он начал переговоры с Германией и заключил с ней до сих пор вызывающий у Европы злобную истерику пакт о ненападении, предварительно настояв на том, что Германия в дальнейшем отказывается от всяческих притязаний на Прибалтику и не будет мешать Советскому Союзу присоединить её, если возникнет такая необходимость. Гитлер легко принял это условие и даже сдержал его, бросив своих ливонских марионеток на произвол судьбы. Он был уверен, что без особого труда «свалит русского колосса на глиняных ногах» и с другого плацдарма. В этом убедила его неудачная на первых порах война СССР с Финляндией.

В преддверии войны Германии с Советским Союзом прибалтийские немцы стали массово переселяться из Прибалтики в Германию. Особенно после заключения пакта о ненападении между Германией и СССР. Видимо, секретные протоколы к пакту не были тайной для прибалтийских немцев. В Эстонии, Латвии и Литве были только рады этому исходу, ведь теперь никто не мешал коренным национальностям этих стран в полной мере ощущать себя настоящими нациями. В результате до начала Великой Отечественной войны в Германию убыла 131 тысяча прибалтийских немцев.

Сталин ввёл войска в Прибалтику, Европа и США бились в истерике, но Гитлер выполнил принятые вместе с пактом секретные условия и забыл про ливонский плацдарм, что обезопасило СССР от нападения с этого направления.

Тем не менее война с Германией была неизбежна, и Сталин попытался в кратчайшие сроки очистить вновь приобретённые территории от всех враждебных СССР сил и элементов. К сожалению, эта поспешно

и жестоко проведённая советизация вместо одних удалённых врагов породила новых, оказавшихся ещё опаснее старых, так как они опирались на помощь местного населения — националистов.

Прибалтика вновь стала частью России, пусть она и называлась Советским Союзом. Ливонцы были ликвидированы как класс. На их место пришла партийная номенклатура. Коренное население по-прежнему пребывало в фактическом рабстве уже у новых хозяев, пусть в основном и из местных выходцев. И после очередного «освобождения», теперь уже при крахе Советского Союза, латыши и эстонцы начали называть русских не иначе как «оккупантами».

Проведя века под жесточайшим игом ливонцев, латыши и эстонцы не имеют никаких претензий к немцам. А несколько таких же, как и у других народов, десятилетий в составе СССР для них — «русская оккупация»! И это при том, что в России во все времена Прибалтику воспринимали как «внутреннее зарубежье», а так называемые «латышские стрелки» в дни левоэсэровского мятежа спасли власть большевиков и самую жизнь их лидеров, в том числе и председателя ВЧК Феликса Дзержинского!

С развалом Российской империи «освободившиеся» прибалтийские государства немедленно были вынуждены плясать под дудку сильнейших на ту пору европейских держав и, соответственно, проводить антирусскую политику. История повторяется. Прошлый опыт не научил прибалтов, что любая свобода условна для маленьких государств. В составе сильной России они были более свободны, чем в прошлом и нынешнем состоянии «независимости». Выйдя из СССР, прибалтийские страны немедленно попали в полную власть Западной Европы. Конечно, они громко твердят, что сами стремились «вырваться из тисков русской оккупации в свободный мир Евросоюза». Но о какой свободе они говорят? На их территории стоят иностранные войска НАТО. Европа диктует прибалтам внутреннюю и внешнюю политику, требует закрытия неудобных ей предприятий, указывает, какую продукцию производить и по каким ценам её продавать, и т.д. и т.п. Разве это свобода и независимость? Прибалтика по-прежнему нужна Западной Европе как источник сырья, продовольствия, пушечного мяса и в качестве плацдарма антироссийского натиска. И в этом качестве она останется до тех пор, пока Россия вновь не поднимется с колен и не станет сильной мировой державой.

Эстонцы и латыши не сами создали свои государства, не отстаивали их свободу с оружием в руках от иноземных завоевателей; их экономики, национальные культуры и интеллигенция создавались и взращивались теми, кого они сейчас называют «оккупантами». Они практически всем обязаны этим «оккупантам», кроме разве что национального фольклора. Свободу, и ту они оба раза приняли из рук России. Для прибалтов Средневековье только началось, они жили и продолжают жить в рабстве, а что такое настоящие свобода и независимость, им пока неизвестно, хоть они и уверены в обратном.

Как известно, для быстрого сплочения нации нужен сильный внешний враг. А где прибалтам взять его сейчас? Фактически грабящая и эксплуатирующая их Западная Европа провозглашена правящей элитой прибалтийских государств, образцом для подражания. Остаётся Россия!

Так цели Европы и националистов буферных государств совпали. Отсюда и оголтелое русофобство последних, вопли о «русских оккупантах», переписывание истории, восхваление фашистских преступников — ведь те «боролись с русской оккупацией»!

Но русофобская истерия — это не борьба за становление нации и тем более не война за выживание. Бывшие рабы в очередной раз обрели новых хозяев и отрабатывают свою «похлёбку» и «крышу над головой», которые грубо прикрыты красивыми фантиками, называемыми «свобода», «независимость», «равноправие».

Историю можно переписать. В отдельно взятой стране, в отдельно взятое время. Но историю невозможно изменить! Многие пытались. И где они теперь? А вот художественная правда романтического романа Ивана Лажечникова «Последний Новик» жива. И она не просто волнует современного читателя — она воспитывает чувство патриотизма. А оно для всех веков — высшая нравственная ценность.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ПРОСТО ОН РАБОТАЕТ ВОЛШЕБНИКОМ

Что скрывать — раньше «коломенский текст» был бедноват на фантастику. Но вот пришёл **Сергей Малицкий** — и на литературную ниву нашу обрушился настоящий ливень фантастики и приключений! Его романы большими тиражами расходятся по всей России. И в каждом из них — свой мир, детально продуманный и выписанный с необыкновенной яркостью. А под остросюжетным действием всегда скрыта извечная тема борьбы добра со злом, проблема нравственного выбора...

Каким-то чудом удаётся этому человеку наделять жизнь призрачные тени.

И читатель начинает смеяться шуткам этих персонажей, замирает от волнения, а иногда и слёзы навёртываются у него на глаза! Откуда это берётся? Да просто Малицкий — мастер. Просто он работает волшебником...

Мы поздравляем нашего постоянного автора со славным юбилеем. 50 лет для прозаика — это время расцвета. И мы желаем Сергею всё новых и новых творческих открытий, желаем, чтобы однажды и наша родная Колумна попала на страницы его книг!

Коллектив редакции

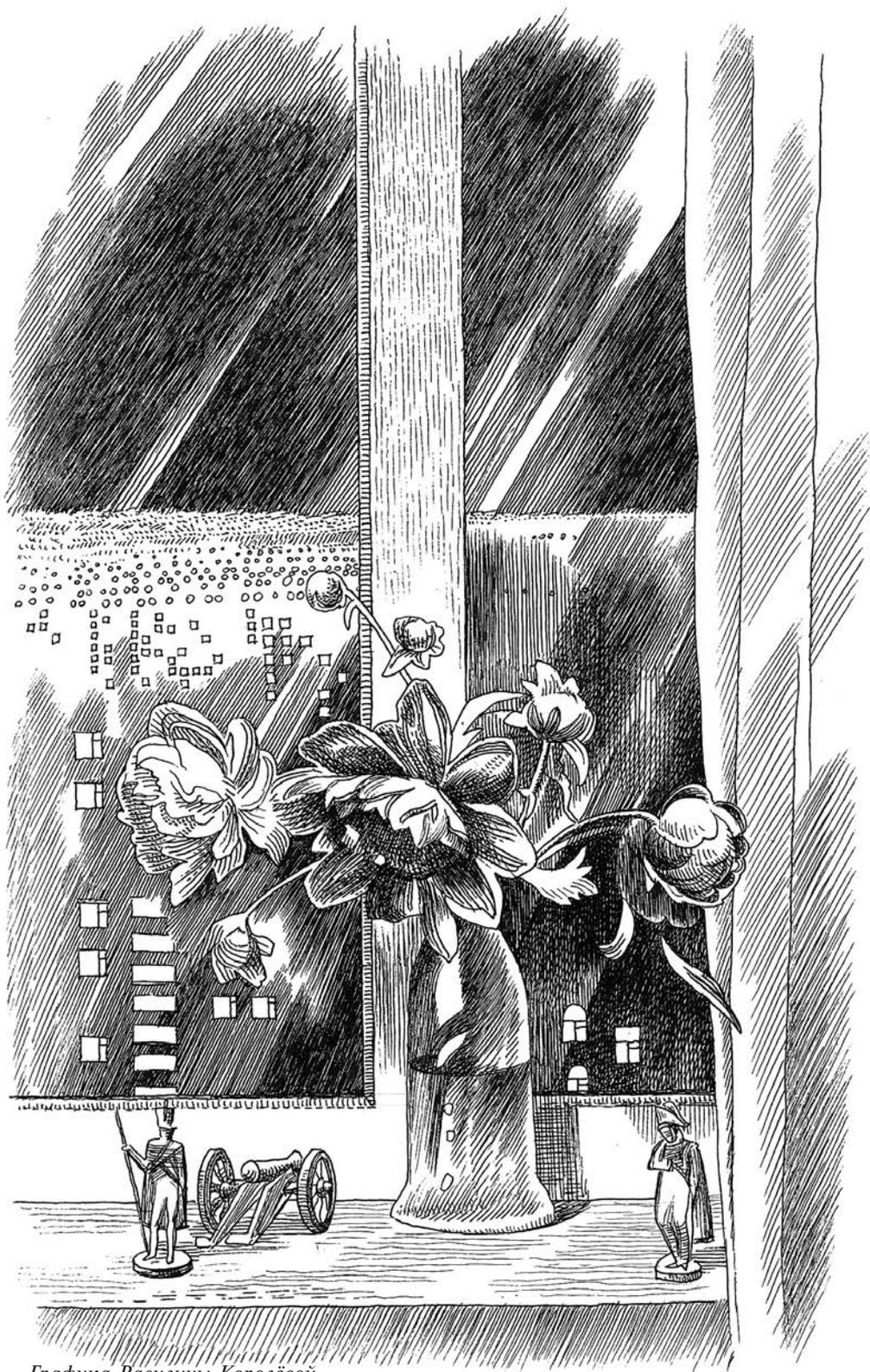
Зарево
над Москвой

1177 2012

КОЛОДНЯ

Графика Василины Королёвой

Александр Юрьевич Никандров родился 31 октября 1979 года в Коломне. Окончил исторический факультет Коломенского пединститута, потом аспирантуру. С 2004 года преподаёт на кафедре истории КГПИ (ныне МГОСГИ).

Александр Никандров — обладатель гранта РГНФ по теме «Серпуховское удельное княжество в XIV — первой половине XV в.: комплексное исследование». Победитель Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2008 года. Участник конкурса на соискание медалей РАН для молодых учёных. Автор около двадцати статей по истории Московского княжества и его уделов XIV–XV веков. Автор монографии «Русский удел эпох создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в.».

Исследование

Александр Никандров

СМУТА В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В последнее время в российском обществе наблюдается повышенный интерес к истории событий, известных как Смутное время начала XVII века. Это связано ещё и с тем, что день 4 ноября был объявлен общенациональным праздником — Днём народного единства. В этом году исполняется 400 лет со времени освобождения Москвы и восстановления государственной власти в стране. Кризисные явления в русском обществе привели к первой в истории России гражданской войне, которая стоила нашему народу многих жертв, лишений и утрат и оказала значительное влияние на его историческую судьбу. Ещё современники называли это время «смутным». Так, например, в приговоре Первого ополчения от 30 июня 1611 года указывается на «нынешнее смутное время». В данной статье предлагается освещение ключевых моментов Смутного времени, при этом особое внимание уделяется роли Коломны и её жителей в тех событиях.

Надо отметить, что для изучения истории Смуты в научный оборот введено более тридцати отечественных и пятидесяти иностранных сочинений: официальные летописи, документальные материалы, дневники и мемуары. Смуте предшествовали тяжелейшие годы правления Ивана Грозного (опричный террор и неудачная Ливонская война), обострение социальной напряжённости в связи с нараставшим процессом закрепощения крестьян. В 1591 году в Угличе при загадочных обстоятельствах

Лжедмитрий I

погибает царевич Дмитрий, младший сын Ивана Грозного и единственный законный преемник царя Фёдора Иоанновича. После смерти бездетного Фёдора 7 января 1598 года разразился династический кризис, который, на мой взгляд, более всего способствовал развязыванию гражданской войны в начале XVII века. На русском престоле впервые оказался выборный царь, им стал Борис Фёдорович Годунов.

В 1601 году начался голод: «пребысть глад оный три лета и бысть мёртвых множество лежащих всюду». Все попытки Бориса Годунова улучшить ситуацию в стране не увенчались успехом. А в 1603 году вспыхнуло крестьянское восстание под руководством Хлопка. В Коломенском уезде и в самом городе было неспокойно. Правительство Годунова отправило против восставших карательные отряды. Один из отрядов, под руководством дворянина И.М. Пушкина, прибыл в Коломну для усмирения недовольных. В итоге восстание Хлопка было подавлено. В то время по стране уже распространялись слухи о чудесном спасении в Угличе царевича Дмитрия и о его скором прибытии в Россию — так начиналась история с самозванцами на русском престоле. Следует отметить, что за весь XVII век в России было около 30 самозванцев (по подсчётам О.Г. Усенко — 29), из них 16 — участники Смуты. Но самым известным лжемонархом Смутного времени, безусловно, был Лжедмитрий I. Не случайно в терминологии польских источников Смутное время в России называется «Димитриада». Кем же был первый Лжедмитрий? Большинство исследователей склоняется к тому, что это Григорий (Юрий) Богданович Отрепьев, отец которого был землевладельцем в Коломенском уезде.

Большую помощь самозванцу оказывали польские магнаты, князь Адам Вишневецкий и, особенно, сандомирский воевода Юрий Мнишек. Адам Вишневецкий ввёл Лжедмитрия в круг высшей польской знати, которая хотела ослабить Россию новой политической интригой. С их помощью и при их финансовой поддержке Лжедмитрий набрал войско для похода на Москву.

Юрий Мнишек. Гравюра 1600 г.

Заочное обручение Марины Мнишек с Лжедмитрием I в Кракове 12 ноября 1605 года. Гравюра с картины неизвестного автора

В это время Лжедмитрий знакомится с 18-летней Мариной Мнишек, дочерью Юрия Мнишека. Рассказы о необыкновенной красоте Марины, скорее всего, легенда. Судя по сохранившимся портретам, у неё высокий выпуклый лоб, удлинённый нос, выступающий вперёд подбородок. Она была невысокого роста. По договорённости Лжедмитрия I с Юрием Мнишеком самозванец обязался, захватив престол, жениться на Марине, дать ей в приданое Новгород и Псков, а своему будущему тестю — миллион злотых для покрытия его долгов и расходов на поездку Марины в Москву. Начало похода Лжедмитрия I на Москву сложилось неудачно: в первом крупном пограничном сражении он потерпел поражение от правительственных войск. Казалось бы, должен последовать крах авантюры, но неожиданно в апреле 1605 года в Москве умирает Борис Годунов. Назначенный царём его сын Фёдор был не способен к управлению. Всё это предопределило лёгкий успех самозванца. 20 июня Лжедмитрий торжественно въехал в столицу, а 21 июля 1605 года он венчался на царство в Успенском соборе Московского Кремля. Почти год Лжедмитрий I был правителем России.

Марина Мнишек

К.В. Лебедев. Вступление Лжедмитрия I в Москву

Коломна в лице военно-административного люда отправилась его признавать. Однако не успели... События разворачивались стремительно. Когда 2 мая 1606 года Марина Мнишек с многочисленной польской свитой прибыла в Москву, это вызвало недоумение населения. Но это было только началом конца карьеры Лжедмитрия I. Роковой, видимо, стала коронация невесты лжецаря в Успенском соборе и их свадьба. Брака с католичкой ему простить не могли. 17 мая 1606 года Лжедмитрий I был свергнут и убит в результате восстания в Москве.

После свержения и смерти самозванца Марина Мнишек была определена на жительство в Ярославль, а спустя некоторое время по просьбе польского короля отправлена на родину под охраной. В Москве был собран импровизированный земский собор из служилых и торговых людей. На нём было принято решение выбрать царя в присутствии «всего народа» из двух кандидатов на престол — князей Фёдора Мстиславского и Василия Шуйского. 19 мая на московский престол вступил новый выборный царь — 54-летний Василий Иванович Шуйский.

Однако о спокойствии в русском государстве можно было забыть. Невиданный до этого размах приобретает самозванческое движение. Зимой 1605/06 года, задолго до гибели Лжедмитрия I, на Тереке объявился самозванец — «царевич Пётр» (Лжепетр), мнимый сын царя Фёдора Иоанновича. Это был бывший холоп сына боярского Григория Елагина, а затем терской казак Илья (Илейка) Иванов сын Коровин (он же Горчаков) по прозвищу Муромец. Краткая версия легенды Лжепетра, датированная апрелем 1606 года, содержится в мемуарах капитана Ж.Маржарета, который покинул Россию в том же году. Казаки, как свидетельствует капитан мушкетёров, утверждали, что «царь Пётр... — истинный сын императора

*Царевич Дмитрий Иоаннович.
Копия из Титулярника XVIII в.*

Фёдора Иоанновича, сына Иоанна Васильевича и сестры Бориса Фёдоровича, правившего после Фёдора, который родился около 1588 года и был тайно подменён, так как, по их словам, на его место подставили девочку, которая умерла в возрасте трёх лет...». Пример Лжепетра оказался заразительным: уже летом 1606 года появились сразу три «царевича» — Иван по прозвищу Август, Лаврентий (Лавр) и Осоновик. К весне 1607 года появление лжецаревичей в станицах донских, волжских, терских и запорожских казаков стало массовым явлением.

Они звались «царевичами» Ерофеем, Фёдором, Клементием, Савелием, Семионом, Василием, Гавриилом, Мартыном — «детьми» или «внуками» Ивана Грозного. Подлинные имена самозванцев неизвестны, хотя современники, по словам авторов Нового летописца, прекрасно знали, кем они были до того, как стали казаками: «иной боярский человек, а иной мужик пашенной».

Летом 1606 года начинается восстание под руководством Ивана Исаевича Болотникова. Командующий повстанцами Болотников — бывший холоп, военный слуга князя А.А. Телятевского. Первоначально восстание охватило лишь территорию Северной земли и соседние уезды, но постепенно стало разрастаться. Главной силой восстания были служилые люди и дети боярские южных уездов. Поход на Москву начался из Путивля в июле 1606 года. Отряды восставших шли к Москве с двух сторон. Основные силы во главе с Болотниковым — с юга, рязанские отряды Прокопия Ляпунова и силы веневского сотника Истома Пашкова — с востока. В октябре 1606 года Истома Пашков захватил Коломну. Жители города были в смятении. Кто-то стремился сохранить своё имущество от грабежей любым способом (например, прятал добро в землю). Так, до нашего времени полностью дошёл клад монет с улицы Болотникова в кремле (найден при раскопках). Он насчитывал почти 6,5 рубля и был зарыт во время трагических событий октября–ноября 1606 года, когда кремль взяли отряды И.Пашкова.

Из Коломны отряды И.Пашкова и П.Ляпунова продолжили движение на Москву. К ним присоединились стрельцы из коломенского гарнизона под руководством Самойла Кохановского. В Коломне власть оказалась в руках повстанцев. Вскоре произошло соединение основных сил Болотникова с Пашковым и Ляпуновым. Правительство Василия Шуйского мобилизовало для отпора все бывшие в его распоряжении военные силы. В собранное войско вошли все члены «государева двора», находившиеся

в Москве. 25 октября соединённые силы восставших в селе Троицкое Коломенского уезда нанесли поражение правительственным войскам под командованием князя Мстиславского. После этого путь к столице для восставших был открыт. Армия Болотникова расположилась лагерем в селе Коломенском под Москвой. Началась осада столицы, продолжавшаяся больше месяца. Однако среди восставших начались трения. В середине ноября 1606 года в правительственный лагерь перешли рязанские дворяне во главе с Прокопием Ляпуновым, а затем их примеру последовали отряды детей боярских во главе с Истомой Пашковым. В итоге 2 декабря повстанцы потерпели поражение.

Коломна всё это время являлась опорой восставших, «станом против московского войска». Её руководители, чтобы придать своим действиям больший вес, намеренно использовали в пропаганде имя царевича Дмитрия, якобы и на этот раз чудесным образом спасшегося. В переписке восставших встречается утверждение, что ещё в ноябре 1606 года Дмитрий находился в Коломне: «А государь Деи наш царь и великий князь Дмитрий Иванович всеа Руси ныне в Коломне». Таким образом, легенда о спасении законного государя не умерла, подготавливая почву для новых самозванцев.

В то же время Коломна имела очень важное стратегическое значение, поэтому московское правительство всячески стремилось взять город под свой контроль. В расходной книге денежного стола Разрядного приказа имеется запись от 24 ноября 1606 года: «Того ж дня по приказу думного дьяка Григория Желябужского коломенскому посадскому человеку Ваське Овдокимову сыну Калачникову на шубной кофтан 25 алтын. Дано. Пришёл с Коломны от посадцких старост и целовальников с вестьми».

Восставшим недолго удавалось удерживать Коломну в своих руках. Посадская верхушка, сплотившись вокруг нового коломенского воеводы князя В.Т. Долгорукого, захватила власть в городе. Болотниковцы потеряли поддержку в Коломне. За это воевода Долгорукий, не имевший даже чина стольника, был пожалован от Василия Шуйского боярским достоинством.

После поражения под Москвой 2 декабря часть повстанцев во главе с самим Болотниковым отошла к Серпухову, а остальные — к Коломне. В Коломне их не только не приняли, но и обстреляли с крепостных стен. За это городская верхушка была щедро вознаграждена царём Василием Шуйским. В одной из его грамот говорится: «Декабря в 12 день (т.е. через 10 дней после сражения под Москвой) из Московскому разряду на Коломну и посадцким старостам, и ко всем посадцким людям государства жалованья за службу с стряпчим Проектным 1000 денег золочёных. Послано. За то, что они, добив челом государю, воров в город не пустили и воров побии».

Иван Болотников отступил из Серпухова далее, к Калуге, где позднее был осаждён правительственными войсками. На помощь Болотникову прибыл самозванец «царевич Пётр» с войском. После длительных боёв с царскими войсками восставшие оказались блокированными в Туле. Василий Шуйский собрал более 100 тысяч и выступил в поход. Тула представляла собой хорошо укреплённый город, опоясанный дубовым

острогом, внутри которого стоял каменный кремль. Город оборонялся четыре месяца, однако силы были неравны, и в октябре 1607 года восставшие капитулировали. Царю были выданы предводители восстания Иван Болотников и Илейка Муромец.

Теперь пришёл черёд Лжедмитрия II. Первые слухи о «чудесном спасении царя Дмитрия» стали распространяться в Речи Посполитой ещё в июле 1606 года, когда сюда прибыли слуги знатных поляков и солдаты-наёмники, отпущенные Василием Шуйским из Москвы.

Некоторые из них утверждали, что лично видели, как самозванец спасся бегством из Москвы. В современной литературе имеются различные суждения относительно того, какие силы и с какой целью инициировали новую самозванческую интригу. Продолжает бытовать точка зрения, согласно которой, Лжедмитрий II был ставленником правящих кругов Речи Посполитой. Другой точки зрения придерживается известный исследователь Смуты Р.Г. Скрынников, который считает, что у истоков самозванческой интриги стояли русские повстанцы, а питательной почвой самозванчества явилось недовольство широких слоёв русского народа существующим государственным порядком.

В 1608 году Лжедмитрий II попытался захватить Москву, однако ему это не удалось, и он обосновался в селе Тушино, за что и получил своё прозвище — Тушинский вор. В Тушине сформировался второй центр власти со своей боярской думой и приказами. В Тушино «к мужу» прибыла и Марина Мнишек. В одном из поздних источников описывается душещипательная картина воссоединения царской семьи: самозванец и Марина Мнишек будто бы при встрече бросились друг другу в объятия, обливаясь слезами от счастья.

Власть Лжедмитрия II распространялась на значительную территорию страны. Тушинцы продолжали осаду столицы, и в этой обстановке положение Коломны становится едва ли не решающим. Дело в том, что через город проходила дорога из Москвы в Рязань, в Запрудной слободе она названа Московской. С XIV века она известна ещё как Никольцева дорога. Своё название дорога получила не ранее XVI века, так как оно связано с урбонимом «Никола Заразский» (так в XVI веке назывался Зарайск). В описи 1696 года эта дорога называется и Никольской, и Большой Никольской, и Посольской. Последнее наименование дороги объяснялось её функциональным назначением, и в отношении XVII столетия подтверждается документами, согласно которым в XVI веке и в эпоху Смуты путь через Коломну имел важное политическое значение:

например, по нему следовало двигаться дипломатам Московии в Крым и Турцию, по этому кружному пути в августе 1609 года было отправлено жалование шведским наёмникам в Новгород. Коломенская дорога также оставалась фактически единственным путём для подвоза продовольствия к столице, поэтому во время Смуты Коломна являлась главными хлебными воротами столицы.

В этой ситуации стратегически важную Коломну попытался захватить гетман Александр Лисовский. Сначала ему удалось с тридцатитысячным отрядом взять Зарайск, разбив при этом воеводу Захария Ляпунова. В июле 1608 года Лисовский со своим отрядом оставил Рязанщину и подошёл к Коломне. Местный правительственный гарнизон, по данным разрядов, возглавляли воеводы — дворянин московский князь А.Г. Долгорукий-Чёрт и выборный дворянин по Кашире И.А. Момот-Колтовской. Их назначение на должность сопровождалось местническим конфликтом, который Василий Шуйский погасил, выдав невместную грамоту. Решение царя вряд ли устранило неприязнь между воеводами. Как считает современный исследователь И.О. Тюменцев, именно этот факт стал одной из главных причин неудачи. Князь А.Г. Долгорукий, по словам автора одной из разрядных книг, «испужался и Коломну покинул, а сам побежал к Москве». Как действовал второй воевода, И.А. Мамот-Колтовский, неизвестно. Гарнизон Коломны пытался оказать сопротивление врагам, но Лисовский «взятьём» овладел городом и подверг его разграблению. В плен попали епископ Коломенский Иосиф и боярин В.Т. Долгорукий, которые были первыми высшими духовными и светскими чинами, оказавшимися в руках приверженцев самозванца.

В Коломне Лисовский, по свидетельству источников, взял артиллерию, пополнил свой отряд людьми и снаряжением и выступил к Москве. Захват Коломны отрезал столицу от подвоза столь необходимого ей рязанского хлеба, а прорыв Лисовского в Тушино грозил значительно усилить войска самозванца под Москвой. В столице настала «дороговь великая» и возникла реальная угроза голода.

Василий Шуйский срочно послал против Лисовского воеводу Ивана Куракина. 28 июня 1608 года на Коломенской дороге у Медвежьего брода произошло сражение. Несмотря на упорное сопротивление («бой бысть с ними через весь день»), отряд Лисовского был разбит. Воины правительственного войска заняли Коломну, взяли много пленных, захватили всю артиллерию противника, казну, большие запасы продовольствия, и город вновь перешёл в правительственный стан. Князь Долгорукий и епископ Иосиф возвратились в город. В Москву были возобновлены поставки продовольствия. Вскоре в Коломну прибыли новые воеводы — Иван Матвеевич Бутурлин и Семён Матвеевич Глебов, которым было дано указание укреплять оборону Коломны и запастись продовольствием.

Через некоторое время тушинцы предприняли новую попытку перерезать Коломенскую дорогу. Они понимали, какую роль в судьбе Москвы играет Коломна. Перебежчики из столицы советовали тушинцам «как можно быстрее занять Коломенскую дорогу, а после этого столица Москва должна была быстро сдаться». Сначала в Коломну были отправлены подмётные грамоты, чтобы склонить горожан на сторону самозванца.

*Князь Дмитрий Михайлович Пожарский.
Гравюра XVIII в.*

Однако жители Коломны проявили стойкость и не «прельстишася в дьявольскую прелесть». После этого тушинцы направили к Коломне отряд пана Хмелевского, который подошел 15 декабря 1608 года, намереваясь организовать осаду города. Царь Василий Шуйский прекрасно понимал, как важно для него удержать Коломну, и немедленно прислал подкрепление с воеводами Прозоровским и Сукиным. С.В. Прозоровский, оценив силы противника, не стал ждать: укрепил свой отряд воинами гарнизона крепости, произвёл вылазку и наголову разгромил тушинцев, а Хмелевского пленил. С.В. Прозоровский с отрядом и И.М. Бутурлин после окончания боёв с Хмелевским были отозваны в Москву. На должность первого воеводы Коломны царь назначил дворянина московского И.М. Меньшого-Пушкина.

Спустя десять дней, 26 декабря 1609 года, произошла новая вспышка боёв за Коломну. Василий Шуйский и на этот раз, узнав от И.М. Меньшого-Пушкина и С.Глебова о новом наступлении тушинцев на Коломну, направил в город подкрепление во главе со стольником князем Дмитрием Михайловичем Пожарским. Воевода не стал ждать тушинский отряд у стен города. Получив данные разведки, он атаковал спящего противника на рассвете в его таборах в селе Высоцком (Высокое) в тридцати верстах от Коломны и разбил наголову. Видимо, тушинцам не удалось выделить достаточные силы для того, чтобы подготовить серьёзный удар по Коломне. Значительную роль в срыве планов тушинцев сыграли умелые действия царских воевод, сумевших разгромить противника по частям. В результате декабрьских и январских боёв за Коломну правительственным войскам удалось сорвать планы тушинцев по захвату Коломны и удержать путь снабжения Москвы из Рязанщины.

Вскоре последовала новая попытка тушинцев захватить стратегически важный объект — Коломну. Весной 1609 года тушинское руководство направило крупные силы под командованием Молоцкого для захвата Коломны. Василий Шуйский, как и в предшествующий раз, направил в Коломну князя В.Ф. Литвина-Мосальского, который должен был обеспечить доставку продовольственных обозов из Рязани в Москву. Молоцкий сумел осадить город и блокировал Коломенскую дорогу. Все шедшие в Москву обозы с продовольствием попали в руки тушинцев, которые их частью разграбили, частью сожгли. Князь В.Ф. Мосальский с остатками своего отряда и гарнизоном вынужден был сесть в осаду в Коломне. Попытки П.Ляпунова и рязанцев помочь ему нанести пора-

жение Молоцкому и очистить дорогу на Москву были безуспешными. Коломенская дорога оказалась перерезана отрядами Молоцкого, а Москва была блокирована тушинцами. В городе начался голод. После этого поток беглецов из Москвы в Тушино значительно усилился. В самой Коломне началась паника, распространялась агитация в пользу самозванца. Казаки во главе с сотником Михаилом Бобыниным были готовы присягнуть Лжедмитрию II и склоняли к этому горожан. В этой неспокойной ситуации Коломне вновь на помощь приходит Дмитрий Пожарский. Он со своими войсками сумел очистить дорогу от поляков. Коломенский воевода В.Ф. Литвинов-Мосальский, получив помощь от П.Ляпунова, 17 июля 1609 года атаковал и нанёс серьёзное поражение осаждавшим город тушинцам. Молоцкий был вынужден отступить к Серпухову. Осада города была снята. Как свидетельствуют источники, в августе 1609 года правительственные войска получили возможность с боями доставлять в столицу обозы с продовольствием, и «хлеб пошёл к Москве с Коломны добре много». До этого момента, чтобы разрешить проблему обеспечения столицы хлебом, царь Василий Иванович пытался убедить предполагаемых владельцев товарного хлеба продавать его по дешёвой цене. При безуспешности увещания он не один раз старался действовать «градским законом», то есть принуждением, но хлеба в Москву не привезли, потому что все пути к столице были заняты неприятелем. В данной ситуации мы ещё раз можем наблюдать, какое ключевое значение для столицы имел подмосковный город.

186

В сентябре 1609 года открытую интервенцию против России начинает Речь Посполитая, король Сигизмунд III. Это, в свою очередь, привело к распаду тушинского лагеря, так как поляки вынуждены были откликнуться на призыв своего короля и следовать из Тушина под Смоленск. Потеряв поддержку, в декабре 1609 года Лжедмитрий II бежит

в Калугу. За ним последовали казачьи отряды и часть его двора. Главной силой движения самозванца в Калуге стали служилые люди южных и западных уездов России, а также казаки. Созданные в Калуге институты государственной власти, как и в Тушине, являлись точной копией существовавших в Москве. Здесь действовали царик, «воровские» Дума, государев двор, приказы, войско, в городах сидели воеводы и дьяки. В отличие от Москвы и Тушина, не было только структур по управлению церковью.

Владислав IV Сигизмундович Ваза (1595–1648) — король Речи Посполитой с 1632 года

В 1610 году на первый план в истории Смуты выдвинулась борьба русского народа против иноземного вторжения. К лету ситуация накалилась до предела. 17 июля 1610 года, несмотря на протесты патриарха Гермогена, царь Василий Шуйский был свергнут и через два дня насильно пострижен в монахи. 20 июля 1610 года жители Коломны, ранее твёрдо стоявшие за Василия Шуйского, несмотря на протесты епископа Иосифа, целовали крест самозванцу. Местные воеводы, бояре М.С. Туренин и Ф.Т. Долгорукий, вошли в «воровскую думу». Новым коломенским воеводой самозванец назначил «боярина» М.И. Колодкина-Плещеева.

В Москве власть оказалась в руках временного правительства из семи больших бояр. Главой семибоярщины был боярин Ф.И. Мстиславский. Бояре отправляют посольство к польскому королю Сигизмунду III с целью приглашения на русский престол его сына — королевича Владислава. 22 июля 1610 года к стенам Москвы по Смоленской дороге подошло войско С.Жолкевского, действовавшего от имени Сигизмунда. Между гетманом и московскими боярами начались переговоры, завершившиеся подписанием 7 августа 1610 года договора об избрании московским царём королевича Владислава. В Москву направлялись поляки.

21 сентября 1610 года интервенты вошли в Москву и обосновались в Кремле и Китай-городе. Вскоре Жолкевский покинул столицу и передал командование Гонсевскому. В Калуге (11 декабря) при драматических обстоятельствах от рук одного из служивших ему татарских князей погибает Лжедмитрий II. Все известные нам источники сходятся на том, что Лжедмитрий II пал жертвой заговора, подготовленного князем П.Урусовым. В Калуге были устроены пышные похороны самозванца, во время которых Марина Мнишек рыдала над телом «мужа».

Вскоре после смерти самозванца Марина Мнишек родила «царевича» Ивана Дмитриевича, вошедшего в русскую историю с прозвищем Ворёнок. На какой-то момент это повысило шансы казацкого атамана Ивана Заруцкого, возглавившего остатки тушинских дружин. Марина Мнишек атаманом Заруцким, «по казачьему воровскому умышлению», была переведена в Коломну, где власть находилась в руках пропольских сил. Жила она в городе как московская царица: в царском дворце, окружённая большой свитой. В летописи указывается: «А была за нею Коломна вся, а чины у неё были царския все: бояре и дворяне, и дети боярские, и стольники, чашники и ключники, и всякие дворовые люди. А писалася “царицею” ко всем бояром и воеводам».

В сложившейся обстановке с призывом к вооружённой борьбе с польскими войсками и московскими боярами-изменниками выступил патриарх Гермоген. Его призыв встретил живой отклик в целом ряде русских городов, и прежде всего в Рязани. Предводитель рязанских дворян Прокопий Ляпунов призвал областные «миры» к общему походу на Москву. Ляпунову удалось договориться о совместных действиях с остатками тушинских войск. В результате в походе на Москву приняли участие и сторонники бывшего царя Василия Ивановича, и сторонники Лжедмитрия II. Сторонников Шуйского возглавил Прокопий Ляпунов, служивших Лжедмитрию II детей боярских — князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, а казачьи отряды — Дмитрий Мартинович Заруцкий. В феврале 1611 года первое ополчение двинулось к Москве. Чтобы пре-

*Кузьма Минин
и Дмитрий Пожарский*

градить путь рязанскому отряду к столице, поляки значительно усилили гарнизон Коломны. Но бывший тушинский боярин Иван Плещеев отбил город и обеспечил беспрепятственное прохождение войск Ляпунова к Москве. 3 марта 1611 года ополченцы проходили через Коломну; посадские низы радостно приветствовали ополченцев. Был организован коломенский отряд ополченцев под руководством дворянина И.А. Мамот-Колтовского. Ляпунов выступил из Коломны, взяв с собой её «наряд» (пушки) и «гуляй-город».

Одними из первых Москвы достигли отряды

зарайцев под руководством Пожарского, рязанцев — Бутурлина и колумничей — Колтовского. Последние остановились у Яузских ворот и действовали весьма успешно. Однако накануне решающих сражений между руководителями ополчения возникли разногласия: «бысть у них под Москвою меж себя рознь великая». Всё это привело к убийству Прокопия Ляпунова на казачьем кругу. После этого начался массовый разезд детей боярских из подмосковного лагеря, что сказалось на боеспособности ополчения. В итоге ополчение распалось. Практически одновременно с этим поляки захватывают Смоленск, а шведы — новгородскую землю. Над Россией нависла реальная угроза потери национальной независимости.

Осенью 1611 года в Нижнем Новгороде началось формирование второго ополчения. Инициатором его создания выступил нижегородский староста Кузьма Минин, а военные силы возглавил князь Дмитрий Пожарский. Коломенцы одними из первых направились в Нижний Новгород, в ополчение: «Первое придоша коломничичи, потом резанцы, потом же из украинных городов многия люди». В грамотах, рассылавшихся по городам с начала 1612 года, излагались цели второго ополчения: объединение всех земских людей «в одном совете» для борьбы с интервентами, выбор государя и пресечение своеволия казаков. Когда в июле 1612 года второе ополчение стало подходить к Москве, начались новые противо-

Свиблова башня Коломенского кремля

речия. Руководитель остатков первого ополчения под Москвой атаман Заруцкий стал терять влияние. Он попытался договориться с поляками, но не получилось. Тогда Заруцкий с отрядом казаков в 2,5 тысячи «ис под Москвы збежал на Коломну к жонке к Маринке». В Коломне его встретили без энтузиазма: здесь он не нашёл поддержки своим замыслам возвести на русский престол сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II — Ивашку-Ворёнка. Долго не задерживаясь в городе, он пограбил его «и взяв жонку да малого, с Коломны пошёл» сначала в рязанскую землю, а затем в Астрахань. В итоге все они будут пойманы правительственными войсками. Заруцкий будет посажен на кол, Ивашка-Ворёнок повешен, а о судьбе Марины Мнишек точных сведений нет. По польским официальным данным, Марина Мнишек была утоплена, по русским официальным данным, Марина умерла с горя в тюрьме, а по неофициальной версии, её удавили двумя подушками. Также в литературе не раз высказывалось мнение, что она окончила свои дни, заточенная в одной из башен Коломенского кремля. Однако это не более чем легенда.

Несмотря на разногласия, участники первого и второго ополчений объединили свои силы, это и предопределило исход борьбы за столицу. 26 октября 1612 года польский гарнизон в Кремле капитулировал. Народное ополчение освободило столицу от захватчиков. «Совет всей земли» во главе с Трубецким, Пожарским и Мининым выступил с инициативой созыва Земского собора для выбора нового правителя. На собор были вызваны выборные представители разных чинов русского общества. 21 февраля 1613 года Земский собор избрал нового царя — Михаила Фёдоровича Романова. Внутреннее положение страны несколько стабилизировалось, но обстановка на границах оставалась ещё тяжёлой. Только в 1617–1618 годах были подписаны мирные договоры с Речью

Посполитой и Швецией. К этому времени следует относить завершение многолетней Смуты на Руси.

Как мы видим, в Смутное время Коломна и её жители играли значительную роль. Город снабжал Москву продовольствием и являлся важным стратегическим объектом в непосредственной близости от столицы. Коломна не раз переходила в руки противников центральной власти, но при этом всегда возвращалась обратно. В конечном итоге, коломчане успешно действовали в составе второго ополчения, освободившего столицу от иноземных захватчиков в 1612 году.

БИБЛИОТЕКА

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЖАНРА

Виктор МЕЛЬНИКОВ. Жизнь сквозь прозу: Рассказы. — М., 2011. — 288 с.: ил. — 3000 экз.

Виктор Мельников предстал в своей новой книге как большой мастер рассказа — жанра, который, по мнению многих критиков, переживает сейчас период возрождения. Читая Мельникова, вспоминаешь крылатую фразу Сомерсет Моэма о том, что первейшим условием для хорошего рассказа является strong story — «крепкая история» (иногда это определение в переводе звучит несколько иначе, но суть от этого не меняется).

В основе «крепких историй» Виктора Мельникова (кроме таланта, разумеется) лежит большой опыт некабинетной жизни, хорошее знание сибирских, прибалтийских, подмосковных, среднеазиатских реалий, не всем дающееся умение писать о разных временах. В рассказе «Дай-то Бог!» мы — свидетели ужасов, творившихся на оккупированной врагом территории во время Великой Отечественной войны. В рассказе «Угроза Марса» сталкиваемся с современными подонками, про которых говорят, что они хуже фашистов. А в рассказе «Не забуду Ильича!» мастерски воссоздаётся историческая легенда, основанная на подлинном эпизоде из московской жизни 1918 года — когда Ленин был ограблен уголовниками и в результате попал к детишкам на ёлку...

Да, правы те, кто говорит о возрождении жанра рассказа. Возможно, это связано с тем, что читатель, как говорится, накушался высосанных из пальца историй о фантастических действиях «условных» персонажей. А то, что рассказывает Виктор Мельников, — интересно. И, естественно, хорошо написано, ёмко и экономно.

Нисон Семёнович Ватник родился в 1948 году в Кишинёве. Окончил исторический факультет Коломенского педагогического института. В 1985 году защитил диссертацию о движении учащейся молодёжи в годы первой русской революции. В 1991–2006 годы — заведующий кафедрой истории.

Имеет около ста печатных работ, посвящённых истории среднего образования в России на рубежах XIX–XX веков. В настоящее время — доцент кафедры истории Московского государственного социального гуманитарного института г. Коломны.

Вадим Юрьевич Кириченко родился в 1970 году в Коломне в семье учителей. В 1992 году окончил исторический факультет Коломенского педагогического института. Автор книги «Коломна: история в именах» (1993), статей по краеведению в городских, областных, федеральных газетах и журналах. Изучает историю Коломенского кремля, занимается нумизматикой и бонистикой.

Николай Иванович Шепелёв родился в 1949 году в селе Бобрнево Коломенского района. Окончил Коломенский государственный педагогический институт, Академию реставраций, Академию государственной службы при Президенте России. Автор ряда статей в научных изданиях. Сфера интересов — Коломенский край в истории Русской Православной Церкви.

Исследование

Нисон ВАТНИК
Вадим КИРИЧЕНКО
Николай ШЕПЕЛЁВ

КОЛОМНА. 1812 ГОД

по документам и мемуарам

Отечественная война 1812 года является собой славную героическую страницу российской истории. Действительно, вторгшаяся в Россию «великая армия», ведомая выдающимся полководцем Наполеоном, даже продвинувшись в центр страны и захватив Москву, не только была вынуждена освободить оккупированные территории, но и подверглась сокрушительному разгрому, утратив свыше 90 процентов личного состава. Самая мощная армия Европы оказалась не в состоянии преодолеть ожесточённое сопротивление и самоотверженность русских воинов, народа в целом. Но война нанесла стране огромный урон: были убиты и ранены более 100 тысяч человек, разорению подверглась территория вторжения от западных границ до Московской губернии, разрушены жилые дома и общественные здания, мануфактуры и торговые заведения, родные места покинули десятки тысяч жителей больших и малых городов, включая Москву.

Подмосковную Коломну сражения непосредственно не затронули. Однако, находясь вблизи театра военных действий, жители нашего края внесли свой вклад в общую победу — участвовали в формировании губернского ополчения, сдавали средства на вооружение и обмундирование ратников, предоставляли кров беженцам, оказывали помощь раненым воинам; в городе разместились эвакуированная из столицы губернская гимназия. Напоминая потомкам о том героическом времени, со-

К.В. Лебедев. Бегство жителей из Москвы

192 временную Коломну украшают возведённые на средства горожан Покровская церковь и церковь Иоанна Богослова с пятиярусной колокольной — самым высоким сооружением города (63,5 метра).

Но не миновали коломенцев и общие тревоги, страхи, беженство: в отсутствие официальной информации и под влиянием слухов о приближении неприятеля состоятельная часть горожан (среди них местные чиновники и священники) покинула Коломну и устремилась в сторону Рязани. К сожалению, эта страница коломенской истории известна пока в самых общих чертах. Здесь не следует винить исследователей — за давностью лет явно недостаточна источниковая база. Поэтому столь драгоценны любые упоминания о Коломне эпохи 1812 года в документах, а тем более в мемуарах. Именно они, свидетельства современников, позволяют воссоздать в зримых образах картины прошлого и (несмотря на пристрастность воспоминаний) донести до нас как повседневную жизнь людей в тяжелейших обстоятельствах войны, так и отношение авторов к описываемым событиям.

Столь масштабные исторические события, как войны (а тем более охватившие территории многих государств), всегда серьёзно влияли на судьбы втянутых в столкновение народов. Так и Наполеоновские войны конца XVIII — начала XIX веков не только перекроили политическую карту Европы, но и во многом ускорили изменение традиционных основ её социально-экономической и культурной жизни. В странах-участницах антифранцузских коалиций налицо было пробуждение гражданских, патриотических чувств, а победа над агрессором стала (и до сего дня является) предметом их национальной гордости. Отрадно, что в России не угасает общественный и научный интерес к истории Отечественной войны 1812 года. Вместе с тем за последние полвека в исследовании этой темы прослеживаются существенные перемены. Во-первых, всё большее внимание привлекают не

деяния полководцев и войсковые операции как таковые, а «homo belli» (буквально — «человек воюющий»), в широком смысле — поведение «человека на войне». Причём не только профессиональных военных или ставших в строй по набору или добровольно. Речь идёт о повседневной жизни всех попавших в трагические обстоятельства людей: от монархов и элиты до обычных жителей городов и сёл. Ведь именно из их настроений, поступков и взаимоотношений складывалось то, что привело к изгнанию врага за пределы Отечества и вступлению русской армии в Париж. А во-вторых, на фоне выраженного интереса к региональной истории подробно изучается вклад конкретной местности в разгром неприятеля. Учитывая это, данная публикация имеет цель не только дать любителю коломенской старины новую или систематизировать уже известную информацию, но и побудить его к дальнейшему поиску, к открытию неизвестных страниц истории родного края.

В подборку документов и мемуаров включены тексты, опубликованные в XIX — начале XX века. Часть из них переиздавалась и достаточно известна (воспоминания С.Н. Глинки, Ф.Н. Глинки), но большинство является библиографической редкостью и сегодня мало кому знакома. Их авторы — русские офицеры, английский дипломат, московский священник, французский актёр, чиновник — в августе–сентябре 1812 года оказались в Коломне по разным причинам: проезд по «казённой надобности», бегство или эвакуация, высылка из Москвы. И хотя коломенские сюжеты занимают в их записках немного места, тем не менее они колоритны и интересны, изобилуют важными для нас деталями, позволяя увидеть прошлое без прикрас или чернений. Для реконструкции событий полезны также мемуары Н.П. Гилярова-Платонова и статья о священнике Успенского собора И.Твердовском, который, будучи единственным оставшимся в городе пастырем, опекал «немогущих бежать» — бедных, «старых, больных, родильниц, родившихся и умерших», больных и раненых воинов.

Публикация текстов выполнена с учётом действующих правил издания и правописания; датировки приведены по старому стилю. Устаревшие термины, малоизвестные имена и исторические обстоятельства прокомментированы в примечаниях.

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года». Аверс. Реверс. Серебро

Роберт Вильсон¹ — императору Александру

Красная Пахра, 13 (25) сентября 1812 г.

Честь имею донести В.И.В. [Вашему Императорскому Высочеству. — *Прим. сост.*] о моём прибытии сюда вместе с графом Тэрконелем², 11-го (23-го) сего месяца.

Мы проехали через Троицкую лавру, Дмитров, Коломну, Каширу и Серпухов, своротив с большой Московской дороги за 50 вёрст от сего города. <...> Множество раненых, вывезенных из Москвы, превзошло всякое возможное о них распоряжение, и я нашёл 3000 челов. в Коломне без всякого комиссариатского и медицинского надзора, без способов к пропитанию и к дальнейшему отвозу; но по уведомлении о сем их положении генерала Бенигсена он немедленно дал нужное предписание о попечении и препровождении их в Рязань. Внимание к раненым свойственно благосердию В.В., и я осмеливаюсь предложить, что особенное к ним внимание в теперешних обстоятельствах послужит великодушным и благоприятным доказательством известного человеколюбия В.В. и уважения к храбрым защитникам вашей Империи. Временное посещение из Петербурга одного из чиновников свиты В.В. произвело бы желаемое действие и обеспечило бы их содержание, чего требует не только положение раненых, но чрез сие возвратились бы многие на службу В.В. <...>

Император Александр I

Печатается по: *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815). Приложение к XLIII тому «Записок имп. Академии наук». СПб., 1882. № 1. С. 140–141, 144.

¹ **Вильсон Роберт Томас** (1779–1849) — английский генерал, в 1812 году представитель правительства Великобритании при Главной квартире русской армии, негласный осведомитель Александра I (по личному разрешению доносил императору обо всех заслуживающих внимания событиях).

² **Тэрконель** — лорд, секретарь английского посольства в Петербурге, находился при Главной квартире русской армии в составе свиты Р.Вильсона.

Граф Ростопчин¹ — князю Кузузову

17-го сентября 1812 г., № 547. Село Вороново.

Отношение вашей светлости от 13-го сего сентября за № 90 о возвращении коломенских чиновников к их должностям получил я 16-го числа сего же месяца, на которое спешу вас уведомить, что как Московская губерния находится теперь в самовольном военном положении, и жители оной, так как и должностные чиновники, более, нежели на 50 вёрст в окрестностях Москвы, опасаясь быть ограбленными от неприятеля, а более того и от своих раненых, больных и нижних воинских чинов всюду шатающихся единственно для разорения соотечественников, оставив свои жилища, разбежались в неизвестные места, а потому и к удовлетворению требования вашей светлости я не могу приступить...

А Московская губерния, находясь ныне в военном положении, состоит в непосредственном вашем распоряжении, что видно даже и из сего: по повелению вашему разосланные от главного дежурства комиссионеры по Московской губернии собрали с каждой души печёным хлебом по 2 пуда, сено вовсе без остатку забрано, а скот весь описан на продовольствие армии... <...>

Печатается по: Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). Приложение к XLIII тому «Записок имп. Академии наук». СПб., 1882. № 1. С. 153.

195

КОЛОМНА. 1812 ГОД

¹ Ростопчин Фёдор Васильевич (1763–1826) — граф, генерал, главнокомандующий (генерал-губернатор) Москвы в 1812–1814 годах, член Государственного совета, обер-камергер.

Н.С. Самокиш. 1812 год. Жители оставляют Москву. 1912 г.

Из записок о 1812 году

Москва за Москвою

Русские за Москвою, полки неприятельские в Москве, Наполеон перед Москвою. Кутузов за заставою сидел на дрожках, погружённый в глубокую думу. Полковник Толь подъезжает к русскому полководцу и докладывает, что французы вошли в Москву. «Слава богу, — отвечает Кутузов, — это последнее их торжество». Медленно проходили полки мимо вождя своего. Как переменялись лица русских воинов от утра до вечера! Поутру отуманены были их взоры, но уста безмолвствовали. Вечером гневная досада пылала в глазах их и из уст исторгались громкие вопли: «Куда нас ведут? Куда он нас завёл?» Облокотясь правою рукою на колено, Кутузов сидел неподвижно, как будто бы ничего не видя, ничего не слыша и соображая повестку: «Потеря Москвы не есть потеря Отечества!»

В версте от заставы встретил я Якова Ивановича Десангена¹, служившего при армии военным чиновником по особнным поручениям. Поздоровавшись со мною, он сказал: «Поедем в главную квартиру. Там должны быть теперь все усердные сыны Отечества». — «Не поеду, — отвечал я, — до оставления Москвы я порывался стать перед Москвою не на месте чиновном, но наряду с ратниками. Я был остановлен и оставлен в Москве, дело моё кончилось с Москвою. А за стенами Москвы я бесприютный отец бесприютного семейства».

196

КОЛОМНА. 1812 ГОД

Первый вечер за Москвою

Между тем угрюмо сгустился сумрак вечерний над осиротевшею Москвою; а за нею от хода войск, от столпившихся сонмов народа и от теснившихся повозок пыль вилась столбами и застилала угасавшие лучи заходящего солнца над Москвою. Внезапно раздался громовой грохот, и вспыхнуло пламя. То был взрыв под Симоновом барки с комиссариатскими вещами², а пламя несло от загоревшегося винного двора за

Сергей Николаевич Глинка (1776–1847) — русский историк, писатель, брат Ф.Н. Глинки

Проф. Сверчков. Бегство жителей Москвы перед нашествием Наполеона

Москвою-рекою. Быстро оглянулись воины наши на Москву и горестно воскликнули: «Горит матушка Москва! Горит!» Объятый тяжкою, гробовою скорбью, я ринулся на землю с лошади, и ручьи горячих слёз мешались с прахом и пылью. Приподнимая меня, брат Фёдор Николаевич³ говорил: «Вы сами предсказали жребий Москвы, вы ожидали того, что теперь в глазах ваших». — «Я говорил о сдаче Москвы, — отвечал я, — я предвидел, что её постигнет пожарный жребий. Но я мечтал, что из неё вывезут и вековую нашу святыню и вековые наши памятники. А если это всё истлеет в пламени, то к чему будет приютиться мысли и сердцу?»

Биваки за Москвою

В ночь с 31 августа на первое сентября бивачные огни отсвечивались перед Москвою, а в ночь второго сентября на третьи они засверкали за Москвою, сливаясь с первым отблеском зарева пожарного. Русский арьергард остановился по Рязанской дороге верстах в четырёх от заставы. Обыватели втеснялись в ряды воинов, обозы сталкивались, отшатнувшиеся отряды от полков отыскивали полки свои. Я полагал, что если б в это расплошное время Наполеон бросил полка три конницы, он сильно бы потревожил нас. Но в Наполеоне не было уже полководца Бонапарта. За Драгомиловскою заставою он ждал послов: и — никто не откликнулся. Он требовал к себе и графа Ростопчина, и

коменданта, и обер-полицмейстера⁴: и никто не являлся. Кутузов ввёл его в Москву и провёл, то есть обманул. А Наполеон, затерявшись в недоумении, в первых своих военных известиях повестил, что будто бы русские в расстройстве бегут вслед за обозами и сокровищами по Казанской дороге. Часов до двух спал я на биваках сном крепким. На другой день вместе с братьями пристали мы к корпусу генерала Дохтурова. Тут же был и граф Ростопчин, но я с ним не видался. Ночью, кажется, с третьего на четвёртое сентября дан приказ к боковому движению. Подполковник Букинский, очень хороший офицер, заступивший место Манахина при штабе Дохтурова, сказал нам, что по всем поименованным в приказе селениям армия сближается с Москвою. Множество было предположений и догадок, но никто не попадал на настоящую цель Кутузова. На другой день около полудни мы оставили армию в десяти верстах от Бронниц.

Коломна

Ночью под обширным разливом пламени пожара московского, днём среди общего смятения продолжали мы путь свой и приехали в Коломну шестого сентября поутру, где было семейство моё у двоюродного брата моего В.А. Глинки, начальника артиллерийской роты. Весь город был в тревоге от молвы, будто бы к нему приближается неприятель. Казалось, что и камни улиц сбирались бежать. Обгоняли, толкали друг друга. Спрашиваем, где артиллерийская рота нашего родственника. Никто не останавливается, никто не слушает. У всех одна мысль: спастись и спасти жизнь. Печально скитаемся из улицы в улицу, знаю, что мое семейство тут, и не знаю, как найти? Между тем загноившаяся рана брата моего Григория Николаевича требовала пособия. К счастью, на одном перекрёстке встречаем лекаря. Идём снова разведывать, где рота и где моё семейство? Слышим, что какая-то артиллерийская рота будет переправляться через Оку. Ждём, стоим прикованными к берегу. Проходит полдень: нет никого. Наступает сумрак вечерний, нет никого. Гаснет в волнах Оки последний луч заходящего солнца: нет никого. Из Москвы выехал я с скорбью об Отечестве, из Коломны выехал с скорбью о семействе, выехал отцом — искателем семейства. И сколько отцов и матерей с горькими слезами отыскивали тогда малюток своих, затерявшихся между бесчисленными рядами сонмов народа и повозок обозных! Сколько раздавалось жалобных возгласов: «Где ты? Где он? Мы здесь!» За Окою встретила нас луна в полном блеске. Но и картина лунной ночи не веселила меня. Видя чрезмерную мою грусть, брат мой Фёдор Николаевич вызывался съездить в Коломну. «Не езди, братец! — сказал я, — умнее провидения не будем: отдаюсь на волю его!» Всю почти ночь не смыкал я заплаканных глаз, а если на один миг забывался, то, казалось, вижу милых моих, просыпался — и их не было!

Осень летняя. Отряды пленных

...С берегов Оки раннею зарёю пустились мы по Рязанской дороге, сами не ведая, и куда, и зачем, и где приютимся? Да и что было придумывать в быстром разгроме общественного нашего быта? Вихрь обстоятельств уничтожил переписку и возможность предпринимать что-либо с целью определённую. Давно сказано, что жизнь есть странствование, а тысяча восемьсот двенадцатого года мы узнали, что жизнь может быть кочевьем и там, где века утвердили заселение и поселение. Тянувшиеся отряды пленных, хотя и в малом объёме, но разительно представляли кочевье почти всех народов европейских. Тут были и французы, и итальянцы, и германцы, и испанцы, и португальцы, и голландцы, и все отрывки двадцати народов. Мы встретили один из отрядов, провожаемый нашими ратниками. Подъехав к пленным, спрашиваем по-французски, всем ли они довольны? Французский пленный отвечал: «Нас нигде не обижали, но мы с трудом находим пищу». «Что делать? — отвечал я, — и мы, русские, в Отечестве своём с трудом добываем кусок хлеба. Нашествие вашего императора всё вверх дном перевернуло. У нас теперь у самих только два хлеба, и мы дорого за них заплатили. Но вы братья нам и по человечеству, и по христианству, а потому мы делимся с вами и по-братски и по-христиански». Мы отдали один хлеб, и у пленных навернулись на глазах слёзы. «Нас обманули! — вскрикнули несколько голосов, — нас обманули! Нам говорили, что русские варвары, волки, медведи. Зачем нас привели сюда?» — «Может быть, — отвечал я, — Бог это сделал для того, чтобы вы увидели, что и мы люди, что и мы умеем любить людей и уважать человечество». Чудное дело! Всё это доводилось видеть и говорить в девятнадцатом столетии.

199

КОЛОМНА. 1812 ГОД

Московские выходы

Есть пословица: «Кто на море не бывал, тот не знает, как молятся Богу». Тысяча восемьсот двенадцатого года мы испытали, что «кто не видал горя московского, тот и не испытал, как радостно встретиться с москвичами!» В Зарайске между прочими московскими выходцами встретил я знакомого моего Феропонтьева, старца маститого и страстного любителя и собирателя русской печатной и письменной старины. Летали вопросы за вопросами. Казалось, будто бы мы годы не видались, а прошло только несколько дней! Но в эти дни Москва отдана, Наполеон в неё вошёл, и Москва загорелась. Так рассуждали мы, и почтенный старец в доброе напутствие благословил меня старинными святыми.

Народное переселение

Кто видел переправы через реки тысяча восемьсот двенадцатого года, тот видел переселение народа и народов. От бесчисленного скопления повозок, карет, колясок, телег, кибиток, дрожек иногда дожидались пе-

репавы по двое суток и более. Днём на пространстве нескольких вёрст пылали прибрежные огни для приготовления пищи, а ночью для освещения. Это были переселённые биваки. Тут дружески сходились и наши раненые двадцати народов; тут были колыбели младенцев; тут раздавались вопли рожениц и пение погребальное. Тут в одни сутки проявлялись все переходы житейские, кроме хождения к алтарям брачным.

К счастью выходцев и переселенцев, осень лелеяла нас и роскошью лета и ясностью майской весны. Три времени года сливались в одно время. Проезжая зеленеющие поля рязанские, видя в летнем блеске рощи и дубравы, казалось, что природа переменяла ход свой. Но под личиною запоздалого блеска какие грозные таились бури!

Печатается по: *Глинка С.Н.* Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. 1836. С. 72–73.

¹ **Яков Иванович де-Санглен** (1776–1864) — государственный деятель, писатель. В 1812 году — начальник канцелярии тайной полиции в Москве.

² Речь идёт о подрыве 2 сентября по приказу графа Ростопчина барок с артиллерийским и комиссариатским имуществом, находившимся вблизи Симонова монастыря.

³ Здесь и далее упоминаются представители рода смоленских дворян Глинка. **Сергей Николаевич** — автор публикуемых материалов, первым записавшийся в Московское ополчение (по этому случаю выпущена золотая медаль с надписью: «Первый ратник Московского ополчения»). **Фёдор Николаевич** — офицер, поэт, публицист, прозаик. **Григорий Николаевич** — поручик Либавского пехотного полка, ранен в голову в Бородинском сражении. **Владимир Андреевич** — в описываемое время командир 28-й конно-артиллерийской роты.

⁴ В 1812 году комендантом Москвы был Иван Христианович Гессе, а обер-полицмейстером — Пётр Алексеевич Ивашкин.

Письма русского офицера

Сентября 10. Рязань

С какими трудами, неприятностями и препятствиями сопряжено всеобщее бегство!.. По Рязанской губернии в нескольких местах переправляются через одну только Оку, и ни в одном месте нет порядочной переправы! Ни к чему не годные паромы на ветхих канатах едва могут поднять десять лошадей и несколько человек, тогда как сотни проезжающих ожидают на берегу. Раненые офицеры больше всего при этом страдают. Целые семейства живут здесь на пустом берегу в ожидании очереди переправиться. Жена одного знакомого нам московского жителя, который простоял на переправе трое суток, разрешилась от бремени. Положение отца было самое печальное, ибо негде было взять никаких средств для вспоможения болящей и младенцу. Я ещё в первый раз в здешних местах и в первый раз вижу, что Россия здесь так мало населена. Какие обширные поля и как мало жилищ! Кажется, что вся населённость в России сдвинулась к её границам. Если б можно было сделать противное, чтоб народ стеснился ближе вокруг сердца своего Отечества, а степи отделили бы от чуждых стран, чтоб разврат и оружие иноплемеников не так легко проникали в него!

Что сказать тебе более о нашем странствовании? Мы проехали Коломну, очень порядочный город, пониже которого сливается Москва-река с Окою. Я едва успел взглянуть там на древние развалины очень красивых башен; вихрь всеобщего смятения умчал и нас с собою далее. Мне очень хотелось найти здесь подполковника артиллерии, двоюродного брата моего и друга Владимира Глинка¹, который, помнишь, был с нами вместе в Корпусе; но он уже ушёл с ротою куда-то за Оку. Мы проезжали Зарайск, прелестный городок на берегу светлой реки Осетра, впадающей в Оку. Там осмотрел я старинную крепость, называемую Кремлём.

Печатается по: *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян против французов, в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. Часть четвёртая, содержащая в себе: Описание Отечественной войны 1812 года до изгнания неприятеля из России и переход за границу в 1813 году. М., 1815. С. 77–81.

Глинка Владимир Андреевич (1890–1862) — участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 годов, генерал от артиллерии, главный начальник горных заводов Уральского хребта, сенатор. В описываемое время — командир 28-й конно-артиллерийской роты, капитан или майор (звание подполковника В.А. Глинка получил 14 апреля 1813 года).

Из рассказов родных о 1812 годе¹

Они [глава семьи Андрей Иванович Лебедев², его заболевшая жена Мария Дмитриевна урождённая Ставровская, 12-летний сын Дмитрий, 10-летний сын Иван, старшая дочь Прасковья с мужем Алексеем Матвеевичем Виноградовым, две малолетние дочери, две служанки. — *Прим. сост.*] путь свой держали на Коломну, близ которой ночью к кибиткам деда, как и к прочим бывшим попутчикам, приступали местные мужики с рогатинами и грозились избить их всех за то, что «Москву пропили на чаю». Пришлось всем откупаться деньгами.

26 августа, в день Бородинского сражения, наши путники были в Коломне, где народу и конного и пешего было везде великое множество. Остановиться было бы негде, если бы у деда не было разрешения Августина³ поселиться в архиерейском доме, на широкий двор которого они и въехали, предпочитая тут перебыть всё время до возвращения в Москву. Было уже 7 часов вечера, устав очень с дороги, все думали об отдыхе, и кто как мог устроились на ночлеге. Мальчишки же, сыновья деда, побежали по дому, желая осмотреть такую диковинку. Большие со сводами архиерейские покои были пусты; в одном из них у печки на полу они прилегли полежать, накрылись своими коротенькими нанковыми⁴ сюртучёнками и заснули самым крепким сном. Спали до тех пор, пока проснулись от холода; их сюртучёнки не могли несколько согреть, и так до утра они более уже не могли заснуть и согреться. Утром к деду в архиерейский дом набралось множество таких же, как и он, беглецов, которые по московскому с ним знакомству желали воспользоваться даровой квартирой на время остановки.

Дед прожил в Коломне около недели, и в это время он отпустил сыновей с зятем съездить в город Егорьевск к брату своей жены⁵. Они на дороге встретили его жену, которая ехала в Коломну поискать своих московских родных, будучи уверена, что они, как и все, должны были бежать из Москвы от неприятеля. Уговорив наших путников к ней и там ожидать её приезда, она сама направилась в Коломну и приехала туда как раз вовремя, чтобы успокоить остававшихся там и страшно напуганных проходившим чрез город каким-то нашим отрядом и распустившим слух, что за ними гонятся французы. Множество народа бросилось из Коломны вон, и город заметно опустел, а дед с семьёю были просто в отчаянии за судьбу уехавших сыновей и зятя. Но егорьевская родственница скоро их всех успокоила, рассказав, что она их встретила в добром здоровье и что они, наверно, уже теперь в г. Егорьевске, куда тотчас же собрались и выехали все. Прибыв в Егорьевск, рассчитывали тут остановиться на всё время, но вдруг 30 августа, в воскресенье, рано утром были разбужены необыкновенным шумом на улице. Так и стояло в воздухе скрип немазанных колёс, крик погонщиков, ржание лошадей и мычание волов, стоны и плач раненых, привезённых сюда прямо с Бородинского поля.

В то время в Егорьевске была одна главная улица — большая дорога, на ней и остановился весь прибывший обоз; стали по сторонам дороги

складывать на землю сначала умерших в дороге, а затем и раненых. При обозе был всего-навсего только один врач; ему на помощь прибежал местный уездный врач, и они вынули одних пуль чуть не целый коробок в несколько фунтов⁶.

Через некоторое время раненых повезли дальше. Дед как священник участвовал как в погребении умерших, оставленных в Егорьевске, так и в напутствовании умиравших раненых, пока они находились в этом городе.

По увозе раненых более продолжительное пребывание в Егорьевске казалось небезопасным; как коренные жители, так и прибывшие беглецы стали удаляться из него, направляясь к г. Мурому в дремучие его леса⁷.

Печатается по: *Лебедев А.* Из рассказов родных о 1812 году (Извлечение из семейных записок) // *Шукин П.И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. М., 1898. С. 255–261.

¹ **Лебедев Андрей Николаевич** (1842–1898) — врач, историк.

² **Лебедев Андрей Иванович** (1771–1830) — протоиерей, священник Николо-Мокренской церкви в Зарядье в Москве.

³ **Августин (Виноградский)** (1766–1819) — епископ Дмитровский, в 1811–1818 годах временно управляющий Московской епархией, духовный писатель, известный проповедник («Златоуст 1812 года»).

⁴ **Нанка** (китайка) — плотная грубая хлопчатобумажная ткань буровато-жёлтого цвета, первоначально изготовлялась в Китае (Нанкине), одна из наиболее дешёвых в XIX веке.

⁵ **Ставровский Иван Дмитриевич** — судья Егорьевского уездного суда.

⁶ **Фунт** (русский) — мера веса в 409,5 г.

⁷ Муром был не последним местом скитаний беженцев: в октябре они переместились во Владимир и вернулись в Москву только в конце ноября, найдя свой дом сожжённым, а церковное имущество разграбленным.

Воспоминания о России Армана Домерга¹

При наступлении ночи явился полицеймейстер Волков с приказом перебираться на судно². <...>

Волков вошёл первый на судно. Он развернул список и при свете фонаря сделал переключку сорока осуждённым. По мере того как нас вызывали, мы быстро перебежали по доске, положенной с берега на барку. Три других судна, стоявшие подле нашего, были предназначены для будущих ссыльных, но приближение французов помешало московскому губернатору продолжать аресты. <...> Полицейский офицер, назначенный сопровождать нас, приказал отчалить судно, которое по течению реки медленно стало удаляться от берега. Вскоре ночь сгустилась, и Москва с бесчисленными своими колокольнями скрылась во мраке.

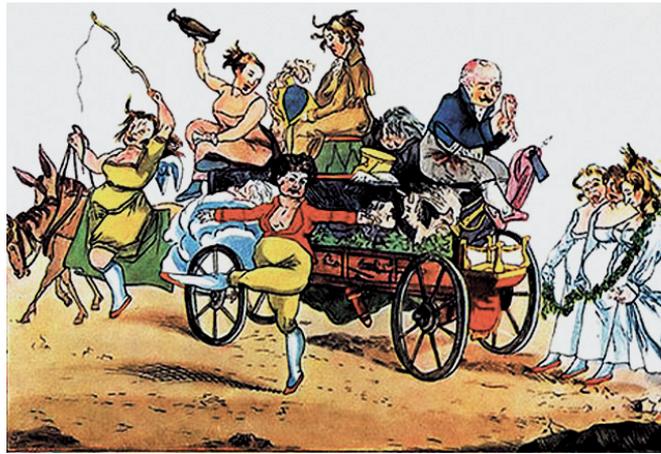
<...> Судно... имело 21 аршин в длину и 13 в ширину³. Посредине была выстроена обширная каюта, занимавшая половину всего пространства...

...1 сентября, после 8 дней трудного плавания, мы прибыли в Коломну. От этого небольшого городка до Москвы расстояние сухим путём сто вёрст, но извилины реки делают путь водою, по крайней мере, вдвое больше.

Первою заботою нашего капитана, после того как был брошен якорь перед Коломною, было пойти справиться у властей, не присылал ли граф Ростопчин сюда каких-нибудь распоряжений насчёт нашего назначения. Но городничий или начальник, к которому он обратился, не понимал, о чём ему говорят. Он, впрочем, как увидим, должен был думать совсем о другом среди смятения, царствовавшего в Коломне. Решившись продолжать путь, наш капитан, однако, позволил нам под конвоем двух ветеранов пойти закупить свежую провизию. Проходя по улицам Коломны, мы могли судить о том, какая кровавая битва произошла в её окрестностях. Дома, общественные места были завалены русскими ранеными; не знали, куда их девать, а беспрестанно прибывали новые партии этих несчастных. Имея с собою двух ветеранов (сам я тоже умел говорить по-русски), мы расспрашивали многих из этих раненых. Это были старые солдаты из корпуса князя Багратиона. Они прибыли, как сказали нам, из-под Бородина, где их погибло около 30 000.

До сих пор всё шло хорошо для нас в Коломне. Наше судно, благо-разумно поставленное на расстоянии полуверсты от города!!!!, не возбудило подозрения, даже не обратило на себя ничего внимания. Но после полудня странность наших костюмов или, вернее, указания некоторых выходцев из Москвы, которые узнали нас, привлекли на нас внимание черни. На нас вдруг посыпались ругательства, полетели камни, и только с большим трудом нам удалось возвратиться в нашу плавучую тюрьму. Многие из нас получили тяжёлые ушибы. Перед городом через Москву-реку был переброшен так называемый живой мост⁴. Так как наше судно, к величайшему счастью, снова пустилось в путь, то мы успели пройти это место прежде, чем достигла его разъярённая толпа. Это было счастье, потому что для проезда надо было развести мост. Что было бы с нами, если бы жители этому воспротивились?.. Пройдя это опасное место, мы вздохнули свободнее и, забравшись под нашу спасительную кровлю, могли презирать гнев толпы, которая долго преследовала нас криками и угрозами.

*А.Г. Венецианов
(1780–1847).
Изгнание из Москвы
французских актрис.
Офорт. 1812 г.*

Недалеко от Коломны мы встретили транспорт судов, нагружённых боевыми запасами. Им начальствовал генерал Измайлов⁵. Заметив нас, он

тотчас перешёл к нам на барку. Он был ласков и любезен. Он первый поклонился нам — обстоятельство, которое тем более нас удивило, что национальная вражда уничтожила в русских, даже получивших лучшее воспитание, всякую вежливость в отношении нас. После нескольких вопросов, сделанных нам о нашем изгнании, и после того, как мы напрасно осведомились, в свою очередь, не знает ли он чего о нашем назначении, разговор естественно перешёл на войну. Человек хладнокровный и мыслящий, генерал Измайлов имел светлый ум, и его слова дышали истинным патриотизмом. Он говорил по-французски очень правильно. — «Ваш Наполеон ведёт против нас не войну, — сказал нам Измайлов, — это какое-то нашествие варваров. Он нас теснит и давит, будто хочет уничтожить, но он не найдёт ни точки опоры, ни препятствия, о котором мог бы нас разбить. Наполеон любит прогулки: хорошо! Мы доставим ему это удовольствие, заставим его прогуляться по Руси. Она велика... Но у нас тоже есть люди; наш национальный характер несокрушим, а судьба оружия переменчива». В этих словах можно было узнать план, который действительно принял Барклай де Толли с начала кампании. От берегов Немана он завлёл Наполеона в необозримые степи России.

При слиянии Москвы с Окою распростился с нами генерал Измайлов. Его умные советы и ободрение, которыми наделил он нас на прощанье, оставили в нас чувство уважения к благородному его характеру. Мы вошли в Оку до наступления ночи. Так как река эта, в которую впадает Москва, полноводнее, то плавание наше стало не так затруднительно и ход судна ускорился. <...>

22-го сентября, очень рано утром, мы увидели Рязань, небольшой город на левом берегу Оки. Начальник нашей стражи отправился в город, но нашёл здешнего начальника, так же как и в Коломне, ничего не ведающим относительно нашего назначения. <...>

При входе в улицы Рязани нас поразила с первого шага, так же как и в Коломне, картина грустных последствий войны: она являлась здесь во всём своём ужасе. Не только дома, но и площади и улицы были переполнены ранеными. Дороги были загромождены длинною вереницею фургонов, из которых вырывались страдальческие крики несчастных.

Напрасно они зывали о помощи: средства и усердие были бессильны пред столькими бедствиями⁶.

Печатается по: Воспоминания о России Армана Домерга // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. Год второй. 1881, июль. С. 612–614.

¹ Домерг Арман — режиссёр французского Императорского театра в Москве.

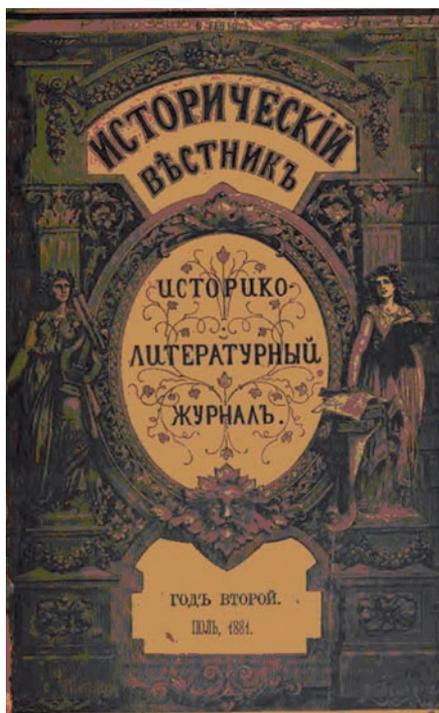
² В августе 1812 года граф Раstopчин планировал полностью очистить Москву от иностранцев. Частью этого плана явился арест 18 августа и высылка «для удовольствия народа» в Нижегородскую губернию сорока трёх иностранцев «из самых замеченных по поведению и образу мыслей французов», «выборная каналья из каналий». Трое было отпущено, а среди оставшихся значились не только французы, но и немцы, швейцарцы, немецкий еврей: 14 учителей, девять торговцев модными товарами, фабриканты, ремесленники, книготорговец, типографшик, режиссёр (Арман Домерг) и балетмейстер французского театра. Большая часть из них — люди семейные. Вследствие дороговизны сухопутной дороги арестантов, наняв барку, отправили речным путём под охраной офицера и ветеранов (старых солдат). Из Москвы барка вышла поздним вечером 22 августа и прибыла в Нижний Новгород 17 октября.

³ В длину — почти 15 метров, в ширину — более 9 метров.

⁴ Пешеходный понтонный (плашкоутный) мост через Москву-реку по дороге из Коломны в село Бобренево и далее на Владимир.

⁵ Измайлов Лев Дмитриевич (1764–1834) — генерал-лейтенант, рязанский губернский предводитель дворянства, в Отечественную войну 1812 года командовал Рязанским ополчением, участник Наполеоновских войн.

⁶ По прибытии в Нижний Новгород судьба Домерга сложилась следующим образом. 2 ноября пленников отправили пешком в Макарьев (уездный город в 100 верстах от губернского центра). По дороге они попали в снежную бурю, заблудились и едва не погибли. Спасение пришло от местного жителя, который не без колебаний дал приют замерзающим иностранцам. В Макарьеве высланных поместили в тюрьму, но спустя некоторое время вернули в Нижний Новгород. В Москву Домерг возвратился лишь осенью 1814 года. В январе 1815 года он выехал в Вильно (здесь встретился с семьёй), а оттуда — во Францию.

Перевоз вещей Оружейной палаты из Москвы в Нижний Новгород в 1812 году¹

...11-го августа получено было предписание в Оружейную палату от главноначальствующего над нею П.Валуева² укладывать вещи для перенесения во вновь выстроенную Палату; для сделания же для сего ящиков выдано было 500 р., но скоро мы, служащие, узнали, что эта укладка назначена не для переноски вещей в новое здание, а просто-напросто для вывоза из Москвы. Немедленно все занялись их укладкой. Наняты были разные мастеровые для приготовления ящиков и других укладок, в которых должны были поместиться вещи. Несмотря на то что мастерам платили очень дорого, трудно было найти их. Целые дни палатские чиновники и служители были заняты работой и никому не позволяли отлучаться из Палаты. Чай и обед доставляли нам на казённый счёт из ближайших трактиров. Всем этим непосредственно распоряжался бывший в то время непременным членом Палаты Иван Петрович Поливанов³.

...21-го августа Поливанов донёс Валуеву, что палатские вещи уложены в ящики, и в тот же день позволено нам было навестить родных и знакомых с условием возвратиться назад непременно вечером. Во время нашего отсутствия для некоторых бедных чиновников и служителей куплены были разные тёплые одежды и съестные припасы. На другой день, т.е. 22-го числа, около сумерек приведены были подводы с телегами и дрогами по распоряжению графа Ростопчина. Всех подвод было около полутораста; поставили на все ящики с вещами, составили им списки, разделив их на пять отделений. Над каждым отделением назначен был начальником особый чиновник, но всем заведовал сам Поливанов. Когда всё было приготовлено к отъезду, явился к нам верхом плац-майор от коменданта и повёл нас к Коломенской заставе, здесь пожелав нам, как водится, счастливого пути, он поехал обратно в Москву⁴.

Выступив за заставу, обоз наш, конвоируемый капитаном с 30-ю нижними чинами инвалидной роты, находившейся в то время при дворцах, потянулся в Коломну. У Поливанова было, как мы узнали после, предписание ехать в этот город и оттуда на приготовленных заблаго-

*О.А. Кипренский.
Ф.В. Ростопчин. 1809 г.*

временно уже двух барках отправиться по Оке в Нижний Новгород, а, если будут угрожать опасности там, то и в Казань. На подводах наших были прибиты деревянные двуглавые орлы для показания, что обоз казённый и для отвращения каких-либо неприятностей, но при всех взятых нами мерах мы не миновали неприятностей, особенно при въезде нашем в некоторые большие селения; мужики, невзирая ни на что, нередко обращались с нами дерзко и грубо за то, что мы оставляем матушку Москву в такое смутное время, как будто бы мы уезжали из Москвы по собственной воле. Бывали случаи, что сломается ось или колесо, а как запасных с нами не было, да и запастись ими в то время не было никакой возможности, то приходилось приобретать их покупкою, а покупка не всегда давалась, потому что крестьяне часто решительно отказывались от продажи осей и колеса: вероятно, берегли их на всякий случай для себя. Но так как без оси или колеса невозможно было продолжать путь, то совокупными силами, в крайних случаях, мы отнимали и за взятое бросали деньги озлобившимся хозяевам, и при этом нередко бывали ссоры.

Приехав в Коломну, мы немедленно поместили наш транспорт на приготовленные барки³. Поливанов, поручив наблюдать за ними капитану с его командой, сам вместе с нами отправился в город, чтобы получить какое-нибудь сведение из Москвы. Мы узнали, что после сражения при Бородине наша армия отступила; это заставило нас поспешить сесть на барки и отправиться в Нижний Новгород, а телеги и дроги перед отъездом мы оставили на сбережение коломенскому городничему.

Надобно сказать, что от графа Растопчина у Поливанова было предписание всем властям оказывать нам содействие и, кроме того, Поливанов имел лист (за чьим подписанием, не упомяну) в случае надобности брать деньги в казначействах, в чём, однако, не оказалось надобности.

Ночью, подъезжая к Рязани, мы увидели большое зарево и думали, что это где-нибудь вдаль пожар; после мы узнали, что это было зарево от московского пожара. Приплыв к Рязани утром, мы остановились. Поливанов взял меня с собою и отправился в город к губернатору узнать, нет ли каких известий о положении Москвы. В доме губернатора мы застали суматоху, расставлены были разные ящики, и в них торопливо что-то укладывали. Губернатор на вопрос Поливанова о состоянии Москвы отвечал, что ему решительно ничего не известно. Но, видя все эти приготовления, Поливанов заключил, что есть что-нибудь опасное. Распростившись с губернатором, мы поскорее отправились обратно на барки и продолжали путь далее.

За Рязанью наши барки подъехали к перевозу чрез Оку, и мы увидели следующее зрелище. Весь левый берег реки был усеян конными и пешими, старыми и малыми, спешившими из Москвы и других мест, которым угрожал неприятель. Вся эта толпа нетерпеливо ждала поскорей перебраться на другую сторону, но переправа совершалась неудовлетворительно по причине недостатка паромов и лодок, так и перевозчиков. Поливанов, движимый чувством человеколюбия, приказал остановить барки и, посадивши на лодки несколько солдат и рабочих мужиков, на-

ходившихся с нами, приказал им перевозить пеший народ. При таком содействии перевоз пошёл успешнее, и вся толпа пеших была при нас перевезена на другую сторону, а конных перевозили перевозчики. Тут мы узнали, что Москва занята французами. Мы спешили удалиться и ехали день и ночь. Но плавание наше было не без затруднений: барки часто садились на мель, и нам стоило иногда больших трудов стаскивать их с мели⁶...

Печатается по: Перевоз вещей Оружейной палаты из Москвы в Нижний Новгород в 1812 году // Русский архив. 1916. Кн. 3. № 7/12. С. 331–339.

¹ Автор — чиновник московской Оружейной палаты

² **Валуев Пётр Степанович** (1743–1814) — российский археолог и государственный деятель, в 1801–1814 годах — главноначальствующий экспедицией Кремлёвского строения и Мастерской и Оружейной палатой, действительный тайный советник.

³ **Поливанов Иван Петрович** (1773–1848) — в 1809–1819 годах неперменный член Мастерской и Оружейной палаты Московского Кремля, тайный советник.

⁴ Как показали дальнейшие события, вывоз сокровищ Оружейной палаты был сделан своевременно. Вскоре после вступления в Москву наполеоновской армии в терема Кремля явилась «огромная свита французов» с требованием предъявить вещи палаты. Узнав, что вещи увезены в Нижний Новгород, «некоторые спокойно вышли вон, другие, оставшись, пришли в неопишемую ярость», и один из них избил престарелого правителя канцелярии палаты.

⁵ В Коломне для доставки ценностей Оружейной палаты в Нижний Новгород были приготовлены три барки — две большие и маленькая, на которой помещалась кухня и прислуга (старик-повар).

⁶ Прибывшие в Нижний Новгород сокровища находились здесь до декабря, затем были доставлены обозом во Владимир, откуда в июне 1813 года возвратились в Москву.

Двенадцатый год

После всего писанного о Двенадцатом Годе многое ли могу добавить своими рассказами? Но я не хочу умолчать о простодушии моих земляков¹. Черкизово также бежало от нашествия; но куда? В лес, и что замечательно — всего за полверсты. Туда перешло всё село с лошадьми, скотом, пожитками и расположилось табором. Скот выпускали на пастбу как обыкновенно, а ранним утром, перед светом, осторожно выходили из леса дозорные и с опушки смотрели на оставленные слободы: не шевелится ли кто-нибудь, нет ли неприятеля. Меня занимает психология этого происшествия; в общем, оно повторялось повсюду, но, может быть, нигде с такою потерей здравого рассудка, как в Черкизове. Повторена была известная история страуса, прячущего голову, чтобы его не видели. Ту же историю отец мой рассказывал как подлинное происшествие о чьём-то телёнке в Черкизове, проходившем, зажмурясь, чрез сени. Повторяя своего телёнка, черкизовцы всем селом и на довольно долгое время (несколько недель) совершали то же, что бывает при пожарах и вообще неожиданной опасности. Но растерянность отдельных единиц на несколько минут объяснима, продолжительный же период отсутствия сообразительности у целого населения — задача психологическая.

Собрались убраться из Коломны. Зарево осветило северо-запад, и дошла ошеломляющая весть: «Москва горит, и там неприятель!» К Никите Мученику внезапно нахлынули гости на нескольких подводах. В Москве был у батюшки свояк Алексей Михайлович, дьячок от Иакова Апостола в Казённой² <...> Москва вся готовилась к бегству, и бежал всяк, кто мог. Иерей от Иакова Апостола в числе других подумывал, куда направить путь. Алексей Михайлович предложил своему «батюшке», не убраться ли им вместе в Коломну; «я думаю туда, если не в самый город, то в село, там два свояка у меня». Одобрил иерей намерение. Снарядились. Случай привёл яковлевского батюшку где-то видеть, во время самых сборов, ещё священника, из другой стороны города, от Пятницы на Божедомке, близ Пречистенки. «Тоже собираюсь, — говорит Лука Милохоров (Божедомский), — только не знаю, куда: не возьмёте ли с собой?» Таким образом, целый караван нагрязнул на маленький двор у Никиты Мученика. И не совсем кстати. Наши тоже убрались. Шли хлопоты о спасении церковных драгоценностей: снимали оклады и ризы с больших икон, малые целиком укладывали в сундук: облачения, сосуды убирали, и всё это поместили в подвал под церковь. Предание не дошло до меня: зарыты ли были сундуки или поставлены в подвал на открышке, с повторением черкизовского телёнка.

Когда объявлено было московским гостям, что и здесь им не предстоит оседлости, они отвечали: «Куда вы, туда и мы: мы от вас не отстанем, благо нашли приют; вы всё-таки здешние, а мы на чужой стороне, не знаем, как и что». Батюшка, между тем, заранее решил семейным советом переправиться в Княжий погост, за несколько десятков вёрст, стоящий в лесу, среди болота. Кажется, это уже в Рязанской губернии, за Окой. Там дьячком был родственник. Выбор был сравнительно удачный, насколько позволяли обстоятельства: неприятель в эту глушь не пойдёт, тем более

*Никита Петрович Гиляров-Платонов
(1824–1887) — публицист, философ, духовный
писатель, издатель*

и поживиться там нечем. Прибрав церковь, батюшка вручил ключи богобоязненному мещанину-прихожанину с наставлением беречь церковное добро и хранить тайну (дьячки тоже разбежались). В доме ничего не убрали, только привесили замок к сням.

Отправились в Княжи; прожили там сентябрь. Время проходило не скучно. Гости московские приехали и с запасами и с деньгами; были и карты; преподаны были уроки в нескольких играх, которых коломенские не знали (да и карт у них вообще не водилось); прогулки по лесу доставляли тоже своего рода отраду. Возврат последовал, когда от гонца, нарочно посланного в Коломну, получено известие, что «всё спокойно».

Было не только всё спокойно, но оказалось и всё сохранно. Не захваченный на дорогу кувшин, случайно оставшийся на крыльце, стоял в том же положении, только вместо молока в нём была уже сметана.

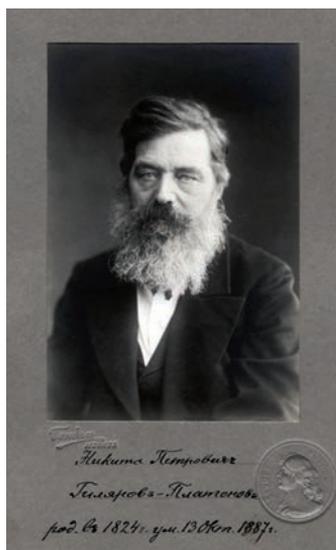
Пребывание московских гостей составило своего рода эпоху в домашнем быте Никитских. Столичные отцы держались некоторых обычаев, до толе неведомых нашим. Одно из существенных отличий, поразивших тогда брата моего³ (уже восьмилетнего), был ежедневный чай. Распивание его было для наших чем-то вроде торжественного богослужения. Яковлевский иерей подзывал ребят, давал им по куску сахару с наставлением, как его употреблять. Научил, что после второй чашки (больше детям-де не полагается) нужно накрыть чашку доньшком кверху; это-де означает «довольно». Затем должно благодарить, то есть подойти и поцеловать руку. Наставления просветителей соблюдались коломенскими малютками свято и послужили кодексом правил на дальнейшее. Много и в одежде они увидали нового, невиданного; с почтительным удовольствием смотрели на карманные часы, о которых прежде не имели понятия, любовались на складное зеркало...

Печатается по: *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого: автобиографические воспоминания. М., 1886. С. 76–79.

¹ По воспоминаниям Н.П. Гилярова-Платонова, в Успенской церкви села Черкизово Коломенского уезда служили с середины XVIII века его предки, священники Никитские: прадед, дед и отец (последний — Пётр Матвеевич — до перевода в коломенский храм св. Никиты Мученика).

² Храм апостола Иакова Зеведеева в Казённой слободе Москвы, то же — Яковлевская (Яковоапостольская) церковь.

³ Александр Петрович Никитский (Гиляров).

**Ключарь коломенского Успенского собора
священник Иоанн Твердовский
(из истории неприятельского нашествия на Москву в 1812 году)¹**

В феврале 1813 года граждане г. Коломны в числе 88 человек вошли к преосвященному Августину, епископу Дмитровскому, с коллективным прошением, в котором ходатайствовали о награждении «доброго иерея» коломенского Успенского собора ключаря Иоанна Твердовского за его заслуги «в бывшее смутное время от нападения французов на Москву и её окрестности». Это прошение², любопытное само по себе, в то же время представляет достаточно ярких данных для обрисовки деятельности и заслуг указанного священнослужителя.

Надобно заметить здесь, что в 1812 году неприятели не вступали в Коломну, но лишь находились невдалеке от неё — в Бронницах и в селениях, лежащих ближе к Коломне. Возможность скорого занятия неприятелями ошеломляющим образом подействовала на жителей этого города и вызвала среди них обычную в подобных случаях панику и поспешное, стремительное бегство из города. Все коломенские граждане, исключая немногих, рассеялись по городам, селениям и лесам, — где только кто мог укрыться. И священники немалочисленных коломенских церквей в настоящем случае не нашли ничего лучшего, как последовать примеру своих прихожан. Получилась довольно неприглядная картина трусости и малодушия. Неприятелей ещё не было в Коломне, и даже не было хорошо известно, вступят ли они в неё, — ходили лишь по этому поводу неопределённые и преувеличенные слухи, а между тем «при всех церквях Коломны не оказалось ни одного священника»³.

Общей панике, увлётшей и местное духовенство, не поддался один священник — вышеупомянутый ключарь коломенского собора Иоанн Твердовский. Он нашёл в себе довольно мужества для того, чтобы лицом к лицу встретиться с предполагаемою, надвигавшеюся опасностью. По словам коломенских граждан, «он был не отлучен от собора». Грозные тревоги тогдашних военных обстоятельств как бы не существовали для него, и, словно в обыкновенное мирное время, он каждый день совершал в соборе и утреннее, и вечернее богослужение, а также литургию, и притом с благовестом и со звоном. Этот благовест и звон на соборной колокольне, разносившийся далеко по окрестностям, имел в это тревожное время особенное значение. Это был своего рода сигнал, свидетельствовавший о целости города. Вот что говорят по этому поводу коломенские граждане: «Произвождением (?) каждый день в своё надлежащее время благовеста и звона на соборной колокольне он (священник Твердовский) народу, в страхе и отчаянии рассеянному по лесам и селениям, во утешение давал знать о целости города».

Но, оповещая чрез благовест и звон о целости города, священник Твердовский в то же время прилагал, насколько мог, заботы и о целости имущества беглецов. Дело в том, что в Коломне, как и в Москве, при повальном бегстве жителей из этих городов, тотчас же явились во множестве любители чужой собственности, теперь почти никем не охра-

Успенский кафедральный собор г. Коломны

няемой, и начали расхищать её. И вот священник Твердовский является в Коломне защитником имущественных интересов не только церковных, но и частных и «своею бдительностью хищникам в их злых намерениях полагает препятствие». Здесь надобно сказать, что означенный священнослужитель не только охранял имущество собора, при котором служил, но ему также вверены были на хранение «церковные сокровища» Брусенского монастыря и следующих трёх приходских церквей г. Коломны: Воскресенской, Николаевской, что в крепости, и Крестовоздвиженской, каковые

сокровища, кстати, заметим здесь, при миновании опасности были возвращены им в своё место «во всякой целости».

Но труды по охранению от грабителей церковного и частного достояния не заслоняли для священника Твердовского других, важнейших, собственно пастырских трудов. Ведь в ожидании неприятельского нашествия Коломна, собственно говоря, опустела лишь относительно. Ушли из неё лишь люди более или менее состоятельные, но в ней осталось немалое количество таких лиц, которым или некуда было бежать, или нельзя было бежать. Это были городские бедняки, больные, старые люди и т.д. И в острый момент переживаемой ими общественной невзгоды эти, как бы забытые судьбою, люди имели, конечно, особую потребность в утешениях веры, в удовлетворении разного рода их религиозных нужд. И, к счастью, в настоящем случае они не оказались беспомощными, не были брошены на произвол случайностей. Тот же священник Твердовский «оставшийся народ — бедных, не могущих бежать скудости ради, старых, больных, родильниц, родившихся и умерших, а также и проводимых из армии чрез Коломну больных и раненых нужными снабдивал таинствами и потребами».

Ключарь коломенского Успенского собора священник Иоанн Твердовский был определён к собору на означенную должность 9 августа 1800 года. «Прилежанием в должности своей и добрым поведением он заслужил вообще у граждан Коломны хорошее о себе мнение», но особенно коломенские граждане общественно были признательны ему за его верность, усердие и твёрдость духа, обнаруженные им в виду угрожавшей опасности неприятельского нашествия на Коломну». Это действительно был мужественный и энергичный священнослужитель, глубоко проникнутый сознанием служебного долга и весьма заметно выделявшийся из среды своих собратий.

В мае 1813 года преосвященный Августин сделал представление Св. Синоду «о достохвальных подвигах» священника Твердовского, испрашивая ему один из тех знаков отличия, которые установлены для бе-

лого духовенства; но получил ли указанный священник награду, и какую именно, — остаётся неизвестным.

Печатается по: Московские церковные ведомости. 1912, 29 декабря.

¹ Первая комментированная публикация статьи осуществлена Н.И. Шепелёвым. Подробнее см.: «Коломенская правда», 2007, 21 сентября. Приложение «Край родной», № 9 (*прим. составителя*).

² Архив Московской духовной консистории, дело 23 января 1813 года за № 1078. В деле, кроме довольно обширного прошения коломенских граждан, находится ещё и донесение преосвященного Августина Св. Синоду по поводу этого прошения (*прим. автора*).

³ Здесь и далее в кавычках приведены фрагменты из вышеуказанного архивного дела (*прим. сост.*).

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

г. Жуковский Московской области
Президенту Вольной академии
духовной культуры
Торжковой Вере Алексеевне

ЛАМПАДА ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Что такое — Святая Русь? Нет, это нечто большее, чем собрание памятников и традиций... Это целый духовный континент, страна русской души, которую не расстреляешь, не взорвёшь, не вышлешь на «философском пароходе». В каком бы уголке мира ни собрались мыслящие русские люди, там вместе с ними — Святая Русь! И какое счастье, что сегодня она возвращается в свои родные пределы!

Дорогие друзья! Двадцать лет исполнилось вашему содружеству. Так пусть же и впредь оно останется нерушимым, пусть хранит, как самую драгоценную лампаду, сокровища отечественной мысли и теплоту русского сердца, завещанную нам великими предками!

Коллектив редакции

Сахаров Александр Александрович — литературовед, критик. Ряд статей об А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, по истории России, критические заметки были опубликованы в журналах «Москва», «Московский журнал», «Сура», научных сборниках. Принимал участие в ряде российских и международных пушкинских и лермонтовских конференций, а также конференций в музее-заповеднике «Бородино» и музее-панораме «Бородинская битва». Член Союза писателей России, Межрегионального объединения «Лермонтовское общество» и историко-патриотического объединения «Багратион». Награждён почётным знаком Государственного военно-исторического музея-заповедника «Бородино».

Исследование

Александр САХАРОВ

«НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ...»

К 200-летию
Бородинского сражения

«1812
СЛАВНЫЙ ГОДЪ
СЕЙ МИНУЛЬ,
НО НЕ ПРОЙДУТЬ
СОДЪЯННЫЕ ВЪ
НЕМЪ ПОДВИГИ
1912»

Такая надпись была отчеканена на медали в память 100-летия Отечественной войны 1812 года. Юбилейную медаль получили потомки героев «светлой памяти двенадцатого года», а также все участники торжеств на Бородинском поле. Мне посчастливилось в 1990-е годы быть знакомым с замечательным человеком — Владимиром Алексеевичем Казачковым, посвятившим многие годы жизни установлению родственных связей дворянства первой половины XIX века (в первую очередь — участников Отечественной войны и пушкинского окружения), до конца жизни являвшимся членом Учёного совета музея-панорамы «Бородинская битва». Он ещё кадетом принимал участие в торжественном параде на поле Бородина и был награждён юбилейной медалью. С тех пор его жизнь была неразрывно связана с этим периодом отечественной истории.

Рождение легенды. Сражение под Салтановкой

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

В.А. Жуковский.

«Певец во стане русских воинов»

Словами, вынесенными в эпиграф, В.А. Жуковский описал подвиг генерала Николая Николаевича Раевского, который, взяв за руки своих сыновей Александра и Николая, возглавил атаку Смоленского пехотного полка в сражении под Салтановкой. Иногда в описании этого эпизода сражения упоминается и такая подробность — Раевский встал впереди, поставил за собой сыновей, старший, Александр, взял знамя, генерал со словами «Вперёд! Я и дети мои покажем вам путь!» повёл полк в атаку.

Художник Н.С. Самокиш запечатлел этот эпизод на своей картине. Мы видим на ней генерала Н.Н. Раевского, со шпагой в руке, впереди полка, а за ним двух молодых ребят — его сыновей. Из лесочка под призывный бой барабана, повинуясь взмаху руки генерала, выбегают русские солдаты со знаменем впереди.

Интересно, однако, что сам Н.Н. Раевский впоследствии отрицал, что с ним в бою были его сыновья.

216

Что же произошло на самом деле?

2-я Западная армия генерала П.И. Багратиона отступала к Смоленску, пробиваясь на соединение с 1-й Западной армией. Преследовавшие его войска маршала Даву уже заняли Могилёв. Противники не знали о местонахождении друг друга. И вот конно-егерский полк французов, посланный на разведку, столкнулся с шедшими в авангарде армии казачьими полками. Казаки атаковали и прогнали егерей до Могилёва, взяв при этом более 200 пленных во главе с командиром полка.

Даву выдвинул свой авангард на оборонительную позицию у деревни Салтановки. Багратион приказал 7-му пехотному корпусу генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского

атаковать позиции французов и, по возможности, выгнать врага из Могилёва. Не располагая сведениями о численности противника, Багратион рассчитывал связать противника боем и, воспользовавшись этим, переправиться через Днепр, а в

*Н.С. Самокиш.
Подвиг солдат Раевского
под Салтановкой*

*Генерал-лейтенант Н.Н. Раевский.
Гравюра из серии портретов героев
Отечественной войны 1812 года*

случае успеха выйти на прямую дорогу к Витебску или к Орше.

Французская позиция под Салтановкой была хорошо прикрыта: с фронта её защищал ручей в глубоком овраге, через который по большой дороге была построена плотина из наваленных деревьев и наслан мост; с востока протекал Днепр — местность, прилегающая к реке, была заболоченной и непроходимой для войск; на западе левый фланг французской позиции прикрывался лесом.

На рассвете 23 июля Раевский начал атаку силами двух егерских полков 12-й пехотной дивизии генерал-майора Колюбакина. Французские посты были оттеснены за плотину, но взять её не удалось. На высотах за оврагом расположилась французская артиллерия, которая простреливала подходы к плотине и наносила огромные потери. Однако русские войска продолжали атаковать. Храбрость русских вызвала восхищение противника. Один из офицеров корпуса Даву записал позднее: «В этом случае в первый раз пришлось нам признать, что русские действительно были, как говорили про них, стены, которые нужно было разрушить. Русский солдат, в самом деле, превосходно выдерживает огонь, и легче уничтожить его, чем заставить отступить».

К полудню к месту боя прибыл маршал Даву и взял командование на себя.

Раевский поручил 26-й дивизии И.Ф. Паскевича обойти позицию французов слева через лес, сам же он намеревался одновременно атаковать основными силами по дороге вдоль Днепра. Паскевич с боем вышел из леса и занял деревню Фатово, однако неожиданная штыковая атака четырех французских батальонов опрокинула русских. Завязался бой с переменным успехом; французам удалось остановить натиск Паскевича на своём правом фланге.

Сам Раевский атаковал фронтальные позиции французов тремя полками. Смоленский пехотный полк, наступая по дороге, должен был овладеть плотиной. Два егерских полка (6-й и 42-й) в рассыпном строю обеспечивали наступление на плотину. В ходе атаки колонну Смоленского полка в правый фланг опасно контратаковал батальон 85-го французского полка. Командир Смоленского пехотного полка полковник Рылеев был тяжело ранен картечью в ногу. В критический момент боя Раевский лично возглавил атаку, повернул колонну и отбросил французский батальон за ручей.

*Н.Н. Раевский
Портрет работы Дж. Доу
из Военной галереи Зимнего дворца*

Убедившись, что противник силён, и считая, что в Могилёве у Даву есть резервы, Багратион в ночь на 24 июля отвёл корпус Раевского из-под Салтановки, оставив сильный аррьергард.

Весь следующий день, ожидая повторного штурма, войска Даву не трогались с места. Тем временем было закончено возведение моста через Днепр ниже Быхова, и 25 июля армия Багратиона, переправившись через Днепр, двинулась

к Смоленску, прикрываясь казачьими пикетами. Корпус Раевского последовал за основными силами армии. В результате Даву не сразу узнал об отступлении, а когда узнал, не имел представления о направлении отступления. Таким образом, время для преследования было упущено.

В результате 3 августа две русские армии под командованием генералов М.Б. Барклая-де-Толли и П.И. Багратиона соединились под Смоленском. В боевых действиях наступила небольшая передышка, требовавшаяся и русской, и французской армиям на соби́рание сил, разведку противника и корректировку планов.

При этом, как это не раз было в Отечественной войне, каждая из сторон считала себя победившей в сражении под Салтановкой: русские так как основным итогом боя считали провал планов Наполеона отрезать 2-ю армию и успешное соединение обеих армий; французы, в свою очередь, гордились тем, что устояли перед атаками Багратиона под Могилёвом.

Но вернёмся к участию в сражении сыновей генерала Н.Н. Раевского. Так были они в сражении или нет? Напомним, что старшему сыну генерала, Александру, было в ту пору 16 лет, а младшему, Николаю, всего одиннадцать.

Впервые упоминание о подвиге генерала и его сыновей появилось в газете «Северная пчела» 31 июля 1812 года: «Сколь ни известно общее врождённое во всех истинных сынах России пламенное усердие к Государю и отечеству, мы не можем, однако, умолчать перед публикою следующего происшествия, подтверждающего сие разительным образом. — Пред одним бывшим в сию войну сражением, когда Генерал-Лейтенант Раевский готовился атаковать неприятеля, то будучи уверен, сколько личный пример Начальника одушевляет подчинённых ему воинов, вышел он пред колонну, не только сам, но поставил подле себя и двух юных сыновей своих, и закричал: — «Вперёд, ребята, за Царя и за отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам

путь”. — Чувство героической любви к отечеству в сем почтенном воине должно быть весьма сильно, когда оно и самый глас нежной любви родительской заставило умолкнуть» (сохранена орфография и пунктуация оригинала. — А.С.).

Сам же Н.Н. Раевский в беседе со своим адъютантом поэтом К.Батюшковым так сказал о появлении этой легенды, вошедшей тем не менее во множество художественных произведений об Отечественной войне: «“Из меня сделали римлянина, милый Батюшков, — сказал он мне. — ...Про меня сказали, что я под Дашковкой принес на жертву детей моих”. “Помню, — отвечал я, — в Петербурге вас до небес перевозносили”. — “За то, чего я не сделал, а за истинные мои заслуги хвалили Милорадовича и Остермана. Вот слава, вот плоды трудов!” — “Но помилуйте, ваше высокопревосходительство, не вы ли, взяв за руку детей ваших и знамя, пошли на мост, повторяя: вперёд, ребята; я и дети мои откроем вам путь ко славе, или что-то тому подобное”. Раевский засмеялся. “Я так никогда не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились, я ободрял их. Со мною были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило, на мне остановилась картечь. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын собирал в лесу ягоды (он был тогда сущий ребёнок, и пуля ему прострелила панталоны); вот и всё тут, весь анекдот сочинён в Петербурге. Твой приятель (Жуковский) воспел в стихах. Гравёры, журналисты, нувеллисты воспользовались удобным случаем, и я пожалован римлянином. Et voilà' comme on e'crit l'histoire!” (*Вот как пишется История!*)» (Из записной книжки К.Батюшкова, 1817).

Вероятно, основой для такой версии событий послужило то, что действительно сыновья генерала были при нём в войсках, а старший принимал участие в сражении.

Судьба Якова Кульнева

Неподалёку от деревни Клястицы был поставлен скромный гранитный памятник, обнесённый чугунной решеткой. На лицевой его стороне после имени героя «Генераль-маіоръ Кульневъ — 20-го июля 1812 г.» выгравирован фрагмент из стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов»:

Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал — главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила;
Где колыбель его была,
Там днесь его могила.

Да, так уж получилось, что Яков Петрович Кульнев со славой погиб неподалёку от того места, где суждено ему было появиться на свет.

*Я.П. Кульнев
Портрет мастерской Дж. Доу
из Военной галереи Зимнего
дворца*

Военная биография Я.П. Кульнева не спешила складываться, и ничто не предвещало ему той славы, которой он был овеян.

Родился Кульнев в Витебской губернии в небогатой семье. Воспитывался в сухопутном шляхетском кадетском корпусе, из которого в 1785 году был выпущен в армию с чином поручика, получив назначение в один из пехотных полков, но вскоре был переведён в Петербургский

драгунский полк и всю дальнейшую службу провёл в кавалерии. Боевое крещение он получил во время русско-турецкой войны 1788–1791 годов при блокаде крепости Бендеры, а в 1794 году участвовал в нескольких сражениях в Польше под командой Суворова. За отличие при штурме Праги Кульнев был произведён в майоры и вскоре после этого переведён в Сумской гусарский полк.

Более десяти лет не принимал он участия в боевых делах. Казалось, Кульнев останется «вечным майором». Однако в 1807 году Гродненский гусарский полк, в котором он тогда служил, вошёл в состав армии, действующей против Наполеона в Восточной Пруссии. Здесь Кульнев проявил себя в ряде сражений и особенно отличился в неудачной для русской армии битве под Фридландом. Окружённый неприятелем, он, ко всеобщему изумлению, пробился со своим полком через кольцо вражеских войск. За свои подвиги в этой кампании Кульнев был произведён в полковники, получил несколько боевых наград, о нём заговорили в армии. С тех пор он участвовал во всех войнах, которые вела Россия: русско-шведской (1808–1809), русско-турецкой (1810) и Отечественной (1812), причём, что характерно, место Кульнева было в авангарде, если армия наступала, или в арьергарде, если требовалось прикрывать отступление.

Храбрость и благородство Кульнева признавались даже его врагами. Вот лишь несколько примеров.

25 мая 1807 года под Анкендорфом Кульнев атаковал отступающих французов маршала Нея двумя эскадронами и взял в плен 110 человек. Продолжая преследовать неприятеля, он достиг реки Пасарга и, видя на другом берегу уходящий французский обоз, нашёл брод, перешёл реку, настиг транспорт раненных, которым крикнул: «Не бойтесь, больным

русских бояться нечего», затем захватил обоз, состоящий из мортиры и сорока патронных ящиков. Так как лошадей, чтобы доставить обоз, у Кульнева не было, он приказал подорвать обоз, после чего отступил за реку. За этот бой Кульнев получил орден Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом.

В шведском походе Кульнев вновь в авангарде русской армии. Денис Давыдов, друживший с Яковом Петровичем и служивший некоторое время под его командой, вспоминал, что в этом походе Кульнев почти не спал — все разоблачение его на ночной сон состояло в том, что он снимал с себя саблю и клал её в изголовье. «Я не сплю и не отдыхаю для того, чтобы армия спала и отдыхала». В бою при Иппери его отряд захватил в плен начальника шведского авангарда генерала Левенгельма, за что Яков Петрович удостоился чина полковника. Вот как описал это событие Денис Давыдов: «Мы успели только насладиться зрелищем блистательного действия казаков и гусар и погоней за неприятелем <...> по гладкой снежной пустыне Ботнического залива. Много было поколото драгун (шведов), много взято в плен, но посреди этой сумятицы нам бросилась в глаза группа всадников, около которой толпились нападавшие казаки. Мы направились во весь скач в эту сторону и услышали: “Koulneff, Koulneff, sauvez nous la vie” (“Кульнев, Кульнев, спасите нам жизнь”). Это был генерал Левенгельм... Кульнев остановил направленные на них пики и кинулся обнимать пленных».

«Слава его распространялась быстро, он превратился в народного героя: лубочные картинки, изображавшие какие-то сюжеты из его военной жизни, появились на стенах изб и кабаков; народ наш склонен персонифицировать грандиозные события, и портреты человека с шапкой волос, густыми бакенбардами и усами стали появляться на фарфоровых чашечках и на страницах модных альбомов.

Думаю, что в популярности Кульнева сыграла роль и широко разлетевшаяся молва о том, что он оберегал пленных от побоев и обид. Страшный и беспощадный в битве, он был милостив к врагу, просившему пощады. Если же обнаруживал мародёрство и жестокость по отношению к местному населению, приходил в ярость и казнил бандитов на месте», — отмечала в повести о нашем герое Наталия Кирилловна Неуймина, потомок рода Кульневых по линии матери.

В Отечественную войну 1812 года Кульнев со своим Гродненским гусарским полком вновь сражался то в авангарде, то в арьергарде. Последний бой генерала произошёл у деревне Клястицы Витебской губернии.

Как всегда, Кульнев с ходу атаковал врага. Жестокий бой длился до вечера 18 июля. «Утром к Кульневу подошла подмога из резервных полков Витгенштейна, и кровопролитный бой возобновился. Кульнев разгромил авангард маршала Удино, захватив 900 пленных и большой обоз противника. Наутро 20-го, обнаружив, что враги отовсюду попятились, Кульнев переправился через Дриссу, вновь атаковал и опрокинул французов. Увлёкшись преследованием противника и полагая, что имеет дело лишь с авангардом, он не заметил, что за спинами отступавших уже стоят подошедшие главные силы Удино. Витгенштейн всё ещё находился в пути, и, значит, у Кульнева ещё не было крепкого тыла. Французы навалились на гусар всей мощью корпуса. При этом Удино стал окру-

жать героически сражавшийся полк Кульнева, обрушив на него сильный артиллерийский огонь.

Кульнев, не потерявший до сих пор ни одного поражения, понял, что это конец. Отчаянным усилием, вырываясь из окружения, прорываясь со своими гусарами назад, Яков Петрович пересёк Дриссу, замыкая отступление отряда. Он слез с коня и подошёл к брошенной мортире, намереваясь стрелять по преследовавшим.

“Поспешим”, — торопил его адъютант Нарышкин. “Нет уж, — ответил Яков Петрович, — со своими гусарами в авангарде я первый, а в арьергарде — последний”.

И в этот момент его настигло вражеское ядро. Ему оторвало обе ноги выше колена», — так описывает Н.К. Неуймина последний бой своего предка.

Д.В. Давыдов и С.Г. Волконский свидетельствуют, что смертельно раненный Кульнев сорвал с себя ордена и эполеты, отдав их адъютанту: «Увезите... чтобы неприятель не узнал, что ему удалось убить русского генерала».

Последними словами Кульнева были: «Друзья, спасайте Отечество! Не уступайте врагу ни шага земли. Победа вас ожидает...».

Прах Кульнева был предан земле у деревни Сивошино на небольшом песчаном возвышении на берегу Дриссы. Однако позже родные генерала, испросив особое разрешение императора, перезахоронили Якова Петровича Кульнева в имении его брата Михаила Петровича Ильзенберга в Витебской губернии (ныне деревня Брезгале в Латвии), в четырёх верстах от небольшого имения Пильцыны, которое Яков Петрович купил себе незадолго до смерти.

На лицевой стороне памятника, расположенного в православном храме, золотыми буквами по чёрному фону видна надпись:

«Храброму генералу, мужу высоких добродетелей, Якову, сыну Петра Васильевича и Елуизы Ивановны, урождённой Гребенец, из Померании Прусской Кульневых. Противу нашествия галлов и всех почти европейских народов, командуя целым авангардом корпуса графа Витгенштейна, защищая путь к столице Российской св. Петра, пал со славою на полях Клястицких после трёхдневного непрерывного сражения, в 1812 году июля 20 дня. <...> Памятник сей воздвигнут 1832 года сентября 20 дня».

Навершием памятника — ядро, которым был сражён храбрый воин.

Начало Бородинского сражения. Подвиг моряков

Пожалуй, далеко не всем известно, что в Бородинском сражении принимали участие моряки. Однако наряду с пехотинцами, кавалеристами и артиллеристами в сражении принимали участие и моряки Гвардейского экипажа, предтеча современной морской пехоты. Как правило, моряки использовались на возведении укреплений и переправ, для проведения взрывных работ — в общем, наряду с пионерными войсками выполняли функции современных сапёров.

А.Келлерман. Атака гвардейских егерей и матросов при селе Бородино. 1957 г.

Один из первых же эпизодов начинавшегося Бородинского сражения связан с подвигом моряков Гвардейского экипажа.

Ранним утром 26 августа более ста французских орудий начали артиллерийский обстрел позиций левого фланга. Одновременно с началом обстрела на центр русской позиции, село Бородино, под прикрытием утреннего тумана в отвлекающую атаку двинулась дивизия Дельзона из корпуса вице-короля Евгения Богарне. Село оборонял гвардейский Егерский полк под командованием полковника Бистрома. Около получаса егеря отбивались от четырёхкратно превосходящего противника, однако под угрозой обхода с фланга вынуждены были отступить за реку Колочь. Вслед за ними переправился и 106-й линейный полк французов.

Командующий 1-й Западной армией Барклай-де-Толли направил на помощь 1-й, 19-й и 40-й егерские полки, которые контратаковали французов и отбросили их за реку Колочь. В результате этого боя французский 106-й полк понёс тяжёлые потери.

В этом бою отличилась команда из тридцати самых опытных матросов Гвардейского экипажа под началом мичмана М.Н. Лермонтова. Вместе с гвардейскими егерями охраняла она мост через реку Колочь у села Бородино, имея задачу уничтожить мост в случае отхода. После внезапной атаки превосходящих сил французской армии егеря вынуждены

были отступить за мост, и моряки подожгли его. Однако часть французской пехоты успела на плечах отступавших переправиться через Колочь и продолжала наступление в направлении д. Горки. Когда егеря перешли в контратаку и, отбросив французов к реке, почти полностью их уничтожили, моряки завершили уничтожение переправы. За этот подвиг мичман М.Н. Лермонтов был удостоен ордена Св. Анны

*Г.Яковлев
Портрет М.Н. Лермонтова.
1820-е гг.*

3-й степени, а его подчинённые — знаков отличия Военного ордена (солдатский Георгий).

Позднее Михаил Николаевич Лермонтов участвовал и в других сражениях Отечественной войны, и в зарубежных походах русской армии. Дослужился до чина адмирала. Он неплохо писал стихи, поэтому, когда в 1837 году в печати появилось стихотворение его дальнего родственника М.Ю. Лермонтова «Бородино», в котором очень реалистично были описаны подробности сражения, многие посчитали, что оно было написано участником сражения — Михаилом Николаевичем Лермонтовым, а не молодым поэтом-офицером. В Государственном Эрмитаже хранится портрет М.Н. Лермонтова работы художника Г.Яковлева, относящийся к концу 1820-х годов. Однако некоторые детали портрета вызвали у меня недоумение. Так, М.Н. Лермонтов имел, полученный ещё в чине гардемарина, Знак отличия Военного ордена, в 1813 году он был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом, награждён Кульмским крестом. Эти награды должны быть на приведённом портрете работы Г.Яковлева, датируемом концом 1820-х годов. Правда, орден Св. Анны 3-й степени (до 1815 года — младшая степень этой награды), полученный им за Бородинское сражение, носился не на груди, а на рукоятке холодного оружия (шпаги, сабли), на поясном портрете мы можем его и не видеть. Но остальные ордена, а особенно солдатский Георгий и орден Св. Владимира, ношение которых было по Статуту обязательным (ибо за боевые заслуги получены), должны быть изображены на портрете. Награждённые солдатским Георгием офицеры гордились им не меньше, чем «офицерским» орденом Св. Георгия, так как в то время награждение последним могло состояться и за выслугу 25 лет (при условии участия хотя бы в одном сражении), а солдатский Георгий давался исключительно за боевые заслуги и личную храбрость. Отсутствие этих наград, а также ряд других признаков дают основание сомневаться в том, что на портрете изображён М.Н. Лермонтов.

Бои за Багратионовы флеши

После захвата Бородина Наполеон бросил основные силы на Багратионовы флеши — небольшие земляные укрепления на левом фланге русской армии. Флеши накануне сражения были заняты 2-й сводно-гренадерской дивизией под командованием генерала М.С. Воронцова. В первой атаке французские дивизии дивизионных генералов Дессе и Компана, преодолев сопротивление егерей, пробились через Утицкий лес, но, едва начав строиться на опушке напротив самой южной флешки, попали под картечный огонь и были опрокинуты фланговой атакой егерей.

Более четырёх часов продолжался бой за флеши. О накале боя говорят потери обеих армий и то, что в нём были ранены оба дивизионных генерала — Дессе и Компан, при падении с убитого коня контужен командир корпуса маршал Даву, ранены практически все бригадные командиры с французской стороны. С русской стороны в штыковом бою были тяжело ранены и унесены с поля боя командиры дивизий,

*Генералы Д.П. Неверовский и М.С. Воронцов
Портреты работы Дж. Доу из Военной галереи Зимнего дворца*

генералы Д.П. Неверовский и М.С. Воронцов. Маршал Мюрат, посланный со своим корпусом на подкрепление, чуть не попал в плен к русским кирасирам, контратаковавшим французов. Однако около 10 часов утра русские войска были вынуждены оставить флешу. Но контратака подоспевшей 3-й пехотной дивизии Коновницына исправила положение. В схватке погиб генерал-майор А.А. Тучков 4-й, возглавивший атаку Ревельского и Муромского полков. Именно ему было посвящено стихотворение Марины Цветаевой «Генералам двенадцатого года», ставшее песней, исполнявшейся в фильме «О бедном гусаре замолвите слово»:

Ах, на гравюре полустёртой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвёртый,
Ваш нежный лик.

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

Александр Алексеевич (1778–1812) был младшим из пяти братьев Тучковых. Все они дослужились до генеральских чинов, четверо участвовали в Бородинском сражении. Вдова генерала Мария Тучкова сразу после освобождения Москвы и отступления французских войск приехала на поле Бородина, чтобы отыскать тело мужа. По преданию, ей удалось отыскать его по перстню на руке, но, скорее всего, место гибели мужа было ей указано П.П. Коновницыным. На этом месте М.М. Тучкова поставила первый бородинский памятник павшим в сражении — церковь

*Дж. Доу. Портрет генерал-майора
А.А. Тучкова 4-го*

Спаса Нерукотворного, освящённую в 1820 году. Позднее ею был основан Спасо-Бородинский женский монастырь для вдов погибших в Отечественной войне, а сама она стала его игуменией.

В 11-м часу утра Наполеон сконцентрировал против флешей около 45 тысяч пехоты и кавалерии и почти 400 орудий. Багратион, видя, что артиллерия флешей не может остановить движение французских колонн, возглавил всеобщую контратаку левого крыла, общая численность войск которого составляла приблизительно лишь 20 тысяч человек. Натиск первых рядов русских был остановлен, и завязался жестокий рукопашный бой, продолжавшийся более часа.

Перевес склонялся на сторону русских войск, но во время перехода в контратаку в Багратиона попал осколок ядра и раздробил берцовую кость. «Он ещё силился скрыть несколько мгновений свою рану от войск, чтобы не смутить их. Но кровь лилась из раны, и он стал молча медленно валиться с лошади. Его успели подхватить, положили на землю, затем унесли. То, чего он опасался, во избежание чего пересиливал несколько секунд страшную боль, случилось: «В мгновение пронёсся слух о его смерти, и войско невозможно удержать от замешательства... одно общее чувство — отчаяние! — говорит участник битвы Ермолов»».

Раненого генерала Багратиона увидел Ф.Н. Глинка. «Бельё и платье на нем были в крови, мундир расстегнут, с одной ноги снят сапог, голова забрызгана кровью, большая кровавая рана выше колена. «Лицо, осмуглённое порохом, бледно, но спокойно»». Его сзади кто-то держал, обхватив обеими руками.

Глинка узнал его. Это и был «второй главнокомандующий», смертельно раненный Багра-

Церковь Спаса Нерукотворного в Спасо-Бородинском женском монастыре. Фото автора. Май 2009 г. Перед ней видны остатки земляных укреплений — флешей

*П.И. Багратион
Портрет работы Дж. Доу
из Военной галереи Зимнего дворца*

тион. Окружающие видели, как он, будто забыв страшную боль, молча вглядывался вдаль и как будто вслушивался в грохот битвы. «Ему хочется разгадать судьбу сражения, а судьба сражения становится сомнительной. По линии разнеслась страшная весть о смерти второго главнокомандующего, и руки у солдат опустились». Багратиона унесли, и это был критический, самый роковой момент битвы. Дело было не

только в том, что солдаты любили его, как никого из командовавших ими в эту войну генералов. Они, кроме того, ещё и верили в его непобедимость. «Душа как будто отлетела от всего левого фланга после гибели этого человека», — говорят нам свидетели.

Ярое бешенство, жажда мести овладели теми солдатами, которые были непосредственно в окружении Багратиона. Когда Багратиона уже уносили, кирасир Адрианов, прислуживавший ему во время битвы (подававший зрительную трубу и пр.), подбежал к носилкам и сказал: «Ваше сиятельство, вас везут лечить, во мне уже нет вам надобности!» Затем, передают очевидцы, «Адрианов в виду тысяч пустился, как стрела, мгновенно врезался в ряды неприятелей и, поразив многих, пал мёртвым».

Раненный Багратион был увезён с поля боя в Москву, а затем к своему родственнику князю Б.А. Голицыну в село Симы Владимирской губернии. Там, узнав об оставлении Москвы, Багратион сорвал свои повязки и умер.

Служивший под командой Багратиона и много лет бывший его адъютантом Д.В. Давыдов обращается с прошением к императору о перезахоронении праха полководца на Бородинском поле. Разрешение было дано, и Д.В. Давыдов назначен был командовать церемонией, но умер, не дождавшись этого события.

*А.Вепхвадзе.
Смертельное ранение
генерала Багратиона
на Бородинском поле.
1948 г.*

Где взять Костенецких?

Василий Григорьевич Костенецкий получил очень хорошее для своего времени образование. Окончив артиллерийский и инженерный корпус, он в 1786 году был выпущен штык-юнкером во 2-й канонерский полк. А уже через два года он получает боевое крещение в турецкой войне. Он принимал участие в осаде и штурме Очакова, взятии крепости Гаджибей (Одесса) и Бендер. В 1790–1795 годах он почти непрерывно в боях: в Крыму во время русско-турецкой войны, в Фанагории на Кубани. В 1794 году Костенецкий был произведён в поручики и назначен командиром роты в Черноморском артиллерийском батальоне.

С 1795 года служит в конной артиллерии в Санкт-Петербурге. С 1803 по 1811 год Василий Костенецкий командовал лейб-гвардии Конно-артиллерийской ротой. Именно под командованием Костенецкого рота стала образцовой, а затем на её основе был сформирован первый русский конно-артиллерийский двухбатарейный дивизион. Вдохновителем всех этих преобразований был цесаревич Константин Павлович, который дружески любил Костенецкого, называя его своим «Василием Великим», намекая на его богатырскую фигуру. Действительно, Василий Костенецкий обладал чрезвычайной силой (он один поднимал орудие, валил лошадей, ломал подковы и т.п.).

25 сентября 2011 г.
Возложение цветов
к могиле П.И. Багратиона
участниками Багратионовских
чтений

Ныне могила генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона находится на вершине Курганной высоты, у подножия главного монумента на Бородинском поле. Ежегодно в день именин полководца, 12 июля (день святых апостолов Петра и Павла), к могиле возлагаются цветы, а в день его памяти, 25 сентября, служится панихида, отдаются воинские почести и проходят Багратионовские чтения.

В каких только батальных передрягах мне не доводилось принимать участие! И многократно наблюдал: смелого пуля боится, а труса всегда погибель поджидает.

Генерал В.Г. Костенецкий

Боевое крещение конно-артиллерийская рота под командованием В.Г. Костенецкого получила под Аустерлицем, причём рота показала высокую степень боевой подготовки: орудия роты не раз вылетали на такую дистанцию, что видны были лица неприятелей. Сказалась подготовка в суворовском духе во время учений. Из боя роте пришлось отходить без прикрытия около двух вёрст при чрезвычайно тяжёлых условиях: «Видя, что за большой убылью лошадей (до 1/4 состава) орудия в опасности, Костенецкий сам бросился в контратаку, бился как лев и при помощи подоспевших офицеров

и нижних чинов спас 4 орудия и с горестью бросил завязшие в грунте 2 орудия, у которых уцелел только один ездовой, а все лошади были перебиты». **«В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении 20 ноября при Аустерлице против французских войск»,** В.Г. Костенецкий был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

За боевые отличия в кампании 1807 года Костенецкий был награждён орденом Св. Владимира 3-й степени, а в начале следующего года произведён в генерал-майоры с оставлением командиром роты. Костенецкий явился инициатором и многих нововведений в артиллерийской службе: по опыту войн им были выработаны новые практические приёмы и изобретена картечная граната.

С таким же творческим отношением к своим обязанностям служили и другие офицеры его роты. Так, под командой Костенецкого начал свою службу будущий видный теоретик применения артиллерии генерал Д.А. Столыпин, автор многих печатных работ, правота выкладок которого была практически доказана уже на Бородинском поле. Будущий партизан А.Н. Сеславин подал проект «Как устроить летучую артиллерию».

В июне 1812 года генерал Костенецкий был назначен начальником артиллерии VI корпуса, с которым и участвовал в Отечественной войне, отличился в сражении под Смоленском (награждён орденом Св. Анны 1-й степени) и под Бородином, сперва правее батареи Раевского, а после гибели графа А.И. Кутайсова заменил его в должности начальника артиллерии армии, «благоразумным расположением артиллерии действовал к отбитию неприятеля». **«В награду за мужество и храбрость, оказанные в сражении против французских войск 26 августа при Бородине»,** он был награждён орденом Св. Георгия 3-й степени.

В ходе Бородинского сражения произошел эпизод, весьма характерный для Костенецкого. В разгар боя на одну из батарей ворвались польские уланы и начали рубить канониров. Находившийся на батарее Костенецкий бросился на выручку и, схватив банник, начал разить им врагов. Он орудовал им до тех пор, пока банник не сломался. Последовав примеру командира, артиллеристы отбили атаку и через некоторое время уже вновь открыли огонь.

Узнав об этом, Александр I спросил Костенецкого, какую награду он пожелал бы получить за свой подвиг. Генерал, не растерявшись, ответил:

— Ваше величество, прикажите вместо деревянных банников делать железные!

На что Александр возразил:

— Мне нетрудно ввести в артиллерию железные банники. Но где мне найти таких Костенецких, которые могли бы так владеть ими?

Генерал-майор В.Г. Костенецкий участвовал почти во всех сражениях Отечественной войны и зарубежных походах русской армии, многократно был ранен и контужен. Он с отличием командовал артиллерией под Тарутином, Малоярославцем и под Красным. В кампании 1813 года он исполнял обязанности начальника артиллерии в различных отрядах и корпусах армии, участвовал во всех важнейших делах: под Калишем, Люценом, Бауценом, Дрезденом, Альтенбургом, Ноллендорфом, Кульмом, Лейпцигом и при «прогнании неприятеля

230

А.Ю. Аверьянов. Подвиг генерала Костенецкого

за Рейн». В кампании 1814 года участвовал в боях под Страсбургом, Ножаном, Бар-сюр-Об, Лабрюсселем, Арсиссюр-Об и Фершампенуазе и во взятии Парижа.

А вот с наградами ему не всегда везло: «благодаря» канцелярской путанице Костенецкий за боевые отличия трижды получил золотое оружие с алмазами и с надписью «За храбрость» и дважды орден Св. Анны 1-й степени с алмазами (в то время не принято было дважды давать одну и ту же награду, каждый раз статус награждения должен был повышаться, Костенецкий же, как видим, неоднократно достаивался уже имеющейся у него награды).

В 1814 году генерал Костенецкий был назначен начальником артиллерии III корпуса, в котором в 1815 году совершил вторично поход во Францию. В 1817 году он был назначен начальником артиллерии IV корпуса, но вследствие недоразумений с начальником артиллерии 1-й армии князем Яшвилем в 1819 году он был назначен состоять по артиллерии (без конкретной должности). В 1826 году император Николай I произвёл Костенецкого в чин генерал-лейтенанта, но назначения он так и не получил. Умер в 1831 году от холеры.

Кто же победил в Бородинской битве?

Уже два столетия отделяют нас от первой Отечественной войны, но эта эпоха не перестаёт интересовать историков, не перестаёт волновать сердца русских людей. Да и не только русских: в Европе сохраняются памятники эпохи наполеоновских войн, памятники славы русского оружия в зарубежных походах 1813–1814 годов.

А место одного из важнейших сражений Отечественной войны — Бородинское поле, также как и другие поля воинской славы — Куликово и Прохоровское, — стало мемориальным, свято хранящим память о двух великих битвах истории России 1812 и 1941 годов.

Однако до сих пор не прекращаются споры об итогах одного из важнейших сражений этой войны — Бородинской битвы (французы называют её Московской битвой или битвой под Москвой).

Как отечественные, так и зарубежные исследователи находят всё новые архивные документы, воспоминания участников событий, письма, с помощью которых скрупулёзно уточняют хронологию сражения, расположения военачальников, действия дивизий и полков. Но до сих пор между отечественными и зарубежными (прежде всего французскими) историками, да и внутри страны нет единого мнения об основном итоге сражения.

Кто же одержал победу, а кто проиграл сражение: русские или французы? Французские историки убеждены в победе Наполеона, мы же привыкли с детства считать победителем русскую армию.

По формальным правилам военной науки того времени, выигравшей сражение считалась сторона, за которой осталось поле битвы, а отступившая — проигравшей. Помните, в широко известном фильме «Кутузов» М.Б. Барклай-де-Толли (роль прекрасно исполнил Н.Охлопков), обращаясь к Кутузову, говорит: «Сражение, за которым следует отсту-

пленение, считается проигранным». Из этих же соображений Наполеон поторопился объявить себя победителем, ведь в результате сражения он продолжил наступление и вошёл в Москву. Правда, он заметил: «Ещё одна такая победа, и я останусь без армии». Это признание дорого стоит, ведь такая победа уже близка к поражению.

Но ведь русская армия оставила поле сражения не сразу после сражения, не бежала под натиском французов, но была готова продолжать сражение, вспомним лермонтовское «Бородино»:

Вот смерклось. Были все готовы
Завтра бой затеять новый
И до конца стоять...

И первоначальным намерением М.И. Кутузова было именно продолжение сражения. Но анализ потерь русской армии, оценка ситуации в целом и, по слову лермонтовского героя, «Божья воля» вынудили полководца продолжить отступление и даже оставить без боя Москву («с потерю Москвы ещё не потеряна Россия») ради сохранения и укрепления армии.

Таким образом, последовавшее отступление и даже оставление — не сдача! — Москвы (у Лермонтова чётко написано — «Москва французу отдана», а не сдана, большая разница) были результатом нового стратегического замысла, а не превосходства неприятеля.

Вспомним, что подобная же историческая ситуация возникла в Крыму в 1855 году, когда Севастополь (и даже не весь город, а лишь его южная сторона) после второго штурма был занят войсками союзников, но не сдан русскими. После длительной (348-дневной, почти год!) осады и штурма у союзников уже не было сил продолжать активные боевые действия и, преодолев Севастопольскую бухту, прогнать защитников города с северной стороны.

То есть русская армия в Бородинском сражении одержала нравственную победу, победу духа («ибо не сломлен дух армии»), развеяла миф о непобедимости армии объединённой Европы.

Кстати, так же оценивал итоги Бородинского сражения и Л.Н. Толстой: «Нравственная сила французской армии была истощена. Не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемых знаменами, и тем пространством, на котором стояли и стоят войска, — а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве врага и своём бессилии, была одержана русскими под Бородином». Толстой показывает, что именно «прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по Старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородином была наложена рука сильнейшего духом противника».

Защитим Бородинское поле

Бородинское поле — памятник воинской славы двух войн, 1812 и 1941 годов. Выкупленное Николаем I и превращённое в музей, поле неоднократно подвергалось нападениям «внутренних» врагов. Так, в марте 1932 года по распоряжению властей с целью добычи чугуна был взорван Главный монумент Бородинского поля. Могила Багратиона, прах которого был в 1839 году перенесён из села Симы и перезахоронен у Главного монумента, считавшегося тогда «царским сатрапом», была разрушена и разграблена, останки героя выкинуты. И лишь в 1985–1987 годах монумент на батарее Раевского был восстановлен реставраторами, также как и склеп и надгробная плита с оградой над могилой П.И. Багратиона. Археологическим путем среди мусора в склепе были обнаружены фрагменты костей Багратиона. Их поместили в особый ларец, и теперь они покоятся в склепе на месте прежнего гроба Багратиона.

Казалось бы, теперь полю ничего не угрожает. Но вот в конце ноября 2010 года администрация музея вновь забила тревогу и обратилась за помощью: «Бородинское поле в опасности!». Речь шла о застройке поля особняками, подбиравшимися всё ближе к Главному монументу. Как объяснили в администрации музея, «главная проблема сохранения Бородинского поля не захват земель, а нарушение режима содержания его территории. Владельцы земельных участков правдами и неправдами, игнорируя музей-заповедник, пытаются изменить вид разрешенного использования участков, предоставленных им государством БЕСПЛАТНО

233

Бородинское поле — памятник двух войн. Памятник-танк и дот 1941 г. недалеко от батареи Раевского. Вдали — купол Бородинской церкви — свидетельницы двух битв. Фото автора. 25 сентября 2011 г.

Медаль «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года». Аверс. Реверс

“для ведения крестьянского/фермерского хозяйства”, на использование “под дачное строительство” ДЛЯ ПРОДАЖИ по “дачным” ценам, зная, что строить на них НЕЛЬЗЯ». Последовали обращения множества граждан, различных общественных организаций к президенту, министру культуры, в Генеральную прокуратуру РФ. Среди таких писем было и совместное обращение Московского Лермонтовского общества,

234

АЛЕКСАНДР САХАРОВ

Историко-патриотического объединения «Багратион» и Союза потомков участников Бородинской битвы (опубликовано на сайте музея-заповедника).

Сейчас, в результате активной народной защиты поля, деятельность самозванных застройщиков приостановлена. К сожалению, нельзя сказать, что навсегда, многие вопросы и по сей день не разрешены.

А потому Бородинское поле, как и многие важнейшие объекты нашей исторической и культурной памяти, нуждается в нашей защите.

Главный монумент Бородинского поля на батарее Раевского.

Фото автора.

25 сентября 2011 г.

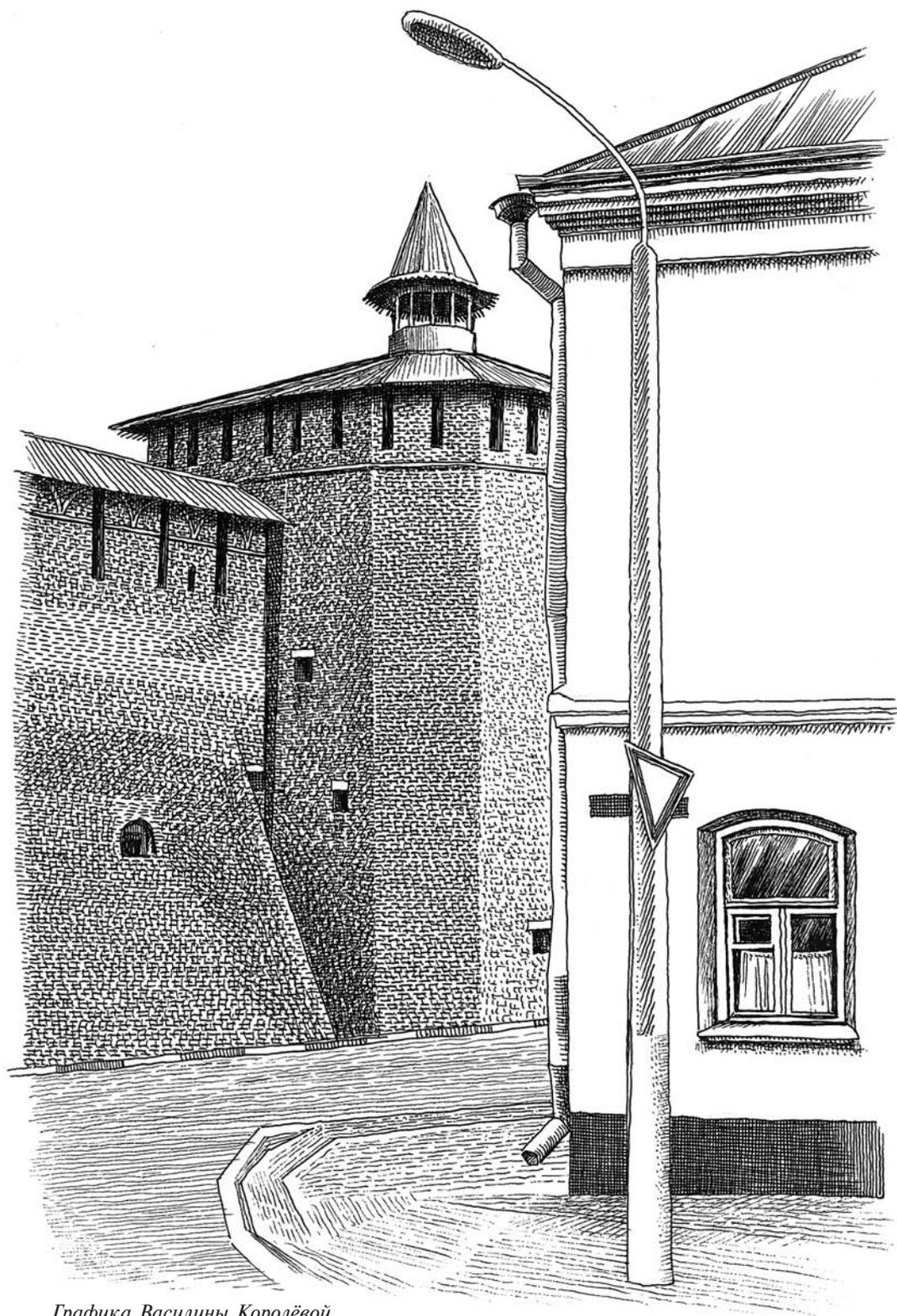
День памяти П.И. Багратиона

В зеркале
столетий

1177 2012

Графика Василины Королёвой

Архидиакон Павел Алеппский

ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИОХИЙСКОГО ПАТРИАРХА МАКАРИЯ В РОССИЮ

Архидиакон Павел из Алеппо — один из ярчайших представителей интереснейшего народа — арабов-христиан, что и теперь составляют значительную часть населения Сирии, Ливана, Палестины. В его личности сконцентрированы все достоинства этой удивительной общности: сочетание эмоциональности, горячего темперамента и утончённой арабской культуры, красота и величие константинопольской традиции — христианская античность Ромейской империи и духовная мощь Святой земли. Благодаря своим знаниям, способностям и талантам отец Павел не только был приближен к Патриарху Антиохийскому Макарию. Его также включили в состав посольства, которое во главе с Патриархом отправилось в Россию в середине XVII века. Хроника этого посольства стала уникальным источником по истории России.

Исторические записки

Когда мы вошли в монастырь, нас встретили по обыкновению и ввели в большую церковь в честь Божественного Богоявления, коего образ поставлен вместо иконы Господа, ибо таков их обычай. Восток в эту церковь чудный, высокий, с трёх сторон; кругом — галерея с тремя дверями. Церковь весьма древняя. Мы отстояли в ней вечерню и пошли помолиться в другую церковь, которая находится в трапезе отцов. Она весьма древняя и красивая, в честь одного из их новых святых, по имени Сергей; как нам об нём рассказывали, он первый пришёл сюда... проповедовал здесь Христа и построил эту церковь. Монастырь относится к его же времени. Между этими двумя церквями высокая колокольня с приподнятым высоким куполом, наподобие куполов церковных.

Выйдя из монастыря, мы ночевали вне его, на берегу реки. В четверг, 17 августа, вставши рано поутру, мы прибыли на судне в знаменитую крепость Коломну.

Воевода нас опередил и вышел нам навстречу вместе с почётными горожанами, священниками и всем народом. Нас ввели в каменную крепость, которая издали бросалась в глаза высотой своих стен. Мы помолились перед иконами, помещёнными над её воротами снаружи и снутри; а также, проходя

мимо церкви, мы всякий раз останавливались и молились на её иконы, которые поставлены над дверью, подражая в этом москвитам. Наконец нас ввели в высокую великую церковь, откуда вышли встретить нас священники и дьяконы с иконами и кадильницами, по обыкновению. Мы отстояли в ней обедню, ибо они ждали нас. Церковь эта епископская (кафедральная). По выходе из неё нас повели вверх, туда, где епископские келии, в которых нас и поместили, как приказал им царь и его министры, ибо царь и патриарх недавно сослали (здешнего) епископа в заточение в страну, называемую Сибиря, за важный проступок с его стороны...

Мы не нашли налицо уполномоченного, то есть протопопа. В этой стране есть обычай, что, когда случится особенный (храмовый) праздник в каком-либо выдающемся, большом, известном монастыре или в епископской церкви, в этот день совершают водосвятие и царский молебен, вливают св. воду в сосуды из воска и отправляются для поднесения её в дар царю, всему его дому, патриарху и государственным сановникам, вместе с иконой святого или Господского праздника. Таков их обычай. Если бы епископ был здесь, то он сам бы отправился раздавать воду, потому что это великая, епископская церковь во имя Успения Богородицы, но по сказанной причине водосвятие совершил протопоп и поехал раздавать св. воду вместе с иконами туда, где находился царь, осаждавший Смоленск. Потом он вернулся.

Коломна

Глава I

Коломна. — Описание города. Церкви

Что касается описания этого города, то он представляется в таком виде. Он величиной с город Эмессу, но стены его, выстроенные из больших камней и крепкого чудесного красного кирпича, страшной высоты. Его башни походят на башни Антиохии — или даже лучше и красивее их по постройке, — удивительно крепки и непоколебимы. Каждая башня имеет особый вид: одни — круглые, другие — восьмиугольные, иные — четырёхугольные, и все высоки, величественны и господствуют над окрестностями; они в четыре яруса, со многими бойницами и амбразурами. Вокруг каждого яруса имеется снаружи проход, в виде балкона, с зубцами и бойницами, направленными вниз, подобно тем, которые находятся внутри и снаружи крепости Аль-Хусн у нас. Несомненно, это постройка, доведённая до совершенства и достойная удивления зрителя. Потолки в ней имеют вид сводчатых куполов. Окружная стена равно прочна и крепка и также походит на стену Антиохии по высоте, толщине и ширине. Скаты рва широки, огромны и все выложены камнем.

Снутри окружной стены есть арки, подобные тем, которые находятся снутри стены Антиохии со стороны ворот Аль-Жинан (Садовых) и о которых нам говорили, что в древности в них вставляли зеркала для блеска. Подобно тому как там река Аль-Аси течёт с одной стороны города, так и здесь р. Москва течёт снаружи этой стены с северной стороны. Внутри

Панорама Коломны. Рисунок Адама Олеария. XVIII в.

окружной стены заключаются большие, обширных размеров сводчатые подземелья, выходящие к реке, дабы можно было брать воду из неё в случае нужды и осады, ибо река частью подходит к подножию стены, где есть потаённая дверь с железною решёткой. Также и с другой стороны протекает другая, маленькая река, по имени Коломна, на которой устроены мельницы; по ней и город получил своё название. Вся местность, где расположена эта крепость, представляет высокую гору. Крепость имеет четверо больших ворот; внутри каждых ворот четыре двери и между ними железные решётки, которые поднимаются и спускаются посредством подъёмной машины.

У каждых ворот много пушек, а на башне висит колокол, в который, в случае тревоги, немедленно ударяют для оповещения жителей. Теперь в него звонят всякий раз, как случится пожар. Вне крепостной стены домов больше, чем внутри её, и каждая улица представляет как бы отдельное селение, так как жители всегда любят открытые места. Все дома деревянные, и потому, когда случится пожар, люди, которые дежурят по очереди у того колокола и постоянно высматривают, звонят в него, и горожане, услышав его днём или ночью, немедленно спешат с топорами тушить огонь. Все рынки за городом. Над каждыми воротами есть большая икона, написанная на стене (заделанном) окне, над которым большой навес вокруг иконы для защиты от дождя и снега. Перед иконами большие стеклянные фонари, в коих зажигают свечи. Над главными воротами снаружи изображение Господа Христа в рост, а над внутренними воротами образ Владычицы.

Внутри крепости пять больших каменных церквей и монастырь для девиц во имя Введения Владычицы во храм (неточность; имеется в виду, конечно же, Успенский Брусенский монастырь. — *Р.С.*). Первая церковь благолепная, с куполами; крыша её крестообразна, ибо её стены имеют

с каждой стороны вид трёх арок, из коих средняя выше остальных двух; церковь эта во имя св. Николая. В смежности с нею колокольня высокая, изящная, с арками и четырёхугольным продолговатым куполом с крестом наверху, по обыкновению. На четырёх её углах для украшения сделаны резные колонны, наподобие фонарей, очень изящной работы. Вторая церковь, больше и лучше (первой), в честь Воскресения. Третья церковь, маленькая, но весьма красивая, также во имя св. Николая; в ней второй алтарь во имя мученика Антипия. Четвёртая церковь, именно соборная, есть великая церковь, кафедра епископа. Она весьма величественна и высока и как бы висячая; в неё всходят по высокой лестнице с трёх сторон, соответственно трём её дверям. Она вся из тёмного камня, приподнята на значительную высоту и кругом имеет кайму скульптурной работы во всю толщу её стен. Косяки дверей и окон подходят на отшлифованные колонны — работа редкостная, так что косяки кажутся изящными, как тонкие колонны. Церковь имеет три высоких купола, снизу приподнятых. Верх большого купола покрыт кругом красивыми, четырёхугольными, резными из деревянных досок фигурами, в виде крестов, величиною с ладонь. На куполах позолоченные кресты. Большой купол находится над хоросом, остальные два над обоими (боковыми) алтарями, ибо церковь имеет три алтаря, как обыкновенно все их церкви. Один из них во имя св. Димитрия; в нём имеются его иконы. Здесь постоянно совершается литургия. Главный алтарь имеет три больших окна со стёклами, и в нём висят, по их обыкновению, два больших зеркала, к которым священники всегда подходят, смотрятся в них и расчёсывают свои волосы. В хоросе, перед (царскими) дверями этого алтаря, помещён большой круг наподобие амвона; он высокий, стоит на деревянных восьмиугольных и круглых колоннах, которые все позолоченные и резные, и имеет две лестницы, из коих одна перед царскими вратами, по ней всходит дьякон для ектеньи; другая лестница с западной стороны, по ней он всходит для чтения Евангелия. Архиерейское место каменное, с очень большим куполом, помещается близ южных дверей, ибо церковь имеет, по их обыкновению, три двери: две из них выходят на хорос с южной и северной стороны, а с западной — большая дверь. Все эти двери с двумя створами из чистого железа. Над каждой из них наверху образ, над большой дверью образ Успения Богородицы, дабы народ знал имя церкви. Таков у них обычай во всех их церквах, и какой это прекрасный обычай!

Что касается иконостаса, то у них принято ставить икону того (святого или праздника), в честь которого церковь, на место иконы Господа, а напротив неё, на место иконы Владычицы, икону Троицы: три ангела, Авраам и Сара и трапеза. Так и в этой церкви поставлена икона Успения Владычицы на месте иконы Господа. Около неё стоит икона Владычицы весьма старинная, которая, как нам говорили, всегда творит чудеса. К ней имеют большую веру. На этой иконе висит много привесок из золота, серебра и жемчуга.

Верхний иконостас у них устраивается не так, как принято в стране казаков и греков, но Господь помещён в середине, справа и слева Иоанн Креститель и св. Дева, подле них два ангела; завершается первый ряд Петром, Иоанном Златоустым, Василием и двумя другими апостолами;

напротив них Павел, св. Николай, Григорий и другие два апостола — с каждой стороны пять больших икон с изображениями во весь рост. Над этим рядом находится изображение Владычицы и пророков, предвозвестивших о Ней, с той и с другой стороны. У них нет, как у нас, лампад с маслом, ибо оно дорого и зимой замерзает, ни больших медных подсвечников, но большие, толстые, расписные свечи в каменных с резьбою столбах, утверждённых (в полу); на верху столба жестяной кружок, в который вставляют большие и малые свечи, так как у них принято, что всякий, кто приходит в церковь, приносит с собой свечу, которую собственноручно ставит пред образом.

Ниже северной двери (соборной) церкви стоит колокольня, достойная удивления по своей красоте, архитектуре и украшениям. Она круглая и восьмиугольная, с чудесной резьбой, походит на башню Эмессы, но ещё красивее, высока, со многими арками кругом, над которыми возвышаются другие арки, ещё изящнее. Её купол высокий, приподнятый, восьмиугольный. На этой колокольне висят двенадцать больших и малых колоколов, коих звон гудит подобно грому. Внутри её есть железные часы в каморке. Когда наступает время бить полчаса, они ударяют двумя молоточками по двум малым колоколам три раза; когда же истечёт час, то оба молоточка ударяют о колокола двадцать шесть раз — это называется будильником; затем бьёт известное число часов другой, большой молоток по другому, большому колоколу. Часы дня и часы ночи отбиваются отдельно. В конце текущего августа месяца часы били четырнадцать часов для дня и десять для ночи; в сентябре ночь и день сравнялись.

Крыша как этой церкви, так и всех вышеупомянутых церквей походит на кедровую шишку или на артишок; она ни плоская, ни горбообразная, но с каждой из четырёх стен церкви есть нечто вроде трёх арок, над которыми другие, поменьше, потом ещё меньше кругом купола — очень красивое устройство. Всё покрыто досками для защиты от дождя и снега, дабы он не портился. Под эту церковь много склепов и подвалов. Над нарфексом есть ещё ярус, где помещается казнохранилище епископа; мы видели его богатство — несколько сундуков, полных серебряными и золотыми монетами. Всё это находится в обладании царя, как мы потом об этом расскажем.

Глава II

Коломна. — Архиерейский дом. Приказ и тюрьма. Коломенская епископия...

Архиерейский дом очень велик и обнесён кругом деревянной стеной. Епископ проходит к келиям от южной двери церкви по высокой лестнице и длинной деревянной галерее, находящейся на большой высоте от земли; бывало, когда мы проходили по ней, пред нами открывался вид на поля и деревни на далёкое расстояние, ибо галерея совсем открыта. Келии, или, вернее, дворец епископа, выстроены из превосходного камня и дерева и также всякие (как и церкви); из них одни — для зимы, другие — для лета. Летние келии имеют галереи, выходящие в сад, в коем

растут чудесные яблоки, редкостные по своей красоте, цвету и вкусу; они разных сортов: красные, как сердолик, жёлтые, как золото, белые, как камфара, все с очень тонкой кожицей. Есть другой сорт яблонь с маленькими сахаристыми плодами. Мы видели — о удивление! — на ветвях его в это время года бутоны и цветы; он приносит обильные плоды. Это не было хорошим знаком для жителей, как мы об этом расскажем.

Зимние покои состоят из многих помещений, из которых одни ведут в другие. Они выстроены из строганого, крепко сплочённого, чудесного дерева и имеют двери, плотно прилаженные и тщательно пригнанные, обитые войлоком и кожей, так что ни одно дуновение ветерка не может проникнуть (в дом). Все окна имеют передвижные ставни, плотно пригнанные; днём их открывают и вставляют в окна рамы с каменными стёклами здешней страны (т.е. из слюды. — *P.C.*); на ночь же эти рамы снимают и ставят на место их в окна ставни, обитые войлоком, дабы сквозь них не мог проникнуть холодный воздух. В каждой келье есть каптур, т.е. печь из кирпича для разведения огня, с железными дверцами; эти печи топят в зимнее время для нагревания комнат. Также в каждой келье есть иконостас с образами, и не только внутри, но и снаружи над дверью, даже над дверью лестницы, ибо таков обычай у московитов, что они вешают иконы на всех дверях своих домов, подвалов, кухонь и лавок. Всякий раз, как увидят икону, останавливаются и молятся на неё с большим благоговением; если бы кто из них прошёл даже мимо ста икон в течение часа, он останавливается и молится на каждую, не торопясь. Таков их обычай не только у мужчин, но и у женщин и детей.

Здание дивана епископа сводчатое, вновь выстроенное из камня; здесь и казначеище его. Это епископство владеет угодьями — деревнями со многими крестьянами. В епископском доме есть большая тюрьма с железными цепями и тяжёлыми колодками для преступников. Если кто из крестьян епископа провинится: украдёт или убьёт, то его приводят сюда, сажают в тюрьму и наказывают, как нам случалось видеть, смертью и ударами, смотря по вине. Воевода не имеет власти над ними. Управители епископа налагают на них штраф и взыскивают с вора за украденную вещь вдвое. Так они поступают. Когда кто-нибудь из епископских слуг напивался пьян, ему также надевали на шею и на ноги тяжёлую железную цепь, к которой привешен тяжёлый чурбан, которого не в силах стащить и упряжное животное. Бывало, наш владыка патриарх ходатайствовал за многих и избавлял от цепи. Не только в этом епископстве есть тюрьма и оковы, но и в каждом монастыре они имеются для исправления служителей и крестьян. Говорят, что этому епископству принадлежат триста воинов-янычар (стрельцов), коих оно имеет для своей охраны и защиты, для обережения своих выгод и надзора. Содержание им идёт от его угодий. Когда епископ едет куда-нибудь, они сопровождают его всюду, куда бы он ни отправлялся.

В конце вышеописанной галереи есть новая каменная церковь, построенная там первым епископом для зимнего времени, ибо он устроил её над кухней и пекарной печью, так что в неё проникает теплота, и в морозное время она становится как баня. Церковь эта в честь видения, которое явилось Андрею Салосу в Константинополе во дни царя Льва Великого: он видел Божию Матерь в облаках. Они называют этот празд-

ник *Бокробки Богородица* (Покров Богородицы) и празднуют его в первый день октября с большой торжественностью.

Этот праздник был и у греков, но теперь они не знают его и называют *Σκέλας της Παναγίας*, т.е. Покров Божией Матери, ибо он изображается на иконе так: Св. Дева в облаках, Андрей Салос указывает на Неё перстом царю и всему народу города. Внизу этой иконы есть изображение Романа, составителя кондаков: он младенец и спит, а Св. Дева кладёт ему в рот бумажный свиток наподобие халвы, т.е. источник святых его уст; есть и другое изображение: он стоит на возвышении со свитком в руках и возглашает по нему кондак святого праздника Рождества, который есть: «Дева днесь Пресущественного рождает...»

Возвращаемся. Купол этой церкви крыт зелёной черепицей и очень красив. Совне её большой нарфекс, именно место, где трапезует епископ со своими приближёнными.

Что касается деревянных церквей, которые находятся внутри и вне этой крепости, то их — около двадцати пяти. Среди улиц находится монастырь в честь Божественного Преображения, весьма древний; трапезная церковь во имя Первого Обретения Главы (Иоанна Крестителя). По ту сторону реки, насупротив города, стоит великолепный монастырь, весь выбеленный, с высокими куполами, во имя Рождества Богородицы, а трапезная церковь в честь Ваий (Входа в Иерусалим).

Эта Коломна — город известный и знаменитый. В ней по понедельникам и четвергам бывает большой базар, на который являются крестьяне со своими продуктами из очень дальних мест. Она служит пристанью, куда приходят из Москвы суда, идущие в области, называемые Казания и Астрахания, по другим рекам, кои соединяются с большою рекой (Волгой) и, собравшись семьюдесятью устьями, впадают в Персидское море, называемое Каспием; старинные книги и истории называют его морем Фарсийским. По нему ездят в страну кизильбашей и в Грузию. Оттуда приезжает много купцов, под видом послов, которые привозят с собою товары: материи, крашенный шёлк, индиго, хлопок, пряности, сафьян, ладан и прочее, а взамен берут соболий мех, рыбий зуб, отличные сукна и другие товары и редкости московские. В этом городе бывает сборище всех купцов. Здесь всегда стоят на якоре несколько судов для царя, на коих устроено нечто вроде диванов, каюты и комнатки с балконами и многочисленными окнами кругом. На этой реке есть деревянный мост; подходя к нему, суда снимают свои мачты и проходят под ним.

От этого города до Москвы двести вёрст по реке, а по суше девяносто, ибо, как известно, реки делают повороты.

Возвращаемся к рассказу о епископии. Все угодья церквей и монастырей состоят во власти царя. Архиереи не могут распоряжаться угодьями и доходами, но царь посылает от себя в каждый монастырь и к каждому архиерею людей, которые и заведуют, в качестве надсмотрщиков, всеми угодьями и доходами; архиерей же и настоятель монастыря вправе распоряжаться только собственным имуществом. При каждом епископе судья его и управляющие назначаются от царя. Монастыри также ведут запись своих доходов, кои они складывают в казнохранилище на нужды царя в случае похода; об этом более подробное разъяснение мы дадим впоследствии. Равным образом они не могут ни возводить новых по-

строек, ни поправлять старых, ни делать вообще каких-либо расходов, не уведомив царя и не испросив его разрешения. Они ведут всему этому счёт в книгах с величайшею точностью, как мы это наблюдали у управителей здешней епископии, кои суть люди пожилые и благонадёжные.

Архиерей в этой стране не имеет права производить канонический сбор с паствы, но взимает его ежегодно со священников. С каждого по величине его паствы и доходов его церкви; самый бедный священник платит один рубль. Всё это точно определено по книгам епископа. Каждый архиерей при жизни приобретает в свою собственность большое недвижимое имущество, но когда он умрёт, оно поступает к распродаже царя, ибо царь — наследник всех.

Нам говорили, что эта епископия — беднейшая из всех архиерейских кафедр в стране московской. Под ведением её находится более пятнадцати городов, имеющих воевод, как эта Коломна, коих власть простирается более чем на две тысячи больших и малых селений. Многие из этих селений заключают более десяти тысяч домов. В числе тех пятнадцати крепостей находятся: Кашира, воевода которой имеет власть более чем над тысячею селений, Серпухов, подобный ей, Тула со своею областью. Они составляют пятнадцать санджаков (уездов), к коим принадлежат более двадцати тысяч деревень: сочти, сколько в них жителей. Всё это паства здешнего епископа. Говорят, будто епархия эта бедна и мала (да поможет ей Бог!), а она больше области трёх патриархов: Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского, и нет тут никого, кто бы причинял потери, подвергал вымогательствам и гнёту, но все живут в безопасности и в радости и накопляют золото в изобилии. Епископ распоряжается в воеводствах с властью, не допускающей прекословия. Здесь архиерейское управление ведётся хорошо и возможна жизнь привольная...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как ни парадоксально, труд секретаря Патриарха Макария — сирийского архидиакона Павла, появился на свет прежде всего благодаря внутрироссийским событиям. Начало 1650-х годов ознаменовалось небывалым ростом могущества Патриарха всея Руси Никона. Вклад этого человека в историю России ещё не оценён по достоинству. Его часто упрекают в крутости и жестокости, с которой была проведена церковная реформа. Но многие историки «не замечают» того факта, что Святейший Никон вывел страну из духовной самоизоляции, из того мертвяще-провинциального состояния, в которое мы добровольно себя заключили.

При Никоне Россия становится мировой державой — прежде всего в духовном смысле. Мы почувствовали вкус Вселенского Православия. Впервые наша страна осознала себя не только хранилищем «древлего благочестия», но и частью огромного христианского мира, лидером, к которому тянутся порабощённые турками православные народы.

Интерес Москвы к древнейшим Церквам был воспринят зарубежными единоверцами как манна небесная. Жизнь под османским игом не казалась весёлой и богатой не только грекам и славянам, но и арабам. Для жадных, самодовольных и жестоких турок арабы оставались людьми «второго сорта», тем более — арабы-христиане. А между тем именно арабский мир в Средние века стал «учителем Европы», принеся на одичавший Запад сокровища архитектуры, науки, литературы, искусства. Находиться под гнётом осман-завоевателей было унизительно.

И вдруг главы Восточных Церквей узнают, что они нужны, что их мнение, их знания и советы необходимы для могущественной христианской империи. Это сулило мощнейшую духовную поддержку и огромные пожертвования, совсем не лишние для обедневших восточных иерархов. Главы Церквей отправляются в Москву для принятия важных соборных решений. Одной из таких высоких делегаций стало посольство Антиохийской Церкви. Описание этой миссии и послужило основой огромного труда архидиакона Павла.

«Путешествие Патриарха Макария в Россию» — уникальный источник по истории нашей Отчизны. Конечно, это взгляд «со стороны», описание, составленное чужеземцем. Но в то же время это взгляд единоверца, исполненный уважения и любви. Огромные просторы страны, необычный суровый климат, энергия и упорство её людей, величие её построек — всё вызывает изумление автора.

«Путешествие» написано по-арабски, с хвалебным многословием и цветистостью, столь характерными для восточной культуры. Но да благодарит Бог отца Павла и за это многословие, и за эту цветистость! Благодаря его дотошным и одновременно восторженным описаниям мы можем в мельчайших деталях представить особенности русской жизни того времени. Нашим суровым и неразговорчивым предкам и в голову бы не пришло замечать черты привычного быта. А для иноземного священнослужителя они как раз были необычны, и он описал их самым подробнейшим образом.

Украина, Богдан Хмельницкий, местное богослужение и быт, Россия, Коломна, Москва, Троице-Сергиева Лавра, строгий военный быт, передвижения многотысячных ратей, пышный московский двор, хитросплетения российской церковной политики — всё это изображено в громадном двухтомнике, подготовленном прекрасным переводчиком с арабского — Г.Муркосом в 1897 г. Введение в научный оборот сочинения отца Павла стало настоящим открытием и Руси и Коломны. Наш город описан особенно подробно, поскольку посольство антиохийцев задержалось здесь надолго, почти на полгода — с 17 августа 1654 года до 30 декабря 1655 года.

Патриарх Макарий оказался в Коломне в очень тяжёлое время. Только что свели с кафедры епископа Павла Коломенского (событие это стало одним из самых тяжких грехов Патриарха Никона, который ему позднее припомнят на церковном суде). А потом пришла моровая язва, принёсшая неисчислимые бедствия.

Подробности эпидемии, страх и трепет перед угрозой гибели, которые томили и сирийцев, и робких греков, участников посольства, переданы на этих страницах с предельной очевидностью. И в то же время ужас не по-

глотил жизнелюбивую натуру путешественника. С наивным и радостным удивлением он оглядывается вокруг, описывает город, кремль, Посад, вникая в малейшие подробности.

Не только тех людей не осталось, но и большинства тех зданий; сменились культурные традиции, другим стал народ. И зачастую строки отца Павла — единственный источник, по которому мы можем представить какое-то строение или часть города.

Всё это тем более интересно, что написано ярким, живым, занимательным языком. Так и видишь теплолюбивых южан, изнемогающих от холода за бесконечной службой в неотопливаемом соборе. Сириец поражается множеству снега, дорогам, которые превращаются как бы в кусок мрамора. И по этому накатанному пути несутся сани, с невероятной скоростью везущие огромные грузы. Поразительным казался лёд на реках: получалось, что по воде можно ходить «пыльными ногами», как по ровной дороге.

«Знай, что базар в этом городе Коломне бывает по понедельникам и четвергам. В неё собираются жители всех окрестных селений, причём у каждого товар, состоящий из всяких продуктов, находился на санях. Они привозили свиней, больших и малых, зарезанных и ошпаренных, уже замёрзших, которые стояли в санях как живые, что очень удивительно; они весьма дешёвы. Точно так же гусей, уток, индеек продают ошпаренными и готовыми.

Сила и лютость холодов неописуемы, ибо, пока везут в бочках воду из реки или из дома, она замерзает и оттаивает только внутри натопленных помещений...».

Он пишет о замёрзшей капусте и тут же нахваливает её качество и дешевизну: «мы покупали сани со ста кочнами за пять, шесть копеек, не дороже».

Даже отсутствие бродячих собак не ускользнуло от наблюдательного ока. «Уличных собак в этой стране вовсе не видно: собак держат в домах, ибо у них в каждом доме, будет ли то дом начальника, богача или бедняка, крестьянина, бывает по одной и по две собаки, которые словно огонь. Они привязаны за шею на железной цепи и днём остаются в своих деревянных, плотно сбитых конурах, на ночь же их пускают бегать кругом забора. Как мы видали, кормят их всегда мясом, а поят молоком. Поэтому каждая собака в силах бороться с толпой и никого не подпустит к себе».

Право, есть чему поучиться у наших предков, даже в таких мелочах!

Грозная крепость и каменные храмы кремля, великолепный дворец епископа, обширная торговая площадь, Спасо-Преображенский монастырь, от которого ныне ничего не осталось, Посад с его слободами и двадцатью пятью деревянными приходскими церквями — всё это навеки сохранено в драгоценном тексте. И мы вновь и вновь читаем его, вместе с антиохийским посольством приближаясь к Старо-Голутвину монастырю...

*Публикацию и послесловие подготовил
Роман СЛАВАЦКИЙ*

Михаил Александрович Максимович (1804–1873) — выдающийся учёный, естествоиспытатель, филолог, этнограф, философ, историк, писатель, переводчик, педагог. Доктор славяно-русской филологии, член-корреспондент Академии наук. В 1812–1819 годах учился в Новгород-Северской гимназии, в 1819–1823 годах — в Московском университете (на филологическом, затем на физико-математическом факультете). В 1824–1825 годах находился в научной экспедиции для сбора ботанических и минералогических образцов. После защиты в 1827 году магистерской диссертации «О системах растительного царства» — на должности адъюнкта.

С 1834 года работал в Киевском университете: сначала на кафедре русской словесности, затем в качестве ректора, профессора. Изучал проблемы происхождения восточнославянских языков и литератур, исследовал древние письменные памятники.

Исторические записки

М.А. Максимович

КОЛОМНА

Отрывок из путешественных записок о Московской губернии в отношении преимущественно к естественным её произведениям

Июня 16-го. Переправившись у села *Сабурова* через Москву-реку на пароме, мы ехали вдоль правого, возвышенного её берега по песчаному полю, где между берёзовых лесков находятся четыре довольно правильной формы кургана, в почти в равном один от другого расстоянии. Левый берег луговой зарос осиной, берёзой, ол[ь]хой и проч.

Черкизово — селение князя Черкасского, в котором содержится много рогатого скота хороших пород. Тут мостом переехали мы опять через Москву-реку, которая от прибывшей воды неслась с чрезвычайной стремительностью. Отсюда к Коломне простирается грунт глинистый; не доезжая 2-х вёрст до оной, мы заночевали в *Сандырах*...

Коломна

Июня 20-го. Наконец я сего дня и увидел Коломну. Трое суток дождь лил ведром, и я всё это время не мог сделать ни шагу из моей квартиры. Таких *наводков* не запомнят самые старые люди, — и сколько вреда они наделали! Мосты сорваны, хлеб во многих местах выбит и вымочен, дороги и, наконец, люди — всё пострадало, а особливо, если припомнить о Массальске, где наводнение случилось почти в сие же время...

...Коломна есть первый уездный город в Губернии, как по своему много-

людству и торговле, как и по строению, и по древности. Лежит он на ровной долине, при впадении р. Коломенки в Москву-реку. Строения в нём считается каменного 254 дома, а деревянного 710 домов; церквей 16, монастырей 2. При въезде в город с Московской стороны за мостом по левую сторону находится Кремль, представляющий продолговатый 6-угольник; стены высокие, башни 4-стороние; к сожалению, половина его уже разобрана. В нём из замечательных зданий и заведений суть: Собор, готическим устройством своей внутренности напоминающий Московский Успенский, которому если уступает в убранстве, зато превосходит большим вкусом в отделке, не говоря уже о живописи; церковь Св. Николая, в которой, говорят, венчался князь Димитрий Иоаннович; семинария; уездное училище, в котором сего года было учеников 73. К числу лучших зданий принадлежат также ряды, выстроенные близ Кремля очень правильно.

Жителей в Коломне 8807 д., в том числе дворянства 65, духовенства 265, купечества 1582 и 4163 мещан. Главнейшую промышленность Коломны теперь составляет торг мясом. Многие купцы содержат стада в южных губерниях, откуда пригоняют скот в Коломну, близ которой есть как бы особая деревня боен. Отсюда говядину, солонину и живой скот отправляют в Москву. Из фабрик находятся здесь: миткалевые и шёлковые, некогда славные, на коих выделялись парчи и другие материи. При сём замечу также, что не Коломна снабжает Москву луком, как некоторые писали, но находящееся от неё в 30 верстах селение Мячково, которое потому и называется *Мячково-Луково*, в отличие от *Мячкова-Каменного*, Бронницкого уезда.

Коломна занимательна особенно и нравится потому также, что в ней видны ещё приметы русской старины; более, нежели в других городах, сохранилась народность, по крайней мере в обычаях.

Июня 22-го ездил я в *Протопоново*, находящееся в 4-х верстах от города. По дороге росла рожь очень хорошая, ибо она принадлежала здешним мясникам, кои имеют выгодные средства для удобрения своих полей и огородов.

Здесь протекает Ока, коей берега представляют живописные виды, прельщающие своею дикостью, особливо при пасмурном небе. Правый берег Оки, принадлежащий Рязанской губернии, низменный, покрыт небольшими озёрами, лужайками и лесками и отчасти имеет песчаную почву, на которой белелась *мать и мачиха*; левый же, где находится Протопоново, угёсистый, нагорный. Его составляют известковые камни, расположенные тонкими слоями сверху, но под которыми лежат большие куски либо также в слоях, или же отдельные и выдвинувшиеся. Таковая каменистая стена прерывается по местам окончаниями только оврагов. Между оными известняками включены *пориты* (белого цвета): я находил их огромные штуфы, в виде больших опрокинутых ульев с толстыми стенками; внутренность наполнена твёрдой известковой массой.

Текущие весной с гор потоки, размывая землю, оставляют на поверхности её множество различных камней и окаменелостей. Близ Протопопова постоянно сбегает с высоты ручей, который сносит мелкие камни, а большие уравнивает и потому течёт по гладким плитам.

На поверхности и между размытых и выветренных камней я находил окаменелости:

1) Множество коленцев энкринитов, или так называемые *трохиты* и *ентрохиты*, из коих некоторые величиной были в гривенник.

2) Небольшие куски *поритов*.

3) *Белемниты*, или чёртовы пальцы.

4) *Просвердь полосатая* (*Terebratula dorsata*).

5) *Просвердь складчатая* (*Terebra tula plicata*).

Из мелких камней встречались мне:

1) *Обыкновенная яшма* (*jaspis vulgaris*) в кругловатых небольших кусках, цвета из красна-дымчатого с тёмными полосками, кои оттенены бурыми струями, либо испещрены беловатыми жилками.

2) *Обыкновенный кварц* (*Quarzum vulgare*): (a) не чисто белый с тёмными оттенками, в кругловатых кусках; (b) в виде больших *щёток* или *друзов*, т.е. хрусталей, представляющих шестисторонние призмы, оканчивающиеся шестисторонними пирамидами, и сидящих в кремнистой матке таким образом, что видны одни только пирамидальные верхушки.

3) *Млечный кварц* (*Quarzum lacteum*) в маленьких круглых кусочках.

4) Небольшие кругляки *гранита*, составленного из мелких кусочков белого кварца, фельдшпата и слюды.

Разные *кремни* и проч. и проч.

На горе здесь росли: *Ластовень противоядный*, *Жостер придорожная иголка*, *шишковатый запник*, *тимянка лесная*, *молочай Герардов*, *шишковатая таволга*, *шиповник коричневый*, *вязель обыкновенный мохнатый*, *пижма обыкновенная тонколистная*, *боярышник мелколистный*, без цвета; *живучка пирамидальная* и друг.

Проходя далее вверх по Оке к оврагу, находящемуся верстах в 2-х от Протопопова, я нашёл несколько довольно больших кусков *деревянистого камня* (*Xylolithes, silix lithoxylon*), или окаменелого дерева, проникнутого кремнистым веществом. Цвета он черновато-серого, твёрд, но разделяется от удара молотом на большие слои, к стали издаёт искры, и режет стекло. Кора на нём превратилась в *известковый бурый шпат* (*Spalhut brunescens*, (см. Ориктогнозию Фишера), красно-бурого цвета, местами хрустализованный в маленькие параллелепипеды (четырёхгранные косвенные призмы).

В овраге из растений замечательнейшие суть: *благоуханная фиалка*, *горчанкасоколий перелёт*, и *луговая*, *тимянка Богородская трава* и *обыкновенная*, *средний дельфиний*, *ежевика дубравная* в цвету, *жёлтый василистник* и *врачебный маун* с листьями попеременными.

Июня 23-го переехав у Протопопова через Оку, осматривал я правый берег её луговой, низменный. В лужайках, коих здесь очень много, росли: *щавель мореной* и *конёвый*, *частуха*, *сусак зонтичный* и друг., а по берегам их *ветла*, *черноватая ива*. Далее, на расстоянии 1½ версты, простиралось небольшое поле, усеянное мелкими кремнистыми камнями, между которыми местами торчал самый мелкий можжевельник. За сим бесплодным полем находится берёзовый лесок, растущий на земле частью сухой и песчаной, частью же мокрой — с мшистыми кочками. Из растений, мной здесь виденных, примечательнейшие суть: *гераний кро-*

вянистый, Руишев змееголовник, простой василистник, сплюснутый план, турфяник тонколистный и заостренный, и весьма мелко разделённый многопитательный порост; росло также очень много клюквы, толокнянки и багона.

Июня 24-го ходил я мимо р. Коломенки, в рощу через деревню *Городище*, вокруг которой, судя по названию, искал окопов, памятников славянских, но не нашёл их; видел остатки рвов, в которых, однако, не было ничего общего с теми *городищами*, *городцами* и *городенками*, которые отыскивает и наблюдает трудолюбивый Доленга-Ходаковский¹; впрочем, для него, самовидца, может быть, и сии рвы имели бы свою значительность.

В роще я нашёл: *длиннолистную* и *широколистную веронику*, *весенний коричник*, *мохнатую живучику* и *пальчатую* и *волосистую осоку*, и *большую дятлину*.

На глинистом берегу Коломенки находятся ископаемые *мамонтовые* зубы. Я нашёл два отломка коренных зубов мамонта (*elephas mamouleus Asiaticus*), коих верхняя часть (согона) сложена из пластинок параллельных. — У городничего видел я коренный зуб целый; слышал также, что и здесь был вырыт клык (или, правильнее, передний зуб, *dens incisivus*).

Июня 26-го. В 5 верстах от Коломны, при впадении Москвы-реки в Оку, стоит *Голутвин монастырь*, в котором находится посох Сергия Чудотворца. Мимо сего монастыря я ездил в село *Щурово*, из которого открывается взору самый лучший вид Коломны и которое имеет положение своё, ниже Протопопова, на правом берегу Оки, разлившейся здесь версты на две. Берег сей нагорный, усеянный известняком, мелом, между которыми встречались мне: а) большие *белемнит*, *аммониты*, *грифиты* чёрные и *гиппуриты* двух сортов: одни чёрные, твёрдые, в виде загнутого конуса, другие — цилиндрические, коленчатые, с коленцами чешуйчатыми цвета бурого, а в изломе белого — попадались также *кварцевые щётки*.

На песчанистом поле за Щуровом, где росло очень много *тимянки лесной*, собирают в большом количестве *красный гольши*, который идёт в Коломну на мостовые и которым здесь и в других окрестных местах промышляют жители.

Вместе с сими гольшами по полю разбросано множество окаменелых полипников: 1) *поритов*, и так называемых мадрепоритов или *астроитов*, коих можно различить 5 особенных пород: из них одна должна относиться к 2) *Astrea pentagona* Fscheri; две другие, кажется, к 3) *A. impvessa* и 4) *A. infundibulurm*: его же; четвёртую можно назвать 5) *Astroites tammillaris*: четыре первые полипники состоят из массы известкового шпата и кремнистой, цвета тёмного, обыкновенно бурого и сероватого; *A. tammillaris* же проникнут и сидит на большом халцедоне; пятая порода *астроита* заключена в кремнистой матке и состоит из вещества

¹ Доленга-Ходаковский Зориан (псевд., наст. фамилия и имя Чарноцкий Адам), польский археолог и этнограф, исследователь славянских древностей (1784–1825). — *Прим. сост.*

известкового, желтовато-белого, лёгкого, несколько гибкого и удобно ломающегося, почти кажется неизмененного; но её не можно определить, ибо форма её видна только во вдовольном разломе; и вершины, необходимые для отличения — стёрты.

Тут находил я несколько кремней, на изломанной гладкой поверхности своей весьма красиво испещрённых различными цветами, что произошло от долговременного влияния на них света.

Июня 28-го оставил я Коломну и отправился в Серпухов через *Малино, Киясовку и Хотгунь*.

Нисон Ватник

ПО ЗАДАНИЮ УНИВЕРСИТЕТА

Путешествия, путешественник... Сегодня эти слова несут на себе печать давно минувших времён и ассоциируются с посещением малоизвестных дальних стран, куда путники добирались долгие месяцы, а то и годы. Чтобы достичь желаемого, они преодолевали и бурные морские пространства, и опасные горные перевалы, и бесконечные сухопутные и речные дороги. На столь рискованные начинания людей прошлого подвигало многое. Конечно, это свойственная человеку жажда познания окружающего мира. Но не только! Здесь были и азарт первооткрывателя, и государственная польза, и коммерческая выгода. Добавим к тому — паломничество, миссионерскую деятельность, научные интересы, стремление поправить здоровье или получить образование. Здесь важно подчеркнуть, что в России (как и в Европе) до XVIII столетия большинство путешествий предпринималось *за пределы* собственной страны или на её неосвоенные территории. Родной же край (как это ни странно для нас, постоянно пользующихся достижениями XX века, особенно в сфере транспорта и связи) являлся в значительной степени terra incognita. И большую роль в ознакомлении образованной публики XVIII—XIX веков с географией и историей России, занятиями и обычаями её жителей, уникальными достопримечательностями сыграли различные «Описания», «Записки», «Дневники», «Путешествия», «Заметки» и другие близкие по жанру очерки.

Произведений такого рода, посвящённых Коломне и Коломенскому краю, немного. Их авторами являлись известные учёные и литераторы — имена некоторых нам хорошо знакомы. Академик Г.-Ф. Миллер в обширном «Описании городов Московской провинции» (1778) талантливо соединил заметки путешественника с научными очерками по истории посещённых Дмитрова, Звенигорода, Коломны, Можайска и Рузы, а также многих сёл и монастырей. Небольшое сочинение Н.М. Карамзина «Путешествие вокруг Москвы» (1803), посвящённое в том числе и Коломне, не нуждается в представлении — оно общеизвестно и многократно цитируемо. «Прогулка по древнему Коломенскому уезду» Н.Д. Иванчина-Писарева

(середина 1840-х гг.) содержит подробные историко-архитектурные сведения о нашем городе.

Автор впервые с 1825 года публикуемого сюжета о Коломне из «Путешественных записок по Московской губернии» — Михаил Александрович Максимович (1804—1873) — человек безусловно выдающийся. Выходец из семьи малороссийских дворян, он после окончания Новгород-Северской гимназии продолжил обучение в Московском университете, сначала на филологическом факультете, а затем — физико-математическом. Энциклопедические знания и талант учёного позволили ему не только стать одним из основателей отечественной ботаники, но и прославиться в качестве исследователя восточнославянских языков и литератур, славянской истории, археологии и этнографии. Вступив на научную стезю ещё студентом, Максимович по окончании учёбы служил в университетской библиотеке и ботаническом музее, а в середине 1820-х годов совершил научную экспедицию для сбора ботанических и минералогических образцов. Защищённая в 1827 году магистерская диссертация «О системах растительного царства» и опубликованные вскоре труды в области естествознания создали ему авторитет в научном мире. После защиты он занял должность адъюнкта, а спустя шесть лет — профессора ботаники. С 1834 года Михаил Александрович работал на кафедре русской словесности в Киевском университете и одно время был его ректором. С тех пор гуманитарные занятия стали для него основными. Для полноты картины укажем на знакомство Максимовича с Пушкиным, Гоголем, Дельвигом, Баратынским, Хомяковым, Погодиным, Антоновичем, Костомаровым и другими видными деятелями русской и украинской культуры XIX века.

Описываемая в «Путешественных записках» поездка состоялась по заданию университета в 1824 году для изучения флоры Московской губернии. В стремлении познать всё Максимовичу не помешали ни непрерывные дожди, ни подстерегавшие в те годы путешественника бытовые неудобства. И молодой учёный далеко вышел за пределы первоначального замысла, а потому приводит в своём сочинении множественные сведения о климате, рельефе, реках, почвах, экономике, истории, занятиях жителей посещаемых местностей. Его пытливому уму не чужда была и лирика. О нашем крае он, к примеру, пишет следующее: «Коломна занимательна особенно и нравится потому также, что в ней видны ещё приметы русской старины, более, нежели в других городах, сохранилась народность, по крайней мере, в обычаях». Берега же Оки близ Коломны «представляют живописные виды, прельщающие своею дикостью, особливо при пасмурном небе». Однако в главном автор — естествоиспытатель и с завидной тщательностью перечисляет обнаруженные растения и минералы, сопровождая все находки латинскими названиями (в тексте фрагмента они сокращены).

Представляемые читателю «Отрывки из путешественных записок о Московской губернии, в отношении преимущественно к естественным её произведениям», написанные кандидатом физико-математических наук М.А. Максимовичем, публикуются (с незначительными стилистическими и пунктуационными поправками) по изданию: Новый магазин естественной истории И.Двигубского. 1825. Ч. 1. № 3. С. 147—157; № 4. С. 209—222; Ч. 2. № 1. С. 3—16; № 2. С. 76—92.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Первая глава

Вот уже пришла осень жизни. За-серебрились кудри. Бледнеет румянец лица. Медленно, постепенно утихают страсти. Во всём чувствуется наступле-ние скорой зимы.

К закату клонится жизнь, и **чем дольше живёшь, тем быстрее время летит.**

Я люблю вспоминать свою весну жизни: беспечное счастливое детство и золотую юность. Последнюю мне пришлось прожить при особо суровых, тяжких условиях, с большими лишениями, невзгодами. Но эту пору жизни вспоминаю с удовольствием, потому что никогда ни на что не роптал. Как бы ни было мне трудно и тяжело, **терпеливо шёл я к намеченной мной цели.** При этом я умел всегда довольствоваться настоящим. В последнем, по моему мнению, и заключается счастье каждого человека.

Мне вспоминается **тихий родной городок**, где протекли мои лучшие детские годы. Маленький домик. Две крошечные чистенькие комнатки. В переднем углу одной из них — тёмные лики икон. Перед ними — огонёк чуть теплющейся лампы. Вижу перед

Публикация по: *Слонов И.А.* Из жизни торговой Москвы (Полвека назад). М., 1914. Книга с автографом автора любезно предоставлена председателем Коломенского клуба краеведов Александром Евгеньевичем Денисовым.

При перепечатке глав из книги дореволюционного издания орфография и пунктуация текста того времени для удобства чтения приведены редакцией в соответствие с нормами современного русского языка.

На Руси есть много городов и местностей, откуда в Москву приезжают специалисты разных знаний, ремёсел и труда.

Так, например, большинство плотников и каменщиков приезжают работать в столицу из Владимирской губернии, землекопы — из Смоленской губернии, половые — из Ярославской губернии, башмачники — из Кимр, Тверской губернии, огородники — из Ростова и т.д. В числе таких столичных поставщиков находится и город Коломна, откуда привозят в Москву мальчиков и отдают их большей частью в торговые учреждения.

К числу таких экспонатов принадлежит и автор книги «Из жизни торговой Москвы — полвека назад». Поэтому для последовательности и более точного изложения этой повести мне невольно пришлось написать и свою автобиографию.

собой родную милую семью. Любящую мать. Добрую старушку бабушку. Маленьких сестёр и брата. С ними мне жилось хорошо и весело. Уже прошло более полвека, **но мне кажется, что это всё было недавно, так близко...**

Я родился в Коломне, в 1851 году, в бедной семье. Отец мой был садовником. Он служил у купца Кислова, получал маленькое жалованье. Его едва хватало на содержание семьи, а она состояла из восьми человек. **В семье было пятеро детей, я — старший.** Отец у нас был очень строг. Мы, дети, его боялись. Стоило только отцу показаться вдали на улице, как мы все быстро разбежались по разным местам, прятались: за малейшую вину, а иногда просто за шалость, он больно наказывал.

Первое воспоминание об отце относится ко времени, **когда мне было семь лет.** Хорошо помню случай, когда отец впервые наказал и напугал меня.

Я пускал бумажный змей. Для того чтобы перевести его через высокое дерево, влез на забор. Спускаясь оттуда, зацепился за забор, разорвал рубашку. Это увидел отец, схватил меня за руку и потащил домой. Там жестоко наказал ремнём. От частых наказаний сурового отца **нас, детей, защищала наша матушка.** Она была женщина добрая и ласковая, поэтому все мы горячо её любили. Вечером мы обычно приходили домой со страхом. В присутствии отца вели себя «тише воды и ниже травы». **Нас совсем не было слышно.**

К нашему счастью, отец находился дома мало. Днём он был на службе, ночи же большей частью проводил на реке. **Наш отец был страстный и опытный рыболов.** Вечером уходил с удочками на Москву-реку, на плашкотный мост, садился на один из паромов, на своё постоянное место, и всю ночь ловил удочкой рыбу.

Часто отец за одну ночь налавливал более пуда крупной рыбы: лещей, язей, головлей и др.

Матушка солила рыбу в больших кадках. Их опускали в погреб и закапывали в снег. Мы питались солёной рыбой всю зиму.

Впоследствии, подражая отцу, **я сделался также страстным рыболовом.**

В те далёкие годы вода в **Москве-реке была чистая и прозрачная.** В ней водилось много рыбы и раков. Теперь все фабрики и заводы начали отапливать нефтью. Нефть, попадая в большом количестве в реку, настолько загрязняет и портит воду, что в среднем и нижнем течениях Москвы-реки рыба гибнет и её осталось очень мало. Раки же вовсе перевелись.

Мы жили в Коломне на высоком берегу Москвы-реки, в так называемой **Щемиловке.** Там у нас был свой маленький полуразвалившийся деревянный домишко: две крошечные комнатки и маленькая кухня, в которых наша семья помещалась довольно уютно. Тесноты не чувствовались, потому что **мы, дети, большую часть дня проводили на улице или на реке.** Домой собирались только вечером. Ужинали все вместе. Тарелок, ножей и вилок у нас не было. Все ели из общей большой деревянной миски деревянными ложками. Нарезанное мелкими кусочками мясо в щах мы могли вылавливать только после того, как отец скажет: **«Таскай со всем».** Если вдруг кто-нибудь из детей зацепит кусочек мяса раньше, того отец больно ударял деревянной ложкой по лбу... После ужина, чтобы понапрасну не жечь сальной свечки, **рано ложились спать.** На полу маленькой комнатки

постилали войлок, и мы все, два брата и три сестры, ложились рядом и накрывались одним общим одеялом — **настоящая коммуна**. Но засыпали не сразу: сначала происходила возня и негромкий смех...

Отец нас за это часто наказывал. Мне, как главному застрельщику, попадало больше остальных. Вставали рано: **в шесть часов утра все были на ногах**.

Дом наш находился близ **Воздвиженской церкви**, в которой я с большой охотой исполнял во время служб разные обязанности: пел с дьячком на клиросе, выносил свечу, ходил с кружкой по церкви, звонил на колокольне.

Наша семья была религиозная. В воскресные и праздничные дни мы не пропускали ни одной службы в церкви. Все посты, а также в среды и пятницы, строго постились. Помню, как однажды летом я забрался к себе на погребницу и тайком полакомился там творогом. Но вспомнив, что день был постный, очень испугался своего греха. Мне почему-то казалось, что грех был во рту у меня. Желая очистить себя от этого греха, я долго полоскал рот холодной водой.

Нашъ доникъ въ г. Коломиѣ.

Вторая глава

В долгие зимние вечера все мы собирались у себя дома, в одну комнату, освещённую сальной свечкой. **Лампы у нас не было**. Отец читал вслух псалмы и акафисты, а мы все пели хором. Мы, дети, любили это пение: **наши детские голоса звенели довольно стройно**.

Вечером, каждую субботу и под все праздники, наша бабушка брала глиняную ручную кадильницу, насыпала в неё горячих углей и ладану и кадила в наших маленьких комнатках.

В Крещенский сочельник бабушка ходила с куском мела и **писала кресты на всех дверях**.

Ещё помню, что в Рождественский сочельник **все мы постились целый день до звезды**. С появлением её бабушка угощала нас сначала сладкой кутьёй, а потом ужином.

Иногда отец рассказывал нам про свою родину — Донскую область. Про широкий тихий Дон, про зелёные необъятные степи, наполненные дивными цветами и множеством больших птиц. Мы каждый раз с удовольствием слушали эти интересные для нас рассказы.

Иногда к нам приходили гости. Это случалось довольно редко, только в отсутствие отца. Он не любил никаких гостей. Тогда нас, детей, выпро-

важивали обычно на улицу, если это было весной или летом, а осенью и зимой загоняли на печку... Оттуда мы с большим любопытством наблюдали, как гости пили чай с баранками. Мы очень завидовали счастливым...

Однажды, помню, **мать при гостях послала меня за баранками**. Я быстро побежал, как обычно, босиком, исполнять данное ей приказание. Но... дорогой споткнулся о камень, упал и так сильно расшибся, что, встав на ноги, никак не мог вспомнить, зачем я был послан... Со слезами на глазах, без баранок, я вернулся обратно домой.

Мы всегда ходили босые. Нам с братом давали надевать сапоги, а сёстрам башмаки глубокой осенью, когда наступали морозы и выпадал снег. Благодаря такому спартанскому воспитанию мы все были здоровыми и крепкими. **Никогда ничем серьёзно не болели**. Наши ноги были чёрными и грязными. С них почти не сходили «цыпки» — болезнь кожи, которая от грязи трескалась. Из ранок сочилась кровь.

Каждый год к Пасхе нам шили обновки. Брату и мне — ситцевые рубашки и нанковые штаны, сёстрам — ситцевые платья, которые за несколько дней до Пасхи развешивались в комнате на стене. Мы любовались ими. **С нетерпением ждали Пасху**, чтобы пощеголять в своих обновлениях.

В Щемиловке жили только одни бедняки. Как известно, **у бедных людей дети рождаются всегда в изобилии...** И у меня не было недостатка в товарищах, которые любили меня за весёлый характер и, главным образом, за инициативу и изобретательность в разных детских играх. Трудно перечислить наши игры и забавы... Весной и летом играли в бабки, пускали бумажные змеи с трещотками, ходили на луг за щавелем и цветами. **Но большую часть дня проводили на реке**. Купались по двадцати раз в день. Вернее сказать — почти всё время находились в воде. Сетками и рогожами ловили рыбу и раков. В жаркие летние дни, когда купанье мало освежало, ловили больших лягушек и сажали к себе за пазуху. Они прыгали по голому телу. Это доставляло нам большое удовольствие и прохладу.

Вспоминаю два случая, когда **я тонул в Москве-реке**. Один раз летом. Ловил сетками раков, свалился с барки в воду... Быстрым течением меня подтянуло под барку, понесло под её дном... Но, умея хорошо плавать и нырять, **я опустился под баркой на дно реки**. Оттуда быстро нырнул в сторону. Выскочив на свободную поверхность реки, благополучно приплыл к берегу. **Другой раз тонул зимой**. Катаясь по тонкому льду в тулупе и валенках, я провалился в воду на глубоком месте. Мои валяные сапоги и тулуп быстро намокли, начали тянуть под лёд. Я, хватаясь за края ломающегося льда, не мог сам выбраться на лёд. Начал отчаянно кричать... Мой крик слышали женщины, полоскавшие неподалёку бельё. Бросили мне верёвку, с помощью которой вытащили из воды.

Однажды осенью я принёс на реку свою маленькую сестрёнку и чуть не утопил её. Случилось это таким образом. В отсутствие бабушки отец с матерью, уезжая куда-то, приказали мне посмотреть за двухлетней сестрой, которая была ужасной плаксой. Не прошло и полчаса, как сестрёнка проснулась и заплакала. **Я поспешил приступить к исполнению обязанностей няньки**. Вытащил сестру из люльки, вынес на улицу. Там она заплакала ещё сильнее. Чтобы успокоить её, я пошёл с ней на реку. Раздел её, положил у самого берега, на спину, в воду... А сам сел возле неё на песок. Сестрёнка от неожиданной холодной ванны взвизгнула,

перевернулась лицом в воду и замолчала... Я испугался. Быстро вытащил сестрёнку из воды, побежал домой, где и отдал её бабушке. Та спросила меня, зачем я снял с сестры рубашку. Я ответил: «**Купал в реке!**» С тех пор обязанностей няньки мне больше никто не поручал.

Третья глава

Мы катались зимой с высокой горы на скамейках, салазках и решётах. Делали из снега разные фигуры и крепости, устраивали целые баталии, комками снега отражая неприятеля. Но больше всего я с товарищами **любил кататься зимой по реке «на простынках»**. Так назывались большие деревенские обозы, возвращавшиеся порожними к себе домой с базара. На ходу мы вскакивали на край розвальней, ехали две-три версты.

Однажды, катаясь таким образом, **я забрался на козлы саней, а оттуда свалился под передок**. Прямо к задним ногам лошади, которая более 100 шагов протащила меня крупной рысью... На мой отчаянный крик сбежались мужики. Они остановили лошадь, вытащили меня из-под саней... Когда спросили, как я попал под сани, то **от испуга я не мог сказать ни слова**. Я был бледен, как снег. Меня трясло, как в лихорадке... К счастью, дорога на льду была ровная и гладкая, без ухаб. **Благодаря этому я остался цел и невредим**.

С тех пор я больше не катался «на простынках».

Часто бывая на реке, я заходил на водопой, находившийся у городского берега. Смотрел, как лошади пьют холодную воду, и удивлялся, почему они не простуживаются.

Здесь я познакомился с хозяином водопоя. Уходя в трактир, он иногда оставлял меня кассиром — получать деньги за водопой. За каждую лошадь по одной копейке. Когда хозяин возвращался, я отдавал всю выручку. За это **он награждал меня одной, а иногда и двумя копейками**.

Каждое утро на водопой приходил Кулик с ружьём. Так звали отставного солдата, который убивал тут множество голубей, прилетавших большими стаями пить воду. Потом собирал их в большой мешок и куда-то относил продавать.

Иногда к хозяину водопоя приходил юродивый Данилушка, человек лет сорока, сутуловатый, с добрым, всегда улыбающимся лицом. Он летом и зимой, не исключая трескучих морозов, ходил босой, с непокрытой головой, в одной рубахе и штанах. За пазухой постоянно носил много медных денег, которые собирал на построение церкви.

В Коломне юродивого все любили и в подаянии ему никогда не отказывали.

Спустя много лет мне случалось встречать Данилушку в таком же виде в Москве. Он всегда останавливался у **П.И. Губонина**, который его очень любил.

По примеру взрослых людей **иногда мы с товарищами устраивали кулачный бой с учениками духовного училища**. Их всегда было больше, и нам порядком от них доставалось.

В семидесятых годах **кулачные бои в Коломне были в большой моде**. Выдающиеся кулачные бойцы щедро поощрялись любителями — богатыми коломенскими купцами, которые не жалели денег на эту забаву.

Купцы нередко привозили свои семьи любоваться кулачными боями. При этом следует отметить, что коломенские купчихи отличались необычайной полнотой. **Их мужья гордились этим качеством своих дебелых супругов.**

Обычно на льду Москвы-реки каждое воскресенье устраивался большой кулачный бой. Начинали драться сперва мальчики, затем подростки; в заключение **взрослые люди вступали в бой.**

Бой продолжался два-три часа и заканчивался вечером, с наступлением темноты.

С одной стороны дрались коломенцы, с другой — крестьяне из пригородных деревень и сёл.

В бою обычно участвовало до трёх тысяч человек. Обе стороны называли «стенками». Ими предводительствовали выдающиеся бойцы — как с одной, так и с другой стороны.

Долгое время у коломенцев был в большом фаворе непобедимый кулачный боец — **кузнец Трушка.** Этот человек был несколько выше среднего роста, коренастый, с громадной головой, плотно сидевшей на широких плечах.

На одну ногу он немного прихрамывал. Трушка имел силу колоссальную. Когда участвовал в бою, победа была точно на стороне коломенцев.

Кулачные бои сопровождались страшным шумом и громким криком нескольких тысяч людей. Даже в городе был слышен этот шум. Когда одна из стенок дрогнет и, одолеваемая противником, покажет тыл, в тот момент **рёв толпы был ужасен...**

Это было нечто стихийное. Страсти разгорались, люди становились зверями: ломали друг другу рёбра, руки, ноги, в кровь разбивали лица.

На льду реки и на лугу после каждого боя подбирали несколько изуродованных людей. **Бывали случаи, когда среди них находили убитых...** И ничего... Всё благополучно сходило с рук. В следующее воскресенье опять устраивался такой же бой...

Множество городских жителей собиралось любоваться боями. Ими был усеян высокий гористый берег реки. На другом, отлогом берегу расстилался на большом пространстве Бобреньевский луг. Вдали, на фоне усыпанного инеем берёзового леса, рельефно обрисовывалось **большое село Бобренево** с высокой красной колокольней и несколькими **церквями Бобреньевского мужского монастыря.**

С его обширным горизонтом луговой берег Москвы-реки представлял красивый ландшафт. Но когда этот ландшафт оживлялся на большом пространстве рассыпавшимися по лугу несколькими тысячами бойцов, получалась **картина поразительно красивая и грандиозная.**

По окончании боя купцы угощали главных бойцов водкой. Затем ехали с ними кутить в **Ямскую слободку**, к цыганам. Последствием таких кутежей иногда в слободке появлялись на свет **крупичатые цыганята...**

Четвёртая глава

У меня явилось неотразимое желание иметь свои деньги, **как только я стал сознавать себя.**

Начиная с семи лет уже начал изобретать разные способы, чтобы

достать несколько копеек «на гостинцы», к которым я был вообще равнодушен.

В данном случае я поступил чисто по-американски. Как известно, в Америке каждое занятие и труд, в чём бы они ни заключались, считаются почтенными, пользуются большим уважением закона и людей. Лень, праздность, тунеядство, наоборот, жестоко презираются, а люди, подверженные этим отрицательным качествам, быстро умирают там голодной смертью. Милостыни в Америке никому не подают. Если кто попросит её — на три месяца сажают в тюрьму.

В Америке нищих совсем нет. Людей, неспособных к труду, бесплатно помещают в муниципальные приюты.

Первое своё коммерческое предприятие я начал с того, что взял кулёк и отправился с ним по берегу реки собирать битый хрусталь и фарфор. Отнёс всё это в посудную лавку, предложил купить.

Мне заплатили три копейки. Это мне понравилось.

Я начал ещё усерднее собирать фарфор. За него мне предложили каждый раз платить по три копейки. Тогда я решил расширить это выгодное предприятие. Взял другой кулёк, вдвое больше, наполнил его хрусталём и фарфором и, согнувшись в дугу, понёс тяжёлую ношу в посудную лавку. Мне заплатили пять копеек. С тех пор я носил в лавку только большие кульки.

Товарищи знали про мою коммерцию. Но никто из них этой операцией не занимался, что меня немало удивляло.

Изыскивая дальнейшие средства для приобретения денег, я пустил в ход экономию. Она заключалась в следующем. Когда меня посылали с деньгами купить один фунт мыла за восемь копеек или фунт сахара за четырнадцать копеек, я приходил в лавку и просил отпустить мне мыла «около фунта» на семь копеек или сахару тоже «около фунта» на тринадцать копеек, и мне отпускали.

Сэкономленные копейки я, приходя домой, закапывал в землю у себя во дворе. Когда таким способом у меня накапливалось 5–6 копеек, я покупал на них «гостинцы» и угощал себя на славу.

Мои экономические операции были всегда умеренны, и потому ни разу никем замечены не были.

Коммерческие способности проявлялись у меня ещё и в том, что я устроил у себя на чердаке нечто вроде мелочной торговли.

Сделал из картона и ниток весы. Из глины вылепил гири. Разложил на полках разный мусор и ждал, когда матушка даст нам гостинцы. Получив их, я тотчас же открывал свою лавочку и зазывал в неё почтеннейшую публику, то есть сестёр и брата. Отвешивал им самым добросовестным образом разные товары: песок, мелкие камушки и другие деликатесы в таком же роде. Завёртывал в бумагу и давал покупателям. Те расплачивались со мной «за товары» своими лакомствами, которые я тут же, при них, съедал.

Когда у моих покупателей от гостинцев оставались только одни воспоминания, я закрывал свою лавочку. Публику просил удалиться.

В Рождество Христово у нас не было ни ёлки, ни игрушек. Зато к этому празднику жарился гусь. Это было в нашей бедной семье целым событием.

Мне особенно памятни Рождественские сочельники.

Глубокая ночь, торжественная тишина. Ярко блещут звёзды на тёмном небе. Морозный снег скрипит под ногами. Тихий городок спокойно спит: ни души нигде. А мы с братом, ёжась от мороза, пробираемся глухими и пустынными улицами далеко на окраины города, к бедным тёткам, **славить Христа.**

После славления я рассказывал им «рацеи».

«Рацеями» назывались простые рассказы о том, как в Вифлееме в яслях родился Спаситель мира и по указанию звезды к Нему пришли издалека поклониться и принести дары волхвы.

Рассказывать «рацеи» научила меня бабушка.

Эта добрая старушка, всех нас горячо любившая, в самую трудную пору моей жизни была настоящей доброй феей. Поэтому я свято чту её память.

После «рацеи» **мы поздравляли «хозяйюшку» с праздником.** Нам давали 3–5 копеек.

Таким образом, **мы с братом собирали до тридцати копеек**, на которые покупали орехов и пряников. Угощали ими сестёр, товарищей.

Вспоминаю смешной эпизод, случившийся с нашей бабушкой и ещё другими пятью старушками.

Однажды летом они собрались идти пешком на богомолье в **монастырь Николы Радованица**, отстоящий от Коломны в восьмидесяти верстах. Бабушка взяла меня с собой. Я был очень рад этому. **Моё первое путешествие неизгладимо запечатлелось в памяти.**

Мы шли долго и тихо. Когда проходили зелёными лугами, большими лесами, **я испытывал неизъяснимую прелесть свободы и простора.** Вихрем носился по лугам, часто скрывался в густой высокой траве, чем доставлял большое беспокойство своей бабушке: она боялась потерять меня.

Здесь радовал каждый цветок, каждый кустик. Я с жадностью прислушивался к пению птичек в лесах, к шелесту листьев. На третий день нашего путешествия, когда мы прошли 60 вёрст, старушки стали уставать. Часто останавливались для отдыха. Раз в полдень — день был особенно жаркий — они легли отдохнуть на травке близ просёлочной дороги. Меня же просили покараулить их. Вскоре старушки крепко заснули.

Я всё время не спал — **сидел около них.** Они долго спали. Затем встали, надели на плечи свои котомки и молча **пошли все обратно в Коломну...**

Я остановил старушек и сказал, что они идут назад, домой. Но те мне не поверили и продолжали идти обратно.

Пройдя четыре версты, мы встретили крестьянина, у которого старушки спросили, **как пройти к Николу Радованицу.** Он указал им по направлению того места, где они спали. Старушки начали креститься и говорить, что это над ними пошутила «нечистая сила».

Только на четвёртый день вдали за лесом показался древний **монастырь Николы Радованица.**

Мы пришли туда во время всенощной. Вошли в большую величественную церковь, горячо молились **перед чудотворной иконой Николая Чудотворца.**

Ночевали мы в монастырской гостинице, в большой комнате, вместе с другими богомольцами.

Рано утром нас разбудил звоном в колокольчик монах. Все богомольцы поднялись, пошли к заутрене. Мы пробыли в монастыре три дня. После обедни, утром, **отслужив молебен Николаю Угоднику**, мы тронулись в обратный путь, который был пройден без приключений.

Пятая глава

Меня отдали учиться в городское четырёхклассное училище, когда мне минуло десять лет. Я учился хорошо. Любимым моим предметом была география. Учитель Бланштейев заставлял меня иногда путешествовать из Европы в Африку, в Австралию, в Америку.

Стоя у доски с куском мела в руке, **я с большим увлечением и любовью рисовал проливы, моря, океаны**, которыми благополучно и без ошибок добирался до далёких стран, и в награду всегда получал «пять» с плюсом.

Вот с каких ранних пор во мне сказывалась страсть к путешествиям.

Впоследствии я на самом деле стал путешественником: объездил всю Европу, побывал в Азии, Африке, в Америке и в заключение всего совершил **кругосветное путешествие**.

О своих интересных странствованиях написал две книги: **«В Америку»** и **«На Востоке»**.

Из пяти наших преподавателей больше всех мне нравился учитель русского языка **Иван Алексеевич Большев**. Он был невысокого роста, на спине имел большой горб. Но, несмотря на своё уродство, был всегда в высшей степени добрым и ласковым.

Он никогда не наказывал учеников. За это его все любили. Полным контрастом ему был **«батюшка»** — учитель Закона Божия, рыжий и толстый человек со свирепым лицом. Ученики его не любили и боялись: **он ставил плохие отметки и часто наказывал розгами**. В то время в городских школах розги были в большом ходу.

На другой стороне площади, против городского училища, находилось духовное училище. Учащихся в нём мы называли **кутейниками**, часто с ними сталкивались и дрались. Однажды, помню, после большой перемены, во время которой меня порядком поколотил кутейник, я, разгорячённый дракой и неудачей, вбежал в класс. Не заметив «батюшки», сидевшего за столом, крикнул громко: **«Господа! После класса пойдёте бить кутейников!..»**

Батюшка подозвал меня к столу, спросил: «Кто это кутейники, которых ты собираешься бить?» Я ответил, что так мы называем учеников духовного училища, которые часто бьют нас. На это священник возразил, что учеников духовного училища нельзя называть кутейниками, потому что они впоследствии будут вашими духовными пастырями. Затем приказал сторожу подать и всыпать мне десять «лоз»...

Из училища я возвращался домой с товарищем **Лаптевым**. Тот был на два года меня старше и вдвое выше ростом. По дороге мы с ним часто дрались. Я всегда был побеждённым. Дома отец заставлял меня ежедневно писать с прописи по десяти страниц. Помню, он мне говорил: **«Самое главное — тебе нужно, чтобы ты писал хорошо»**. На уроки же, задаваемые мне в училище, не обращал ни малейшего внимания. Мне приходилось делать их тайком от него за печкой, ночью, с салным огарком...

Через четыре года я окончил курс с похвальным листом. Вскоре после этого страшное несчастье разразилось над нашей семьёй. Наш отец, **которому в то время было 38 лет**, сильно простудился. Недолго проболев, он скончался...

Молодая мать наша, убитая горем, с пятью маленькими сиротами, похоронив своего кормильца, осталась совершенно без всяких средств.

Нам дали опекуна — **богатого коломенского купца Макеева**. Тот выдавал матери по пяти рублей ежемесячно. На эти деньги семья наша, состоявшая из семи человек, могла существовать лишь впроголодь. На семейном совете было решено убавить число ртов. Для этого вскоре после смерти отца, осенью, бабушка поехала **жить в Москву**, к своему сыну. Он служил приказчиком в шорной лавке. Меня она взяла с собой, **чтобы отдать в Москве в мальчики**, то есть в услужение.

Я уезжал из Коломны с большой неохотой. Мне жаль было расставаться со своей милой семьёй и с моими товарищами.

Прощание с ними было очень трогательно, потому что **вместе с этим я прощался со своим счастливым детством**.

Вступая в новую жизнь, я прекрасно понимал, что **в неизвестном будущем мне предстоит много невзгод и лишений**.

Ведь меня везли в Москву как простой экспонат, не знавший даже, куда и к кому он попадёт.

262 Шестая глава

Прошло уже пятьдесят лет с того времени, когда была построена **Московско-Рязанская железная дорога**, сначала только до Рязани. До этого времени сообщение с Москвой производилось на почтовых и ямских тройках. Путешествие на лошадях продолжалось **от двух до трёх дней**. Оно обходилось каждому пассажиру от 15 до 25 рублей. Поэтому понятно было то нетерпение коломенцев, с которым они ждали открытия удобного и дешёвого сообщения с Москвой. Хорошо помню **прибытие первого поезда из Москвы в Коломну**.

Ясный июньский день. Высокий берег Москвы-реки весь усеян жителями Коломны, пришедшими посмотреть на прибытие первого поезда.

Я с товарищами влез **на самый верх высокой Пятницкой башни**, чтобы поскорей увидеть поезд. Оттуда мы заметили вдали дымок. Потом из просеки берёзового леса выскочил пассажирский поезд, убранный зеленью и цветами. Громко стуча колёсами и цепями, он быстро мчался по высокой и длинной насыпи, проложенной по заливному лугу. Тихо подойдя, остановился у временного коломенского вокзала. Поезд был встречен громким **«ура!»** собравшихся горожан и представителей города. При этом надо отметить **следующий курьёз**: правление Московско-Рязанской железной дороги обратилось к Коломенскому городскому самоуправлению с просьбой продать клочок земли близ Коломны для вокзала. Отцы города на это изъявили своё согласие и... **назначили за землю баснословную цену**, из которой уступать не желали. Правлению железной дороги ничего не оставалось делать, как оставить город Коломну без вокзала: последний был выстроен в **Голутвине**, отстоящем от Коломны в пяти верстах.

Дорога туда лежала мимо зловонных боен и глубокого оврага, в котором быстро появились **«рыцари ночи»**. Они стали грабить проезжавших пассажиров. Начались неудовольствия и жалобы жителей Коломны на городское самоуправление. Отцы города, видя, что попали впросак, чтобы выйти из неловкого положения, вынуждены были **просить «покорнейше» правление Московско-Рязанской железной дороги** взять бесплатно намеченную им городскую землю близ Коломны и построить на ней вокзал.

Просьба мудрых людей была уважена...

Мы с бабушкой приехали в Москву вечером. С вокзала пешком пошли к дяде. Он жил тогда у **Яузского моста** в маленькой квартирке...

После маленькой, тихой Коломны **Москва** поразила меня. <...>

Тридцатая глава

Когда я вернулся из-за границы в Москву с новыми познаниями, то **приложил их к своему делу**, энергично повёл его. Прошло десять лет. За это время я из бедняка превратился в богатого коммерсанта, московского домовладельца; из коломенского мещанина — **в потомственного почётного гражданина**.

Но, несмотря ни на что, я и теперь **не забываю свою родину**. Приезжаю иногда туда, чтобы посмотреть на дорогие для меня места моего детства.

Всякий раз, бывая на родине, я испытываю величайшее удовольствие и радость.

Я вхожу в наш бывший домик. Он уцелел до сего времени: мать, уезжая в Москву, продала его за 25 рублей. Здесь меня охватывает вдруг целая **волна воспоминаний моего детства**.

Вот они, две наши маленькие комнатки... Нам жилось здесь так хорошо и весело... Вот и печка, за которой я ночью, **скрываясь от отца**, учил свои уроки...

У покосившегося маленького оконца — скамейка. Там я, по приказанию отца, **писал с прописи по 10 страниц ежедневно**. Вижу наш крохотный дворик, который я так любил убирать... Но как теперь запущено и разрушено всё это!

Наш домишко покосился в сторону, сгорбился и будто **опустился в землю**. Теперь в нём живёт большая семья бедняков, какой была когда-то и наша семья.

Однажды я с двумя взрослыми дочерьми приехал в Коломну. После продолжительной прогулки по городу мы отправились **к нашему бывшему опекуну Макееву**.

В богатом доме нас приветливо встретил старик семидесяти лет, с открытым, добродушным лицом. Я отрекомендовался ему и представил своих дочерей. Старик, по-видимому, обрадовался нашему неожиданно-му визиту: он начал суетиться — **не знал, куда нас посадить, чем угостить...**

Я попросил его не беспокоиться и в кратчайших словах объяснил цель своего визита.

Старик слушал меня с большим удивлением. Когда я закончил свою короткую и прочувствованную речь низким поклоном и благодарностью за сделанную им помощь нашей семье в тяжёлые дни, он **не выдержал**

и заплакал. Старик сквозь слёзы говорил, что, хотя прожил на свете семьдесят лет, впервые видит человека, который пришёл благодарить его за старую хлеб-соль...

Когда он немного успокоился, то приказал подать вино и фрукты. Обратившись к нам, он просил нас не торопиться и подольше побыть с ним.

Побеседовав с полчаса, мы простились с радушным хозяином. Он горячо благодарил нас за посещение. Обещал отдать мне визит в Москве.

Но старику не суждено было исполнить своё обещание: вскоре он заболел и переселился в лучший мир.

Иван Андреевич Слонов, известный московский купец, богатый коммерсант, родился в Коломне в 1851 году в бедной семье. Отец работал садовником у купца Кислова и получал небольшое жалованье, на которое нелегко было прокормить семью из восьми человек. Жили Слоновы в кремле недалеко от Пятницких ворот, у Воздвиженской церкви, в маленьком деревянном домике.

Ваня с десятилетнего возраста учился в городском четырёхклассном училище, окончил его с похвальным листом. Вскоре ему пришлось расстаться с Коломной: неожиданно умер отец, и бабушка отвезла мальчика в Москву, где его определили в услужение к купцу Заборову. Четыре года

служил в башмачной лавке мальчиком, затем был переведён приказчиком в обувной магазин.

После смерти Заборова в 1872 году Иван Слонов, заняв 2000 рублей, сумел выкупить один из заборовских магазинов и с компаньоном занялся продажей обуви. В 1879 году И.А. Слонов женился и вскоре занялся необычным для него делом: продажей золотых, серебряных, бронзовых художественных произведений. Для лучшего ознакомления с новой профессией и для самообразования поехал за границу. Новое дело изучал в Италии, Франции, Англии и Германии. Вернувшись в Москву с познаниями, энергично, увлечённо взялся за работу. Успех сопутствовал предпринимателю.

Иван Андреевич Слонов известен как талантливый бытописатель. В 1914 году вышла его книга «Из жизни торговой Москвы (Полвека назад)», в которой немало страниц посвятил он своему родному городу Коломне. Двумя годами раньше в Москве была издана книга И.А. Слонова «На Востоке. Путевые заметки».

Год, место смерти и захоронение И.А. Слонова неизвестны.

Подготовка публикации и послесловие
Анатолия КУЗОВКИНА

Первая
Отечественная

1177 2012

володня

Графика Василины Королёвой

И.И. Лажечников

ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ РУССКОГО ОФИЦЕРА

С. Кривякино. 20 сентября.

Случалось ли вам видеть дитя, приговорённое стоять в мрачном углу комнаты в то время, когда роковой час, назначенный для окончания трудов учебных, ударил в кругу товарищей его и возвестил сердцам их благословенную свободу? — Умолкли грома, поражавшие их в высоте кафедр, исчезли из виду почтенный чёрный кафтан и высокоумудрый парик, даже шарканье грозного школьного властелина не отдаётся более в длинных переходах. Золотая свобода! — восклицают юные мудрецы и летят срывать венки с величавых соперников и созидать новые царства на горах *Воробьёвых*... Итак, видите ли это дитя, стоящее в мрачном углу опустевшей комнаты? Взоры его обращены на роковую дверь, откуда товарищи его устремились пожинать лавры бессмертия, частые вздохи волнуют грудь его, и слёзы струятся по розовым щекам несчастного. Но вдруг сверкнула перед ним мысль о свободе первого человека. Он гордо подымает голову, сердце его бьётся сильнее — и тяжкие узы для него более не существуют, и грозная темница его не ужасает! Он уже с копьём в руках внезапно является в рядах Беллоны, мешает крик победы с криком сражающихся, получает тяжёлые раны и уносится на плащ... (вы ожидаете великого явления?)... в дом родительский, где готовятся для него свежие лавры, растущие в садах

Иван Иванович Лажечников родился в Коломне в 1790 году.

Во многих произведениях он обращается к Коломне. Здесь воспитывался главный герой «Последнего Новика». Упоминается Коломна и в «Ледяном доме», и в «Басурмане». Живой образ города возникает и в других его (особенно автобиографических) произведениях.

Скончался И.И. Лажечников в 1869 году, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Коломенцы хранят память о земляке: его именем названа первая общественная библиотека, основанная в 1899 году, и одна из улиц Коломенского кремля; реставрируется дом, где жил писатель.

Исторические записки

столицы — рядом со смиренной липою. Тут занавес опускается... Жаль мне героя моего, очень жаль! — Кто, подобно ему, не любит золотой свободы? Кто для любви к себе не дитя в мире сём?

И я во всём сходен с сим слабым, бедным творением!..

Браните меня, как вам угодно, друзья мои! бросайте на меня все стрелы Сервантовы: я не отражаю их; но спокойно, как новый *рыцарь печального образа*, от мирных полей и уединённой хижины, бегу искать славных происшествий и — если должно — сражаться даже с мельницами!

Меч гремит на бедре моём и возвещает мне время явиться на поля славы. Тройка коней, приведённых из русской Фракии или, просто, с берегов Дона, роет снежные бугры с нетерпения отвезть нового сынка Марсова к нежному его родителю. Но слёзы родных, бесценных сердцу, велят ещё сказать им роковое: прости! Прощайте, друзья мои! прощайте, мои милые! Удастаивайте иногда воспоминанием того, который так *неожиданно* покинул родные поля и тихий кров отеческий, оставил все приюты любви и дружбы и, что ещё неблагодарнее, умел так скоро расстаться с вами, бесценные мои!

На Мячковском кургане, 12 октября.

Никогда не проезжаю Мячковского кургана без того, чтобы не взойти на него. Бывало, в красные дни природы и моей родины останавливался я здесь любоваться прелестными видами. Тогда всё восхищало меня: и светлая в извилинах Москва-река, многочисленными судами покрытая, и селения, на живописных её берегах расположенные, и расписные, пёстрые луга с озёрами своими, и белые известковые горы, вечно дымящиеся наподобие маленьких Везувиев. Тогда любил по целым часам взорами и сердцем бродить с возвышений, одетых цветными коврами, на пригорки, далеко золото жатв разливающие, — из Мячкова, господствующего над мрачными лесами, в живописное Быково, собою в водах красующееся, — и наконец в туманном сизом отдалении искать Москвы белокаменной. Ныне, когда пожары войны пылают ещё на родном небосклоне, когда природа и люди унылы, прихожу сюда внимать бурям осенним и смотреть, как чёрные тучи несутся над головой моей, как вихорь роет жёлтые листья и мчит их по крутому берегу. Смерть и разрушение почивут на холмах могильных, печальна окрестность, мрачна и душа моя!

Без риторической фигуры можно, конечно, сказать, что всякая высота возвышает чувства и мысли. Стою на гордом кургане и повторяю за прекрасным певцом его:

Сюда приди, о Росс, свой сан и долг узнать!

Никогда не чувствовал я так сильно красоты сего изречения, как *теперь*, стоя на сей величественной насыпи, которой святыню берегли веки; на сем памятнике славы наших предков и могил храбрых. Так, на сем знаменитом холме, клянусь прахом отцов моих и тобою, родина священная! клянусь, что честь и Отечество будут везде моими спутниками, и если изгоню их когда-нибудь из моего сердца, если забуду их в пылу битв и мирных хижинах, то пусть недостойн буду имени русского, поускай *всё милое* мне и Бог меня забудут!

Москва, у Кремля, 13 октября.

«Что ли столица белокаменная?» — спрашивал я себя со вздохом, подъезжая к Москве. — «Где золотые куполы церквей, венчавшие царицу городов русских? Где высокие палаты, украшение и гордость её? Один *Иван Великий* печально возносится над обширной грудой развалин, только одинокие колокольни и дома с мрачным клеймом пожаров кое-где показываются. Быстро промчалась буря разрушения над стенами московскими, но глубоки следы, ею оставленные!» Подъезжаю к Таганской заставе. Мрак вечерний начинал спускаться над окружностью, чувства уныния и ужаса возрастали более и более в душе моей. Близ караульни показался огонёк, затмеваемый бродящими людьми. Въезжаю в заставу и нахожу изюмских гусар, расположенных около неё бивуаками. Схожу с повозки, иду далее по улицам, и не узнаю их. Здесь стоят стены без кровель и церкви обезглавленные, там возносятся одинокие трубы, тут лежат одни пепелища домов, ещё дымящиеся и наполняющие улицы тяжёлым смрадом: везде следы опустошения; везде памятники злодеяний врагов и предметы к оживлению мщению нашего! Ужасно воет ветер, пролетая сквозь окна и двери опустошённых домов, или стонет совою, шевеля железные листы, отрывки кровель. Вокруг меня мрак и тишина могил! Только инде, под мрачными сводами, трепещет огонёк у пустынного сторожа развалин; кое-где слабый голос выносится из погребов или слышен в шалашах робкий шёпот. Иду по улицам, кажется, совсем незнакомым — ни одно живое существо не попадаетея мне навстречу, иду и спотыкаюсь о мёртвую лошадь!.. Давно ли рои народа кипели и шум не молк в стенах Москвы? Давно ли по этой улице в богатых экипажах встречались сыны фортуны и мчались из жилища рассеяния в обитель моды? Не в этом ли доме, за три месяца перед сим, толпа рабов поклонялась набитому червонцами мешку или старому пергаменту? Не в том ли имуществе, здоровье и самая жизнь полагались на одну роковую карту? Не здесь ли роскошь на счёт тысячи ближних собирала дань со всех частей света, чтобы угостить могущество одного? Здесь зарывал скупец своё золото, сюда же придёт он оплакивать его потерю и на том же праге, где отказывал всякому в помощи, узнает, каково быть в бедности и не найти сердец сострадательных. За этой стеной некогда стоял великолепный туалет: умывания Ниноны, похищенные у любимой султанши белилы, сотни чепчиков и шляпок, тысяча и один визитный билет, увы! достались в жертву пламени. Что сказала бы красавица, когда вместо сих драгоценностей нашла бы она — мёртвого француза? Ужасно и подумать об этом!..

Вас позвал бы я сюда, гордые богачи! и указал бы вам на превратности жизни сей. С вами пошёл бы гулять по развалинам, ненасытные честолюбцы, воздвигающие себе храмы и памятники на бедствиях народных! Призвал бы сюда и вас, ученики безверия! и дал бы вам взглянуть на вражеские трупы, лишённые погребения, брошенные в пищу вранам и по смерти *живо* говорящие, что гнев Божий рано или поздно карает преступников. Здесь друг человечества вздохнул бы со мною об участи несчастных и могилу добродетельного почтил бы искреннею слезою.

Сию теперь на развалинах Кремля и на обломке его стен пишу мои замечания. И сие жилище царей наших, сей священный палладиум Мо-

сквы не поберегла рука разрушения!.. Большая часть башен и стен подорвана, не пощаждён сам Иван Великий, сей памятник царского благоразумия среди бедствий народных, украшавший столицу два века, протёкшие мимо него с благоговением. Благословляю меч, карающий врагов Отечества и прав его, клянущее губительное железо, разрушающее памятники святыни и славы народной!

С. Троицкое, под Москвою, 15 октября.

Побеждён быть не может народ, в самых бедствиях гордый своим именем, в самых горестных потерях не лишившийся добрых нравов, среди жесточайших оборотов судьбы хранящий твёрдо веру в законы праотцев! Москва была несколько дней во власти иноплемённых, Москва превращена в пепел, но дух свободы и любви к Отечеству не переставали никогда оживлять древнюю столицу России. Добродетели сии сопровождают ныне мирного гражданина в самое изгнание из мест родины и неразлучны с воином, кипящим отмстить за пепел родных жилищ и права свои. Сильны Бог и Царь русский; могучи мышцами и духом потомки славян — и Россия побеждена быть не может!

Каждый день слышу повествования о твёрдости жителей, необходимостью в Москве заключённых во время пребывания там французов. Спросите, кто были сии жители? — Нищие, сирые, бедные вдовы, бесприютные и слабые старцы. Между деяниями сих героев злые слухи донесли до нас — со всеми прибавлениями, обыкновенно наполняющими подобные рассказы о происшествиях, которых мы не были зрителями — преступления одного или двух человек, изменивших законам чести и Бога. Но вернейшие известия, на которых нам приятнее основываться, утверждают, что сии злодеи были не русские. Мы готовы даже верить, что они не принадлежали никакому народу. Кто не может быть верным сыном Отечества, недостойн называться согражданином грубых Каннибалов, он не имеет ничего священного на земле, нет для него ни имени, ни родства, ни связей — целая вселенная его чуждается. Благословенная Богом Россия не знает подобных извергов: она сильна верными сынами.

Картина Москвы, с одной стороны наводнённой толпами иноплемённых, дышущих грабежом и безначалием, с другой ограждённой твёрдостью духа оставшейся в ней горсти жителей, представляет истории прекрасные черты, подражания достойные. Москва является в ней, как знаменитая древняя жена, сидящая на развалинах величественного храма и защищаемая верною небольшою семьею против многочисленной шайки грабителей. Жестоко обманула французов надежда обрести в русских грубых варваров, обыхших подклонять выю под чуждое ярмо! Следующие подвиги служат тому свидетельством.

Кровавое зарево пожаров обтекало древнюю столицу России; огромные палаты и бедные хижины превращались в развалины; храмы Божии предавались поруганию — и толпы иноплемённых бродяг без сострадания, без чести и веры праздновали на пепелищах уничтожение всех добродетелей. Вдруг, среди торжественных восклицаний порока, среди вопля старцев, жён и детей, раздаются громкие, утешительные голоса. «Это голоса свободы!» — говорят угнетённые и стекаются на зов её. В Огородниках стоит храм, посвящённый имени Св. Харитона. Туда

собираются они, вооружённые булавами, ножами, серпами и вилами; находят с каждым днём новых товарищей несчастья; составляют между собою особенное общество; строят себе шалаши вокруг церкви и клянутся защищать её от нападения *безверных* до последнего дыхания. Каждый день приходят они в церковь сию воссылать молитвы к престолу Бога об изгнании врага из Отечества, о ниспослании победы русским воинам, здравия и славы законному государю. Несколько раз покушаются неприятели уничтожить священнослужение и превратить храм Божий в конюшню; но при первом покушении их герои-нищие вооружёнными сотнями стекаются вокруг церкви, ударяют в набат и заставляют самых мнимых победителей удивляться их мужеству и решительности. Некоторые из французских смельчаков пытаются с накрытою головою присутствовать при отправлении богослужения, но поднятые вверх вилы и грозные голоса свободы принуждают гордых пришлецов смириться перед законами слабых и нищих. Церковь, охраняемая столь мужественными защитниками, донныне уцелела и свидетельствует каждому, что верность царям, вере и коренным добродетелям есть твердейший оплот противу неравного могущества и бедствий, на землю посылаемых.

Священник Рождественского монастыря, известный примерною жизнью своею, не утратил жестокостей иноплемённых. Верный своему государю и правилам совести, во всех молитвах своих возносил он к престолу Бога имя помазанника Его. Буонапарт, узнав о сём, послал к нему грозный приказ исключить сие имя из церковных молитв и впредь упоминать в них Наполеона, Императора Франции и прочих земель. «Я присягал одному царю русскому, и не хочу знать никакого другого», — с твёрдостью сказал пастырь посланным и продолжал с большим рвением молиться о здравии законного Государя. Ему угрожают виселицею на Рождественском бульваре. «Донесите Наполеону, — отвечал он исполнителям приказов его, — донесите ему, что под рукою палача буду ещё молиться об *Алекса́ндре*. Не страшна смерть тому, кто умирает за царя и веру». К чести доносителей должно сказать, что они нашли ответ сей геройским, достойным *даже* французского народа, изобразили его таковым предводителю своему и оставили неколебимого священника исполнять долг его до самого побега *великих* легионов из Москвы.

Рим славился одною Лукрециею, древняя столица русских может гордиться двумя. На берегу Москвы-реки в скромном жилище оставался один из служителей алтарей для попечения о приходской церкви и тайного надзирания за схороненным им церковным богатством. Сокровища, храму принадлежащие, умел он сберечь от хищнических взоров, но не укрылось от них сокровище, ему собственно принадлежащее и для него бесценнейшее всех богатств земных, — две дочери, милые и прекрасные, как сама природа, как она, невинные. Под надзором умного, просвещённого и добродетельного отца взлелеянные, росли они для исполнения надежд его и украшения света — вскоре готовились они усыпать цветами радости и любви жизненный путь двух юношей, избранных ими по воле сердца. В сии смутные времена забывали помышлять о собственном счастье, думали только об успокоении Отечества. Обручённые принуждены были разлучиться почти у подножия брачного

алтаря, клятва вечного союза готова была вылететь из уст их, и уста выговорили ужасное *прости* навеки; место сулимых им любовью удовольствий заступила мрачная мысль о бедствиях общественных — и мечты, недавно подносившие им брачные розы, казали уже им в будущем одни могильные холмы, бранными огнями и пожарами освещаемые. Разлука ужасная! но её требовал неумолимый рок — и друзья, повинувшись ему, расстались с горестным предчувствием. Вскоре притекли в Москву орды разноплеменные. Простые солдаты, гордясь безначалием, повиновались одним желаниям своим; начальники вместо того, чтобы давать подчинённым пример воздержности и кротости, подражали им в своеволии. Скромное жилище священника не избегло их посещения, там увидели они прелестных сестёр и по праву победы нарекли их заранее своими данницами. Чтобы уловить их скорее в свои сети, употребляли они сначала хитрость, ласкательства, обещания, любовь, клятвы и даже священное имя Бога, но, видя предложения свои отвергнутыми с презрением и твёрдостью, они прибегнули к силе. В скором времени (это было к вечеру) отсутствие отца послужило им к совершению злодейского их намерения. Целою разбойнической шайкою ворвались они в комнату, где находились обе сестры, и застали их молящимися перед распятием. Не уважая ни мольбы, ни слёз их, смеясь изображению Божественного Страдальца на земле и Судии небесного, которое несчастные обнимали вместо защиты, злодеи связали им руки и повлекли их из дому. Приближаясь к Каменному мосту, сёстры уговорились на чуждом похитителям языке вооружиться против них обманом и решиться для избежания вечного позора умереть добродетельными. Решились — и слёзы осушены, тихая покорность воле сильных показалась уже во взорах их, улыбка любви порхнула на помертвелых устах, и нежный, сладкий голос просил облегчить их узы. Какое жестокое сердце не тронулось бы сею просьбою, с которою, казалось, сливались обещания и надежды? Варвары, обманутые наружностью своих пленниц и притом уверенные в силе своей, исполнили их желание. Пустив за несколько шагов от них передовую стражу, сопровождая их в отдалении большою толпою с комическими песнями, они хотели доказать тем своё *великодушие*. Но — кто из них того ожидал? обе сестры, приближаясь к середине Каменного моста, схватя друг дружку за руки, пустились бежать, перелезли одни перилы, перекрестились, показали рукою на небо, влезли на другие перилы и одна за другою бросились в реку! Всё это совершилось в несколько мгновений. Французы от изумления и ужаса стояли неподвижны, не верили глазам своим и не знали, что начать. Хотели вытащить несчастных из воды, но, нашед их совершенно обезображенными сильным ударом о камни, во множестве разделяющие течение Москвы-реки, отдали их на произвол стремнины. В глубоком молчании, как приговорённые к смерти преступники, возвратились они домой. В сердце не смели они заглянуть: в нём гнезвился уже грозный спутник, до престола Вечного Судии с ними неразлучный; не осмеливались они взирать и на небо: там начертана была будущая судьба их! Что сделалось с несчастным отцом? Он в объятиях веры старался искать утешения и, может быть, ныне нашёл его. Что сделалось с злополучными женихами? Ничего не слышал. Если бы я писал роман, а не истинное приключение, то сказал бы, что один из них

путём смерти и славы соединился с любезною, другой же, заключив себя в монастырских стенах, остался телом жить на земле...

Сотни подобных происшествий ознаменовали сентябрь месяц 1812 года, французские бивуаки в Москве блистали многими подобными огнями. Безумные пришлецы узнали, каково незванным гостям гостить в русской столице и каким образом рабствуют на севере. Не одна тысяча их лежит в погребках, колодезях и под мельницами. Если бы собрать все черты мужества, твёрдости нравов и других добродетелей, исполнявших русских во время пребывания французов в Москве, то можно бы написать целые книги. Искусным перу, резцу и кисти предстоят труд и слава вывести из мрака неизвестности геройские дела соотечественников и представить их во всём блеске на сцену мира.

Москва, 18 октября.

Москва начинает стряхать с себя пепел и мало-помалу оживляется. Гений её, бродя по развалинам, собирает снова детей вокруг печальной, но всегда бесценной сердцу матери и ласкает их утешительною надеждою, что счастье, богатство и слава посыплют на неё свежие венки. Жители понемногу стекаются в Москву. Между развалинами ходят иные, как Радклифовы привидения, и ищут следов своих жилищ и имуществ; другие, одиночкою или парами, встречаются вам на улицах и спрашивают вас о той, на которой сами находятся. Через заставы пробираются огромные возы с жизненными потребностями; на рынках волнуется народ и жужжит, как рой пчелиный с приближением цветущей весны. Ремесленники на площадях предлагают вам свои услуги; каменщики и плотники считают тучные задатки. Уже извозчики на быстрых иноходцах мчат вас из края в край города, и петербургская карета один раз в сутки стучит по мостовой. Уже шумит топор, и весёлое его эхо отзывается в моём сердце. В Москве можете ныне найти тёплый угол, вкусный обед, все необходимые потребности жизни за недорогую цену и даже предметы роскоши. Перед развалинами Гостиного Двора видите скромные палатки, столы, стулья и треножки, на которых лежат товары, хотя не в изобилии, но довольно хорошие. Каждый день принимает город лучший и приятнейший вид. Можно сравнить Москву с прекрасною женщиною, которая во время печального траура лишилась лучших своих прелестей. Наступил конец горестного испытания, и она, забыв *прошедшее*, улыбается *будущему*, спешит рядиться в новую, разноцветную одежду, любит в зеркале оживлением своих прелестей и с каждою новою минутою готовит своим обожателям новые приятности.

Наконец расстаюсь с тобою, Москва, древнее жилище царей, колыбель и гроб многих из них, средоточие богатства, изобилия и веселостей России, и родина моя священная! Видел я тебя цветущею, красивою, величественною; зрел я твои развалины: да порадуюсь некогда возобновлению твоего великолепия, красоты и славы твоей — и скажу с гордостью москвитянина:

Что матушки Москвы и краше и милее?

С. Хатунь, 20 октября.

В кругу семейства одного из здешних поселян, за дубовым столом, за русским хлебом с солью, подтвердил я сам себе замечание, деланное уже мною несколько раз насчёт счастливой жизни крестьян графини Орловой. Красивая наружность домов, опрятность и порядок во внутренности их, довольство в пище их обитателей, чистота и богатство в одеждах, свежесть и здоровье лиц, живость в обращении и делах торговых, более людскости, более рассудительности и лучшая нравственность: вот что отличает их от многих других помещичьих крестьян. И всем этим обязаны они человеколюбивым о них попечениям молодой наследницы имения и душевного богатства героя Чесменского. Зато нет ни одного, который бы не произносил её имени с сердечною признательностию, нет ни одного, который бы не благословлял кроткой, милосердной своей властительницы. Что же должна чувствовать она в душе своей? Какие торжества, какие награды могут сравниться с удовольствием брать с тысячей богатейшую дань любовию, внимать себе от подданных детей искреннюю похвалу и слышать отзыв их благодарности во глубине своего сердца? Тут я вспомнил о покойном графе Алексее Григорьевиче и сказал сам себе: как родитель был страшен врагам на морях, так дочь в хижинах любима и благословляема.

В почтенном хозяине моём представляется мне живой урок многим мудрецам нашего века. Нежный отец и вместе строгий правитель и судия своего семейства, красноречивый оратор за *мирское* дело, жаркий защитник слабого и невинного в сельских советах, трудолюбивый возделыватель полей и, следственно, полезный член Отечеству, покорный властям и всякому порядку по тем же законам, по каким сам почитаем в своём доме, добрый христианин без умствований, верный подданный, чтящий в царе своём образ всевышнего правителя на земле, мудрец, читающий каждый день великую книгу природы — он постигнул сердцем, что следовать её простым велениям есть повиноваться воле Бога.

Ныне празднуют здесь изгнание врагов из Москвы. Я поспешил за поселянами в церковь. Умный пастырь, кончив священное служение, обратил к своему стаду трогательную, простую речь. Он говорил о торжестве любви к Отечеству, к царю и вере — не фигурами, не набросанными одним на другое умствованиями, — он говорил сердцу красноречием природы, и сердце каждого понимало его без изъяснений. Ему известно было, что простые примеры, собранные в кругу тех, к которым обращался, у плуга и на торжищах, в дымной хижине и в богатой светлице, действуют сильнее на душу селянина, нежели взятые из какой-нибудь риторики пыльные образчики. Он знал, что нравоучение, чистое и всемвнятное, почерпнутое из христианской нравственности (которой должна также служить самая жизнь пастыря), лучше запутанного красноречия древних и новых умствователей; он знал это очень хорошо — и знание своё умел употреблять в пользу. Крестьянин, слушая его с искренним, душевным участием и уважением, не имеет нужды (как часто случается) спрашивать у своего товарища: «что говорит батюшка? я слышал, что он проповедует красно, да я его не разумею», — и тому подобное. Жителя села, простого сына природы, не тронешь и не убедишь учёностию, он послушен более красноречию матери своей, и всегда верный данник её

всем сердцем и душою. Хвалю трогательное и простое риторство здешнего священника, и желаю искренно, чтобы сельские наши пастыри взяли его образцом для подражания.

Г. Калуга, 26 октября.

Первое место в моих записках должны занимать деяния соотечественников моих — деяния, возвышающие имя и дух русского. Следующим повествованием сделал мне подарок один смоленский помещик, бывший очевидным свидетелем самого происшествия.

...Соединённые войска двадцати народов текли в Россию подобно грозной, чёрной туче, носящей в себе опустошение и гибель золотой жатвы, врата Смоленска отворились с громом, и через них все бедствия войны внеслись в сердце драгоценного Отечества, пламя пожаров пробежало бурею до стен Кремлёвских. Хищение, разврат и забвение всего священного, грозя самим небесам, бродили по развалинам городов и сёл; толпы несчастных жителей убегали со страхом, оглядываясь на пепелище домов своих. Там мать с грудным младенцем укрывалась в густоту лесов, страшась не столько диких зверей, сколько свирепых пришельцев; здесь старик под ношею лет и бедствий искал по рощам и полям пищи для продолжения своей жизни и для семьи малолетних детей; сын отыскивал отца своего под развалинами, жена умоляла возвратить ей супруга: все проливали слёзы о разлуке с милою родиною. Уже сильные руки во мраке ночей ковали копья, уже косы и серпы острились, но час свободы ещё не звучал — и гордый сын севера в ожидании его затаил в груди своей грозное чувство мщения.

Наполеон с адскою усмешкою считал раны, покрывавшие часть России, и наблюдал место, где мог бы ещё вернее поразить её. Желая истлеть нравы русского народа, он учредил на развалинах Смоленска верховный суд и предписал ему довести до сведения оставшихся в городе и округе жителей, что те из них, которые будут недовольны Русским правосудием и управлением, могут требовать защиты от французской расправы: видимое желание вооружить противу справедливой власти и отечественных законов какую-нибудь толпу беспокойных бродяг и бросить тем искру бунта в сердца народа! Неудовольствие некоторых крестьян Смоленской губернии на помещика их, оправдав самым неприметным образом сие намерение, показало между тем повелителю французов, до какой степени может идти благородная гордость русских и на какия жертвы готова любовь их к Отечеству.

Известный духом истинного благородства и твёрдости смоленский дворянин Энгельгард не ужаснулся нашествия неприятелей. Соболезнуя о бедствиях родины и желая присутствием своим облегчить горестную участь сограждан, он остался в поместии своём, в Духовском уезде. Положа руку на сердце, взглянув на небеса, он дал небесам сим обет: среди многочисленных врагов действовать противу них же; окружённый чужеземною властью, он решился укоренять в сердцах народа любовь к законному государю и на пепелищах отчизны своей вознести знамя народной свободы и счастья. «Дела мои, совесть, государь и Бог оправдают моё здесь пребывание!» — сказал он и начал исполнять священный обет свой.

Некоторые крестьяне его, недовольные устройством, в котором он содержал их во всё время общего беспорядка, негодуя на примерную строгость, с которою он наказывал их за участие в грабеже французов и за ослушание против русских законов, — крестьяне сии, прельщённые лъстивыми обещаниями вольности и золотых источников, решились идти в Смоленск ко французскому начальству доносить на своего помещика о лишении им жизни нескольких французов. Просьба крестьян выслушана судьями, произведено следствие и не найдено никаких следов смертоубийства. Сам предводитель разбойнической шайки постыдился бы произнести решительный приговор над Энгельгардом. Дела потекли по-прежнему в поместьях сего последнего; но дух злобы не дремал: вскоре бунтовщики, подстрекаемые наполеоновыми прокламациями, соединились в небольшую разбойническую шайку, набрали в окрестностях несколько убитых французов и бросив их в отсутствие помещика под полы его дома, привели из Смоленска французских комиссаров для вскрытия полов сих и свидетельства мёртвых тел. Энгельгард найден виновным в смертоубийстве и призван в верховный суд в Смоленск. Восстановитель отечественной свободы, Вильгельм Телль не являлся к грозному притеснителю Швейцарии с такою твёрдостью духа, с какою вступил в среду судей защитник славы государя и сограждан своих. Благородная гордость русского дворянина, уверенность сына Отечества в исполнении своей обязанности, любовь к царю и вере сияли в очах его, управляли всеми его движениями и приводили в смущение собравшийся для приговора его французский совет. Не подсудимым казался он, но судьёю неколебимым, пишущим толпе преступников приговор к вечному их посрамлению. Наконец Энгельгард осуждён быть расстрелян. «Ведите меня скорее к месту моего торжества!» — сказал он французскому караулу, выслушав со всем хладнокровием приговор свой. Напрасно прельщали его от имени Буонапарта свободою и прощением, тщетно обещали ему высокие почести и награды, если он отречётся от законного государя своего и объявит смоленскому народу, что повелитель французов есть ныне настоящий монарх России и помазанник Божий! «Свобода моя принадлежит Богу и царю русскому! — и мог ли Наполеон сделать меня рабом своим? Скажите ему, что я и теперь свободен; скажите ему, что русские дворяне умеют умирать таковыми за государя своего и Отечество!» — так отвечал он и повторил снова требование, чтобы его вели скорее к месту казни. Дорогою произнёс он раза два сопровождавшему его караульному офицеру известный Корнелев стих!

Не казнь постыдна, преступленье!

На месте казни хотели завязать ему глаза платком; но он, сорвав его с негодованием, сказал: «Русский не боится смерти!» — перекрестился и ожидал роковой пули с твёрдостью духа, удивившею самих палачей. Свинец засвистал — Энгельгарда не стало!.. Но царь* и Россия его не забудут; сограждане воскресят его в памяти и сердцах своих и передадут его потомству в пример великих жертв любви к Отечеству.

* Государь император излил щедроты свои на многочисленное семейство Энгельгарда. 1820.

Приятно мне мечтать об оживлении русского Кодра в памятнике! Пускай Смоленское и целой России дворянство, соединяясь единодушными пожертвованиями, соорудит памятник сей тому, кто так славно умер за права и честь дворян, пусть поставят его на одной из площадей смоленских в память сынам и правнукам нашим! Пускай на одной стороне его начертают: «*Русскому Кодру*»; на другой: «*Энгельгарду — Российское Дворянство*». Смотри на него, мирный гражданин прочтает во взорах великого обязанности свои государю, согражданам и Отечеству. Поклоняясь ему, молодой воин вскипит огнём мужества и спросит копьё своё, *чтобы потрясть землёй и адом*. К памятнику сему придут поучаться люди всех состояний и званий и познавать величие имени русского. Какой пример коренных наших добродетелей! Какой богатый предмет для художника и какое славное поле для гения!

Мечтаю — и, счастливый сею мечтою, благословляю память великого Эндельгарда и жребий, судивший мне родиться русским.

Г. Рославль, 10 ноября.

Я прибыл в город вчера вечером и остановился у одного русского купца, гостеприимного и любезного. После сытного ужина, приправленного голодом и ласками хозяина, меня оставили одного в тёплой, уютной комнате успокоиться от походных трудов. Двадцатиградусный мороз дыханием своим пушил окна моего жилища, стены трещали ежеминутно. Я сидел у разложенного в камельке огня и смеялся угрозам зимы. Со мною был Боннет. «Как велик человек! — с гордостью подумал я, прочитав два-три отрывка из созерцателя природы, — пресмыкаясь телом по земле, он духом в небесах летает. Нет, кажется, в мирах для него сокрытой тайны: сам Творец знакомит его с чудесами творения. Умён, могуч, величав, он зрит с улыбкою, как всё ему покорствуется. Гроза и гордость зверей, лев повинуется его взору; быстрая, как горный ветер, серна, внимая голосу его, останавливается на краю утёса и преклоняется перед ним ветвистые рога свои; парящий под солнцем орёл к нему спускается по его велению. Самые стихии ему раболепствуют. И кто на земле не платит дани царю земному и любимцу небес!..»

Ныне видел я подобного себе в унижении, видел человека, Богом и людьми отброшенного, и признаюсь, что никогда, ничего не зрел ужаснее. Ещё с содроганием вспоминаю сие зрелище. Ночью прибыл в Рославль трёхсотный транспорт пленных, пущенный из-под Красного при нескольких казаках. Боялись с ними заразы и для того расположили их бивуаками близ города. Усыпив голод — некоторые остатками сухарей, иные мёртвыми лошадьми и товарищами — предпочли они кочевью на снегу городские овины и сараи. Одни зарывались в солому, другие прятались в трубы и печи, были даже такие, которые, собравшись толпою в пустой дом (большая часть здешних домов ещё без хозяев), ложились десятками друг на друга, зажигали его со всех четырёх углов и соделывались жертвою безумия своего. Поутру собрали казаки оставшихся и недосчитали более двухсот. Меньшую половину из сего числа полагали умершею, другую бродящею по всем концам города. Я не успел проснуться, как привалила ко мне толпа французов, итальянцев, поляков, вестфальцев, баварцев, пруссаков, испанцев и Бог знает каких народов!

Думаю, что эпоха построения Вавилонской башни не производила такого странного и жалкого смешения языков. Каждый не говорил, а стонал на своём наречии, все проклинали Буонапарта, виновника их бедствий. Один сказал мне: «брат мой, последняя подпора шестидесятилетнего отца, погиб в горах Испании, а я осуждён найти себе могилу в русских снегах». Другой: «освобождаясь от трёх конскрипций деньгами, не избегнул я четвёртой — и теперь, в удалении от олив родного Лангедока, в разлуке с семейством и милою невестою, гляжу с ужасом на приближение смерти». Третий: «не нужен ли вам хороший кучер? я управлял шестёркою коней у министра финансов и играл не последнее лицо в конюшне и тайной приёмной его превосходительства». Четвёртый: «парикмахеры-нравовучители в России неизвестны, а я, обладая искусством убирать волосы, могу преподавать за туалетом Эпикурову философию. В Париже был я в славе, ежели же у вас не перестанут подражать обычаям первой столицы мира, то...» Бедняк не договорил, увидев в руках моего хозяина кусок хлеба. Какой-то немец брался развесть у русских картофель и научить их находить вкус в супе из костей. Стоявший подле нормандец божился, что под надзором его русский барчонок в шесть месяцев будет совершенным парижанином. Сыскался один гасконец, который требуя только года времени, нескольких миллионов рублей и, кажется, тысяч пятисот войска, обещался привезть Наполеона в Москву в железной клетке. Всякий предлагал свои услуги и хотел в награду одного куса хлеба и тёплого угла. Ужасно было смотреть на странную их одежду, едва прикрывающую наготу тела, на чёрные, задымившиеся лица их, на томные и вместе страшные взоры, в которых, казалось, потухала жизнь и водворялись мучения ада! Невозможно пробыть с ними пяти минут в одной комнате, так силён смрад, происходящий от смеси дыму с пищею лошадиного мяса. Если бы не принимали всех возможных мер для предохранения жителей от заразы и если бы зима с жестокими морозами своими не пришла к сим предосторожностям на помощь, то чума со всеми ужасами посетила бы неизбежно края сии.

К чести русского гостеприимства и человеколюбия, хозяин мой, несмотря на злоречивые толки, пренебрегая страхом сделаться больным, взялся быть благодетелем погибающих. Незнакомый с древними школами, не считая себя членом ни одной из новейших, послушный только нравственности, чистой, неискажённой предрассудками, и повинувшись природному чувству сострадания, он потушил в душе своей чувство мщения, и, помня, что враг перестаёт быть таковым, когда обезоружен и слаб, он делал добро всякому, кто только требовал его помощи. «Несчастливые довольно уже наказаны гневом Божиим», — говорил он, собирая к себе злополучных пленников. Он согревал их, кормил, одевал, лечил и наконец отпускал их в печальное странствование. Стараниями его оживлённые узники, осыпая его тысячью благословений, благословляли с ним вместе имя русское. «Если хотя один из нас возвратится в своё семейство», — говорили они, расставаясь с ним со слезами, — «то заклянём детей и весь род наш почитать за родного всякого русского, которого жребий войны пошлёт на поля наши, заклянём их облегчать для него узы плена всеми жизненными выгодами и усладить для него разлуку с Отечеством утешениями дружбы и братства».

Хвала и слава имени русскому: на бранных полях гремит оно победами, в мирных хижинах цветёт состраданием. Хвала вам, сердца чувствительные! Герою восплешет народ среди шумных торжеств своих, человека благодетельного вспомнят несчастные в могилах своих у престола Бога. Может быть, найдутся люди, которые истолкуют в худую сторону деяния рославского купца, но чистого совестию оправдает Сердцеведец.

«Вы не видели ещё человека на последней стадии уничтожения, — сказал мне хозяин, — пойдёмте по городским улицам, я покажу вам его, и вы ужаснётесь!» В самом деле, что увидел я, вышедши из дому?.. Волосы становятся дыбом, сердце замирает от ужаса, и перо насилу повинуется мне для изображения человека, истощившего милости Творца и наконец всем гневом его постигнутого. Поруганные храмы, разграбленные и попалённые жилища, обесчещенные жёны и девы, лишённые приюта сироты и старцы требовали от небес мщенья, и небеса послали его наконец в пример вселенной. Все бедствия войны, все ужасы природы стеклись вместе, чтобы пасть разом на главы преступников: бегство, голод, мороз и всевозможные потери соединились в одно неслыханное доселе наказание. Бессмысленные твари не были никогда так унижены, как человек в мрачную сию эпоху. Гляжу вокруг себя со страхом и вижу людей в самых мучительных положениях. Один в женской изорванной одежде ползёт на коленях и локтях, другой, полунагой, шедши падает навзничь окостенелый, третий грызёт лошадиную ногу, четвёртый с обезображенным лицом вылезает из-под развалин. Пятый от слабости присел у порога хижины: снег клоками падает на обнажённую грудь его, все члены его трепещут от конвульсий, видно, что он борется ещё со смертью. Он вспоминает отца, мать, любезных сердцу, милое отечество, уста его произносят ещё имя Бога. Слышу последний вздох жизни — и содрогаюсь от ужаса!.. Нет средств помочь тем, которым сама природа отказала в помощи. Люди сострадательные, находя сих несчастных на улицах, обогревали их и насыщали за обильною трапезою, но не в состоянии уже были возратить многим из них истощённой жизненной силы.

Вот подобный мне человек! вот царь земли! — сказал я сам себе и с мрачными мыслями, с чувством уныния возвратился домой. — Бедное человечество!..

Придите рассеять чёрные мечты моего воображения вы, благодетели рода человеческого! И вы, умы бессмертные, посетите меня в моём уединении. Титы, Марки Аврелии, Генрихи, Петры, Екатерины, Пожарские, Сократы, Невтоны и Державины! окружите меня гением добра, ума и великих дел ваших. Да забуду в вашей беседе, как может быть унижен человек, и, стряхнув с него прах земного рабства, да возвышу его снова до бессмертного величия вашего!

Местечко Шклов, 11 ноября.

Вот и Шклов! — сказал я с восторгом, переезжая широкий Днепр, на берегу которого сидит самое местечко. Ни один путешественник — знакомый и неизвестный, знатный и бесчиновный, богатый и бедный — не имел свободы проехать через Шклов, не завернув к знаменитому его обладателю. Ни один гость не выезжал из него, не заплатив дани удивления богатству и вкусу, с которым его угощали, не принеся дани уважения и

благодарности тому, который все неприятности пышного вельможи умел прикрывать какою-то очаровательною любезностию и ласками своими. Здесь была столица роскоши и удовольствий. Всё, что богатства в союзе с умом и вкусом произвести в состоянии, всё, что природа создать и искусства украсить могут, всё, о чём только нега, обильная выдумками, мечтать и что совершить она может, было собрано в цветущем Шклове. Сюда щедроты благодетельного вельможи призвали муз вместе с богом войны и здесь основали им приятное жилище. В здешний кадетский корпус со всех сторон России и Польши стекались тысячами благородные юноши. Тут науки просвещали умы и сердца их, искусства их украшали и чистая нравственность образовала, все вместе производили полезных Отечеству мужей и доставляли ей славных защитников. Здесь жил, наконец, любимец фортуны, окружённый уважением тысяч чужестранцев и единоземцев, прелестями и ласками роя граций, блеском, шумом и красотою строёв конных и пеших кадетов, пышностию и весёлостями двора своего, благодарностию им осчастливленных, одним словом, здесь жил *Зорич!* Зорич более не существует, и с ним перестал *жить* Шклов. Это ныне — обыкновенное польское местечко, в которое богатые жида худым немецким языком или испорченным русским приглашают путешественника и из которого низкие, неопрятные корчмы заставляют его скорее удалиться.

Г. Борисов, 14 ноября.

280

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

Путь от Рославля до Борисова усеян мёртвыми телами, которые представляются глазам в разных ужасных видах. Никого не встречаешь на дороге сей, кроме изуродованных морозами воинов *великой армии* в женских, крестьянских, жидовских и других странных одеяниях. Первый раз в жизни вижу печальный маскарад. Сожжённые корчмы, опустошённые деревни и бродящие около развалин своих с *палашём при боку* шляхтичи, ограбленные великими своими избавителями — французами: вот предметы, которые повторять не слишком приятно! Около Борисова и в самом городе любовался я трофеями русских. На полях сих, в сих оградах довершено сокрушение сильнейшей армии (какой никогда не существовало), носившей ужас от дворца Эскуриальского до стен Кремлёвских. Предводивший её гений, приучивший самую смерть страшиться его, дававший законы царям и признававший власть Бога только на небесах, бежит теперь без души от горсти преследующих его казаков. Можно сказать, что он так утомил фортуны своими непрерывными успехами в дедале кабинета и на чистом ратном поле, что она вдруг отказалась служить ему. Справедливее прибавить должно, что он утомил терпение небес до того, что они в несколько месяцев излили на него весь гнев свой. — Чем-то кончится его военное и политическое поприще? Будет ли он уметь, воспользовавшись ужасным уроком, загладить свои ошибки и преступления? Познает ли себя виновным пред судом людей и неба, и заменит ли ненасытную страсть честолюбия истинною любовью ко благу своего народа и спокойствию общему? Какого имени удостоится он от будущих поколений? — *Нам* до сего часа предоставлено дать ему только те имена, на какие могут иметь право деяния, противные законам чести, справедливости и любви к ближнему, — деяния, которые должны

питать в душе нашей одно чувство ненависти и потушить в ней всякое доброе чувство, прежде возбуждённое его полезными Францией трудами и военными подвигами.

Хотел бы пером военного наблюдателя начертать план Борисовского дела, желал бы удержать в моей записной книге распоряжения полководцев, содействовавшие наиболее к успеху победы или к замедлению её, уловить минуту, которой покорствуя гений решает судьбу битвы, с холодным, терпеливым беспристрастием разобрать ошибки, которые были вскоре исправлены или сопровождались важнейшими последствиями. Но возможность слишком часто не соглашается с доброю волею. Круг обозрений частного офицера тесно ограничен: он не простирается далее его дивизии, много, корпуса. Сведения почерпает он или на самом поле сражения, где он действует на черте, ему назначенной, и не видит, что делается на других, или в кругу товарищей, рассказывающих ему о том, что около них происходило, или в общем мнении, которое иногда бывает худой судья и ценитель наших дел. Соображаясь с подобными сведениями, он делает по ним свои суждения, и нередко ошибается. Таково положение наше, когда не имея верных источников, хотим пошеголять замечаниями насчёт стратегических *линий* и *пунктов* какого-нибудь сражения. За грубые ошибки достаётся нам, как обыкновенно достаётся в подобных случаях мирным героям кабинета от полевых героев: награда известная — смех сожаления! Воспользуясь собственным моим замечанием, упомяну только о том, что к нам ближе и известнее. Скажу, что соображения главнокомандующего, доставившие нам бесчисленные трофеи, не могли быть с большею тонкостью и мудростью обдуманы, что генерал Милорадович, приобывший первый встречать и первый провожать неприятеля, всегда собирать венки и щедро раздавать их своим сотрудникам, герой всегда отважный и счастливый, острил на врагов смертоносные штыки своих гренадер, что готовился славно вспомоществовать ему дальновидный и храбрый генерал Ермолов с военными *товарищами*, но что судьба не позволила *вполне* совершиться начертаниям вождя русских войск и рвению сподвижников его, уберегая, конечно, хищника престолов и нарушителя прав народных для жесточайшего наказания.

281

ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Г. Минск, 20 ноября.

Первый город от самой Калуги, в котором можно засыпать розами наслаждения протечённый путь, усеянный ужасами смерти и беспокойствами жизненными! Здесь имеешь уже способы понежить взоры и вкус, здесь наконец эпикурействуют наши северные герои после нескольких месяцев, проведённых в самых жестоких испытаниях стоической школы.

Я вступил в Польшу и не вижу ещё польского города. Кто здешние обитатели? — Жиды. К кому прибегнуть для покупки или продажи? — К жидам. Где найдёшь здесь художников и мастеровых? — Между жидами. Они продадут, купят, сделают, сыщут и доставят всё, что только продать, купить, сделать и сыскать можно. Вся торговля и промышленность, все искусства и художества платят богатую дань оборотливым и проворным евреям — и золото Польши большею частью сыплется в широкие их карманы. В удел природным её обитателям достались: воз-

дельвание земли и защищение её. Они питают и обороняют чуждый народ, который спокойно сидя в своих конторах, лавках, мастерских и корчмах, собирает с них же деньги и их же обманывает.

Зелёная корчма под Вильною, 1 декабря.

Сладкие мечты воображения! Куда переносите вы меня из дремучих лесов Литвы, из мрачной корчмы польской?.. Ах! вы переселяете меня на места, сердцу драгоценные, — на милую родину!

Сию теперь в семейном кругу почтенного русского дворянина. Шумит буря, метель засыпает окна мирной обители и возносит около неё снежные валы. Но завывающая буря и крутящийся в снегах вихорь нас не ужасают, мы сидим у разложенного в камине огня и любимся розовым пламенем, порхающим по угольям. Дрожащий старец, глава семейства, рассказывает нам, как Задунайский унизил Чалму, как Итальянский сломил рога буйной Праге и карал на горах Альпийских учителей в искусстве военном. Другой ближайший родственник дому повествует о мудрых деяниях *Екатерины*, о великих мужах её века и золотом её царствовании. Две замужние женщины, цветущие душевною и телесною красотою, и племянницы их, числом и прелестями грации, слушают со вниманием рассказы почтенных летами и опытностию родственников. Вся душа их, кажется, на взорах и на устах красноречивых повествователей. Старики вдруг умолкают. Розовое пламя умирает мало-помалу, ангел тишины и уныния пролетает над нашим кругом. Долго царствует глубокое спокойствие, наконец оно прерывается общими жалобами на разлуку. Те сетуют о супругах, другие о любезных братьях, третьи о сыновьях, препорученных битвам и славе отечественной войны. Одна из прелестных не смеет и роптать вслух на горестную свою участь, тихий вздох вылетает из груди её — и этот вздох принадлежит милому её жениху. «Где-то теперь любезные сердцу нашему? укрыты ли от бурь и непогоды? живы ли, здоровы ли они? думают ли об нас в странах чуждых, отдалённых?» — говорят они — всё снова умолкает, снова та же мёртвая тишина царствует. Вдруг слышны слабые звуки колокольчика — слышны и теряются в отдалении. Но звуки ближе, ближе, уже на дворе, уже у крыльца... Прелестные летят из комнаты и скоро возвращаются — с военными ведомостями в руках. Все садятся по местам. Отец семейства трепещуще рукою берётся за газеты, надевает очки, возводит взоры к небесам и читает: «В незабвенный день К... битвы ротмистр А...» Это внук мой! — говорит старец дрожащим голосом. — Это наш братец! Ради Бога, продолжайте, дедушка! — восклицают прекрасные. — Это он! — с сердечною боязнию шепчет милая невеста. Старец, повинувшись прелестным родственницам, повинувшись сердцу своему. «Ротмистр А..., видя, что французская батарея, наведённая на левое наше крыло, вырывала сотни жертв из твёрдых рядов и приводила в опасность жизнь многих генералов, вызвался лететь со вверенным ему эскадроном на батарею сию и поклялся честью своею уничтожить адское её действие. Честь русского офицера священна — и предложение его принято с удовольствием. Громы батареи ужасно грянули — ещё раз грянули... и вдруг умолкли! Ротмистр был уже на ней, привёл в замешательство её защитников, захватил большую часть её орудий и покрытый ранами и славою возвра-

тился к своему месту. Сам фельдмаршал встретил его с поздравлением и собственною рукою надел на него Георгиевский крест».

— Эй! корчмарь! еврей! — водки!.. — Я хотел было продолжить моё пребывание в кругу любезного семейства, хотел представить радость деда и милых внучек, думал описать черту мужества и великодушия других родственников, но принуждён теперь — возвратиться скорее в дремучие леса Литвы, в бедную польскую корчму и сказать воображению: остановись!

Сейчас пришли сюда два русские офицера, которые самым *странным* голосом требуют водки. Один из них бьёт по столу грозною нагайкою, другой, называя себя каким-то князем (конечно татарским), тормошит немилосердо корчмаря жиду и жену его, потом делает с ним мировую за стаканом водки, ссорится за другим и бьёт его за третьим. Один подходит ко мне с вопросами: что я за человек? не французский ли шпион?.. Я смотрю на него с удивлением, потом с сожалением усмехаюсь, пожимаю плечами и продолжаю писать.

Пусть в семействе русского дворянина скажут, прочтя некогда мои записки: «Дай Бог, чтоб ни один из сих офицеров не был моим братом и даже дальним родственником!» Об невесте и говорить не нужно: какая девушка — хотя бы она не имела ничего, кроме своей души, хотя бы она была дочь простого ремесленника — какая девушка согласится дать руку подобному господину?..

Воспитание есть лучшее украшение воина. Звание его, давая ему особенные преимущества, не присваивает ему права быть грубым, необходимым и жестоким, напротив того добродушие, любезность и чувствительность должны быть вплетены в венок его вместе с мужеством, твёрдостью духа и пренебрежением всех опасностей. Грозный, как лев, среди волнений шумящей битвы, кроткий, любезный и сострадательный в мирной хижине, — вот отличительные черты истинного воина!

283

ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Г. Вильна, 12 декабря.

Исполнился обет государя, против неожиданных бурь судьбы ополчившегося твёрдостью духа и уверенностью в любви к нему сынов его; услышаны небесами молитвы верного ему народа, среди мирских превратностей сохранившего свои коренные добродетели и нравы; увенчались успехом мужество и труды войска его, великого на бранных снегах и на пепелищах родных хижин: *не осталось уже ни одного врага на лице любезного Отечества!* Красуйся, цвети, величайся снова, Россия! но в красоте, богатстве и славе твоей не забудь начертать на скрижалях вечности имя монарха, своею твёрдостью отстранившего твоё уничтожение; не оставь врезать в них клятву его: *не положить оружия, доколе ни одного неприятельского воина не останется в твоих пределах.* Пусть сыны наши, величаясь именем русского, в благородной гордости повествуют сынам и внукам своим о том, кому обязаны они благополучием ходить по вселенной с возвышенною головою и смелыми очами! Пусть деяния его будут первым лепетанием младенца, начальными предметами воспитания юноши, любимым разговором мужа и последним у гроба воспоминанием старца! Пусть память *Александра I* со слезами благодарности в роды родов благословляется, и любовь к нему на сердцах народных взнесётся к престолу Бога!

Бедные остатки неприятельской армии бегут уже за Неманом. Мы начинаем дышать воздухом счастья; отдыхая здесь, мы веселимся — веселимся тем более, что отголоски наших торжеств и радостей отдадутся скоро в сердце любезного Отечества. К дополнению счастья сего, с нами князь Смоленский, утомлённый победами, отдыхающий здесь на лаврах, собранных с полумиллиона врагов. «Иди спасать Россию!» — сказал ему монарх в Петровом граде, и повторили то сердца народа. «Ты спаситель России!» — говорит ему ныне государь в Вильне, и благодарное Отечество поздравляет его сим именем, и вселенная им уже Кутузова приветствует! Что должен ощущать светлейший, видя к нему явные милости Небес, благоволение *Государя* и любовь вверенных ему войск, внимая благодарности России, приветствиям мира и тайному отзыву собственного сердца, говорящего ему, что ни один победитель не всходил на подобную высоту славы?.. Он восхищается в душе своей, и восхищение делит с сотрудниками-героями. К довершению нашего блаженства государь император изволил прибыть в Вильну (вчерашнего числа). Минутные бедствия Отечества, труды и опасности военные, собственные потери, болезни и несчастия, — всё забыто в рядах храбрых, восхищённых приездом любимого монарха. Один взор его осветил мрачное прошедшее, один *миг* покрыл *годы*!

Вильна торжествует прибытие государя. Душам обыкновенным сродно мщение, но великодушный *Александр* мстит Вильне одною милостию и благодарит её за радостные приветствия. Весь город блистает разноцветными огнями, везде светло снаружи — каково-то внутри?.. На ратуше отличается от многих других прозрачных картин изображение гения России, карающего толпу галлов, и над ним парящего с лавровым венком двуглавого орла. Говорят, что подобное изображение с лестными для Наполеона переменами украшало то же здание, когда честолюбец, приковав поляков к колеснице своей, огнём войны освещал путь свой в Россию. Последуя великому примеру, мы не хотим сего слышать, забываем прошедшее и радуемся от души настоящему.

На днях государь император удостоил своим присутствием бал, данный светлейшим для русских офицеров и польского дворянства. Встреча достойна была высокого гостя и хозяина-героя. *Государь*, входя в залу, невольно наступил ногою на французские знамёна, из которых (так я слышал) одно держал сам фельдмаршал и при входе великого посетителя невидимо преклонил из-за дверей*. Знамёна сии на днях отбиты у неприятеля. Говорят, что император был восхищён сею встречею и обнимал фельдмаршала, подарившего его таким неожиданным торжеством. Польские дамы рассказывают также с восторгом, что князь в сей вечер был с ними любезен до бесконечности. «Не одних лавров достоин Кутузов, — говорили они, — мы готовы поднести ему венки из лучших роз и мирт, сорванных в цветниках польских».

Там же, 14 декабря.

Вильна покоится в долине, окружённой высотами и пересекаемой реками Вильею и впадающею в неё Вилейкою. Город не обширен, но красивее, многолюднее и живее многих губернских городов России. Со-

* Прекрасный предмет для картины!

общением окружающих вод с Балтийским морем торговля здешняя процветает. Улицы здесь не широки, дома порядочной высоты и почти все каменные. Большая часть из них, особенно на главных улицах, построена под одну крышку. Зодчество церковей довольно величественно. Впрочем, я не видал здесь зданий, перед которыми можно бы остановиться с чувством удивления.

Достойны здесь замечания Университет и Дом милосердия: один обязан существованием своим монарху, другой женщинам. Первый основан в 1570 году епископом Валерианом Протазевичем, утверждён королём польским Стефаном Баторием, обновлён и возвеличен благотельными щедротами императора Александра. Второй, учреждённый теми, которые везде и всегда составляют лучшую отраду человечества, процветает неусыпными их попечениями. Девушки известнейших фамилий здешних не стыдятся, обходя весь город, просить милостыню для бедных, вверенных Богом доброму их сердцу и относить к ним собранные подаяния. Чего в подобные путешествия не переносят нежные члены их от непогоды, от беспокойной мостовой, от обязанности сходить в мрачные, сырые погреба и взлезать на чердаки, где обитают несчастные, требующие их помощи? Зато холодное, убийственное равнодушие не смеет встретиться с их взором, сим красноречивым ходатаем за человечество: — кто не отдаст последнего за сей умоляющий взгляд, за одно слово, обворожающее душу вашу?.. Путешественник, обозрев здешний Дом милосердия, не выйдет из него, не заплатив сердечной дани сим благотворным существам, посланным на землю для утешения и благополучия нашего.

За городом, на острой высоте, есть примечательный памятник древности. Некогда в развалинах замка горсть русских, как сподвижники Леонида, защищалась против многочисленных войск Казимира V, занявшего уже Вильну поляками, — защищалась геройски и погреблась под бойницами!

16 декабря.

Здешняя площадь представляет каждое утро вид военной ярмарки. Пестрота и волнение на ней необычайные! Тут грубые жители азиатских степей татарин и калмык носят на булатных стрелах своих брегетовы и нордтоновы часы; там проворный казак ведёт на грозном аркане своём несколько английских лошадей; здесь тяжёлый кирасир предлагает вам брабантские кружева и кашемирские шали; далее живой егерь меняет кучу наполеондоров на русские ассигнации или усастый гренадер продаёт вам богатую звезду французского маршала: везде шныряют между ими оборотливые жида, получающие все сии вещи за полцены и менее. Можно судить по этому торжищу, как богата была жатва добычей, мечами собранной с *неприятелей* на бранных полях.

Ныне Вильна окуривается: на всех улицах дымятся пучки соломы для очищения воздуха и предохранения города от заразы, могущей случиться от бесчисленного числа лежащих в округе и в городе мёртвых тел. Всякий час умирает в госпиталях и домах множество пленных разных народов: их возят каждый день навьюченными санями за Вилью и Вилейку. Благодаря мудрым попечениям правительства, жители и войска снабжены всеми средствами для защиты себя от прилипчивых болезней.

Здесь снаряжают несколько сот испанцев, одевают их чисто и тепло и везут в Ригу для отправления оттуда на места их родины. Наполеон в несправедливо начатой войне, захватив их близ Пиренейских гор, одел в свои лёгкие мундиры во Франции и послал на снега Севера воевать против русских. *Александр* во брани, Богом оправданной, сделал их своими пленными, снабдил всеми жизненными выгодами и возвращает ныне родителям детей, жёнам супругов, любви её радость, дружбе её утешение и сынов отечеству.

Вильна, 18 декабря.

Отечественная война кончилась: но слава её должна во всём величии оживиться для нашего потомства. Не довольно, чтобы уста красноречивых старцев передали её детям и внукам своим, мало ещё того, чтобы резец и кисть по частям перенесли её будущим поколениям и чтобы перо историка начертало её на листах бессмертия: ей необходим памятник, который, смеясь угрозам времени, переселял бы её всю вдруг во взоры и сердца потомков. Блистательный дар красноречия, неизъяснимые прелести поэзии, обворожительная власть живописи и ваения могут сильно действовать на чувства, науками утончённые, на умы, просвещением образованные и ко всему изящному приготовленные. Но могут ли они иметь такое влияние на умы и сердца простого народа? В состоянии ли тронуть ремесленника, работника и земледельца, вышедших из рук природы с чувствами, хотя способными ко всему прекрасному и великому, но необразованными вкусом и науками? Памятник Отечественной войны должен быть красноречив для всех состояний. Надобно, чтобы он в одно время действовал на взоры и душу воина, вельможи, купца и селянина, чтобы все они умели *понимать* его величие и сближаться им со славою сей войны. Нужно, чтобы памятник сей соединял в одно время мужественные деяния сынов России, твёрдость духа её государя и милосердие великого провидения, в 1812 году столь явно покрывшего её щитом своим. Воины-солдаты и воины-поселяне, защитники Отечества, ожидают сего памятника как свидетельства их храбрости, терпения и любви к родине; Россия просит его для монарха, хранителя её свободы, имени и величия; народ, исполненный чистой веры, требует его для вечного воспоминания милостей Творца и изъявления ему чувств благодарности. Каким же произведением искусства исполнят вдруг надежду войска и граждан, мольбу России и требование народа? — Сооружением величественного храма, посвящённого имени *Спасителя*, — украшенного изображением государя в минуту решительного его обета; окружённого трофеями нынешней войны и статуями умерших на полях славы русских героев! Москва, как славная жертва нынешней войны, должна обладать и гордиться сим богатым памятником.

Мысль храма сего принадлежит генералу Кикину. Относя столь справедливо Богу успехи и славу Отечественной войны сей (не отнимая славы деяний от войска и вождя его), со всею основательностию и красноречием описывает он явные благодеяния небес и доказывает, что никакой памятник не может быть приличнее храма во имя Спасителя. Мысль счастливая, исполняющая общие желания и достойная быть приведена в действие! Говорят, что начертание сего храма пред-

Страну, где мы впервые
Вкусили сладость бытия.
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки:
Что вашу прелесть заменит? —
О родина святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Там всё, и проч.

Трогательное, сладчайшее воспоминание об Отечестве! Какое сердце, в самом деле, не дрожит, читая сии стихи? Надобно точно быть в удалении от милой родины, под непостоянным небом чужих земель, среди ужасов войны и под всегдашним надзором смерти, чтобы живо чувствовать всю прелесть этих стихов. Кто лучше нас, бездомных странников, ощущает всю красоту и силу их? Они невольно извлекают слёзы и велят сердцу вырываться на кровавый пир против врагов отечества и друзей незабвенных!

Все добродетели военные прелестно изображены поэтом: какую неизъяснимую силою влечёт он подражать им! каким клеймом уничтожения означен у него малодушный! Он не принадлежит к собратству храбрых; он чуждый всякому русскому. Хотите ли видеть изображение истинного героя? Вот оно:

Тот *наш*, кто первый в бой летит
На гибель супостата;
Кто слабость павшего щадит
И грозно мстит за брата!
Он взором жизнь даёт полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во сретенье врагам,
В среду шумящей брани!
Ему веселье — битвы глас!
Спокоен пред громами;
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами!

Читая изображение лучших полководцев нынешней войны, думаешь, что *Певец* в самом деле родился в шумном стане военном, возрос и воспитывался среди копий и мечей, сопровождал храбрых в грозные, кипущие битвы, замечал отличительные черты их мужества и ныне их воспевает. Какой воин, особенно родившийся под сению кремлёвских стен, какой воин не вскипит огнём мужества, внимая восторженному сим чувством Певцу? — Неувядаемы цветы, которые бросает он на славные могилы Кульнева, Кутайсова и Багратиона, и стонущие над ними

звуки его лиры столько же бессмертны, как и дела их. Поэту знакомы, конечно, все прелести дружбы: для того-то он так хорошо описывает её.

— Многие говорят, что чувство сие более не существует на свете, — сделаю в его пользу небольшое отступление от предмета моего. Советую им заглянуть в стан военный: там верно увидят они дружбу, покоящуюся под щитом прямодушия и чести. Военным не знакома двуличная учти-вость, светское притворство чуждо открытой душе их, низкое корыстолюбие было всегда их первым врагом. Когда храбрый воин подаёт вам свою руку, верьте, что он подаёт вам тогда сердце своё. Когда он говорит вам: будьте мне другом! тогда знайте, что он, для ваших нужд, готов вынуть последний рубль на дне своего кошелька; что он в пылу битв, не рассуждая об опасностях, не делая расчислений, станет за вас грудью и для сохранения вашего имени почтёт жизнь свою должною жертвою. Оресты и Пилалы не чрезвычайные явления между военными. Если бы господа новейшие философы потрудились перешагнуть за порог мирного их кабинета и заглянуть в дымные бивуаки, где последний сухарь делится пополам для брата, где несколько воинов защищаются одним соломенным щитом от бурь и ненастья и часто одним плащом согреваются, если бы мудрецы сии последовали за храбрыми в борьбу грозных битв, где друг выручает друга из объятий смерти, то невольно признались бы они, что священное, великое чувство дружбы ещё в свете обитает.

Но любовь — краса, богатство и награда воина — ещё прелестнее в устах поэта.

Любовь одно со славой!

Пускай судьба сблизит два существа непостижимою тайною взаимности, пускай свяжет сердца их узлом чистых вечных наслаждений, познакомит их с блаженством земного и небесного рая — и тогда пусть отделит одно существо от другого, чтобы препоручить его опасностям брани, на защиту милой!

Он смело, с бодрой силой,
На всё великое летит!
Нет страха, нет преграды!
Чего, чего не совершит
Для сладостной награды?..
Отведай враг исторгнуть щит,
Рукою данный милой!..
Святый обет на нём горит:
Твоя и за могилой!

И умереть приятно за ту, с которою нам так сладостна была жизнь!

Когда ж предел наш в битве пасть,
Погибнем с наслажденьем!

Из строфы: *«Доверенность ко Творцу»*, — и следующей за нею можно составить прекрасный военный катехизис. Строфа: *«Но светлых облаков*

гряды», — самая картинная! Нельзя изобразить живее восход зари, час перед битвою, звук вестового перуна, тревогу в стане; невозможно лучше приготовить сердце к томной безвестности будущего жребия нашего — жребия, который развяжет на кровавом поле узел нашей жизни и счастливейших её мечтаний.

Время и место не позволяют мне разобрать все красоты «*Певца*», они бесчисленны! Труд сей принадлежит постоянному обитателю мирного кабинета. Довольно сказать, что «*Певец во стане русских воинов*» сделал эпоху в русской словесности и — в сердцах воинов!

В.А. Жуковский прибыл теперь в Вильну с главною квартирою: делив с защитниками отечества все трудности нынешней войны, он делит с ними здесь и славу. Мне сказывали, что он был опасно болен, но за молитвами муз и попечениями их лучший цветок Парнаса оживает. Чего не делает слава? Целая страна, целый народ плачут у болезненного одра великого человека, между тем как холодный долг роет каждый день могилы людей безвестных, и путник с равнодушием мимо них проходит!

Вильна, 22 декабря.

Как прелестна полька! Покоится ли на роскошном диване: это Венера, ласкающая дитя любви на коленях своих, окружённая Играмми, Смехами и Негою, в час, когда ожидает к себе величественного Марса или нежного Адониса! Кружится ли в мазурке: это милая Флора, играющая с Зефиром! Собирает ли милостыню для бедных, скрывая род и прелести свои под флёром скромности: это существо, которому в древние времена вознесли бы алтари! Полька одевается прелестно. Стан её — стан нимфы: Купидон во младенчестве своём мог бы окружить его ручонками своими. Посмотрите на ножку её: она вылита по форме ноги медийской Венеры; она обута Грациями! Каждое движение польки есть жизнь, каждое изъяснение её — душа! Никто скорее её не оживит скучного общества, никто, конечно, скорее не воскресит мёртвых чувствований нелюдима и не образует *по-своему* сердца каждого мужчины. Пустите в круг живых полек молодого человека, вышедшего из рук природы неловким, необразованным, холодным к изящному, — и вы увидите, как он переменится в школе сей, вы увидите, как развернутся в нём ум, дарования и чувства! Нередко случалось, что ненавистник мрачных лесов Польши оставался умирать под тению липы, осеняющей дом какой-нибудь милой сарматки...

Вот портрет польки, наскоро снятый с природы! Жалею, что должен его испортить, сказав *то*, что я слышал о нравственности их. Я повторю здесь чужие слова, собственных моих замечаний на сей предмет не успел я ещё сделать.

Польки воспитываются для общества, а не для домашней жизни, не для супруга. Кажется, их образуют для того только, чтобы блистать в большом кругу, водить за собою толпу поклонников и греметь наружными достоинствами. Делать счастье *одного* есть удел немногих из них. Ветреность, непостоянство суть отличительный их характер. Нигде нет столько разводов, как в Польше. Сколько здесь женщин, которые, разведясь с двумя мужьями, выходили за третьего; сколько таких, которые новыми супругами куплены у старых за высокую цену!..

Сказал бы более, но всех *злоречивых* толков не перескажешь!.. Довольно и сих чёрных оттенков, чтобы испортить мою картину. О истина! зачем пришла ты своею мрачной кистью замарать блестящие краски, наложенные мною в восторге чувств моих?..

24 декабря.

Я должен, конечно, благодарить судьбу, указавшую мне ныне бросить якорь мой в Московском гренадерском полку. В Молдавии его иначе не называли, как храбрый Московский полк. Офицеры и солдаты его дерутся, как львы. Бессмертный Суворов любил его: на берегах Требио и под стенами Нови подарил он сему герою и Отечеству французские знамёна. Базардчик ещё с трепетом говорит о нём. Бородино видело его ужасные потери и славные подвиги.

По случаю перевода моего я должен был прибегнуть к начальнику главного штаба генералу Коновницину. В шесть часов утра был я у него с бумагами. Дверь кабинета храброго генерала не есть дверь приёмной праздного вельможи, она отворяется тотчас по слову *нужда*.

Адъютант его, г. Павленко (достойный находиться при таком начальнике), ввёл меня к нему немедленно. Если бы я и не приготовлялся идти к известному воину, то подумал бы, что пришёл к мудрецу: так поразило меня умное, тонкое его лицо! Нет, Лафатер основал науку свою не на одних мечтательных догадках! Когда вы сокрыли бы для физиономика деяния Коновницина во мраке неизвестности, тогда одна наружность сего генерала возбудила бы в душе наблюдателя то уважение, которым Россия уже давно приносит дань военным и кабинетным дарованиям храброго искусного полководца и неумолимого начальника главного штаба.

Сохранены орфография и пунктуация оригинала.

И.И. ЛАЖЕЧНИКОВ И ЕГО «ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ»

В сочинении под названием «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года» Фёдор Глинка, участник-летописец этой войны, писал, что великое это событие опровергает утверждение, «будто русские управляются одним **страхом** или **корыстию**». Опубликовав по горячим следам замечательные «Письма русского офицера» (1812–1813), Глинка подал пример и затем призвал «самовидцев» поработать над сбережением исторической памяти об эпохе национального возвышения. Среди тех, кто откликнулся на призыв, был гвардейский поручик и начинающий писатель Иван Иванович Лажечников, издавший в 1820 году книгу «Походные записки русского офицера 1812, 1813, 1814 и 1815 гг.» (переиздана в 1836 году).

Впоследствии Лажечников критически относился к своему первому опыту и в значительной степени переписал его в более зрелых мемуарных очерках «Новобранец 1812 года» и «Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи “Материалы для биографии А.П. Ермолова”». Его как писателя уже не устраивала откровенная риторика, впрочем, характерная для словесности первых двух десятилетий XIX века. Сегодня, перечитывая «Походные записки...», мы должны отдавать отчёт, что перед нами открывается стиль эпохи, простодушно доверявшей «чистому красноречию» готовых словесных конструкций. После Пушкина этот стиль был сдан в музей вместе с париками и фижмами. Однако как в музее мы удивимся стародавним диковинам, так и в риторической архаике можно и сегодня находить свою прелесть.

«Походные записки...» основаны на дневниках, которые Лажечников вёл в военные годы, хорошо понимая масштаб происходящих на его глазах событий. Он много витийствует по этому поводу, но в то же время фиксирует то, что видел и слышал. Он, естественно, останавливается на высоких, патриотических поступках своих соотечественников, скороговоркой упоминая тех, кто по каким-то причинам поступал иначе. Так описывается подвиг «русского Кодра» (по преданию, Кодр, афинский царь, ценою жизни спас Отечество от вторжения врагов), Павла Ивановича Энгельгардта, расстрелянного в Смоленске французами. И кратко упоминается, что выдали его собственные крепостные крестьяне. Чуть больше о противоречиях войны будет сказано в «Новобранце 1812 года», что затем получит развитие в великом романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

Или вот в корчме под Вильною происходит почти идиллическая сцена, когда глава семейства, почтенный старец потчует молодёжь воспоминаниями о Задунайском (то есть Потёмкине) и Итальянском (Суворове), а затем зачитываются нынешние газетные репортажи. Идиллию прерывают вошедшие в корчму два русских офицера, отпетые грубияны и бурбоны. Эпизод даёт возможность Лажечникову сделать важное замечание: война ожесточает нравы, но следует оказать сопротивление этому убыванию и убиванию души. По этой же причине так близко автору человеколюбие рославльского купца, помогающего французским пленным. В своём сострадании к униженному врагу Лажечников оспаривает куда более жёсткую позицию своего предшественника Ф.Глинки.

Так в несовершенных, наивно-архаичных «Походных записках...» проявила себя идущая от Карамзина и Новикова к Пушкину и далее отечественная традиция «лелеющей душу гуманности», сострадательности и милосердия в самых жестоких условиях исторической реальности. Эта традиция впоследствии поднимет на литературную высоту писателя Ивана Лажечникова.

Вы прочитали первую часть книги Лажечникова, относящуюся к 1812 году. 14 декабря 1812 года жалкие остатки «великой армии» Наполеона переправились через Неман. Окончилась Отечественная война, и начался заграничный поход русской армии. 24 декабря того же года прапорщик Московского ополчения Иван Лажечников был переведён в Московский гренадерский полк тем же чином. Но это начало другой истории.

Подготовка публикации и послесловие
Владимира ВИКТОРОВИЧА

Портреты

1177 2012

Владивосток

Графика Василины Королёвой

Вероника Ушакова

ОДАРЁННОСТЬ МНОГОЛИКОСТЬЮ

Философия образа

Учёные считают, что свойства железа человек узнал за две с половиной тысячи лет до нашей эры. Тогда он научился выплавлять из руды бесформенные куски пористого металла, делать простейшие орудия труда и оружие.

Шаг за шагом древние люди совершенствовали сталеплавильное и кузнечное ремёсла. Сотни и тысячи лет потребовались энтузиастам, учёным, мастерам, чтобы освоить промышленные способы выплавки и литья, овладеть секретамиковки. Вместе с развитием технологий развивалась экономика городов и стран. Даже в наш век пластика и композитов мы по-прежнему не мыслим существования без железа.

Обретя относительную простоту изготовления и массовое распространение, железо утратило нечто важное — из него ушла душа. Душа человека, который, даже если и ставил дело на поток, всякий раз изготавливал вещь штучную, уникальную, будь то столбики ограды, подковы, плуги или гвозди.

В коллекции директора ООО «ЛикЪ» Ильи Лебедева старинных, выкованных вручную, гвоздей около трёх тысяч штук. От крошечных, не более напёрстка, до огромных, чуть не в аршин длиной. С квадратными, круглыми, треугольными шляпками, разнообразных в сечении. По этому простому, но самому нужному в быту предмету можно изучать эволюцию многих ремёсел.

Вероника Вячеславовна Ушакова родилась в городе Орске Оренбургской области. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана. В Коломне живёт с 1988 года.

Начинала инженером в Конструкторском бюро машиностроения. С 1997 года ушла в журналистику. Работала корреспондентом, заместителем редактора, выпускающим редактором в коломенских газетах. Автор ряда публикаций в центральных изданиях, таких, как журнал «Москва», «Литературная газета». Победитель конкурса, проводимого Министерством промышленности Московской области в номинации «Лучший журналист Московской области, пишущий на темы промышленности» (2007). С 1999 года — заместитель главного редактора «Коломенского альманаха».

В настоящее время вернулась в родное КБМ на должность пресс-секретаря предприятия.

Очерк

При входе в музей «Кузнечная слобода», который в 2010 году открыл Илья Лебедев, в рамочке висит английский стишок в переводе С.Маршака:

Не было гвоздя — подкова пропала.
Не было подковы — лошадь захромала.
Лошадь захромала — командир убит.
Конница разбита — армия бежит.

Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице
Не было гвоздя.

Точное определение отношения к предмету собирательства и степени преклонения перед людьми, владевшими мастерствомковки.

Илья Лебедев — кто он? Бизнесмен, строитель, кузнец, коллекционер, реставратор, менеджер? Он и сам не знает ответа на этот вопрос. Всё вместе. И не понемножку. В каждом качестве — профессионал, делающий дело основательно, добротнo и на века.

Но в последние годы за ним прочно закрепился статус кузнечных дел мастера и собирателя.

История Ильи Лебедева — одна из немногих, когда собственное дело начато с нуля, без маминых и папиных капиталов, без шальных денег — с умной головы, неленивых рук и большого желания созидать.

296

Реставратор

Детство прошло в посёлке Усть-Нытва Пермской области.

Природа края изумляла своей красотой. Невысокие горы струдились вокруг живописной ложбины с серебряной лентой реки. На одной стороне старинного рукотворного пруда смотрелся в зеркало воды рабочий городок Нытва, другой берег изумрудным браслетом охватывал густой лес, полный зверья и птиц. Наверное, в таких местах жила Хозяйка Медной горы, а мастер Данила вырезал Малахитовый цветок. Красота никого не оставляет равнодушным. Куда бы ни уехал, она останется в душе и заставит жить по своим законам.

Стержень, средоточие этого уральского края — Нытвинский металлургический завод, основанный в 1756 году графом Александром Строгановым, одно из старейших предприятий на Западном Урале. На нём держится жизнь на много вёрст вокруг. Каждый раз, собираясь в город, поселковые говорили: «Поеду в завод». Нередко бывал в цехах и Илья. Да и как не бывать, когда практически все соседи, а после окончания школы и одноклассники там работали.

В посёлке имелась кузница. Она практически утратила свою значимость. Туда приводили немногих оставшихся в хозяйствах лошадей. Маленький Илья не знал, что некогда кузня была большим серьёзным предприятием. Об этом десятилетия спустя ему расскажет же-

лезе — корабельный якорь с клеймом Усть-Нытвы. Толстых листов металла в давние века изготавливать не умели. Несколько пластин проковывали до тех пор, пока те не «врастали» одна в другую, став единым целым. Умением владели только очень искусные мастера. Если кузница делала якоря, это говорило о высшем разряде.

Много ещё о чём может рассказать железо тому, кто способен понимать его язык. Об этом Илья узнает позже, когда вступит во взрослую жизнь. А в юные годы у поселкового мальчишки и его приятелей имелись другие заботы: лес, огород, корова, речка, школа. Обычное детство обычного паренька.

Илью привлекала не кузня, а стройка. На стройплощадке чувствовал себя как рыба в воде. Словно знания были в крови. Как правило, это свойство называют талантом, даром. Такому человеку не нужно ничего объяснять. Он априори знает, что и как делать.

Легко научился работать с деревом и кирпичом. Быстро освоил сварочное, бетонное, каменное, стекольное, кровельное дело. Хотя особо никто и не учил.

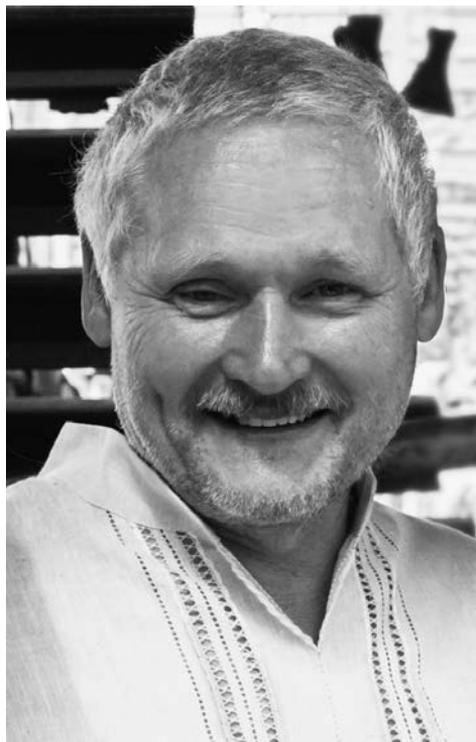
В 1976 году, в 22 года, переехал в Коломну. Окончил политехнический институт, факультет промышленно-гражданского строительства. Учился заочно.

Больше десяти лет проработал в одной из крупных строительных компаний Коломны, затем в строительном цехе на канатной фабрике. Появилась команда друзей-единомышленников, близких по духу, увлечённых, мастеровитых, как он сам.

Всех переполняли нерастроченные силы, энтузиазм, хотелось самореализации. Как раз в то время в Коломне возник Клуб любителей изобразительного искусства, обосновавшийся в ДК им. Ленина. Там было живо, весело, интересно. Появилась идея создать выставку-музей художника Константина Васильева и разместить её в келейном корпусе Брусенского монастыря.

С 1919 года монастырские постройки служили общежитием для рабочих. Временное проживание предполагало соответствующее отношение. На территории царили разруха и запустение.

На предложение возглавить работы по реставрации Лебедев охотно откликнулся. Он не только руководил, но и наравне со всеми снимал

старые полы, сдирал штукатурку, таскал доски и кирпичи. Отдавал знания, которыми обладал, и одновременно учился как у своих соратников, так и у мастеров прошлых веков, которые тесали камни для фундамента, обжигали кирпичи, выкладывали перемычки над окнами, строгали паркетные планки.

Со всей Коломны в Брусенский монастырь стекались молодые ребята и девушки. По вечерам, после работы. По выходным — в субботу и воскресенье.

В один из осенних вечеров начали делать перекрытия. Поставили леса. С большим трудом подняли наверх первую балку, закрепили в специальных отверстиях в стене. Теперь задача упрощалась: появилась опора для подъёма остальных брусьев. На какую-то минуту Илья присел на балку и огляделся. С высоты пространство просматривалось целиком. Ещё не возвели перегородки между залами. Бывший келейный корпус напоминал большой сосуд, наполненный жизнью и энергией молодой Коломны. Люди слаженно и сосредоточенно работали. Они не замечали, что на улице давно стемнело, свистит ветер и хлещет холодный дождь. В их мире было тепло и солнечно. Из ничего, из голого энтузиазма и мизерных денег, которые по рублю поступали от жертвователей со всех концов страны, они делали что-то большое, хорошее, живое, от чего согревались души и сердца. Это было волшебство!

Ощущение громадности и радости человеческого труда, возникшее в тот осенний вечер, понимания, как много может сделать человек, если у него есть цель, увлечение, сохранилось у Ильи на всю жизнь.

Музей Константина Васильева в Коломне не появился. Но в 1991 году в отреставрированном здании открылся центр «Лига». Цель создания очага культуры на древнем, обжитом, намоленном месте оказалась достигнута.

Это был переломный момент в жизни Ильи Лебедева. Он нашёл своё призвание, нашёл себя, понял, к чему лежит душа.

А душа лежала к тому, что создали до нас наши предки, что ещё не до конца утеряно, что можно восстановить и вернуть к жизни, не дать уйти в небытие. И Лебедев полностью переключился на реставрационные работы. Зарайский кремль. Тихвинский храм, Успенский собор в Коломне. Множество других памятников истории и архитектуры...

Бывшая резиденция коломенского епископа, затем, с 1799 года, Свято-Троицкий Ново-Голутвин мужской монастырь, тоже лежала в руинах. В девяностых годах двадцатого столетия обитель решили возродить, но уже как женскую. На заседание клуба приехала только что назначенная игуменья матушка Ксения и попросила помочь сёстрам.

Первым делом с монастырского подворья вывезли мусор. Десятки машин. Горы битого кирпича. Старый хлам. И сразу же в бывшей домово́й церкви — Троицком храме — сложили печку, чтобы сёстры могли нести службу.

Нужно было не просто создать условия для жизни насельниц — на тот момент в зданиях не было ни крыш, ни стёкол, — но и воссоздать прежний облик ансамбля.

Второе оказалось самым сложным. В наше время нигде не добывают, например, белый камень для лестниц, подоконников, декора фасадов.

Его собирали, где могли. Выламывали из стен заброшенных погребов, фундаментов снесённых домов, которые и по сей день нередки в Старом городе. Попутно осваивали профессию каменотёса.

Подняли старые фотографии. По ним воспроизводили арки, кирпичные пояски, каменные наличники. Молодым реставраторам улыбнулась удача, и они нашли снимок монастырских ворот, сделанный в 1906 году. Верь не верь в Провидение, но будто кто-то свыше знал о предстоящем споре с именитыми архитекторами, упрёках, что молодёжь всё делает неправильно, и заботливо снабдил самым главным аргументом.

Начало девяностых прошлого века — по сути, ещё одно Смутное время на Руси. Но в этот период рождалось светлое. Появилась особая «каста» людей, которые возрождали древние святыни. И Илья Лебедев стал одним из членов этой «касты».

Кузнец

С «канатки» Илья и его друзья давно ушли. Появилось молодёжное объединение «Сфера», а при нём — реставрационный участок. Уникальность команды состояла не только в том, что в ней присутствовал какой-то особый дух, но и в том, что из двадцати человек каждый являлся специалистом в своей области и дело знал до тонкостей.

Только вот кузнеца не было. А потребность в кованных изделиях воз- 299
растала. То навес над входом сделать, то решётки, то петли.

Кузнецов в конце концов нашли. Построили им мастерскую и время от времени заглядывали в царство огня и металла. Любопытство — ис-

точник всех познаний. Потихоньку, шаг за шагом, начали осваивать технологиюковки. А потом обзавелись собственным горном.

— Довольно много железа попортили, — улыбается Лебедев, вспоминая о том времени. — Учились на собственных ошибках.

В лихие девяностые работы почти не стало. Реставрация сошла на нет. Людям нужно было кормить семьи, и команда постепенно начала распадаться.

Но неожиданно в кризисный период востребованными оказались именно кузнечные работы. Авторские. Кружевные. Благородные.

Чтобы ни от кого больше не зависеть, Лебедев открыл собственное предприятие. Дата регистрации — октябрь 1991 года. Прошлой осенью ООО «ЛикЪ» отметило большой для малого предприятия юбилей — 20 лет.

— Илья Георгиевич, почему фирма называется «ЛикЪ»?

— Как яхту назовёте, так она и поплывёт. У слова «лик» много значений. Одно из них — иконописный образ. Ну а последняя буква «Ъ» — это из старославянской письменности, знак, символизирующий возвращение к корням, традициям, и некое доброе завершение.

Мы живём в век подделок и суррогатов. Едим, пьём, носим дешёвые заменители, делаем вид, что удовлетворены качеством заменителей услуг. Суррогат добрался даже до кузни. Ведь гораздо проще и быстрее использовать не кованые, а литые заготовки: тут изогнуть, там перевить, здесь приварить.

Но так же, как хлеб, вынутый из настоящей русской печи, дымящийся, ароматный, тяжёлый, не сравнить с «распухшей» на химикатах безвкусной пустышкой, сварную вещь не сравнить с кованой, прошедшей сквозь огонь и воду, вобравшей жар пламени, силу молота, стойкость наковальни. Словно кудесник из старой сказки, кузнец разжигает волшебный огонь и заставляет металл подчиняться, переродиться в облаке пламенных искр.

В штате мастерской сразу же появились художники. Половина успеха принадлежит кузнецам, вторая — тем, кто придумал кованый узор. На любое предложение изготовить сварную дешёвую вещь Лебедев отвечает твёрдым отказом. За суррогатом — не к нему.

По-прежнему большую часть в деятельности «Лика» занимают реставрационные работы. На подвесках, выкованных коломенскими мастерами, висят многотонные колокола храма Христа Спасителя. Подставы тяжёлых ворот одного из соборов Московского кремля — поворотная часть, которая крепится в стену, — изготовлены по образцу XVI века тоже в городе, который столетиями был для Москвы берегом. Входные ворота на Успенском соборе Коломенского кремля, появившиеся перед приездом Патриарха Алексия, — дар ООО «ЛикЪ» храму, возродившемуся к жизни после долгого забвения.

Через пять лет после начала работы у фирмы появилось клеймо. Как у древних мастеров. Не должны кованые вещи оставаться обезличенными.

Примерно тогда же мастерская перебралась на улицу Гражданскую. Лебедев купил старый дом-развалюху — одно название, что дом: обуглившийся остов и полуразрушенный фундамент. Построил всё заново, оборудовал кузню, мастерские, склад. Отвёл место для хранения коллек-

ции, ещё не думая, что когда-то откроет музей. А когда только приступал к расчистке участка, местные жители рассказали, что дом этот в начале века принадлежал кузнецу. История вновь сделала завитушку спирали, словно поставила изящный росчерк пера.

Коллекционер

Первые годы в Коломне Лебедев ощущал себя словно рыба, вытасщенная из воды. Люди другие, традиции, говор, даже вкус воды — всё другое.

Так было до тех пор, пока не понял, что история, которой увлекался с детства, — вот она, перед глазами. На том возвышении стояла старая деревянная крепость. Из её ворот шестьсот лет назад выезжал на коне молодой князь Дмитрий. Там, где сейчас центральная городская автомагистраль, шли русские рати. По скатывающимся к Москве-реке улицам хаживала развесёлая царица Марина Мнишек, пока не пришла ей пора тайком бежать, скрываясь от погони. Из прогулок по Коломне, книг, встреч родилось ощущение, что приехал в Коломну не случайно. Город этот не чужой, а очень даже свой.

История жила и в вещах, которые то и дело попадали в руки. Во время реставрации их находили довольно много. Вещи тоже выбирают хозяев. К тому, кому нужны, — сами в руки идут.

Идея собирательства жила в голове не у одного Лебедева. Но не всякий решится ступить на этот путь. Коллекция требует внимания, ухода, терпения, знаний, времени, денег, наконец.

Идея материализовалась, когда появилась кузнечная мастерская. Стало понятно, что именно представляет для Лебедева главный интерес —

железо, любые металлические предметы, плод человеческого труда. О железе Илья Георгиевич знает столько, сколько ни в одном музее не расскажут.

Да и музеев, подобных «Кузнечной слободе», в мире практически нет. По крайней мере, удалось узнать об одном-единственном, который находится в Голландии. Создан в начале прошлого столетия. Собрание размещено в городском соборе, его уникальностью очень гордятся. В коллекции — высокохудожественные вещи: красивые накладки, ключи, решётки. Из этих мелких деталей соткан неповторимый облик каждого европейского города.

— Наша улица Астраханская, — рассказывает Илья Лебедев, — судя по старым фото-

графиям, тоже была ярко «раскрашена» вывесками, козырёчками над крыльцом, решётками, флагодержателями. Даже оголовки трубы на крыше принаряжали кованым кружевом. Где всё это сейчас? И ведь люди век назад жили не богаче нас, нынешних. Почему тогда было стремление к красоте, а сейчас его нет? Понятно, что гораздо проще выбросить вещь, чем поддерживать в хорошем состоянии. Опять же, пионерам надо было план по сбору металлолома выполнять. Да и вообще в известные восемьдесят лет всякие «излишества» считались пережитком прошлого. При сегодняшней образовательной политике шансы, что следующие поколения вырастут ценителями прекрасного, тоже невелики, если преподавать в школе только физкультуру и науку выживать. Крепкие ноги и пустая голова — вот что получится в финале.

На экскурсиях по «Кузнечной слободе» хорошо прослеживается, как живо и с непосредственным интересом реагируют на музейные редкости школьники младших классов и демонстрируют полное пренебрежение жующие жвачку, не выпускающие из рук мобильных старшеклассники. Живая иллюстрация к словам Ильи Георгиевича.

Самый древний экспонат коллекции — крица. Когда люди поняли, что руду можно плавить, они освоили простейшую технологию. Над ямой, заполненной породой, разводили костёр и получали полный шлака кусок железа. Сколько же тысяч лет этому неприметному грязно-серому металлу, на котором и глаз-то не остановится?

Во владениях Лебедева чрезвычайно интересно. Кажется, собиратель знает о железе всё. Илья Георгиевич не умеет включать компьютер — ему это ни к чему, у него другие жизненные интересы, но с одного взгляда на железный артефакт определяет его былое назначение.

Многие из этих предметов он помнит с детства. В уральской глубинке, где люди в некоторых местах по сей день живут натуральным хозяйством, они по-прежнему в ходу. Как-то один из московских историков привёз что-то вроде меча с рычагом. Лебедев без труда признал «дикивину»: таким приспособлением в детстве деревья сажал. Вонзаешь «меч» в землю — получается лунка. Чуть качнул, и саженец землёй присыпало. Быстро и легко. За день можно лес посадить.

Назначение кое-какой утвари помогают понять старожилы. Появился круг близких людей из числа историков, музейщиков, с которыми можно посоветоваться. В последнее время за консультациями приезжают к самому Лебедеву. Более крупного знатока кованых предметов в нашей стране, пожалуй, нет.

Однажды долго не мог понять предназначение приспособления из двух ручек, чего-то вроде ножа посередине и решётки. Разгадка нашлась в книге Владимира Солоухина. Знакомя читателей с Шахматовом — усадьбой, где провёл детские и юношеские годы Александр Блок, писатель детально обрисовал предмет-близнец. Это оказался... нож для колки сахара. Книжная находка — случайность? Такого количества случайностей не бывает.

Каждый предмет в коллекции говорит о том, насколько изобретателен, практичен, искусен русский человек.

Вот карабин, чтобы вытаскивать ведро из колодца. Замысловато загнут двойной петлёй — ведро не соскользнёт ни при каких обстоятельствах. Ухват на колёсиках. Видно, муж любил свою жену, берёг, облегчал ей домашние тяготы.

Четвёртая часть экспозиции отдана во власть гвоздям невообразимых «мастей». Вдоль противоположной стены выстроились фрагменты кованых решёток. Гирляндой висят старинные рычажные весы.

Рядом с орудиями труда — орудия боя. Кистени, абордажные кошки (пиратствовали в то время на реках), железные колочки, которые бро-

сали под ноги лошадям. Время было такое, приходилось защищаться. Кольчуга, датированная XIII веком, «связанная» из 25 тысяч колечек. Позволить себе такую роскошь мог только обеспеченный человек. Маленький боевой топорик. Скорее всего, принадлежал княжескому сыну, которого сызмальства приучали держать в руках оружие.

Циферблат от часов. На нём только одна стрелка — короткая. Когда встаёшь по солнышку, живёшь без спешки и суеты, минуты безразличны. Эти часы стояли на колокольне Николо-Радовицкого монастыря, расположенного между Белоомутом и Егорьевском. Из всех монастырских построек только колокольня и уцелела. Один собор взорвали, второй стоит в руинах.

Мечта Ильи Лебедева — тоже жить без минутной стрелки, не запутываясь в мелочах, которые составляют основу сегодняшних принципов ведения бизнеса. К сожалению, давление суеты он чувствует на себе, может быть, больше, чем другие. Трудно объять необъятное. У него каким-то образом получается. В том числе за счёт твёрдого правила — не тратить время на неинтересных людей.

Время требуется на поисковые экспедиции, которых бывает по несколько в год, на то, чтобы проведать маму, по-прежнему живущую в Усть-Нытве. И в литературе хочется покопаться, и со знающими людьми поговорить, показать находки, вместе подумать. Да и работать надо. Живёт своим трудом. Коллекционирование денег не приносит — как раз наоборот.

При первой же возможности Илья Георгиевич собирается в путь. Суздаль, Иваново, Тамбов, Кашин, Смоленск, Владимир, Псков — какими маршрутами только не хаживал, не ездил.

Однажды услышал, что в далёкой деревеньке под Орлом имеется старая наковальня. Чтобы привезти инструмент, который без дела стоял во дворе, четырежды ездил за сотни километров. Прижимистый мужичок сразу приметил заинтересованность приезжего и «заработал» на ненужной вещи пять тысяч рублей.

Как-то, возвращаясь из путешествия, заночевал в Костроме. Уже под вечер пришёл в Музей деревянного зодчества. По указателю «Кузница» в зарослях крапивы нашёл заброшенный сарай. А за полуразрушенной стенкой — переносной горн интереснейшей конструкции. Вещь в ужасном состоянии, мехи истлели. Но — музейный экспонат, с собой не унесёшь.

Друг и коллега, тоже кузнец, Виктор Камаев в районе Песков нашёл другой переносной горн. Выброшенный, никому не нужный. С маленьким вентилятором, который приводится в движение ножным приводом, чтобы нагнетать воздух. Показал, подразнил, а поскольку сам тоже увлекается железом, будто спрятал за спину конфету, как в детстве: «Не облизывайся, не получишь». И... через два месяца подарил на день рождения. Поразительно, но горн совместными усилиями восстановили. Он работает!

— Когда держу в руках любой из предметов, представляю людей, которые жили до нас, и испытываю чувство огромного уважения, — говорит Лебедев. — Нашим предкам в чём-то было сложнее, в чём-то проще. Физически они работали гораздо больше нас. Чтобы сохой вспахать поле площадью в гектар, крестьянин проходил 58 километров. Зато не было такого огромного психологического давления. Люди жили по-другому. Они спокойно делали своё дело. Изучали мастерство, растили детей. Сейчас абсолютное большинство не видят себя в будущем, не уверены в завтрашнем дне. От этого гонка через пустоту. Все куда-то бегут, но не отдают себе отчёт — зачем?

Узнав об увлечении Лебедева стариной, потянулись люди. Лежат на чердаке вещи — не обязательно железные. Никому не нужны, а выбрасывать рука не поднимается. Так появилась вторая экспозиция, которая разместилась на улице под навесом. Здесь весь набор крестьянской утвари. Домашние ткацкие станки, плуги, телеги, сундуки, наполненные

горшками, и много чего другого. Глиняной свистульке — только вдумайтесь — 500 лет! А трели выдаёт, как новенькая. Вот погремушка для малыша — тоже глиняная, с камешками внутри. Уцелела с XIII века. Тут же огромный якорь и мельничные жернова, лёгкая лодочка и фрагменты брочек. Целый этнографический музей получился.

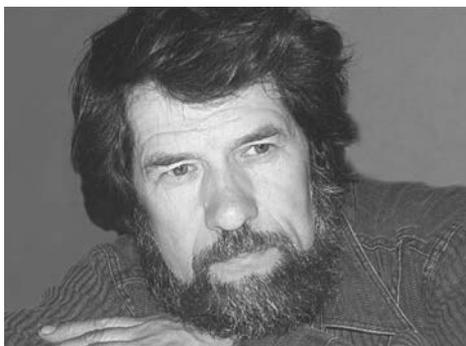
И наверное, тоже не случайно, что, когда Коломенский краеведческий музей после переезда из храма Михаила Архангела в усадьбу генерала Колчинского обосновался в новом помещении, он открылся кузнечной выставкой Ильи Лебедева.

Так всё-таки — кто же он, Илья Лебедев? Хранитель? Мастер? Историк? Его образ многоЛИК.

Фотографии Юрия ИМХАНИЦКОГО

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ГРАВЮРА ГЕННАДИЯ

С давних времён тянется волшебная нить коломенской графики. От средневековых миниатюр до рисунков Казакова, от гравюр Олеария и де Брюина — к монументальным оттискам Ивана Павлова. Так веками складывался сказочный силуэт города, отражённый пером и углем, штрихелем и полированными зеркалами медных досок...

И одно из самых почётных мест в этой удивительной летописи принадлежит **Геннадию Савинову**. Вершины Коломенского кремля, прозрачные кроны старинных рощ, неспешное течение наших рек, спокойствие полей и узорочье храмов — всё это вместилось в полотна его гравюр: то многоцветных, то ажурных чёрно-белых. Время остановилось, оно дремлет, зачарованное резцом художника...

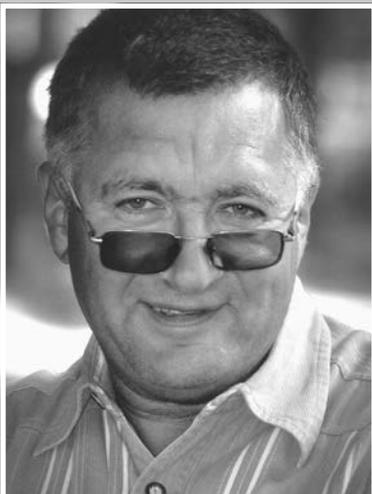
Геннадию Савинову — 70 лет. Велика и прекрасна гравюра его жизни! Она исполнена замечательных открытий и светлого таланта. Немного отыщется мастеров, которые с такой любовью и с таким умением смогли увековечить красоту Коломны.

Геннадий Митрофанович! Много сделано тобой; и всё же мы желаем тебе творческого беспокойства, поисков и новых духовных сил. Пусть снова и снова являются миру твои шедевры — бессмертные образы родимой Русской земли!

Коллектив редакции

Виктор Мельников

ДОЛГИЙ СВЕТ

Виктор Семёнович Мельников родился 24 мая 1948 года в казахском селе Казанка. День рождения, совпавший с Днём славянской письменности и культуры, и определил его судьбу — стать литератором. Он много ездил по стране. Жил и трудился в Сибири, Башкирии, Таджикистане, Узбекистане, Латвии... Работал плотником, слесарем КИП, шахтёром, геологом, осмотрщиком вагонов, корреспондентом... В общем, жизнь его сложилась так, что возможностей для познания реальной, суровой, невыдуманной действительности у него было предостаточно.

Подмосковная Коломна стала для него «милым пределом». В этом городе он не только написал лучшие свои произведения — Мельников основал издание «Коломенского альманаха», настоящего творческого Дома для писателей, поэтов, художников, публицистов Коломны.

Виктор Мельников — автор девяти книг прозы. Его произведения печатаются во многих российских журналах.

Очерк

В летние дни, после работы, я люблю бродить по нашим тихим улочкам, разглядывая старинные купеческие особняки. Коломна всякий раз открывает мне свою неброскую красоту: то кирпичную ограду, украшенную глухими арками, то ворота с мощными пилонами из белого камня. Однажды, в такой поздний вечер, когда лохматая темнота уже нависла, сгущаясь, над городом, я встретил человека с фотоаппаратом на груди. Он не торопился уйти от надвигающейся ночи, а даже наоборот, через каждый шаг останавливался, всматриваясь то в небо, то в пустеющий двор, а то и просто — далеко перед собой. Вот он замедлил шаг около старенького дома с новой пристроенной верандой. Нехитрое строение представляло собой городской вариант обычной русской избы. У самого крыльца вытянула раскидистые лапищи приземистая яблоня. Нижнюю ветвь с тяжёлыми яблоками подпирала палка. Человек ловко вскинул фотоаппарат и нацелился на эту яблоню...

— Ничего не получится, темно, — сочувственно заметил я.

А мужчина, не обращая на меня внимания, приседая, «обстреливал» яблоньку своим стареньким аппаратом. И только когда закончил, повернул ко мне одухотворённое лицо и, улыбнувшись, ответил:

— А мне сейчас как раз и не нужно солнечного света.

— Вечерняя съёмка? — проявил я свою осведомлённость в фотоделе.

— Вроде этого...

Дальше мы пошли вместе. От Старого города до трамвайной остановки — путь длинный. Тут не только

можно познакомиться, но и многое узнать друг о друге. Так состоялась моя первая встреча с Юрием Колесниковым.

Много лет прошло с той первой встречи. Юры давно нет среди нас, а я бережно храню в сердце всё, что связано с этим талантливым человеком.

Многие считают Юрия Колесникова мастером высшей категории, талантливым фотохудожником, заслуживающим всяческого подражания, другие — классическим представителем богемы. Если понимать под богемой нерегулярный и далеко не всегда обеспеченный труд и неприветливость в быту, то правы будут и те, и другие.

Колесников никогда не пытался себе что-то нажить, прикопить... Так и ушёл из жизни, не оставив после себя ни дачи, не машины. Но зато подарил Коломне значительно большее — волшебные фотографии, на которых дышит, смеётся и плачет его родная земля. Как невозвратно пронзителен мир коломенского пейзажа в последних его фотографиях! И эпиграфом к ним — строки Павла Радимова:

Коломенская Русь лежит по косогорам
В осеннем мареве зóлоченых полей.

В моём архиве сохранилось очень много Юриных фотографий. Да и, наверное, не только у меня. Он их раздаривал многим, радуясь тому, какое счастье доставляет людям. Глядя на его шедевры, я слышу, как поют птицы, переговариваются между собой, остановившись у бассейна, люди, лают собаки; чувствую дым от свёрнутых стариками самокруток, толстых, словно лажечниковские ивы, которые до наших дней, увы, не сохранились и к которым уже не подойдёт путник, не спрячется от палящего солнца...

Наши с Юрием Колесниковым прогулки по Старой Коломне были частыми и долгими. Он всегда был тих и сдержан. Весь погружён в свои мысли. Весь налит земным притяжением. И вот уже не разговаривает со мной, а будто ищет что-то, словно что потерял. В такие минуты он больше похож на грибника или даже на охотника. Я отхожу в сторону — пусть ищет, пусть охотится, не буду ему мешать...

В нём не было ничего искусственного, вычурного, богемного, никакой «тусовочной» развязности. Он как будто исполнял завет Томаса Манна: художник должен быть скромным, аккуратным, воспитанным, он не должен пренебрегать условностями — потому что ему дано больше, чем другим, потому что на нём лежит большая ответственность.

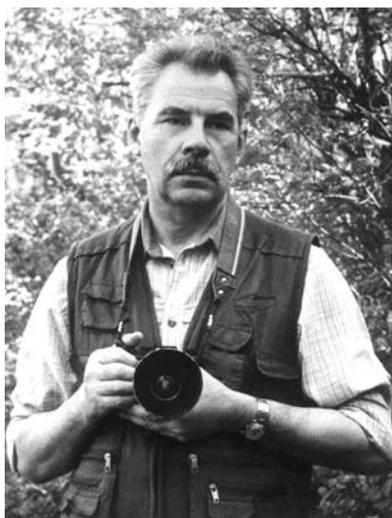
Мне пришлось убедиться в этом и в ту журналистскую пору, когда мы вместе работали в газете, и позднее, когда выбирали с Юрием Дмитриевичем образ «Коломенского альманаха». Каждый его снимок не просто красиво построен: кроме продуманной композиции, в нём есть особая глубина и **одухотворённость**. Переключкой через полтора столетия — Тютчев:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Юрий Дмитриевич Колесников

И с фотографий Колесникова природа или рукотворные вещи начинают разговаривать с тобой...

Невозможно сразу понять, в чём скрывается очарование этих увековеченных мгновений. Есть у Колесникова удивительная композиция «Посад» — фрагмент храма Николы Посадского на фоне Коломенского кремля. Вроде бы обычный летний день, известные всем памятники истории архитектуры. Но почему на этот снимок хочется смотреть и смотреть? И постепенно догадываешься: кадр выстроен удивительно гармонично. Громада храма, украшенная множеством кокошников, начинает диагональ сверху вниз. Вторая диагональ подсказывается глубокой тенью, идущей снизу вверх, между основным храмом и маленьким приделом. Посередине картина пересекается линией горизонта, а вертикаль задаётся главкой и крестом. И все эти линии сходятся в центре — на основании, которое поддерживает барабан и маковку над придельной церковью! Взгляд привлекает эта точка схода, он скользит в глубину, а там, на горизонте, — сказочный город: кровля Пятницких ворот, купола, шатёр соборной звонницы... И всё это окутано мягким светом; в небе — лёгкая дымка, на которой так красиво смотрится узорчатый крест, увенчанный короной. Свет играет на белизне стен, выделяет упругие дуги кровель, поблёскивает на изразцах... В этом пронзительном сочетании геометрической стройности и сочных, почти осязаемых объёмов отчасти и скрыта магия снимка. Но только отчасти, потому что за чёрно-белой графикой таится ещё нечто трудноуловимое, какая-то загадка, дух Старой Коломны. Сейчас он почти не ощущается, задрапированный внешним благоустройством. Но тайна Города сохранилась — в композициях Колесникова.

309

ДОЛГИЙ СВЕТ

Снова и снова вспоминается один из летних вечеров: угловая девятиэтажка в Колычёво, на древнем Девичьем поле, где в 1380 году князь Дмитрий собирал войска в Куликовский поход. Рядом — таинственный овраг Земрево и стародавнее Протопопово, а за ним, как семьсот лет назад, — **Великая Ока...**

Я впервые у Юрия Дмитриевича в гостях. Мы вдвоём рассматриваем снимки. Его жена, Лидия Григорьевна, угощает нас свежесдобитыми пирогами. Они горячие, пышные, с пылу-жару... Косые солнечные лучи отражаются в глянце фотографий, словно в вешней воде, весёлыми зайчиками играют на потолке. И каждый кадр из этих россыпей — шедевр. Вот узорчатые силуэты коломенского Посада, вот купола Успенского собора, просвечивающие золотом сквозь **морозное кружево**, а вот — старая Брусенская улица, овеянная лёгким туманом, с её вековыми домами,

новыми деревьями и ребячней, которая вносит в атмосферу **сонной древности** живую, забавную ноту...

Его снимки коломенцы хорошо знают и любят до сих пор. Вот огромные ивы у подножия кремлёвского холма; их плоть, скрученная столетиями, помнит юного Лажечникова, бродившего в романтическом раздумье. Вот челны, дошедшие до нас, кажется, из глубин языческой древности. А вот заповедные уголки Старой Коломны, напоённые ароматом времени и так остро контрастирующие с привычной промышленной «средой обитания». Здесь нашлось место и московской тесноте, и просторам Константинова, и бесконечным русским полям, и величавому разливу Москвы-реки. И **коломенская музыка** храмов и монастырей осеняет суету жизни своей непреходящей красотой...

Остановленный магическим кристаллом объектива, бег времени застывает, превращается в символ. А символ — это уже образ. Здесь заканчивается поток обыденности и начинается искусство. Ибо именно художественный образ и составляет одновременно смысл и форму искусства.

А чего стоит одна только фотография на обложке «Коломенского альманаха»! Грешно, мы давно привыкли к своей старине: она стала для нас настолько обыденной, что притупила восприятие. И вдруг Колесников остановил нас, заставил посмотреть вверх. А сверху, с неба, льётся такое безмолвие веков, что, кажется, слышно, **как тишина трётся** о старинные стены Коломенского кремля... От восторга щемит сердце... Легенда Маринкиной башни под колдовским взглядом художника превратилась в символ.

Какое наслаждение перебирать снимки в этой волшебной комнате, где каждый офорт, каждый рисунок на стене — на своём месте, где с любовью собранная библиотека говорит о тонком, взыскательном вкусе хозяина!

Детство Юрия прошло в заречном Парфентьеве, на берегу Москвы-реки, среди бесконечных коломенских полей, шелковистого луга и белых-пребелых берёз. И с юных лет жила в мальчишеском сердце тяга к красоте. Репродукции с классических картин тщательно вырезались из журналов и бережно хранились в заветном месте. А когда увидел живую настоящее полотно, мир для него словно изменился. Отец поощрял увлечение сына. Были поездки в московские музеи. Особенно запомнилась одна, когда Юре было одиннадцать лет. Они с отцом ходили по Третьяковской галерее весь день — с утра и до самого закрытия, не в силах оторваться от созерцания живописных шедевров и... стараясь не думать о еде. Чего только он тогда не пережил перед саврасовской картиной «Грачи прилетели»! Небольшое ведь полотно, а вот настроение весны, запах талой земли и набухающих почек деревенский подросток почувствовал даже через краску. Зато к работам Кандинского испытал бурю недобрых чувств. Он словно споткнулся об это нагромождение форм, пятен, хаос красок. Впервые столкнувшись с абстракционизмом, мальчик негодовал: «Как смеет художник называть всё это живописью?» И лишь через много лет он смог постичь его. И тогда для Юрия открылся огромный мир.

С годами выработалось неукротимое желание запечатлеть красоту окружающего мира. До встречи с фотоаппаратом было ещё далеко.

Жизнь была дорогой, и такая покупка для семьи считалась роскошью. Стоил тогда фотоаппарат две отцовские зарплаты. А как Юрий о нём мечтал! Задышался просто!

Армейские его годы прошли на Северном Урале. Природа там великолепная. Зимой — заснеженные пихтовые, чистые деревья, а летом — извилистая, заросшая черёмухой и рябиной и сквозящая через пёстрый лес речушка. **Прекрасное мгновение** хрупко, но фотокамера может сделать его **бессмертным!** И только после армии, на первую свою зарплату, он купил фотоаппарат. И вот теперь, когда камера наконец попала в его руки, началась фанатичная работа: съёмка, колдовство над проявкой и реактивами, бесконечный поиск и совершенствование.

В конце концов упорство и терпение были вознаграждены. Престижная работа в фотолаборатории солидного Конструкторского бюро машиностроения, участие в экспозициях, дипломы международных выставок... Но это, так сказать, внешняя сторона. Разве можно дипломами измерить **человеческий гений?**

Вся профессия фотографа состоит из случайностей, но счастливых. Интересные фотографии получаются у тех мастеров, у которых есть чутьё. Надо уметь предчувствовать момент и оказаться там, где тебя ждёт удача. В общем, это охота. У Юрия Колесникова были в Коломне любимые места и уголки, куда он из года в год ходил, надеясь увидеть в природе начало своей мысли, своего воображения. Особенно Юра любил весну. Она подталкивала его к работе. Весенняя тема привлекала его своей первозданной красотой. Но фотография получалась лишь тогда, когда она выражала какую-то идею его жизни.

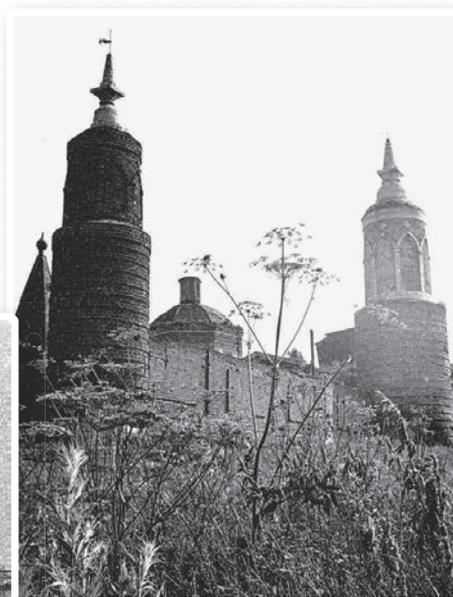
Однажды его снимок даже вдохновил художника Эрика Булатова, и тот попросил у Юры разрешения использовать его в своей работе. На нём была изображена колокольня, которую Колесников заснял с высоты. Вид действительно был неплохой: за церквушкой Москва-река делает величественный зигзаг, а на одном из берегов притулилась деревенька. Художник полностью использовал фотографию, выкрасив только речку и небо в красно-красный цвет. Да ещё мощно лучами изобразил на полотне цифру «XX». И получилось, будто в этом веке вся Россия затоплена в крови. В начале 90-х годов эту работу художник выставлял в Нью-Йорке.

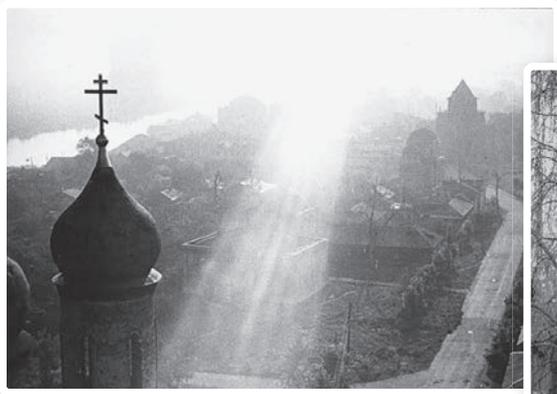
Колесников-портретист — это еще одна грань его творчества. Выполненные им фотопортреты заставляют задуматься о человеке как о подоби, отражении, символе нашей Вселенной.

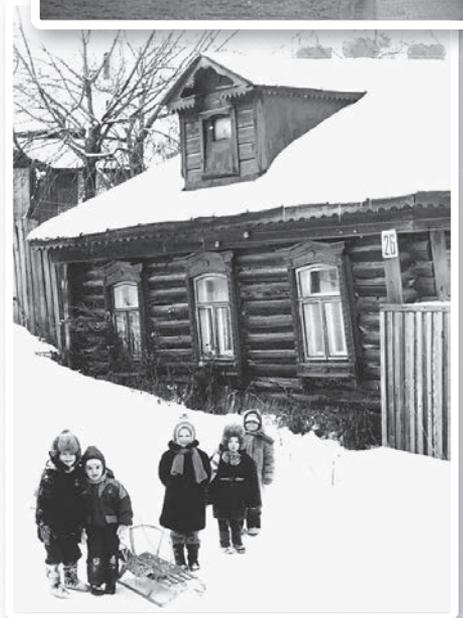
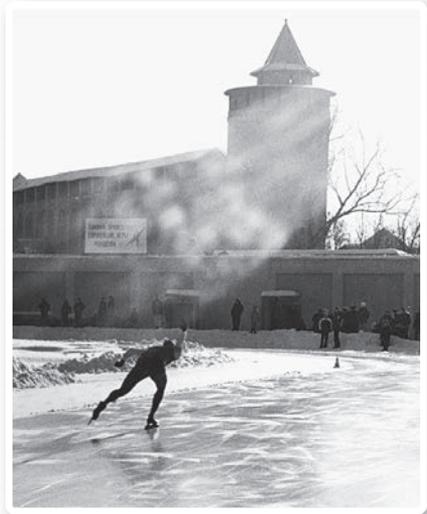
Мне нравится созданный им образ Петра Проскурина: лицо русского писателя дано крупным планом, в нём чувствуется работа мысли. А в портрете Романа Славацкого переданы не только юмор и широта души коломенского поэта, но и атмосфера его музейной работы: фигурная решётка окна, стол и подоконник завалены документами и музейными экспонатами.

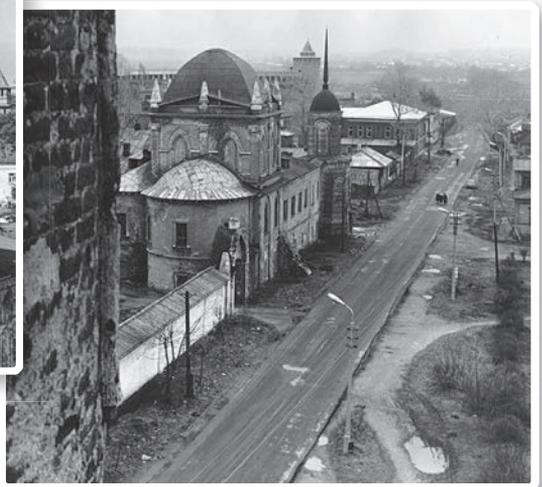
Рембрантовским теплом наполнен портрет художника-пушкиниста Евгения Устинова. Среди золотистых отблесков резного багета, холстов и скульптур он кажется величавым мудрецом. Роман Славацкий написал об этой Юриной работе:

Город Мастера

Как будто звездочёт, седой художник
сидит в тиши на страже Рождества,
а бархат стен, алеющий едва,
картины оттеняет осторожно.

Пускай на троне Ирод — царь-безбожник;
ничто не тронет мудрого волхва,
и пусть не Палестина — лишь Москва
молчит вокруг — заснеженно, тревожно, —

он выберет дары, и выйдет снова,
среди столпотворения людского
встречать Мессию чем-то светлым — тем,

что мы с молитвой выстрадать сумели.
...И пушкинскую ветку снежной ели
снесёт Христу в чудесный Вифлеем.

Он и меня снимал. Помню, как мы подбирали портрет к моей первой книжке. Целый день бродили по Старому городу, выбирая фон и свет. Мастер сделал около тридцати снимков. Но выбрал из них только один-единственный — на фоне старинной бревенчатой избы, и скажу, что в этой композиции для меня самого стали открытием черты характера, которых я раньше в себе особенно не замечал...

316

Снимки — это удивительный феномен нашей жизни. Вы замечали — своя фотолетопись есть почти в каждой семье. Может не быть библиотеки, телевизора, компьютера или ещё каких-то нужных или ненужных вещей, но где-то в шкафу обязательно припрятан заветный альбом. И если приходят друзья или родственники, эту драгоценность извлекают на свет, и начинаются воспоминания...

Невольно вспомнилась одна давняя фотография. Я в ту пору жил в Сибири, в небольшом городке Ачинске, который приютил моё детство. Эта морозная, таёжная и туманная даль так пришаманила душу, что до сих пор приходит ко мне в снах. Давно собираюсь приехать туда хотя бы на миг, но что-то никак не получается. Не находится времени вернуться назад. И с этим ничего не поделаешь. Но город своего детства я никогда не забываю.

Особенно помнится тот день, когда мы всем семейством совершили первый поход к фотографу. Конечно, нельзя сказать, что раньше я ни разу не фотографировался. Но это были совсем другие фотографии — групповые. Вначале — детсадовские, потом первый класс... И везде моя голова угадывалась за чьим-то чужим плечом. А тут портретная фотография! Да ещё семейная. Настоящее торжество! День для этого был выбран, конечно, воскресный. Время до обеда ушло на то, чтобы собраться. Из каких-то тайников был извлечён галстук и повязан на шею отчима. Это стал совсем другой человек! Наверное, тогда впервые я почувствовал магию вещей. Особенно много хлопот было у женской половины нашей семьи — матери и сестрёнки. То причёска не та, то платье другое,

потому что к нему одна-единственная брошка не подходит. В общем, суматохи было, словно на ярмарку собирались! Кстати, инициатором этого памятного мероприятия была мама. Я до сих пор ей за это благодарен. Разглядываю иногда фотографию, и такие воспоминания вдруг наплывают! До самых тончайших подробностей вдруг вспоминается то, что казалось навечно забытым.

И вот наконец мы собрались. Идём по деревянному тротуару вчетвером: мама с отчимом впереди, мы с сестрёнкой — позади. Так фотограф нас и расставил: взрослые в первом ряду, мы с сестрёнкой на маленьких стульчиках — повыше.

Старый фотограф то и дело возвращается к нам от своего треножника: то голову чью-нибудь наклонит, то поправит галстук у отчима, и всё это делает с шуточками-прибауточками. Наконец вроде всё готово. Последнее напоминание: не шевелиться, не моргать, улыбаться и смотреть только в объектив, из которого к вам сейчас вылетит птичка. Не знаю, как моя младшая сестричка, но я — ученик второго класса — поверил этой выдумке старого фотографа. И мало того, что поверил, а ещё стоял и рассуждал: как она может в этой деревянной коробке поместиться? Наверно, это глупый воробей, синичка бы себя не позволила запереть туда. И вот круговой взмах руки фотографа, вспышка — и мы освобождены! Мама улыбнулась и вздохнула с облегчением. Тася соскочила со стульчика, и тот, опрокинувшись, упал на пол. Птичка, конечно, никакая не вылетела, а я таким и получился на фотографии: напряжённым, с вытянутым вперёд лицом. «За снимками приходите в следующее воскресенье», — сказал фотограф и занялся уже другими людьми. Мы для него больше не существовали.

Не помню, как получилось, но за фотографиями пошёл я.

Вытаскиваю из чёрного конверта фотографии. Так оно и есть! Все получились нормально, один только я «не вышел». Наверное, так и должен выглядеть тот не вылетевший из камеры воробей, каким получился я на фотографии. Я недовольно шмыгнул носом. Фотограф взял у меня карточки, посмотрел их, вернул.

— Вы, молодой человек, получились удачнее всех, — успокоил он меня. — В вас угадывается настоящий мужчина.

Я ему поверил и домой летел, как на крыльях.

Если даже подчас неумелые и наивные «запечатлённые мгновенья бытия» способны вызвать подобное внимание, что тогда говорить о работах профессионального мастера! А уж если мы прикасаемся к творчеству не простого фотографа, а художника...

Мне не хочется придерживаться хронологии — всё-таки я пишу не биографический роман о Юрии Колесникове, а лишь пытаюсь по мере сил отобразить отдельные моменты его творческой жизни. У Юры было неудержимое стремление к самореализации, к самоутверждению, к поиску себя на самых трудных дорогах, без снисхождения и жалости к себе. Да, Юра стремился жить в ногу со временем, ничего не упуская: жил его радостями и заботами, и до всего ему было дело...

Достаточно вспомнить давнюю публикацию его фотографий в газете «Правда». «Гордость... по-коломенски» — так называлась статья. Это

были снимки далеко не парадного подъезда. А даже наоборот. На дворе сентябрь 1987 года... Помните? Перестройка. Народ вздохнул свободно, начал учиться говорить правду. Душа Юрия Дмитриевича тоже открылась нараспашку. Сердце ему говорило: не молчи, действуй, твоё время пришло... Ну до каких пор это может продолжаться? Ну сколько можно смотреть на это равнодушие и бесхозяйственность в отношении отечественных святынь-памятников истории и культуры? А их в Коломне много. И большинство из них являются символами отечественной духовности, свидетелями ратной славы наших предков. Один только Бобринев монастырь чего стоит! А его долгое время использовали под склад химикатов, минеральных удобрений, тары и просто мусора. Со временем вокруг монастыря выросли горы полуразрушенных тарных ящиков, за которыми и монастыря-то не было видно. Колесников сфотографировал это и послал в газету. Приложил и другие фотографии. Не хотела мириться его совесть с этим варварством. Он один из первых почувствовал перемену в жизни и понял, что ничто не может оставаться по-старому. Своими снимками он попытался помочь человеку увидеть начало этого поступательного движения, наглядно показать, какое богатство теряем мы, забывая о связи между поколениями, пренебрегая добрыми традициями; он призывал и в наше техногенное время беречь природу, тишину, чистоту человеческих отношений... Юра этими публикациями не прогнозировал, не бичевал, не осуждал. В его фотографиях стала просвечивать особая гражданская значимость — чтобы не дремала душа, чтобы отзывалась на переживания, на красоту, на прелесть природы.

Корреспондент газеты Д.Горбунцов написал к этим фотографиям: «“Коломна-городок — Москвы уголок”, — любят хвастаться сегодняшние “отцы” города. Много слов они говорят и о перестройке в отношении к памятникам истории и культуры коломчан. Но это всё разговоры. А между тем историческая часть города со всеми его уникальными сооружениями с каждым годом всё больше превращается в памятник равнодушию и бесхозяйственности. А ведь уважение к прошлому, как известно, — это забота о будущем. Партийный спрос за небрежение к национальным святыням должен быть строгим, соответствующим требованиям нашего времени».

Такие слова в то время были для многих приговором. И нагрянули на его квартиру чиновники... Уговаривать стали, чтобы с ними советовался. Но мусор выгребли в одночасье. Долго потом в городе шутили: вот придёт Колесников с фотоаппаратом, мало вам не покажется...

Коломна избалована хорошими фотографами. Юрий Звягин, Виктор Катков, Виктор Смыслов, Георгий Татаринов, Юрий Колесников, Юрий Имханицкий, Лев Авдеев, Геннадий Чистяков, Борис Астафьев... И все они разные. Один чувствует повышенную ответственность за весь мир, другой, как ботаник, видит красоту только в цветах, третий — портретист. Одного больше всего заботит философская истина, другого — социальная справедливость, кого-то — потом и кровью добытая оригинальность. Одним словом, вся шкала человеческого самовыражения, огромный коломенский калейдоскоп.

Фотографии Юрия Колесникова очень отличимы, в них есть свой стиль, есть постоянная нацеленность на сюжет, есть, я бы сказал, — особая творческая смелость. Помню, как мы однажды возвращались с ним с московской презентации поздней электричкой. На соседних сиденьях спала колоритная публика: мешочники, выпивохи, цыгане... Юра схватил фотоаппарат и начал снимать. Я испугался за него: «Ты что делаешь? Ты представляешь, что будет, если хоть один из них проснётся? Они не только твой аппарат разобьют, они и тебя побьют!» Он лишь подмигнул: «Не дрейфь. Всё будет в порядке!» И я понял, что бесполезно его сейчас тащить в сторону. Внутри у него произошла невидимая яркая вспышка, и он уже в плену иной жизни и таинственной энергии своей новой фотографии. Позднее я видел эту фотографию на его выставке. И тогда понял, что кроме таланта и удачи надо иметь ещё и смелость создавать фотографии. А Юра был настоящим мужчиной. Человеком мужества.

Колесников мог день за днём приходить на одно и то же место в поисках нужного ему единственного момента. Он часами бродил вокруг Маринкиной башни, ожидая, когда вылетит из бойницы ворона — образ души царицы-колдуньи. Художник дождался этого мгновения и сделал снимок: улетающая в небо корона башни, кусок стены и парящая птица. Вся история Коломны застыла в этой секунде. Так появился **знак города**, силуэт, который вот уже многие годы воспринимается как своего рода **неофициальный герб**. Его автор — Юрий Колесников. Я горжусь тем, что эта фотография пятнадцать лет украшает обложку «Коломенского альманаха». И будет украшать её всегда, покуда жив наш альманах.

Обидно, несправедливо, что Юрия Дмитриевича сейчас нет с нами. Он умер так же тихо, как и жил. Но осталось его наследие. И снимки **Мастера** до сих пор появляются на страницах альманаха, неся свет остановленного времени. **Долгий свет** Юрия Колесникова.

Главному редактору
литературно-художественного издания
«Коломенский альманах»
Мельникову В.С.

Здравствуйте, уважаемый Виктор Семёнович!

В августе мне передали в Москве юбилейный выпуск «Коломенского альманаха» выпуска 2011 года с Вашей дарственной надписью: «С глубокой признательностью за сложную и добросовестную службу на Северном флоте».

Да, есть такая профессия — защищать Отечество. Эти люди вызывают у меня глубокое уважение. Большое Вам спасибо за добрые слова.

На момент выпуска первого номера литературного ежегодника «Коломенский альманах», в октябре 1997 года, я служил на Северном флоте, в городе Полярном, начальником штаба 5-й бригады морских и базовых тральщиков Краснознамённой Кольской флотилии. Это было тяжёлое переломное время, когда наши армия и флот были брошены правительством на произвол судьбы. А 5 ноября была создана Межрегиональная ассоциация субъектов Российской Федерации и городов, шефствующих над кораблями и частями Северного флота. Регионы России объединились, чтобы показать пример отношения к человеку в военной форме, чтобы поддержать тех, кто выполняет свой долг, ежедневно и ежечасно рискуя жизнью.

Тогда, в далёком октябре 1998 года, город взял шефство над базовым тральщиком «Коломна», что базировался на Северном флоте страны. Моряки-североморцы благодарны за большую материально-финансовую помощь кораблю, а также за создание самой богатой во всей флотилии библиотеки художественной литературы, в которой ежегодно пополняется особая полка для томиков «Коломенского альманаха». За эти годы «Альманах» в бригаде стал не только популярным литературным сборником, но и, по отзывам североморцев, информационно-культурным спонсором флотилии.

Примите от моряков-североморцев благодарность за интересные и яркие материалы, публикуемые «Коломенским альманахом». И пусть каждый номер альманаха становится лучше предыдущего!

Семь футов под килем тебе на пути в грядущие годы, «Коломенский альманах»!

Алексей Яшин,
капитан I ранга запаса,
бывший командир 7-й бригады кораблей
охраны водного района Северного флота.
10.09.2011 г. Москва

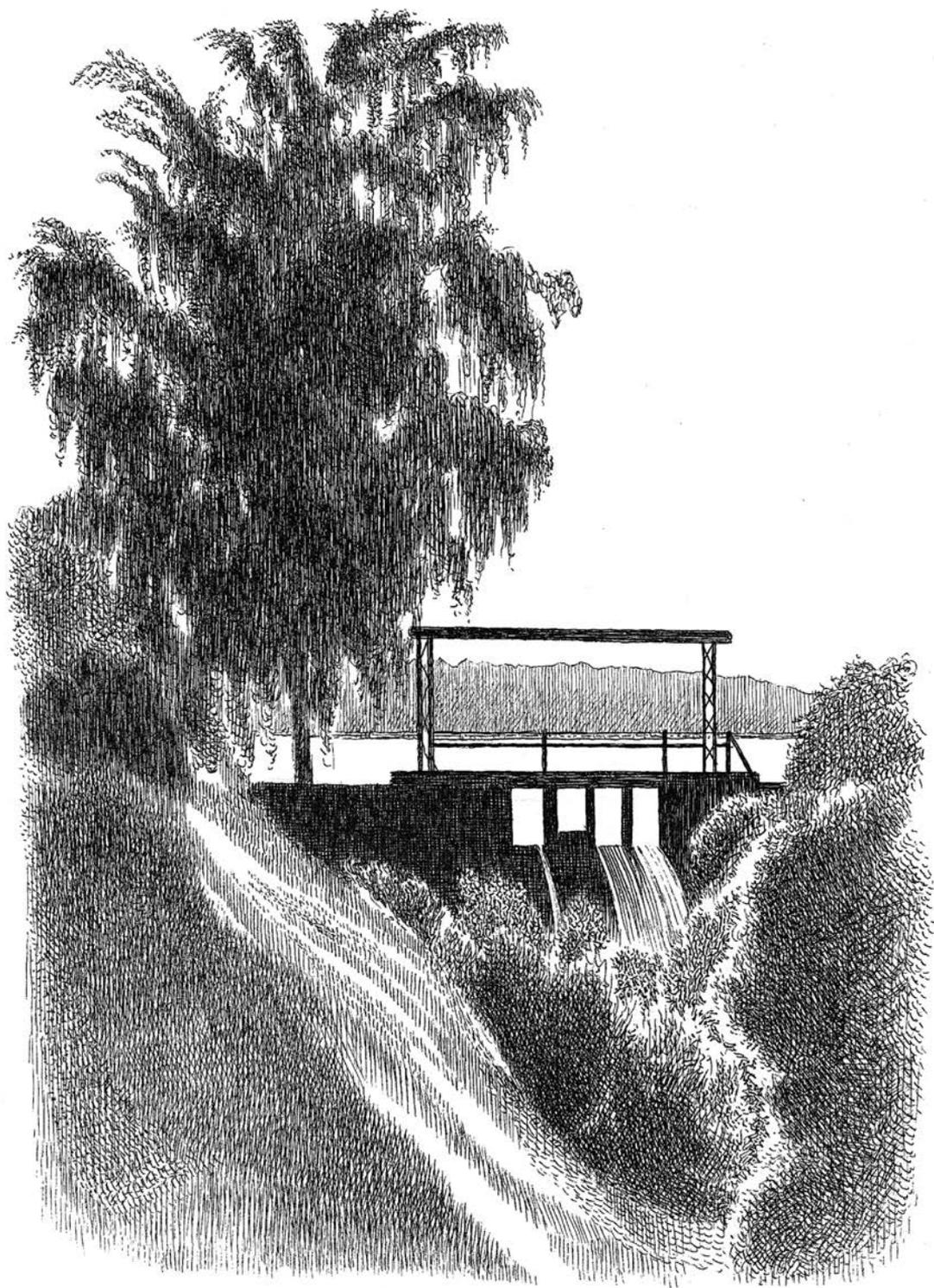

Литературный
календарь

1177 2012

ВОЛОДНЯ

Графика Василины Королёвой

Татьяна Кондратова

Татьяна Ивановна Кондратова родилась в городе Наро-Фоминске. С 1978 года живёт в Коломне. Окончила филологический факультет Коломенского государственного педагогического института. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России.

На филологическом факультете Московского государственного областного социально-гуманитарного института ведёт курсы выразительного чтения, введения в филологию, спецкурсы по анализу лирического произведения, а также курс «Литературная Коломна». Организатор фестиваля авторской песни «Господин ветер», руководитель молодёжной поэтической мастерской «Синекдоха». Это творческое объединение стало своеобразным «трамплином» для многих молодых поэтов. Т.И. Кондратова активно сотрудничает в «Коломенском альманахе», оказывает изданию значительную консультативную помощь.

Литературоведение

«ЕЩЁ МЕНЯ ЛЮБИТЕ ЗА ТО, ЧТО Я УМРУ»

«Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!» — эти слова не могут не потрясти — твёрдостью, скорее суровостью, и бескомпромиссностью — тем более что написала их женщина. Марина Цветаева. Написала за много лет до последнего часа жизни, убеждённая, что так и случится, что по-иному быть не может, поставив жизнь духа много выше жизни брэнной. А могло ли быть иначе?

«И для меня в то время было жизнь и поэзия — одно» — так когда-то обозначил своё эстетическое кредо романтик Василий Андреевич Жуковский. Сквозь призму этой фразы в восприятии любого поэта его творчество органично связано, спаяно накрепко с его жизнью и бытом. Быт и бытие. Как много разных форм их связи — соединений и противопоставлений — дала нам литература прошлых веков. Духовное существование творческой личности — растворяет ли оно в себе вещный мир, подчиняет его себе? Или само попадает в прямую, подчас жалкую и оскорбительную, зависимость от быта, от материального мира, который режет крылья живому орлу в самодовольном убеждении, что щиплет перья зарубленной курице.

Драма жизни великого русского поэта — Марины Ивановны Цветаевой — в вечном конфликте между бытом и бытием, то есть наоборот, конечно, между бытием и бытом, потому что её жизнь и судьба бесспорно убеждают, что её бытие, её духовная жизнь — всё это было над бытом, вне быта. И какие

Марина Цветаева.
Коломенский художник Ю.Рязанов. 1975

силы, и какое мужество надо было почти всю жизнь проявлять ей, чтобы дожить до этой горы пятидесяти лет, чтобы оставить те «драгоценные вина» стихов, которым только спустя полвека после смерти автора «настал свой черёд».

Жизнь и творчество Цветаевой не просто разделяют, но противопоставляют безоговорочно, если по-настоящему погружаются в лабиринт событий её драматической судьбы. И чаще всего это восхищение Поэтом и приговор Человеку. «Как могла отдать дочь в приют, как допустила,

что та умерла там от голода, как могла засунуть голову в петлю, зная, что сыну не на кого больше надеяться?» — такого рода упреки обычны, они идут чаще всего от женщин, прочитавших любое жизнеописание Цветаевой, даже если факты эти там представлены без оценок, просто хронологически. И главный из них: «Как могла после ужасной смерти дочери сразу писать о любви?» Ведь действительно, в тот же страшный двадцатый, год смерти маленькой Ирины, написано одно из самых пронзительных любовных стихотворений:

Вчера ещё в глаза глядел,
А нынче — всё косится в сторону!
Вчера ещё до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

И в нём строчки, поражающие силой и драматизмом чувства женщины, потерявшей... любовь мужчины: «Отцеловал — колесовать: другую целовать, — ответствуют!»

Знала ли Цветаева, что «судить» её жизнь, её собственные поступки, её силу и слабость станут все будущие поколения: она сама своей предельной, или беспредельной — что в этом случае одно и то же, откровенностью отдала себя на людской суд.

О своей способности именно к беспредельному, всепоглощающему чувству Цветаева писала много. Её лирическая героиня способна на то, что нынче назвали бы просто мазохизмом. Вот одно стихотворение, написанное ею, кстати, в августе того же страшного двадцатого года:

Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далёких островов!

Живу — никто не нужен!
Взошёл — ночей не сплю.
Согреть чужому ужин —
Жильё своё спалю!

Взглянул — так и знакомый,
Взошёл — так и живи!
Просты наши законы:
Написаны в крови.

Луну заманим с неба
В ладонь, — коли мила!
Ну, а ушёл — как не был,
И я — как не была.

Гляжу на след ножовый:
Успеет ли зажечь
До первого чужого,
Который скажет: «Пить».

Амплитуда эмоций здесь — выше всякой меры: и в способности отдаться чувству, и в безоговорочном признании свободы каждого на чувство, вернее, на не-чувство к ней, то есть констатация постоянной безответности своей любви. И признание в постоянной жажде такой самоотдачи, когда потребность любить больше потребности быть любимой. А не любить — значит не писать. Здесь вся Цветаева — только что пережившая страшное горе. Но оно — не для обозрения, оно выплеснуто коротким в январском стихотворении:

Звезда над люлькой — и звезда над гробом!
А посредине — голубым сугробом —
Большая жизнь. — Хоть я тебе и мать,
Мне больше нечего тебе сказать,
Звезда моя!..

«Я не знаю судьбы страшнее, чем у Марины Цветаевой», — писала Надежда Яковлевна Мандельштам, вдова поэта. И она права: весь жизненный путь Цветаевой поражает этими крайностями: поцелованная судьбой, награждённая великим даром, она, в то же время, — будто всегда в немилости у судьбы, расплачиваясь за эти дары. За то, что посмела принять их, не положила крылья в сундук, чтобы летать по праздникам, а взмыла ввысь, да так высоко, что вся обыденность измеряться стала по-иному: с высоты птичьего полёта многое другим видится.

Рождение в семье, где царствовало Искусство: отец, Иван Владимирович Цветаев, — профессор искусствоведения, создатель Музея изящных искусств, ныне Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Мать, Мария Александровна Мейн, — одарённая пианистка, ученица Рубинштейна. Живопись, скульптура, музыка,

*Сергей Эфрон
и Марина Цветаева.
Москва. Ноябрь 1911 г.*

поэзия, как и природа дачной Тарусы, — всё это воспитывало чувственный мир Марины. Немногим так повезло. И немногим так не повезло. Марина знала, что мать ждала сына, — первая жгучая детская обида.

После ранней смерти матери — интернат, — потому что жить дома по-прежнему не могла. Поступки юной Цветаевой обнажают эти крайности: беззащитность и удивительную силу своеволия: едет в Сорбонну, чтобы послушать лекции, а ей всего шестнадцать. В этом же возрасте сама издаёт первый сборник стихов «Вечерний альбом». Только своеволие ли это или неизбежность? Раннее замужество (с Сергеем Эфроном, рыцарем на всю жизнь, который был круглым сиротой, знакомится в Коктебле у Волошина), рождение старшей Али (Ариадны) в 1912 году, смерть отца спустя год — в двадцать лет уже есть ощущение полного сиротства, отсюда и своеволие — они оба, Марина и Сергей, сироты, лишённые той мощной родительской поддержки, тех родовых соков, которые подпитывают человека подчас до преклонного возраста. Они — сироты, спасти которых может только любовь. Спасти от смерти, физической и духовной. Когда они вместе — это не трудно. Поэтому не страшно. И не попади судьба Цветаевой в колесо истории, страшной истории России начала XX века, может быть, силы общей любви хватило бы, чтобы Хаос был побеждён.

Но они были, по словам Блока, детьми «страшных лет России», рождёнными «в года глухие». Революция, которую вначале приняла, как и Блок, в романтическом ключе, изменила всю жизнь: Цветаева — жена белогвардейского офицера, эмигранта — что могло ждать её в Советской России? Теперь её приютом (это с двумя маленькими дочерьми!) становится чердак, который Цветаева пытается как-то опозитизировать в своих стихах: «Чердачный дворец мой — дворцовый чердак!» Но почти сразу же другое — уже без иллюзий, что этот нищенский быт способен сохранить жизнь духа: «Мракобесие. — Смерч. — Содом». И чувство тотального одиночества, бесконечного сиротства, потому как сиротство конечным, по сути, и быть не может. И самые странные сближения в жизни Цветаевой (сколько их — в дружбе, в любви!) объясняются бегством от одиночества, попыткой его преодолеть.

Если человек много страдает, то время тянется очень медленно, оно становится долгим-долгим, поэтому, думаю, так много написано Цветаевой в это страшное время — между революцией и эмиграцией. Да и кто Цветаева для новой революционной литературы? В вышедшей в 1925 году, уже после отъезда Цветаевой в 1922 году в Берлин, антологии русской лирики первой четверти XX века её имя упоминается

М.Цветаева. Париж. 1926. Фото П.Шумова

Марина Цветаева .

с явным классовым пренебрежением. Автор вступительной статьи Валериян Полянский клеймит тех, кто «не с нами»: «Проповедь беспартийности, отрицание классово-идеологии и психологии, как вредного и аморального явления, характерны для беспомощной, зачастую не знающей, куда склонить голову, мелкобуржуазной интеллигенции. Все эти внегруппировки, каждый по-своему, пытаются писать о революции, но больше барахтаются беспомощно в прошлом. Цветаева, Павлович, Парнок, Ходасевич, Липскеров — их очень много. Некоторые безнадежно плачут об ушедшем дне и ждут, когда вернется прежний хозяин». Каким бредом кажутся эти слова критика, когда думаешь, о чём могла плакать в то время Цветаева. И плакала ли она. Страшному горю бросала вызов: опять возвращаясь к стихам страшного двадцатого. Через них воскресала, возвращалась в жизнь, освобождалась от мыслей о смерти:

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю!
Да здравствует пена — весёлая пена —
Высокая пена морская!
(«Кто создан из камня, кто создан из глины...»)

Эмиграция Цветаевой — ещё одно испытание судьбы: испытание любви, чести, силы. Уезжала к мужу, которого считала рыцарем навсегда. Для неё — где любовь, там и правда должна быть. Но правда для Цветаевой обернулась новым сиротством, новым одиночеством — теперь уже от ощущения разрыва с землёй, с языком. Вся боль бессмысленного существования эмигрантов на чужой земле выплеснута в цветаевской «Тоске по родине», написанной в 1934 году:

Тоска по родине! Давно
Разоблачённая морока!
Мне совершенно всё равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошёлкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Это «всё равно» будет многократно повторено в стихотворении (семь раз в различных вариантах), и это обнажает суть цветаевского чувства: она пытается убедить себя, как заговор, повторяя — «всё равно, всё едино», убедить себя в безразличии, в отсутствии этой ностальгии, ведь если нет родины, той, прежней, то и тоски по ней быть не может; ведь действительно «всё равно», где быть одинокой, непонятой, где «не ужиться», где «унижаться»!

Мне всё равно, каких среди
Лиц ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться — мне едино.

«Пленный лев» — вот сравнение, которое точнее всего передаёт ощущение Цветаевой в эмиграции. Да и возвратившись в советскую Россию, она этим «пленным львом» и останется. Могучая сила, покорённая обстоятельствами, но не смирившаяся с ними.

Слова Цветаевой поражают отчаянием, ведь даже та стихия, которая для любого пишущего «во дни сомнений и тягостных раздумий» является «поддержкой и опорой», этот «великий, могучий, правдивый и свободный» русский язык не спасает:

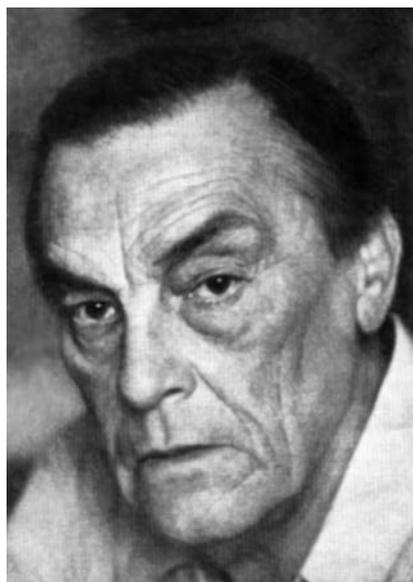
Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

«Бревно, оставшееся от аллеи» — вот ещё одно сравнение, передающее тупиковое состояние поэта.

Монолог лирической героини строится по типу логического размышления, когда дан тезис, а потом следует цепь аргументов, его доказывающих. И убеждает, убеждает Цветаева, что нет у души родины, если она родилась «где-то», доводит попытку убедить себя в безразличии до кульминации и вдруг... опрокидывает, переворачивает весь сюжет:

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встаёт, особенно — рябина...

И обрывает монолог, потому что понятно, что все убеждения бесполезны, что вся логика летит к чёрту, если шевельнётся живое чувство, рождённое воспоминанием.

В эмиграцию — за мужем, назад в советскую Россию — опять за ним, хотя понимала, не могла не понимать, чем этот приезд обернётся для семьи — знала ведь о гибели Есенина, Маяковского. Уезжала вслед за Сергеем Эфроном и дочерью Ариадной, которые рвались в СССР, поддавшись новым иллюзиям. Спустя два года после отъезда мужа и дочери, в 39-м, с сыном Георгием (по-домашнему Муром), рождённым уже в эмиграции, не знавшим России, Цветаева вернулась в Москву, которой её семья «отдала всё».

Кем оказалась Цветаева в советской Москве? Одни отворачивались, потому что знали, что приехала «оттуда», другие — потому что догадывались, что Эфрон был связан с деятельностью НКВД. Опять изгой. Муж и дочь были арестованы, сама перебивалась переводами, негде было жить — снова одиночество и бездомность. Что могло спасти, дать силы не сломаться — только любовь, только чувство нужности, необходимости кому-то и в ком-то. И кто-то опять самодовольно и снисходительно упрекнёт: ненормальная! А кто сказал, что талант — это норма? Это всегда отклонение, болезнь — дар и проклятие одновременно.

Об отношениях Марины Цветаевой и Арсения Тарковского сегодня написано очень много: опубликованы дневниковые записи Цветаевой, исследованы их поэтические сближения. Не просто молод и красив, но, как и она сама, наделён поэтическим даром. Легко развенчать кумира, уяснив полное несходство с ним, а если сходство — полное? Тогда... Тогда рождаются гениальные стихи. Последние стихи. В них жизнь и смерть ещё на равных.

Последнее стихотворение Цветаевой «Всё повторяю первый стих...» написано в марте 1941 года, оно имеет эпиграф из Тарковского, что сразу создаёт диалогическую ситуацию.

* * *

«Я стол накрыл на шестерых...»

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл — седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах — дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть — седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально — им, печален — сам,
Непозванная — всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! Не едите и не пьёте.
— Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счёте?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий —
Ты сам — с женой, отец и мать)
Есть семеро — раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу — с твоими,

(Своими)...
Робкая как вор,
О — *ни души* не задевая! —
За непоставленный прибор
Сажусь незванная, седьмая.

Раз! — опрокинула стакан!
И всё, что жаждало пролиться, —
Вся соль из глаз, вся кровь из ран —
Со скатерти — на половицы.

И — гроба нет! Разлуки — нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть — на свадебный обед,
Я — жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и всё же укоряю:
— Ты, стол накрывший на шесть — *душ*,
Меня не посадивший — с краю.

В эпиграфе нет указания на автора строк, да и к чему оно, и так всё ясно прочитывается. Вот он, поэтический текст Тарковского «Стол накрыт на шестерых...», созданный в 1940 году и послуживший

отправной точкой, болевой точкой, из которой выросло стихотворение Цветаевой:

* * *

*Меловой да соляной
Твой Славянск родной,
Надоело быть одной —
Посиди со мной...*

Стол накрыт на шестерых,
Розы да хрусталь,
А среди гостей моих
Горе да печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит. Наконец
У дверей стучат.

Как двенадцать лет назад,
Холодна рука
И немодные шумят
Синие шелка.

И вино звенит из тьмы,
И поёт стекло:
«Как тебя любили мы,
Сколько лет прошло!»

Улыбнётся мне отец,
Брат нальёт вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

— Каблучки мои в пыли,
Выщвела коса,
И поют из-под земли
Наши голоса.

Даже после первого прочтения ощущаешь, что стихотворение Тарковского пронизано светлой печалью, тоской по ушедшим близким; Цветаевой — имеет совсем иную эмоциональную окраску: в нём преобладают горечь, обида, боль.

Цветаева меняет четырёхстопный хорей на четырёхстопный ямб, а ритмический рисунок определяет и основную интонацию стихотворения. Четырёхстопный хорей с мужскими окончаниями сохраняет традицию народной песенной поэзии. Четырёхстопный ямб с перекрёстным чередованием мужских и женских рифм — это универсальный размер русской классической поэзии. Строгий, скорбный и

одновременно торжественный тон его близок к интонации пушкинского «Пророка».

Каждое лирическое произведение создаёт образ души человека, его мыслей, переживаний. У Тарковского лирический герой переживает необычную ситуацию: он приглашает на странное торжество уже ушедших из жизни людей, поэтому атмосфера этой встречи — «горе да печаль». И таинственное появление ушедшей из жизни возлюбленной только усиливает это трагическое ощущение. Поэт строг и одновременно щедр в выборе изобразительных средств, через которые и создаётся эта атмосфера («холодна рука», «звенит из тьмы»). Многочисленны метонимии («немодные шумят синие шелка», «вино звенит», «поёт стекло»); эти смысловые переносы очень важны здесь: поэт изображает ирреальный, не существующий в настоящем мир. Поэтому предметы действуют как бы сами по себе.

У Тарковского трагическое чувство («горе да печаль») трансформируется: ощущение трагизма постепенно исчезает, появляется мотив светлой памяти: «Как любили мы тебя, сколько лет прошло!» Преображается мир, окружающий героя:

Улыбнётся мне отец,
Брат нальёт вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она...

Финал стихотворения — это слова возлюбленной лирического героя. Она сама создаёт свой портрет, в котором угадываются приметы странницы, прошедшей долгий и трудный путь:

— Каблучки мои в пыли,
Выщвела коса,
И поют из-под земли
Наши голоса.

Эта музыка потустороннего мира не страшна человеку, потому что мир этот не является для него враждебным.

Всё стихотворение Цветаевой реминисцентно по отношению к лирическому произведению Тарковского. Вот они, эти скрытые цитаты:

Стол накрыт на шестерых... — Я стол накрыл на шестерых...
А среди гостей моих горе да печаль... — Невесело вам вшестером
Розы да хрусталь... — Бездействует графин хрустальный...
Невесело и несветло... — Звенит из тьмы...

Но уже с первых строк стихотворения Цветаевой начинает звучать иная тема — тема забвения не мёртвых, но живых! Первые две строфы заканчиваются упрёком: «Ты одного забыл — седьмого...», «Седьмого позабыть — седьмую». Это забвение лирическая героиня Цветаевой ощущает не только как величайшую несправедливость, но и как величайшую трагедию. Почему? Она одинока, неприютна, чувствует себя «пугалом

среди живых». Ощущение ненужности, вычеркнутости из жизни — страшное ощущение. Кто-то смиряется с ним — кто-то нет. Лирическая героиня Цветаевой не может просто смириться с этим, поэтому открыто укоряет, даже обвиняет того, кто вычеркнул её из числа близких душ. Она хочет быть не *вместо* всех, но *со* всеми. В требовательности лирической героини не эгоизм, а боль, жажда участия:

Быть призраком хочу с твоими,
(Своими)...
Робкая, как вор,
О — *ни души* не задевая! —
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Последние строфы стихотворения обнажают глубину страдания лирической героини:

И всё, что жаждало пролиться, —
Вся соль из глаз, вся боль из ран —
Со скатерти — на половицы.

Мы привыкли всё измерять пушкинской формулой «чувства добрые», но можно ли сказать, что лирическая героиня Цветаевой испытывает именно такие «добрые» чувства? Нет! Ведь последние слова её — это горький упрёк:

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и всё же укоряю:
— Ты, стол накрывший на шесть — *душ*,
Меня не посадивший — с краю.

Но это горечь отчаяния, которая в читателях, бесспорно, рождает сострадание к лирической героине, готовой от отчаяния унизиться до упрёка.

Это очень сложные чувства, их открывал в своих героинях Ф.М. Достоевский.

Чувства лирической героини находят оформление и в определённом поэтическом синтаксисе. Тарковский использует достаточно лаконичные предложения, среди которых есть только сложносочинённые конструкции («И вино звенит из тьмы, и поёт стекло...»), но преобладают простые распространённые предложения («Наконец у дверей стучат»). Включённая в стихотворение прямая речь также отличается простотой синтаксических конструкций. В интонационном отношении все предложения невосклицательные, кроме одного («Как любили мы тебя, сколько лет прошло!»). Таким образом, стихотворению Тарковского присуща стилистическая простота и ясность.

Строки Цветаевой, напротив, изобилуют различными знаками препинания: многоточиями («На лицах дождевые струи...», «Седьмого позабыть — седьмую...»), тире («Как смерть — на свадебный обед,

Дом крестьянки Корнеевой в Черкизове под Коломной, в котором Марина Цветаева жила в июле 1941 года

Я — жизнь, пришедшая на ужин»), вопросительными и восклицательными знаками («Как мог ты позабыть число? Как мог ты ошибиться в счёте?», «И гроба нет! Разлуки нет!»). Она использует скобки, курсив. В стихотворении преобладают сложноподчинённые конструкции, простые предложения осложнены различными оборотами. Поэтический синтаксис в стихотворении Цветаевой является отражением той бури чувств, которая происходит в душе её лирической героини.

Таким образом, оттолкнувшись от темы стихотворения Арсения Тарковского, Марина Цветаева вступает в диалог с его лирическим героем. Она создаёт произведение, в котором обнажается глубина её душевной драмы, её непонятого одиночества.

Известно, что в июле 1941 года Цветаева жила на коломенской земле. Об этом в биографических исследованиях сообщают скупко. «В середине июля 1941 года Цветаева проведёт двенадцать дней за городом, вблизи Коломны, на даче у своих литературных друзей», — пишет И.Кудрова в книге «Путь комет. Жизнь Марины Цветаевой» (СПб., 2002). И всё — почему поехала, кто они — эти литературные друзья... История переписки Марины Цветаевой с Верой Меркурьевой, снимавшей дачу в Старках в одном доме с семьёй поэта Александра Кочеткова, изложена в статье К.Г. Петросова «Старки — культурный центр под Коломной» («Коломенский альманах» № 4, 2000). Автор убеждён, что решение уехать из Москвы под Коломну было принято Цветаевой неслучайно: ему предшествовала встреча с Анной Ахматовой, которая «не могла не рассказать о гостеприимных Старках». В книге «Тайна гибели Марины Цветаевой» (Эксмо, Яуза, 2009) Л.Политковская пытается по-иному восстановить поток событий тех тревожных дней: «Марина Ивановна в панике. Надо эвакуироваться из Москвы. Или не надо? Идут упорные разговоры об обязательной эвакуации гражданского населения. А массовая эвакуация — это толпы людей, осаждающих поезда. Нет, нужно эвакуироваться раньше. Поэт и переводчик А.Кочетков говорит об эвакуации в Ашхабад, но это в том случае, если поедет он сам, а он поедет, если получит разрешение на выезд из Москвы. Цветаева уже согласна и на Ашхабад — хоть там невыносимая жара, скорпионы. Пока что Мур работает в кочегарке — её переустраивают в бомбоубежище. Кочетков передумывает: уж очень трудна дорога в переполненных поездах. И он предлагает Цветаевой временно пожить у него на даче под Коломной, там живёт и старая знакомая его матери поэтесса В.Меркурьева. Провести лето за го-

Арсений Тарковский
и Марина Цветаева

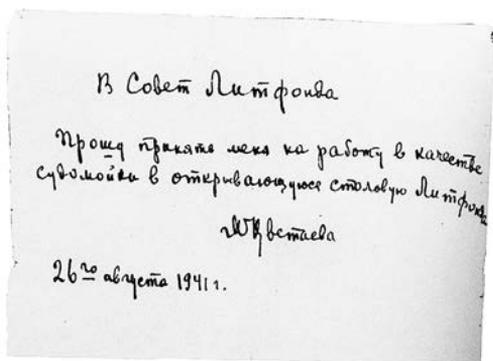
родом — заманчиво, но как тогда искать комнату? Все отделения милиции получили приказ никого не прописывать — искать комнату бесполезно. И Цветаева принимает предложение Кочеткова. Но что делать на даче? Мур сходит с ума от скуки. У Марины Ивановны нет работы. А в Москве,

говорят, выдают продуктовые карточки. Кочетков съездил в Москву и вернулся на дачу с твёрдым решением, которое поддержали Цветаева и Мур: надо эвакуироваться. Если ему разрешат выезд — значит, с ним, если нет — с Литфондом. Они возвращаются в Москву 24 июля, в разгар бомбёжек и паники».

И ни снимка, ни поэтической строчки. Только, как легенда, осталась в памяти жителей Черкизова странная женщина в чёрном, сидевшая на брёвнах и курившая. Значит, Коломна была той последней соломинкой, которая могла спасти, да вот не спасла. Кстати, Арсений Тарковский летом 41-го тоже собирался в Старки. Потому что его друг Лев Горнунг был ещё одним членом так называемой «поэтической коммуны», обосновавшейся в доме крестьянки Корнеевой, рядом с храмом Николы в Старках и с домом переводчика С.В. Шервинского. По свидетельству дочери поэта Марины Арсеньевны Тарковской, он даже закупил керосин, готовясь к поездке. Но встреча эта не состоялась — война изменила все планы. Ах, состоялась бы она, эта встреча... Чем-то должна питаться воля к жизни — любовью или верой. Хотя бы одной из них.

А дальше будет Елабуга — «кладбищенская глина», как назовёт её потом в стихотворении Арсений Тарковский. Цветаева ещё пытается

бороться: не за себя, за сына. Едет в Чистополь, пишет записку в Совет Литфонда: «Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда». Ставит подпись. И дату — 26 августа 1941 года. Трудно ли представить себе, как Цветаева убирает грязную посуду за отбывавшими членами Литфонда? И трудно, и легко. Уничтожение паче гордости. Жизнь

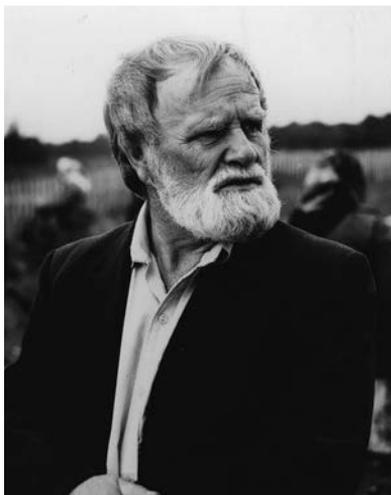

заставила так унизиться. И не осталось ни любви, ни веры. Но осталась надежда, что после её смерти сыну помогут. Не могут не помочь. Ведь люди же вокруг. Ту надежду, в какой себе отказала, для сына оставила. И пожарила для него рыбу, прежде чем сунуть голову в петлю.

Жизнь Цветаевой не случайно сравнивают с путём кометы — за стремительность и яркость. Кажется, что эта комета — осколок большой планеты, где царствует любовь, только любовь. Отколовшись от этой планеты — без любви, вне любви — она стремительно сгорела на небе.

Почти каждое стихотворение Цветаевой — это приглашение к разговору, диалогу. Сколько раз она обращалась к тем, кто будет жить после неё, обращалась так, будто смотрела в глаза, в упор, ожидая ответа сейчас. Она и к современникам, «чужим и своим», обращалась «с требованием веры и с просьбой о любви». Они так и не услышали её голос. А мы?

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

80 ВЕХ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

Величавы и таинственны северные кремли! Время посеребрило древние брёвна башен, туманами окутало резное узорочье церквей, замерло в оконницах старинных домов и подворий... Вот так и мир Василия Белова. Его книги похожи на укреплённый город, за частоколами и надвратными башнями которого течёт неспешная и основательная жизнь. Этот город, рождённый в сердце писателя, никогда не исчезнет!

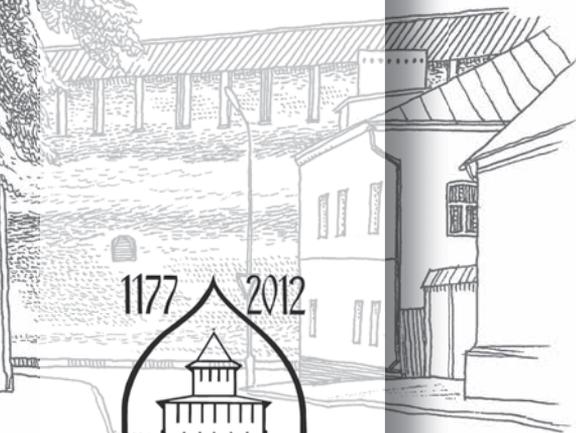
Он, словно сказочный Китеж, таится в душе Руси. Заповедными вехами отмечен путь к нему...

Дорогой Василий Иванович! Вы — не чужой для Коломны. Несколько лет назад Вы оказали нам честь и приняли участие в конкурсе короткого рассказа имени Валерия Королёва. Так Вы стали, пусть и малой частичкой своего великого творчества, но всё-таки — коломенцем. И сегодня мы не формально, а по-родственному поздравляем Вас с юбилеем. Пусть духовный кремль Василия Белова становится всё более прекрасным, просторным и многолюдным!

Коллектив редакции

Музыка

1177 2012

Графика Василины Королёвой

Галина Кузнецова

АЛЯБЬЕВСКАЯ ШКОЛА

ИЗ МУЗЫКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ГОРОДА

Галина Михайловна Кузнецова родилась в Коломне в педагогической семье. После окончания в Саратове музыкального училища и консерватории с 1961 года постоянно работала в Коломне. Сначала (1961–1965) концертмейстером и педагогом в I Московском областном музыкальном училище, потом в музыкальной школе № 1. С 1995 по 2001 год — директор Центральной музыкальной школы им. А.А. Алябьева. Имеет обширный корреспондентский архив, сотрудничала с местными и центральными печатными изданиями. За долгие годы прошла с лекциями и концертами сценические площадки города и района. Заслуженный работник культуры России.

Очерк

Музыка пронизывает многовековую историю Коломны, звучит эхом колоколов, суровым распевом церковной службы, струнами былин и грозным зовом военных рогов...

А в новое время музыкальная жизнь стала ещё разнообразнее, осветилась яркими великими именами.

В Коломне устраивались концерты, музыкальные собрания, спектакли, появлялись кружки, музыкальные общества. И всегда находились люди — знающие, умелые, талантливые, бескорыстные, которые, по словам пушкинского Моцарта, «чувствовали силу музЫки».

Известный русский композитор А.А. Алябьев — сын тобольского губернатора, участник войны 1812 года — в начале 1840-х годов жил в коломенской ссылке. Можно предположить, что композитор с супругой снимали квартиру где-то в кремле, рядом с Соборной площадью, поскольку и Алябьев и его жена стали крёстными отцом и матерью детей своих коломенских друзей, а крестины совершались в Успенском соборе и в соседней церкви Николы Гостиного.

В Коломне Александр Алябьев плодотворно работал, сохранились не только его светские, но и духовные произведения, созданные в городе.

Появление последних определено, вероятно, покаянным настроением автора. Ведь в Коломне он оказался в результате трагического инцидента, став-

*Елена Ивановна Соболева,
принимала участие в постановках
и мелодекламациях театра «Общества
развлечений» — «Бобровский»*

шего следствием легкомысленного и предосудительного поступка.

Алябьев был близок и по родству и по складу характера с замечательным подмосковным краеведом, патриотом Коломны Николаем Иванчиным-Писаревым.

Не исключено, что Алябьев был знаком и с М.Ю. Виельгорским, которому принадлежало прекрасное имение «Сенницы» на границе между Коломной и Зарайском. Графу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому тоже пришлось пережить опалу. Он был человеком очень богатым и блестяще образованным, известным меценатом, у которого писатели, художники, композиторы,

актёры, поэты встречали самый радушный приём. Будучи прекрасным музыкантом, М.Ю. Виельгорский приглашал к себе окрестных помещиков, они с восхищением слушали мастерскую игру хозяина и принимали участие в импровизированных концертах. Очень способствовал этому и брат Виельгорского, Матвей Юрьевич, талантливый музыкант, отменный виолончелист.

В 1899 году в пригороде Коломны, Боброве, был открыт общедоступный Народный театр. Это красивое деревянное здание в стиле «деревянного модерна» построила администрация Коломзавода братьев Струве для своих рабочих и служащих, а точнее, для «Общества развлечений». Театр Коломзавода стал тогда центром культурной и общественной жизни города. Похожий на волшебную резную шкатулку, он принимал в своих стенах столичные театральные труппы и знаменитых певцов.

В театре активно шла творческая жизнь. Концерты, постановки, лотереи для рабочих и служащих Коломзавода... Постепенно становились любимцами певцы М.Л. Смыслова (контральто), Н.И. Травкин (бас) и музыканты братья Курлаевы: Сергей (гитара) и Владимир (скрипка). Большую популярность имела Елена Ивановна Соболева, молоденькая красавица, обладавшая отличным голосом, постоянно занятая в постановках и мелодекламациях.

К сожалению, в 2005 году театр был неоправданно разрушен.

А за сто лет до этого, в октябре–декабре 1905 года, театр был местом митингов бастующих рабочих. Станным образом события эти коснулись и нашей семьи. При разгоне демонстрации казаками 11 декабря 1905 года около Петропавловского кладбища была ранена двоюрод-

ная сестра моего отца — Евдокия Дмитриевна Соболева. Но выросла уже и другая Соболева — Елена Ивановна (тоже родственница), жизнь которой была тесно связана с театром Коломзавода.

В начале XX века в кремле, в доме № 10 по улице Лазарева, не раз бывал Александр Иванович Куприн. Замечательный русский писатель приезжал сюда к своей младшей сестре — Зинаиде Ивановне Нат, с мужем которой Куприн любил бродить в окрестных лесах. Станислав Генрихович Нат (муж Зинаиды) был лесничим, и Куприн не только охотился с ним, но и сделал его

героем некоторых своих охотничьих рассказов. Бывал Куприн и в других интересных домах. «Какой чудесный оркестр у Фролова!» — пишет он в своих воспоминаниях.

В 1909 году С.А. Кусевицкий, известный дирижёр, виртуоз-контрабасист и музыкальный деятель, основал «Российское музыкальное издательство», задачей которого была пропаганда творчества русских композиторов. С этой же целью во главе созданного им оркестра С.Кусевицкий (с 1909 по 1914 год) совершал концертные поездки по городам Поволжья на специальном пароходе. К ним часто присоединялся Ф.И. Шаляпин.

Оркестр этот бывал с репетициями и концертами в имении С.Кусевицкого, расположенном на крутом берегу Оки, в коломенском сельце Акатьево. Там же в 1910–1911 годах выступил с концертом С.В. Рахманинов. Было это в канун Нового года. Рахманинов исполнял тогда свои произведения и среди них — знаменитую прелюдию до-диез минор. Играл он на пианино марки «Bechstein», приобретённом накануне С.Кусевицким в Петербурге и доставленном в Акатьево. Потом инструмент этот с автографом С.Рахманинова принадлежал Коломенской ДМШ и стоял на втором этаже в угловом классе, где занимались струнники.

1914 год... Началась Первая мировая война!..

Мой отец, Михаил Иванович Шеманов, воевал, был ранен, помещён в госпиталь в Бессарабии. Бежал оттуда со своим товарищем в 1917 году. Но это было потом. В начале Первой мировой войны мой отец, тогда 20-летний подпоручик Шеманов, посещал Офицерское собрание, в котором тоже постоянно звучала музыка. Дом этот ещё стоит на улице Зайцева, почти напротив Пятницких ворот.

Развитию музыкальной жизни Коломны способствовало и выступление струнного оркестра неаполитанского типа и, в частности, участников кружка мандолинистов-гитаристов.

Но особую известность, уже после революции, приобрёл оркестр, созданный С.А. Курлаевым. В состав входили члены его семьи: сам Сергей Александрович, его жена Александра Михайловна, сыновья Георгий и Борис, а также музыканты-энтузиасты. Оркестр курсировал по окрестным сёлам. Сначала выступал оратор, объясняя, что такое советская власть, потом — концерт. Эта своеобразная бригада получила название «Красная повозка».

В 1918 году начали работу музыкальные классы З.А. Золотовой. На их базе (одной из первых в Московской области) в 1919 году была открыта Коломенская музыкальная школа I ступени, ею заведовал виолончелист Николай Владимирович Кашперов. В начале 20-х годов она именовалась «Коломенской народной консерваторией».

С 1926 по 1937 годы директором школы был Вячеслав Фёдорович Мельников. Возглавлял он её на общественных началах, одновременно будучи педагогом по классу валторны и гитары.

В числе педагогов были З.А. Золотова, И.Я. Ханзель, А.Ф. Мельникова, К.Ф. Смирнова, А.С. Виноградов, О.Н. Никифораки, В.С. Кудрявцева.

Е.Г. Комисарова, педагог по классу фортепьяно, проработавшая в музыкальной школе более 30 лет, рассказывала о тех временах.

Родилась она (тогда ещё Лена Юмашева) в Боброве-Голутвине в семье врача и певицы. В пять лет начала заниматься у приезжей пианистки К.Г. Сухотиной, выпускницы Московской консерватории по классу А.Б. Гольденвейзера.

Мама Елены вместе с певицей О.Н. Никифораки, бывшей солисткой Большого театра, собирали в квартире Юмашевых певцов-любителей: Артёмов (тенор), М.Л. Смыслову (контральто), Н.Н. Травкина (бас), П.Родимова (тенор). Вместе с аккомпаниаторами К.Г. Сухотиной и К.Ф. Смирновой они выступали в Бобровском театре, Щуровском санатории, Песках, деревне Губастове.

Ну, а что же Лена Юмашева? Она рано осиротела, уже в 15 лет оставшись одна. Устроилась на Коломзавод. Работать пришлось в трудных условиях: шёл 1941 год... Елена вышла замуж за Александра Васильевича Комисарова, замечательного гитариста и гитарного мастера, отец которого, Василий Васильевич, был одним из ведущих художников Коломны в 30–40-е годы.

В 1934 году открылся Дворец культуры паровозостроителей. А так как в Голутвине музыкальной школы не было, при ДК организовались музыкальные классы, преобразованные через два года в школу. Директором её стал Ф.Н. Попадич, он же руководил хором и оперной студией. Симфоническую группу вёл С.А. Курлаев, по классу фортепьяно работали: К.Г. Сухотина, С.Л. Фейгина, М.Г. Глеб-Кошанская, С.С. Баркова; по классу гитары — Н.П. Муратов, баяна — В.А. Щеколдин.

В 1937 году в Коломне произошло грандиозное событие. Была поставлена опера П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Постановщиком был Д.Д. Мушников, дирижёром — Ф.Н. Попадич, концертмейстером — М.Ф. Мельникова. Успех был огромный! А к 20-летию Октября была

осуществлена постановка оперы «Тихий Дон». Газета «Коломенский рабочий» в 1939 году отмечала: «Работа, которую ведёт коллектив студии, очень важная и почётная!.. На днях в театре завода было дано несколько спектаклей... Актёрская игра и пение т.т. Смысловой, Артёмова, Семёнова достойны самых положительных отзывов... Хор стройностью и звучностью волнует и пленит...»

Творческие коллективы приобрели необычайную популярность, обогатив музыкальные традиции Коломны. И во всём этом неустанном движении вперёд главная роль отводилась педагогам и руководителям музыкальной школы, людям интеллигентным, деликатным, широкого круга интересов, бескорыстным.

Активными пропагандистами музыкальной культуры были и члены семьи Мельниковых. Трое из них, Анна Фёдоровна, Евгений Фёдорович и Вячеслав Фёдорович, работали педагогами в школе. Мария Фёдоровна, окончив школу и училище им. Гнесиных, долгое время была концертмейстером в ДК им. Куйбышева. Около пяти тысяч концертов было дано при её участии (в том числе знаменитая постановка оперы «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» в концертном исполнении).

Вячеслав Фёдорович Мельников, директор музыкальной школы *на общественных началах*, когда началась Великая Отечественная и встал вопрос о закрытии, предоставил для школы личную квартиру.

Постоянно изыскивали временные помещения для неё клуб ИТР завода им. Куйбышева, фабрика-кухня, станция юных техников и директор Голутвинско-Бобровской музыкальной школы С.А. Курлаев. И школы работали! Уже на пятый день после начала войны возглавляемые Курлаевым бригады выступали с концертами в цехах Коломзавода, на сборных пунктах, в госпиталях.

В 1941 погиб ушедший добровольцем ополчения преподаватель по классу скрипки — Алексей Сергеевич Виноградов...

В 1946 году произошло слияние двух школ, директором стал С.А. Курлаев. Быстро росли ученический и педагогический коллективы, появились новые педагоги: пианисты Е.А. Строева, К.А. Кессель, Р.В. Никольская; скрипачи Я.М. Синельников, Е.А. Аникеев, виолончелистка Л.Н. Кирьякова.

Долгие годы Р.В. Никольская была постоянным концертмейстером в классах педагогов-струнников. Настоящая петербурженка — интеллигентная, строгая, скромная, она, будучи одинокой, все силы отдавала школе. Большая дружба связывала её с виолончелисткой Л.Н. Кирьяковой, выпускницей Московской консерватории, оставившей заметный след в истории развития музыкальной школы. Какие у неё были ученики! Например, Виталий Максимов — заслуженный артист РФ, работавший в Томске.

Другой ученик Лидии Николаевны, Борис Потребухин, — заслуженный работник культуры РФ. Долгие годы он работал директором музыкальной школы в Раменском, руководил замечательным ансамблем виолончелистов, который активно выступал в России и за границей.

Пятьдесят лет проработала педагогом в музыкальной школе одна из первых выпускниц Лидии Николаевны М.А. Трифонова (Махортова).

Многие воспитанники Л.Н. Кирьяковой стали педагогами музыкальных школ и других учебных заведений, и в этом, несомненно, заслуга этой женщины, прожившей долгую (94 года) жизнь, которая продолжилась в её учениках.

В 1946 году начала работать с хором В.П. Бычкова-Фролова. Во многом её выбору хоровой специальности способствовал А.П. Радищев, 100 лет со дня рождения которого исполнилось 18 ноября 2011 года. В 40–70-е годы он внёс неоценимый вклад в духовное, нравственное воспитание детей Коломны. Будучи руководителем детского хора Дома пионеров, Андрей Павлович ещё до войны успел создать прекрасный хор и принимал в него всех, никому не отказывая. И дети бежали сюда с радостью. Они выступали на избирательных пунктах во время выборов, в школах города и района, участвовали в праздничных концертах, конкурсах. Даже летом занятия хора и концерты не прекращались.

Андрей Павлович часто и охотно играл для ребят на рояле произведения Глинки, Чайковского, Рахманинова, Шопена, Вебера и рассказывал о композиторах. Дети пели в хоре, слушали музыку, ходили в походы, и в их души прочно входила любовь к Родине, её истории, культуре, к родной природе. Прекрасный образец «радищевской школы» — талантливый педагог Юрий Васильевич Мамонтов.

Или вот ещё: бывший выпускник музыкальной школы, талантливый Дмитрий Туляков, учился в классе баяна у Т.Т. Лопухиной. Пришло время, и он был приглашён в музыкальную школу им. Алябьева как дирижёр оркестра народных инструментов. Поначалу — «надежды маленький оркестрик», в котором и дети, и учитель быстро стали единомышленниками. Как ребята слушали его, дирижёра, боясь пропустить каждое слово! Если надо, он брал баян и играл вместе с ними. А они стремились поиграть на всех приобретённых школой жалейках, дудочках, пастушьих рожках, не говоря уже о своих основных инструментах...

В 1958 году на улице Малышева появилось великолепное здание в духе пышного «сталинского ампира». На фронте лепными буквами было написано: «Музыкальная школа». Это грандиозное городское событие свершилось благодаря огромным усилиям директора школы С.А. Курлаева и его сподвижников.

В сентябре 1959 года в этом же здании разместили вновь открытое Первое Московское областное музыкальное училище. Очень скоро оно уже имело свои традиции, любимцев и завсегдаев. Так, в конце первого учебного года музыкальное училище представило городу отчётный концерт в двух отделениях. Сначала выступал хор под управлением Н.Д. Бавевой, а потом оркестр народных инструментов В.В. Иванова.

Их успех стал закономерным. «Хоровое поле» в Коломне было давно уже подготовлено. Наши церковные хоры издревле составляли основу музыкальной культуры города. Было у кого учиться: на праздники часто приглашали самые известные хоры из лучших приходов Москвы. Рассказывали, что в коломенских храмах пел Шаляпин.

Даже после революции и начала гонений регенты продолжали пестовать свои коллективы. А когда большинство святынь закрылось, хоровая традиция всё-таки сохранилась.

Большое значение имел и вклад дирижёров: В.Н. Попадича, Н.Семёнова, А.П. Радищева, В.Г. Кредина и педагогов-вокалистов: О.Н. Никифораки, М.Г. Гривкова, Л.Ю. Запольской. А в 1962 году Н.Д. Баева — хормейстер Божьей милостью — уже представила свой хор в Малом зале Московской консерватории с серьёзной, интересной и трудной программой. Отклик на этот концерт был в журнале «Музыкальная жизнь».

В 1961–1965 годах мне довелось работать в музыкальном училище, в том числе концертмейстером в хоре Н.Д. Боевой, в классах дирижёров-хоровиков Г.Г. Виноградовой, Э.С. Рогацкой, Л.А. Дружининой и ещё трёх педагогов-струнников: Л.Н. Кирьяковой, Ю.И. Бескина, К.А. Садовникова.

Концерты хора были в то время аншлаговыми. И, слава Богу, замечательные хоровые и дирижёрские традиции не утрачены. Одно из доказательств — убедительное выступление Н.Н. Гуськова с хором музыкальной школы им. Алябьева на Международном фестивале-конкурсе «Дни славянской письменности и культуры» в мае 1998 года в Балашихе.

Вот ещё одна яркая личность. Людмила Петровна Кузнецова входит в число известных и уважаемых людей не только нашего города. Мы родственники — 43 года я была женой её среднего брата Константина. Но сначала речь пойдёт о её маме, потому что именно она, Клавдия Александровна Кузнецова, и создала это явление. Впрочем, всё по порядку.

Дома в столовой был старинный раскладной стол, над ним, как почти во всех домах в 50-е годы, оранжевый абажур. Там часто за ужином собиралась большая семья. Именно там, за семейным столом, считали необходимым обсудить с ней свои дела её муж и оба сына. А в 60–70-х годах в её доме было три директора! Муж, Пётр Иванович Кузнецов, кавалер орденов Красной Звезды, Трудового Красного Знамени и других наград, в то время уже 20 лет директор Коломторга, старший сын Александр — директор предприятия «Коломенский холодильник» (около 18 лет) и средний сын Константин — директор музыкальных школ № 2 и № 1 (около 18 лет). Мать умела выслушать и дать дельный совет. Никогда не хвалила, умела быть жёсткой, но не оскорбляла.

Ей всё, за что ни возьмётся, удавалось. Она шила, вязала, вышивала, готовила замечательно и всегда ко времени; приучала детей пользоваться орфографическим словарём и энциклопедией, обладала способностями селекционера, была любознательна. А главное — умела своих детей не только заставить, но и заинтересовать. Она очень любила свою маму Пелагею, отец которой Иван Бугорёв имел в Коломне двухэтажный дом по улице Астраханской (ныне ул. Октябрьской революции, д. 239). На втором этаже жили они, а на первом располагалась велосипедная мастерская. По рассказам родственников, их велосипеды были отмечены на Парижской выставке золотой медалью, и кто-то из детей получил её в наследство.

Дошкольная группа. 1953/54 уч. год. Третья слева — Мила Кузнецова, пятый справа — Геннадий Комисаров

Клавдия Александровна любила своих детей, но Мила была поздней, долгожданной и самой любимой. Никто в доме об этом не говорил, все и так знали это и принимали как должное.

Мила росла очаровательным ребёнком. Маленькая, подвижная, хорошенькая, — она, как и все дети, любила свои игрушки, свою кошку с котятками, бегала на речку с братом Костей. Позже бывала на катке вместе с «мамой» Раей (женой брата Саши), которая отлично каталась на беговых коньках и строго отвечала за Милочку.

Потом началась учёба в общеобразовательной школе и в музыкальной одновременно. Клавдия Александровна всегда прекрасно одевала Милу и всё шила собственными руками. Однажды Н.А. Осиповская после урока, заговорив на тему одежды, бросила фразу: «Ну да, ведь вам легко приобрести всякие вещи», — имея в виду должность отца Милы. Мать быстро подняла над головой дочери подол её сарафанчика, и на изнанке обнаружили филигранно подобранные лоскутки — вещь оказалась перелицованной. Шила она изумительно. Все концертные платья Милы, да и неконцертные тоже, были сшиты ею. Многие годы она собирала журналы мод. Позже мы с дочерью любили рассматривать раздел «Советы игрушечной Маркизы» в сохранившихся старинных журналах. Но многое было сожжено. Семью не миновал 1937 год...

Решив дать дочери музыкальное образование, Клавдия Александровна не пропустила ни одного урока в музыкальной школе. Пришло время, и она сшила себе вечернее платье для посещения концертов классической музыки. В ДК им. Куйбышева в 50–60-е годы

регулярно приезжали выдающиеся исполнители: пианисты Э.Гилельс, Т.Гольдфарб, скрипачи В.Пикайзен, Борис Гольдштейн, певец Марк Рейзен. Несколько раз был оркестр под управлением Вероники Дударовой. Атмосфера на этих концертах была замечательная: полный зал, красные дорожки на лестницах, включены все люстры, дамы в вечерних платьях, предчувствие необыкновенного праздника... Мне кажется, что музыканты любили бывать у нас в Коломне, их подкупало неравнодушное отношение публики.

Тем, кто постоянно интересовался музыкальной жизнью Коломны, было известно имя Людмилы Кузнецовой. В своё время она была гордостью детской музыкальной школы. Затем, отлично окончив её, стала не менее яркой ученицей I Московского областного музыкального училища. Уже тогда Людмила Кузнецова имела своё лицо, заставляла говорить о себе. Вспомним хотя бы до-мажорную фантазию Шуберта, 2-ю сонату Мясковского, прелюдии Рахманинова, 12-ю рапсодию и мибемоль мажорный концерт Листа... Да мало ли произведений было ею сыграно! Я хорошо помню её концерт 22 декабря 1964 года, в котором она исполнила четыре бетховенских сонаты: 1-ю, 4-ю, 8-ю и 12-ю. Поражали её блестящая техника, темпераментность, почти оркестровое звучание инструмента. Что и говорить, много дали Людмиле годы учёбы в музыкальном училище. Четыре года серьёзной работы под руководством А.С. Розанова — педагога умного, знающего и глубоко требовательного, сделали своё.

Постепенно формировались взгляды, устанавливались вкусы, росло мастерство. Одновременно проходил испытание характер. Утверждались чисто человеческие качества: ведь в 15–17 лет человек начинает задумываться о жизни и яснее разделять для себя главное и второстепенное. Несмотря на то что трудности для Милы практически не существовали, она отличалась удивительной добросовестностью и трудолюбием и этим качествам не изменила и в дальнейшем. С отличием окончив музыкальное училище, Людмила Кузнецова поступила в Московскую консерваторию в класс профессора Е.В. Малинина. Позже, с отличием окончив под его руководством и Консерваторию, и аспирантуру, она там же была принята на работу в качестве преподавателя, где и работает до сих пор.

В семье Кузнецовых появились три заслуженных работника России. Звание «Заслуженный работник торговли РСФСР» присвоено Петру Ивановичу Кузнецову. В 1999 году звание «Заслуженный работник культуры РФ» было присвоено автору этих строк. А в 2007 году звание «Заслуженный артист РФ» получила Людмила Петровна Кузнецова, ставшая профессором Московской консерватории.

Этого последнего события мать уже не застала. Она прошла трудный, подчас и трагический жизненный путь, и всё же была счастливой в детях.

Семидесятые годы были наполнены ожиданием и подготовкой к празднованию 800-летия города. С 1971 года в Коломне начинались городские фестивали советской песни. Все четыре были событийными, чем-то запомнились, например выступлениями 15-летнего солиста Жени

24 марта 1974 г. Отчётный концерт ДМШ № 2.

Стоят: В.И. Квартальнов, Л.А. Сахно, В.А. Москалёв, К.П. Кузнецов.

Сидят: Н.П. Новикова, В.К. Терентьев, Н.П. Стаценко

Широченкова и эстрадного ансамбля детской музыкальной школы № 2.

Кстати, удивила детская музыкальная школа

№ 2 и своим отчётным концертом в том же юбилейном году. Две потрясающие увертюры — Г.Свиридова к кинофильму «Время, вперёд!» и А.Петрова к фильму «Укрощение огня» — произвели неизгладимое впечатление. Увертюра к «Укрощению огня» была *впервые исполнена в Коломне*. Подготовительной работой над ней был занят весь коллектив школы, и вот итог — оригинальное исполнение шедевра оркестром баянистов, ансамблем скрипачей и инструменталистами. Это был заключительный номер, и все в зале поняли: только большая любовь к музыке, крепкая сплочённость и чувство товарищества позволили этому маленькому коллективу (18 педагогов и 150 учащихся) почти в полном составе достойно выступить в этом памятном юбилейном концерте...

В 1979 году в Центральной городской библиотеке был открыт *Музыкальный салон*. Те, кому приходилось там на небольших «домашних» вечерах слушать, петь, музицировать, чувствовали себя легко и непринуждённо. Волей случая мне с 1979 по 1995 годы пришлось быть и постоянной ведущей, и концертмейстером у вокалистов В.Жогина, С.Чибирёвой и исполнителей некоторых сольных номеров. А концертмейстером у скрипачей Николая Хитя и Николая Милецкого была Ирина Кузнецова.

Много разных программ исполнили мы в то время, и не только в городе. В 1982 году подготовили к столетию Имре Кальмана концерт «По страницам оперетт», в котором были солисты: А.Бирюков, Н.Потапова, С.Чибирёва, В.Жогин, двое ведущих — Л.Ерохина и Г.Кузнецова, она же концертмейстер. Мелодии Кальмана звучали и в залах Коломны, и во многих селениях района.

Случались и курьёзы. Мы были тогда молоды, увлечены творчеством и могли после работы быстро собраться на очередной концерт, репетируя в дороге. Однажды воинская часть из посёлка Пирочи прислала за нами «Скорую помощь». И вот представьте: по Окскому проспекту мчится зелёная машина с красным крестом, а из неё довольно громко разносится пение поставленными голосами: «Красотки, красотки, красотки кабаре...» Прохожие долгими взглядами провожали эту машину...

В эти же годы мы дружно сотрудничали с поэтом, членом Союза писателей СССР А.Ф. Кирсановым. Он приглашал нас с певцом В.Жогиным на свои концерты, в том числе и выездные (он был лёгок на подъём).

Помню два его юбилейных торжества (70-летие и 75-летие), которые мне выпала честь провести в ДК им. Куйбышева при большом стечении поклонников его творчества, где он отменно читал свои стихи.

Чуть позже, в 1984 году, в Доме учителя (тогда он назывался Дом работников просвещения) был организован воскресный клуб «Уроки общения». Посещали его молодые учителя. «Почерк старинных мастеров» — так назывался один из концертов, в котором к нам присоединился гитарист Павел Румянцев. Отлично пели В.Жогин и С.Чибирёва. Вдохновенно играл Н.Милецкий (концертмейстер И.Кузнецова), исполнив, помимо других номеров, части из си-минорной сюиты Баха и редко исполняемую «Чакону» Витали. Даже трудно себе представить, каким тёплым, чарующим, проникновенным был живой голос его скрипки...

Особой вехой в музыкальной истории Коломны стали 90-е годы... Мы торопились жить и чувствовать спешили! Именно тогда мы стали школой им. А.Алябьева и отделением Международной благотворительной программы «Новые имена». Открыли в школе ЭДО — эстрадно-джазовое отделение, которое очень подзадоривало даже нас самих. Становилось популярным тогда же созданное трио им. А.Алябьева (Т.Кучабская — скрипка, В.Корсакова — виолончель, О.Жукова — фортепьяно). Старший хор под руководством Н.Гуськова стал лауреатом Международного конкурса «Дни славянской письменности и культуры». А наши «Новые имена»?

Аkkордеонист Сергей Осокин был в то время уже дважды лауреатом международных конкурсов. Мы выступали и в Свято-Даниловом монастыре перед Патриархом всея Руси Алексием II, и на замечательном концерте в Москве, в Доме Третьякова — нынешнем здании Российского фонда культуры, где среди других слушали наших ребят и члены экспертного совета «Новые имена», преподаватели Академии музыки им. Гнесиных и Консерватории. С благодарностью назову всех их: пианисты Ольга Дубровская, Марина Лезвина, Светлана Терентьева, Денис Лопухин; скрипачи Ася Соршнева, Мария Королёва и Ксения Дубровская; баянист Илья Башаратов, аккордеонист Сергей Осокин, балалаечник Павел Житомирский, флейтист Дмитрий Лопухин. Трое из них стали известными: скрипачка Ксения Дубровская (ученица Н.Н. Хитя) — солистка оркестра «Филармония наций» (Германия), Ася Соршнева (ученица Н.Н. Хитя и О.Д. Самарской) — солистка оркестра Ю.Башмета «Солисты Москвы», ак-

На концерте программы «Новые имена» в Российском Фонде культуры. Иветта Николаевна Воронова — президент фонда «Новые имена», Г.М. Кузнецова и С.В. Зацепин

1999 г. 80-летие ЦМШ. Старший хор. Руководитель Н.Н. Гуськов, концертмейстер Ю.Н. Михеев. Этот же хор в мае 1998 года занял 3-е место в международном конкурсе «Дни славянской письменности и культуры» в г. Балашиха, Московской обл.

350

ГАЛИНА КУЗНЕЦОВА

кордеонист Сергей Осокин (ученик О.А. Макаровой) — исполнитель, лауреат всероссийских и международных конкурсов, преподаватель МГИМ им. А.Шнитке.

В апреле 1999 года старейшей Российской музыкальной школе города Коломны исполнилось 80 лет! А вместе со школой и музыкальное образование отметило своё 80-летие. «Бал российской провинции» — так назвали мы юбилейный музыкальный фестиваль, вместивший в себя шесть вечеров, проведённых в разных залах города.

Педагоги, работавшие в музыкальных школах Коломны с 20-х по 90-е годы, — люди «не как все», особые: в них было сочувствие, сострадание, душевная теплота, забота о судьбе ученика, колоссальное терпение! Они воспитаны теми, кто пришёл из Серебряного века, да многие и сами родом оттуда. Спасибо им, не жалевшим себя и старавшимся поддерживать и развивать школу и её триединство: родитель — ребёнок — учитель.

Галина Горчакова

Галина Константиновна Горчакова родилась в Ленинграде. Вскоре с семьёй переехала в Горький. Окончила историко-филологический факультет Горьковского государственного университета. Работала в многотиражной газете Горьковского политехнического института, на Горьковской областной студии телевидения, заведовала отделом в газете «Коломенская правда». Сейчас является заместителем директора — главного редактора Коломенского информационного агентства.

С 1998 года участвует в поисковом движении, выезжала в экспедиции под Новгород, Волгоград, в Ленинградскую область. Была руководителем сводного подмосковного отряда, впервые принявшего участие во всероссийской экспедиции «Аджимушкой».

Заслуженный работник печати Московской области, награждена губернаторском знаком «За полезное», медалями «За сохранение исторической памяти» и «Патриот России».

Очерк

НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ ИЗ ЖИЗНИ КОМПОЗИТОРА

Живёт в посёлке Сергиевском Александр Модестович Фёдоров. Работает в школе искусств, учит детей музыке. Но поищите в Интернете его имя и наткнётесь на такую, например, информацию: «Коломенский музыкант и композитор Александр Модестович Фёдоров получил диплом лауреата I степени Международного фестиваля «Открытая Европа», проходившего в Санкт-Петербурге». Недавно этот известный в музыкальных и культурных кругах Коломны человек, не столько по причине юбилейного возраста, сколько по трудам своим, удостоен звания «Заслуженный работник культуры Московской области».

Многое в жизни человека начинается в детстве. Впечатлительной натурой деревенского мальчишку одарила природа, а развитие способности помогли люди и благоприятные обстоятельства. Хотя благоприятные не значит комфортные. У Саши детство было такое же, как у многих в его поколении: не очень сытое, но богатое простыми мальчишескими радостями. На лето его, второго по старшинству среди пятерых детей, подбрасывали бабушке в Большое Карасёво. Бабушка Елена Константиновна, мамина мама, очень хорошая была, заботливая, всегда в трудах. Одно время даже работала председателем колхоза. Судьба ей досталась нелёгкая — муж умер рано,

умерла и дочь от болезни сердца, всю жизнь она несла в себе эту боль. И маленький Саша каким-то образом это чувствовал.

Карасёво Саше нравилось. До сих пор, будучи уже зрелым человеком, во сне его видит — ту старую деревню, деревню его детства. Там речка Шелуховка, сколько в ней водилось карасей! Корзинами ловили. Ребятня на речке пропадала днями. У одного мальчика была байдарка, красивая, фабричного изготовления, и он с гордостью проплывал мимо сверстников, не имевших такого богатства. Саше тоже хотелось хоть разок взмахнуть веслом, и он придумал — взял у бабушки оцинкованное стиральное корыто и поплыл. Метров десять удалось преодолеть, потом корыто перевернулось и пошло ко дну. Взрослых никого при этом не было, и ребята на берегу перепугались. Но ничего, нахлебался воды и выбрался, речка-то в том месте, к счастью, мелкая оказалась, по пояс. Ничего важнее и радостнее мальчишеской дружбы тогда не было. И сейчас помнит, как гуляли с ребятами по посёлку, разговаривали на самые разные темы, жили одними интересами, и каждое малое событие в их детской жизни казалось большим.

Хорошо было у бабушки, но по дому он всё же крепко скучал. Вечером выйдет на край деревни, к околице, и слушает, когда мотор машины заурчит, — это значит, отец едет. Он на «козлике» возил директора совхоза Дмитрия Палыча Гусева. А в деревне такая тишина, что звук мотора километра за три слышно.

В детстве научился кататься на велосипеде, брал у дяди, своего не было, многодетная семья всегда жила нелегко, бывало, у ребятшек одни резиновые сапоги на всех были... Шишек набил, конечно, но не отступался. Это сейчас модно стало на велосипедах передвигаться, а он заядлый велосипедист, с тех пор и ездит.

Как часто в жизни бывает, с музыкой, а получилось, что и с судьбой, встретился случайно. Сёстрам-двойняшкам исполнялось пять лет, вот и решили устроить семейный праздник. На вечеринку позвали баяниста. В то время баянист был как генерал на свадьбе, все смотрели на него раскрыв рот, старались угодить чем могли и охотно ему подчинялись. Таких людей — обаятельных, весёлых, артистичных, всеми любимых, Саша ещё никогда не видел. А был это Валерий Алексеевич Нестеров, работавший в клубе художественным руководителем. И Саша влюбился в его игру, а может, и в образ жизни. После вечеринки, когда все разошлись, до глубокой ночи сидел, подбирал на баяне песенку «Марина», которую так виртуозно играл Нестеров. Инструмент тот оставил, и Саша решил попробовать — на двух нотах, правой рукой. Не сразу получилось, сидел часа три, но начало подобрал. Долго ходил под впечатлением, а где-то через месяц сказал родителям, что хочет у Валерия Алексеевича учиться. Ничего, что пришлось из Выселок в Парфентьево и зимой, и летом ходить пешком, он эти четыре километра как на крыльях летел. Двенадцать лет ему тогда было. В.А. Нестеров учил, как его самого учили в музыкальной школе, и вскоре Саша уже играл простенькие песенки: «За гаем гай», «Василёк»... В этой науке он быстро пошёл. Наверное, потому, что музыку по-настоящему полюбил. Год проучился у Нестерова, потом надо было поступать в музыкальную школу в Коломне, а это было

тогда нелегко, все хотели учить детей музыке. Семейно решили не рисковать, и отец попросил Д.П. Гусева, директора совхоза, оказать протекцию.

Учась в музыкальной школе, легко освоил модные эстрадные мелодии, благо, слух отличный, и его, как взрослого, стали приглашать на сельские вечеринки. Родители, видя, что дело получается, купили новый баян, по тем временам дорогой — за 180 рублей. Так он в четырнадцать лет стал приносить в семью заработок. С одной стороны, эти вечеринки — практика, с другой, была она подчас в ущерб занятиям, потому что на усердное учение времени оставалось немного.

Разумеется, учителя его ругали, но он навёрстывал упущенное, с программой справлялся, специальность обычно сдавал на пятёрки. И окончил школу экстерном за два с половиной года вместо пяти.

Но первое признание, он считает, не на вечеринках пришло, а в общеобразовательной школе, он тогда учился в восьмом классе. Как-то одноклассники попросили директора, чтобы разрешил Саше Фёдорову поиграть на большой перемене. Принесли школьный баян. Тогда хитом была «Девушка мала» Марьяновича, девчонки слушали, пели и смотрели на него восторженными глазами. Это был безусловный успех. Подпортила его математичка: «Опять распелись, не уроки в голове, а песенки, безобразие!» Долго поминала она ему этот концерт, то и дело к доске вызывала. А у него с математикой... Как у Пушкина, у которого в конце любой задачи ноль выходил.

Очень хотел учиться в музыкальном училище, но и туда конкурс был огромный, абитуриенты съезжались в Коломну со всей области. Казалось бы, чего бояться отличнику? Но Саша по совету директора музыкальной школы, ещё учась в пятом классе, целый год занимался с педагогом, как бы на подготовительном. И хотя конкурс был человек двенадцать на место, поступил без проблем. Специальность на «четыре» сыграл, пятёрок никому не ставили.

Александр один в родне профессиональный музыкант, но талант не возникает на пустом месте: дедушка по отцовской линии и две тётки играли кто на гармошке, кто на гитаре, кто на мандолине — семейно музицировали. Мать очень хорошо пела. С той поры, как начал подбирать мелодии, он пытался в чужую музыку добавить что-то своё, раскрашивал её —

аранжировал. В классе у них ходила тетрадь со стихами, полистал как-то и наткнулся на строчки: «Думала, что всё прошло, пролетело с ветром». Это и была его первая песня, её потом отдали в клубную самодеятельность, что было просто сделать, так как в клубе он был своим — работал на полставки. При этом он не помнит, что волновался, переживал, как песню примут, — страдал, говорит, в те годы самоуверенностью. Наверное, это неплохо, у неуверенных в себе шансов на успех меньше.

Сочинял и в училище, в основном песни. Инструментальную музыку начал писать, когда уже в вокальном ансамбле играл. В семидесятых сложился цикл из двенадцати песен о Коломне на стихи местных поэтов. На первых порах он пытался понять: в самом деле людям нравится или, может, ему просто льстят? Потом понял: может быть, что-то и несовершенно, но все чувствуют — написано от души. Не обошлось, конечно, и без подражания любимым композиторам — А.Бабаджаняну, А.Эшпаю. «Три ноты — уже плагиат», — говорил Владимир Назаров, руководитель знаменитого этнографического театра, и это запомнилось. Идеалом был эстрадный певец Валерий Ободзинский, спетое им «Неотправленное письмо» (музыка С.Мелика, слова О.Гаджикасимова) на всю жизнь осталось в душе.

В моём столе лежит давно
Под стопкой книг письмо одно.
И может быть, не первый год
В одном из тихих переулков
Его с надеждой кто-то ждёт...

Можно представить, как тронула эта песня, грустная, мелодичная, восемнадцатилетнего человека, переживавшего влюблённость...

Сергиевская детская школа искусств. 1997 г.

Музыка и должна быть душевной, убеждён Александр Модестович: «Я вообще не понимаю музыку, в которой нет чувства. Нынешний авангард меня не привлекает, он холодный, надуманный, сконструированный». Был он как-то на композиторских курсах в Московской консерватории, занимался с ним консерваторский педагог, работающий в современной манере. Слушал его музыку — всё вроде правильно, но душу не трогает. Об этом Фёдоров, разумеется, говорить не стал. Однако надо отдать должное, невзирая на творческие расхождения, тот вполне доброжелательно отрецензировал его сборник фортепианных пьес, за который он получил третье место на конкурсе.

Не воспринимает композитор Фёдоров и нынешнюю эстраду, превратившуюся в шоу-бизнес: «Просто убивает то, что сейчас делается в государстве. Я не хамелеон, не умею менять окраску, остаюсь человеком того времени, той морали». Оно и понятно... Что, если, подстраиваясь под изменившиеся обстоятельства, сломаешься окончательно и бесповоротно?

Далеко остались те годы, когда он спрашивал себя, как это композиторы сочиняют музыку, откуда она у них берётся. Теперь ему известен этот таинственный процесс: «Я всё пропускаю через уши. Сидишь за инструментом как бы в свободном полёте, перебираешь клавиши, что-то играешь, без всякой формы... Ловишь настроение. Какое настроение, такая и музыка получается. Большое это счастье, удовольствие. О! Что-то прозвучало интересное. Остановился, закрепил эту фразу в памяти, записал. Снова играю, что-то новое присоединяется. Самое главное — успеть записать, чтобы мысль не ушла. Сколько у меня было неплохих мелодий... Пропали».

Специалисты отмечают удивительную мелодичность музыки Фёдорова, в которой много света и доброты, присущий ему яркий образный язык, разнообразие жанров: он создаёт пьесы в классическом стиле, лирические миниатюры, жанровые сцены, этюды, баллады, экспромты, элегии, танцы. «Александр Модестович как композитор обладает чудесным даром — мелодизмом. Мелодии его пьес красивы и естественны, логичны и свободны. Ведь красивая мелодия — это то, на что сразу реагирует ученик», — это отзыв гитариста, композитора и преподавателя ГМУ им. Гнесиных А.И. Винницкого.

Отдельная страница в биографии — легендарный коломенский ВИАТ. Привёл Фёдорова к его руководителю Вячеславу Соловьёву покойный директор кинотеатра «Горизонт» Виктор Квитко. До сих пор помнит Александр Модестович, как играл перед знаменитым Соловьёвым, как его всего трясло! Тот послушал, потом сказал коротко: «Беру!» Взял как пианиста-акустика. Вскоре Александр стал приносить ему свои песни. Услышать собственное произведение в исполнении ВИАТа — это не то что в исполнении клубной самодеятельности, сразу видны все недоделки. Было, ноты рвал в сердцах. Но не разочаровался, да и народ вокруг поддерживал. Вячеслав Николаевич Соловьёв, кстати, был инициатором первого творческого вечера Фёдорова. Концерт был в двух отделениях, прозвучали и «Песни о Коломне». На нём Фёдорову вручили медаль «Город вас благодарит», эту награду он с благодарностью хранит.

Премьера оперы «Анна Снегина». 2001 г. с дирижёром камерного оркестра «Жемчужина провинции» Игорем Фомичёвым

Всероссийский есенинский конкурс «Рябиновые грёзы» в 1996 году. Коломенский тенор Вадим Пономарёв получил на нём диплом за песню «Не бродить, не мять в кустах багряных» на стихи Есенина. На фестиваль Александру очень хотелось попасть, он ещё не пробовал свои силы на испытании такого уровня. Хотя позади уже была медаль «Город вас благодарит», полученная в год 800-летия Коломны, три авторских концерта, участие в областных музыкальных фестивалях и даже гастроли не толь-

ко по Подмоскovie, но даже в Чехословакии, где он выступал как автор музыки и пианист. Но ему уже было сорок шесть, а в «Рябиновых грёзах» возраст участников-композиторов ограничивали тридцатью пятью годами. И тогда они с Вадимом схитрили: композитором представили Пономарёва, а Фёдорова — только аранжировщиком. Провели уважаемого Юрия Саульского, председателя жюри. Заключительный концерт был в Доме композиторов. Вадим на сцене пел, Александр сидел в зале, слушал свою музыку. Можно представить, как было обидно... Этот маленький обман не позволил ему пойти на банкет. Неудобно стало: с какой стати идти? Он же не композитор. Сидел в фойе, ждал триумфатора Вадима Пономарёва. В тот момент Юрий Саульский, народный артист России, выходя из банкетного зала, заметил его, подошёл и пожал руку. Может, понял их шитую белыми нитками хитрость, а может, просто оценил скромность человека. Запомнилось это рукопожатие.

С классикой у Фёдорова сложные отношения. Даже в училище она ему не открылась. Правда, хорошо знающие его люди утверждают, что, как ни мало он уделял ей внимания в юности, всё-таки пропустил через себя, не мог не пропустить. Иначе бы не написал «Анну Снегину». В этом есть, конечно, доля истины. Однако сам он говорит, что эстрада с её доступной мелодикой забрала тогда всего. «Вы послушайте, как Фёдоров халтуру играет, а классику он не учит!» — в сердцах говорил ему учитель. Классические произведения готовил по-быстрому перед экзаменами. Однажды так сыграл Моцарта, что преподаватель, раньше от-

носившийся к нему снисходительно, мол, что с него возьмёшь, поднял дыбом прядь своих волос — в знак того, что поражён. К классике Александр Модестович пришёл годам к сорока шести — созрел. И пожалел, что раньше пренебрежительно к ней относился. Он стал концертмейстером в классе хореографии Сергиевской школы, а для классических экзерсисов («Плие, батман тандю... И-раз, и-два!») надо играть именно классику. Волей-неволей станешь прислушиваться. В домашней фонотеке на первых ролях, конечно, Шопен, его инструментальные пьесы. Рахманинова ему двадцатидвухлетний сын открыл: принёс домой запись Второго концерта. «И я понял, что Рахманинов гений, просто гений, — признаётся Александр Модестович. — Я ещё в училище прелюдии его фортепианные слышал, показалось как-то тяжеловесно. Но с годами человек меняется». Сын Саша лет до двенадцати-четырнадцати слышать не хотел о музыке. Потом увлёкся тяжёлым роком. Отец, убеждённый, что рок — музыка разрушительная, негативно влияет на личность, на психику, ему пенял: «Ну что ты слушаешь?» — «Мне нравится», — отвечал тот. Рок он уже бросил. Год в музыкалку походил, на домре начал учиться, а потом сказал: хватит. Однако играет и на гитаре, и на клавишных, и на барабанах — сам всё одолел. Изучает инструменты симфонического оркестра и тоже сочиняет. Гены, наверное, сказываются.

Однако вот парадокс: ученики музыкальных школ воспитываются на классике, играют классику и... не любят её. Что слушают выпускники, вырвавшись на свободу из школьных стен? Необременительную эстраду. Музыкальные школы не готовят слушателя, они пытаются вырастить музыканта, а зачем? Ведь только единицы одолевших музыкальную премудрость становятся профессионалами, а остальные потом к инструменту и не притрагиваются.

Были ли у него наполеоновские мечты? «Да, я человек честолюбивый. Своего рода грех, конечно, — смущённо говорит Александр Модестович. — С другой стороны, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом». Из однокурсников везунчиком считался лишь Юрий Воробьёв, который на баяне и на жалейке играл в этнографическом театре у Владимира Назарова. В основном выпускники пошли в педагоги, а есть такие, кто переквалифицировался, например, в строители. Да и сам Фёдоров сколько раз хотел менять профессию — трудно было существовать на те гроши, что платили учителям музыки. Двое сыновей родились, жена — медсестра, зарплата — тоже не золотые горы... Приходилось искать совместительство, всегда работал на двух-трёх работах. Жена иногда вздыхает, что он непробивной. «Ну да, непробивной, — соглашается Александр Модестович, — такой характер, как сейчас говорят, “неформат”».

Жалеет, что не стал поступать в Гнесинку — Российскую академию музыки им. Гнесиных. Казалось, что это недосягаемая вершина. Поэтому выступление в 2002 году в академии с собственной программой стало для него значительным событием: «Встретился со своей мечтой: ни разу в Гнесинке не был, и вот я здесь». Преподаватели Первого областного музыкального училища Марина Николаенко, Ирина Подрезова, Татьяна

*Урок по специальности 1985 г.
Сергиевская школа искусств*

Азбукина и студенты подготовили эту программу по его сборнику пьес для скрипки и фортепиано «Прощание с летом». На кафедре фортепиано РАМ сборник одобрили. Тогда же произошла оказавшая влияние на его творчество встреча с профессором А.И. Исенко, человеком открытым, отзывчивым. Он поддержал талантливого композитора из провинции: «Творчество Александра Модестовича Фёдорова созвучно творчеству многих замечательных композиторов прошлого, создавших целый пласт в музыке, как для любительского музицирования,

так и для учебных целей. Его мелодически интересные и содержательные произведения способны доставлять эстетическое удовольствие, а это самое главное».

В своём отечестве, как известно, нет пророка. Признание коллег, профессионалов, пришло не сразу, но пришло. «Юмореску», лёгкую, мелодичную, взял в свой репертуар ансамбль народных инструментов Виктора Брагаренко. Впрочем, музыка Фёдорова давно вышла за пределы Подмосковья. А песня «Город на все времена», написанная на стихи Бориса Архипцева, занявшая третье место в конкурсе на лучшую песню о Коломне в 1999 году, стала её своеобразным гимном и исполняется на всех парадных мероприятиях.

Хотя Павел Иванович Румянцев, коллега и друг, считает, что Александр Модестович как композитор всё-таки недооценён, и эта мысль есть в его стихотворном посвящении, которое начинается словами: «Под сенью твоего таланта...»

В композиторском багаже Александра Модестовича двадцать сборников собственных сочинений, однако все они вышли, так сказать, самиздатом. И только сборник фортепианных пьес «Вдали от России» напечатан на средства районного управления культуры, но было это лет уже с десять назад. Как их воспринимает педагогическое сообщество, можно судить по забавному случаю. Выступали они с Леонидом Петровичем Вельмовым, преподавателем музыкального колледжа (Фёдоров на балалайке, Вельмов на гитаре), на методической учёбе музыкальных педагогов со всей области, и уже после первой фёдоровской пьесы из зала вдруг раздался голос: «А вы ноты привезли? Сколько?» — «Сорок». А в зале человек семьдесят сидело. «Что ж нам, драться из-за них?»

«Я пишу в расчёте на исполнителей детских музыкальных школ, на определённый инструмент, — говорит Александр Модестович, — бывает, переложения делаю сам, если пьеска интересно звучит. Чувствуешь, глазки у ребят загораются, значит, пьеса пойдёт, понравится». Когда стало необходимо, Александр Модестович переучился на балалайке, на гитаре. Для гитары у него пять сборников пьес. Гитару сейчас и преподаёт, поскольку на баян учиться не идут. Педагоги охотно работают с его музыкой. Валерий Константинович Терентьев и его ученик Марк Тютюнников неоднократно участвовали в конкурсах с произведениями Фёдорова и всякий раз были в призёрах.

«Не выходя из дома, я получил диплом I степени, — улыбается Александр Модестович. — Сочинить-то мало, надо ещё донести музыку до слушателя, а это заслуга Терентьева».

359

Меж каждодневных забот мечтает Александр Модестович снова поставить «Анну Снегину»: «По форме это кантата, а мы назвали “Опера-песня на стихи С.Есенина”». Премьера была десять лет назад в «Доме Озерова», ещё раз показали её в Воскресенске, во Дворце «Химик». Зрители аплодировали стоя. «Меня тронули человеческие отношения, — рассказывает он о своём замысле, — революционные события показались уже не очень актуальными, и я одно четверостишие про Ленина убрал. Ну не звучит оно сейчас!» За это его в лучших традициях коммунистической печати и с чисто учительской безапелляционностью разделали в газете «Советская Коломна». Переживал из-за этой статьи, хотя критику воспринимает подобающе.

Всё лето работал — моделировал на компьютере звучание симфонического оркестра. И четверостишие то злополучное решил вернуть — из песни слова не выкинешь.

Закончив беседу, провожаю гостя по редакционному коридору, а он вдруг, помявшись, выдаёт: «Не уверен, что имею право давать интервью...» И это после авторских концертов, выступлений на радио и телевидении, побед на творческих конкурсах, наконец, после призового места в конкурсе «Учитель XXI века», не единожды убедившись, что его композиторский талант признают профессионалы, а не близкие и друзья, всегда щедрые на похвалу. Вряд ли это кокетничанье. Просто вот такой он. «Неформат».

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ЮБИЛЕЙ КОРОЛЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Центральной городской библиотеке имени Валерия Васильевича Королёва — 60 лет. Нам она особенно дорога, ведь её украшает имя нашего земляка и друга, русского писателя Валерия Королёва. А над входом в библиотеку встречает читателя мемориальная доска, посвящённая ему. И это, наверное, не случайно. Ведь здесь сохраняется негасимый светильник русской традиции.

Более ста тысяч книг, десятки периодических изданий, электронные носители информации — всё это к услугам посетителей. Здесь идёт не просто формальная работа. Тут создано несколько читательских клубов, проходит множество интереснейших встреч с литераторами, краеведами, художниками. Разве это возможно было бы без вашего сердечного тепла, дорогие служители Книги!

Лишь благодаря вашей преданности делу, вашей искренней любви к миру искусства и литературы живёт и развивается один из лучших культурных центров нашего города. Счастья вам, хранительницы книжной сокровищницы! Пусть успех и радость открытий сопутствует вам на многие и многие годы!

Коллектив редакции

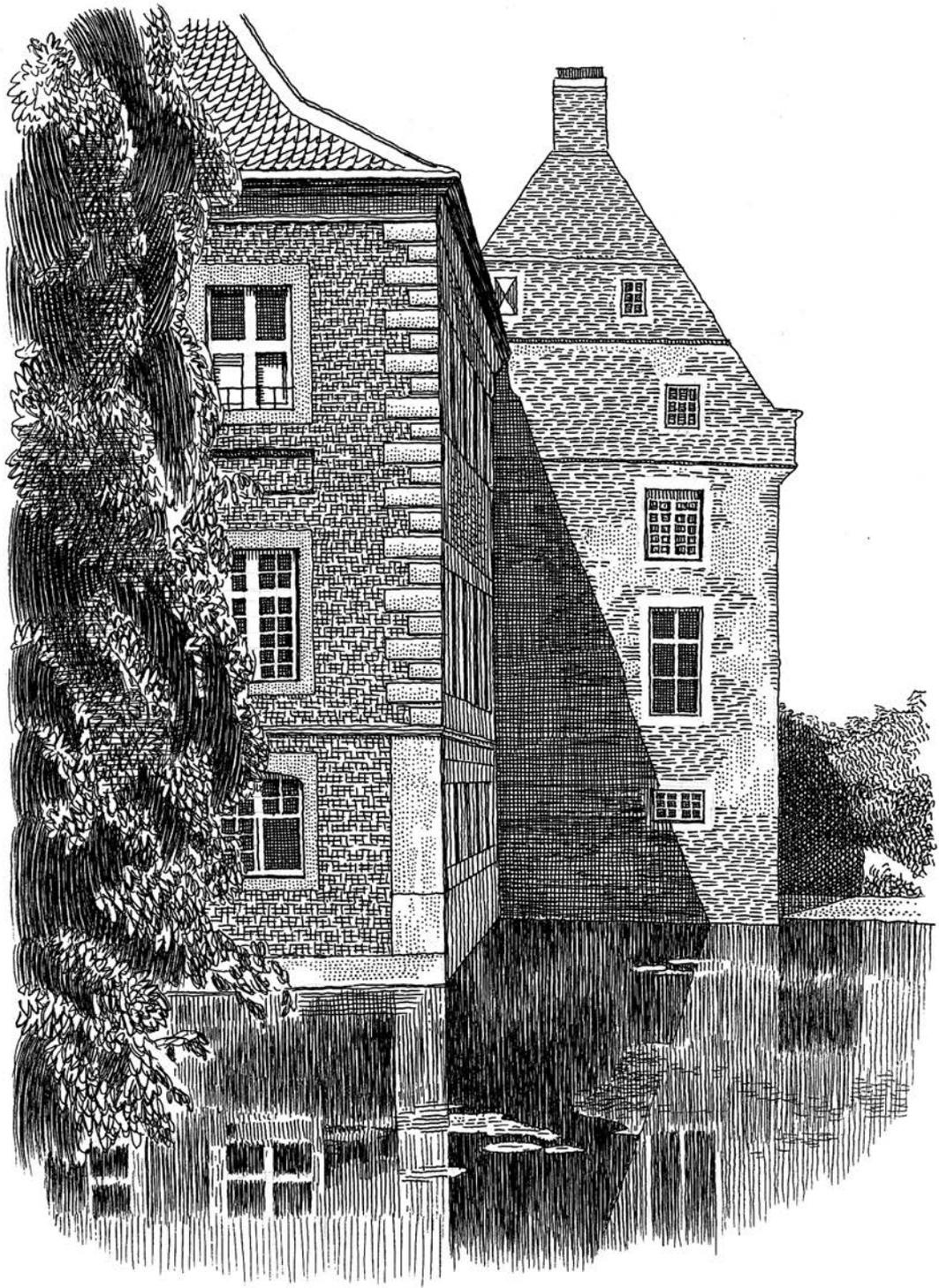

Немецкое
лето

1177 — 2012

КОЛОДНЯ

Графика Василины Королёвой

Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832) — великий классик немецкой литературы. Огромную славу ему принесла проза и философская драма «Фауст». Гёте занимал видное место при дворе герцога Веймарского. Однако он известен и как гениальный стихотворец. Поэзия Гёте особенно близка русской душе, ему свойственны проникновенный лиризм, философская глубина и стремление постичь культуру других народов.

Великий переводчик Сергей Васильевич Шервинский (1892–1991) не мог остаться равнодушным к творчеству Гёте. Не случайно в альманахе публикуется подборка вдохновителя «Коломенского Парнаса», ведь в этом году исполняется 120 лет со дня рождения С.В. Шервинского.

Поэзия

ПЕТЬ, ЧТОБ ЗВЁЗДАМ ЗАЖИГАТЬСЯ

Стихи И.В. Гёте
в переводах С.В. Шервинского

Посвящение

Настало утро; шествуя, согнало
Спокойный сон, владевший нежно мной,
И, пробудившись, из лачуги малой
Пошёл я в гору с лёгкою душой.
И что ни шаг, то сердце ликовало
Младым цветам, поникшим под росой.
Заря с восторгом небо осветила.
Всё было бодро и меня бодрило.

Меж тем с реки, бегущей чрез долину,
Пополз туман грядями возле гор.
Меняясь, скрыл меня наполовину
И над головой моей крыла простёр.
Зреть перестал я дивную картину,
Всю местность пасмурный окутал флёр;
Как будто обдан был я облаками,
Весь в сумрак погружён под их клубами.

Но вдруг луч солнечный во мгле пробился,
Среди тумана свет явился мне.
Здесь долу, падая, туман стелился,
Там, в клочьях, плыл к лесистой вышине.
Как первым встретить солнце я стремился!
Я ждал его — прекраснее вдвойне.
Воздушный длился бой, незавершённый,
И блеском был я залит, ослеплённый.

И снова быть с отверстыми очами
Велели чувства, бодрости полны,
Но веки тотчас закрывались сами,
Сияньем и огнём поражены.
В тот миг предстал, паря над облаками,
Вдруг образ мне божественной жены.
Мне жизнь таких видений не дарила:
Взгляд кинув на меня, жена парила.

«Иль не узнал? — уста её сказали.
Лились верность и любовь из них. —
Иль узнаёшь? Живительный не я ли
Несла бальзам для многих ран твоих?
Меня ты знаешь. Навсегда связали
Твои порывы крепко нас двоих.
Не зрела ль я, как с жаркою слезою
Ты — мальчиком — уже томился мною?»

«Да! — я вскричал, к земле в благоговенье
Склонясь. — Давно я чувствовал тебя,
Давала ты страстям успокоенье,
Что плоть младую мучили, губя;
Небесных перьев чуял я движенье,
Когда мой лоб студила ты, любя;
Меня ты лучшей одарила частью,
Лишь чрез тебя я стал причастен счастью.

Тебя не нареку — хоть часто имя
Дают тебе и все зовут своей.
И мнится всем: ты зрима только ими.
Но скольким в муку блеск твоих лучей!
Блуждая вкривь, я звал людей своими;
Узнав тебя, остался без друзей.
Ах, лишь с собой теперь я счастье трачу,
Твой свет благой скрываю я и прячу».

Рекла с улыбкой: «Видишь, как умно,
Как нужно было — чуть снимать покровы?
Не быть глупцом давно ль тебе дано,
Давно ль желаний детских смолкли зовы?
Сверхчеловеком мнишь себя давно,
Мужчины долг исполнить не готовый.
Чем от других ты отличился в мире?
Познай себя, живи с живыми в мире».

«Прости, — вскричал я, — если так я мнил;
Открыв глаза, вотще ли видеть надо?
В крови я чую бодрой воли пыл,
Мне памятна щедрот твоих награда!
Твоё добро я для других возрастил
И зарывать уже не стану клада!
С толиким рвением я искал пути
Не для того ль, чтоб братьев повести?»

Мне отвечая, взором снисхожденья
Высокое взглянуло существо,
И я прочёл всех дел моих прозреньё,
В чём ошибался и достиг чего.
Улыбкой мне несла выздоровленье;
Вновь дух воспрял, горé влекло его.
С доверием душевным я решился
К ней ближе стать и на неё воззрися.

Простёрла руку до паров, что встали
Легчайшим облаком со всех сторон,
Хватала их — и плотность обретали;
Тянулся пар, собой уж не был он.
По долу вновь глаза мои блуждали,
Стал снова чист и светел небосклон;
Лишь тысячами складок покрывало,
Из рук струяся, стан ей обвивало.

«Ты мне знаком, и в чём ты слаб — я знаю,
Что́ доброе живёт в тебе, что́ спит, —
Так молвила, и вечно ей внимаю. —
Вот мой завет, он был доселе скрыт:
Кто дар возьмёт, который я вручаю
С душою тихой, — бедствий не узрит!
Из утра соткана и дымки млечной
Поэзии фата, дар правды вечной.

Друзья ли, сам ли затомишься зноем,
Кинь в воздух дня поэзии покров —
Повеет вмиг вечеровым упоем,
Потянет пряно запахом цветов,
Земные страхи сменятся покоем.
Могилы нет — есть ложе облаков.
Все жизненные усладятся волны,
Дни будут милы, ночи — света полны.

Ко мне же, други, если, утомлённы,
Вы жизни груз устанете нести.
И если годы будут благосклонны,
Цветы, плоды пошлют вам на пути.
В грядущий день спешим, объединённы!
Так мы живём, так счастливы брести.
Пусть внуков взор слезой о нас затмится —
На радость им любовь пусть наша длится».

ИЗ КНИГИ «НОВЫЕ ПЕСНИ»

Близость любимого

Всё в мыслях ты, когда из моря блещет
Мне солнца луч;
Всё в мыслях ты, когда луной трепещет,
Сверкая, ключ;

Всё ты в глазах, взметнётся ль на равнине
Дорожный прах;
В глухой ночи, когда знобит в теснине
Скитальца страх;

Всё ты в ушах, когда встаёт, бушуя,
Прибой волны;
В лесную чащу слушать выхожу я
В час тишины;

Всё ты со мной, хотя и в дальней дали,
Я близ тебя!
Заходит день, уж звёзды заблистали —
Дождусь ли я?

366

ИЗ КНИГИ «ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН»

Геджра

Север, Запад, Юг — в крушенье,
Тронов трепет, царств паденье;
На Восток ты скройся дальний
Воздух пить патриархальный!
Где любовь, пирушки, песни,
В струях Хизера воскресни.
Там я в чистом, там я в правом
Сниду к глубям величавым,
Род явившим человечий,
Где небесный в дольней речи
Смысл из божьих уст внимали
И голов не поломали.

Где отцов высоко чтили,
Чужакам ни в чём не льстили;
Взвеселюсь, что в юном мире
Уже мысль и вера шире,
Слово ж — веская основа,
Если вымолвлено слово.

С пастухами потружусь я,
В тень оаза погружусь я,
Развозя по разным странам
Мускус, кофей с караваном,
Все пути узнаю ныне,
Что ко градам из пустыни.

Трудный путь между скалами
Усладишь, Гафиз, стихами,
Лишь начнёт вожак Востока
С ишака спины высокой
Петь, чтоб звёздам зажигаться,
Чтоб разбойникам пугаться.

Я с тобой, Гафиз, заране
Речь веду в шинке и бане.
Вот у милой из-под шали
Кудри амброй задышали.
Да, вдохнёт поэта лепет
Даже в гурий страсти трепет.

Если станете, ревнивы,
Отравлять поэту дни вы,
Знайте, что слова поэта
К двери рая, к дому света
Стук легохонький доносят
И о вечной жизни просят.

ИЗ КНИГИ ЗУЛЕЙКИ

С разрисованной лентой

И цветочки и листочки
Сыплет лёгкою рукой,
С лентой рея в ветерочке,
Мне богов весенних рой.

Пусть, зефир, та лента мчится,
Ею душеньку обвей;
Вот уж в зеркало глядится
В милой резвости своей.

Видит: розы ей убором,
Всех юнее роз — она.
Жизнь моя! Обрадуй взором!
Наградишь меня сполна.

Сердце чувства не избудет.
Дай же руку взять рукой,
Связь меж нами да не будет
Слабой лентою цветной.

* * *

Купидо, шалый и настойчивый мальчик,
На несколько часов просил ты приюта.
Но сколько здесь ночей и дней задержался,
И ныне стал самовластным хозяином в доме.

С широкой постели я согнан тобою,
Вот на земле сижу и мучаюсь ночью.
По прихоти своей очаг раздувая,
Ты зимний сжигаешь запас, и я тоже сгораю.

Посуду всю ты сдвинул, всё переставил;
Ищу, а сам как будто слеп и безумен;
Нещадно ты гремишь; душа, я боюсь
Умчится, мчась от тебя, и дом опустеет.

* * *

В тысяче форм ты можешь притаиться, —
Я, вселюбимая, прозрю тебя,
Иль под волшебным покрывалом скряться, —
Всеездесущая, прозрю тебя.

В чистейшем юном росте кипариса,
Вседивновзросшая, прозрю тебя,
Живой волной канала заструися, —
Вселасковая, в ней прозрю тебя.

Фонтан ли ввысь возносится, красуясь, —
Всерезвая, и в нём я зрю тебя;
Меняет образ облак, образуясь, —
Всеразноликая, я зрю тебя.

Ковёр лугов, и он тебе поручкой,
Всепестрозвёздная, в нём зрю тебя,
И если вьётся плющ тысячерукий, —
О Всесвязующая, зрю тебя.

Лишь над горами утро загорится, —
Вседобрая, приветствую тебя.
Коль небо чисто надо мной круглится, —
Всерядцеширящая, пью тебя.

Весь опыт чувств, и внутренних и внешних,
О Всеучительная, — чрез тебя.
Аллаху дам лишь сто имён нездешних,
Звучит за каждым имя — для тебя.

Вальдемар Ванке (Владимир Анатольевич Афанасьев) родился 1 января 1945 года в Узбекистане. В 1978 году переехал в Коломну и работал старшим научным сотрудником в научно-исследовательском институте «Радуга». Стихи начал писать ещё в России в 1959 году. Первая публикация появилась в 2000 году в газете «Коломенская правда».

Более десяти лет живёт в Германии, в городе Штутгарте. Там выпустил три книги: «Своё прошедшее любя» (2006), «Ода поэтам» (2009), сборник «Эхо», включающий в себя стихотворения и эссе в прозе (2011). Призёр международных поэтических конкурсов в Дюссельдорфе, Штутгарте, Вене.

Владимир Ванке — поэт с исконно русской душой, пронзительный и искренний. Вся биография его — в стихах. В Германии Владимира не оставляет память о природе России, о «соловьиной душе» нашей русской песни.

Поэзия

Вальдемар Ванке

Я УЕХАЛ ДАЛЕКО-ДАЛЕКО

* * *

Город церковный, город торговый
Скаредов старых и юных транжир,
Город былинный, город Коломна
Синей сирени и красных рябин.

С улицы Ленина выйду на Кирова,
Сяду в трамвайный скрипучий возок.
Ах, оторви мне, кондукторша милая,
В счастье заветный билетный квиток!

Много здесь пройдено,
в грусти и в радости,
Каждому чувству цвет времени свой:
Грусть наплывала рябиновой алостью,
Радость — сиренью цвела голубой!

Поездка на родину

С самолёта, где речью английской
Русский лётчик меня убажал
И стюард угощал меня Vicki,
Прибыл я на Казанский вокзал.

В электричке, дорогой изученной,
Под мелодию скучную шпал,
На случайных смотрел я попутчиков
И знакомые лица искал.

Били в бубен сидения жёсткие,
Барабанил зануда мотор,
А в душе пели сосны московские,
Когда ветер у них — дирижёр.

Шли платформы, как сны поэтические,
Как знакомые с детства стишки:
Вешняково, Перово, Фабричная,
Белоозёрская... вот и Пески.

Огородная спела провинция!
Дачной боли кольнула игла...
Но уже перестала мне сниться
Та из них, что моею слыла.

Не вчера отболела разлука,
Но скажу, как былой садовод,
Это всё же печальная штука —
Неухоженный мой огород,

Сад в репье, как чердак в паутине,
Бедным Йориком смотрится дом.
Старый Гамлет тоскует в Kantine,
Королевство пустили — на слом...

На полях за деревней бревенчатой
Пряжей тонкая выплыла мгла,
И зажгла мне Коломна навстречу
Золотые свои купола!

* * *

Виктору Мельникову

С каждым годом кажется, быстрее
Жизнь транжирит месяцев гроши,
И зрочки озёрные тускнеют,
Утонув в седые камыши.

Милых роц кудрявые полянки
Зарастают тёрною космой,
На грибных местах — одни поганки,
На черничных — лопухов разбой.

Может, я на свете долго прожил,
Память сердца слишком берегу?
Потому и с новым я несхожий,
Потому с Есениным Серёжей
Новому молиться не могу.

И беспечность юности утратив,
И тревоги зрелости познав,
Как старушка свадебное платье,
Берегу вчерашнего устав.

И вступая на родную землю,
Прошлого приветам тихо рад.
Только юность всё как есть приемлет,
Не изведав горечи утрат.

Воспоминание о Коломне

Отрывок

... Там в снегу глубокие поляны,
Выгнул мост свой серебряный горб.
Там под шапкой стоит деревянной
Древней башни узорчатый столб,
Где томилась полячка-царица:
Грудь сверкала алмазами слёз,
Украшал её иней ресницы,
Щёки выбелил русский мороз.

Не видать ей Московского царства,
Шуб собольих, жемчужных перстней.
Чёрный ворон ей ночью прокаркал
И унёс воронихой своей...

Мимо башни Маринкиной мчатся
Пешеходы, трамваи, авто.
О судьбе горделивой полячки
Из сидящих в них знает ли кто?

Каждый занят своею проблемой,
Лоб долбящей, как дятел дупло,
И не видит, что лебедью белой
Поднял храм колокольни крыло...

Всё пройдёт... и с берёзовой тростью
Я взойду на святое крыльцо.
Кто-то встретит меня и не спросит:
«Где твой дом?» — а покажет его.

* * *

Вот и глотнул я, светлея душой,
Запах берёзовый отчего дыма.
Дуб заскорузлый багряной рукой
Обнял меня, словно блудного сына,

Обнял меня постаревшим Отцом...
Как мне его теплоты не хватало
Там, где мечтал я начать всё сначала,
Да не сложился мой карточный дом.

Сколько отпущенных мне на земле
Лет проживу ещё, много ли, мало?
Сколько желаний дразнилось во мне!
Мудрости дуба — не доставало.

* * *

В.Б-у

...Мы от жизни имели — немного,
Да и сами к ней были скупы.
Обошла она нас, быстроногая,
На крутых поворотах судьбы.

Сколько прожито! Даже не верится,
Но лишь только закрою глаза,
Понесёт меня память метелицей
Над моими годами назад,

Где плывёт в позолоте и бантиках
Сине-розовых медленных рек
Тихий город, российская антика,
Древнерусский кирпичный ковчег.

Но дрожали и с грохотом лопались
Те борта из кирпичных камней
Под напорами вражьих потоков,
С печенежских кативших степей.

В бой вступивших с *батыйскою силой*,
Захлестнувшей родные края,
Не сберёг и к спасенью не вывел
Тот ковчег из-под стрел и огня.

Бился плач над приокскою кручей
Матерей у немого креста,
Лучших дев потерявших из лучших,
Сто мужей потерявших из ста!

Сколько раз ещё взвоят и грянет
Жадной силы шальная волна.
Крики чаек, как плач Ярославен,
В синеречьё твоём, Коломна́...

Сонных парков твоих запустенье,
Старых улочек тишина...
Двадцать лет уместились в мгновенье
Промелькнувшего сладкого сна!

Этой древностью я уже отжил,
Сладость терпкую дрёмы испил,
Только жаль, что не буду положен
В братский круг твоих древних могил.

Сердца блажь! Но блаженны мы оба:
Одурманен ты утренней Прой,
Я Окой околдован до гроба,
Волоокой её красотой...

К чёрту грусть и тупое томленье.
Мы имели от жизни — сполна!
Расцвела в позолоте осенней,
Как подруга моя, Коломна.

И плывёт сквозь костры и ненастья
Под напором приокских ветров,
Распустив на ветру, как на яхте,
Паруса колычёвских домов!

* * *

Я — след ушедшего столетья,
В зыбучий вдавленный бархан,
Курю былому фирмиам,
Его не отрекаюсь петь я.

Покуда ветром и дождями
Ещё не разметало след,
Пишу о розах прошлых лет
Моими поздними стихами.

В долинах памяти моей
Ищу малиновый источник,
Поёт мне «Синенький платочек»
Над синим Рейном Лорелей!

* * *

Загорелась звезда закатная
Над моим окном.
Это ждёт меня провожатая
В голубой свой дом.

И зачем ты меня высматриваешь?
Разве ж я один
Отражаю лучи закатные
Серебром седин?

И из горькой рябины черпаю
Для души вино,
И встречаю звезду вечернюю,
Распахнув окно!

Эхо

Сарре Лейверман

Судьбы сюрприз — непредсказуем,
За чьи-то, наши ли, грехи
Нас разметали жизни бури,
Соединили нас — стихи!
И в этом не было б успеха
В морях бурлящих городов,
Когда б не зазвенело «Эхо»
Нам с нюр(е)нбергских берегов.

Как моряков, достигших суши,
Нас принял «Эхо» кабачок.
Здесь успокаивают души
Бальзамом стихотворных строк.
Здесь нам споют, а мы подхватим,
С самим поспорив соловьём.
Мы все в поэзии собратья,
Одним сроднившись языком!

Пусть наша жизнь не Феникс-птица,
Но мы уверены в одном:
В тумане лет растают наши лица,
Но эхо наше — сохранится.

* * *

Не думай о плохом и ни на что не сетуй,
Оставь себя забыться на скамье
Под жёлтой липой на пороге лета
И облаком в бездонной синеве.

Пройдя сквозь путь несбывшихся открытий,
Непокорённых бронзовых высот,
Ты предпочёл рассудку мир наитий,
Воздушным замком заменил расчёт...

Но сердце пьёт иных даров отраду —
Растить цветок, посеянный тобой,
Бродить в лесах, в чертогах листопада,
И жить в ладу с рифмованной строкой.

Позднее прозрение

Мне в средней школе, как и всем,
Преподавался Пушкин,
И, как наставница в пенсне,
Он мне казался скушным.

Его онегинской строфой
Я не был очарован.
Мир прошлый был, как восковой,
Неправдашний, как клоун:

Князя, помещицы, пажы,
Уланы и корнеты,
Скрипят в столицах и в глуши
В повозках и каретах,
В корсетах и лорнетах.

Татьяны Лариной портрет,
Как на Доске почёта —
Ни одного изъяна нет,
Всё строго, скромно, чётко.

Онегин — вовсе не герой
И не святой тем паче,
Не Робин Гуд и не Роб Рой,
Не рыцарь из Ламанчи!

В мечтах мальчишеских моих
Я вместе с д'Артаньяном
На шпагах дрался за троих
С когортой кардинала;

И Монте Кристо, гордый граф,
Не сломленный судьбою,
С улыбкой дружеской в глазах
Беседовал со мною.

Я был на Волге, на челнах,
И рядом — Стенька Разин!
Но чтоб у Лариных в гостях,
С Онегиным? — ни разу.

Но вот под осень дней моих,
Когда с полей, как зелень,
Исчезла юность и с седых
Волос бегут капли,

Я променял кинжал и плащ
 На белые листочки,
 И вместо шпаги — карандаш,
 И вместо шрамов — строчки.

Душа постигла ремесло
 Природы созерцанья,
 И стало осени лицо
 «Очей очарованьем»!

И словно солнца первый блик
 Сквозь пелену затмений,
 Меня, прозревшего, настиг
 Твой безупречный Гений!

* * *

Археологи нашли старейшее обручальное кольцо в Германии. Оно принадлежало, вероятно, Гертруде фон Форест, дочери рыцаря...

Из немецких газет

Опять октябрь, дожди, туманы
 И в сумерках на службу звон...
 Или подковами о камни
 Бьёт конь из рыцарских времён?
 По улицам кривым и тусклым
 Средневековья бродит тень,
 И в прошлое уносят чувства
 Меня у швабских этих стен:
 В окне, желтеющем напротив,
 Свечой озарены лицо
 И, обнажённая по локоть,
 Рука, и на руке — кольцо.
 И я приподнимаю шляпу
 И низкий отдаю поклон,
 Случайно шпагой оцарапав
 Ограды каменной излом.
 И, что-то вспыхнув искрой красной,
 Вдруг покатилося бубенцом,
 А за окном свеча погасла
 В руке, расставшейся с кольцом...
 Который век я неотступно
 Ищу упавшее кольцо,
 Черту на каменном уступе,
 В окне заброшенном — лицо.

* * *

Своё прошедшее любя,
Я в будущем уже не прошен.
Сегодняшнего дня судьба —
Живу безропотней и проще,
Хожу на бауэрский базар,
Где рад обильному привозу.
Мне каждый день — как Божий дар...
Его оцениваешь поздно.

* * *

Золотые летят мои дни,
Это кружат за окнами листья.
Слишком жёлтыми стали они
И рябин слишком красными кисти.

Кольбельная слышится песнь,
Это ветер свистит и играет
На серебряных струнах берёз
В зимний сон уходящему краю.

Слышу голос поры золотой:
«Милый друг мой, отчаялась ждать я!»
Это осень, волнуясь листвой,
Раскрывает свои мне объятия.

* * *

Прислушайся, прислушайся,
Под липою — замри,
В её янтарном кружеве
Ликуют воробьи.

Их жизнь судьбой размечена
Свободной и простой,
Но капля птичьей млечная
Дороже золотой!

Сойди на тихой пристани,
И зло прости легко,
И лягут строчки чистые,
Как птичье молоко.

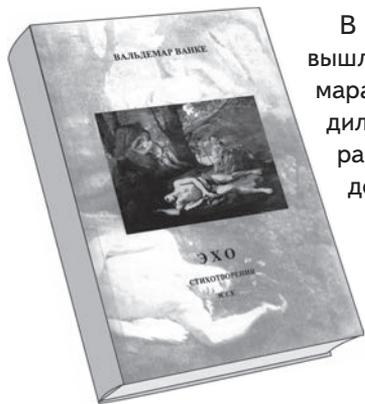
* * *

Уезжаю. Машины захлопнута дверь.
Завтра время другое — разлук и потерь.
А сегодня за мной, как на фронт провожая,
От дороги до неба, от края до края
Золотистое поле — всё бежит и бежит.
Ах, как много в нём ветра, души и раздолья,
И поющих акрид.
Догони меня, поле, сейчас догони,
Догони меня, ляг у меня на пути,
Догони меня, вспыхнув стеною огня,
Догони меня, поле, оставь у себя!

БИБЛИОТЕКА

ВДАЛИ ОТ РОССИИ

Вальдемар ВАНКЕ. Эхо. Стихотворения разных лет. Эссе.
Штутгарт, 2011. — 145 с.

В германском городе Штутгарте в этом году вышла книга нашего соотечественника, Вальдемара Ванке (Владимира Афанасьева). Он родился в Узбекистане. В 1978—1994 годах жил и работал в Коломне. В настоящее время более десяти лет проживает в Германии.

Книга содержит несколько циклов стихов и одно эссе в прозе. Коломне посвящён цикл из девяти стихотворений. Это — воспоминания о городе, где поэт прожил шестнадцать лет, радость встречи со знакомыми улицами и храмами, обращения к друзьям-коломенцам. И хотя автор часто навещает Родину, он замечает с грустью: «Отвыкает страна от меня».

Цикл «Я уехал далеко-далеко» открывается стихотворением «Поздний эмигрант», в котором Владимир Ванке с такой любовью вспоминает коломенский «старый, гроыхающий трамвай». И так знаменательно встаёт в конце стиха образ «седой Матери», которая, «благословляя и простив», ждёт ещё своего блудного сына.

Владимир Ванке утверждает в своих строках, что человек — хозяин судьбы. Ведь с древних лет ему свойственно желание увидеть, познать новое. Манит тяга к путешествиям. Особенно если этот человек — Поэт.

Тираж книжки небольшой, но ведь и потребность в поэзии современного общества тоже весьма небольшая, тем более за границей.

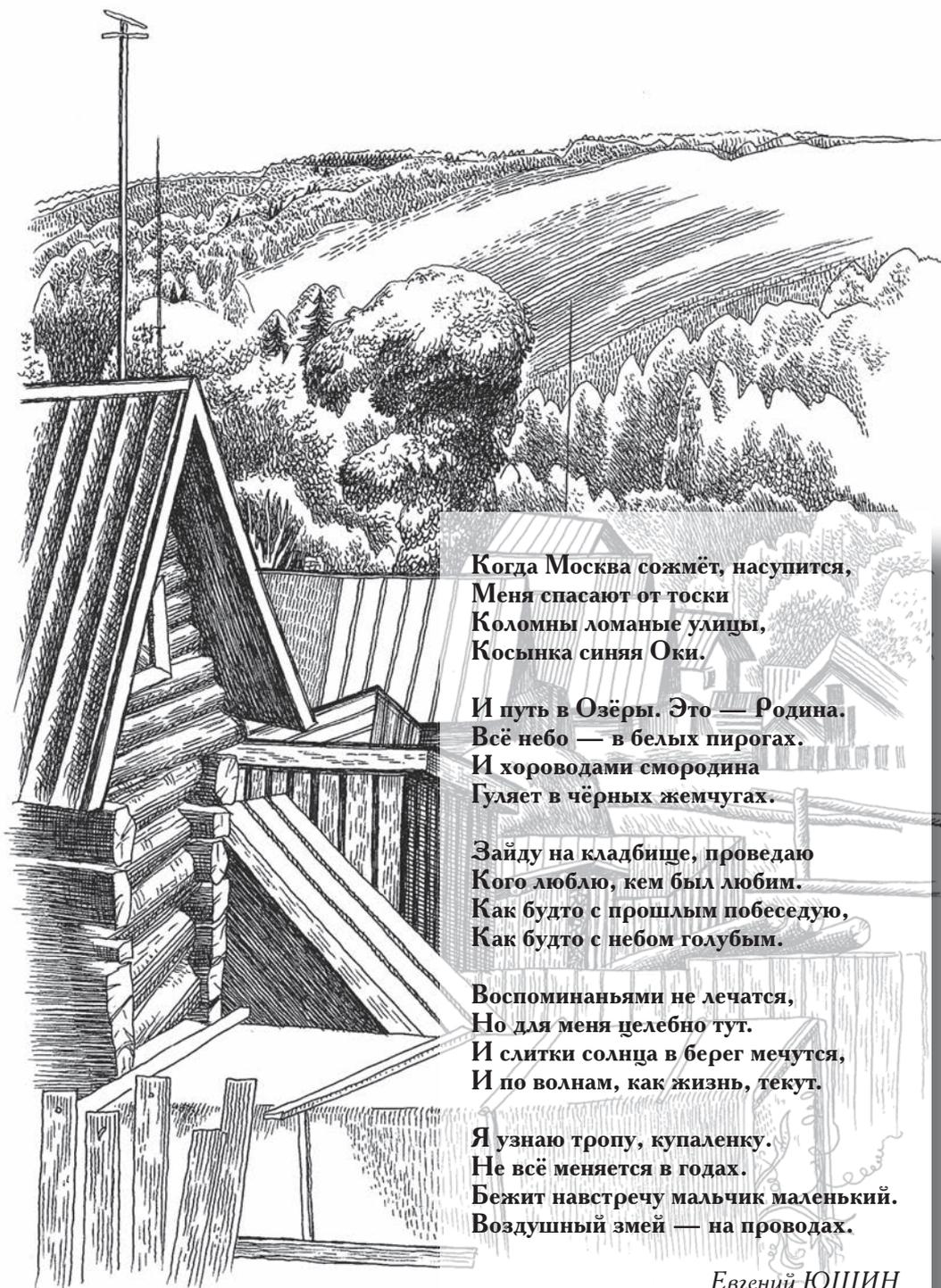

Родимая
сторона

1177 2012

КОЛОДНЯ

Когда Москва сожмёт, насутится,
Меня спасают от тоски
Коломны ломаные улицы,
Косынка синяя Оки.

И путь в Озёры. Это — Родина.
Всё небо — в белых пирогах.
И хороводами смородина
Гуляет в чёрных жемчугах.

Зайду на кладбище, проведаю
Кого люблю, кем был любим.
Как будто с прошлым побеседую,
Как будто с небом голубым.

Вспоминаньями не лечатся,
Но для меня целебно тут.
И слитки солнца в берег мечутся,
И по волнам, как жизнь, текут.

Я узнаю тропу, купаленку.
Не всё меняется в годах.
Бежит навстречу мальчик маленький.
Воздушный змей — на проводах.

Евгений ЮШИН

ПЯТНИЦКИЕ ВОРОТА

Ключ

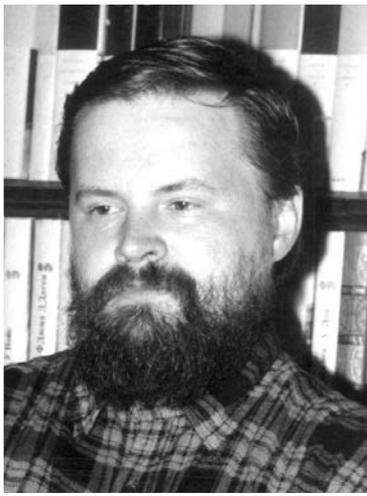
Окрестности Бобреновского моста и реющий над ними грозный силуэт каменных врат всегда вызывали во мне тревожное и волнующее чувство. И неспроста... В сущности, ведь именно здесь находится мистический ключ ко всей коломенской истории...

При взгляде на молчаливую громаду этой проездной башни невольно вспоминаешь, что её издавна именовали главными воротами Коломенского кремля. Скептики могут подвергнуть сомнению это предание. В самом деле: почему считать главными именно Пятницкие ворота, хотя были в кремле более красивые — Ивановские, или расположенные ближе к Москве — Косые?

Здесь придётся обратиться к древней истории Коломны. Вспомним, что до конца XIII столетия наш город входил в состав великого княжества Рязанского и был центром удела, подчинённого Рязани. Естественно, что главные ворота ориентировались на стольный город — к востоку. Традиция эта закрепилась и сохранилась, даже когда Коломна оказалась в составе московских владений.

Но где находился прежний парадный въезд? На том же месте, где и сейчас? Вряд ли.

Нужно учитывать, что древний детинец был гораздо меньше кремля, выстроенного в московский период. По предположению археологов, он располагался над Бобреновской переправой в районе бывшей Свибловой башни.

Роман Вадимович Славацкий родился в Коломне в 1957 году. Поэт, прозаик, литературовед, церковный историк, журналист.

Работает заведующим отделом церковной истории и беллетристики газеты «Благовестник». Заместитель председателя творческого объединения профессиональных писателей города Коломны.

Автор семи поэтических книг. В первом номере «Коломенского альманаха» опубликована повесть «Пожарник». В 2007 году в издательстве «Лига» вышла в свет поэма в прозе «Мемориал». Издал около полутора десятков краеведческих книг и буклетов, посвящённых истории Подмосковья.

Награждён литературной медалью им. И.И. Лажечникова.

Член Союза писателей России.

Исторический очерк

гольский посад. Но в то же время следует учитывать, что коломенский детинец находился совсем рядом, и главные ворота стояли если и не на том же самом месте, где сейчас, то, в общем, недалеко от него.

Как выглядела проездная башня тех времён? На холме, окружённом системой оврагов, ровов и водами Москвы-реки, шла линия валов. В месте проезда вал разрывался, и в этом проёме высилась надвратная башня, сложенная из мощных брёвен. Башни ставились далеко не так часто, как можно видеть на картинах исторических живописцев. В эпоху деревянного оборонного зодчества подобные укрепления сооружались над воротами. Здесь было самое опасное место для обороняющихся, и оно было лучше всего укреплено.

Возвращаясь к первому летописному упоминанию, надо сказать, что конфликт с владимирцами оказался для Рязани неудачным. Глеб Рязанский попал в плен и спустя одно лето скончался во владимирском заточении в 1178 году. Удельное Коломенское княжество, формально оставаясь в составе Рязани, фактически перешло под протекторат Владимира.

Это подтверждают и события 1180 года. Тогда «молодые» рязанские князья обратились ко Всеволоду Большое гнездо с жалобой на утеснения старшего брата, князя Романа Глебовича, и с просьбой о защите. Всеволод пришёл с войском. Этот эпизод мы видим на миниатюре Радзивилловской летописи. Владимирский князь с дружиной подступает к городу, а князья Всеволод и Владимир Глебовичи встречают его с поклоном, протягивая свиток — символ зависимости от Владимира. Могущественный воитель защитил братьев, а войска князя Романа разгромил.

Но нас в этой истории особенно интересует рисунок. Ведь это первое, пусть и схематичное, изображение кремля и Спасских ворот.

Кстати, имя «Спасские» древнее, чем «Пятницкие». Произошло оно потому, что, по константинопольской традиции, над главными вратами

Это был, скорее, деревянный замок удельного князя, вокруг которого селились ремесленники и торговцы.

Место расположения укреплений очень характерно. С этой позиции хорошо контролируется переправа через Москву-реку и Владимирская дорога (раньше улица Зайцева называлась Владимирской). Всё это не случайность. В старину главным противником Рязани было великое княжество Владимирское. Собственно, именно благодаря распре между этими княжествами Коломна и попадает на страницы летописей в 1177 году.

Поскольку нынешняя Успенская (Лазарева) улица не входила в черту укреплений, можно согласиться с тем, что здесь располагался домон-

помещали икону Сотёра (Спасителя). Через Свой образ Господь благословлял входящих с миром и охранял крепость от недругов.

А было от кого защищаться... Те годы омрачены не только внутренними усобицами, но и растущей внешней опасностью. В декабре 1237 года, когда Рязань из последних сил сдерживала натиск монгольских орд, владимирцы спешно собирали союзное войско. Генеральную битву решено было дать здесь, на границе Владимирского и Рязанского княжеств. Когда 1 января 1238 года войска монголов под командованием Батухана подошли к стенам Коломны, их ждали здесь объединённые рати из Владимира, Суздаля, Коломны, Москвы, Пронска, Новгорода Нижнего, остатки рязанских дружин.

Сражение отличалось невероятным ожесточением, сопровождалось глубокими прорывами фронта и гибелью не только множества рядовых воинов, но и полководцев. С нашей стороны пали князь Роман Коломенский и воевода Еремей Глебович, с монгольской — видный военачальник-чингизид Кюль-хан.

Однако чаша весов склонилась в конце концов в сторону завоевателей. Остатки русских дружин были смяты, их прижали к «надолбам» (полосе пригородных укреплений) и уничтожили... Всё это происходило здесь, в районе нынешних Пятницких ворот.

Памятью об этой трагедии осталось удивительное предание. Рассказывали, что одна из коломенских церквей погрузилась под землю, избегнув поругания. Показывали даже место, где это произошло, — между Пятницкими воротами и Крестовоздвиженской церковью. Долгое время, вплоть до начала XIX века, тут сохранялось углубление — след старинного оврага или пруда. Когда в половодье впадина заполнялась водою, коломенки приносили сюда своих ребятишек и купали младенцев в этой воде, словно призывая на них невидимую благодать. Говорили даже, что старцы святой жизни могли по великим праздникам, приложив ухо к земле, слышать звон подземного колокола.

Умом мы, конечно, понимаем, что это невероятно. Но с другой стороны, мы также осознаём слабость своих представлений о времени и пространстве. Возможно, здесь происходили какие-то события, недоступные пониманию современного человека. Возможно, что и нет. Но нам следует как минимум с уважением относиться к старинным преданиям, в которых запечатлелся след той великой и страшной эпохи.

Впрочем, сохранились не только легенды, но и материальные свидетельства. Недавно, во время археологических раскопок на Посаде, недалеко отсюда, на перекрёстке улиц Спасской (Грунта) и Алексеевской (Левшина) была обнаружена братская могила XIII века. Человеческие останки уложены тесно, прижаты друг к другу. И это значит, что тут похоронены жертвы либо Батыева нашествия, либо «Дюденовой рати» 1290-х годов.

Однако, как это ни парадоксально, жестокие испытания тех лет не только не затормозили, но даже усилили развитие Коломны. Почему-то именно сюда устремляются люди из других селений. Растёт Посад. Всё это вскоре изменит облик города, в том числе и его Спасских ворот.

Московская крепость

Монгольское нашествие привело к полному изменению политической ситуации на Руси. Гегемонии Владимирского княжества пришёл конец. Границы Рязани укрепляются; о Коломенском уделе уже и речи не шло. Встал вопрос: кому теперь суждено возглавить Русь? И разрешился он самым неожиданным образом.

Младший сын святого Александра Невского, благоверный Даниил Московский получил в наследство крохотный удел с тремя городками. Незначительность его владений провоцировала соседей поживиться за его счёт в «маленькой победоносной войне». Рязанский князь Константин Романович затеял распрю с Москвой. Но в результате он не только потерпел военное поражение, но и сам «некой хитростию» был взят в плен.

Не только стратегически важная крепость, контролирующая пересечение речных и сухопутных дорог, переходит под московскую руку. Вся коломенская округа отходит к Москве. Святой Даниил повёл себя по-рыцарски. Он отпустил сыновей пленённого на Рязань, связав их клятвой не воевать против Москвы. А Константину предложил свободу в обмен на Коломну. Гордый рязанец отказался. Он предпочёл оставаться в почётном московском плену, нежели отдать противнику огромный кусок наследственных владений.

Однако через некоторое время участь пленника изменилась... В 1303 году скончался благоверный князь Даниил. Ему наследовал сын, Георгий (Юрий) Данилович. А он не отличался ни благородством, ни терпением отца. Юрий приказал умертвить рязанца. Это злодеяние произошло в 1305 году и вызвало возмущение не только соседей, но и москвичей.

Властитель Москвы рассчитывал этой казнью закрепить за собой Коломну, а на деле развязал руки Константиновичам в их борьбе за отцовское наследие.

Надо было укреплять Коломну. И это было сделано! В начале XIV века, при Юрии, а может, чуть позднее, при его брате Иване Даниловиче Калите, Коломна окружается новой системой валов, во много раз превышающей прежний княжеский замок. Это была уже настоящая крепость с площадью более 20 гектаров, почти равная нынешнему каменному кремлю. Прикрытый оврагами и рвами, а также Москвой-рекой и Коломенкой, город превратился в мощнейший стратегический центр, ничем не уступающий столице княжества.

Крепость строилась «на вырост», она охватила ещё не заселённые участки. Но с каждым новым князем город развивался. В 1353 году основывается Коломенская епархия. Рядом с кафедральным храмом строятся резиденции Коломенского владыки и великого князя Московского. Иван Калита, Симеон Гордый, Иван Красный... Каждый из князей вносил что-то новое в облик города. Усиливались и укрепления Коломны. Подсыпались валы, выше становились деревянные стены и проездные башни.

Конечно же, особое внимание уделялось Спасским-Пятницким воротам — важнейшему фортификационному сооружению, которое по-прежнему контролировало стратегическую дорогу на Владимир. И по-

прежнему оно было ориентировано на Рязань; не только потому, что с той стороны исходила главная опасность, но и по старинной традиции, которая закрепилась с давних времён.

Как прежде, именно здесь встречали выдающихся светских и церковных людей. Думается, именно через эти ворота въезжали в Коломну святой Димитрий Московский и святая Евдокия зимой 1366 года перед памятным всем нам венчанием. Но главное событие, связанное с историей деревянных Пятницких ворот, было ещё впереди.

Куликовский поход

Через Коломну лежал самый короткий путь в Орду. Это было наиболее важное направление. И не случайно именно в Коломне, своего рода «второй столице XIV столетия», собирались русские войска для борьбы с Золотой Ордой.

Впервые это произошло в 1378 году перед битвой на реке Воже. Именно в честь этого события и был заложен Успенский собор. Но победа на Воже носила, так сказать, локальный характер. А два года спустя нужно было готовиться к генеральному сражению, в котором должна была решиться судьба всей Руси. И у Коломны собирались рати не только Москвы, но практически всех княжеств русских.

Естественно, что великого князя в сопровождении воевод торжественно встречали в главных воротах города. И что это была за встреча! Все коломенцы во главе с духовенством собрались благословить своих спасителей. Велик был страх, но и надежда была велика! Эта встреча была настолько удивительна, что даже привлекла внимание обычно немногословного летописца. В «Сказании о Мамаевом побоище» читаем:

«Архиепископ же (Герасим) Коломенский сrete великого князя во вратех градных с живоносными кресты и со святыми иконами и со всем (освященным) собором и осенил его живоносным крестом и молитву сотворил».

И над вратами и над всем городом вознёся вдохновенный тропарь Кресту: «Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы православным христианом на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство»!

В то время на Руси не было Митрополита, и Русской Церковью управлял митрополичий викарий — Герасим Коломенский. Поэтому его слово имело особое значение.

После неудачных переговоров с ордынскими послами, после грандиозного смотра князь Димитрий отправляется в Успенский собор. Летописная «Повесть о Куликовской битве» свидетельствует:

«И кончав молитву, иде к Пречистой и к епископу Герасиму и рече ему: “Благослови мя, отче, пойти противу окаяннаго сего сыроядца Мама...” И святитель Герасим благословил князя и вои его вся пойти противу нечестивых агарян».

Получив благословение на бой от всей Церкви, благоверный Димитрий отправился в поход. А после великой победы он вскоре вновь вступил в город, и владыка Герасим опять встречал его с иконами и крестами.

Более шести веков прошло, а событие это вновь оживает перед нашими глазами, возвращённое к жизни рисунком средневекового изографа...

Каменная твердыня

Славная победа на Куликовом поле не увенчалась окончательным торжеством. Орда вскоре оправилась от поражения, и в 1382 году Тохтамыш сжёг Москву, а затем и Коломну. Спустя три года Олег Рязанский захватил город и обратил его в пепел.

Даже после свержения золотоордынского ига в 1480 году Коломенский кремль постоянно подвергался опасности со стороны хищных соседей.

Кардинальное решение было только одно — возведение каменного кремля.

Строительство началось 25 мая 1525 года по велению великого князя Московского Василия III. Средневековое сознание было религиозным. В любое большое дело вкладывался не только материальный, но и духовный смысл. Каким он был в нашем случае? Сохранилось предание, свидетельствующее, что князь Василий строил Коломенский кремль не только как оборонительное сооружение, но и как своего рода обетный дар в память о своём рождении.

Его отец, Иван Великий, всё никак не мог дождаться наследника. Он со своей супругой, царицей Софией Палеолог буквально вымалывал ребёнка, в том числе и в Коломне — выдающемся духовном центре Московии. И когда родился Василий, это было воспринято как чудо. София в благодарность вышла пелену в Успенский собор Коломны, а в своей вотчине Бабышеве построила храм в честь Зачатия святой и праведной Анны. Недаром до сих пор храм Богоявления в Гончарах называют иногда по старой памяти — Зачатьевским.

Князь Василий Иванович, разумеется, тоже не забыл обстоятельства своего рождения. Кроме того, у московского властителя было ещё одно основание для памятования о Коломне. Здесь был епископом его друг и близкий советник — Вассиан (Топорков). Вне всякого сомнения, крепость строилась под его духовным надзором. И дело не ограничилось молебном на закладку крепости. Молитвенное убранство башен, осмысление кремля в связи с его церковным окружением — всё это находилось в ведении владыки. Даже само начало строительства символично.

Не случайно начали «град Коломну делати камен» именно с Пятницких ворот. Историк начала XIX века Николай Иванчин-Писарев говорит в своей «Прогулке по древнему Коломенскому уезду»:

«Василий III... строя Коломенскую крепость и заменяя деревянные стены и башни новыми из твёрдого кирпича, поставил главную вратную башню, через которую въезжают из столицы, и от неё распространили стену».

Почему строительство пошло отсюда? Потому что память о въезде Димитрия Донского в древний Коломенский кремль пережила века! Забегая вперёд, скажем, что в XIX веке иконописцы изобразили на воротах сцену встречи и благословения великого князя владыкой Герасимом Коломенским.

Каждая из кремлёвских башен имела своё имя. Как правило, оно давалось по соседней церкви. Все кремлёвские ворота украшались святыми образами, так что крепость имела не только материальную, но и духовную защиту. Особенно важно это было для главных ворот цитадели.

Иванчин-Писарев сообщает:

«На Пятницких или Спасских воротах... стоит, с восточной стороны, огромная Спасителява икона, в богатом окладе, совершенно сходная с Московской на Спасских же, а с западной стороны список XVI столетия с иконы Донския Богоматери».

Обычно на выходе помещали тип иконы, что называется Одигитрией (Путеводительницей). Богородица как бы благословляет исходящих на путь. Но мы знаем, что Донская принадлежит к иному типу и называется Елеусой (Милостивой).

Почему коломенцы заменили образ Одигитрии на Донскую икону? Церковное предание связывает эту коломенскую особенность со временами Ивана Грозного и его великого предка — Дмитрия Донского. Икона из Успенского собора Коломны, которая была с дружинами русскими на Куликовом поле, вернулась в наш город и почиталась как величайшая святыня.

Иван Грозный во время Казанского похода повторял действия святого Дмитрия. Казанский поход осмысливался как продолжение традиции куликовских героев.

Царь Иван торжественно въезжал в Коломну через Пятницкие ворота. Подобно Донскому, он молился пред чудотворным образом Пречистой. Когда Казань в 1552 году была взята, царь решил перенести икону в Москву. Это намерение повергло коломенцев в большую скорбь. То ли тронутый их мольбами, то ли утраченный зловещими знаменами, государь повелел сделать два точных списка с чудотворного образа. Один из них поставили на прежнем месте в Успенском соборе, а второй — на внутренней стороне главных врат.

Строили крепость итальянские архитекторы. Коломенская цитадель была замечательна по мощи и красоте, лишь немного уступая размерами Московскому кремлю. Сходство этих двух крепостей отмечается многими исследователями. Удивительно, как на границах цивилизованного мира возвысился памятник европейского Ренессанса! И как глубоко он был переосмыслен православным сознанием, одухотворён и воцерковлён!

Твердыня была хорошо вооружена. Рядом с Пятницкой башней, чуть севернее, находился коломенский арсенал, «казна», где хранились 74 железных и 16 медных пищалей, тысячи железных и свинцовых ядер разных калибров и семь бочек пороха.

На верхнем ярусе висел «сполошный» колокол. Башня была высокая, около 35 метров, и с неё хорошо просматривались окрестности. Заметив сигнальный огонь, движение вражеских войск или начало пожара, дзорный бил в колокол весом в «два пуда с четью», давая знак горожанам готовиться к осаде или бороться с огненным бедствием. В ту пору от пожаров не были застрахованы даже каменные сооружения; соседняя башня до сих пор именуется Погорелой, неся в своём имени отпечаток пожара XVI столетия.

Въезд в кремль надёжно защищался: основной корпус башни снаружи прикрывался мощным выступом — «отводной стрельней». Кроме огромных вратных створ имелись ещё спускные решётки — катаракты, или «герсы», как называли их на Западе. Эти крепкие деревянные заграждения не сохранились до наших времён, остались лишь прорези для них в проездных арках да следы герсоподъёмного механизма.

Жаль, что вся эта мощь и краса затемняется воспоминаниями о временах Ивана IV...

Грозный царь — самая противоречивая фигура русского средневековья. Он сделал немало полезного для государства. Но его позднее правление ознаменовалось жестокой тиранией и безумным опричным террором — войной против собственного народа. Один из ключевых эпизодов этой войны — злодейское убийство Митрополита Филиппа (Кольчева). Недаром Церковь в песнопениях святителю Филиппу именует царя «новым Иродом»...

Увы, и Коломна не избежала опричных погромов. Если раньше вспышки царской ярости носили лишь локальный характер (стрелецкие волнения и казни Воронцовых в 1546 году), то опричнина пролилась на историю города страшным кровавым потоком.

Легенда

388

У моей бабушки Анны Михайловны была гимназическая подруга. Сейчас уж не помню, как её звали, а спросить не у кого. А жаль, потому как дама эта была личностью колоритной. Помню, меня поразило её высказывание по поводу Мавзолея. «Там лежит не мумия, а восковая кукла! Тело Ленина нашли в клоаке!»

Я тогда по малолетству ещё не соображал, что означает латинское слово «клоака», но понял, что это место, не совсем подобающее «дедушке Ленину». Дерзость «гимназической подруги» по отношению к любимому «Ильичу» шокировала, но при этом осталось ощущение, что старорежимная дама имеет некое моральное право на свободу суждений.

Как-то они разговорились насчёт «сусального» образа Ивана Грозного из фильма Эйзенштейна, и гимназическая подруга в сердцах сказала: «Этому упырю не будет покоя — ни ему, ни его войску в Пятницких воротах».

Я тогда ещё толком не понимал, ни кто такой Иван Грозный, ни где находятся Пятницкие ворота, но фраза эта почему-то задержалась в сознании.

Я вспомнил о ней глубокой осенью, кажется, 1983 года. По случаю оказался ночью вблизи Пятницких ворот. И вот тогда, в морозном мраке, во тьме из-под арки врат раздалось отчётливое цоканье копыт, глухое позвякивание оружия и хриплый говор... Это продолжалось, наверное, всего мгновение, но тогда оно показалось целым часом. Как меня тогда кондратий не хватил — до сих пор не понимаю.

Одно стало ясно — с башней что-то происходит. Какая-то непонятная жизнь идёт в ней, независимо от нашего времени. И позднее, когда я поступил в Коломенский музей, пришлось наслушаться всяких страшных историй про этот парадный въезд в кремль.

Кстати, вот ещё один любопытный случай. Когда Павел Зеленецкий иллюстрировал мой «Мемориал», к первой же главе он сделал композицию, на которой изображено... призрачное войско, выходящее из Пятницких ворот! Занятно, что я ничего не говорил художнику об этом предании. Значит, он каким-то «шестым чувством», подсознательно уловил это невидимое движение.

И что любопытно: до революции ничего подобного не происходило. Во всяком случае, Иванчин-Писарев, любитель «готических» историй, об этом не сообщает. Похоже, святыни Пятницких ворот — чудесные образа — хранили проездную башню. А на рубеже 20–30-х годов эта охрана исчезла. И в древнем памятнике появилась какая-то тёмная энергия (или демон — называйте как хотите), непостижимым образом связанная с ужасными событиями, которые происходили здесь в середине XVI столетия...

Второй Ирод

В 1568 году Россию накрыла очередная волна опричных гонений — безумного террора против собственного народа. 11 сентября государь приказал прийти во дворец знатному и влиятельному боярину Ивану Петровичу Фёдорову. Заставил его облечься в царские одежды и сесть на трон. Затем, юродствуя, преклонил колени, сказав: «Ты хотел занять моё место; вот, ты теперь великий князь, радуйся!» И тут же собственноручно зарезал боярина ножом.

Фёдоров был не царского рода, в любом случае он никогда бы не стал российским монархом. Но в параноидальном бреде царя Ивана существовала своя логика.

У Ивана Петровича было много вотчин, особенно в Коломенском уезде, где он пользовался большой любовью и влиянием. Все его владения подверглись чудовищному и безумному разорению: сжигали дома, резали скот, даже из прудов выпускали воду, чтобы рыба погибла. Всё это сопровождалось массовыми убийствами. Причём пострадали имения не только Фёдорова, но и его друзей, знакомых, соседей.

Были разорены вотчины бояр Яковлевых, страшная кончина ждала Ивана Борисовича Кóлычева, племянника Митрополита Филиппа (Колычева). Во время разгрома одного из фёдоровских имений нашли «высокую храмину», посадили туда людей, в том числе и Колычева, закатали вниз бочки с порохом и взорвали.

Когда царь со своим «диавольским войском» поскакал смотреть на разорванные тела, его глазам предстало чудо. Иван Борисович, прикованный к огромному бревну, сидел на земле невредимый, прославляя Бога. Один из «кромешников» срубил ему голову и подал своему господину.

Позднее её принесли заточённому Митрополиту, передав слова царя: «Се, твой любимый сродник, не помогли ему твои чары». Святитель взял голову, благословил и отдал принесшему. Вскоре и сам Митрополит Филипп был казнён.

В Коломне

Естественно, «кромешники» не миновали и Коломны. Они вели себя здесь как в захваченном неприятельском городе. Это вызвало возмущение посадских жителей — были убитые с обеих сторон. До сих пор коломенцы с содроганием рассказывают об ужасах тех дней. Знатных людей заточили в Свибловой башне, пытали в Застеночной. А простолюдинов со связанными руками выводили на Бобрёвский «живой» мост, сбрасывали в реку и топили. У Москвы-реки поставили плахи, на которых рубили головы. Весь берег был завален изуродованными телами. Три дня после этого река текла кровью.

Город опустел — жители его были убиты или разбежались.

Даже спустя десять лет Коломна не вполне оправилась после погрома. В писцовых книгах того времени то и дело видим: «дворовые места пусты», церкви, стоящие «без пения», то есть без службы, с обезлюдевшими приходами. В Бобрёве не осталось ни одного монаха. Видимо, И.П. Фёдоров оказывал особое попечение обители, и это самым мрачным образом сказалось на судьбе её насельников.

Похоже, действительно правда: берег проклят, а мучители, обagrившие руки в невинной крови, до сих пор не могут найти себе упокоения.

И через столетия память о страшных злодеяниях сохранилась среди коломенцев, и эхо опричного войска до сих пор отдаётся под сводами Пятницких ворот. А впереди ещё была Смута...

390

Век семнадцатый

Начало нового столетия ознаменовалось тяжёлыми испытаниями. Во времена Смуты Коломна оказалась в центре самых драматических событий. Ведь крепость находилась на пересечении важнейших путей, через Коломну шёл основной путь снабжения столицы хлебом. В 1606 году отряды анафемы Болотникова, «полководца» Лжедмитрия II захватили коломенский Посад. Крепость держалась, но позднее, уже когда Болотников ушёл к Москве, отряд коломенских стрельцов взбунтовался и присоединился к мятежникам.

Вскоре «вождя народного восстания» настиг бесславный конец. Но в 1608 году за дело взялся сам «тушинский вор» (Лжедмитрий II). Его отряды окружали Москву. Весной 1608 года поляки во главе с Лисовским взяли Зарайск и подошли к Коломне. Малочисленный гарнизон не смог обеспечить надёжную оборону, и город был взят внезапным приступом. Впрочем, вскоре захватчики были выбиты из кремля.

Естественно, что ключевым оборонным сооружением в эти дни оставались Пятницкие ворота. На их «мосту» (деревянном перекрытии над «отводной стрельней») находились пушки. И не раз тут под гром орудий, в облаках порохового дыма разворачивались кровавые эпизоды военной драмы.

В родословии знатного рода Кикиных об этих временах записано: «Семёна Кикина сын Иван был убит в Коломне, на приступе Пятницкой башни от воровских казаков, когда была в Коломне воровка Маринка, расстриги Гришки Отрепьева жена».

События эти происходили около 1610 года, когда «тушинского вора» убили. «Маринку» перевели в Коломну. Горожане приняли её как венчанную царицу Московскую, и Марина вступила в кремль, вероятнее всего, именно через парадные Пятницкие ворота. Она жила в крепости «по царскому чину».

Но конец Смуты уже был близок. После распада Первого ополчения казачий атаман Заруцкий, третий муж Марины Мнишек, летом 1612 года «ис под Москвы збежал на Коломну к жонке к Маринке». Здесь казаки провозгласили сына Лжедмитрия II Ивашку «царевичем». Коломенцы не поддержали новоявленную «династию», и Заруцкий с Мариной и «царевичем» покинули Коломну, предварительно ограбив город.

Сохранилось характерное предание. Якобы, уезжая из крепости, Марина увезла с собой створы Пятницких ворот. И, тайно выкопав яму, положили туда огромные сокровища, накрыли створами и засыпали клад коломенской землёй. Клад царица заколдовала, и с тех пор никто не может его найти, а Пятницкие ворота так и стоят без створ.

Бедствия Смутного времени самым печальным образом сказались на облике Коломенского кремля. Стены во многих местах осыпались, после пожаров и осад многие башни стояли без кровель и перекрытий-«мостов». Пятницким воротам повезло больше. По данным 1619–1629 годов, у них сохранился «мост», на котором стоял артиллерийский «наряд»: «пищаль девятипядная медная» (длиной около двух метров) и несколько (вероятнее всего — шесть) пушек поменьше. Это были железные и медные «волконей» (фальконеты).

Частыми гостями Коломны были иностранцы. Из Оки караваны судов попадали в Москву-реку. У Бобренева наплавного («живого») моста находилась пристань.

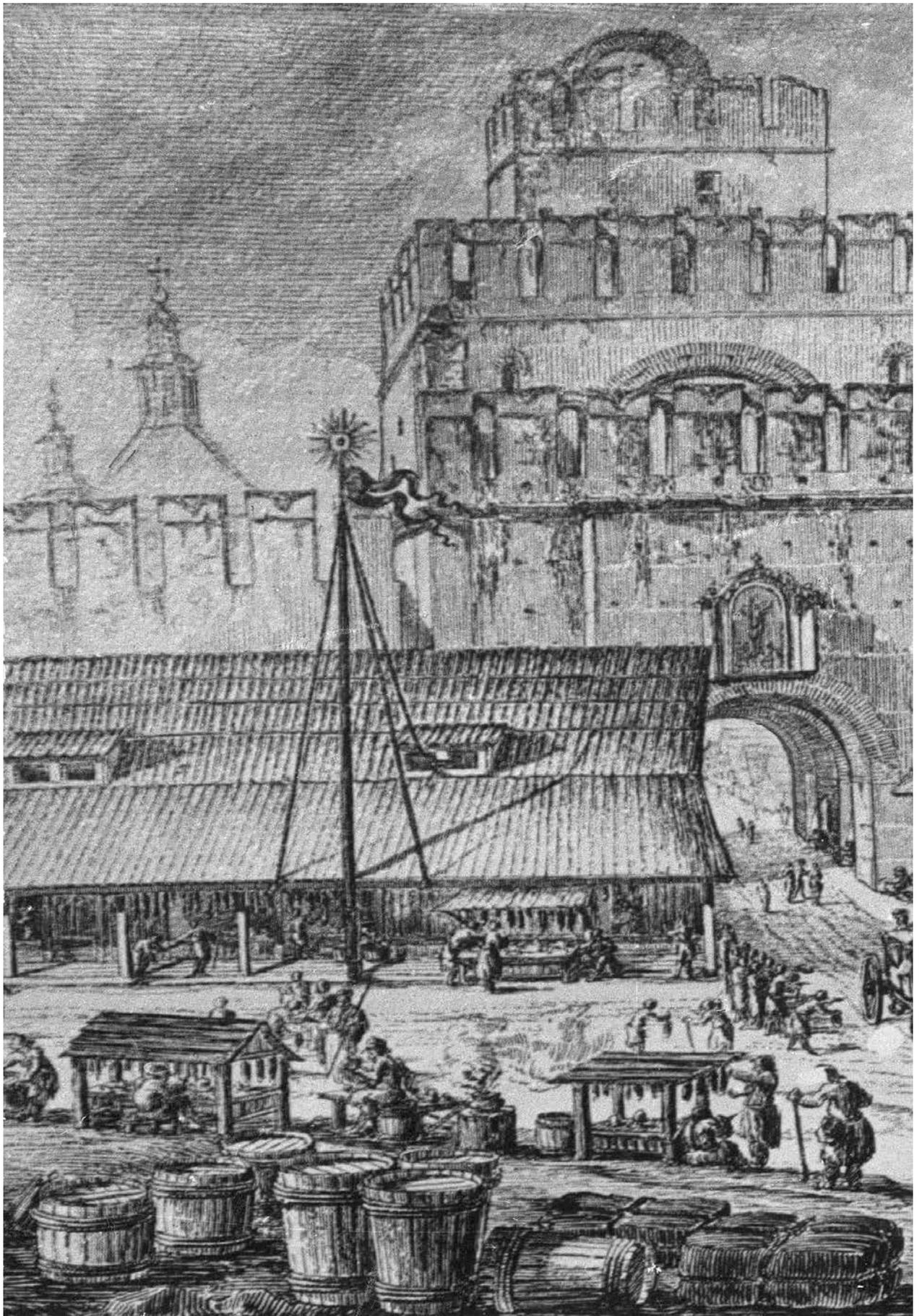
Вот что в 1654 году пишет о встрече антиохийского посольства отец Павел Алеппский:

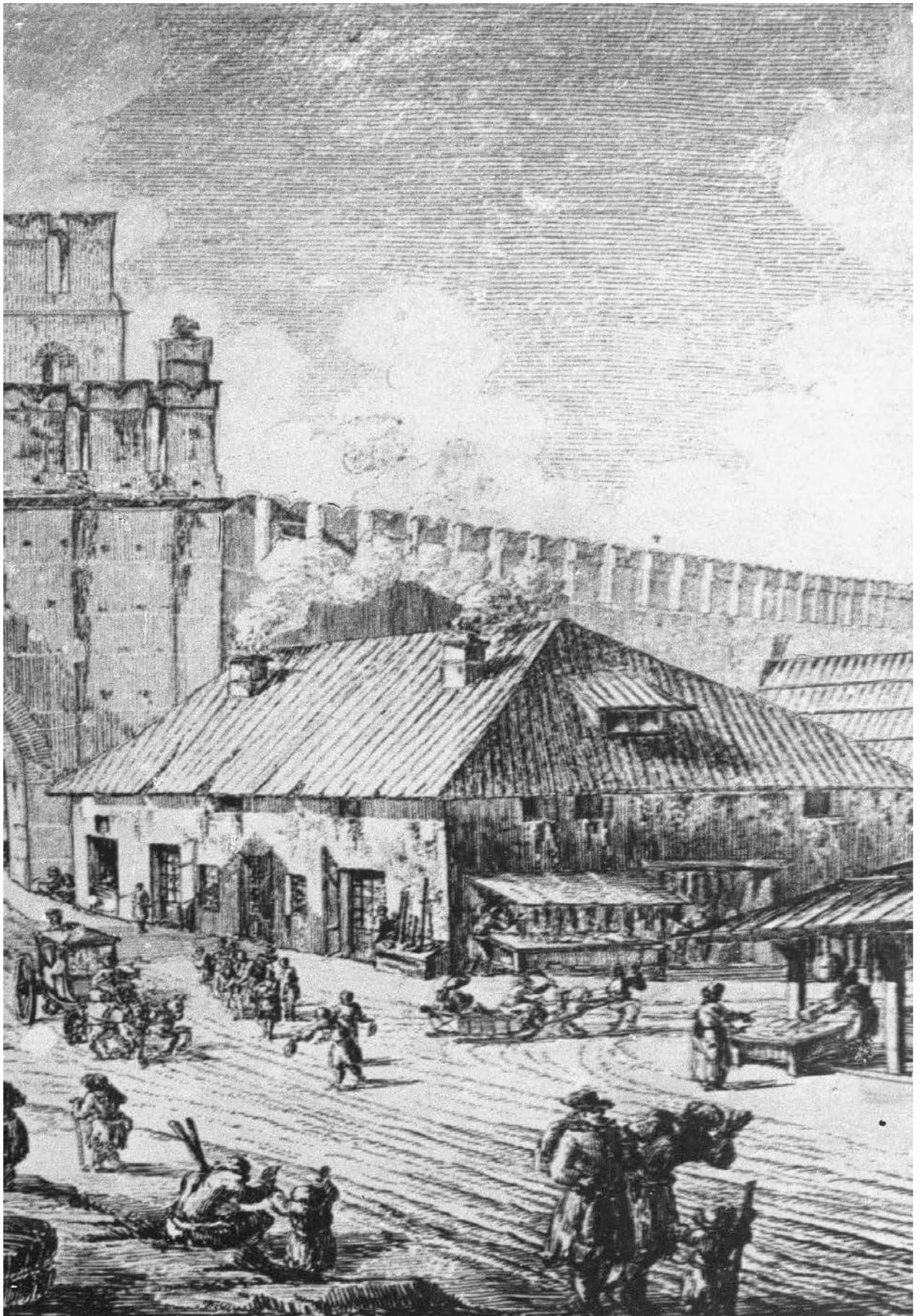
«В четверг, 17 августа, вставши рано поутру, мы прибыли на судне в знаменитую крепость Коломну. Воевода нас опередил и вышел нам навстречу с почётными горожанами, священниками и всем народом. Нас ввели в каменную крепость, которая издали бросалась в глаза высотой своих стен. Мы помолились перед иконами, помещёнными над её воротами снаружи и снутри».

Тем не менее Коломенский кремль, который превратился в крепость глубокого тыла, ветшал с каждым десятилетием. Описание 1669 года показывает довольно безрадостное состояние главных ворот:

«И с той башни из ворот два выхода на город, а лестницы каменные осыпались и затворов у дверей нет. С той же башни в ворота сделаны два спуска решёточные для приходу воинских людей; а решёток железных и деревянных нет... В той же башне у земли в воротах по обе стороны обвалилось на углах в вышину по сажени с поларшином поперёк по аршину и болши...»

Такое состояние цитадели вполне объяснимо. Кремль был царской постройкой, и чтобы поддерживать его в боеспособном виде, требовалась постоянная забота государства — уездному городу это было не по силам.

Но после набега гетмана Сагайдачного в 1618 году «приход воинских людей» Коломне уже не угрожал. У правительства хватало забот о поддержании пограничных крепостей, а наш кремль был заброшен. Коломна всё больше погружается в провинциальный быт бойкого торгового города. И отныне его жителям остаются только легенды и воспоминания о славном прошлом, о военных походах и сборах.

Новое время

В XVIII столетии наступает печальный период в истории Коломенского кремля. Государство перестаёт заботиться о поддержании крепостных стен в достойном виде. А у небольшого уездного города не было средств на такую грандиозную постройку. Хотя в середине века древние оборонительные сооружения производили мощное впечатление, как это можно видеть по рисункам архитектора Матвея Казакова, сделанным в 1778 году.

Но всё же с каждым десятилетием стены всё больше осыпаются, а крепостные башни рушатся одна за другой. К примеру, Ивановские ворота были закрыты из-за аварийного состояния, а рядом с ними появился «пролаз». В 1820-е годы ворота вообще продали на слом, и в 1830 году они исчезли. «В организованном порядке» сломали и Свиблову башню. Стены рушили и стихийно; существовал промысел ломки камня из кремлёвской стены.

В городе образовались две партии: консерваторов, которые стояли за сохранение старины, и разрушителей, готовых уничтожить последние остатки кремля, прикрываясь заботой о жизни горожан, которой угрожали руины.

Пятницкие ворота, однако же, устояли. Даже у ревнителей разрушения не поднялась рука на проездную башню, с которой так много связано в коломенской истории.

В середине XVIII века произошло любопытное событие, связанное, в том числе, и с Пятницкими воротами. Именитый коломенский гражданин купец Мещанинов отлил к своей приходской церкви Никиты Мученика огромный 800-пудовый колокол. Но владыка Феодосий Коломенский не благословил этого. Неправильно, что у посадского храма колокол будет больше, чем в Соборе. Он уговорил Мещанинова пожертвовать кампан к Соборной звоннице, а для Никиты отлить другой, поменьше.

Меж тем колокол уже привезли речным путём к Бобрёвскому мосту. Бронзовый гигант сгрузили на берег и на брёвнах покатали в город. Однако в Пятницких воротах колокол «встал намертво». Народ понимающе перешёптывался: «Не хочет идти: де не туда везут!»

Пришлось сажать на колокол мастера-литейщика, который сопровождал своё детище до места водружения. Хлестнёт мастер колокол плетью, навалится народ на верёвки — великан чуть подвинется. Потом ещё раз и ещё. Так, с трудом сдвинули колокол с места и покатали дальше, к Успению.

Глядя на рисунок Казакова, мы можем мысленно представить себе эту сцену.

Характерно, что народное предание запомнило давнее событие. Проездная башня по-прежнему воспринималась как некая священная граница, главный въезд в кремль.

И всё же этот величественный памятник находился не в лучшем состоянии. О том свидетельствует характерный факт. В 1790 году епископ Коломенский Афанасий (Иванов) повелел снять Донскую икону с внутренней стороны Пятницких врат и поместить образ в соседнюю, Крестовоздвиженскую церковь.

Формально владыка был совершенно прав. К его времени икона уже более двух веков возвышалась над вратами, подвергаясь губительному воздействию стихий, да и сама башня находилась не в лучшем состоянии. К тому же образ символически не покидал своего места. Он оставался у главного входа в кремль, только теперь его надёжно защищали стены Воздвиженского храма.

Но коломенцам было трудно привыкнуть к тому, что священная реликвия «спрятана» от глаз. Они ходатайствовали перед владыкой, но просьбы их остались втуне. В 1799 году Коломенская епархия была упразднена, и коломенцы принялись просить Московскую консисторию, впрочем, также безуспешно.

Лишь когда на Московскую кафедру в 1821 году взошёл святитель Филарет (Дроздов), к прошениям прислушались. Владыка сам был коломенцем и понимал духовную необходимость нахождения иконы на её прежнем месте. В 1825 году Донской образ возвращается в пятницкий киот. Но теперь городское общество обязано было поддерживать башню в благолепном состоянии.

Таким образом, памятник приобретает новые черты, всё больше становясь похожим не столько на оборонительное, сколько на сакральное сооружение.

С наружной стороны, справа от входа, к башне пристраивается небольшая, но монументальная часовня. Её фасадная стена сделана из кирпича, но белокаменное убранство создавало впечатление, что постройка высечена из целого куска мрамора. Две колонны с характерными для Коломны упрощёнными ионическими капителями (такими же, как в соседнем Воздвижении) поддерживают белокаменную арку, а выше водружён приземистый барабан, также сделанный из «коломенского мрамора». Выше располагался синий купол, усыпанный золотыми звёздами.

Часовня эта была приписана к Бобреневу монастырю, и средства, тут собираемые, шли на поддержание обители. На кованых дверях имелась металлическая копилка для пожертвований, куда каждый желающий мог положить монетку в любое время.

В краеведческой литературе часовню называют Пятницкой. Хотя документальными подтверждениями этого посвящения мы не располагаем, всё же оно представляется логичным. Если ворота — Пятницкие, то и святыня рядом с ними вроде бы должна носить такое же имя. Впрочем, известно, что к этой часовне ходили молиться об исцелении от зубной боли, и здесь находилась икона святого Антипия, покровителя страждущих этим недугом.

В конце 1830-х годов ворота начали «расписывать по-живописному» — у Спасской иконы справа и слева появились изображения ангелов. Каж-

дое десятилетие добавляло новые детали. Так, над входами стали формироваться целые иконостасы. Менялся и вид самой башни. Проездные арки изнутри укрепили контрфорсами, отчего они приобрели живописную «подковообразность». С внешней стороны к башне примыкали здания магазинов, которые составили своеобразное «предкремлие», как бы втягивающее внимание зрителя в глубину ворот.

Внутренность сооружения тоже поддерживалась по мере сил. Сохранилась забавная легенда, что один из градоначальников распорядился установить на верхней площадке металлические перила, поднимался туда, ему приносили самовар, и он «кушал чай», овеваемый ветрами истории.

На рубеже 1830–1840-х годов яркое описание города создал замечательный исторический беллетрист, археограф и коллекционер Н.Д. Иванчин-Писарев. В книге «Прогулка по древнему Коломенскому уезду» (1843) он уделил серьёзное внимание и Пятницким воротам, в частности, зафиксировав несколько старинных преданий, связанных с этим памятником, которые мы уже цитировали.

Но настоящим центром общественного внимания, не только здешних горожан, а, пожалуй, и всей России Пятницкие ворота стали в 1880 году. Тогда торжественно праздновалось 500-летие Куликовской битвы. Страна вспомнила о Коломне и, конечно же, о главном въезде в крепость. В августе 1880 года, на праздник Успения, врата были роскошно украшены цветами, гирляндами и транспарантами. Они стали одним из ключевых центров юбилейных торжеств. Множество народа собралось тут, чтобы почтить память великого похода, вспомнить русских князей и воинов, чьими жертвами закладывалось могущество государства Российского. Вечером ворота были ярко «иллюминированы». Так, спустя полтысячелетия главный въезд в город ещё раз стал местом всенародного собрания.

Эти события всколыхнули жизнь города, подняли самосознание коломенцев, изменили внешний вид всего кремля. Поновились церковные памятники, а Московское археологическое общество развернуло в Коломне обширную реставрационную программу. Под наблюдением архитектора Павлинова были восстановлены уцелевшие башни, и прежде всего Пятницкие ворота.

Реставрация не была идеальной. В частности, вызывает сомнения то, что зубцы соединялись перемычками — вместо обычных проёмов получилось что-то вроде бойниц. Но в целом работы были проведены на высоком уровне. Благодаря тому, что внешний кирпичный панцирь был обновлён, сооружение дошло до наших времён в относительно неплохом состоянии.

К тому же следует помнить, что Павлинов работал на действующем церковном памятнике и должен был с уважением относиться к тому убранству, которое здесь уже существовало.

Итак, к концу XIX века ворота приобрели свой окончательный вид. Над арками появились иконостасы, прикрытые большими фигурными козырьками. С внутренней стороны башня была расписана почти до самого основания. Слева и справа от входа располагались живописные композиции, изображающие вход Димитрия Донского в Коломенский

кремль, причём вместо деревянной башни изображалась нынешняя, каменная. Перед киотами горели большие лампы в фонарях лилового стекла. А под Спасской иконой помещалась надпись: «Спаси, Господи, град сей и люди Твоя и благослови вход во врата сии».

Но недолго оставалось входящим в крепость читать эту молитву...

Угасшая лампада

Падение царской династии и Октябрьский переворот не пошли на пользу коломенской старине. Доска с молитвой, что прежде располагалась под Спасской иконой на внешней стороне врат, исчезла. Пильняк в «Голом годе» говорит о ней: «...теперь уничтожено». Некому стало оберегать памятники древности, ибо основа нашей благотворительности — промышленность и торговля — прекратили существование.

Но крушение не было одномоментным. По рассказам старожилов, даже после революции Пятницкая часовня действовала. С тыльной стороны при ней находилась келья, в которой обитал бобрёвский монах. Он охранял святыню и зажигал надвратную лампаду.

А в конце 20-х, с началом второй волны гонений, молитвенная жизнь у главного входа в кремль прекратилась...

В те дни со звонниц сбрасывали колокола, закрывали и разоряли храмы, арестовывали и ссылали священников. Естественно, что образа над арками главных кремлёвских ворот не могли сохраниться. Известна судьба и главной святыни — Донской иконы Богородицы. Образ XVI столетия — исторический памятник. Но для тогдашних специалистов всё, что моложе XV века, «не представляло ценности». В центральные музеи икона не попала, а в городе своего музея тогда не было. Очутился ли образ в одном из государственных хранилищ или, что более вероятно, сгорел в костре, устроенном безбожниками? Трудно сказать...

Часовня закрылась. Монах исчез — то ли арестовали его, то ли он вернулся в Бобрёв. Угасли большие лиловые лампы на Пятницких воротах. Но власти не забыли о необходимости освещения: в часовне устроили... керосинную лампу.

Поэзия руин

И всё же, несмотря на поругание, на утрату украшений и святынь, какая-то непостижимая красота продолжала сохраняться в облике древней башни. Таинственное величие древних руин заставляло волноваться чуткое сердце.

И когда в июле 1936 года Анна Ахматова вместе с друзьями посетила Коломенский кремль, то она пожелала сфотографироваться именно здесь — рядом с Пятницкими воротами. Сохранилось два снимка, сделанных в тот жаркий день Львом Горнунгом в этом историческом месте. На первом поэты Ахматова и Шервинский запечатлены на фоне Пятницких ворот — фигуры получились мелкими, потому что башня

вошла в кадр целиком. Зато другой снимок — на фоне соседнего Дома Луковникова — создаёт классический ахматовский образ... При взгляде на эти старинные фото невольно возникают в памяти строки поэта, хотя написаны они были не в Коломне, а в соседнем Черкизове:

По той дороге, где Донской
Вёл рать великую когда-то...

Тени прошлого — то жутковатые, то романтические — оведают башню, отзываются в стихах. Позднее, уже в 50-х, Николай Заболоцкий напишет:

А мне-то, Господи помилуй,
Всё кажется, что вдалеке
Трубит коломенец служилый
С пищалью дедовской в руке...

В начале 60-х годов в Коломенском кремле проводятся серьёзные реставрационные работы. Коснулись они и Пятницких ворот. Вычинили стены, сделали ход на башню, устроили кровлю древнего образца, во многом восстановив облик памятника как раз на XVI век.

Но, в сущности, даже после реставрации ворота оставались всё той же руиной. Не было здесь жизни и не могло быть. Если не восстановлены образа, если не горят лампы, если сооружение воспринимается не как духовный образ, а как некий абстрактный «памятник, охраняемый государством», — о какой жизни можно вести речь? Получится лишь груда кирпича — бездушная и, в сущности, никому не нужная.

398

Возрождение начинается

Положение изменилось к лучшему лишь с крахом советской власти. В 2000-е годы кремль благоустраивается, пусть и не без некоторых промахов. Было сделано главное — красивый путь от «Блюдечка» к Пятницким воротам. И на кремлёвской стороне врат восстановили иконостас, а в главном киоте вновь воздвиглась Донская икона — точная копия с подлинной, древней, что ныне хранится в Третьяковке.

Но это лишь начало. Ведь, по странному парадоксу, именно внешняя, парадная сторона ворот до сих пор остаётся неухоженной. В киоте, где должен быть образ благословляющего Спасителя, находится богородичная икона. Надпись под киотом неточна, да и сама табличка обветшала и давно нуждается в замене.

Совсем недавно в киоте Спасской башни Московского кремля была обнаружена под слоем штукатурки икона Христа, которой во всём был подобен и наш, коломенский образ. Неужели так сложно найти фотографию обрётённой святыни и сделать с неё повтор для Коломны?

Тайна часовни

И наконец, одно из важнейших условий возрождения наших главных ворот — это восстановление Пятницкой часовни. Сегодня попечение о ней имеет община храма Николы Гостиного. Объём работы здесь чрезвычайно велик. Ведь собственно часовни нет — от неё осталась только фасадная стена.

После того как керосинная лавка закрылась, памятник оказался брошенным на произвол судьбы. Кровля разрушилась, вода проникла в своды, и они провалились. Чтобы начать строительство, теперь нужно укреплять фундамент. А между тем основание часовни оказалось погребено под слоями земли выше человеческого роста. Но когда постройку стали откапывать, то сразу же столкнулись с загадочными, а подчас и жутковатыми находками.

В земле обнаружили три человеческих скелета. Кому принадлежали эти останки? Ходили рассказы о том, что в 30-е годы около Пятницких ворот тайно захоронили нескольких человек, убитых «чекистами». Может быть это — следы тех незаконных казней? Потом обнаружили какие-то проёмы... Стали копать дальше — оказалось, что это двери. Расчистили целую комнату. И в конце её, под слоем песка, обнаружили аккуратно уложенные двадцать человеческих черепов и рядом — крупные кости. Похоже, что в старину прежние строители нашли древнюю братскую могилу и перезахоронили останки по старинной монашеской традиции, устроив под часовней костницу. Кто были эти погребённые? Может быть, защитники Коломны, павшие при осаде кремля во время Смуты?

Затем, ближе к башне, откопали ещё одну сводчатую галерею, а из неё — ещё один ход в совсем небольшую камеру, примыкающую к основанию собственно Пятницких ворот... Что перед нами? Кладка старинная, XVI–XVIII веков, причём в дальних концах камер за стенами простукивается пустота — там идут заложенные переходы. Остаётся лишь гадать, что это — остатки древних «слухов», галерей, в которых во время

399

ПЯТНИЦКИЕ ВОРОТА

осады слушали: не идёт ли под стены вражеский подкоп? Или это ещё какие-то помещения, непонятным образом связанные с воротами?..

Найденные объёмы укрепили, останки перезахоронили на участке храма Святителя Николая. Сейчас наступает пора восстановления самой часовни. Но уже очевидно — перед нами уникальный объект, святыня, заслуживающая пристального внимания и архитекторов, и паломников, и туристов.

Каков же итог?

Ясно, что с заброшенностью Пятницких ворот пора кончать. Неприглядное состояние фасада, недоступность памятника для цивилизованного осмотра не красят коломенцев в глазах гостей. Эту проблему надо решать — сама жизнь тому свидетельство. Совсем недавно именно в Пятницких воротах мы встречали икону «Неупиваемая Чаша». И было немного неудобно перед приезжими за неказистый внешний вид старинной «отводной стрельницы».

Хотелось бы, чтобы городские власти решали эту проблему совместно с Церковью, чтобы Церковь в той или иной мере имела попечение о нашем «царском въезде».

Пусть возгорится лилово-пурпурная лампада старых врат! Пусть восстановится ещё одна нить, связующая нас, ныне живущих, с великой и славной Историей!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

МНОГАЯ ЛЕТА!

В этом году, когда мы отмечаем 55-летие **Романа Славацкого**, как не сказать доброе слово в его адрес! «Коломенскому альманаху» он особенно дорог. И не только в качестве автора. Это уж само собой! Его стихи, художественная проза, исторические исследования уже вошли в золотой фонд коломенской литературы.

Но мало кто знает, сколько трудов положил он ради альманаха... Эта черновая, невидимая миру работа отнимает много времени. Редактура, правка, техническая подготовка публикаций... Ради этого приходится жертвовать многим, в том числе — и собственными произведениями. Поэтому наша особая благодарность ему — за этот бескорыстный труд.

Роман Вадимович! Пусть этот год станет для тебя особенным, пусть появятся на свет новые твои книги, а благой ангел Коломны сохранит тебя в здравии душевном и телесном на многая и благая лета!

Коллектив редакции

Валерий Ярхо

Валерий Альбертович Ярхо родился в Коломне в 1964 году. Окончил среднюю школу № 4. Его юмористические и детективные рассказы печатались в газетах «Российские вести», «Московский комсомолец», «Коломенская правда». В творчестве Ярхо удачно сочетаются художественная проза, научный поиск, «архивный детектив». Широко известен блестящими историко-краеведческими очерками.

В 2008 году опубликована его монография «Три времени Шурова».

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

Исторический очерк

ОТ РАЗБОЙНОГО ПРИКАЗА — К ПОЛИЦИИ

Что было до полиции?

В Московском царстве поддержание внутреннего порядка в государстве возлагалось на наместников князя и княжеских воевод. Борьба с «лихими людьми» возлагалась на городские и крестьянские общины. Они выбирали из своей среды достойных людей — **губных старост** и **целовальников**. Похожая система выборных органов охраны общественного порядка по сию пору сохранена в США, где продолжают избирать «шерифов» и их помощников. Эта отдельная служба вполне удачно сосуществует с полицией штатов и федеральными агентствами, дополняя их на местах.

Названия выборных охранителей порядка на Руси происходили от обычая давать клятву верной службы, закрепляемой целованием креста, — отсюда и звание **целовальники**. А их начальники — **губные старосты** именовались так согласно старинной системе административного деления территорий. **Губой** именовали часть земель, которые позже стали называть волостями, а теперь — **территориальными образованиями**. Центром административного управления на этих участках являлся **губной двор** или **губная изба**.

В губные старосты выбирали «прямых душой и животом порядочных», то есть честных и достаточно зажиточных людей. Ещё одно неременное условие — староста должен был быть грамотен, чтобы мог вести письмен-

ные дела. Выбранный в **губные старосты** являлся с соответствующей грамотой в московский **Разбойный приказ** — учреждение, ведавшее борьбой с преступностью. Там он приводился к присяге через принесение клятвы и крестоцелование. После этого староста получал **губной наказ** — документ, подтверждающий его полномочия.

В городах за порядком досматривали **городничие**. Им подчинялись **объезжие головы** — командиры подразделений, непосредственно осуществлявших надзор за порядком. А этот персонал разделялся на сыщиков — **земских ярыжек**, патрульных — **городовых стрельцов**, а **решёточные** и **очные сторожа** выполняли чисто охранно-караульные функции. В городах штаб-квартирами этих сил были **Земские** или **Казённые избы**.

При Петре Великом была учреждена полиция, организованная на европейский манер. В 1718 году в новой столице Петербурге был учреждён пост генерал-полицмейстера. Спустя три года аналогичная должность была учреждена в Москве. Там устроили особую канцелярию полицмейстера, которому подчинялись выборные старосты, десятские и караульные. Для проведения облав и других операций по требованию полицмейстерской канцелярии привлекались воинские команды — главным образом, отряды конных драгун, поскольку личный состав собственно полицейских сил был очень невелик.

Полицейская канцелярия была не единственным органом, боровшимся с преступностью и надзиравшим за порядком. При земских **комиссариатах**, учреждениях, занимавшихся финансовыми вопросами, находились по три служителя, которым поручались розыск и поимка тех, кто занимался финансовыми афёрами и мошенничествами. Эти «тройки» были чем-то вроде отделов борьбы с экономическими преступлениями.

Кроме того, при канцеляриях губернаторов приказано было содержать **тайных подсыльщиков**, коих надлежало употреблять для секретного наблюдения за людьми, чтобы *«меж ними не заводилось какой-либо шаталости»*. Руководили этой агентурой специальные чиновники губернской канцелярии.

Своими органами сыска, дознания и суда располагал и Святейший синод, ведению которого подлежал разбор дел и преступлений, связанных со специфическим религиозным аспектом.

Война двух знаменитых кланов

В Коломне должность полицмейстера и первая полицейская канцелярия появились в 1732 году. О тех давних временах осталось не так уж много верных сведений, но, по счастью, кое-что о коломенской полиции XVIII столетия всё же известно. Ведь в нашем городе долгое время полицмейстерскую должность отправлял Иван Емельянович Шешковский, сын которого, Степан Иванович, достиг в полицейской службе совершенно заоблачных высот.

В самом расцвете царствования Екатерины Великой почтеннейший Степан Иванович Шешковский возглавлял Тайную экспедицию пра-

вительствующего Сената. Так деликатно стали называть прежнюю Тайную канцелярию, ведавшую политическим сыском, в которой господин Шешковский делал первые шаги своей незаурядной карьеры.

Трудно было найти при дворе императрицы фигуру более влиятельную. Даже самые любимые фавориты Екатерины Алексеевны, государственные мужи вроде Потёмкина, держали себя с Шешковским почтительно. Знали: фортуна склонна к коварным переменам, а кнуты, калёные щипцы и дыбу у Степана Ивановича в застенке для всякого держали наготове в любой час.

В Коломну семейство Шешковских попало в 1752 году. До этого папаша Стёпки, Иван Емельянович, изрядно послужил в разных местах, начав карьеру канцелярским копиистом и закончив подьячим московской таможни. В 1751 году, после сорока лет беспорочной службы, будучи уже на седьмом десятке лет, Иван Емельянович подал прошение об отставке.

Прощение было удовлетворено «с награждением чином коллежского регистратора». Ранг этот был невелик: 14-й класс, низшая ступень в чиновничьей иерархии. Однако, по законам империи, получивший чин любого класса автоматически причислялся к потомственному дворянству, что означало пропуск в привилегированное сословие.

Записавшись в дворяне, Иван Емельянович пожил в отставке около года, да стал снова проситься на службу, нацелившись на место бухгалтера при таможне. Однако вожделённой должности при деньгах по стечению разных обстоятельств Ивану Шешковскому получить было не суждено. Вместо того совсем неожиданно послали его в Коломну на должность полицмейстера. Произошло это главным образом потому, что срочно понадобился надёжный и опытный человек, который заменил бы прежнего главу коломенской полицейской конторы Зверькова, отданного под суд за «предрезостные и непорядочные поступки».

Вместе с отцом в Коломне служил старший из трёх сыновей Шешковского, Тимофей Иванович, который стал комиссаром воеводской канцелярии. На этой должности он уже в 1755 году сравнялся с отцом чинами, став коллежским регистратором, и, учитывая специфику организации полицейской службы той поры, отец с сыном на пару осуществляли практически всю полицейскую власть в Коломенском уезде.

В их обязанности входили: «сыск и искоренение» в уезде воров и разбойников, незаконного винокурения и тайного корчемства. Также полицейские силы осуществляли надзор за состоянием и ремонтом дорог, мостов, верстовых столбов и гатей, обеспечивая проход по дорогам уезда разных воинских команд. Те же должностные лица надзирали за принадлежавшими казне вотчинами и сбором с них казённых доходов.

Служба их и без того была куда как непроста, да вдобавок осложняли её скверные отношения с местным воеводой Орловым, что было довольно обычным делом для той поры. Взаимное недоброжелательство порождали многочисленные пересечения компетенций разных властей — полицейские чины считались агентами центральной власти, а воевода был хозяином в уезде, считая его своей собственностью, данной ему «для управления и кормления». Характерный пример противостояния воеводы Ивана Орлова и полицмейстера Шешковского относится

к 1769 году. Разобидясь на что-то, Орлов пошёл на местную полицию настоящей войной. Явившись с вооружёнными всадниками к полицейской канцелярии, воевода приказал взять её в кольцо. Сам же, обвешанный несколькими пистолетами на перевязи и с двумя готовыми к стрельбе в руках, прошёл в канцелярский дом. Он согнал выстрелами перепуганных чиновников в кучу, грозил им всякими карами, а потом ещё несколько раз выстрелил, лишь по счастью никого не убив. По свидетельству многих коломенцев, в тот день воевода по своему обыкновению был сильно пьян. После удачного рейда на полицейскую контору Орлов в компании со своим задушевым приятелем, богатым помещиком Коломенского уезда отставным капитаном Василием Дмитриевичем Крюковым предался новому развлечению. Они гоняли по коломенским улицам свору охотничьих собак Крюкова, с которой тот явился из имения в город. Чтобы было веселей, скача за собаками по тесным городским улицам в сопровождении челяди, удалой воевода и его дружок капитан палили из пистолетов и ружей, пугая горожан.

Столь дерзкое поведение Орлова тем более странно, что дело происходило ещё до восшествия на престол императрицы Екатерины, когда клан Орловых возвысился. В начале 60-х годов XVIII века даже «те самые братья Орловы» были ещё обыкновенными офицерами гвардии, и на их заступничество рассчитывать не приходилось.

В то же время сын полицмейстера Шешковского, уже поминавшийся выше Степан Петрович, вполне мог бы составить внушительную протекцию своему папаше и братцу. Он уже тогда служил в Тайной канцелярии. А её возглавлял фаворит «дщери Петровой», императрицы Елизаветы Петровны, граф Шувалов и занимал в этом учреждении с устрашающей репутацией немалые должности.

Тем не менее воевода Орлов жил привольно, творя всякое-разное, и среди прочего умудрился запутать учёных академиков, пытавшихся составить российскую историю. На запрос в воеводскую канцелярию о времени построения города Коломны, поступивший из российской Академии наук от господина Л.И. Бакмайстера, воевода Иван Орлов отвечал: *«Оный город построен в 1525-м году, при жизни князя Василия Ивановича»*. Немецкий историк так и записал, и только позже академик Миллер, которому была представлена его работа, счёл, что с Бакмайстером случилось известное недоразумение, связанное с плохим знанием нюансов русского языка, — ведь слово «город» в том числе означало и кремлёвские стены.

Сильнейший удар по карьере супротивника коломенской полиции был нанесён в 1763 году. Сенаторы Яков Шаховский, занимавшийся полицейскими делами, и граф Мартын Карлович Скавронский (родственник царицы Екатерины Первой), обер-гофмейстер, сенатор и дворянин Коломенского уезда, объявили в Сенате письмо, полученное от коломенского епископа Порфирия. Тот жаловался на коломенского воеводу Ивана Орлова:

«Оный Орлов день и ночь пьянствует, в канцелярию является редко, а если приходит, то непременно будучи пьян. Дела из-за застоя в делах не разбираются, и от того застоя в делах колодников в коломенской тюрьме собралось больше ста человек, а решений по их делам никаких не бывает.»

Воевода же Орлов, тем временем, вовсе оставив канцелярию и город, ничего никому не приказав, уехал в Москву на маскарад».

Чем это дело кончилось, история умалчивает, но, судя по всему, верх взяли Шешковские. За многие хлопоты в 1760 году Тимофей Шешковский получил чин подпоручика, а ещё семь лет спустя умер его батюшка, Степан Емельянович, и ему отошло наследство. Стало быть, к тому времени они оставались при своих должностях.

Полиция военной поры

Когда в 1775 году в Российской империи ввели административное разделение на губернии, руководство полицейской деятельностью передали гражданским губернаторам. В уезде полицией командовал Земский суд, состоявший из исправника и трёх заседателей, которым подчинялись чины уездной полиции. В городах полицейскую службу возглавили городничие.

Эта система оставалась неизменной не менее полувека, и в военный 1812 год ей пришлось противостоять «вызову опасного времени». У войны с Наполеоном имеется ещё одна сторона, про которую говорить не принято. Во время военной неразберихи возросло число преступлений, главным образом за счёт разбоев и мародёрства дезертиров из обеих армий. Отставшие от своих частей легко раненные и просто дезертиры стали сливаться в сбродные отряды.

Войдя в какой-нибудь городок или селение, они объявляли его жителям, что на них налагается «контрибуция», которую взимали продовольствием, не упуская случая пошарить в сундуках и обобрать обывателей, часто срывая серёжки и кольца с женщин, а коли те не снимались, так отрезая пальцы и уши вместе с драгоценностями.

В это время Коломна была покинута всеми, кто смог уехать, но совсем без власти город не остался. На своём посту пребывал Артемий Тимофеевич Кашаев. Начинал он как заседатель Земского суда, а в военную пору отправлявшего должность коломенского земского исправника — то есть возглавлял уездную полицию. В сентябре 1812 года Кашаев доносил, что в Коломенском уезде были арестованы шестеро солдат неприятельской армии: Винцент Ибровинский, Вернер, Троунзер, Труйск, Данье и Дормаль. Судя по именам — польским, немецким и французским, — это была одна из тех самых «сбродных шаек», о которых говорилось выше. При рапорте было прошение о присылке инструкций о том, как надлежит поступать с подобного рода арестованными, а также денег на их содержание и людей для конвоирования и охраны.

Последнее было совсем нелишнее — пленные, попавшие в руки простолюдинов, как правило, гибли «нехорошей смертью». Известен случай, когда в одной из деревень Зарайского уезда нескольких французов закопали живём. В самой Коломне в начале сентября 1812 года едва избежали расправы 40 иностранцев, высланных московским главнокомандующим Ростопчиным из Москвы.

Ознакомившись с бумагой Кашаева, рязанский губернатор Бухарин распорядился выслать ему 200 рублей для содержания пленных и от-

правил предписание коломенскому городничему (начальнику городской полиции) о выделении людей для охраны и конвоирования.

Не меньшие беды приносили и русские дезертиры. После Бородинского сражения и при отступлении через Москву множество солдат в неразберихе сбежали и продолжали бежать из своих частей при переходе на Калужскую дорогу. Беглецы скитались по лесам и деревням, тысячами шли вдоль Владимирской, Тульской, Рязанской и Калужской дорог, производя бесчинства и грабежи в сёлах и барских усадьбах, оставленных владельцами.

В бумагах главной квартиры армии сохранились свидетельства о том, что одна из таких шаек, «отступая» на Рязань, прошла нашими местами, грабя крестьян и обывателей. Эту компанию отыскивали только за городом Касимовом, и, так как дезертиры пытались отбиваться, им дали целый бой, истребив почти всех, а захваченных живыми повесили по приговору военного суда.

Кутузов разослал всем губернаторам строжайшие приказы о захвате дезертиров с использованием местных воинских команд. Оказывающих хоть малейшее сопротивление надлежало убивать на месте. Однако исполнить эти приказы было не так-то просто: у мародёров было оружие. Командованию пришлось отрядить для борьбы с дезертирскими шайками регулярные части. Во время большой облавы за один только день арестовали более четырёх тысяч дезертиров.

Господа полицейстеры

В 1813 году в Коломну к месту службы прибыл новый полицейстер — Василий Яковлевич Губерти, которого отчислили из армии после тяжёлого ранения, полученного при Бородине, когда майор Губерти командовал батальоном Виленского полка. На поле боя его нашли среди множества тел на месте рукопашной схватки. У батальонного командира ружейная пуля, выпущенная практически в упор, насквозь пробила грудь.

В семействе Губерти многие годы как священную реликвию хранили атласный жилет с двумя следами от той роковой пули. Раненый был так плох, что его поначалу сочли мёртвым и лишь потом нащупали слабенький пульс. К удивлению всех Василий Яковлевич выздоровел, но в строй его не вернули. За боевые заслуги и в уважение тяжкой раны Василия Яковлевича наградили орденом Св. Владимира 4-й степени и произвели в подполковники, определив на службу в полицию.

Год спустя Василий Яковлевич просил руки дочери щуровского помещика Адриана Моисеевича Грибовского, Наталии Адриановны, и стал уж совсем своим для коломенских жителей. На восьмом году служения в полиции Василий Яковлевич получил повышение, став коломенским городничим, и на этом посту прослужил 22 года. 15 июня 1843 года старая рана, полученная им в давней битве, неожиданно дала знать о себе, и Василий Яковлевич скоростижно скончался.

На должность городничего вместо умершего Губерти из Богородска перевели Семёна Васильевича Гололобова, который так же, как и преж-

ний коломенский городничий, стал полицейским офицером после тяжёлого ранения на войне.

Свою службу Семён Васильевич начал в Дворянском полку — так называлось военно-учебное заведение, созданное в 1804 году при Втором кадетском корпусе для ускоренной подготовки офицеров из семей малоимущих дворян старше 16 лет. Размещался Дворянский полк в казармах Второго кадетского корпуса и подчинялся его директору. Обучение в полку занимало два года, выпуск производился дважды в год, по пятьсот человек, получавших чины армейских субалтернов, младшего офицерского состава — прапорщиков и подпоручиков.

По выпуску из Дворянского полка прапорщик Гололобов получил назначение в один из армейских пехотных полков и честно тянул лямку офицерской службы в захолустном приграничье целых пятнадцать лет. За это время он принял участие в двух военных кампаниях — сражался с турками и воевал в Польше, когда там восстали части армии, укомплектованные поляками.

За смелость и умение распорядиться на поле боя был награждён боевыми орденами, и вышел ему чин капитана. Особенно капитан Гололобов отличился при штурме Варшавы. Во время атаки сильно укреплённой 54-й батареей варшавской цитадели он получил сквозную рану в плечо. Ранение было не смертельным, но болезненным, и рука заживала плохо, а потом двигалась уже не так свободно, как прежде.

Медицинская комиссия признала капитана непригодным к строевой службе, и в 1832 году Гололобов оставил военную службу «по болезни из-за полученного ранения». Других средств к существованию, кроме офицерского жалованья, у Семёна Васильевича не было. А он был уже человеком семейным, имел на руках жену и детей, и потому стал искать новой службы, подав прошение в Комитет попечительства о раненых. Это был тот самый комитет, в который пытался обращаться гоголевский капитан Копейкин, но, в отличие от литературного персонажа, судьба Гололобова была удачнее. По ходатайству комитета попечительства в 1835 году капитан Гололобов был назначен городничим в Богородск (Ногинск), а через десять лет службы на этом месте его перевели в Коломну.

На новом месте городничий Гололобов зарекомендовал себя как требовательный начальник. Однако при этом он был человеком сердечным и внимательным к нуждам горожан. К нему приходили с разными делами, и всех он принимал, «во всякую нужду старался войти, чем заслужил всеобщую любовь». Не изменился капитан даже после того, как судьба нанесла ему жестокий удар. В 1851 году у Семёна Васильевича умерла жена, оставив ему двух малолетних детей, которых он стал воспитывать сам, не доверяя никому. И продолжал служить.

Несмотря на «большие возможности», которые перед ним открывала главная полицейская должность в городе, Семён Васильевич был редкостным бесребреником и взятки не принимал. Выяснилось это, когда он внезапно заболел и, промучившись всего несколько часов, умер. 9 января 1853 года в его доме, как ни искали, не нашли никаких денег, кроме одного серебряного рубля, обнаруженного в потёртом кошельке, вытащенном из кармана мундира городничего.

Пришлось горожанам открыть подписку, чтобы достойно похоронить своего полицейского начальника, ветерана двух военных кампаний и кавалера орденов.

В Коломне в ту пору квартировала сводная гвардейская и гренадерская артиллерийская бригада, офицеры которой во главе со своим командиром приняли посильное участие в погребении доблестного офицера. Рано утром 12 января 1853 года весь город собрался у дома городничего... На панихиде многие вполне искренне плакали, жалея не только умершего городничего, но и оставшихся круглыми сиротами его детей. Гроб с телом Гололобова по улицам Коломны несли на руках фейерверкеры гвардейской артиллерии, которые и опустили его в могилу на городском кладбище под звук ружейного салюта.

В наследство от тех времён нам осталось несколько удивительных документов, открывающих всю сложность полицейской службы в середине XIX века.

Заковыристые бумаги был мастер составлять господин Беляев, служивший полицейским приставом в уездном городе Коломне! Судьба сыграла злую шутку с этим человеком. По талантам господина полицмейстера ему бы стать общественным деятелем, борцом за гуманизм, а обстоятельства повернулись так, что пришлось пойти служить в полицию, да ещё и не на самые главные должности.

Но и на посту полицейского пристава гуманист Беляев сумел проявить себя, да так, что его имя попало в газеты, и мы вспоминаем о нём полтора столетия спустя. Цепь событий началась с ареста коломенской мещанки Марины Митрофановой, которую доблестный пристав заметил 30 июня 1867 года идущей по улице с двумя курицами в руках. Купленные на рынке птицы были связаны за ноги, а головы свешивались вниз. Беспомощный вид курочек произвёл в душе пристава Беляева какие-то неведомые движения, в результате которых офицер счёл необходимым вмешаться.

Остановив Митрофанову, господин пристав объявил ей, что, согласно циркуляру московского губернатора от 8 мая того же года за № 2198, он арестовывает её за жёсткое обращение с курами. Слова у решительного полицейского не расходились с делом. А потому немедленно после объявления претензии он отвёл мадам Митрофанову в камеру коломенского мирового судьи первого участка Рославлева «для поступления с нею по существующим законам».

Однако господин судья, рассмотрев обвинения, выдвинутые против арестованной, не нашёл в поступках Митрофановой никакого преступления, а потому распорядился немедленно отпустить подсудимую, о чём и уведомил пристава. Этим решением мировой судья усугубил душевную рану служилого человека! Не добившись успеха сразу, Беляев решил достичь желаемого, как говорится, не мытьём, так катаньем. Вооружившись пером, пристав накатал в двух экземплярах жалобу в Съезд мировых судей — высшую инстанцию для этого судебного института.

Своё сочинение Беляев назвал «кассационным прошением» и писал в нём... Нет, это пересказать нельзя, нужно только цитировать:

«Коломенская мещанка Марина Митрофанова, проходя по улице со своими живыми курами, обращалась с ними жестоко. Во имя науки, называемой политической экономией, во имя поддержания человеческих чувств в некоторых жителях города Коломны, а главным образом в видах неукоснительного исполнения приказа господина коломенского полицейского исправника и циркулярного предписания господина московского губернатора от 8 мая 1867 года за № 2198, я отправил мещанку Митрофанову к г-ну мировому судье Рославлеву, для поступления с нею по существующим законам.

Известно, что под непосредственным покровительством Его императорского высочества великого князя Николая Николаевича-старшего существует российское “Общество покровительства животным”. В уставе этого общества сказано, что с виновных в жестоком обращении с животными должно поступать по 311 статье Уложения о наказаниях. Несмотря на это, г-н мировой судья Рославлев на мое отношение о Митрофановой уведомил меня официально, что всякий может распоряжаться своею собственностью по своей воле и желанию. На этом основании он освободил Митрофанову от всякой ответственности, указав в своём отношении, что не считает преступным то обращение с курами, которое было допущено Митрофановой.

Такому понятию о распоряжении своею собственностью отчасти придерживались Монтескье и Беккарий, которые проповедовали, что всякое преступление ограничивается только правонарушением. По русскому же современному законодательству, построенному на уважаемых всем миром римских законах, такое понятие немислимо. По духу наших законов и по теориям юристов, пользующихся авторитетом, воля и желания индивидуума тогда только законны, когда воля и желание законны. Коль скоро воля преступает за черту закона, то она уже становится не свободной, и коль скоро желание выходит за границы умеренности, сдержанности, тактичности и кротости, предписанных верховной законодательной властью, то желание становится уже незаконным. Далее я обращаю внимание на слова г-на Рославлева: “Жестокое обращение со своими живыми курами не составляет ни преступления, ни проступка”. Действительно, в законе нет прямых указаний пальцем на то, чему должно подвергнуться такое обращение. Это происходит по весьма простой причине — невозможно каждый случай подвести под правило. Кодекс Наполеона Первого очень маленькая книга — тем не менее исполнители этого кодекса никогда не делали тех отговорок, которые встречаются у г-на Рославлева. Наши судебные уставы, а в особенности те, которые с комментариями, по своей общности понятий не уступают означенному кодексу. Стало быть, г-н Рославлев, как судья и как человек с юридическим образованием, обязан был уловить мысль, чувство, желание законодателя. Когда судья проведёт аналитическую черту по нашим законам, то неминуемо придёт к тому, что жестокое обращение с живыми курами ради одной только жестокости не должно быть оставлено без внимания.

Поэтому я имею честь почтительнейше просить Коломенский съезд мировых судей, не разбирая дело по его существу, попросить г-на Рославлева поступить с Митрофановой за жестокое обращение с курами по существующим законам».

Какого бойца потеряли «Гринпис», правозащитные организации и антиглобалисты! Пристав Беляев, себе и им на беду, родился веком раньше. Как это часто случается, современники его не поняли: Мировой съезд даже не принял его жалобу к рассмотрению по 146-й статье Устава уголовных судов, сославшись на то, что она подана с нарушением порядка. Вывернулись, одним словом.

Полиция «века пара и электричества»

В том виде, в каком российская полиция более или менее известна ныне живущим людям, она являлась плодом реформ рубежа 80-х и 90-х годов XIX века. Структурно полицейские силы в Коломенском уезде выглядели так: во главе уездной полиции находился **полицейский исправник**. Ему подчинялись **становые приставы** — полицейские начальники «станов», частей уезда, которые теперь называются территориальными образованиями. Штат рядовых стана состоял из **урядников** и **стражников**. Эти силы дополняли выборные от каждой крестьянской общины **сотские** и **десятские** — род народной дружины советской поры, только не добровольной, а числящейся на службе. Они не получали жалованья, но имели определённые льготы внутри общины, и к тому же это было просто очень почётно.

В самой Коломне полицейскую службу возглавлял **городничий**. Город был территориально разделён на участки. Во главе каждого местного полицейского подразделения стоял **участковый пристав**, в распоряжении которого находились **околоточные надзиратели** (род нынешних участковых инспекторов) и **городовые**, делились на группы по четыре человека — трое рядовых и один старший.

Личный состав формировался исходя из установленной нормы — не более одного городского на 500 человек населения. Согласно оставленным заметкам о жизни нашего города в начале XX века, в городской полиции Коломны несли службу 46 полицейских разного чина. Все эти люди получали довольно скромное денежное содержание.

Самые главные полицейские начальники города и уезда — исправник и городничий — имели одинаковые оклады: по 1500 рублей в год, их заместители — по 1000, становые и участковые приставы — по 600 рублей. Рядовому составу полагалось и того меньше: урядникам и старшим городским — по 180, а стражникам и городским — по 150 целковых на год. Ну, к этому ещё ежегодно каждому полицейскому выдавали по 25 рублей в год «на обмундирование».

Отслужившему «бесспорчно» пять лет к ряду оклад увеличивали на треть, а за 20 лет верной службы выплачивалась единовременная премия в 250 рублей. Городскому с тридцатилетней выслугой и «чистым формуляром», не имевшему серьёзных замечаний и взысканий, полагалась пенсия 90 рублей в год.

Суммы, прямо скажем, не гигантские. Заводские мастера, техники, инженеры и служащие конторы получали много больше. Рабочие на заводе имели от 50 до 75 рублей в месяц (в среднем), а то выходило и больше, смотря по срочности работ и расценкам. Характерный эпизод: по расска-

зам стариков: перед Пасхой, когда по итогам финансового года всем выдавали большие премиальные, «заводские аристократы» — техники и инженеры — устраивали «аттракцион» особенного рода. Большой компанией они подходили к полицейскому стражнику, патрулировавшему Поповку (ныне улица Партизан), и по очереди, прежде выдав ему рубль, давали ему пощёчины. Отвесив по оплеухе, шутники поздравляли постового с наступающим праздником, а тот, вытянувшись и отдавая честь, в ответ рявкал:

— Покорнейше благодарю!

Для стражника уездной полиции (завод и село Боброво к городу тогда не относились, считаясь частью уезда) эти рубли являлись родом премиальных. При его окладе это были совсем не лишние деньги, а господам шутникам нравилось «отвести душу» таким способом. Но так можно было «шутить» только раз в год, в остальные дни с тем же полицейским почтительно раскланивались.

Образ рядового полицейского стараниями кино и книг советского периода сформировался давно и прочно: этакий полуграмотный толстый и неуклюжий увалень. На деле же на полицейскую службу брали только отслуживших в армии молодых мужчин подходящего здоровья, ростом не менее 172 сантиметра, грамотных, без дефектов внешности и речи.

Признанных годными зачисляли в так называемый «полицейский резерв» — учебное подразделение, в котором будущих городских и околоточных надзирателей тщательно готовили к несению службы. Полицейский должен был бегло читать, связно изъясняться устно и письменно. Изучались также основы законодательства, разные инструкции и наставления.

Боевая подготовка предусматривала обучение стрельбе из револьвера и трёхлинейной винтовки. Много времени занимали спортивные тренировки: ежедневные кроссы, занятия гимнастикой, тяжёлой атлетикой. А в 1908 году курсантам московского полицейского резерва в порядке эксперимента стали преподавать японскую борьбу «джиу-джитсу». В мае следующего года состоялись первые испытания городских, обучавшихся этому виду единоборств, и на экзамен в спортзал московского полицейского резерва съехались все городские полицмейстеры во главе с градоначальником Владимиром Фёдоровичем Джунковским, отправлявшим обязанности градоначальника.

В тогдашнем газетном отчёте писали: *«Результаты испытаний превзошли все ожидания! Городовые быстро освоили этот способ и боролись между собой чрезвычайно ловко. Они демонстрировали защиту при нападении на них с огнестрельным и холодным оружием, с дубьём и при нападениях сзади. Господин градоначальник остался доволен достигнутыми результатами, признав занятия джиу-джитсу полезными при подготовке городских, и решил ввести их в столичной московской полиции».*

Дипломатия исправника Бабина

По размерам доходов полицейские попадали в ту же категорию государственных служащих, что и телеграфисты, педагоги казённых училищ, младшие офицеры армии. К примеру, учительница начальной сельской школы получала 25–30 рублей в месяц при бесплатной квартире, дровах

и освещении от сельской общины. Жалованье армейского подпоручика составляло 42 рубля 50 копеек в месяц.

Богатые люди со связями, а также те, кто имел таланты и большую амбицию, на службу в полицию не шли, предпочитая иные поприща для делания карьеры. Полицейскими офицерами большей частью становились военные, рано вышедшие в отставку, выпускники юнкерских училищ, не имевшие больших состояний и особенных перспектив в гражданской жизни. Прожить одним только окладом они никак не могли, а потому, что греха таить, поступая в полицию, больше рассчитывали на «побочные доходы».

При соблюдении определённых приличий пользование тем, что «само плыло в руки», являлось как бы негласной «выгодой положения». Но в этом деле нужно было «знать меру». Тех, кто чувство меры утрачивал, с позором изгоняли со службы, а то отдавали и под суд.

Каково быть начальником полиции небольшого городка в начале XX века, видно из жизни коломенского полицейского исправника Бабина. Ему выпало служить в смутные годы первой русской революции.

Так уж сложилось, что «главный коломенский смутьян» Николай Сапожков был принят в доме Бабиных. Знакомство исправника и революционера началось ещё в те времена, когда сын железнодорожника-машиниста Николай Сапожков, учась в старших классах коломенской гимназии, по обычаю той поры, подрабатывал частными уроками, и среди прочих его учеников были дети исправника.

Выйдя из гимназии, Сапожков поступил в Московский университет, где очень скоро связался с социал-демократическим кружком, был арестован и, отсидев полгода в предварительном заключении, в середине 1904 года был выслан в Коломну под надзор полиции. Здесь высланного и поднадзорного студента ни разу не побеспокоили не то что обыском, но даже и обычной полицейской проверкой. Все, «кому положено», знали, что Николай Осипович «репетировал» детей коломенского исправника Бабина, флиртовал с его дочерью и считался «своим человеком в доме», а потому без разрешения исправника к нему никто не решал сунуться.

Тем же летом 1904 года из Москвы на каникулы приехали товарищи Сапожкова по гимназии и кружку самообразования студенты Георгий Захарович Юмашев, Бронислав Викентьевич Старкевич и Пантелеимон Николаевич Сахаров. Вместе они сняли квартиру во втором этаже дома владельца водочного заводика Журавлёва, в самом начале Почтовой улицы, и зажили в складчину, называясь «коммуной».

Памятуя об отношениях Сапожкова с начальством, чины коломенской полиции, «не желая связываться», смотрели на все дела «коммуны» сквозь пальцы. Пользуясь этим, молодые люди довольно быстро превратили «коммуну» в революционный центр. Установили связь с московской окружной организацией РСДРП, а в коломенском уезде «коммунары» создали разветвлённую сеть нелегальных кружков.

В результате 11 октября 1905 года впервые забастовал весь завод Струве, и рабочие собрались у конторы на митинг. Спустя неделю после опубликования 17 октября царского манифеста о даровании свобод печати, слова, собраний, исповедания и прочих повсюду происходили митинги

и шествия представителей разных лагерей. Одни «одобряли и поддерживали», другие «решительно осуждали».

При неизбежном столкновении мнений летели искры ярости, грозящие пожаром побоищ и погромов. Исправник Бабин как мог старался не допустить массовых драк приверженцев левых идей с дружинниками «чёрной сотни».

Однако некоторые подчинённые Бабина, не желавшие мириться с новыми веяниями, проявляли собственную инициативу. 18 октября помощники полицейского пристава Смородин и Фомин попытались разогнать митинг в мужской гимназии. Дело чуть не кончилось стрельбой — митинг охраняли вооружённые дружинники РСДРП. Ситуацию снова спас Бабин, спешно прибывший на место. За эту «самодеятельность» Смородин и Фомин по представлению исправника вылетели со службы, но желающих «навести порядок собственными силами» в городе не убавилось.

В субботу 22 октября в здании Земской управы собрался митинг, на который пришли люди самых разных убеждений, в том числе было немало и монархистов. Когда слово взял Николай Сапожков, его речь прервали: она потонула в криках возмущения. С улицы в окна Земской управы полетели камни, несколько из них попали в Сапожкова и бывшего с ним Старкевича. Возмущённые горожане грозили сжечь здание, публика в ужасе бежала с митинга, но около сотни «левых» забаррикадировались в зале Управы.

Многие из них пришли на митинг вооружёнными и, оказавшись в осаде, собирались прорываться с боем. В тот самый момент, когда, казалось, уже ничто не может предотвратить бойню, исправник Бабин явился к Управе с сильным отрядом казаков и вступил в переговоры с противоборствующими сторонами. Он предложил засевшим в Управе гарантии безопасности и возможность уйти под конвоем казаков. Сидевшие в Управе социал-демократы, поверив исправнику, ушли в Боброво, охраняемые нарядом казаков.

На следующий день после событий в Управе горожане вышли на демонстрацию — ходили по городу с портретами царя и национальными флагами. Поднявшие народ братья Буткины, Александр Миляев и Яков Мельников в качестве депутатов от городского общества явились к исправнику Бабину, требуя, чтобы тот, применив данную ему власть, убрал из города Сапожкова и Старкевича. В противном случае угрожали сжечь дом часовщика Кормера, в котором жил тогда Сапожков. Бабин отказался, и тогда толпа разгромила его собственный дом. Об этом сообщалось в заметке петербургской газеты «Новое время»: *«Сообщение из Коломны: огромная толпа народа разгромила дом местного исправника за то, что он решительными мерами противодействовал избиению местной интеллигенции».*

* * *

В самый разгар революционных событий в Москве, 11 декабря 1905 года, рабочие завода и примкнувшие к ним гимназисты-старшеклассники после митинга в заводском театре выстроились в колонну. Подняв над головами красные флаги и транспаранты с антиправительственными лозунгами, они направились к городу. Часть демонстрантов была

вооружена огнестрельным оружием, остальные шли также «не с пустыми руками», припася самодельные кинжалы, кастеты, дубинки и кистени.

Власть в городе была парализована и бездействовала уже несколько недель, полиция фактически самоустранилась, лишь наблюдая за событиями, не имея никаких приказов. Четыре десятка полицейских не могли противодействовать нескольким сотням активистов-революционеров. Даже когда представители партийного комитета с вооружёнными боевиками являлись к городским лавочникам, требуя, чтобы те отпускали товары бастующим «в долг», никто не посмел остановить этот прямой грабёж среди бела дня.

Военные части гарнизона были распропагандированы и считались ненадёжными. Спротивляться были готовы лишь несколько десятков горожан. Вооружённые дрекольём, коломенские извозчики, огородники, мастеровые-кустари, трактирщики и лавочники со своими «молодцами», собранные братьями Буткиными, ждали демонстрацию «левых» у Рязанской заставы города. Там же стояла сотня казаков — их революционеры объявили «злейшими врагами трудового народа» и в своих листовках призывали истреблять «всеми доступными способами, без всякой пощады».

Накануне демонстрации между донцами и сапёрами, расквартированными в коломенских казармах, произошла драка: возвращавшиеся с митинга солдаты не отдали честь казачьему офицеру, сказав:

— Мы своим-то офицерам козыряем по праздникам!

Сотник приказал казачьему патрулю взять солдат под арест и доставить в казармы, где передать сапёров их командирам. Когда нарушителей дисциплины доставили в казармы, на казаков напали солдаты, завязалась драка. Словом, казаки имели и свои личные счёты с революционерами, да вдобавок к тому накануне к ним обратилась депутация коломенской Городской думы, просившая о помощи в деле защиты города.

Накануне на собрании городской общественности был устроен сбор в пользу казаков, принёсший 500 рублей, поэтому обращение за помощью было основательно подкреплено не только посулами наград, но и обильным угощением, а также подарками: каждому казаку поднесли карманные часы.

Шедшие в Коломну демонстранты и те, кто ждал их у заставы, были настроены решительно: ни о каких «мирных демонстрациях» и речи не было — они вышли биться или, как писали потом в своих мемуарах участники событий со стороны демонстрантов: «мы решили продемонстрировать свою силу».

Исправник пытался предотвратить кровавую развязку событий. Он один, одетый в парадную шинель, выехал в лёгких санках, запряжённых хорошими лошадьми, навстречу шествию и встретил его на полдороге от заводского посёлка к городской заставе (где-то в районе нынешней городской больницы).

Свидетели даже припоминают, что Бабин, высокий, стройный, подтянутый и румяный, облачённый в светлую шинель с блестящими пуговицами, подкатил к колонне на тройке гнедых коней. Когда он подъехал, колонна встала. Бабин улыбался, взял под козырёк и вежливо произнёс,

обращаясь не конкретно к кому-либо из демонстрантов, а вообще ко всем шедшим в первых рядах:

— Господа, я вынужден вас предупредить по долгу службы: население города настроено против вашей демонстрации. Во многих городах подобные шествия вызывали столкновения, оканчивавшиеся кровопролитием. Я должен предотвратить несчастные случаи, а потому прошу вас вернуться назад и мирно разойтись по домам.

Сапожков возразил на это, что демонстрация мирная и манифест от 17 октября гарантирует свободу шествий.

— Я должен выполнять распоряжения правительства — а его постановлением все демонстрации запрещены, — отвечал Бабин.

Сапожков упирал на то, что царский манифест гарантировал свободу шествий, и требовал освобождения заключённых из местной тюрьмы.

— Воля ваша, господа, вы можете предъявлять какие угодно требования. Но у меня нет распоряжения правительства об освобождении преступников. Получу такой приказ — все будут немедленно освобождены. Ещё раз прошу вас, господа, быть благоразумными и не ходить в город.

Однако Сапожков отказывался распускать демонстрацию, и исправник, ещё раз сказав, что он сделал всё что мог, сел в свои саночки и умчался в Коломну. Колонна демонстрантов двинулась дальше, и вскоре у городского кладбища сотни людей схлестнулись в короткой и жестокой драке. Помощник начальника московского губернского жандармского управления полковник Бот так описал это событие в своём рапорте:

«11 декабря в 2 часа дня рабочие Коломенского завода, в количестве 600 человек вышли с означенного завода с красными флагами и направились в г. Коломну. Подошедшая к заставе демонстрация была встречена сотней казаков. На предложение казаков разойтись из толпы были сделаны несколько револьверных выстрелов, которыми были ранены два казака, а со стороны демонстрантов убит гимназист Марков и около 20 человек были избиты нагайками. Толпа не выдержала натиска казаков, и тотчас же разбежалась».

* * *

На следующее воскресенье намечался реванш: планировали собрать митинг в Голутвине, вооружиться покрепче, собрать народу побольше и снова идти на город. Но руководству подполья стало известно о том, что к Коломне движется карательный отряд подполковника Римана, и сведения эти были получены из дома Бабина. Активный участник событий кочегар заводской электростанции Хренков в своих мемуарах сообщает:

«Носились слухи, что собираются приехать в Боброво солдаты. Предупреждённый об этом дочь исправника, сочувствовавшей тогда социал-демократам, Совет отменил митинг, который назначался на утро в воскресенье 18 декабря».

Это свидетельство приоткрывает завесу тайны над многими событиями: дочь исправника Бабина могла узнать о прибытии отряда Римана из телеграмм, получаемых отцом из штаба Московского военного округа. Очень похоже на то, что ещё летом та же мадемуазель Бабина предупредила и о присылке в Коломну агентов Московского охранного отделе-

ния, которым было поручено выявить ячейки социал-демократического подполья на заводе. Тогда руководство подполья оказалось странным образом осведомлено об этом и строжайше запретило всем членам кружков разговаривать с незнакомыми людьми на любые политические темы.

Сам Бабин, конечно же, никоим образом не сочувствовал революционерам, но, оказавшись «меж двух огней», он отчаянно «маневрировал», стараясь спасти и карьеру, и дочку, связавшуюся с «коммунарками». Он прекрасно понимал, что, арестовав одних, нужно было брать и других, а среди этих самых «других» была родная дочь и её друзья, близкие ему люди. Ситуация, в которой оказался Бабин, была из тех, про которые говорят: куда ни кинь, всюду клин. Какое-то время господину исправнику удавалось «выкручиваться», но как ни крутился он, а всё-таки попался, из-за истории, которую сегодня назвали бы «рейдерским захватом».

* * *

После смерти главы обширного семейства озёрских текстильных фабрикантов Моргуновых их родственники разделились на два лагеря. И те и другие претендовали на владение и управление делами «Товарищества мануфактур И. и М. Василия Моргунова сыновья», председателем правления которого был М.И. Моргунов, а директорами — М.И. и И.С. Моргуновы. В конце ноября 1907 года состоялось собрание пайщиков, на котором вместо выбывающих по очереди Михаила и Ивана Моргуновых должны были избрать двух новых директоров правления.

На этом собрании мнения пайщиков разделились. Вышло так, что одна группа проголосовала за Михаила и Василия Моргуновых, а другая выбрала новое правление в лице Ивана, Владимира и Александра Моргуновых. Эти самые новоизбранные директора сразу же после собрания выехали в Озёры, на фабрики товарищества. Между тем Михаил, Василий и Сергей Моргуновы, в свою очередь, командировали на ту же фабрику своих представителей: М.В. Дубинину-Моргунову и секретаря правления А.В. Степанова. Эти двое опередили конкурентов и сейчас же объявили служащим об избрании правления в лице Михаила и Сергея Моргуновых и нового директора Василия Ивановича Моргунова.

Чтобы не допустить захвата фабрики правлением, которое избрала другая группа пайщиков, Дубинина и Степанов распустили служащих главной конторы фабрики, собрали конторские книги в кабинет бухгалтера, заперли и опечатали, а ключи госпожа Дубинина забрала с собой.

Когда другое, «новое правление» прибыло на фабрику и обнаружило главную контору запертой, оно не растерялось и обратилось прямо к местной полицейской власти в лице надзирателя Реценко с просьбой о содействии при приёмке фабрики под своё управление. Реценко как-то подозрительно сразу взял сторону Ивана, Владимира и Александра Моргуновых и отправился на дом к мадам Дубининой с просьбой выдать ключи от фабрики.

Получив категорический отказ, надзиратель вернулся к братьям-совладельцам и, посоветовавшись, они решили всё устроить запросто: Реценко привёл слесаря и велел ему отпереть фабричную контору. Тот исправно взломал замки входной двери и кабинета главного бухгалтера — на печати конкурентов «новое правление» внимание не обратило.

Захватив бухгалтерские книги, «новое правление» выставило у ворот городских, которые не впустили на фабрику Михаила Ивановича Моргунова.

Дубинина и Михаил Моргунов по телеграфу связались с коломенским исправником, жалуясь на самоуправство, взлом замков и печатей, и просили приструнить надзирателя Реценко, отменить его приказы. Бабин отвечал, что ему известно об избрании 30 ноября 1907 года нового правления, и распорядился даже вывесить у ворот фабрики объявление об избрании в директоры Ивана Васильевича и Александра Моргуновых.

Прежнее правление подало в суд на конкурентов, и потянулся нескончаемый судебный процесс по спору двух групп владельцев акций... Юристы пострадавшей стороны добились начала следствия над чинами коломенской полиции, и на предварительном следствии Реценко показал, что он обо всём докладывал исправнику Бабину. А тот сообщил ему, что он лично беседовал с вице-губернатором Фёдоровым, и тот сказал ему, что он как лицо должностное признаёт законным новое правление. Исправник же «предоставил ему свои полномочия», после чего Реценко и решился вскрыть контору фабрики с помощью взлома замков и нарушения печатей.

Такую крайнюю меру оба полицейских чина оправдывали необходимостью предотвратить остановку фабрики и беспорядки: «Рабочие уже начали шуметь и волноваться, вследствие пререканий между Дубининой и новым правлением», — пояснил необходимость столь решительных действий Реценко.

Господин исправник показал, что о вскрытии дверей он узнал «постфактум». Виновным в бездействии он себя не признавал, ибо считал, что не имеет права отбирать фабрику у нового правления и передавать её Дубининой.

Судебная палата оправдала и Реценко и Бабина, отказав истцам, но этими своими словами и делами во время спора о моргуновской фабрике господин исправник нажил могущественных врагов в Коломенском уезде. Не иначе как с тайной подачи части клана Моргуновых против него возникло новое, гораздо более серьёзное обвинение, из-за которого Бабина сняли с должности и привлекли к уголовной ответственности: «за укрывательство целого ряда преступлений, в том числе и экспроприаций». К сожалению, о дальнейшей судьбе этого человека совершенно ничего не известно.

Идеальные сотрудники

Настоящий фурор среди российской публики произвели полицейские совершенно особого рода. В 1909 году состоялся первый выпуск в петербургском полицейском питомнике, и на службу в русскую полицию стали поступать собаки-ищейки. Между прочим, блестящая карьера самого знаменитого пса-сыщика по кличке Треф начала складываться на Коломенской земле.

Этот элитный доберман-пинчер отлично зарекомендовал себя на экзаменах в питомнике, и его с проводником отправили служить в Москву,

приписав к сыскной полиции. Осенью того же года, работая на месте убийства в Бронницком уезде, Треф указал на верные следы преступников, которые прежде не было никакой возможности обнаружить, а в декабре 1909-го собаку привезли в Коломну — искать убийцу инженера Трофимова, застреленного прямо в локомотивном депо «Голутвин», которым он руководил.

Взяв след на месте преступления, доберман привёл своего проводника и его коллег в Митяево, прямо к дому Павловых, сын которых, Никитушка, был известнейшим на всю округу бандитом. Начиналто он как член боевой дружины коломенской организации РСДРП в 1905 году, но после разгрома революционных сил Никита Павлов был вынужден скрываться и, уйдя в подполье, связался с уголовниками. Вместе с братом и несколькими приятелями Павлов создал шайку, занимавшуюся вооружёнными налётами в Коломенском, Богородском и Зарайском уездах.

С покойным инженером Трофимовым атамана не связывало ровным счётом ничего, но он старательно разыгрывал из себя этакое революционного Робин Гуда, а потому согласился попутать Трофимова и заставить того принять обратно нескольких деповских рабочих, уволенных по его приказу. За эту услугу ему авансом уплатили 200 рублей, однако инженер не поддался на шантаж, и тогда Павлов, авторитет которого неожиданно пошатнулся, расправился с ним.

Когда Треф привёл розыск к дому Павлова, история о существовании его шайки попала в газеты, полицейское начальство распорядилось «искоренить», в уезд бросили большие силы конной и пешей полиции. По всем дорогам установили подвижные засады, и переодетый женщиной Никита Павлов напоролся на одну из них, когда переходил из одного убежища в другое. Открыв огонь, он пытался бежать, но, получив рану в ногу, покончил с собой, застрелившись из того самого браунинга, которым стрелял в инженера.

После этой истории имя Трефа прогремело по всей Европе, а в Великобритании популярные журналы его величали «собачьим Шерлоком Холмсом». Эффектное раскрытие убийства Трофимова произвело неизгладимое впечатление на коломенских полицейских, на которых пал отблеск славы знаменитого добермана.

Естественно, коломенским полицейским захотелось получить четвероного помощника, так сказать, на постоянной основе. По распоряжению господина исправника в уездной полиции завели собственную ищейку-добермана по кличке Роза, воспитанием и дрессировкой которой занимался урядник Шершов.

Громкий дебют Розы состоялся весной 1911 года, в розыске по делу о нападении на дом коломенского обывателя Хлебникова, жившего на окраине города, в районе Репинского оврага. Старик Хлебников слыл редким скупердяем — про него в городе поговаривали, что, дескать, он богат, да свихнулся от жадности и потому живёт в нищете, сидя на мешках с деньгами. Польстившись на эти слухи, трое грабителей, выломив оконную раму, забрались в его дом, избили и связали хозяина, потребовали у него денег. Хотя Хлебников побожился, что у него ничего нет, ему не поверили и стали методично обыскивать дом. В одном из потаённых угол-

ков грабители отыскиали 130 рублей и, вполне удовлетворившись этой добычей, удалились, беспечно бросив свою жертву валяться на полу. Через некоторое время пришедший в себя потерпевший стал звать на помощь, и его крики услышал городской, совершавший обход участка. Он освободил Хлебникова от пут, опросил, а потом дал знать о случившемся в участок.

Вскоре на место преступления прибыли полицейские, которые привели и Розу. Собака сразу взяла след и повела сыщиков к дому Агафонова, стоявшего аккурат напротив дома Хлебникова. Дом этот был у полиции на примете: Агафонова подозревали в содержании тайного шинка и притона.

Кроме самого Агафонова у него застали жильца Лилина. После недолгого заперательства оба рассказали, что у Агафонова два дня без просыпу пила лихая компания: известные воры Мартынов, Кустарёв по кличке Цыганок и Калинин, известный как Стёпка-разносчик. По словам шинкаря, они пили-пили, а потом куда-то ушли. Куда именно, доберман Роза разобралась играючи. От ворот дома Агафонова она привела погоню прямо к одному из притонов, в котором арестовали Цыганка и Стёпку-разносчика. Мартынов избежал в тот день ареста, поскольку напился и не смог пойти с товарищами догуливать; они его где-то оставили, а где именно — вспомнить не смогли или не захотели.

После этого дела было ещё несколько подобных расследований, и вскоре об умнице Розе уже взахлёб писали московские газеты. Осмотреть замечательную собачку пожелало высшее губернское начальство. Коломенский исправник лично ездил с Розой в Москву, демонстрируя дрессуру его превосходительству московскому губернатору Владимиру Фёдоровичу Джунковскому, и за отличное воспитание ищейки получил благодарность.

Временами, когда ставший уже легендой русского сыска Треф был сильно занят в Москве или вёл поиски где-то в провинции, Розу вызывали из Коломны «на гастроли» в другие уезды Московской губернии, где при расследовании запутанного дела требовались её чутьё и розыскные навыки.

В этих собаках нечаянно воплотился идеал полицейской службы — они были сильны, неутомимы, совершенно не подвержены соблазнам, свирепы к врагам и послушны своему начальству, Смешно, но факт: служебным собакам верили больше, чем людям! На них всерьёз рассчитывали, требуя непременно прислать Трефа, Розу, Боя или ещё кого-нибудь из собачьих знаменитостей сыска, надеясь на то, что они помогут там, где бессилён человек.

Что было потом

После ликвидации царской полиции, примерно с лета 1917 года, уголовная преступность в самой Коломне и уезде превратилась в настоящее бедствие. При голоде, слабости государственного аппарата и общем падении нравов дерзкие и сильные старались урвать своё за счёт слабых.

Но далеко не все страдали от недоедания и нехваток: первая коломенская газета, эсеровская *«Русская правда»* с возмущением писала о

кутежах «золотой молодёжи» города: *«Ежедневно ближе к полуночи в Коломне можно наблюдать широкий разгул коломенской молодёжи. Со скоростью курьерского поезда носятся по улицам “лихачи” с целыми компаниями седоков, которые хриплыми, пьяными голосами выкрикивают обрывки вульгарных песен. Что это за молодёжь, в такое время не стесняющаяся на глазах у всех показывать отвратительную сторону бесшабашного пьянства? Не имеет ли эта веселящаяся молодёжь непосредственной связи с участвовавшими в последнее время кражами и грабежами в Коломне и уезде? Весьма и весьма на это похоже. Не мешало бы в первую очередь обратить внимание на пресловутых лихачей, этих постоянных пособников и увеселителей преступного элемента».*

До Октябрьского переворота оставалось совсем недолго, а город жил своей обыденной жизнью, озабоченный местными проблемами. В это время в Коломне и по округе основательно «пошаливали» уголовники, которых выпустили из тюрем по большой амнистии, объявленной Временным правительством. «Птенцы Керенского», как называли «раскаившихся и давших слово не грешить» уголовных преступников, взялись за старое. По измученной войной и голодом стране, во время крайнего ослабления власти, прокатилось цунами уголовщины. Коломне в этом отношении повезло: авторитетные блатари-Иваны, «деловые ребята» и прочая опасная публика осела в больших городах, а до уезда добрались не столь опасные мазурики, промышлявшие главным образом кражами.

420

«Русская правда» опубликовала подборку уголовной хроники, начав её сообщением о том, что бобровский аптекарь Кисин получил от неизвестных злоумышленников письмо, требовавших от него 750 рублей. Аптекарю велено было положить деньги в пакет и 17 октября в 11 часов вечера на шоссе в сторону Коломны выбросить пакет после сигнального свистка. В случае неисполнения ему грозили поджогом дома и убийством. Страшное письмецо было подписано: «Максималисты».

Кисин принёс это послание к начальнику городской милиции, по приказанию которого вечером 17 октября была устроена засада. В группе захвата вошли помощник начальника Т.Я. Слегин и старший милиционер В.С. Прилуцкий. Как было условлено, вечером 17 октября Кисин запряг лошадку и поехал по шоссе к Коломне. Он проехал до самой заставы, но никаких знаков ему подано не было. У Петропавловского кладбища аптекарь повернул обратно. Когда он проезжал мимо заводского театра, стоявшего между окраиной Боброва и первым рядом домов посёлка Новая Стройка, в темноте кто-то свистнул, и перепуганный Кисин швырнул на дорогу пакет, в котором была резаная газетная бумага.

Когда аптекарь отъехал подальше, к пакету подбежал парень, и тут же на него бросился Прилуцкий, во тьме октябрьской ночи следовавший за повозкой Кисина. К месту схватки прибежали ещё несколько человек, набросившихся на Прилуцкого и Слегина, — оказалось, это были представители Совета рабочих депутатов, которых по просьбе начальника милиции командировали для усиления засады. По неопытности и в потёмках они приняли милиционеров, одетых в штатское, за преступников и хотели их скрутить.

В результате этой неразберихи один из преступников успел сбежать, и в руках милиции оказался только некто гражданин Бадиков, 22 лет, уроженец Рязанской губернии. Своего напарника он назвать отказался категорически.

Какое счастье, что эти люди, устроившие засаду, не нарвались на настоящих бандитов — поубивали бы этих «охотников за ворами», да ещё, пожалуй, и Кисину перепало бы за донос. Но Бог миловал, и можно сказать, что захват почти удался.

На следующий день, 18 октября, около 7 часов утра из деревни Хлопны на станцию Голутвин были доставлены четверо воров, среди которых был мальчик лет двенадцати. Когда их вели по платформе, рабочие, приехавшие на завод и узнавшие от конвоя, что это пойманные с поличным на воровстве, набросились на арестованных. Двоих они избили до полусмерти, один из воров, воспользовавшись суматохой, сбежал, а мальчика рабочие не тронули, его увели в управление милиции. Избитых мазуриков доставили в больницу, но откачать их не сумели, и оба к вечеру умерли от полученных побоев. Виновных в их смерти даже не искали. По тем временам подобные расправы были самым обычным делом: в газетах что ни день сообщалось о трёх-четырёх подобных случаях.

Эсеровская *«Русская правда»* после большевистского переворота вышла ещё раз и 27 октября опубликовала на первой странице воззвание к новой власти, но комментариями его не сопроводила. Из наиболее актуальных новостей было дано описание финала амурно-криминальной истории.

В октябре того революционного года молоденькая кассирша Озёрковского потребительского общества Коновалова обнаружила крупную недостачу — у неё не хватало 5100 рублей. Денежки эти она просадила вместе со своим любовником, грозным начальником озёрковской милиции гражданином Митрофановым, а потому кассирша бросилась за подмогой к другу-милиционеру. Тот, видя, что в стране всё разваливается, предложил ей на некоторое время куда-нибудь скрыться, переждать, пока жизнь не примет более прочные формы. Коновалова колебалась — время действительно смутное, куда ей одной деваться? Но Митрофанов предложил бежать вместе. До того гражданин начальник считался образцовым милиционером и в сентябре при облаве на воров проявил себя как герой, лично пристрелив одного из преступников.

Однако в октябре Митрофанов сам решил бросить должность, чтобы посмотреть, сидя в тихом месте, что будет дальше. Милиционер и кассирша забрали остаток денег из кассы потребительского общества и вместе скрылись из Озёрок, но далеко решили не ехать. В двадцатых числах октября они, добравшись до Коломны, сняли номер в лучшей городской гостинице, где предались любовным утехам. Беглецы считали себя в полнейшей безопасности. А между тем из Озёрок о побеге дали знать начальнику коломенской милиции Циеву, в подчинении которого был десяток его земляков-ингушей — они стали главными силами поддержания хоть какого-то порядка в городе после того, как царская полиция была разоружена и разогнана. Скорее для проформы, думая, что беглецы уже далеко, Циев и его милиционеры стали проводить проверку

гостиничных номеров. И, к немалому своему изумлению, накрыли парочку с поличным буквально на следующий день после того, как из Петрограда пришло сообщение о низложении Временного правительства. В их гостиничном номере при обыске нашли 550 рублей — сто пятьдесят у Коноваловой и четыреста у Митрофанова, да ещё 400 рублей оказались засунуты под комод.

Вот уж кому на руку была революция! Денежки-то они уже растратили, а следствия и вообще расследования их поступка теперь уже и быть не могло. Перед новой властью они были чисты как первый снег, да и какая она была та власть-то в октябре 17-го? Так, пар один, газетные лозунги и декларации. После ареста парочки несовершеннолетнюю Коновалову передали её отцу на поруки, а у Митрофанова отобрали документы и объявили, что он отстранён от должности. Тем всё и кончилось.

Спецы, легавые и гепеуры

После захвата власти большевиками сформированная заново коломенская милиция, даже усиленная отрядами Красной гвардии, не обладала достаточными силами. В собранной с бору по сосенке новой организации, которой отводилась роль охранительницы порядка, плохо понимали, что есть порядок. Писаных законов новая власть ещё не создала, а потому обходились последними постановлениями да «революционным чутьём».

При таком подходе к делу совершенно случайно подвернувшиеся люди становились жертвами произвола. А чтобы эффективно бороться с уголовниками, у милиционеров того времени банально не хватало профессионализма. Обычно розыски ограничивались либо облавами в расчёте на удачу, либо случайными арестами на месте преступления. Но даже если и удавалось задержать опасных воров или бандитов, доказать их вину получалось далеко не всегда.

Так, городская газета «Голос коммуниста» в октябре 1920 года сообщила о ликвидации части шайки опасных бандитов, действовавших на территории Зарайского и Коломенского уездов. При аресте бандиты оказали вооружённое сопротивление, и задержать удалось не всех — несколько человек вырвались из облавы, в том числе и главарь группы, который удрал на велосипеде. По словам арестованных, он увёз с собой запас оружия банды, целый арсенал: шесть револьверов и патроны к ним. В руках милиции оказались П.Кашинов, М.Титов, И.Тюлькин по кличке Клевач, С.Шпанович, И.Желтов и Н.Чекмарёв. Их отправили в коломенскую тюрьму, — впрочем, тогда это заведение называлось по-иному. Слово «тюрьма» считалось старорежимным, которому нет места в новой жизни, былой уездный тюремный замок теперь нарекли домом заключений или, сокращённо, домзак.

Через городскую газету всех, кто был обворован, приглашали явиться в отдел угро для опознания преступников и своих вещей, однако из этой затеи ничего не вышло. Опасаясь мести воров, коломенские обыватели не спешили изобличать задержанных, и большинство взятых под стражу через некоторое время снова были отпущены.

Оказавшись на воле, господа уголовники вовсе не собирались сидеть сложа руки. Гражданин Свириин вместе с надёжными друзьями отбыл «на гастроли» в снова ставшую столицей Москву. Но там коломенскую «хевру» ждало горькое разочарование. Среди сыщиков МУУРа (так называлась служба, именуемая теперь МУР) было немало спецов — работников ещё царской полиции.

С их помощью очень многие лихие люди угодили «в места, уготованные канальям». До родного города «гастролёров» докатилась лишь весть об их аресте, а потом в газете «Рабочая Москва» появилась заметка, в которой сообщалось, что чрезвычайная сессия Ревтрибунала 15 марта 1922 года рассматривала дело бандитской шайки, которую обвиняли в многочисленных грабежах и убийствах.

Среди прочего совершённого участникам шайки инкриминировали вооружённое ограбление гражданина Баранова в декабре 1921 года в деревне Молитвино Коломенского уезда. Трибунал счёл, что вина подсудимых вполне доказана и, «принимая во внимание постановление Моссовета о необходимости решительной борьбы с проявлениями бандитизма», революционный суд приговорил всех обвиняемых к расстрелу.

Исключение было сделано в отношении Фокина: кучер военкома не принимал участия в нападениях и убийствах, а только занимался перевозкой награбленного в Молитвино, за что от бандитов ему перепало 200 миллионов рублей. Суд пощадил его, приговорив к пяти годам заключения.

* * *

Ликвидация опасной банды налётчиков в Москве мало отразилась на ситуации в Коломне. Здесь верх держала шайка опытных рецидивистов, за несколько послереволюционных лет превратившая Коломенский уезд в свою вотчину. Даже дети, и те знали, кто такие Чекмарь, Жигуля, Урываи, Козёл, Косой и Невинный. У этой шайки на подхвате были хулиганистые подростки, митяевская шпана Рыжик, Пирожок, Сваток и Крохотка. Главарём банды был житель Боброва Дмитрий Ковырулин по кличке Ходя, пожилой уже человек, в старое время служивший на машиностроительном заводе конторщиком.

Хитрый и ловкий, он руководил бандитами и ворами, наводил «на дело», скупал краденное, укрывал беглых и тех, кто был в розыске. Если остальные «знаменитые уголовные личности» нашего города славились своими загулами в притонах Черкасова, Ершихи, в нелегальных борделях Беспаловой и Елизаветы Клоковой, куда милиция соваться побаивалась, то их предводитель Ходя жил совсем по-иному. Было в нём нечто, напоминавшее известного Александра Ивановича Корейко с его правилами конспирации. Получая от страхкасы пенсию по инвалидности и пособие на ребёнка, Ковырулин стремился в своих расходах не выходить за рамки этих официальных прибытков.

Милиция, как и жители города, зная всех местных бандитов и их главарей наперечёт, долго не могла найти подступы к уголовному подполью. И когда 23 июня 1923 года произошло дерзкое нападение на кассира карасёвских мастерских, местные пинкертонеры и холмсы оказались в крайнем затруднении.

В двух верстах от Карасёва бандиты устроили засаду, в которую попала мотодрезина кассира Орловского с деньгами для выдачи рабочим. Кроме кассира из Коломны, с той же дрезиной ехали его родственница Свиридова, бывшая на восьмом месяце беременности, прислуга Орловского Иванова с десятимесячным ребёнком Свиридовой на руках, рабочий карасёвских мастерских татарин Галеев и управлявший дрезиной рабочий Евтушевский. Встав на пути дрезины, трое вооружённых грабителей выстрелили в воздух и крикнули:

— Руки вверх! Ни с места!

Струхнувший Евтушевский давить людей не стал и притормозил. Грабители знали, на кого охотились, они потребовали портфель у кассира, но, когда его брали, татарин Галеев бросился бежать, и у налётчиков сдали нервы. Один стал стрелять вслед убежавшему, а второй выстрелил в голову кассиру, потом в Свиридову и Иванову. Ребёнок из рук убитой няньки упал прямо в лужу крови матери. Моторист Евтушевский рухнул перед бандитами на колени, умоляя не убивать, но его не стали щадить. Спасло только чудо: две пули, попавшие в него, не убили, а только ранили. Упустившие Галеева бандиты поспешили уйти, не удостоверившись, что прикончили всех.

Захватив 250 тысяч рублей наличными, преступники скрылись, а раненый Евтушевский, добравшись до Карасёва, поднял тревогу. Это кровавое дело вызвало большой переполох, и на поиск преступников были брошены все имевшиеся силы, но уголовный розыск с коломенским ОГПУ толком не знали, где и кого искать. Действуя в своём обычном стиле — более наугад, — в ночь с 27 на 28 июня красные сыщики устроили облаву в Боброве, арестовав Ходю и некоего Юзика.

Под конвоем помощника начальника милиции, представителя ОГПУ и нескольких милиционеров арестованных повели в город. Путь их лежал мимо стройки домов нового рабочего посёлка, вытянувшегося от оврага почти до самого городского кладбища. В недостроенном крайнем доме притаились члены шайки, задумавшие отбить своих товарищей. Когда арестованные и конвой подошли поближе, бандиты открыли огонь. Милиционеры и чекист стали палить в ответ, и в этот момент Ходя и Юзик бросились бежать в сторону Петропавловского кладбища, до которого было уже рукой подать. Но до стены кладбища они не добежали, сражённые пулями милиционеров. Увидев, что они упали, нападавшие, ещё немного постреляв, ушли. Милиционеры, не решившись преследовать их, остались на месте, ждали подкрепления. Они осмотрели подстреленных при попытке к бегству. Оказалось, что Юзик был убит наповал, а Ходя тяжело ранен. Впоследствии выяснилось, что Ковырулин не был причастен к налёту на карасёвского кассира, и его, подлечив, отпустили.

* * *

Главный секрет неудач на фронте борьбы с уголовной преступностью заключался всё же не в отсутствии должных навыков у новичков сыскного дела. Всё было банальнее и проще и упиралось в обыкновенную коррупцию. Нет уверенности, что такое словечко тогда было известно милиционерам, но это вовсе не мешало им пользоваться положением ничуть не меньше, чем их старорежимным предшественникам-полицейским.

* * *

Совершивших налёт на кассира возле Карасёва арестовали только через несколько месяцев: под Иваново-Вознесенском, в городе Рудники ударная группа МОТО ГПУ выследила Александра Крылова, Ивана Колесникова по кличке Цыган, его сожительницу Клавдию Морозову, известную как Зеличиха, и Константина Григорьева, отзывавшегося на кличку Хохол. После ограбления кассира возле Карасёва эта шайка покинула Коломну и отправилась в Иваново-Вознесенск, а по дороге ограбила гражданина Горохова. Пригрозив ему револьвером и даже выстрелив несколько раз для острастки, бандиты отняли у Горохова корзину с вещами на 40 тысяч рублей (деньги тогда были дешёвы). Потом они наведались на хутор Чуличёвый близ деревни Сенцово. Угрожая оружием, загнали всех хуторян в сарай и заперли, а потом ограбили их хозяйства на 100 тысяч рублей и ушли. При аресте бандиты пытались оказать вооружённое сопротивление, но чекисты на этот раз сработали чисто, и всё обошлось без стрельбы.

Судили банду в Коломне, в театре Союза металлистов, но почему-то не в полном составе: 22 августа 1924 года на «чёрную скамью» сели Иван Колесников, Александр Крылов и Клавдия Морозова. Почему с ними не было Константина Григорьева, из отчётов о процессе не ясно. Банда состояла из людей, уже не раз судимых за разные преступления.

* * *

Очевидно, у местного угро и ОГПУ совсем неважно обстояли дела с агентурой, от которой можно было бы получать интересующие сведения. А потому они не придумали ничего лучшего, как обратиться к горожанам с призывом доносить. В № 32 коломенской газеты «Голос труженика» была опубликована статья «Ко всем гражданам города Коломны», в которой местная милиция просила сообщать о скоплениях преступного элемента, притонах, скупщиках краденого. Рекомендовалось не стесняться ни временем, ни способом доноса — письменно или устно, можно было «стучать» даже ночью, обращаясь лично к начальнику управления милицией или его помощнику по уголовному розыску.

Нежелающим обнаруживать себя предлагали анонимность: письменный донос без подписи следовало запечатывать в чистый конверт без марок и адреса и опускать в почтовые ящики. Такие письма с почты приносили «куда следует».

«Но ещё лучше, — наставлял информаторов-любителей неизвестный автор воззвания, — опускать такие письма в специально для этой цели приспособленный ящик при отделе уголовного розыска. В сообщении нужно обязательно указывать название селения, улицы, номер дома и квартиры, а также фамилии тех, у кого укрываются преступники и где скупается краденое. Все сведения будут немедленно проверяться, а о лицах, сообщивших эти сведения, никакой огласки не будет, и среди свидетелей они также не будут фигурировать».

Призыв ли подействовал, а может, красные сыщики просто научились работать, только через полгода после перестрелки у кладбища настал конец шайке Ходи. В этот раз легавые и гэнэуры не спешили и

тщательно собирали информацию о шайке и её притонах. «*Легавыми*» агентов уголовного розыска прозвали именно тогда — из-за значка общества охотников с собачкой, носившегося на лацкане. На тыльной стороне лацкана к охотничьему значку крепился знак уголовного розыска: при аресте агент поворачивал лацкан, предъявляя свои полномочия. Хотя значок носили только сотрудники МУРа, «*легавыми*» стали звать всех сотрудников розыска. Этот жест с отворотом лацкана и кличка сохранились в народной памяти по сию пору, но об их происхождении мало кто знает. Гэпурами сотрудников ОГПУ называли в разговорной речи «*между своими*».

Операцию по ликвидации банды провели 5 и 6 января 1924 года, произведя в Коломне и некоторых сёлах уезда серию внезапных обысков и арестов. Под стражу взяли Ходю-Ковырулина и ещё 25 человек.

«*Трудовая Коломна с радостью говорит: наконец-то избавились от проклятой жулебии!*» — рапортовала тогдашняя городская газета «Смычка». Но чем на этот раз кончилось дело для Ходи и его ребят, в точности неизвестно. Газеты тогда выходили с большими перерывами, далеко не все номера дошли до нашего времени, а потому отчёт о суде над бандитами не сохранился.

Если Ходю и его ребятам не сумели «пришить политику», то вполне возможно, что они оказались на воле уже через несколько лет. Высшей мерой по уголовным делам тогда были *десять лет со строгой изоляцией*, а амнистии и сокращения сроков для осуждённых по уголовным статьям в 20-х годах производились дважды в год — к октябрьским и майским праздникам.

АРБАТ20

**КНИЖНАЯ
ЛАВКА**

Панорама русской культуры

в книжной лавке журнала «Москва»:

119002, Москва, Арбат, 20. +7 495 691 70 94, 691 71 10

Книжная лавка открыта с 11 до 20 ч. (в субботу с 12 до 18 ч.)

Алексей ВУЛЬФОВ

ГДЕ РОДИНА МОЯ ЕЩЁ ЖИВА...

ДОРОЖНЫЕ ЗАМЕТКИ

Алексей Борисович Вульфов родился в Москве в 1963 году. В 1988 году окончил музыкально-педагогический институт им. Гнесиных в классе композиции Н.И. Пейко.

В 1989–1992 годах работал в Союзе композиторов СССР с Г.П. Свиридовым и Б.А. Чайковским. Один из организаторов первого Фестиваля отечественной хоровой музыки. Хоровые произведения А.Б. Вульфо́ва высоко оценены Г.В. Свиридовым.

В 1989–1992 годах работал в Союзе композиторов СССР. Совместная работа и общение с великим русским композитором Г.В. Свиридовым оставили неизгладимый след в жизни А.Б. Вульфо́ва.

Его рассказы и маленькие повести печатались в журналах «День и ночь», «Роман-журнал XXI век» и «Наш современник».

А.Б. Вульфoв является одним из создателей и председателем Общества любителей железных дорог (ВОЛЖД), он автор книги «Повседневная жизнь российских железных дорог».

Зарисовки

У меня были тут любопытные дни. Связаны они с расцветом зимы. У классиков этот период зовется расцветом творчества. Вот это был расцвет творчества зимы.

Утром во вторник, накануне праздника 23 февраля, которого нет у меня совести ругать, ибо в этот день объявляют выходной и с ним приходит большое благо — спящая Москва по утрам, — этим утром запланирован был рейс с туристами из Москвы в Коломну на паровой тяге отправлением в 9.00. Я вышел пораньше с поездочным ранцем в руке, с которым дочь когда-то ходила в школу, чтобы перед отправкой зайти в ОАО «РЖД» и отправить телеграммы (телеграф работает круглые сутки, невзирая на праздники). Меня встретил и словно пригласил к себе в дружеское объятие дымчатый сиреневый свет морозного утра с туманным бело-желтым солнцем и крепким сверкающим настом! Под ногами — лёд, который вьётся по асфальту и весь сверкает, как радостное дитя глазами. Не берусь описать наслаждение от попадания после ветреного мороза в тёплое метро с его приятным духом кофейни (так пахнет на новых станциях, как наша «Марьяна Роща») и от дальнейшего предвкушения ясной погоды в надежном отсутствии оттепели по всем приметам и прогнозам. На Красных Воротах в расписных небесах полыхали державным золотом купола Петропавловской церкви, построенной по рисунку самого Петра. Вокруг

очень не хватало извозчиков, лошадей, саней, топающих обывателей в одеждах былых столетий. Живое полотно Кустодиева под вышней широтой небес открылось мне — с художественно изумрудными замёрзшими ветвями деревьев, силуэтами фасадов и крыш Старой Москвы — да, не хватало тут лихачей, красивых тугощёких радующихся людей в шубах и расписных шарфах. Надо ли говорить, с каким восторгом, выйдя из метро на Каланчевскую улицу, я задохнулся на ходу опять морозом, туго давившим под двадцать градусов! Нет, это была не теперешняя Москва с её жутью суеты — это было что-то от блаженства каких-то дальних времён, либо давно ушедших в Лету, либо невиданных наяву, лишь на картинках. Пройдя по скверу под кружевами ветвей и забежав на минуту на телеграф, я, выйдя и поклонясь храму Петра и Павла, спустился, радостно шмыгая носом, по узкому проходу к Казанскому вокзалу. День наливался живительной стьлой ясностью и счастливой прямодушной простотою морозного света. Вдали широко блеснули купола Елоховской в ледяном пару времен лихачей, и тут страстно захотелось горячего чаю с баранками. (Чай — это ведь средство для покоя души, для собирания чувств и мыслей из суеты воедино, правда? Вещь ведь это!) Паровоз опаздывал подходом к поезду; машинист два дня пил вместе с бригадой, потом за сутки до отправки, как обычно, перестал, заправил машину, и дальше всё пошло у него с замедлением: поздно проснулся, поздно поехал на разворот, поздно отправился из Подмосковной под поезд, потому что замерзли водоприёмные рукава и пришлось долго отогреть их факелом. Пока ждали паровоз, я с друзьями разместился в теплом и уютном вагоне, где собирался вполне приличный народ — туристы, многие с детьми. К поезду прицепился запасной электровоз с головы (спасение — слава тебе, Господи). Наконец падающие белоснежные кудри тяжелого пару и частая одышка возвестили о подходе парового локомотива серии «Л», чумазого и утомлённого, свистящего пышными серебристыми струями во все дыры в трубках. Измученная передрягой, похмельем и бессонницей, грязная и тёмная бригада в суете и густых парях лазала в машине, поскорее добавляя смазку. Что-то ещё с радио у них было, их дежурная долго не слышала. Но вот кончилась суета, в которой, конечно, пришлось принять участие, я убежал в вагон — и мы двинулись. Впереди загорланил паровоз, пассажиры в вагоне забыли о претензиях в связи с часовым опозданием отхода поезда, и все сплошь заулыбались. Тотчас же с пути стали одна за другой сверкать нам улыбки и взмахи рук. Сколько их было до Голутвина! Лишний раз мне стало понятно, для кого и для чего мы сохраняем паровозы, и я, милостью Божьей, участвую в этом. Легко, как на ладных санях, понеслась дорога. За окном всё в солнце и морозной невесомости. Снега! Снега — такие богатырски спокойные и приветливые, лежат и спят белые медведи сугробов, всюду обледенелый бурелом торосов от работы снегоочистителей, глубоко лежат тёмно-серебряные рельсы и расчищенные путейцами пространства стрелок под снежными скалами. Легонько голубое небо в перьях движется вместе с поездом, с каждой минутой наливаясь синевой. Проплыла щедрая кружевная краса новых храмов у платформ Удельной и Ильинской, созвучно окружённых яркими соснами. Гривами царских коней вьются завитки паров, в морозную ясьн летят вопли гудка! Не-

сётся поезду под колеса, как под ноги бегуну, яркий снег! Вот и заметённые крыши дач и деревень потянулись со клубоватыми дымками из труб. Под окна наметёно! Тропинки везде тянутся по-зимнему скупно, без лишней человеческой ходьбы, чинными линиями. Высоко и отрешённо по сторонам дымят трубы искони фабричной и густонаселённой этой дороги — Казанки. Я в первобытный «матюгальник», который выдали мне, вещаю умилённым пассажирам про фон Дервиза и фон Мекков, про Надежду Филаретовну и Петра Ильича, про машиниста Ухтомского и царя Николая, про левостороннее движение и паровозы «Фита», про инженеров Чечотта и Нольтейна и чем там ещё знаменита эта старинная памятная дорога, когда-то незаслуженно прозванная простым народом «окаянной» — и так вписывался сей рассказ в бегущие снега и несказанные кружева паров! Про старину-то есть что рассказать, не нынешнее содержание; во всех этих дагерротипах та ещё эссенция... С улицы вслед составу всё мелькали вдогонку краснощёкие улыбки, машущие варежки, вязаные шапчонки с кисточками. Живое явление прошлого — всегда событие для людей. Как приятна им эта нечаянная радость, образумление стариной, явление чего-то необычайного и значительного на фоне современной обыденности! Как очеловечиваются лица от этого! Пронесли всю дорогу 80 км/ч, я хвалил диспетчера за бесстрашие: на 47-м только пропустили голутвинскую скоростную да пять минут постояли в Воскресенске осмотром машины и добавкой смазки. Наконец, замелькала заповедной темнотой стена Конева Бора из сосен вперемежку с летящими березами. Сквозь поросль на 113-м стал я ждать появления вдали силуэта Бобренёва монастыря, как будто нарочно списанного с полотна Саврасова или Левитана; с юношеских лет он завораживал меня своим обликом, и потому с глубокой радостью встретил его, улыбнувшись, как давно знакомому доброму человеку. Паровоз длинным криком облегчения возвестил приближение станции Голутвин и моста через Москву-реку. Я призвал пассажиров во всю мощь своего рупора дальше смотреть по сторонам на открывающийся силуэт города и завода. Коломна длится по краю пространной пустоты речной поймы как бы единой строкой. В старину понимали значение городского ландшафта, сокровенный смысл, вещательное единство и неповторимость его образа, и создавали всё это сердцем и разумом. Потому явление вида старинного ландшафта — это всегда всполох исторической памяти, какой-то торжественный аккорд из вечной музыки. Паровоз ещё раз сильно взгорланил на мосту, как петух, радуясь всему этому открывшемуся простору, промахали крашенные казенным серебром стальные локти, солидно и гулко погромело по верх заколдованных льдов, их сединой укрытого перламутра, спокойно уходившего в бледную даль русла, и вот, сменив плывшие узоры берёз, скромно и приветливо открылся старый город, весь пропитанный светящейся белизной. Явился своим дремляще думающим силуэтом, многозначительной линией с палочками труб и пучками бледного дыма из них, суровым профилем завода по левую сторону от пути. А справа — Старая Коломна... Всё тот же трамвайный круг, купол церкви со звёздами небесными на тёмной синеве, подальше над низкими крышами купола других церквей и соборов кремля с отливами солнца на крестах, старые домики в пригожей ясни, в зимнем пару, в прибранных городских сугро-

бах, все в перезвонах церквей и часов, с заметёнными садиками и понурыми заборами... Всё как прежде, разве что старины становится меньше и меньше. «Мирно дремлет зимняя Коломна, в снежные одета кружева за сугробами церквушка скромная...»* Я часто это вспоминал в тот день.

По прибытии машинист, мрачно склонив голову, провёл меня сквозь счастливую толпу у паровоза и предложил спуститься на путь с другой стороны от платформы. Подошли к машине, капающей чёрным маслом на снег. Увы — на месте крейцкопфного клина я увидел противоестественно зияющую пустоту... Запасного клина с собой не было. Отделение крейцкопфа от поршневой скалки на ходу может быть ужасно. Предложил набить туда какого попало подходящего железа, хотя бы костылей и болтов, и ехать обратно без тяги, дабы толкал в задницу спасатель-электровоз, что они и выполнили. Пытались выбить подобный клин на заводском памятнике 0012-й «лебедянке», которая стоит на постаменте у прохода к заводу возле шоссе Коломна–Москва, но от мороза и полувекковой заскорузлости клин так закаменел в скалке, что и пудовая «баббитовка» в руках громадного нашего помощника Вани, страшного и в силе, и в пьянстве, не смогла выбить его, тем более что мужикам на обледеневшем склоне постамента не встать было как нужно.

Вышли с друзьями-попутчиками в город, на широкую и ставшую абсолютно современной площадь у старого вокзала Голутвина. Залезли в трамвай «тройку», новенький — не то что прежние, пахнувшие тёплым электричеством здешние вагоны. Загрохотали неторопливо по Коломне. Сошли у рыночка и двинулись в центр, в старый город, подземным переходом под высокую трёхъярусную колокольню. Прошли пустыми улицами, поражаясь и донныне уцелевшей их натуральной старине и при этом прибранности и разноцветности, и мимо жёлтой реставрированной церкви выбрали к Маринкиной башне, а от неё, уже изрядно помёрзнув на диком ветру, сошли к Москве-реке. Спустились по законченной улице, напоминающей какую-то жилую кирпичную крепость, к пешеходному понтонному мосту через реку и взбежали по нему на её пространство. Там гулял свежий ветер при морозе! Радостно было попасть в эту и свирепую, и счастливую стынь с феноменальными торосами и разводами, наморщенными обломками, продольными нагромождениями хлопьев ломаного льда, чёрными дымящими полыньями, с дальним железнодорожным мостом, по которому только что ехали, с вмёрзшими в небо стволами и ветвями закаменелых ив и вётел, живописно ледяных и кудрявых, с брызгающим хрусталём на проблесках солнца. Все пальцы себе там сжёг, фотографируя, а всё не мог остановиться. Ещё и ещё, и так и эдак, в забвении каком-то! Озорно и безжалостно пробирало морозом на прибрежном ветру, а всё же поднялись и прошли немного, чтобы взглянуть через поле на Бобринев монастырь. Как живой глядел он издали, от слободы. Постояли молча возле одинокого дерева, хотя по краям дороги былинки гнуло и нос ветром резало. А всё же сразу не уйти, как же... Поглядели. Наконец двинулись обратно тем же мостом к старому городу. До чего же при-

* Строки из стихотворения М.Пробатова «Далеко безумная Москва, мирно дремлет зимняя Коломна...».

гожа гладкая дорога под ботинками, как ладен её скользящий панцирь! Навстречу народ сверкает глазами и лицами, не по-нынешнему добрый какой-то. Бредём торопо — vareжками закрыли щеки и нос, в костях и суставах ломко, ноги щиплет и выстужает — а весело! Поднялись в Старый город. Соборная площадь его ныне грандиозна; *такого благолепия нигде нет более во всём Подмосковьё*. Красота и многочисленность храмов, вокруг огромные соборы и крепкие линии высоких стен кремля с его московскими зубцами, широта пространства Соборной площади и величие, да к тому же истинная древность соборов, невероятная даль заречная с горы, от памятника Мефодию и Кириллу, с видом Бобренева монастыря, — Боже, чудо всё это, действительно чудо! Святая Русь в воплощении своём. Прекрасна Коломна! — вся в узорах и несказанных резьбах деревянных домов на Казакова и Лажечникова, да и на прочих улицах в Старом городе (у иных домов стены от древности покосились!), в живительном разноцветье и между тем редкостной нетронутости старины, в озорно глядящих сосулицах и сугробищах, с дореволюционными столбами и воротами, чугунным литьём навесов над крыльцами, со старинными помещичьими усадьбами, избами и особнячками на Кремлёвской улице, снежными ярусами на крышах и главами множества церквей, башенок, шпилей и колоколен, которые глядят со всех сторон, куда ни повернись — наконец, с образом Владычицы на башне, хранящим город, и надписью над въездными воротами: «Спаси Христе Боже люди твоя и град сей и благослови вход во врата сии»... И весьма уместен был ряженный страж у полосатой будки со шлагбаумом в начале улицы Лажечникова, одетый в форму старого солдата или, быть может, ротмистра, с саблей в ножнах и аксельбантом. Как будто вовсе нет и духу современности! — хотя город, во всяком случае, центр его, прибран, отремонтирован, налажен, крашен и любим жителями, это чувствуется по настрою и лицам, по порядку и затее, по часто бегущему транспорту. Деревянные горки, ледяные фигуры в пространных скверах за чугунными оградами, которые отливает городу завод, детворы полно играется в старом парке, идут вальжные женщины в каких-то боярских шубах, как при царе Феодоре Иоанновиче, идут себе, и столь же неторопливо и вальжно говорят, как идут. Самобытной вот такой вальжностью и значительностью полнится этот город, который, как сказал мой попутчик-философ, по сей день «растёт из собственного корня»...

Нырнуть в Русь морозную, холодно-ветреную, с запыленной снегом восторженной детворой на горках, с мёрзнувшими галками и звонким боем старых часов и колоколов, с разноцветными низкими домиками, громадными снежными наплывами и масками на крышах, хохочущими комьями сугробов, вывесками, лабазами, наличниками — во всё это, что даже и в трудные времена одним лишь присутствием своим всегда будет веселить людей и делать жизнь их чуточку лучше... Есть ещё всё это, и донныне всё это — Русь, — значит, где-то и в чём-то, пусть редя и слабя, но всё же есть ещё она на свете.

...Из электрички на пути в Москву всё глядел в окно сквозь померзшие царапинки на этот темнеющий мороз, живительную зимнюю прозрачность вдоль дороги, пустоту и блаженное безлюдье вечера не-

рабочего дня, на белесые дали сквозь россыпи мерцающих веток, на эти стынущие покрывала, бегущую волнистость снегов с пресловутыми искрами и сладко усыпающее к ночи в розовом свете небо, зовущее к покою, замирению и молитве, на щедро задымившие лисьими хвостами вечерние трубы, на шмыгающий довольный народ, бойко влезающий на остановках в поезд — в его тепло, передышку и уют, на закаменелую от холода тьму выстуженных вокзальных стен с официальными трафаретами, которые быстро менялись один за одним на незаметном ходу экспресса: Воскресенск*... Виноградово... Раменское... Фабричная... Быково... Малаховка... (продолжение следует, автор устал от описательства, встал, оделся, повёл собаку, один час двадцать минут ночи, минус два градуса на улице, почти оттепель, ночная прозрачная Марьяна Роша, придёт — и завалится в кровать как пьяный сокол, и уснёт опять, грешник, без вечерней молитвы).

На следующий день, созвонившись, обсуждая событие последней поездки, решили, что нынешняя Коломна *великолепна*. Это настоящая, как говорят, жемчужина. Повидаться с ней было — истинная радость. Увидеть, как тут «Русь жива».

...Вечером следующего дня я спешил на поезд номер 662 Москва-Кинешма. Взял билет в межобластной вагон, прозываемый в народном обиходе «сидячим». Жена дала с собой надувную подушку, я захватил авиационные наглазники, недавно полученные в подарок на борту «Боинга-777» авиакомпании «Трансаэро» в рейсе на Хабаровск. Пришёл в тишайший было полутёмный вагон, но потом туда ввалилась ватага человек из шести. Было 23 февраля — и началось... Знаете, все эти ребята очень крупные, налитые какие-то, большие без меры, хотя и не толстые. Они напоминают откормленный овощ в некой стандартной теплице, выращенный для продажи на простецком уличном рынке. Пить они начали сразу. Я прислушался к их разговорам и могу сказать с большой степенью точности, что среди них не было ни одного подонка. Более того, люди это по натуре хорошие. Всякий раз, входя из тамбура в вагон, они шептали: «Тихо! Тихо! Не надо беспокоить едущих!» Но так как в тамбуре они со вдохновенностью пили из горла водку и самогон, то тишина в вагоне длилась недолго. Юная проводница пару раз строго предупредила их, на что они с полной убедительностью в голосе кивали и шептали, что всё — тишина. Они куролесили до Александра, дальше началось у них новое приключение — поиск водки, пока поезд стоял сменой локомотивов и направления движения. Невероятное вдохновение и восторг их суеты даже радовали — что взрослые люди могут быть такими по-детски увлеченными. Водку они, конечно, купили и по отправлении из Александра опять беспрестанно ходили курить и греметь дверями и всё время шептали: «Тише! Тише! Не будем мешать людям спать!» Я ждал, когда пойдут за окном с детства баюкавшие и ворожившие ели между Вторым Александровым и Бельково, с которыми, как детская сказка, всегда начинался путь в некий сон наяву или в рай — в *эти места*,

* Воскресенск... Одно название сразу создает в носу аромат дымов диковинных паровозов былой Казанки.

всегда бывшие мне такими родными и приветливыми, как близкие люди, — и с грустью, даже тяжестью душевной увидел, что издревле благодушный ряд этих родных елей отдален от пути — лесозащитная полоса вдоль дороги наполовину вырублена... Я не привыкну никогда к нашему веку и вряд ли научусь спокойствию встречать от него потери дорогого и близкого. Это было тяжело видеть, как и заколоченные здания на станциях. И всё же поезд бежал в глушь зимы и Руси, и как ни говори — хорошо это было. С замиранием сердца дождался, пока проедем в таинственном мраке ночи по мостам через Большой и Малый Киржач и едва заметно проплывёт в гуще деревьев трагичный силуэт старинной водонапорной башни с главой, как у теремка, её не раз наверняка видел наяву, а перед тем утверждал на эскизе ещё сам Великолепный Саввушка; пока промелькают вершинки доныне дикого урочища при реках, а после появятся огоньки деревень на 140-м километре, приблизится Кипрево... И небо туманное, тёмное, с едва проглядывающей в разводах луной — дикое небо поплывёт, а после будет старый шлагбаум на кипревском переезде, деревянный домик вокзала, правда, обезображенный современной обделкой, ясно сверкнет зелёный глазок фонаря дежурного, сразу сокрытый мрачными громадами сугробов платформы, за которыми и строений почти не видно. Один путь ещё слева — и всё, дальше везде тьма, ничего не проглядывается, только едва различимые комья вдоль острых вершин сугробов, возникшие от работы снегоочистителя. Зимой Россия кажется древнее, погружённое в себя. Зимой она словно чище душой, стороннее... Плавно остановил и вскоре дальше мягко потянул тепловоз, повлёк в сплошную суровую тьму, глубокую лесную темноту, лучисто блеснула лишь яркая линза фонаря стрелочницы на посту, расположенном на выходе со станции, в самом лесу. Гулко погромыхивало под полом, не спеша бежал вагон. Между тем не успел я вздремнуть на умнице-подушке, как ватага вернулась, опять громко взывая к тишине и матерясь сильнее обычного. Больше всех старался главный заводила с лицом, напоминающим североамериканского индейца, африканца, туркмена и русского одновременно. Перед отправлением в Москве он подошел к каждому без исключения мужчине в вагоне, включая меня, пожал руку и сказал: «С праздником, мужики. С праздником». В пути он возглавил ватагу, и один фрагмент его речи поразил меня, возможно, он будет любопытен и вам: «Мужики, евреев не надо путать. Есть жида — их надо бить. А есть евреи — их надо уважать. Это умные и культурные люди», — на что собрание откликнулось полным согласием, хотя и не было раскрыто, в чем отличие жида от еврея. И вернулась в вагон компания не одна, а с опытной женщиной-бригадиром, которая сообщила, что они доигрались, «всё закрутилось», и в Гавпосаде (Гаврилов Посад. — *А.В.*) вызвана к поезду милиция. Тут же настала тишина, половина собрания исчезла неизвестно куда, другая опустилась в кресла и притворилась спящими. Но «туркмен» несколько не испугался. Он так понёс на бригадиршу, что я и не думал, что такое возможно: актёр, совершенный актёр! «Я скажу, — громко грозил он, — что это вы меня вывели из себя своим отношением, и оттого я немного утратил контроль над собой. Я выпил — не отрицаю, но я знаю, что не настолько пьян, чтобы показаться кому-то из властей нарушающим общественный порядок! Я не боюсь! Я приведу вас к прав-

де!» — произнес он с убедительностью Альфреда Пи Дулитла из известного фильма «Моя прекрасная леди», в котором играет несравненная Одри Хэпберн. И, надо сказать, столь нестандартное поведение «туркмена», лишённое и капли раскаяния, произвело впечатление на бригадира. Голос её затих. Милиции никакой и охраны в поезде не было. Прибыли в Гаврилов Посад, совершенно утонувший в высоких снегах и глуши ночи, в непроницаемой тьме и глухоте, почти без огней. Где ты, старый вокзал, близ которого, бывало, воду брали на паровозе из колонки и старине живой кругом радовались?... Сделали из тебя — ранее ласкового взгляду, с навесом резным, с узорами кружевом, со старинной мудрой приземистостью — какого-то пластмассового немого... Идиота такого, застывшего по стойке «смирно». И синяя доска на шестах — «Гаврилов Посад» — на что она... Всё потери считал, пока ехал. Ничего не осталось от дороги. И хотя знаю, что не мог, не мог я тогда сохранить старину её, когда убивали, а всё же никогда себе не прощу и останусь в этом невольным грешником — не вмешался всерьёз, другим был занят. Нужно было хотя бы попробовать. Впрочем — как, да и для кого?... Боже, Боже, как грустно, стыдно и тягостно... Между тем в Гавпосаде никто из представителей власти в вагон не зашёл. Тут, как сказано в песне Высоцкого — вообще началось, не опишешь в словах. С такой грозой в голосе, должно быть, переговаривались ратники князя Димитрия, завидев в густоте ковылей кривые сабли и пики, сжимая тяжелые ятаганы. Туркмен уже ревел, остальная компания, собравшаяся безотлагательно вновь, громко подпевала, опять сказали они о пользе евреев и вреде жидов. Тут уже никто не призывал сохранять в вагоне тишину: удаль, вековая жажда бури, горьковская приснопамятная мятежность дали о себе знать. Компания громко говорила сразу обо всем, туркмен перебивал, чувствуя себя законным лидером и победителем. Близилось между тем утро. Но они не угомонялись. Проснувшись на долгой стоянке в Иванове, я с удивлением услышал, что они всё ещё разговаривают! — причём даже при такой okazji приятен был их мягкий кинешемский говор. Выяснилось, что почти все, включая туркмена, женаты и имеют детей. Стали говорить о детях, о том, как они играют, общаются. У туркмена оказалась дочь восьми лет от другой женщины и сын пятнадцати лет от второй жены, с которой сейчас живут они, взяв к себе дочь от первого брака, неизвестно почему не оставшуюся с матерью. Потом один начал что-то рассказывать про автомобили, про мотор, но, к моему неприятному удивлению, на него громко шикнули и даже обругали: тема техники, таким образом, оказалась мало востребованной у современных российских мужчин, слушающих «попсу» и читающих любовные романы из киосков. Это огорчило меня. Ехали они до Кинешмы, и я, слезая в Ермолине, их разглядел: здоровые такие все как один, лучше сказать — крупные, с одинаковой дурашливостью и безликостью лиц, молодые, не старше сорока, какие-то и мощные, и жалкие, несуразные одновременно, но вообще-то неприятные. Все накоротко стриженные. И я подумал: сколько развёл наш век в людях своим телевизором, газетой и общим нравом *дурной силы* или, попросту, *дури* — не злобной, подлой или зверской, а именно *дурной* затеи, бессмысленно присутствующей во вред, а не на пользу человеку и окружающим, которые при этом совершенно готовы

для добра всей изначально созданной своей душой — вот хотя бы родившись на кинешемских берегах под храмами, колокольнями и вековыми липами. И даже эта крупность тел показалась не богатством, а чем-то жутковато-излишним, хотя, повторяю, ни одного явного подонка или разбойника там не было — скорее всего, ехали они из Москвы домой в Кинешму с заработков и развлекались в честь праздника так, как это сегодня принято у мужиков, искренне стараясь «не шуметь». *Дурная сила* эта — всеобщее заблуждение, дитя бездуховности, превратившейся в порок, но от констатации такого «заблуждения» не легче. И ведь утром, поди, им на работу, а не спали всю ночь — откуда сил (и другим не давали — впрочем, никто из прочих мужиков в вагоне, включая меня, замечаний не делал, да они и не трогали никого), бегали туда-сюда, пили без конца крепкое, хохотали, один раз чуть не подрались двое из компании посреди вагона, но их сразу замирили свои же, зашептали заговором каким-то; говорить им, понятно, не о чем... — всё это типическое, но какое-то тёмное, пустое. В народе русском сейчас накопилась огромная и ужасная по возможным последствиям отрицательная энергия *сорняка*, в который превращают народ наши власти. Это — естественный выход официально принятой за жизненное правило *бесстыжести*, рекламируемой на всех уровнях, и в первую очередь — властью и проклятыми СМИ. Бесстыжество — вот главный принцип жизни сегодняшнего дня. И не только в России — но и в мире, но говорить об этом больше не хочется.

Сошёл в Ермолине, почти, считай, не спавши. Проводница едва открыла обледеневшую дверь и с третьего топота подняла настил. Вышел — о, плывёт, стрижёт густой мороз. А Лена мне забыла положить подштанники, и сам я забыл положить их — теперь надумался: как дало по коленкам — побежал сразу в вокзал совать их в батарею. Поезду нашему мирно зажглись два зелёных огня, зовущих в покой тихой сторонней линии; он, как застенчивая птица, негромко свистнул голосом своего лакированного локомотива-лайнера и со скрипом поплыл. Левее на соседнем светофоре старательно мигал жёлтый огонь над жёлтым в сторону Ярославля приближавшемуся вслед грузовому из Иванова. Это был целый живописный этюд. Я никогда не устану поражаться цветописи нашей матушки-железки. В вокзале от вставления коленок в батарею и согрева ударил в глаза сон тяжёлым теплом, пришлось отгонять его стоянием на ногах. Собственно, прибыть в Ермолино имело одну цель — прийти на утреннюю молитву в церковь, которая находится не на станции, а в одноименном селе Ермолине, в пяти верстах, которая стала ныне Ермолинской Пустынью, а по пути «плакать и болеть о неземном»* — и земном, состоявшемся здесь со мною по несказанной Божьей милости на протяжении двадцати с лишним уже лет странствий в эти края. На улице тянул восточный ветер при минус двадцати. Грандиозные снега кругом неподвижно длились в ночи, как пологие тёмные хребты, чуть различались в ясной предрассветной черноте. Отогревшись как следует, я вышел наружу и двинулся по станции, желая сперва дойти до базы запаса паровозов и по дороге заодно оценить, сильно ли будет

* Строка из стихотворения М.Пробатова «Благословенный край».

угнетать морозом коленки без подштанников, дойду ли перегоню и затем автодорогой до села. Тропинки и междупутья, мне на радость, прочно схватило, и двигалось по ним легко, как по мягкому летелось. Однако и крепко холодом жгло, базу осмотрел — всё под горами снега, почти не разглядеть сами локомотивы, сплошь хмурые и заржавевшие, — и решил повернуть назад к вокзалу, уж больно студёно. Дошёл до развилки (там в Ермолине разветвление железной дороги на Кинешму и на Нерехту–Ярославль), по железнодорожной привычке обернулся в сторону перегона, переходя пути — и застыл: батюшки!!! Немного правее уходящей вдаль тусклой просеки линии, различившейся за сигналами в первом свете дня, на самом востоке уже кипело тёмной раскаленной кровью, грозный сгусток её вещающе разлился на нижнем крае неба, в стылой дали, куда вели вдохновенные рельсы и звали сигналы, в отвлеченной дикости простора, напряженно скованного холодом, — это был зимний рассвет моего детства, теперь мало увидишь таких. Я был так поражен этой и страшной, и прекрасной рубиновой каплей, воспалённой на небе среди ранних сумерек, что даже про холод забыл моментально. Я понял, что если уйду сейчас в вокзал, то потеряю этот Богом посланный вид, точнее — настроение, которое, быть может, останется чем-то вечно живительным для всей моей последующей жизни, ибо таких рассветов, раньше обычных зимами, по нынешним погодам бывает очень мало. А ведь в детстве — и вспомнилось мне это мгновенно, как какое-то внезапное пробуждение, поощренное ароматом морозного дыма в ноздрях, — только и были зимой по утрам вот такие раскаленные рассветы, такое тёмно-алое свечение сквозь блаженную тьму сумерек, такие матовые красные отсветы на вековых елях, представавших словно из каких-то счастливых сказок в мантии пльвших снегов и морозной невесомости за окном холодной электрички по пути в Александров или Тверь — ещё в *тех*, самых первых паровозных поездках, в ясные студёные утра тех юношеских декабррей и январей, взаправдашне диких, проникавших в самое естество и буквально вслух, музыкально звучавших немислимой гармонией пейзажа, как Первая симфония Чайковского. Они и волновали, и радовали, и манили, и воспитывали в патриотическом духе... Солнце, восход наливались над дорогой, как аккорд из тысячи тонов. И я решился двинуться перегоном, чтобы глядеть в пути на этот рассвет. Вначале крепко посверлило меня морозом, но, по молитве, как-то понемногу прошло, а может, на ходу я просто обвыкся к холоду. Ноги утратили было вес, но даже при отсутствии подштанников обошлось без изнуряющей ломоты. Да и мороз быстро слабел с приращением света в это предвесеннее время позднего февраля, когда солнце утром начинает сразу греть, а не просто яростно светить. В такой вот восход, навстречу ему шёл я совершенно один между рельсов кинешемской линии посреди широкой просеки дороги, громко болтая сам с собой в упоении происходящим, и старался как можно чётче запомнить эту тёмно-сапфировую огненную завязь на краю неба, рыжее сиянье и розовые пятна на снегу, мутно-белое пространство линии, наполняющееся светом и морозной пылью, отрешившееся от бытия из-за срубленной вдоль дороги бывшей тут ещё недавно прекраснейшей полосы вековых лесопосадок, которые предки наши, когда тянули дорогу на Кинешму, высадили для защиты

линии от метелей и одновременно для «оживления и благоприятства вида за окном для проезжающих», как гласили служебные циркуляры тех времён. Это была невероятной благодатности густая смесь из высоких и ярких елей, берёз и сосен... Одно время я хотел, чтобы здесь была моя могила, даже место приметил — напротив нечётного предупредительного светофора со стороны Кинешмы справа по ходу, но батюшка мой отговорил не без справедливой улыбки. Ныне-то стало не до благодатностей — теперь бессмысленная пустота на месте этих деревьев... Шёл себе, глядел на лисьи следы, на быстро бледнеющее, в безобидно розовых перьях волнистое небо, полого затуманенное облаками, и лишь на самом востоке ещё долго не гасившее в щели между краем облаков и землёй несказанную алую лампу, горевшую над миром, словно всевидящий огненный глаз, так и лежала там эта глядящая полоса. Как она смотрелась над открывшимся полем сквозь берёзовые кружева! Будто на прекраснейших акварелях кологривского художника Ладыжёнского. Единственная тропинка утонула на сходе с насыпи в сугробе выше человеческого роста, однако не пропала совсем и вскоре вытащила через верх выемки на шоссе, к деревне Пережогино, с которой поздоровался, словно со знакомой душой. Деревня спала под снежными лоскутами, как дитя. Тихонько тянулись с наклоном сиреневые струи дыма из пары труб. Одолевши подъём на откосе выемки по чьим-то глубоким следам, встал передохнуть и оглянулся ненадолго в сторону станции на сумеречную даль дороги, неживую пустоту бывшей поросли, прочёл сведёнными губами отходную молитву благословенным летам, дорогам и лесам, ушедшим в бесконечность...

437

А сказано ведь в Писании: «Не заботьтесь о том, что вам есть и пить и во что одеться. Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом». И далее: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф. 6, 25–34). Так оно и выходило в тот день — буквально по Писанию. Дорогой сумеречной пошёл я было, натянув на плечи, как школьник, поездочный свой ранец, еле затолкал в него в вагоне надувную подушку, решительно не желавшую сдуваться, помаленьку мёрз да болтал сам с собой, всхлипывая сведённым носом, о разном, бывшем и сущем в жизни. Окружающая просторная даль, вся в светло-сиреновом млеке, так была родна и мила, что не замечалось ни утомления, ни бессонницы, подстерегающей в глазах. Между тем мороз и ветер делали свое дело, прохлаждало основательно, несмотря на застёжку куртки до упора молнии и вязаную шапку чуть не на носу: «Пожалуй, хорошенько зазябну до Ермолина. Ладно, полтора километра осталось. Помоги, Господи». Не успело это подуматься, как сзади раздался гул машины. Напротив меня, идущего левой стороной, без голосования встала какая-то иномарка почтенного возраста и цвета. В окно высунулось сумрачное бородатое лицо, которое даже говорить ничего не стало, а только качнулось в сторону салона. Я было зажеманился, но лицо произнесло крепким голосом: «Садитесь, довезу до Ермолина». Ну, я, конечно, сперва «спасибо, спасибо, дойду потихоньку, осталось недалёко», а потом подумал да все-таки влез, памятуя о холоде и усталости. «Я вас до самой церкви довезу, там уже служба», — сказал водитель с лицом монастырского послушника, да он, как выяснилось, и был им.

«Интересно, откуда он тут знает на середине дороги, которая в Ермолине не кончается, а тянется до самого Фурманова, что я иду в ермолинскую церковь?» — подумал я мимолетно, ибо давно уже привык, что в таких случаях чудеса — обыденное явление. Успел спросить водителя на вздрагивающем пути: «Бабушка-то жива, которая у храма живёт в развалюшке?» — «Да, жива». — «А дед напротив ворот, которого вся родня бросила, один-то который, с простатитом?» — «Да так-то да... только спивается вообще-то он...» Остаток пути прошёл в молчании. Въехали в село, заметённое по окнам изб, укрытое покровом снегов, в котором глубоко утопала расчищенная дорога. Превосходные напластования наста, вспучивания ледяных глазурей, слоёные белые пироги и рулеты, невесомые светло-молочные козырьки, косынки и прочие щедро наметенные творения зимы прочно держались на крышах изб и кирпичной ограде храма, к которому подвёз меня водитель. Всё это представало в неясном цвете утра. Я заговорил о плате, но послушник только мотнул головой и тотчас отъехал, лишь я захлопнул дверь. Вот ворота и ограда передо мной. Ну, здравствуй... Слава Тебе, Господи. Храм живописен, чист, в полном порядке. Свежим жёлтым цветом окрашен, купола сверкают яркой позолотой, кровли крыты новым железом. В небо как родной влит. Ещё немного сумеречно было, монотонно по раннему свету, едино небо со снегом. Оглядевшись мимолётно на село и перспективу единственной улицы с куполами над братским корпусом, заспешил я в церковь, в полумрак её благодатной тесноты, и не пожалел, что подъехал, потому что буквально через несколько минут запели «Святой Боже», то есть удалось успеть на большую часть литургии. Каменные холодные полы восемнадцатого века не позволяли долго стоять на них, все бывшие на службе — несколько человек всего — подкладывали себе под обувь круглые деревенские половики. На клиросе пели трое монахов дивным, мягким, спокойно выдержанным трёхголосием такого блаженного тембра, чуть в нос, словно потусторонне, как бы юродиво немного. Оттенок древности был в этом пении и какая-то отрешённость, словно у воды в чистой полынье. Потому ли, что я давно стремился сюда, или из-за значимости и большой радости для меня вообще этих мест, но редко где так тепло бывало на литургии... По окончании её все начали расходиться, приветливо прощаясь возле свечного ящика, у близко глядящих икон тёмного иконостаса. Из алтаря вышли обширный добродушный батюшка с озорными глазами и с ним дьякон и певчие. Мне захотелось приобрести в иконной лавке диск о храме, но его, как сказала матушка, в футляре не оказалось, все закончились. Не успел я огорчиться, как мне сообщили, что не ведают, как найти диски, которые вообще-то есть, да неведомо где, но вот пошла машина на станцию к ленинградскому, там сейчас встретят другую матушку, которая заведует на лавке всем хозяйством, и она уж наверняка по приезде найдет диск, и что произойдет это минут через сорок. Между тем голод и усталость давали себя знать. Предстояло ещё идти назад до станции, а поесть тут в округе решительно негде, буфет на вокзале в Ермолине, где работала подруга старшего товарища моего, начальника базы запаса паровозов Юрия Павловича Мочалова, почтенная женщина по имени Тамара Николаевна, закрыт во время никому не нужного ремонта вокзала — нико-

му, кроме самих ремонтников во главе с неким «москвичом на чёрном джипе», как рассказывали местные. Неведомо когда будет ещё оказия до Иванова — иной раз ни одного грузового за день не пройдёт, пригородный только вечером, автобус уходит тоже в три часа, а попутки тут не так уж и часты. Не успело родиться всё это логическое построение, как подошедший прямо ко мне батюшка, служивший литургию, без обиняков заявил, что теперь самое время пойти мне в трапезную, покушать, а там, глядишь, подъедет матушка и всё поможет решить с диском. «Вы к нам с Иванова приехали?» «Нет, с Москвы». «А-а-а... ну, тогда тем более надо покушать». Матушка с иконной лавки, оказавшаяся впоследствии, по разговору, филологом из Петербурга, не задавая никаких вопросов, набросила меховой платок и проводила скрипучей прочной тропинкой в трапезную, в братский корпус недалеко от церкви, представлявший собою новую большую избу с куполом и крестом. Вела в трапезную деревянная лестница на второй этаж. Там я разделся и отправился на лавку за длинный стол с кастрюлями и половниками. Совсем простецкая на вид и запах пища, которой вначале я даже немного убоился — смогу ли с непривычки есть её, оказалась вопреки виду вкусной. К овсяной каше выдали впридачу варёное яичко да налили стакан густого деревенского брусничного киселя — вкуса замечательного, с сытным настоем, не как раньше были в столовых. Хлеба бери сколько хочешь, солонки общие — макай на здоровье. После чтения молитвы потрапезничали под образами, ибо без молитвы только едят, а не трапезничают. В согретом помещении по-зимнему дивно было — и тепло, и прохладно. За другим столом в ряд сидели послушники, все спокойные, крепкие, закопчённые зимним загаром, с бородами, в суровом рабочем, негромко переговаривались о предстоящем труде, кажется, о перестилании какой-то крыши. Лица их не были благостными или елейными, но на них отсутствовало то присущее выражение хронической обиды и проклятья, которое столько раз я видел на лицах рабочих на железной дороге и на заводах. Вошли убого сгорбленный и, видимо, с большой носоглоткой суровый старик-чернец, который часто с треском вдыхал воздух, и какой-то пожилой человек благообразного вида с короткой седой бородой. Вскоре он начал с матушкой непринужденный разговор о классической музыке, который матушка поддержала вполне профессионально, что выдавало её отнюдь не сельскую образованность, о чем она сама вскоре и сообщила. Как она попала сюда, интересно? Касались они в беседе даже сочинений Вагнера и Шопена, он всё пытался вспомнить мелодию «Вариаций на тему рококо» Чайковского (причём слово «рококо» он дивно произносил на мягкое ивановское «о»), и я не смог сразу из-за бессонницы вспомнить её и напеть. Кашу разливал тоже человек, больше похожий на преподавателя гуманитарного вуза, чем на прихожанку сельской обители. Во всяком случае, весь этот народ сильно отличался от того, который был в вагоне по пути сюда... После трапезы меня позвали в сени, куда вбежала прибывшая из Питера хозяйка церковной лавки с дорожной сумкой, тоже одетая как монашка, с необыкновенно опрятным моложавым лицом, явно радовавшаяся своему прибытию. Она хоть и устала с дороги, но сразу позвала меня пройти в храм за диском. Вышел вслед за ней на улицу, на восхищённый снег, и даже

рассмеялся: там уже всюду светило по-дневному золотое солнце, от него ещё радостней представала и без того ясная гармония всего места. Кругом стало совсем счастливо и пригоже, несмотря на ветхость домов и их изумительных резных наличников — отдельной области бывшего художественного чувства России, чудесного образа её. Ещё певучей стала вязь опадающих до самого снега березовых ветвей, необычайно гармоничная и стенам церкви, и снежной белизне, и отстраненной от всякого суетного бытия прихотливой оgrade с неприкаянно прилепившимися возле неё в рядок бесцветными сараями и домишками. За въездными воротами, недавно реставрированными, тянулось бесконечное полотно снегов с лесами, полями вдаль за околицей... Сверкал хрусталь ряби поверху порошей, жгли пылающие иероглифы торосов, отчётливо искрила крошками рощисть вдоль колеи широкой улицы, странными фигурами представляли богатырские закаменелые следы грузовиков и тракторов в сугробах. И всюду сияли, как живые, снежные улыбки, обещая что-то несказанно приветливое. Хорошо было в затворе этом оказаться, хоть ненадолго в спокойном и чистом. Да, всё здесь в затворе — от собственной страны, образа её теперешней жизни... И от «теплохладности», «стирания граней», каких-то «глобализмов» века сего, грядущих всему миру призраком некоей грозной тучи... Нет, здесь-то кажется — какое! Никакого зла в мире вовсе не бывает, что вы! Так здесь кажется... Прощёл опять под приземистую колокольню в храм. Диск там получил и, выйдя, по счастью вспомнил, что должен ещё спросить у настоятеля насчет своего двоюродного брата, страдающего недугом пьянства, — не может ли брат приехать сюда, в обитель, попытаться излечиться? Избушка отца настоятеля стоит тут же, у храма, у самой огады. Веселый лицом человек в ушанке преспокойно разгуливал по крыше и хрустко сбрасывал снег. Я спросил, дома ли настоятель и как зовут его. Он ответил и посоветовал посильнее стучаться. Войдя в сени, я долго не мог разобраться в темноте, куда постучать, дверей было несколько, но тут из-за силуэта одной из них раздалось негромко: «Заходите, заходите сюда». Я вошёл в тесную деревенскую кухоньку, придавленную к стенам печкой, с деревянными шкафчиками и столами, пожалуй, ещё довоенными, с образами в углу. Батюшка читал в очках на носу, я не хотел мешать ему лишними разговорами и сразу спросил по поводу брата. Батюшка сдержанно ответил, что от недуга пьянства вылечиться можно только собственным желанием, терпением и молитвой, и что работа при монастыре сама по себе помочь в этом не сможет. Что пытались они тут ютить и лечить тут пьющих, но не получилось — ни у кого из таких послушников не хватало терпения в молитве, да и скандалисты они те ещё, как правило. На этом я испросил благословения и, не смея утомлять батюшку, с раннего утра стоявшего в храме и вряд ли поевшего (священники тут в столовую ходят, как мне сказали, только к обеду, а в остальное время питаются сами), вышел на улицу, в дымное золото морозного света, чудом не угодив под большущий каскад павшего с крыши снежку, чему, впрочем, посмеялись мы от души с чистильщиком на пару. «Ну, приятель, — сказал я себе, — поели, попили, помолились, Христу поклонились, теперь нам пять верст до станции. Приведи сюда ещё, Господь! С Богом! Хоть бы поездочек какой был на Иваново, хоть

бы путевая машина какая...» Только сказал я это себе и натянул на спину ранец, изготовившись топтать бывшим «Екатерининским большаком» (выяснилось после из диска, что так называлась здешняя дорога, пролегавшая из Нерехты в Шую через знаменитое село Дунилово, — стала понятна и большая ширина улицы в Ермолине), лишь, перекрестившись, шагнул пару шагов, как увидал двигавшийся в конце улицы старый джип годов восьмидесятых и стал уверенно бежать за ним, хотя джип находился довольно далеко, и никакой надежды догнать его вообще-то не было. «Господи, помоги...» — пошептал, задыхаясь морозом. Надо ли говорить, что джип вдруг остановился. Я был уверен, что водитель заметил меня в зеркальце, но это оказалось не так: строгий взволнованный священник поглядел из-за руля, явно поразившись моему появлению, когда я постучал в стекло. Я спросил, не возьмет ли. «А куда Вам?» — «Да вообще-то в Иваново». — «А, туда возьму, залезайте». — «Только видите ли... кх... во сколько мне это обойдется?» (всё-таки тридцать пять километров до Иванова оттуда). — «Это не имеет никакого значения. Ничего не надо. Вы ведь молиться приезжали». (Откуда он знает?) Влез на заднее сиденье, расположив на коленях ранец, словно любимую домашнюю собаку. Из-за калитки ближней избы торопко вышел другой батюшка, помоложе, и быстро прыгнул на переднее сиденье. Обернувшись на меня, он внимательно взглянул и сказал как бы между прочим: «А, всё путешествуете»... Возможно, он меня и видел тут раньше, но я его точно никогда не видел и не помню. Слова его глубоко взволновали меня... Не знак ли они к чему-то?.. Я давно в таких поездках не удивляюсь никаким чудесам. «Поедем через место символическое, из-за которого началась Первая мировая война», — сказал батюшка-водитель, чему я опять совершенно не удивился, и мы двинулись. Оказывается, нужно было по пути в Иваново заехать в окрестное село Сараево, где и жил священник, разместившийся справа от водителя. Так сбылась моя давнишняя мечта — прокатиться по здешним окрестностям, куда не доберешься ничем, кроме такой вот оказии. Изрядно крутили и петляли дороги с яростными вспышками на ледышках колеи, полыхал веселый морозный перламутр, длилась довольная белизна. С большой радостью отметил даже в отдалённых деревнях дымы из некоторых труб. Ехали то по открытому месту, то красивым лесом, приветливым, как все леса в этих краях. В Сараеве тоже есть церковь, жёлтая, пригожая, стоит на самой середине дороги в перспективе деревенской улицы. Какой-то молодой парень, сильно дымя цигаркой, подошел к машине от дома, возле которого, как пароход на приколе, стоял трактор, подал руку священникам, что-то протянул им — видимо, передать кому-то в городе, и пошёл прочь. Остановились возле стародавнего вида избы, откуда вынесено было и погружено в машину рядом со мной на заднее сиденье: ружьё пневматическое без патронов, компьютер, монитор, клавиатура, провода. Бог уж знает, куда и зачем всё это везли. Дорóгой до Иванова толковали они между собой неслышно для меня, но как-то удивительно степенно и толково, не перебивая друг друга, по-видимому, с ясным пониманием обсуждаемых вещей и полным терпением и согласием, я бы сказал — разумно. Проехав «Екатерининским большаком» мимо Пережогина, потом через всё

тот же переезд неподалеку от места, где я хотел, чтобы была моя могилка (вот бывают же людские намерения!), а затем мимо летящих на отдалении в небесах церковей старинного села Ярлыково, добродушным еловым бором докатили до Кинешемского шоссе, и уже вскоре оказался я в городе у автобусной остановки, где благодарно простился с батюшками, категорически ещё раз отказавшимися даже от малой платы, да сразу и маршрутка подъехала и подвезла до автовокзала...

25–26 февраля 2011 г.

КОЛОМЕНСКАЯ ПРАВДА

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

СТАРЕЙШИНА КОЛОМЕНСКИХ ГАЗЕТ

«Коломенской правде» в этом году исполняется 95 лет. Немного газет в Московской области и даже, может быть, в России, которые ведут свою биографию из такого далёка. За эти годы несколько раз менялось название газеты. Первый номер вышел как «Известия Коломенского Совета», потом она называлась «Смычкой», затем «Коломенским рабочим»... Существование газеты всегда способствовало оживлению литературного движения.

Характерно, что с этой газетой сотрудничал Борис Пильняк. Накопленные тогда впечатления послужили материалом для «Голого года». Этот роман о жизни новейшей России произвёл впечатление взрыва.

Небывалый успех и международное признание, выпавшие на долю Пильняка, пробудили здоровое честолюбие в среде коломенских литераторов-любителей. В это время в городе издаётся литературное приложение к городской газете «Наковальня». Здесь публиковались произведения разных авторов, например, рассказы М.Проскунина, Н.Сидоренко, А.Мхова, А.Лешина, очерки Н.Керова о прошлом древнего города...

«Коломенская правда» — в нашем новом обществе очень серьёзное явление. Мы знаем, в сколь непростых условиях газете пришлось работать последние годы, как трудно было выдержать шквальный ветер новых экономических условий, каких сил стоило собрать авторский актив, чтобы газета не утратила своих лучших традиций, чувствовала пульс времени, знакомила читателя с жизнью нашего древнего города.

Мы от всей души желаем этому крепкому коллективу доброго здоровья, прежней творческой боевитости, целеустремлённости, успехов в нелёгком деле и веры, несмотря ни на что, в светлое будущее родного Отечества.

Коллектив редакции

Михаил Амосов

ЗАГАДКА КОЛОМЕНСКОГО НАДЧЕКАНА

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Михаил Анатольевич Амосов родился в 1968 году в Коломне. С детства мечтал не то чтобы о морях и кораллах, но как минимум хотел открыть человечеству новые миры. Его всегда увлекали тайны и загадки, притягивали мифы и легенды. Неодолимо хотелось стать их непосредственным героем, быть может, создать собственную легенду или развеять чужую.

Окончил политехнический техникум, учился в политехническом институте и работал на ЗТС. После перестройки довольно успешно занимался предпринимательством. В настоящее время работает в МУП «Спецавтохозяйство».

Однако за повседневностью жизни детские мечты не отпускали. Они обрели реальность, когда Михаил всерьёз увлёкся средневековой нумизматикой Коломны.

Научные изыскания Амосова опубликованы в местных СМИ и имеют поддержку серьёзных учёных и исследователей в области нумизматики.

Очерк

Как только эта монета попала мне в руки, я потерял покой. О чём бы я ни думал, мысли мои всё время возвращались к этому древнему артефакту. Была в нём какая-то загадка, которую мне очень хотелось разгадать. Я был уверен: символы, изображённые на монете, и есть ключ к пониманию политических событий более чем шестивековой давности. То были времена правления Дмитрия Донского — фигуры неоднозначной в древнерусской истории. Теперь главным было правильно прочитать текст, застывший на старинных деньгах, потёртых столетиями.

Монет было несколько, и интерес к ним возник неслучайно. Все они имели непосредственное отношение к моему родному городу Коломне, который во времена Дмитрия Донского играл не последнюю роль в политических и, разумеется, военных событиях четырнадцатого столетия. В кругу коллекционеров и историков монета получила название «коломенский надчекан». Коломна как крайне важная стратегическая точка довольно долгое время являлась камнем преткновения для Московского и Рязанского княжеств, как вожделенный приз переходя из рук в руки. Однако при каких обстоятельствах появилась здесь, на Коломенской земле, собственная монета, оставалось загадкой. Едва углубившись в исторические источники, я понял,

Коломенский надчекан «ранний»

Коломенский надчекан «поздний»

Коломенский надчекан на «пластине»

Коломенский надчекан — средневековая серебряная монета, имеющая арабскую легенду, с изображением клейма, внешне напоминающего слово «малик» («князь»)

что официальная версия появления на свет коломенского надчекана напрочь не устраивает.

Закончился полный событий четырнадцатый век. И в начале пятнадцатого литовский князь Свидригайло Ольгердович получает от московского князя «в кормление» Владимир — «стол земли Русской», Переяславль, Юрьев, Волок, Ржев и половину Коломны. Таким образом, по мнению научного сотрудника отдела нумизматики Государственного исторического музея В.В. Зайцева, литовский князь становился настолько значительной фигурой в этих местах, что мог начать чеканить собственную монету. Историки пишут о Свидригайло Ольгердовиче как о натуре неукротимой и неуёмной. Его жизнь была полна заговоров, интриг, мелких стычек и настоящих войн. Литовский князь не усидел в уделе, полученном от Василия I, и довольно быстро сбежал с этой почётной службы обратно в Великое княжество Литовское, чтобы вступить в борьбу за власть со своим главным политическим противником Великим князем литовским Витовтом. Так что, в общем-то, не собирался Свидригайло осесть на Русской земле настолько прочно и крепко, чтобы задумываться о чеканке своей монеты.

Между тем, чем больше я углублялся в изучение интересующего вопроса, тем ярче вырисовывалась совсем другая историческая картина, которая разворачивалась на фоне московско-рязанского противостояния. И коломенский надчекан, возможно, сыграл в его исходе определённую роль.

* * *

Коломна — юго-восточный форпост Московского княжества, имеющий огромное стратегическое значение, оказывается в самом центре конфронтации между Дмитрием Ивановичем Донским и Олегом Ивановичем Рязанским. Конфликт между князьями с новой силой разгорелся после захвата и сожжения Москвы ханом Тохтамышем в 1382 году. Олега Ивановича считают чуть ли не главным виновником произошедшего бедствия. Не забыли рязанскому князю и прошлые прегрешения: не было его войска и в битве на реке Воже в 1378 году, не появился Олег и на Куликовом поле в 1380 году. Его считали подлым предателем и коварным изменником. Летописцы негодуют и называют Олега «отступником», «советником дьявола», «душегубивым» и другими нелестными эпитетами.

Однако, с другой стороны, князь спасал свои земли от разорения. После разгрома на берегах Вожи Мамай спешит выместить свою ярость от поражения. И объектом для мести становится Рязанское княжество. Татары сожгли Дубок, Переяславль и другие города и сёла, пленили множество людей. Выжившим и не попавшим в полон пришлось заново строить жилища и налаживать быт, потому что не осталось ровным счётом ничего. Отчасти во избежание подобных бед Олег в 1382 году встречается с Тохтамышем за пределами своего княжества и, обещая всяческое содействие в борьбе с московским князем, уговаривает хана не трогать рязанские земли. Олег провёл татарское войско кратчайшим путём и помог переправиться через Оку, за что получил прозвище «путьводитель татар». Но он как никто другой знал силу алчности, жестокость и коварство врага. В летописях его поступок объясняется очень просто: «хотяше бо добра не нам, но своему княжению помогаше». Надо сказать, что ведь Москву Тохтамыш взял хитростью и благодаря пособничеству русских изменников, не только Олега Ивановича, но и князя Дмитрия Константиновича Новгородского, приближённого и советника Дмитрия Донского. Именно он и его сыновья пришли к воротам Москвы 27 августа 1382 года, якобы передать защитникам города грамоту от Дмитрия. Хан предлагал литовскому князю по имени Остей, вставшему во главе московского сопротивления (ведь Дмитрий Донской, спасаясь, покинул город), открыть ворота и вступить в переговоры, говорил о заключении мира с Москвой, обещал не предпринимать военных действий. Князь Московский Дмитрий приказывал прекратить сопротивление, так как он договорился с Тохтамышем о выплате дани и оставлении Москвы. Неведомо было Остею, что эту грамоту сочинил князь Новгородский, а печать, стоявшая на ней, украдена предателем у Дмитрия. На следующий день Остей с боярами и князьями вышел навстречу хану с подарками. Татары отрубили ему голову, а Москву разорили и сожгли, погубив при этом всех её жителей. Коварство этот кочевой народ во все времена считал высшим искусством. Обмануть противника, а не выиграть у него в честном бою считалось высшим шиком. С помощью обмана татары не раз брали русские города и выигрывали сражения. Так случилось и с Москвой.

Что же касается Рязанского княжества, то унижение и измена русскому оружию не спасли его от той же участи. На обратном пути войско

хана Тохтамыша всё-таки разорило и разграбило земли Олега. Но не предполагал князь, что это лишь начало расплаты за очередное предательство. Надо сказать, что рязанские князья всегда отличались жестокостью и коварством. Никто так часто не нарушал крестного целования, не перебегал с такой лёгкостью на сторону врага. Городское сословие Рязани было точной копией своих властителей — буйное и непокорное, но при этом всегда преданное им, за что каждый раз и расплачивалось. Тут же пришлось поплатиться за попытку Олега остаться в стороне дважды. Буквально через пару недель после разгрома Рязани Тохтамышем княжество терпит бедствие от войска Дмитрия Донского. Князь жестоко покарал рязанцев, нарушивших договор с Москвой. Судя по летописным описаниям тех событий, набег татар по сравнению с нападением московского войска был просто детской шалостью. Рязань лежала в руинах. Олег в силу своего характера не мог не отомстить за причинённые своему народу бедствия. И это неудивительно. Историки рисуют его патриархальной личностью, настоящим хозяином своих земель и заступником своего народа. «Любя пиры и военную славу, Олег не был из числа тех беспечных князей, которые большую часть правительственных забот предоставляли наместникам и слугам и давали им в обиду мирных жителей. Об этой деятельности как внутреннего устроителя и усердного защитника красноречивее всего говорят любовь и глубокое уважение своего князя, которые рязанское население сохранило в памяти до самого отдалённого потомства. В этом отношении он принадлежит к тем историческим личностям, которые отражают в себе характерные черты известной эпохи или известного народа, закрывая своей тенью и предшественников, и преемников... Весь период самостоятельного княжества для рязанцев сосредоточился в одном Олеге, более они не помнят ни одного князя. С этим именем связана бóльшая часть остатков старины, разбросанных по долине средней Оки, и бóльшая часть народных преданий... Бесспорно, полувековое княжение Олега было самым славным и самым счастливым сравнительно с предыдущими и последующими княжениями, несмотря на тяжкие бедствия, которые нередко посещали Рязанский край при его жизни. Народ заплатил ему за это любовью и преданностью»¹.

Мсть, как известно, блюдо, которое подают холодным. Олег готовился к ответному удару, равнозначному по силе своей тому, что нанёс его владениям Дмитрий Донской. Случай представился в 1385 году. Двадцать пятого марта Олег со своим войском «изгоном» берёт Коломну. Нападение было настолько неожиданным, что юго-восточный форпост Московского княжества был захвачен и разграблен рязанцами. В плен был взят московский наместник Александр Андреевич Остей, а вместе с ним многочисленные бояре и лучшие мужи Коломны. Добыча, доставшаяся воинам, была славной. Коломна уже тогда считалась одним из зажиточных городов Русской земли благодаря своим торговым связям. Олег остался доволен, князь удовлетворил своё самолюбие.

Для Дмитрия весть о взятии Коломны рязанским князем была более чем неожиданной. Он никак не ожидал такой прыти от соседа. И уж конечно не собирался спустить ему такого удара. Уже летом он собирает карательный поход против Рязани, во главе которого встаёт один из самых

удачливых полководцев своего времени Владимир Андреевич Серпуховской (Храбрый). Он был верным соратником и сподвижником своего двоюродного брата Дмитрия Донского; именно таким его запечатлела история, вот что пишет о нём Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского»: «Сей знаменитый внук Калитин жил недолго и преставился с доброю славою князя мужественного,

любившего пользу отечества более власти. Он первый отказался от древних прав семейственного старейшинства и был из князей российских первым дядею, служившим племяннику. Кратковременные ссоры его с Донским и Василием происходили не от желания присвоить себе великокняжеский сан, а только от смут боярских. Сия великодушная жертва возвысила в Владимире пред судилищем потомства достоинство героя, который счастливым ударом решил судьбу битвы Куликовской, а может быть России». Владимир Храбрый уверенно повёл объединённое войско на Рязань. Вместе с ним в походе участвовали Роман Новосильский, князья Тарусские, Михаил Андреевич Полоцкий, внук Ольгерда, к слову, погибший в той битве. Однако удача изменила князю. Под Перевитском он терпит сокрушительное поражение от рязанцев. Москва, мягко говоря, пребывает в недоумении. Откуда у Олега такие силы? Ведь совсем недавно Рязань была уничтожена сначала татарами, а следом и московским войском. Бесспорно, княжеская дружина в Рязани всегда была значительна, даже в мирное время, а уж во время междоусобиц — и подавно. Дружинники во все времена на Рязанской земле пользовались различными милостями и льготами от князей. Но как бы то ни было, силы Москвы всё равно в разы должны были превышать рязанское войско. И сразу после поражения под Перевитском Дмитрий Донской начинает искать мира с Олегом, что в такой ситуации кажется совершенно нелогичным. Князь Рязанский, в свою очередь, мира не приемлет и отвергает одно посольство за другим. Становится совершенно очевидно, что Олег не боится сил Москвы, ведёт себя крайне вызывающе, даже нахально. Между тем и Дмитрий Иванович не сдаётся. Московский князь обращается к преподобному Сергию Радонежскому. Несмотря на совсем не простые отношения со старцем в последние годы, он, пользуясь тем, что Святой крестит княжича Петра — сына Дмитрия Ивановича, — просит его отправиться к Олегу с посольством и уговорить того заключить вечный мир с Московским княжеством. Видимо, для Донского это была последняя надежда. Сергей Радонежский соглашается и в скором времени отправляется в рязанские земли. «По словам летописи, чудный старец долго беседовал с князем о пользе душевной, о мире и о люб-

ви. Его тихие и кроткие речи произвели такое впечатление на суровое сердце Олега, что он умилился душой, забыл свою вражду и заключил с Дмитрием вечный мир и любовь в род и род. С великой честью и славой после того воротился в Москву преподобный Сергей. С того времени Дмитрий и Олег, — замечает тот же летописец, — имели промеж себя великую любовь»².

* * *

Я сложил книги на столе в ровную стопку. Да, везде было одно и то же. И чем больше приходилось вчитываться в исторические труды, тем сильнее крепла в моей голове трактовка событий того 1385 года и возникновения коломенского надчекана. Всё же лежит на поверхности, и как я сразу не догадался. Вся эта междоусобная война князей разворачивалась вокруг Коломны. Желание обеих сторон завладеть городом понятно, особенно учитывая то, что изначально Коломна принадлежала рязанской ветви Рюриковичей. Олег добился своего, город на левобережье Оки вновь принадлежал Рязанскому княжеству. Исследователи отмечали очень важный факт: ни в одной из летописей нет ни слова об уничтожении или разрушении города. Хотя это было бы логично со стороны захватчиков. Но рязанцы этого не сделали. Наоборот, после захвата Коломны Олег оставляет здесь рязанскую администрацию с гарнизоном. Как раз в этот период, сразу после победы под Перевитском, Олег Иванович и начинает чеканить в Коломне свою монету с арабской легендой*, которую сегодня исследователи называют коломенским надчеканом.

Я был в этом уверен, ведь именно появление такой монеты объяснило бы столь странное для своего положения поведение Дмитрия Донского, которому не составляло большого труда собрать новое войско и проучить коварного и самоуверенного соседа. Лишь когда Дмитрий Иванович увидел собственными глазами арабский рисунок на монете рязанского князя, у него не осталось сомнений, кто его настоящий противник. Олегу помогает Тохтамыш. К тому же незадолго до похода на Коломну рязанский князь отправляется с посольством к хану, дабы заключить с ним мир и получить поддержку. Вот откуда и военная мощь, и граничащая с наглостью уверенность в себе, и поражение Москвы в битве под Перевитском. Без участия татар там не обошлось. Потом, Орде был невыгоден мир между Москвой и Рязанью, а их разобщённость — как раз на руку. Вот почему мирный договор видится Дмитрию единственным шансом уберечь Москву от еще большей беды. Тут уж не до мести и междоусобной возни. «Если мои рассуждения верны, то коломенский надчекан — одна из немногих денежных единиц удельного периода, происхождение которой можно отнести к точной дате — второй половине 1385 года», — думал я, рассматривая монету. В свете настольной лампы она блеснула арабским оттиском, будто подтверждая мою догадку. Однако в этом следовало ещё убедиться. Решение связаться с более сведущими в истории и нумизматике людьми пришло,

* *Legenda (лат.)* — букв. то, что должно быть прочитано, совокупность всех встречающихся на монете письменных знаков (слова, сокращения, отдельные буквы).

когда за окном уже светало. Новый день готовился открыть мне новые обстоятельства этой исторической загадки.

* * *

Помог его величество случай. В поисках новых источников по интересующему разделу нумизматики пришлось погрузиться в Мировую паутину. И на одном авторитетном сайте по средневековой нумизматике я познакомился с человеком, который обещал помочь и найти нужные материалы.

— Сергей, я прочитал всё, что ты советовал, но мне этого мало. Может быть, есть что-то ещё?

— А ты упорный! Слушай, давай я тебя сведу с одним моим знакомым, который плотно «сидит» на этой теме. Мне кажется, вам есть о чём поговорить.

— Да я только «за».

Сергей не заставил себя долго ждать. Буквально через несколько дней на дисплее мобильного высветилось его имя.

— Да, слушаю.

— Здравствуй, исследователь, — приветствовал Сергей. — Вот тут напротив меня сидит Иван, о котором я тебе рассказывал. Передаю трубочку.

— Здравствуйте, Михаил. Какой у вас возник интерес и чем я могу помочь?

— Иван, у меня есть одна мысль о возникновении коломенского надчекана, хочу с вами поделиться.

* * *

Моя версия была принята к рассмотрению и заинтересовала Ивана Волкова. Тема для него была не нова, и как профессионалу в вопросах нумизматики рассмотреть вопрос в свете новых обстоятельств было любопытно. К тому же учёному было что мне рассказать, подкинуть, так сказать, информацию к размышлению. Согласно его исследованиям, «коломенские надчеканы» имеют много штампов, меняли вес, о них существуют различные легенды, эволюционировала и технология чеканки, из чего следует, что данные монеты выпускали довольно продолжительное время. Эти неоспоримые факты крыть мне было нечем. «Ладно, мы пойдём другим путём», — подумал я и, взяв лист бумаги, начал выстраивать логическую цепочку из дат и событий.

* * *

Мир между Рязанью и Москвой 1386 года, получивший название «вечный», действительно стал таковым. Более между князьями не случилось ни одного столкновения, как, к слову, и между их потомками. Исследователи отмечают лишь крепкие «родственные и дружеские отношения, при помощи которых Рязанское княжество продлило своё политическое существование ещё на целое столетие с четвертью»³. Олег, следуя своему слову, так же как и Дмитрий, начинает платить дань Золотой Орде и даже отпускает к хану Родослава, одного из своих сыновей, в качестве заложника. Подобные действия были обычным делом в то время. И все оставшиеся шестнадцать лет своей жизни князь остаётся преданным интересам Руси.

В результате «мира вечного» Коломна вновь отходит во владения Дмитрия Донского. В обмен Рязань получает Тулу, некогда ей и принадлежащую. Отчасти это подтверждается в повторных договорах, заключённых между соседями после смерти Олега Ивановича. Эту же гипотезу выдвигает и историк А.Б. Мазуров. Но если так и произошло в действительности, значит, после взятия Коломны «изгоном» рязанский князь присоединил её к своим владениям, и город стал главным предметом торга между княжествами при заключении мира. Предполагают, что с конца марта 1385 года для защиты Коломны под её стенами стоял рязанский гарнизон. Судя по произошедшим в дальнейшем событиям, Дмитрий не хотел нанести урон городским фортификационным сооружениям, а направил войско во главе с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским к Перевитску, по-видимому, планируя перекрыть источники снабжения рязанского гарнизона и тем самым вынудив его сдать Коломну. Как известно, объединённое московское войско потерпело сокрушительное поражение. Возможно, в Москве недооценили военные силы Олега Ивановича. А возможно, Дмитрий был занят другим военным походом, на Новгород, произошедшим в 1386 году из-за отказа новгородцев выплатить «чёрный бор» московскому князю. «Чёрный бор», выплаты которого с Новгорода добивался московский князь, по подсчётам В.Л. Янина, собирался каждые семь-восемь лет как особая форма «выхода» в Орду, «по запросу». Отказ новгородцев платить «чёрный бор» задевал интересы не только Великого княжества Московского, но и других русских земель, которые вынуждены были бы в случае успеха новгородцев разверстать между собой их долю в ордынском «запросе». Так что, в отличие от «регионального» московско-рязанского конфликта, этот носил в известном смысле общерусский характер»⁴. Известно, что на Новгород Дмитрий Донской и Владимир Храбрый собрали огромные силы: «рати Московскаа, Коломенскаа, Звенигородчкаа, Можайскаа, Волочкаа, Ржавьскаа, Серпуховьскаа, Боровьскаа, Дмитровьскаа, Переяславьскаа, Володимерьскаа, Юрьевьскаа, Муромьскаа, Мещерьскаа, Стародубьскаа, Суздальскаа, Городецкаа, Нижняго Новагорода, Костромскаа, Угличскаа, Ростовьскаа, Ярославьскаа, Можайскаа, Моложескаа, Галичкаа, Бежичкаа, Белозерьскаа, Вологочкаа, Устижьскаа, Новоторжьскаа»⁵. Как видно, Московскому князю после поражения под Перевитском ничего не стоило собрать более мощное войско. Однако он этого не делает. Дмитрий ищет пути мирного урегулирования конфликта, и, как мы знаем, на-

РАННИЕ
РУССКИЕ МОНЕТЫ
ИЗ КОЛОМНЫ
И ОКРЕСТНОСТЕЙ

(II половина XIV – начало XV вв.)

451

ходит их, что, по меньшей мере, выглядит странно. Историки называют московско-рязанский конфликт лишь частью большой политической игры, в центре которой по стечению обстоятельств оказалась Коломна, цели же, преследуемые князьями, были гораздо выше.

* **

На этот раз мы встретились лично. Нам было что обсудить. К тому же, чем дальше я развивал свою версию возникновения надчекана, тем более жгучим становился интерес Ивана. Нам обоим было любопытно, куда же в итоге приведут наши изыскания. Ниточка явно была поймана, и казалось, что тайна коломенского надчекана в скором времени раскроется перед нами. Мальчишеский азарт будоражил кровь, и не терпелось обсудить всё детально.

— Ты всё-таки настаиваешь, что коломенский надчекан начал чеканить Олег? — в который раз спросил Иван.

— Да, все политические события, происходящие в то время вокруг Коломны, говорят об этом, — настаивал я.

— Давай на время отметём в сторону политику, это сегодня деньги и политика — понятия неразделимые, хотя, думаю, и тогда они были, конечно, взаимосвязаны, — сказал Иван. — Давай сначала рассмотрим ситуацию с позиций чистой экономики.

— Хорошо, согласен. Но ты всё-таки настаиваешь, что монету начал чеканить Донской. Что же, в первую очередь, говорит в пользу твоей версии?

— Смотри, Московскому княжеству так или иначе, но нужно поддерживать товарно-денежные отношения с соседями, то есть с Рязанью, и оно это делает. Коломенский надчекан имеет московскую «стопу»*, просто чеканят его не в центре, а в Коломне, которая ближе к Рязани, да и Великий князь Дмитрий здесь часто бывает.

— Но есть существенное противоречие твоему утверждению, — возразил я. — В Москве не было надчеканов, ни одного не найдено до сих пор! И в Рязани коломенских надчеканов не находят.

— Я полагаю, что коломенский надчекан — это подражание Москвы Рязани, — высказал свою мысль Иван.

— То есть?

— Возможно, вовсе не Московское княжество начало первым чеканить монеты, а как раз Рязанское. Князь Олег Иванович начал надчеканивать ордынские дирхемы, а, как ты знаешь, в Москве деньги изначально чеканили двусторонними и на пластинах, поэтому коломенский надчекан и стал подражанием Рязани и является одной из самых первых монет Московского княжества. Подражанием — с точки зрения технологии, конечно!

Я на минуту задумался.

— Ты ведь знаешь о надчекане, напоминающем букву «Д»?

— Конечно, — ответил Иван. — Их известно три вида, и один из них почти наверняка коломенский.

— Тогда скажи мне, на чём сделаны эти надчеканы?

— На дирхемах.

— А известен тебе хоть один надчекан «Д» на подражании?

— Нет. Кажется, их чеканили только на дирхемах. — Теперь настала очередь Ивана задуматься.

— Как ты думаешь, что могла в Коломне означать надчеканка с буквой «Д» и московской стопой весом один грамм во время правления князя Дмитрия? — продолжал я.

— Ты и сам понимаешь, что вывод здесь очевиден: чеканил её Донской.

— Я полагаю, что эту монету начали чеканить в Коломне — домене Великого князя, когда Дмитрий Иванович получил ярлык на великое княжение, или, возможно, после его первых военных побед.

Последовала продолжительная пауза. И мне стало понятно, что Иван задумался и всерьёз колеблется.

— Мне кажется, что появление надчеканки с буквой «Д» — этакая осторожная попытка Москвы заявить о своей независимости, чеканить свою монету, ведь, по сути, она анонимная, и рязанский князь задумывается о выпуске собственной деньги. В таком случае получается, что Москва была первой, а Рязань стала ей подражать. И потом, после сожжения Москвы в 1382 году и посольства Дмитрия к Тохтамышу

* Монетная стопа — вес монеты, установленный официально в том или ином государственном образовании (княжестве, городе, уделе и т.д.).

Московское княжество начинает выпускать полноценную монету с двусторонней легендой: с одной стороны — Великого князя Московского, с другой — легендой Тохтамыша. Если они начали делать такие монеты после 1382 года, а Рязань продолжала выпускать надчеканы, зачем Москве вновь возвращаться к выпуску анонимных денег в 1385–1386 годах в виде коломенского надчекана? При всём этом на московской монете сторона с легендой Тохтамыша написана без ошибок, а на коломенском надчекане в «слове» «малик» допущены искажения или ошибки! А о чём это говорит? О том, что Дмитрий не имеет к монете никакого отношения, это Олег Иванович, начав в Коломне её чеканку, прозрачно намекает Московскому князю: за моей спиной сам хан Золотой Орды.

— Логика присутствует, — соглашается Иван.

— Опять же, сын Донского, Василий Дмитриевич, после смерти отца перестаёт чеканить его деньги, выпускает свою, но вот парадокс — продолжает чеканку коломенского надчекана! Также известны экземпляры надчекана времён Василия на монетах Донского. Причём также с ошибками в «слове» «малик». Он не перестаёт выпускать монету и после того, как Тохтамыш был лишён престола Тамерланом, и лишь после смерти Олега Ивановича коломенский надчекан прекращает своё существование! Мне кажется очевидным, что это неспроста. Что-то связывало монету и этих троих правителей! — заключил я.

— Возможно, так и было, но ты опять приплетаешь сюда политику! — возразил Иван. — Я же считаю, что политические события здесь ни при чём. Но не могу не согласиться с логикой некоторых твоих рассуждений!

— Всё-таки я посеял зерно сомнения?

— Должен признать, что да, — признался Иван. — Обе наши версии имеют право на жизнь. Остаётся надеяться, что в будущем вскроются новые обстоятельства, которые подтвердят одну из них. Да-а, всё это занимательно, но иметь бы неоспоримые факты!

— Один у нас есть, — возвращаясь к насущному вопросу, подметил я. — Коломенский надчекан точно появился в Коломне или во второй половине 1385-го, или в 1386 году, после заключения мира.

— Да, эта монета, если ты всё-таки прав, поможет историкам восстановить и объяснить события, произошедшие в то время между княжествами.

Мы проговорили ещё несколько часов и расстались довольные друг другом, несмотря на то что точки зрения у нас так и остались диаметрально противоположными. Проезжая мимо памятника Дмитрию Донскому, открытого в Коломне несколько лет назад, я притормозил, посмотрел в гордое лицо князя и уже через несколько минут, развернув машину, мчался в противоположную сторону, к знаменитой реке Воже, во владения другого правителя, чтобы заглянуть и в его лицо.

* * *

Деньги — великая сила во все времена, символ власти и могущества. Монета, чеканившаяся в Коломне в конце четырнадцатого — начале пятнадцатого веков, обладавшая арабской легендой, стала своеобразным «охранным знаком» города. Все, кто видел её, без слов понимали: Коломне покровительствует Золотая Орда. Покровительство это естественным

образом распространялось и на князя, чеканившего монету. С тех пор в денежных отношениях мало что изменилось, суть осталась прежней. «Да, князья, закрутили вы историю, потомки до сих пор разобраться не могут», — так я думал, направляясь в сторону Рязани.

Углубляясь в дебри истории, узнавая всё новые и новые аспекты тех событий, я с трудом мог оценивать великих правителей привычным со школьной скамьи образом. Какими же они были на самом деле?

Дмитрий Иванович Донской. Внук мудрого и хитрого Ивана Калиты, собиратель русских земель вокруг Москвы, первый из московских князей, открыто поднявший оружие против монголо-татарских завоевателей; победитель в битве на реке Воже и в знаменательном для Руси сражении на Куликовом поле. Именно при нём Москва заняла руководящее положение в русских землях, был построен первый каменный Кремль, появилось огнестрельное оружие, артиллерия, проявившая себя при обороне Москвы в 1382 году. Всё это мы знаем со школы. Насколько однозначна такая характеристика? Это вопрос.

Дмитрия Ивановича окружали достойные советники: князья Дмитрий Волынский Боброков, Владимир Андреевич Серпуховской, Фёдор Тарусский, Иван Белозёрский, сподвижник и ближайший друг Дмитрия московский боярин Михаил Бренко. Они крепко держат в своих руках Московское государство. Все вместе они одержали победу над татарами на реке Воже — первую победу над кочевниками. Кстати, князь Дмитрий в той битве шёл во главе центрального войска. В том сражении не уцелел ни один высший татарский военачальник; потери русского войска, по-видимому, были минимальны — летописи говорят лишь о трёх сотнях убитых. Всем вместе им удалось расколоть Литву, одного из самых опасных противников Московского княжества, и захватить часть литовских земель. И вот настал 1380 год — год великой битвы на Куликовом поле. И снова Дмитрий Иванович в центре военного действия — в передовом полку, которому было суждено героически погибнуть, но не сдвинуться с места, удержать линию фронта. Князь Московский остался жив, его нашли после битвы среди погибших и раненых воинов и привели в чувство. К сожалению, не всем так повезло, как ему. Сложили головы на Куликовом поле почти все его приближённые советники, кроме князей Волынского Боброкова и Серпуховского, в битве полегло больше половины русских князей.

После Куликовской битвы вокруг Дмитрия Донского собрался новый совет. В него вошли князья Дмитрий Константинович Новгородский, Дмитрий Суздальский, Михаил Тверской. К сожалению, как свидетельствует история, их мало заботила судьба государства, всё больше они пеклись о собственной выгоде и наживе. Оставшийся в живых князь Владимир Серпуховской, во всём преданный Дмитрию, был блестящим полководцем, но, увы, мало понимал в политике. Князь Дмитрий Волынский Боброков был назначен воеводой в Ржев и таким образом удалён от дел Московского княжества.

Как известно, спустя два года, в 1382 году, союзник Дмитрия Донского на Куликовом поле, а теперь главный враг — хан Тохтамыш — выдвинул своё войско на Москву. Однако Московское княжество было не готово к такому развитию событий. Советники Великого князя убеждают

его покинуть столицу и собирать войско в Костроме, чтобы выиграть время: ведь о вторжении татарских полчищ в Москве узнали, когда они вступили в Рязанское княжество. Донской идёт у них на поводу и уезжает из столицы вместе с семьёй. Вот что пишет Н.М. Карамзин по этому поводу: «Наконец советники Дмитриевы только спорили о лучших мерах о спасении отечества, и Великий князь, потеряв бодрость духа, вздумал, что лучше обороняться в крепостях, нежели искать гибели в поле». Важно то, что сама Москва на тот момент являлась наилучшей крепостью, недаром звалась Белокаменной. Так описывают московский Кремль историки: «С зимы 1367 года многочисленные мастера с Русского Севера, в основном новгородцы и псковичи, начали возводить вокруг города из обтёсанных известковых глыб невиданную крепость с толстыми и высокими стенами и выступающими вперёд девятью башнями. Иные из них были проезжие — с окованными в железо воротами. В три неприступных линии, без малого в два километра длиною, встал новый Кремль и надёжно оградил Москву от неприятеля. Поверх стен и стрельниц были устроены боевые площадки, с которых в случае вражьего приступа сподручно было вести прицельный огонь и держать оборону».

Итоги похода на Москву известны. Несмотря ни на что, город не сдался татарам, достойно держал оборону и выдержал бы её. Это, очевидно, понимал и хан Тохтамыш, поэтому и пошёл на хитрость. В итоге Москва была сожжена, а её защитники погибли.

Что же Великий князь? После сожжения столицы Московского княжества он не спешил туда возвращаться. Народ же неоднозначно относился к поведению князя. В летописях описан случай: когда Дмитрий Иванович со своей семьёй и дружиной проезжал через Муром, жители встретили его с презрением и отказали князю в пристанище.

Умер Дмитрий Донской в 1389 году. Современники запомнили его как человека с непростым характером: отвага его соседствовала с нерешительностью, храбрость — с готовностью отступать и подчиняться, ум — с бестактностью, прямотушие — с коварством. Образованностью князь не отличался, но был славен благочестием, незлобивостью и целомудрием «духовным».

Олег Иванович Рязанский встал во главе Рязанского княжества в 1350 году и княжил полвека. В Ермолинской, Львовской и Воскресенской летописях князь изображён человеком робким, малодушным, слабым, приходящим ото всего в трепет, велеречивым, преждевременно созревшим в пороках, жестокосердным. С другой стороны, только мудрый, энергичный и хитрый правитель мог удерживать власть на протяжении пятидесяти лет и стать любимцем народа. Рязанцы были преданы ему и во время славных побед, и в трудные периоды поражений.

Как подлого предателя представляют рязанского князя московские летописцы. При этом нельзя забывать о той вражде, которая царила между княжествами. Вот что пишет на этот счёт Д.И. Иловайский: «Восемь лет он (Олег Иванович) был верным союзником Дмитрия — и какие результаты? Четыре раза татары большими массами приходили опустошать Рязанскую землю; собственными силами рязанцы не могли защитить себя от подобных нашествий, всегда более или менее неожиданных, а москвитяне подавали помощь слишком поздно. Борьба Орды

с Москвой во всяком случае была невыгодна для рязанцев, потому что на их полях происходили кровавые встречи соперников; сама победа союзника влекла за собой только новые бедствия, как, например, Вожжинская битва, между тем как жители московских волостей спокойно предавались мирным занятиям, в уверенности, что дальше берегов Оки не ступят копыта татарских лошадей». Олег Иванович дорожил своим княжеством, любил своих подданных, хотел мира на своей земле, хотя бы относительного.

В 1390 году князь Рязанский был пострижен в монашество, но светских дел при этом не оставил и уже незадолго до смерти «посхимился и назвался Иоакимом». Умер князь в 1402 году и был погребён в Покровском храме Солотчинской обители. Знаменита кольчуга Олега Ивановича, которую обнаружили в его гробнице. Эту «железную рубашку» князь носил, не снимая, последние годы жизни в искупление своих грехов.

* * *

Добраться в Рязани до Соборной площади не составило труда. И вот передо мной на высоком пьедестале верхом на коне возвышался легендарный рязанский правитель. Рука с мечом была опущена, другая — держала шлем. Смелый воитель и хитрый политик спустя шестьсот лет стоял в центре родного и любимого княжества с покаянной головой. В чём он раскаивался? В чём ошибался? И ошибался ли? Наверное, сегодня это уже не имеет столь огромного значения. Удивляет одно, что и по прошествии шести веков для людей, живущих на рязанской земле, он остаётся героем своего времени.

456

МИХАИЛ АМОСОВ

* * *

Прошло полгода. Теория о возникновении коломенского надчекана и его роли в событиях конца четырнадцатого — начала пятнадцатого столетий обретала под собой всё более твёрдую почву. Я не терял времени и не оставлял работу над этим вопросом. От размышлений над ним меня оторвал телефонный звонок.

— Да, Иван. Привет.

— Здравствуй. Не отрываю от дел праведных?

— Нет, что ты! Всегда рад тебя слышать!

— Михаил, не знаю, в курсе ли ты, но Василий Васильевич Зайцев отказался от своей версии происхождения коломенского надчекана. Официально признал, что литовский князь Свидригайло Ольгердович не имеет к этому никакого отношения. Поздравляю тебя, друг мой.

В телефонной трубке воцарилось молчание. Иван было подумал, что связь прервалась, и уже хотел заново набрать знакомый номер, как ему ответил задумчивый голос собеседника:

— Вот что значит настоящий учёный! Для него главное — истина!

Это была половина победы. Ведь монеты родом с Коломенской земли хранили в себе не одну загадку.

P.S.

На этот раз мы встретились уже втроем напротив Большого театра, у памятника Карлу Марксу. И действительно, где же ещё можно было говорить о деньгах и товарно-денежных отношениях?

— Ну что, Василий Васильевич, вся наша история вам известна. Выто на чьей стороне? За Донского или за Олега? — спросил я.

— Михаил, твоя теория, бесспорно, интересна и имеет право на жизнь. Но версия Ивана мне кажется более правдоподобной. Думаю, что коломенский надчекан — монета Донского.

— Эх, неужели мне вас не переубедить?

— Найти бы нам сейчас клад с этими монетами, да такой, чтобы до 1389 года был. Уверен, что у нас и аргументы новые тогда появились бы, и ответы на все наши вопросы нашлись! — мечтательно произнёс Василий Васильевич.

Мы ещё долго говорили о коломенском надчекане, вновь и вновь перебирая факты и предположения, обсуждали политику князей, но, по сути, понимали, что Василий Васильевич прав: спор разрешит только наличие новых находок. Напоследок я поделился с друзьями услышанной недавно историей.

— А знаете, всё-таки чудные эти ребята — рязанцы! Вы знаете, что у них в городе памятник Ленину в девяностые сначала убрали, а потом, когда прошла весть, что новый губернатор коммунист, вновь поставили на прежнее место?

Мы дружно засмеялись. Такой новости, кажется, даже Карл Маркс готов был улыбнуться.

Примечания

¹ *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Коломна и Коломенская земля: история и культура: Сб. статей / Сост. А.Г. Мельник, С.В. Сазонов. Коломна: Лига, 2009.

⁵ Там же.

*Благодарим издательский дом «Лига»
за помощь в оформлении материала.
Редколлегия*

БИБЛИОТЕЧКА «КОЛОМЕНСКОГО АЛЬМАНАХА»

В серии «Библиотечка “Коломенского альманаха”» представлены лучшие произведения прозаиков и поэтов, в которых созданы незабываемые образы нынешней Коломны и отражается многовековая культурная традиция древнего города.

**КОЛОМЕНСКИЙ
КНИГОЧЕЙ**

Татьяна Башкирова.
По обе стороны времён.
Стихи. 2004 год

Владислав Леонов.
Крылья для братца.
Повесть. 2005 год

Виктор Мельников.
От альфы до омеги.
Маленькие повести. 2006 год

Олег Кочетков.
Воля-волчица.
Стихи. 2007 год

Роман Славацкий.
Три храма.
Исторический очерк. 2008 год

Михаил Мещеряков.
Возможность творчества.
Стихи. 2009 год

Вадим Квашинин.
Русь за окном.
Стихи. 2009 год

Евгений Юшин.
Избяная заповедь.
Стихи. 2010 год

Екатерина Устинова.
Игры в декаданс.
Стихи. 2011 год

БЛАГОДАРИМ

Издание выходит при поддержке
главы городского округа Коломна **В.И. Шувалова**
и коломенских меценатов:

- Николая Тимофеевича ВОРОНИНА** —
генерального директора ООО ПКФ «ДОММ»;
- Руслана Николаевича ГУЩИНА** —
генерального директора ООО «ГРЭНДКОМ»;
- Николая Николаевича СИДЕЛЁВА** —
директора межрайонного автотранспортного
предприятия «Автоколонна 1417».
Филиал ГУП МО «Мострансавто»;
- Игоря Викторовича ЧИРКОВА** —
индивидуального предпринимателя;
- Валерия Семёновича КОССОВА** —
генерального директора ОАО «ВНИКТИ»;
- Сергея Сергеевича СЕРГЕЕВА** —
генерального директора ООО «ТЕХНО-АС»;
- Евгения Владимировича ЗАХАРЧЕНКО** —
генерального директора ООО «Теплогарант-
Плюс»;
- Юрия Михайловича УГОЛЕВА** —
генерального директора ООО «Экологическая
научно-производственная фирма “Новатор”»;
- Натальи Николаевны ДРАНЕЕВОЙ** —
заместителя председателя правления
Коломенской городской организации общества
«Знание»;

Сергея Анатольевича АСТАПОВА —

директора негосударственного образовательного учреждения дополнительного образования «Коломенский компьютерный центр»;

Ильи Георгиевича ЛЕБЕДЕВА —

директора ООО «ЛикЪ»;

Эдуарда Насибулловича ТУМЕРКИНА —

директора ООО «Ракурс»;

Игоря Валерьевича ШАХ-НАЗАРОВА —

директора ООО «Тираж»;

Сергея Анатольевича РЯЗАНОВА —

председателя Жуковской городской общественной организации «Союз предпринимателей».

Благотворительность — одно из неотъемлемых и важнейших условий существования цивилизованного человеческого общества.

*Валерий Шувалов,
глава городского округа Коломна*

Дыхание Истории особенно чувствуется в этом году! Таинственные покровы великих памятных дат золотым сиянием ложатся на венцы Коломенского кремля... Какой метой обозначить эти священные дни, какой монумент воздвигнуть, чтобы не изгладились они в книге нашей памяти? Самоцветное слово Коломны... Вот вечная примета, которая не истребится ни ржавчиной, ни временем!

И сохраняется это слово благодаря вам, наши друзья, наши благотворители! Слово не исчезает. Пройдут десятилетия, и в новый юбилейный год потомки откроют страницы альманаха и с благодарностью прочтут ваши имена.

Мир вам, добрые люди!

Храни вас Бог!

Центр дополнительного профессионального образования «ЗНАНИЕ-КОЛОМНА»

Лицензия серии А № 345246 рег.64427 от 30.03.2010 выдана Министерством образования МО

ПРИГЛАШАЕМ К ЗНАНИЯМ!

Профессиональная подготовка:

- Бухалтер со знанием 1С: Бухгалтерия
- Валютный кассир
- Сметчик
- Секретарь
- Инспектор отдела кадров
- Парикмахер
- Маникюрша
- Косметик
- Стилист-визажист
- Повар
- Экскурсовод
- Флористика
- Ландшафтный дизайн

Дополнительная профессиональная подготовка:

- 1С: Торговля и склад
- 1С: Зарплата. Кадры
- 1С: Бухгалтерия
- Пользователь ПК
- Основы графического дизайна (Corel Draw, Photoshop)
- Веб-дизайн, веб-программирование
- Охрана труда
- Экологическая безопасность
- Обращение с опасными отходами производства
- Курсы скорочтения и развития памяти
- Разговорный английский язык (5 уровней)
- Основы кройки и шитья
- Домашняя медсестра

Готовим учащихся 9 классов к государственной итоговой аттестации и учащихся 10-11 классов к ЕГЭ (единому государственному экзамену) по следующим предметам:

- Английский язык
- Алгебра
- Химия
- История
- Биология
- Русский язык
- Геометрия
- Литература
- Обществознание
- Физика

ВАШ КЛЮЧ К УСПЕХУ

По окончании обучения выдается документ установленного образца с присвоением квалификации

Телефоны: 610-07-98, 610-06-85

Адрес: уд. Октябрьской рев., д. 406, 1 этаж, каб. 108 (тр.ост. «МОСЭНЕРГО»)

Сайт: www.webkolomna.narod.ru, e-mail: znaniekolomna@mail.ru

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ

Центральный выставочный зал г. Коломны — крупнейший выставочный зал города, который удовлетворяет широкий диапазон эстетических вкусов, формируют новое представление о художественной жизни региона.

Выставочный зал ставит перед собой задачи: знакомство жителей города с современным искусством; формирование художественного сознания. Он активно сотрудничает как с известными, признанными художниками, так и с молодыми. Здесь же работает редакция литературно-художественного издания «Коломенский альманах».

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:

- **Организация, подготовка и проведение выставок произведений различных видов изобразительного искусства — живописи, графики, скульптуры, фотографии и других видов искусства**
- **Организация выставок-продаж предметов искусства, произведений местных авторов, народных промыслов**
- **Организация и проведение интерактивных программ, музыкальных, литературных вечеров, творческих встреч, семинаров, конференций, круглых столов и т.п.**
- **Организационно-техническое обеспечение городских проектов и программ**
- **Информационно-методическая деятельность**
- **Издательская деятельность**

Принимаются заявки на групповые экскурсии и интерактивные программы.

Приглашаем школы, организации, частных лиц для проведения культурно-досуговых мероприятий, семинаров, презентаций, круглых столов и конференций.

Тел. (496) 618-70-71

Адрес: пл. Советская, д. 8, ТЦ «Глобус», 3-й этаж.

E-mail: MKUOPCK@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
«КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.С. МЕЛЬНИКОВ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Р.В. СЛАВАЦКИЙ
А.А. САХАРОВ
В.В. УШАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А.П. Ауэр, **С.А. Астапов**, **Т.Ф. Башкирова** (редактор отдела поэзии),
Е.С. Гринин (главный художник), **А.М. Дудкин**, **С.В. Калабухин**,
Т.И. Кондратова (шеф-редактор гуманитарных проектов), **О.В. Кочетков**
(референт главного редактора), **В.В. Королёва** (художник), **А.И. Кузовкин**,
В.Н. Леонов, **С.И. Патрикеев**, **И.Е. Ракша** (шеф-редактор аналитических
проектов), **М.М. Сигал**, **Т.А. Форисенкова** (редактор-библиограф)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ РЕДАКЦИИ

Л.И. Бородин — писатель
В.Н. Ганичев — председатель Союза писателей России
В.Н. Крупин — писатель
С.Ю. Куняев — главный редактор журнала «Наш современник»
В.В. Личутин — писатель
А.Б. Мазуров — ректор Московского государственного
областного социально-гуманитарного
института
Н.В. Маркелова — председатель Комитета по культуре
городского округа Коломны
С.М. Харламов — народный художник России
Л.И. Хитяева — народная артистка СССР
В.И. Шувалов — глава городского округа Коломна
Е.Ю. Юшин — главный редактор журнала «Молодая гвардия»

В оформлении обложки использован фотоэтиюд Юрия Колесникова
Штриховой рисунок выполнен художником Евгением Грининым
На стр. 2 помещены награды альманаха — медаль имени И.И. Ильина
и медаль И.И. Лажечникова

Редактор **Н.Д. Моргунова**
Художники **Е.С. Гринин**, **В.В. Королёва**
Компьютерная вёрстка **М.Л. Красильникова**
Корректор **Г.А. Островская**

140402, Московская область, г. Коломна, ул. Калинина, д. 49. Тел. (8-496) 614-81-55;
e-mail: melnikov-vs@yandex.ru
Электронная версия альманаха: www.kolomna.biblio.narod.ru

Подписано в печать 27.03.2012. Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 37,41. Тираж 1000 экз. Заказ
Издательство журнала «Москва». 121918, Москва, ул. Арбат, 20.
Тел. (495) 691-83-91, 691-71-10. Факс (495) 691-07-32.
Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»
140400, Московская обл., г. Коломна, ул. Третьего Интернационала, д. 2а